

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 4

**Ростов-на-Дону
2024**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-71827
от 08 декабря 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т. В. , Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т. П. , доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); *Атанесян А. В.*, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); *Султонов З. С.*, канд. экон. наук, доц., Таджикский государственный университет коммерции (Таджикистан), *Кадол Н. Ф.*, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); *Ушаков Д. С.*, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; *Дзахова Л. Х.*, докт. полит. наук, проф.; *Дробышевская Л. Н.*, докт. экон. наук, проф.; *Змияк С. С.*, докт. экон. наук, доц.; *Золочевская Е. Ю.*, докт. экон. наук, проф.; *Кислицын С. А.*, докт. ист. наук, проф.; *Козлюк Н. В.*; докт. экон. наук, доц.; *Колядин А. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Крюкова Е. М.*, канд. экон. наук, доц.; *Миляева Л. Г.*, докт. экон. наук, проф.; *Овчаренко Р. К.*, докт. социол. наук, доц.; *Понеделков А. В.*, Заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; *Попова Е. А.*, докт. полит. наук, доц.; *Скворцов Н. Г.*, докт. социол. наук, проф.; *Сологуб В. А.*, докт. социол. наук, проф.; *Чернова О. А.*, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-279-41-62,

e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 4

**Rostov-on-Don
2024**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Certificate of registration of the mass media ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017
issued by Federal Service for Supervision of communications, information technologies
and mass media (Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief **Tatyana V. Ignatova,**
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief **Tatyana P. Cherkasova,**
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Zoirsho S. Sultonov**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Tajik State University of Commerce (Tajikistan); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Valeria A. Arsenieva**, Doctor of Economic Science, Docent; **Larisa Kh. Dzakhova**, Doctor of Political Science, Professor; **Larisa N. Drobyshevskaya**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey S. Zmiyak**, Doctor of Economic Science, Docent; **Elena Yu. Zolochevskaja**, Doctor of Economic Science, Professor; **Sergey A. Kislitsyn**, Doctor of Historic Science, Professor; **Natalya V. Kozlyuk**, Doctor of Economic Science, Docent; **Alexander P. Kolyadin A**, Doctor of Economic Science, Professor; **Elena M. Kryukova**, Candidat of Economic Science, Docent; **Larisa G. Milyaeva**, Doctor of Economic Science, Professor; **Roman K. Ovcharenko**, Doctor of Sociology, Docent; **Alexander V. Ponedelkov**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Ekaterina A. Popova**, Doctor of Political Science, Docent; **Nikolay G. Skvortsov**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Vladimir A. Sologub**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Olga A. Chernova**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-279-41-62.

E-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	9
<i>А. Л. Бардин.</i> «Умное управление» сквозь призму концепции ответственного городского развития	9
<i>Ю. В. Баталова.</i> Организационно-методическое обеспечение оценки инициативных проектов негосударственных некоммерческих организаций Фондом президентских грантов в России ...	17
<i>К. Ю. Боева, Е. И. Лазарева.</i> Идентификация и регулирование трендов развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы: мировой и отечественный опыт	28
<i>Ван Сяохань.</i> Создание системы индикаторов для оценки рисков китайско-российских межгосударственных проектов на основе нечеткого аналитического иерархического процесса	34
<i>О. Ю. Гончарова, К. Г. Чернушкова, М. А. Потешкина.</i> Российская система здравоохранения: современное состояние и возможные пути совершенствования	43
<i>И. Н. Горбова, В. В. Тарновский.</i> Особенности управления в рамках государственной культурной политики	51
<i>С. Н. Ильин, М. А. Овакимян.</i> Тенденции формирования компетенций бережливого управления в условиях корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих	59
<i>С. Э. Мартынова, Т. Б. Лаврова, С. А. Еварович, А. М. Колесников.</i> Мировые тренды организации и методологии профессионального развития государственных служащих	67
<i>М. В. Перова, Н. Д. Никоненко, Е. К. Головкина.</i> Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: технологические тренды	86
<i>Сью Лулу.</i> Управление глобальным энергетическим переходом в условиях углеродной нейтральности: стратегии, тенденции и меры	96
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	106
<i>Л. В. Зубова.</i> Мобилизационная экономика как ответ на современные вызовы в условиях изменяющейся военно-политической обстановки	106
<i>Инань Дун, Е. И. Лазарева.</i> Эколого-экономическая оценка качества окружающей среды территорий Китая на концептуальной базе совокупной экономической ценности природы	115
<i>А. В. Ипатова, Е. А. Стрельченко, М. Г. Васькина.</i> Тенденции развития российской экономики в условиях фрагментации мирового хозяйства	124
<i>Н. Ю. Лебедева, Е. С. Лобачева.</i> Экономические вызовы: как рост ключевой ставки ЦБ РФ меняет правила игры для бизнеса и граждан?	134
<i>Т. В. Мартыненко, Т. А. Черкашина, В. Д. Рыбалкина.</i> Политика импортозамещения в Ростовской области: основные направления и инструменты	144
<i>Л. И. Проняева, М. А. Сидоренко.</i> Состояние и тенденции развития производственного потенциала сельскохозяйственных организаций	152
<i>Т. Б. Турищева.</i> Особенности влияния внутреннего аудита на качество закупок в органах государственного управления	160
<i>Т. П. Черкасова, Е. Л. Черкасов.</i> Технологический суверенитет России в сфере АПК: современные вызовы и направления их преодоления	168

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	176
О. О. Антименко. К вопросу об опасности радикальных идеологических доктрин в условиях мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией	176
Д. А. Ленъков. Формирование партнерской модели гражданского общества современной России через призму конституционной нормы о необходимости государственной поддержки институтов гражданского общества	183
И. М. Поняев. Политический кризис 1993 года в России: итоги и уроки для современной политики	193
Е. О. Сони́на. Модернизация как политический курс: анализ основных концептуальных подходов и практики реализации	199
В. В. Стеценко. Ценностная трансформация российского общества в современных условиях: динамика, вызовы, перспективы развития	208
Е. И. Хубулури. Проблемы регулирования информационно-коммуникативных технологий в условиях кризиса мирового порядка	215
Шаньчуань Чжицзы. Гендерная политика Кыргызстана в контексте постсоветской трансформации: традиции, модернизация и вызовы	223
Е. Л. Шилкина. Векторы государственной политики в области национальной культуры в свете парадигмальных трансформаций	230
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	237
О. Ю. Ангел. Сущность социологического подхода к изучению и пониманию права: социологические методы	237
А. А. Бурашникова. Формирование коммуникативных навыков студенческой молодежи в цифровом пространстве	245
Е. П. Костенко. Трансформация HR-сферы в условиях дефицита кадров	261
Лю Цунин. Значение русского самосознания в развитии России	278
Е. А. Складорова. Наука и ценности ученого в контексте развития человеческого общества	285
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	291
А. П. Жукова, А. С. Семенова, Л. А. Сазонова. Разработка единого информационного портала «Наукограда РФ» для оперативной коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти	291
М. Л. М. Итуа. Основы административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго	300
В. Д. Черникова. Факторы устойчивого развития зернового рынка РФ и оценка их влияния на конкурентоспособность отечественных зернопроизводителей	309
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	317

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	9
<i>Andrei L. Bardin</i> . Smart governance through the prism of responsible urban development concept.....	9
<i>Yulia V. Batalova</i> . Organizational and methodological support for the evaluation of initiative projects of non-governmental non-profit organizations by the Presidential Grants Fund in Russia.....	17
<i>Ksenia Yu. Boeva, Elena I. Lazareva</i> . Identification and regulation of the macro-regional ecosystem' human resources potential development trends: global and national experience	28
<i>Wang Xiaohan</i> . Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on fuzzy analytic hierarchy process	34
<i>Olga Y. Goncharova, Karina G. Chernushkova, Maria A. Poteshkina</i> . The Russian healthcare system: current state and possible ways of improvement	43
<i>Irina N. Gorbova, Vladimir V. Tarnovsky</i> . Features of management within the framework of state cultural policy.....	51
<i>Sergey N. Ilyin, Mikhail A. Ovakimyan</i> . Trends in the formation of lean management competencies in the context of corporate training of state and municipal employees.....	59
<i>Svetlana E. Martynova, Tatyana B. Lavrova, Svetlana A. Evarovich, Aleksey M. Kolesnikov</i> . Global trends in the organization and methodology of professional development of civil servants	67
<i>Marina V. Perova, Natalia D. Nikonenko, Ekaterina K. Golovkina</i> . State information policy and the role of PR-services	86
<i>Xu Lulu</i> . Managing the global energy transition in a carbon neutral environment: strategies, trends and measures	96
PROBLEMS OF ECONOMICS	106
<i>Lyudmila V. Zubova</i> . Mobilization economy in the context of modern challenges and a changing military-political situation.....	106
<i>Yinan Dong, Elena I. Lazareva</i> . Ecological-economic assessment of Chinese territories' environmental quality on the nature's total economic value conceptual basis	115
<i>Anna V. Ipatova., Elena A. Strelchenko, Marina G.Vaskina</i> . Trends in the development of the Russian economy in the context of fragmentation of the global economy.....	124
<i>Natalia Yu. Lebedeva, Ekaterina S. Lobacheva</i> . Economic challenges: how does the increase in the key rate of the Central Bank of the Russian Federation change the rules of the game for businesses and citizens?.....	134
<i>Tatiana V. Martynenko, Tatiana A. Cherkashina, Valeria D. Rybalkina</i> . Import substitution policy in Rostov region: main directions and tools	144
<i>Lyudmila I. Pronyaeva, Maksim A. Sidorenko</i> . State and trends in the development of the production potential of agricultural organizations.....	152
<i>Tatyana B. Turishcheva</i> . Features of the impact of internal audit on the quality of procurement in public administration.....	160
<i>Tatiana P. Cherkasova, Evgeniy L. Cherkasov</i> . Technological sovereignty of Russia in the sphere of agriculture: modern challenges and directions for their overcoming	168
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	176
<i>Oleg O. Antimenko</i> . On the issue of the danger of radical ideological doctrines in the conditions of ideological confrontation between the "collective West" and Russia	176
<i>Dmitry A. Lenkov</i> . Formation of a partnership model of civil society in modern Russia through the prism of the constitutional norm on the need for state support for civil society institutions	183

Ivan M. Ponyaev. The 1993 political crisis in Russia: outcomes and lessons for contemporary politics.....	193
Ekaterina O. Sonina. Modernization as a political course: analysis of the main conceptual approaches and implementation practices	199
Vladimir V. Stetsenko. Value transformation of Russian society in modern conditions: dynamics, challenges, development prospects.....	208
Ekaterina I. Hubuluri. Problems of regulation of information and communication technologies in the context of the crisis of the world order.....	215
Shanchuan Zhizi. Gender policy in Kyrgyzstan in the context of post-soviet transformation: traditions, modernization and challenges	223
Elena L. Shilkina. Public policy vectors in the field of national culture in light of paradigm transformations	230
SOCIOLOGY PROBLEMS	237
Olga Yu. Angel. The essence of the sociological approach to the study and understanding of law: sociological methods	237
Anna A. Burashnikova. Formation of communication skills of students in the digital space	245
Elena P. Kostenko. Transformation of the HR sphere in the context of workforce shortages	261
Liu Congying. The importance of Russian identity in the development of Russia	278
Elena A. Sklyarova. Science and values of a scientist in the context of human society development.....	285
YOUNG SCIENTISTS	291
Anna P. Zhukova, Anna S. Semenova, Lina A. Sazonova. Development of the unified information portal «Science Cities of the Russian Federation» for operational communication of federal, regional and local authorities	291
Mathurin Loic Morgan Itoua. Foundations of the administrative and territorial structure of public administration in the Republic of the Congo	300
Valeria D. Chernikova. Factors of sustainable development of the grain market of the Russian Federation and assessment of their impact on the competitiveness of domestic grain producers	309
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	317

«Умное управление» сквозь призму концепции ответственного городского развития

Андрей Леонидович Бардин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия,
andreybardin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9526-9763>

Аннотация. Цель статьи – формулирование авторского определения «умного управления» городским развитием в рамках концепции «ответственного развития», разрабатываемой научной школой ИМЭМО РАН. Приоритетами данной концепции являются использование нематериальных ресурсов развития, достижение сбалансированной модели роста, создание условий для диалога между субъектами развития.

Автор опирается на идентитарный и акторный подход, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса; используются методы контент-анализа, компаративный метод, метод глубинных интервью. Проанализирован научный дискурс в области умного управления, выделены три основных направления концептуализации понятия. Сформулированы главные характеристики (принципы) авторского видения умного управления в русле концепции ответственного развития: 1) опора управления на научное и экспертное междисциплинарное знание, а также на принципы доказательной государственной политики; 2) формирование понимания запроса и интересов различных субъектов развития, обеспечение корректной коммуникации и обратной связи; 3) формирование позитивной идентичности развития; 4) акцент на развитии человеческого потенциала и культуры инноваций на базе нематериальных ресурсов развития, таких как цифровые технологии. Используя данные принципы как базис для матрицы анализа управленческих практик, автор изучает кейс из управленческой практики – проект «Лидеры цифровой трансформации».

Цель анализа – выявить наличие либо отсутствие в проекте признаков умного управления, и, в случае их присутствия, определить главные факторы успешности проекта в данном контексте. Для этого были поставлены задачи по определению ключевых нарративов проекта, задающих рамку взаимодействия его участников, а также определению вовлеченных в проект субъектов развития, форматов их участия в проекте и моделей их взаимодействия. Исследование позволило заключить, что анализируемая управленческая практика соответствует ключевым характеристикам умного управления в целях ответственного развития, а главными факторами его успешности в контексте данной концепции являются формирование и системное развитие сообщества; конструирование пространства для неформального диалога и укрепления межличностных связей; обеспечение возможности для личного развития через участие в жизни города и его бизнес-экосистемы.

Ключевые слова: политика городского развития, ответственное развитие, умное управление, государственно-частные партнерства, нематериальные ресурсы развития, городская идентичность, человеческий капитал, городские сообщества, социальная консолидация

Для цитирования: Бардин А. Л. «Умное управление» сквозь призму концепции ответственного городского развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 9–16. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-9-16>. EDN ZTWKVM

Original article

Smart governance through the prism of responsible urban development concept

Andrei L. Bardin

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
andreybardin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9526-9763>

Abstract. The goal of this article is to develop an authorial definition of ‘smart governance’ of urban development within the framework of the concept of ‘responsible development’, developed by the IMEMO RAS scientific school. The priorities of this concept are the use of intangible development resources, achieving a balanced growth model, and creating conditions for dialogue between development actors. The author relies on the identity and actor approach, the theory of communicative action by J. Habermas; methods of content analysis, comparative method, and in-depth interviews are used. The scientific discourse in the field of smart governance has been analyzed, and three main directions of conceptualizing the concept have been identified. The main characteristics (principles) of the author’s vision of smart governance within the framework of the concept of responsible development are formulated: 1) reliance of governance on scientific and expert interdisciplinary knowledge, as well as on the principles of evidence-based public policy; 2) formation of an understanding of the requests and interests of various development actors, ensuring correct communication, dialogue, and feedback; 3) formation of a positive development identity; 4) focus on the development of human potential and innovation culture based on intangible development resources, such as digital technologies. Using these principles as a basis for a matrix of analysis of managerial practices, the author studies a case from managerial practice – the project “Leaders of Digital Transformation”. The purpose of the analysis is to identify the presence or absence of signs of smart governance in the project, and, if they are present, to determine the main factors of the project’s success in this context. To do this, tasks were set to identify the key narratives of the project, setting the framework for the interaction of its participants, as well as to identify the development actors involved in the project, the formats of their participation in the project, and models of their interaction. The study concluded that the analyzed managerial practice contains all the main characteristics of smart governance for the purposes of responsible development, and the main factors of its success in the context of this concept are the formation and development of a sustainable community, the construction of a space for informal dialogue and strengthening interpersonal ties, and providing opportunities for personal development through participation in the life of the city and its business ecosystem.

Keywords: urban development policy, responsible development, smart governance, private-public partnerships, non-material resources for development, urban identity, human capital, urban communities, social consolidation

For citation: Bardin A. L. Smart governance through the prism of responsible urban development concept. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):9-16. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-9-16>. EDN ZTWKVM

Введение

Одна из главных задач политики городского управления – бережливое использование (и, где возможно, – приумножение) существующих ресурсов развития, а также поиск новых ресурсов развития, разработка и применение управленческих практик, нацеленных на повышение качества жизни и рост социального благополучия. Это актуализирует задачу разработки таких подходов к городскому развитию, которые учитывали бы опыт политической практики и слабые места теоретических моделей и наборов метрик, в рамках которых осмысливается и оценивается развитие города.

С данной целью научной школой ИМЭМО РАН разрабатывается концепция «ответственного развития», акцентирующая внимание на нематериальных ресурсах развития и его гуманистических принципах. Одним из таких ресурсов общественного развития выступает *идентичность* – гражданская, а также городская. В основе политики ответственного развития лежит опора прежде всего на возобновляемые и нематериальные источники и ресурсы развития; диалог между субъектами

развития; особое внимание к нравственной составляющей принятия решений; рациональная оценка возможностей и ограничений роста; продвижение менее затратных моделей потребления [1].

Цель настоящей статьи – проанализировать ведущие подходы к модели умного управления, определить ключевые принципы умного управления в контексте концепции ответственного развития, и протестировать получившуюся модель на материале кейса из управленческой практики.

«Умное управление» в научном дискурсе

Человекоцентричные (*human-centric*) подходы преобладают в современном дискурсе о городском развитии – как научном, так и управленческом. Так было не всегда: в 1980-х годах приоритетом городского развития выступало создание компактных, удобных для жизни городов с развитой сетью общественного транспорта (повестка территориального планирования); в 1990-е годы – сбалансированный рост (гармоничное социально-экономическое развитие без ущерба для окружающей среды); в 2000-х годах – вопросы социального развития, охраны окружающей среды, построения цифрового города и города знаний. Только с 2010 г. в фокусе внимания оказывается человек, его интересы и потребности [2]. К аналогичному выводу приходят И.С. Семененко и Т.И. Хайнацкая по итогам анализа структуры широкого дискурсивного поля общественного развития: «Стержень дискурсивной повестки, явный или имплицитный – *развитие человека*, те вызовы и ресурсы, которые работают на поддержание (или размывание) человеческого потенциала и ориентированной на личностное и социальное развитие идентичности» [3].

Приоритеты концепций развития прошлых периодов релевантны и сегодня, однако запрос на «гуманистический поворот» актуализируется все сильнее, особенно в ситуации, когда бурное развитие технологий скорее закрепляет атомизацию общества, особенно в мегаполисах. Эрозия социальных связей, рост межличностного недоверия, «одностороннее сосуществование» (Ж. Бодрийяр), деградация практик соучастия, политический абсентеизм, – признаки опасной тенденции, которую нельзя игнорировать и которую не способны решить одни лишь технологии. Ричард Сеннетт пишет в этой связи, что «рост технологической сложности современного общества наряду с упрощением его социальных форм..., примитивизацией социальной структуры» [4, с. 73] привел к утверждению таких паттернов городского развития, при которых индивид стремится отгородиться от всего того, что он не способен контролировать и чего опасается, и высказывает опасение, что «пока в вопросах городского планирования стремление к достижению эффективности не будет объединено с новой, гуманистической концепцией использования города, в городах будут целенаправленно создаваться условия, способствующие добровольному отказу их жителей от участия в социальной жизни» [4, с. 74]. Такой управленческий паттерн, очевидно, нельзя назвать конструктивным – следовательно, требуется его корректировка.

Повышение цифровой сложности мегаполисов инвариантно: гиперконцентрация населения в городских агломерациях, судя по всему, будет только нарастать, а обеспечение качественного управления столь сложными (эмерджентными) системами невозможно без передовых технологий. В научной литературе такой подход часто концептуализируется как «умное управление», причем в рамках этой концепции можно выделить различные течения. Первое можно условно обозначить как *технологическое*: так, В.В. Дудихин и И.В. Шевцова определяют его как «управление, основанное на технологии искусственного интеллекта, с использованием больших данных»: по сути, речь идет о развитии умного города. Как пишут авторы, «определение ‘умное’ относится к информационным технологиям и показывает их переход от выполнения технических операций к интеллектуальному анализу данных и подбору эффективного управленческого решения» [5].

Представителями второго подхода, комплементарного *модели инновационного развития*, являются М. Бойкова, И. Ильина и М. Салазкин. Они полагают, что «развитие по ‘умной’ модели подразумевает постоянный процесс инновационных преобразований, касающихся всех уровней управления и аспектов жизни города... речь идет о внедрении принципиально новых управленческих систем и бизнес-моделей, которые взаимодействуют между собой и с обществом экстраординарными способами» [6].

Наконец, *социально ориентированный ракурс* представляют такие исследователи, как А.В. Тихонов и В.С. Богданов, которые приходят к близкому к нам выводу о том, что «настоящее ‘умное управление’ возникает в связи с социально ориентированными программами деятельности, обеспечивающими выявление конкретных проблем и их решения на основе применения знаний об объекте управления как субъекте, о функциях управления и, конечно же, при условии организации социальной обратной связи, где главным фигурантом становятся население и заинтересованные

группы» [7]. В этом определении для нашего исследования важна не только социальная ориентированность управления, но и необходимость *хорошего понимания* субъекта управления, а также реального (а не имитационного) *механизма обратной связи*.

В международном научном дискурсе об умном управлении особого интереса заслуживают работы, направленные на выявление его предпосылок и сущностных характеристик на базе опроса, с одной стороны, экспертов, а с другой стороны, практиков городского управления. К примеру, недавно опубликованное исследование коллектива авторов из Словакии и Чехии продемонстрировало различие в подходах этих групп: если для экспертов приоритетными выдвинулись такие принципы умного управления, как инновационность, интегрированность, ориентированность на человека, оптимизация процессов управления и опора на научное знание и прошлый опыт, то последний принцип практики поставили на первое место, а в числе других приоритетов выделили эффективность, и уже затем инновационность и т.д. [8, с. 181]. Авторы приходят к выводу, что умное управление – это форма управления, основанная на взаимодействии и взаимовлиянии (*interplay*) стейкхолдеров, организованных в различные структуры и сети, движимых и использующих информационные технологии и данные, которые влияют на дизайн управленческих практик, нацеленных на повышение качества жизни горожан, в зависимости от своего веса в процессе принятия решений [8, с. 184].

«Ответственное» городское развитие и «умное управление»

Реальные практики развития города, как правило, направлены на достижение конкретных социально-экономических показателей; ценность научных концепций в этом контексте в управленческой среде зачастую ставится под сомнение. В то же время отдельные концепции, такие как умный город, напротив, пользуются огромной популярностью. Это связано с тем, что они не только вторят мощной динамике и всепроникающему характеру цифровизации и позволяют повысить качество государственных услуг и сервисов, но и задают удобную систему координат для демонстрации результативности управления и его легко квантифицируемых показателей – например, рост количества пользователей электронных систем. При этом целый ряд менее удобных (или менее значимых) для городской администрации вопросов остается либо на периферии политики развития, либо незамеченным и не прорабатывается вовсе.

Настоящая статья, как и в целом, корпус работ по проблематике ответственного развития, направлены на привлечение внимания управленческого состава к такого рода вопросам с целью балансирования ценностей эффективности и гуманизма в политике развития, а также на поиск подходов и перспективных управленческих инструментов, которые позволили бы продвинуться в их решении на практике. «Ответственное развитие» здесь выступает нормативной моделью, системой ориентиров и приоритетов, которая акцентирует внимание на социальных рисках развития.

Переходя к авторскому пониманию «умного управления» в контексте концепции «ответственного развития», обозначим его ключевые характеристики. Во-первых, это *опора управления на научное и экспертное междисциплинарное знание, а также на принципы доказательной государственной политики*, главный из которых – критическая оценка результатов реализованных проектов и их учет на практике. Безусловно, следует избегать и диктата такого рода информации, замещения учета интересов горожан сухими умозаключениями, однако при несоблюдении данного принципа резко возрастает риск узурпации политики городского развития партикулярными интересами и принятия решений, ведущих к обострению городских конфликтов (таких как конфликты между застройщиками и местными жителями).

Во-вторых, для ответственного умного управления крайне важно сокращение «информационных разрывов», *формирование понимания запроса и интересов различных субъектов развития, обеспечение корректной коммуникации, диалога и обратной связи* между ними, включение таких субъектов в процессы управления, содействие конструктивным городским практикам – деятельности горожан по самоорганизации для решения задач городского развития.

В-третьих, в контексте обозначенных выше проблем социальной аномии и социальной дисфункции, особо значимым является развитие практик умного управления, нацеленных на его социальный аспект и способствующих *формированию позитивной идентичности развития* как основания эффективной политики развития, которое «определяется мотивацией вовлеченных граждан, связью их жизненного пути и будущего их детей (семьи) с перспективами развития сообщества, обеспеченностью возможностями для реализации личных жизненных устремлений» [3]. Для жителей города один из возможных механизмов формирования позитивной идентичности развития – это участие в проектах, позволяющих, во-первых, раскрыть свой собственный творческий потенциал,

и во-вторых, внести конкретный личный вклад в развитие своего города. Социологические исследования свидетельствуют о высокой значимости фактора идентичности как для самоощущения горожан, так и для успешного городского развития, и о необходимости «управленческих действий по расширению условий участия горожан в жизни города, которые не только вовлекают в управление развитием города, но и позволяют сформировать личностные истории, напрямую связанные с городом» [9, с. 155].

Наконец, в-четвертых, ответственное умное управление опирается на потенциал современных технологий, инновационные модели и практики, однако рассматривает их не только в контексте повышения эффективности тех или иных процессов, но и уделяет особое внимание возможностям их использования для *развития человеческого потенциала и культуры инноваций*.

Данные принципы не являются исчерпывающими, однако фиксируют важнейшие характеристики ответственного городского управления; полагаем их в первом приближении достаточными для формирования матрицы анализа конкретных управленческих практик.

Анализ кейса: проект «Лидеры цифровой трансформации»

Так как одной из главных характеристик ответственного умного управления является обеспечение корректной коммуникации, диалога и обратной связи между ключевыми субъектами развития, под которыми в случае города мы понимаем прежде всего горожан (городские сообщества), частный сектор, некоммерческий сектор и администрацию города, при анализе кейса мы опираемся на теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, т.е. такого действия, которое ориентировано на достижение взаимопонимания и согласия [10, с. 12]. Проанализируем проект Правительства Москвы, базирующийся на модели государственно-частного партнерства (ГЧП) – конкурс на соискание премии Мэра Москвы «Лидеры цифровой трансформации». Критерием отбора кейса выступил факт неоднократного международного признания данного проекта «лучшей практикой» в области ГЧП – в 2024 г. проект стал победителем международной премии Всемирного альянса инноваций, технологий и услуг (WITSA) в одноименной номинации, а ранее вошел в топ лучших мировых практик в области инновационного городского развития Международной премии Гуачнжоу за городские инновации¹. Цель анализа – выявить наличие либо отсутствие в проекте признаков умного управления, сформулированных автором в русле концепции ответственного развития. Задачи анализа – выявить основных акторов проекта (субъектов развития), форматы их участия в проекте и модели их взаимодействия. Были использованы методы контент-анализа и глубинного интервью с организаторами проекта.

Главной составляющей проекта «Лидеры цифровой трансформации» является ежегодный международный хакатон, нацеленный на разработку цифровых решений, базирующихся на технологиях искусственного интеллекта, больших данных и машинного обучения. Участники хакатона работают над решением актуальных задач, представленных департаментами Правительства Москвы, властями регионов России и корпорациями – партнерами (Сбер, Росатом, Северсталь и т.д.). Также партнерами проекта выступают ведущие университеты, такие как МФТИ. Для участия в хакатоне необходимо сформировать команду, разработать решение одной из задач и представить его жюри для прохождения технической экспертизы и, в случае ее прохождения – питч-сессии. Значительная часть этого процесса может протекать онлайн, однако ряд мероприятий требует обязательного офлайн-участия, что важно для укрепления социальных взаимосвязей. Среди других ключевых элементов проекта – образовательные модули для участников, а также программа поддержки команд, разработавших наиболее перспективные цифровые решения, в их совершенствовании, создании и развитии собственного стартапа.

Представляется, что одним из главных факторов успешности проекта являются усилия его организаторов в области формирования, консолидации и расширения «сообщества проекта», состоящего из его прошлых и текущих участников (*community management*). Для этого используются такие инструменты как *ивенты* – финал хакатона ежегодно проходит в формате двухдневного фестиваля, который содержит как деловую, так и праздничную составляющую; приглашение участников сообщества на специальные мероприятия; *работа с соцсетями* сообщества, поддержание долгосрочных контактов с его участниками и публикация вдохновляющих историй успеха (об успешной стажировке, трудоустройстве, создании стартапа и т.д.).

¹ Московский проект отметили международной премией в области инноваций // Официальный сайт Мэра Москвы. 08.10.2024. <https://www.mos.ru/news/item/144945073/>

Контент-анализ материалов проекта позволил выявить три его основополагающих нарратива для целевой аудитории: 1) *личное развитие как специалиста* («прокачай свои навыки», «получи первую стажировку или оффер в лучшие компании»; «выиграй денежный приз»); 2) *расширение социальных связей* («присоединись к уникальному международному ИТ-сообществу», «войди в инновационную экосистему для создания и развития своего стартапа»); 3) *вклад в развитие города и его бизнес-экосистемы* («реши актуальную задачу для развития города или бизнеса»)¹.

В результате глубоких интервью с организаторами проекта было установлено, что в его основу легли в том числе результаты кабинетных и полевых исследований, а также серии встреч с молодыми предпринимателями и ИТ-специалистами, которые проводились в формате «стартап-кафе» и круглых столов на базе Цифрового делового пространства в Москве. Участниками этих встреч были озвучены темы и направления, по которым они хотели бы получить поддержку со стороны города. Например, некоторые молодые ИТ-специалисты выразили намерение создать собственный стартап, но вместе с тем и опасение, что смогут найти якорного заказчика для своего решения. Также прозвучали опасения, что развитие собственного стартапа затруднительно без поддержки городских властей в тех случаях, когда продукт стартапа напрямую связан с интеграцией в уже существующие процессы экономики города. Главные из таких запросов были учтены при организации проекта.

Систематизируем данные о проекте на базе разработанной нами модели.

Таблица 1 – Анализ кейса на предмет соответствия характеристикам умного управления в целях ответственного развития

Table 1 – Case study based on principles of smart governance and responsible development

Характеристики умного управления в целях ответственного развития	Формат присутствия в управленческой практике	Вовлеченные акторы	Результат коммуникативного действия
<i>Опора на экспертное и научное знание, принципы доказательной государственной политики</i>	Кабинетные и полевые исследования	Сотрудники Правительства Москвы; ИТ-специалисты; сотрудники стартапов; университеты	Выявление «узких мест» инновационной экосистемы г. Москвы, их учет в организационном дизайне проекта
<i>Формирование понимания запроса субъектов развития, обеспечение диалога и обратной связи</i>	Консультации в формате круглого стола и «стартап-кафе»	Сотрудники Правительства Москвы; студенты ИТ-специальностей; ИТ-специалисты; студенческие сообщества	Детализация структуры запросов молодых представителей ИТ-сообщества, ее учет в организационном дизайне проекта
<i>Развитие человеческого потенциала и культуры инноваций</i>	Лекции; семинары; мастер-классы; митапы; Q&A-сессии; командная работа	Менторы; ИТ-специалисты; приглашенные эксперты; сотрудники университетов	Совершенствование ИТ- и организационных компетенций; разработка новых цифровых решений; рост карьерных возможностей и содействие трудоустройству
<i>Формирование позитивной идентичности развития</i>	Постановка задач для участников проекта, соответствующих актуальной повестке дня развития города и корпораций	Департаменты Правительства Москвы; корпорации –партнеры; ИТ-специалисты	Участие в разработке цифровых решений, способных улучшить жизнь горожан; формирование команд единомышленников, объединенных идеями развития цифровых технологий и собственного бизнеса

Источник: составлено автором.

¹ Лидеры цифровой трансформации. Официальный сайт. <https://i.moscow/lct>

Исследование показало, что проект отвечает всем четырем характеристикам умного управления в целях ответственного развития, и позволило выявить механизмы их реализации в рамках рассмотренного кейса. Представляется, что проект можно считать успешной практикой умного управления, поскольку он задействует потенциал цифровых технологий не только в целях приращения человеческого капитала, но и формирования позитивной идентичности развития, а также – что, на наш взгляд, особо значимо – *содействует социальной консолидации*. Неформальное общение участников проекта друг с другом и с отраслевыми экспертами обеспечило условия для формирования пространства для социализации, обмена опытом и информацией. В рамках такого рода пространств молодой специалист может не только научиться чему-то новому, но и найти единомышленников, с которыми в будущем может создать стартап. Также он может узнать больше о профессиональной среде, расширить сеть личных контактов, что повысит его психологический комфорт и социальный капитал, откроет новые возможности для реализации собственного творческого потенциала и креативных инициатив.

Заключение

Умное управление в целях ответственного развития – это форма управления, нацеленная на выстраивание результативного диалога между субъектами развития, социальную консолидацию и содействие конструктивным городским практикам, использующая потенциал современных технологий и идентичности как нематериальных ресурсов развития. Приоритетами такого управления выступают: 1) опора на научное и экспертное междисциплинарное знание, а также на принципы доказательной государственной политики; 2) формирование понимания запроса и интересов различных субъектов развития, обеспечение корректной коммуникации и обратной связи; 3) формирование позитивной идентичности развития; 4) акцент на развитии человеческого потенциала и культуры инноваций на базе нематериальных ресурсов развития, таких как цифровые технологии.

Анализ кейса из управленческой практики г. Москвы показал его соответствие данным приоритетам и позволил выявить основные факторы результативности, такие как формирование и системное развитие сообщества; конструирование пространства для неформального диалога и укрепления межличностных связей; обеспечение возможности для личного развития через участие в жизни города и его бизнес-экосистемы.

Список источников

1. Семененко И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 7–26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
2. Волошинская А. А. Эволюция зарубежных концепций городского развития: анализ основных тенденций // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 99–115.
3. Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 54–74. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.05>
4. Sennet R. The Uses of Disorder. Personal identity and city life. 2021. London, New York: Verso.
5. Дудихин В.В., Шевцова И.В. Умное управление – управление с использованием искусственного интеллекта. // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 49–65. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10078>
6. Бойкова М., Ильина И., Салазкин М. «Умная» модель развития как ответ на возникающие вызовы для городов // Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 65–75. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.3.65.75>
7. Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
8. Vitálišová K., Vaňová A., Vavrušová M., Turečková K., Nevima J. Principles of smart governance in cities // Administratie si Management Public. 2024. No. 42. P. 173–189. <https://doi.org/10.24818/amp/2024.42-11>
9. Костко Н. А., Печеркина И. Ф. Городская идентичность и восприятие города в управленческом дискурсе // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 136–161. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.7>
10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

References

1. Semenenko I. S. Horizons of responsible development: from discourse to governance. *Polis. Political Studies*. 2019; 3: 7-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
2. Voloshinskaya A.A. Urban concepts evolution: an analysis of the main trends. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. 2017; 63: 99-115. (In Russ.)
3. Semenenko I.S., Khaynatskaya T.I. Social and political development: out of conceptual mazes and into political agenda-setting. *Polis. Political Studies*. 2024; 6: 54-74. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.05>
4. Sennet R. *The Uses of Disorder. Personal identity and city life*. London, New York: Verso, 2021. 198 p.
5. Dudikhin V. V., Shevtsova I. V. Smart management using artificial intelligence. *Public Administration. E-journal (Russia)*. 2020; 81: 49-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10078>
6. Boykova M., Ilina I., & Salazkin M. The smart city approach as a response to emerging challenges for urban development. *Foresight and STI Governance*. 2016; 10(3): 65-75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.3.65.75>
7. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. From «Clever Regulation» to «Clever Management»: social problem of digitalization of feedbacks. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020; 1: 74-81. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
8. Vitálišová K., Vaňová A., Vavrúšová M., Turečková K., Nevima J. Principles of smart governance in cities. *Administratie si Management Public*. 2024; 42: 173-189. <https://doi.org/10.24818/amp/2024.42-11>
9. Kostko N.A., Pecherkina I.F. Urban identity and perception of the city in management discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024; 12(1):136-161. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.7>
10. Habermas J. *Moralbewusstsein und Kommunikatives Handeln*. (Russ. ed.: Habermas J. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie, 2001. St. Petersburg: Nauka).

Информация об авторе

А. Л. Бардин – кандидат политических наук, научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Information about the author

A. L. Bardin – Candidate of Political Science, researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; одобрена после рецензирования 31.10.2024; принята к публикации 01.11.2024.

The article was submitted 25.09.2024; approved after reviewing 31.10.2024; accepted for publication 01.11.2024.

Организационно-методическое обеспечение оценки инициативных проектов негосударственных некоммерческих организаций Фондом президентских грантов в России

Юлия Владимировна Баталова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, batalova-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

Аннотация. В статье исследовано организационно-методическое обеспечение конкурсов социальных проектов негосударственных некоммерческих организаций, которые организуются с 2017 г. самым масштабным грантодателем России – Фондом президентских грантов. Используются элементы современной методологии социального проектирования, методы анализа научной литературы, статистического анализа, включенного наблюдения.

Результаты исследования: определены и охарактеризованы «узкие места» методики экспертизы, мониторинга и оценки социальных проектов, представляемых на конкурс Фонда президентских грантов, в том числе: неучет при оценке проектных заявок аффилиации некоммерческой организации, уровня ее текущего финансирования; неточности и «слабые звенья» в понятийном аппарате социального проектирования; методологически неверное толкование категории «оценка влияния»; формальный, не соответствующий сущности мониторинга подход к его организации; отсутствие четких критериев отбора и механизма ротации экспертов фонда; непродуктивность используемого доказательного подхода к выявлению лучших социальных проектов; неравномерность организации распределения грантовых средств по регионам России.

Аргументировано, что выявленные организационно-методические недостатки оказывают негативное влияние на количественные и качественные характеристики социального проектирования негосударственных некоммерческих организаций при поддержке Фонда президентских грантов, порождая проблемы технологизации грантрайтинга, формализации отчетности по полученным грантам, способствуя росту диспропорций в распределении средств ФПГ между организациями и регионами, тиражированию проектов – «двойников».

Ключевые слова: негосударственные некоммерческие организации, оценка, социальные проекты, фонд президентских грантов, эффективность социальных проектов, оценка влияния, мониторинг

Для цитирования: Баталова Ю. В. Организационно-методическое обеспечение оценки инициативных проектов негосударственных некоммерческих организаций Фондом президентских грантов в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 17–27. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-17-27>. EDN FBFGHF

Organizational and methodological support for the evaluation of initiative projects of non-governmental non-profit organizations by the Presidential Grants Fund in Russia

Yulia V. Batalova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, batalova-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

Abstract. The article examines the organizational and methodological support for contests of social projects of non-governmental non-profit organizations, which have been organized since 2017 by Russia's largest grant-giver, the Presidential Grants Foundation. The elements of modern methodology of social design, methods of analysis of scientific literature, statistical analysis, included observation are used.

Research results: the "bottlenecks" of the methodology of expertise, monitoring and evaluation of social projects submitted to the Presidential Grants Fund competition are identified and characterized, including: failure to take into account the specifics of a non-profit organization, the level of its current financing when evaluating project applications; inaccuracies and "weak links" in the conceptual apparatus of social design; methodologically incorrect interpretation of the category "impact assessment"; a formal approach to its organization that does not correspond to the essence of monitoring; lack of clear selection criteria and a mechanism for rotating the fund's experts the unproductiveness of the evidence-based approach used to identify the best social projects; the uneven organization of the distribution of grant funds across the regions of Russia. It is argued that the identified organizational and methodological shortcomings have a negative impact on the quantitative and qualitative characteristics of social design of non-governmental non-profit organizations with the support of the Presidential Grants Fund, causing problems of technologization of grant writing, formalization of reporting on grants received, contributing to the growth of imbalances in the distribution of funds between organizations and regions, replication of «twin projects».

Keywords: non-governmental non-profit organizations, assessment, social projects, presidential grants fund, effectiveness of social projects, impact assessment, monitoring

For citation: Batalova Yu. V. Organizational and methodological support for the evaluation of initiative projects of non-governmental non-profit organizations by the Presidential Grants Fund in Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):17-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-17-27>. EDN FBFGHF

Введение (актуальность)

Проектирование является предпочитаемым форматом проявления негосударственными некоммерческими организациями (далее – ННКО) конструктивных инициатив и одновременно наиболее динамично развивающейся сферой стимулирования этих инициатив государством и частными благотворителями.

Наиболее крупным государственным агентом поддержки проектов ННКО в нашей стране является Фонд-оператор президентских грантов по развитию гражданского общества (далее: ФПГ), который с 2017 г. во всероссийском масштабе на конкурсной основе выделяет гранты Президента Российской Федерации на реализацию социально значимых проектов ННКО, способствует развитию третьего сектора, благотворительности, добровольчества¹.

¹ Цель Фонда президентских грантов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/>

Среди уставных целей ФПГ – не только поддержка проектов, но и повышение эффективности взаимодействия между ННКО и государством, расширение профессионально-экспертного потенциала, выявление и масштабирование успешных практик проектирования.

Учитывая изложенное, разработанная и корректируемая ФПГ методика и организация оценки проектных инициатив имеет огромное значение для стимулирования развития методологии, практики и культуры социального проектирования в современной России.

Цель и задачи

Целью исследования выступает оценка влияния организационно-методического обеспечения конкурсов проектов ННКО Фондом президентских грантов на количественный и качественный уровень социального проектирования в России.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать действующее организационное и методическое обеспечение конкурсов президентских грантов с позиции основ теории управления и социального проектирования, а также с учетом специфики статуса ФПГ в системе государственной поддержки ННКО;
2. Определить, каким образом и в какой мере выявленные недостатки и «узкие места» организационно-методического обеспечения ФПГ влияют на количество социальных проектов, а также качество их разработки, реализации и оценки экспертами ФПГ.

Методы исследования

В качестве методологии в данной статье использованы общепризнанные основы теории управления, разработки и реализации проектов, в том числе:

- 1) Понимание мониторинга как необходимого элемента системы контроля, состоящего в наблюдении за процессом достижения целей и задач проекта в ходе его реализации путем сопоставления фактических промежуточных результатов с запланированными; необходимость соблюдения принципов объективности мониторинга, его независимости от субъекта и объекта контроля [1];
- 2) Признание ограниченности доказательного подхода к выявлению лучших практик, в аспектах их формализации и масштабирования [2];
- 3) Понимание принципиального отличия сущности проектирования от деятельности по оказанию услуг. Проект направлен на достижение конкретных задач по качественному изменению состояния объекта в определенные сроки с ожидаемыми результатами, в то время как оказание услуг ориентировано преимущественно на постоянное совершенствование процесса их реализации;
- 4) Указание в числе обязательных критериев оценки проекта способности субъекта проектирования выбрать лучшую альтернативу из имеющихся, «гибко» управлять процессом и основными параметрами проекта в процессе его реализации;
- 5) Понимание сущности оценки влияния проекта как определения характера и степени долгосрочного (в трехлетней перспективе и далее) воздействия проекта на следующие параметры: состояние определенной в рамках проекта целевой группы (1); запланированные в рамках проекта цели и задачи (2), не охваченные проектом объекты, сферы и процессы (3); оценка влияния ориентирует социальный проект на стратегичность, вне зависимости от бюджета и сроков его реализации [3];
- 6) Признание в качестве необходимых критериев профессионализма эксперта (в том числе в вопросах социального проектирования) следующих характеристик: собственный опыт работы в области, подлежащей экспертизе [4, с. 48–59]; не менее 10 лет интенсивной экспертной работы; благоприятные условия для экспертной деятельности; достижение существенных признанных экспертным сообществом результатов в сфере экспертизы [5, с. 153–160].

Кроме того, исследуя влияние организационно-методического обеспечения деятельности ФПГ на состояние и развитие социального проектирования в России, необходимо учитывать факт организационной близости фонда к институтам государственной власти. С одной стороны, это позволяет статифицировать ФПГ как ключевой субъект политики стимулирования и поддержки социальных проектов ННКО в России [6], а с другой – дает основание предположить, что на деятельность фонда могут влиять различные группы давления в своих интересах [7].

Результаты исследования

Организационно-правовое обеспечение деятельности ФПГ представлено положениями о конкурсах¹, методическими рекомендациями по подготовке заявок на конкурсы², требованиями к использованию гранта³, а также документацией по организации оценки проектов⁴.

Положение о конкурсе разрабатывается ежегодно и содержит условия и порядок проведения конкурса среди НКО, которые «участвуют в развитии институтов гражданского общества». Такая трактовка сферы проектирования НКО выходит за рамки «социального обслуживания», очерченные Правительством РФ для организации государственной поддержки третьего сектора. Это существенно расширяет диапазон деятельности ННКО как субъектов выдвижения и реализации гражданских (социально-политических) инициатив.

В числе утверждаемых ФПГ грантовых направлений представлены практически все возможные сферы деятельности НКО. При этом, тематика направлений проектирования названа «примерной», что не исключает подачи НКО инициативы, не входящей в перечень ФПГ.

Вместе с тем, имеют равные права подать заявку на конкурс ФПГ как НКО, которые не входят в реестры социально ориентированных либо поставщиков социальных услуг, так и НКО, состоящие в данных реестрах и уже (возможно) получающие в приоритетном порядке от государства поддержку своей деятельности. Такая ситуация представляется несправедливой, поскольку, во-первых, уравнивает более обеспеченных ресурсами НКО с теми, кто только «стартует» в области социального проектирования, либо с теми, чьи заявки хронически не поддерживаются; во-вторых, потому что позволяет НКО, уже получающим господдержку своей деятельности, «упаковывать» часть своих уже финансируемых государством функций как новый проект.

Для ННКО разработаны обучающие модули с иллюстративными примерами и видеороликами, позволяющие авторам заявок адаптировать их под требования грантодателя в процессе подготовки⁵. Прослеживается логическая взаимосвязь между рекомендуемым форматом заявки и критериями ее оценки экспертами ФПГ. По результатам предыдущих и текущего конкурса ФПГ проводит аналитическую работу, направленную, в том числе, на выявление проблем оценки проектов, и корректирует свою политику.

Предоставленная ФПГ экспертам возможность оценивать поддержанные проекты путем выбора одного из вариантов (реализован успешно, удовлетворительно или неудовлетворительно), а также публикация отчетности о каждом проекте и заключения экспертов по тем из них, которые были оценены как неудовлетворительно реализованные, является несомненным достижением в развитии отечественной практики оценки социальных проектов – победителей прогосударственных конкурсов.

¹ Положение о первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 году. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 14 июня 2023 г. № 6 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

² Методические рекомендации по подготовке заявок на участие в первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 г.; Методические рекомендации по подготовке бюджета проекта в составе заявки на участие в первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 году; Шаблон заявки на участие в конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

³ Требования, предъявляемые Фондом президентских грантов к использованию гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

⁴ Положение о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

⁵ Обучайтесь, не отрываясь от добрых дел. Фонд президентских грантов: официальный сайт [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://обучение.президентскиегранты.рф/>

Вместе с тем, предлагаемый ФПГ алгоритм социального проектирования (и, соответственно, методика оценки заявок и результатов проектов) не лишен недостатков.

Во-первых, есть «слабые звенья» в понятийном аппарате методического обеспечения ФПГ.

Термин «социальный проект» в трактовке ФПГ содержит обязательные элементы, такие как: целедостижение, запланированные результаты, ограниченность временем, территорией, командой и бюджетом, направленность на решение актуальной проблемы. Однако, отсутствует акцентуация внимания на такой значимый аспект проекта, как его отличие от «рутинной» работы. Более того, ФПГ рекомендует: «Если у организации нет проектов, но она регулярно проводит программы и мероприятия, чтобы решить конкретные проблемы целевых групп, оформите текущую деятельность организации в полноценный проект со сроками, целями, задачами, мероприятиями, заранее запланированным результатом, партнерами и бюджетом и попробуйте подать на конкурс»¹. Такая установка провоцирует обилие «поддерживающих» проектов от ННКО, которые занимаются регулярной деятельностью (как правило, это организации, оказывающие социальные услуги) либо хотят провести какое-либо знаковое мероприятие по итогам своей работы (фестиваль, съезд и т.д.), предполагающее большие затраты. По результатам проведенного автором анализа, за период деятельности ФПГ за 2019 – 2023 гг., число таких «поддерживающих» проектов составило приблизительно 75%. Представляется, что такая практика несколько искажает сущность проектирования, поскольку его предпочитаемыми целями традиционно признаются либо внедрение качественного новшества (инновационные проекты), либо масштабирование успешной деятельности (расширенные проекты).

В методических рекомендациях ФПГ по оценке заявки проекта приоритетное внимание уделено финансово-экономическим требованиям. Целевое, экономное, результативное расходование грантовых средств является основным условием грантодателя и трактуется в аспектах расходования грантовых средств исключительно на запланированную в заявке проекта статью расходов, а также достижения целей и задач проекта в указанные сроки с учетом запланированных затрат². В то же время, в методических рекомендациях не обособляется значимый для социального проектирования критерий экономичности как способности исполнителя гранта выбрать и реализовать лучшую альтернативу достижения цели. Таким образом, методистами конкурса заложен «жесткий» подход к социальному проектированию, не позволяющий оперативно управлять грантовыми средствами в случае возникшей в ходе реализации проекта необходимости даже после запроса об этом оператора.

Такая установка не может не отразиться на результатах оценки поддержанных ФПГ проектов. Наиболее часто встречающейся формулировкой экспертных заключений на проекты, реализованные на оценку «удовлетворительно» и «неудовлетворительно», оказалось «нарушение обязательства организацией по своевременному предоставлению отчетности»³.

Во-вторых, дискуссионно предложенное методистами ФПГ толкование категории «оценка влияния». Используемая для характеристики данной категории терминология «более значимая цель и ожидаемые результаты, которых невозможно достичь в стандартные сроки реализации»⁴ не раскрывает сущности воздействия, а также увязывает наличие эффекта влияния со сроком реализации проекта. Получается, что документация ФПГ не стимулирует ННКО, чьи инициативы имеют продолжительность менее 1,5 года, предусматривать в своих проектах эффект влияния. Это дестимулирует авторов проектов ННКО ориентироваться на стратегичность.

¹ Почему нет смысла подавать заявку, не имея проекта [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://поддержка.президентскиегранты.рф/Article/?id=65>

² Требования, предъявляемые Фондом президентских грантов к использованию гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества; Методические рекомендации по оценке заявок на участие в конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

³ "Точки роста" - детям из сельской местности. Региональная общественная организация "Федерация шахмат Псковской области" [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://оценка.гранты.рф/award/project/B905184D-04FC-4E56-9786-CB0413092EBA/about?activeTab=1>

⁴ Раздел II Методические рекомендации по подготовке заявки на участие во втором конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2024 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

В-третьих, формальным и не соответствующим своей сущности является заложенный в организационно-методическом обеспечении ФПГ механизм мониторинга социальных проектов.

Мониторинг социального проекта упоминается в документации ФПГ. Так, п. 36 положения о порядке оценки результатов победителей конкурсов (далее: Положение о порядке оценки)¹ гласит, что ФПГ организует мониторинг проектов – победителей, в т.ч. с привлечением физических и юридических лиц, а также результатов таких проектов, включая социальный эффект. Однако, механизм привлечения сторонних наблюдателей к мониторингу проектов в положении о порядке оценки отсутствует. Согласно п. 37 Положения, поддержанные ФПГ проекты подлежат контролю, в том числе: мониторингу расчетных счетов, проверке отчетности (как правило, в электронной форме) и проверке иной информации². Но порядок, процедуры и сроки проведения такого мониторинга в документации ФПГ не устанавливаются. Указано лишь, что мониторинг осуществляется работником ФПГ, путем сбора и сопоставления информации о достижении базовых показателей, предусмотренных договором о выполнении гранта. Базовыми показателями мониторинга считаются: уровень достижения ожидаемых количественных результатов проекта; уровень выполнения ключевых контрольных точек проекта; объем дополнительно привлеченных средств; количество благополучателей проекта; количество добровольцев, участвовавших в реализации проекта³. При этом, уровень реально достигнутых результатов в соотношении с запланированными в заявке показателями указывает сама НКО в аналитическом отчете по итогам реализации проекта (подтверждая это соответствующей документацией, фото или видеозаписями), а работник ФПГ лишь принимает эти заявленные значения, за исключением случаев, когда у него появляются доказательства о недостоверности представленной в отчете информации. Кроме того, рекомендация проводить мониторинг в течение трех месяцев после получения ФПГ итогового аналитического отчета (п. 15 Положения о порядке оценки) нивелирует саму сущность данного вида наблюдения, которое должно осуществляться в процессе реализации проекта. Все это формализует мониторинг, не способствуя его главной функции как объективного механизма оперативного сплошного наблюдения за процессом реализации проекта: вовремя выявить риски невыполнения проекта и обратить на них внимание как исполнителя, так и грантодателя.

Эти упущения в части организации мониторинга влияют на статистику реализации проектов, поддержанных ФПГ (см. табл. 1).

Таблица 1 – Результаты оценки экспертами ФПГ поддержанных проектов (2019 – 2023 гг.)⁴

Table 1 – The results of the evaluation of the supported projects by the FPG experts (2019 – 2023)

год	Проекты, получившие оценку «успешно реализованные»	Проекты, получившие оценку «удовлетворительно реализованные»	Проекты, получившие оценку «Неудовлетворительно реализованные»	Нереализованные проекты
2019	2438	557	83	35
2020	2704	630	92	27
2021	3362	725	148	30
2022	4937	960	321	46
2023	3301	1140	126	28

¹ Положение о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

² Положение о первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2025 году [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/documents?tagId=9>

³ П.24 Положения о порядке оценки результатов проектов победителей конкурсов на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества. Утверждено приказом Фонда президентских грантов от 15 сентября 2020 г. №17. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about/methodic-materials>

⁴ Составлено автором на основе открытых статистических данных Фонда президентских грантов.

Как видно из таблицы, количество успешно реализованных проектов за период 2019 – 2022 гг. увеличивалось, а в 2023 г. произошел резкий спад их числа. Это может быть объяснено как усилившимся со стороны ФПГ контролем за качеством реализации проектов, так и внешними неблагоприятными факторами, препятствовавшими эффективной и результативной реализации ННКО своих инициатив.

В то же время, за исследуемый период наблюдается устойчивый рост проектов, охарактеризованных как «удовлетворительно реализованные». Обращаясь к опубликованной на сайте ФПГ отчетности по таким проектам, в числе наиболее частых причин такой оценки можно отметить «недостаточное привлечение источников софинансирования проекта по сравнению с заявленным; неполное достижение обозначенных в заявке проекта целей».

Наиболее частыми причинами неудовлетворительной реализации ряда проектов, по данным экспертов и работников ФПГ, оказались: нарушение обязательства организацией по своевременному предоставлению отчетности; нарушение сроков реализации проекта; частичное достижение основных запланированных результатов проекта; недостоверность отчетной информации; неподтвержденность фактического оказания услуг, оплаченных за счет гранта; несвоевременный возврат суммы гранта, целевое использование которой не было подтверждено отчетностью; существенное завышение стоимости услуг; нарушение обязательств по целевому, экономному и результативному расходованию полученных от ФПГ средств.

Анализируя отчеты по неудовлетворительно реализованным проектам, можно обнаружить, что далеко не во всех случаях виноваты исключительно исполнители. Нередко нарушение сроков достижения целей проекта, а также недостижение определенных целей, происходило по причине изменения существенных внешних обстоятельств, изложенных в проектах.

Для более глубокого понимания причин отклонения исполнителей проекта от заявленных задач, несоблюдения сроков проектирования, невозможности привлечения всех запланированных средств необходимо проведение объективного внешнего мониторинга проектов во время их реализации.

В-четвертых, не конкретизированы критерии отбора экспертов ФПГ.

В соответствии с требованиями федерального законодательства об оценочной деятельности¹, эксперт должен профессионально исполнять свои функции. Уточнение данной нормы осуществляется в рамках отраслевых актов, а также конкурсной документации. Согласно рекомендациям ФПГ, в состав экспертов конкурса входят специалисты, которые обладают значительным опытом и знаниями в определенной сфере социальной, культурной, общественной или научной деятельности, а также в сфере социального проектирования. Однако, каковы критерии этого «значительного опыта и знаний», в документации ФПГ не раскрываются. Кроме того, отсутствие в методическом обеспечении механизма ротации экспертов ФПГ может способствовать развитию проблемы предпочитаемого дискурса заявок (тех, которые нравятся экспертам благодаря определенным лингвистическим конструкциям, форме подачи материала и т.д.)

Данное обстоятельство может привести к поддержке т.н. заявок – «двойников» (перерабатываемых из года в год менее чем на половину для подачи на очередной конкурс). В процессе анализа автором поддержанных заявок на сайте ФПГ за 2019 – 2023 гг. было обнаружено 32 таких «двойника».

В-пятых, используется непродуктивный, по мнению автора, подход выявления лучших (успешных) практик при определении наиболее удачных (по мнению экспертов конкурса) проектов НКО.

Номинарование в число 100 лучших проектов, реализованных с помощью ФПГ, происходит по результатам рейтинговой оценки проектов по степени достижения количественных и качественных результатов, выполнению «контрольных точек» проекта, количеству привлеченных добровольцев и иных дополнительно привлеченных ресурсов, соблюдению требований к бюджетированию, уровню информационной открытости, а также масштабируемости проекта. Оценка проектной инициативы по последнему критерию никак не урегулирована на методическом уровне, что провоцирует субъективизм экспертов. Кроме того, отсутствует такой важный критерий «лучшего» проекта, как уникальность в сравнении с реализуемыми, что нивелирует сам термин «лучший» в отношении проекта.

В-шестых, методические рекомендации ФПГ не проясняют вопрос учета дополнительно привлеченных ресурсов (за исключением софинансирования), несмотря на высокий удельный вес данного критерия при оценке заявки и реализованного проекта. Это демотивирует НКО искать

¹ Ст. 3 Федерального закона от 29.07.1998 N 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

реальные дополнительные источники финансирования проектных инициатив, кроме государственных ресурсов, таким образом, не содействуя их креативному фандрайзингу.

Данное предположение подтверждается путем анализа статистики о количестве и направлении инициативного проектирования НКО в рамках конкурсов ФПГ с 2017 по 2023 гг. (см. табл.2).

Таблица 2 – Показатели деятельности ФПГ в отношении конкурсов президентских грантов (2017 – 2023 гг.)¹

Table 2 – Performance indicators of the FPG in relation to Presidential grant competitions (2017–2023)

Показатель	Год проведения конкурсов						
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Количество регионов, участвовавших в конкурсах ФПГ	68	70	70	71	74	78	78
Доля проектов НКО, зарегистрированных в Москве, в общем количестве поддержанных проектов, %	17	13	13	11	11	11	10
Доля проектов НКО, зарегистрированных в Москве, в общей сумме выделенных грантов, %	37	36	33	32	33	30	30

Анализ представленных в табл. 2 данных позволяет выделить организационную проблему стимулирования гражданских инициатив НКО посредством ФПГ – неравномерное распределение грантов среди субъектов РФ. Эта проблема вызывает существенные диспропорции в развитии третьего сектора по регионам России. Она может быть связана как с существенной разницей качества проектных инициатив НКО в различных субъектах России, так и с издержками, вызванными институциональной и организационной близостью «агента» – ФПГ к «принципалу» – субъекту государственной власти (лоббизм, коррупционные риски).

С 2021 г. на уровне ФПГ данная проблема начала решаться путем создания механизма финансирования президентских грантов в регионах России. Этот механизм учитывает: количество субъектов РФ, которые подают заявки на софинансирование; количество НКО и данного региона, участвовавших в конкурсе ФПГ; коэффициент софинансирования (для Москвы и Санкт-Петербурга этот коэффициент установлен в размере 0,5, тогда как для остальных регионов он составил 1,0).

Вместе с тем, в 2022 – 2023 гг. по-прежнему наблюдаются существенные диспропорции по концентрации поддержанных ФПГ проектов НКО в г. Москва, как в абсолютном, так и в стоимостном выражении.

Исследователи объясняют такую ситуацию различными обстоятельствами, в том числе: недостаточностью мер по выравниванию диспропорций в объемах выделяемых ФПГ грантов по субъектам Российской Федерации; неадекватностью системы оценивания грантовых заявок их качественным характеристикам; демотивацией НКО со стороны ФПГ искать дополнительное финансирование и диверсифицировать источники ресурсов.

Эти диспропорции проявляются не только на уровне регионов, но и внутри каждого из них. В числе причин этого выделяют: наличие сильных, конкурентноспособных участников в крупных городах региона; бюрократические трудности оформления заявки на грант; низкий уровень (или даже невозможность) софинансирования заявки в соответствии с требованиями ФПГ; недостаточная креативность команды НКО, низкий уровень компетенций в вопросах подготовки инициативных проектных заявок.

Показательно, что последнюю причину некоторые эксперты понимают не как качественное несоответствие команд НКО компетенциям проектирования, а как несовершенное овладение техникой грандрайтинга (англ. – технологии составления заявок) [8, с. 119]. Такая позиция может косвенно свидетельствовать о сохраняющейся проблематике преобладания формального подхода политики ФПГ в отношении экспертизы заявок НКО, провоцирующего среди организаций третьего

¹ Составлено автором на основе отчетов ФПГ об оценке результатов проектов победителей конкурсов ФПГ на развитие гражданского общества за 2017 – 2023 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/open-data>

сектора развитие «искусства грантрайтинга» без содержательного совершенствования деятельности по инициированию и реализации проектов [9].

В итоге, даже при относительно большом объеме поступлений грантового финансирования в регион многие его территории оказываются недостаточно охваченными социально значимыми и важными проектами, реализуемыми НКО этих муниципальных образований [10].

Выводы

С учетом изложенного, можно утверждать, что организационно-методическое обеспечение конкурсов социальных проектов является результатом и важным инструментом политики ФПГ в отношении стимулирования развития социального проектирования силами ННКО в современной России. «Слабые звенья» организационно-методического обеспечения порождают соответствующие риски, влияющие на количественные и качественные параметры социального проектирования (см. табл. 3).

Таблица 3 – Эффективность конкурсного механизма поддержки Фондом президентских грантов инициативных проектов ННКО в России¹

Table 3 – The effectiveness of the competitive mechanism of the Presidential Grants Fund's support for NNCO initiative projects in Russia

Критерий организационно-методического обеспечения конкурса ФПГ	Оценка организационно-методического обеспечения ФПГ	Риск снижения результативности / эффективности конкурса	Оценка степени риска
Качество терминологии социального проектирования	Методологически неверное толкование отдельных терминов оценки	Отсутствие единого однозначного теоретически обоснованного понимания у авторов, экспертов и общественности базовых категорий социального проектирования	Высокий
Объем и полнота организационно-методической документации	Разработана в полном объеме (положение о конкурсе, рекомендации для экспертов и авторов заявок, регламент проведения конкурса)	Неурегулирование отдельных вопросов социального проектирования	Низкий
Требования к экспертам конкурса, механизм их отбора и ротации	Нечеткие, механизм отбора и ротации отсутствует	Снижение уровня профессионализма и компетентности экспертов; появление предпочитаемого дискурса заявки проекта (лингвистических, стилистических конструкций и т.д.); развитие искусства грантрайтинга	Высокий
Взаимосвязь между критериями оценки заявок и рекомендациями по их составлению	Прослеживается в методическом обеспечении конкурса	Заявки могут быть составлены по одним критериям, а их оценка проводится по другим критериям	Низкий
Рекомендации экспертам по оценке заявок	Разработаны; приоритетное внимание уделено финансовым аспектам проектирования	Различия в интерпретации экспертами критериев конкурса	Средний
Мониторинг проекта	Упоминается в организационно-методической документации; проводится на усмотрение сотрудника ФПГ; возможно привлечение сторонних экспертов	Формальное и методологически неверное проведение мониторинга реализации проекта	Высокий

¹ Составлено автором/

Продолжение табл. 3
Continuation of Table 3

Критерий организационно-методического обеспечения конкурса ФПГ	Оценка организационно-методического обеспечения ФПГ	Риск снижения результативности / эффективности конкурса	Оценка степени риска
Оценка результатов реализации проекта	Проводится: исполнителем проекта (самооценка); экспертами и работниками по результатам отчетности исполнителя проекта; общественностью путем отзывов на проект на портале ФПГ	Формальный подход к оценке результатов реализации проекта экспертами; возможность ангажированной оценки результатов реализованного проекта заинтересованными субъектами	Средний
Подход к анализу и формализации лучших практик	Доказательный; описательный метод представления лучших практик	Возможность ангажированного определения «лучших» практик, риски неэффективности их масштабирования, отсутствие исследований о неудачном опыте социального проектирования	Высокий
Возможность подать заявку, если деятельность или проект НКО уже поддерживается в текущий период	Предоставляется	Нарушение принципа справедливости при распределении грантов	Высокий
Учет организационно-правовой формы НКО при оценке заявок	Отсутствует	Нарушение принципа справедливости при распределении грантов	Высокий
Противодействие непропорциональному распределению средств по территориальному принципу	Механизм софинансирования в регионах; установление пониженных коэффициентов поддержки заявок для Москвы и Санкт-Петербурга	Нарушение принципа территориальной справедливости при распределении грантов	Средний

Привлечение статистики и анализ отчетов о реализации социальных проектов, поддерживаемых ФПГ в 2019 – 2023 гг., дают основание для вывода о необходимости профилактики / устранения выявленных рисков организационно-методического обеспечения ФПГ.

Список источников

1. Переверзева Е. С. Осуществление мониторинга эффективности реализации программ поддержки и проектов СО НКО как процесс реализации функциональных составляющих экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12 (158). С. 302–310. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-12>
2. Никитин А. С. Масштабирование успешных практик деятельности региональных управленческих команд в муниципальных образованиях России // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 22. С. 3539–3554. <https://doi.org/10.18334/rp.18.22.38487>
3. Зайцев И. Д., Воложанина М. А., Караев А. А. и др. Социальные проекты: основные принципы и особенности // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 1. С. 47–49. EDN: NFKQLM
4. Нассим Николас Талеб. Рискуюя собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри: Азбука-аттикс, 2024. 380 с.
5. Ларичев О. И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах. М.: Логос, 2000. 296 с.

6. Мерсиянова И. В., Иванова Н. В. Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 29–46.
7. Смирнов В. А. Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 79–89. <https://doi.org/10.31857/S013216250009619-3>
8. Кобыльников В. П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 107–120. <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.7>
9. Орлов П. А. Южноуральские НКО в конкурсах Фонда президентских грантов / XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург. 17 – 18 марта 2020. С. 123–125.
10. Тарасова А. Н., Ижик А. В. Грантовая поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 78–85. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.11.11>

References

1. Pereverzeva E. S. Monitoring the effectiveness of the implementation of support programs and projects with NGOs as a process of implementing functional components of economic security. *Regional problems of economic transformation*. 2023;12(158):302–310. (In Russ.). <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-12>
2. Nikitin A. S. Scaling up successful practices of regional management teams in Russian municipalities. *Russian entrepreneurship*. 2017;18(22):3539–3554. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/rp.18.22.38487>
3. Zaitsev I. D., Volozhanina M. A., Karaev A. A. and other. Social projects: basic principles and features. *Social and humanitarian knowledge*. 2024;(1):47–49 (In Russ.).
4. Nassim Nicholas Taleb. *Risking his own skin. The hidden asymmetry of everyday life*. Moscow: KoLibri: ABC-attics: 2024. 380 p. (In Russ.)
5. Larichev O. I. *Theory and methods of decision-making, as well as a chronicle of events in Magical Countries*. Moscow: Logos; 2000. 296 p. (In Russ.)
6. Mersiyanova I. V., Ivanova N. V. Partnership of the state and charitable foundations as a strategy to increase the resource provision of non-profit organizations. *Issues of state and municipal management*. 2018;(1):29–46 (In Russ.)
7. Smirnov V. A. The effectiveness of grant support for Russian socially oriented non-profit organizations (using the example of the Presidential Grants Fund). *Sociological research*. 2020;(9):79–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250009619-3>
8. Kobyl'nikov V. P. Actual problems of financial support for the non-profit sector of the region (on the example of the provision of "presidential grants"). *Problems of territory development*. 2019;1(99):107–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2019.1.99.7>
9. Orlov P. A. South Ural NGOs in competitions of the Presidential Grants Fund. In: *XXII Ural Sociological readings. National project and socio-economic development of the Ural region. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Yekaterinburg. March 17 – 18, 2020: 123–125. (In Russ.)
10. Tarasova A. N., Izhik A. V. Grant support for projects of socially oriented non-profit organizations of the Sverdlovsk region. *Theory and practice of social development*. 2021;(11):78–85. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. В. Баталова – кандидат политических наук, доцент, начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры РАНХиГС.

Information about the author

Yu. V. Batalova – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of the Dissertation Defense Department of the Department of Postgraduate and Doctoral Studies of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 21.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 21.11.2024.

Идентификация и регулирование трендов развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы: мировой и отечественный опыт

Ксения Юрьевна Боева¹, Елена Иосифовна Лазарева²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹kyboeva@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8651-7339>

²elazareva@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Аннотация. В статье исследованы актуальные в условиях цифровизации и постоянно изменяющейся макросреды проблемы идентификации и регулирования трендов развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы.

Цель исследования – сравнительный анализ ключевых трендов развития кадрового потенциала макрорегионов в контексте современных глобальных вызовов и обоснование стержневых задач макрорегионального менеджмента, решение которых позволит привлечь в регионы качественные кадры, адаптировать лучшие регулирующие практики к решению ключевых управленческих задач.

Методология исследования базируется на концептуальных положениях теории управления человеческими ресурсами, раскрывающих суть организационного подхода к управлению кадровым потенциалом. На базе анализа новаторского опыта регулирования рынка труда в условиях цифровизации предложены и обоснованы кадровые стратегии макрорегионального менеджмента, позволяющие адаптироваться к новым цифровым трендам и изменениям в сфере работы с персоналом, в том числе путем внедрения технологий искусственного интеллекта и аналитики больших данных. Выявлен спектр актуальных вариативных вызовов, своевременный ответ на которые требует коррекции кадровых стратегий регионов в целях бесперебойного функционирования экономики.

Значимость результатов исследования заключается в предложении мер адаптации лучших регулирующих практик к управлению развитием кадрового потенциала южного макрорегиона России в условиях вызовов, возникших при присоединении новых территорий – таких, как активная реструктуризация кадрового резерва макрорегиона, появление рынка вакансий рабочих мест на новых территориях, в результате чего возник дисбаланс на рынке трудовых ресурсов. Реализация предложенных мероприятий будет способствовать научному осмыслению современных проблем, ограничений и поиску новых решений организации работы с кадровым потенциалом макрорегиона.

Ключевые слова: кадровый потенциал, кадровые стратегии, управление человеческими ресурсами, тренды развития, макрорегиональная экосистема

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете в рамках проекта РФФ № 24-28-01624.

Для цитирования: Боева К. Ю., Лазарева Е. И. Идентификация и регулирование трендов развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы: мировой и отечественный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 28–33. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-28-33>. EDN ZTZTUS

Identification and regulation of the macro-regional ecosystem' human resources potential development trends: global and national experience

Ksenia Yu. Boeva¹, Elena I. Lazareva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹kyboeva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8651-7339>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Abstract. The article studies the problems of identification and regulation of trends in the development of human resources potential of the macro-regional ecosystem, which are relevant in the conditions of digitalization and constantly changing macro-environment. The *purpose* of the study is to analyze the key trends in the development of human resources potential of macro-regions in the context of modern global challenges and to substantiate the core tasks of macro-regional management, the solution of which will help to attract quality personnel to the regions and adapt the best regulatory practices to the solution of key managerial tasks. The *research methodology* is based on the conceptual provisions of the theory of human resource management, revealing the essence of the organizational approach to the human resources potential management. On the basis of the analysis of innovative experience of labor market regulation in the conditions of digitalization, the staffing strategies of macro-regional management are proposed and substantiated, allowing to adapt to new digital trends and changes in the sphere of work with personnel, including through the introduction of artificial intelligence technologies and big data analytics. The range of current variant challenges has been identified, the timely response to which requires the correction of regional HR strategies for the smooth functioning of the economy. The *importance of the research results* lies in the proposal of measures to adapt the best regulatory practices to manage the development of human resources potential of the southern macro-region of Russia in the context of the challenges that emerged during the accession of new territories – such as active restructuring of the human resources reserve of the macro-region, the emergence of a job vacancy market in the new territories, resulting in an imbalance in the labor market. The implementation of the proposed activities will contribute to the scientific understanding of current problems, limitations and the search for new solutions to the organization of work with the human resources potential of the macro-region.

Keywords: personnel potential, personnel strategies, human resource management, development trends, macro-regional ecosystem

Acknowledgments: The research was carried out at the Southern Federal University with the support of RNF project No. 24-28-01624.

For citation: Boeva K. Yu., Lazareva E. I. Identification and regulation of the macro-regional ecosystem' human resources potential development trends: global and national experience *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):28–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-28-33>. EDN ZTZTUS

Введение. Анализ ключевых трендов развития кадрового потенциала макрорегионов в контексте современных глобальных вызовов

Кадровый (человеко-ресурсный) потенциал макрорегиона следует рассматривать как социально-экономическую категорию, характеризующую разнообразные способности и возможности человека, которые он может использовать в процессе трудовой деятельности. Кадры – это неотъемлемая часть трудового потенциала. В качестве структурных элементов – характеристик кадрового потенциала рассматриваются уровень квалификации, образование, компетенции, трудовые навыки, состояние здоровья работника, что в конечном итоге напрямую влияет на эффективность функционирования / развития экономической системы [1–3].

Развитие кадрового потенциала макрорегиона зависит от многих факторов – таких, например, как внутренняя и внешняя национальная политика, уровень профессионализма кадров и инфраструктура, обеспечивающая его повышение, качественные характеристики систем образования и

здравоохранения. Чтобы процесс развития кадрового потенциала не стагнировал / не деградировал необходимо комплексно подойти к организации процесса его регулирования.

Рассмотрим современные мировые тенденции развития кадрового потенциала в системе макрорегионального менеджмента. Одной из основных тенденций является стратегия «lifelong learning». Данная стратегия подразумевает, что происходит постоянное гармоничное развитие личности в профессиональной, социальной, духовной сферах. Она основана на принципах добровольности, внутренней мотивации и самостоятельного инициирования процесса обучения [4].

Еще одной тенденцией, характерной для многих стран мира с устойчивой системой управления экономической динамикой (Япония, США, Китай и ряд европейских стран) и также связанной с личностным ростом, является развитие систем образования (табл. 1). Следует заметить, что проставленные «минусы» не означают, что данные мероприятия не проводятся, скорее они говорят о направленности развития той или иной системы образования. Так в США большое внимание уделяют личностному росту и системе стажировок, в Японии функционирует всеобщая система высшего образования и развитие карьеры внутри одной организации, в Германии активно продвигают профессиональное образование, но тенденция на образование через всю жизнь прослеживается везде [5].

Третьим ключевым трендом в системе развития кадрового потенциала является привлечение высококвалифицированных кадров. В существующих реалиях это становится делать всё проще, в связи с тем, что активно развивается удаленная работа, а сами организации становятся «цифровыми», то есть не имеют даже формального офиса, а вся команда работает, находясь в разных концах света. Следовательно, затраты на привлечение высококвалифицированных кадров в некоторых сферах заметно снижаются, что позволяет увеличить оплату их услуг.

Таблица 1 – Методы развития кадрового потенциала различных стран¹

Table 1 – Methods of human potential development in different countries

Критерии/ Страна	США	Япония	Китай	Франция	Германия	Швейцария
Развитие школьного образования	-	+	+	-	+	+
Развитие профессионального образования	-	+	-	-	+	-
Развитие высшего образования	+	+	+	+	+	+
Система непрерывного обучения	+	+	+	+	+	+
Образование за рубежом	-	-	+	-	-	+
Система стажировок	+	-	-	-	+	+

Заметным мировым трендом в современных условиях становится и тотальная цифровизация основных бизнес-процессов организации, а это значит, что человеческий труд низкой квалификации уходит в прошлое, на первое место выходят образование и переквалификация.

Обобщая опыт реализации кадровой политики зарубежных стран, сформулируем концептуальные основы формирования и регулирования развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы:

1. Целенаправленное выращивание кадров для определенных отраслей макрорегиона: дальнейшее сплочение бизнеса и образования, чтобы выпускаемые вузами кадры соответствовали запросу.
2. Возращивание не только профессионалов в конкретной сфере деятельности, но и формирование у молодого поколения определенного образа мыслей, поведения достойного гражданина и ответственного человека.
3. Образовательные программы вузов должны быть гибкими, чтобы можно было оперативно откликаться на цели и задачи текущей политической и социально-экономической ситуации.

¹ Составлена авторами.

Методология развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы

Методология развития кадрового потенциала является одной из самых важных в процессе научного познания современных проблем управления человеческими ресурсами и поиска новых решений, адекватных изменчивой макроэкономической ситуации. Данной методологии посвящено много исследовательских работ. Например, такие авторы, как Потуданская В. Ф., Боровских Н. В., Килевар Е. А. рассматривают теоретические основы формирования кадрового потенциала региона. Они проанализировали проблемы его формирования и предложили авторский подход к классификации факторов на основе СТЕР-анализа, влияющих на формирование кадрового потенциала региона [6]. Егорова Н. Н. в своих работах проводит сравнительный анализ подходов к идентификации факторов, воздействующих на формирование кадрового потенциала региона и приходит к выводу, что основными являются социально-демографические факторы [7]. Такие исследователи, как Никулина Ю. Н. и Гришин К.Е. делают упор в своей работе на кадровое партнёрство в регионе, а также предлагают систему оценки эффективности функционирования экосистемы кадрового партнёрства [8]. На данном этапе можно говорить о том, что развитие экосистемы кадрового потенциала является одной из основных проблем, стоящих как перед научным сообществом, так и перед представителями властей, и перед бизнесом.

Результаты исследования

При переходе к цифровой экономике меняются требования к кадровому потенциалу не только макрорегиона, но и страны в целом. Требуется освоение новых компетенций и навыков, что ставит новые вызовы перед региональной властью и образовательными организациями [9].

Можно сформулировать следующие задачи по формированию кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы 2.0:

- формирование и развитие новых образовательных программ как общепрофессионального образования, так и в сфере дополнительного образования;
- переобучение кадров для освоения новых цифровых компетенций;
- разработка механизмов привлечения и удержания кадров на территории макрорегиона, совершенствование системы мотивации;
- трансформация макрорегионального менеджмента и внедрение цифровых технологий в организацию производства.

Пример удачной политики по формированию кадрового потенциала экосистемы макрорегиона можно проиллюстрировать на опыте Дальнего Востока, который объединил в одном министерстве функции регулирования вопросов трудоустройства и профессионального образования. В данном макрорегионе реализуется прогнозирование трудоустройства выпускников на срок от 5 лет, что позволяет закреплять их за рабочими местами ещё в процессе обучения¹.

В макрорегионе строится индустриальный парк, который дает возможность локализовать различные сервисы, действуют несколько локальных «адресных навигаторов», помогающих найти работу и получить индивидуальное сопровождение карьеры. Открытие же молодежного образовательного центра дает возможность проходить обучение не только молодёжи региона, но и привлечет школьников и студентов всей страны, что позитивно повлияет на развитие кадрового потенциала.

Что касается формирования кадрового потенциала страны в целом, то на его развитие направлен Национальный проект «Кадры»², который запущен с 1 января 2025 г. Данный национальный проект включил в себя обобщенный российский опыт подготовки кадров для экономики. Он включает в себя четыре основных направления развития кадровой стратегии государства:

1. Трудоустройство выпускников. Данный проект направлен на развитие целевого обучения в учебных заведениях и расширения баз производственных практик; должен синхронизировать классификаторы в сферах труда и в образовании.
2. Переквалификация работающих. Данный проект направлен на помощь работающим гражданам в смене профессии или приобретению новых профессиональных компетенций.

¹ Как на Дальнем Востоке решают проблемы кадрового дефицита. URL: <https://plus.rbc.ru/news/66c34f777a8aa9a5a9d7812f> (дата доступа 21.10.2024)

² Национальный проект «Кадры» в России в 2024 году URL: <https://news.mail.ru/society/60470565/> (дата доступа 21.10.2024)

3. Снижение травматизма на производстве и сокращение потерь от временной нетрудоспособности работников. В рамках данного проекта предусмотрено введение более эффективных систем охраны труда, внедрение системы менеджмента качества и снижение влияния психофизических факторов на производственный травматизм.

4. Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность. Проект направлен на улучшение условий для развития предпринимательских компетенций у молодого поколения, а также на поддержание и развитие инфраструктуры молодежного предпринимательства.

Таковыми мерами государство планирует добиться соответствия (баланса) спроса и предложения на российском рынке труда: готовить и трудоустраивать специалистов, которые необходимы для развития экономики страны и для обеспечения её технологического суверенитета. А также решить государственную задачу адаптации не только нормативно-правовой базы, но и всей инфраструктуры новых регионов к российским реалиям, а значит, и все новые проекты должны быть реализованы с привлечением специалистов различных областей знаний.

Заключение

Кадровый потенциал является одним из стержневых блоков, дефинирующих социально-экономическое развитие макрорегиональной экосистемы. Интенсивные миграционные процессы, происходящие в южном макрорегионе России, инициируют трансформацию механизмов регулирования межрегиональной миграции в целях привлечения в регионы качественных кадров. Формирование действенного регулирующего механизма требует опоры на результаты анализа ключевых трендов развития кадрового потенциала макрорегионов, характерных как для внешних, так и для эндогенных рынков труда в контексте современных глобальных вызовов, и адаптации лучших регулирующих практик к решению ключевых управленческих задач.

Список источников

1. Лазарева Е. И., Гаврилова Ю. В. Идентификация социально-экономических факторов развития человеческого капитала в HR-менеджменте организации // Российский журнал менеджмента. 2023. № 21 (1). С. 89–114.
2. Лазарева Е. И. Стратегия развития человеческого капитала в системе инновационно-региональных кластеров // Проблемы современной экономики. 2008. № 1 (25). С. 200–204.
3. Lazareva, E., Anopchenko, T., Murzin, A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham, 2020. С. 269–277.
4. Taiwo T. Lasisi, Elena I. Lazareva, Gor A. Abramyan et al. Intellectual Capital and Technology as Factors of Career Success: Role of Income Inequality // *Economies*. 2023; 11: 63.
5. Ибрагимов К. С., Баратов З. Ш. Зарубежный опыт развития кадрового потенциала организации // Экономика и предпринимательство. 2022. № 5. С. 978–981.
6. Потуданская В. Ф., Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Кадровый потенциал региона: сущность, факторы, проблемы формирования // Экономика труда. 2018. № 3. С. 735–744.
7. Егорова Н. Н. Формирование кадрового потенциала региона / Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы VI Межд. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, дек. 2017). СПб.: Свое издательство, 2017. С. 196–197.
8. Никулина Ю. Н., Гришин К. Е. Влияние экосистемы кадрового партнерства на инновационное развитие региона // Вопросы инновационной экономики. 2022. № 1. С. 551–570.
9. Костенькова Т. А. Кадровый потенциал региона: сущность и основные факторы формирования // Экономика труда. 2019. № 6 (3). С. 1149–1158.

References

1. Lazareva E. I., Gavrilova Yu. V. Identification of socio-economic factors of human capital development in HR management of an organization. *Russian Journal of Management*. 2023;21(1):89–114. (In Russ.).
2. Lazareva E. I. Strategy of human capital development in the system of innovation-regional clusters. *Problems of modern economy*. 2008;1(25):200–204. (In Russ.).
3. Lazareva E., Anopchenko T., Murzin A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018*. Cham. 2020:269–277.

4. Taiwo T. Lasisi, Elena I. Lazareva, Gor A. Abramyan et al. Intellectual Capital and Technology as Factors of Career Success: Role of Income Inequality. *Economies*. 2023;(11):63.
5. Ibragimova K. S., Baratov Z. Sh. Foreign experience of development of human resources potential of the organization. *Economy and Entrepreneurship*. 2022;(5):978–981. (In Russ.).
6. Potudanskaya V. F., Borovskikh N. V., Kipervar E. A. Personnel potential of the region: essence, factors, problems of formation. *Labor Economics*. 2018;(3):735–744. (In Russ.).
7. Egorova N. N. Formation of human resources potential of the region. *Problems and prospects of economics and management: materials of VI Intern. scien. conf. (St. Petersburg, Dec. 2017)*. St. Petersburg;2017: 196–197. (In Russ.).
8. Nikulina Y. N., Grishin K. E. Influence of the ecosystem of personnel partnership on the innovative development of the region. *Questions of innovation economy*. 2022;(1):551–570. (In Russ.).
9. Kostenkova T. A. Personnel potential of the region: essence and main factors of formation. *Labor Economics*. 2019;6(3):1149–1158. (In Russ.).

Информация об авторах

К. Ю. Боева – старший преподаватель кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

K. Yu. Boeva – Senior lecturer, Department «Innovative and International Management» of the Faculty of Management, Southern Federal University.

E. I. Lazareva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department «Innovative and International Management» of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 25.10.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Original article

Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on fuzzy analytic hierarchy process

Wang Xiaohan

Henan University of Economics and Law, Henan, China,
275557347@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1187-258X>

Abstract. Sino-Russian interstate projects are generally with the characteristics of large scale, long duration, high technical content, and multiple participants. In the process of project implementation, it will inevitably be affected by many objective conditions such as economy, management, and technology, resulting in certain risks and uncertainties. Therefore, the key factor to improve interstate project management is to control and reduce project risk from the whole life-cycle of the project. Through literature and case analysis, the evaluation indicators suitable for Sino-Russian interstate projects are reasonably selected. Further, through certain methodology, a comprehensive evaluation of risk indicators and guidance for project management is the purpose. The author uses expert interview, brainstorming, and questionnaires to further organize the risk list. The formation of the hierarchical structure and the construction of the risk factor hierarchical model is the first step and important foundation of the Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP) method. The article describes the establishment process of this risk factor hierarchical model in detail. It lays the foundation for the subsequent fuzzy complementary judgment matrix and risk factor importance ranking. The final results provide scientific references for Sino-Russian interstate project management.

Keywords: project management, risk management, risk factor hierarchical model, Analytic Hierarchy Process, Fuzzy Analytic Hierarchy Process

For citation: Wang Xiaohan. Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects based on fuzzy analytic hierarchy process. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(4):34–42.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-34-42>. EDN ABZMIU

Проблемы управления

Научная статья
УДК 339+338.2
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-34-42>

EDN ABZMIU

Создание системы индикаторов для оценки рисков китайско-российских межгосударственных проектов на основе нечеткого аналитического иерархического процесса

Ван Сяохань

Университет экономики и права, Хэнань, Китайская народная республика
275557347@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1187-258X>

Аннотация. Китайско-российские межгосударственные проекты, как правило, характеризуются крупными масштабами, большой продолжительностью, высокой технической насыщенностью и множеством участников. В процессе реализации проекта на него неизбежно будут влиять многие объективные условия, такие как экономика, управление, технологии, что приведет к определенным рискам и неопределенности. Поэтому ключевым фактором совершенствования управления межгосударственными проектами является контроль

и снижение проектных рисков на протяжении всего жизненного цикла проекта. На основе анализа литературы и конкретных примеров обоснованно выбраны показатели оценки, подходящие для китайско-российских межгосударственных проектов. Далее с помощью определенной методологии проводится комплексная оценка показателей риска и разрабатывается руководство по управлению проектом. Для дальнейшей систематизации списка рисков автор использует экспертное интервью, мозговой штурм и анкетирование. Формирование иерархической структуры и построение иерархической модели факторов риска является первым шагом и важной основой метода нечеткого аналитического иерархического процесса (FAHP). В статье подробно описывается процесс создания иерархической модели факторов риска. Она закладывает основу для последующей нечеткой матрицы дополнительных суждений и ранжирования важности факторов риска. Итоговые результаты представляют собой научные рекомендации для управления китайско-российскими межгосударственными проектами.

Ключевые слова: управление проектами, управление рисками, иерархическая модель факторов риска, аналитический иерархический процесс, нечеткий аналитический иерархический процесс

Для цитирования: Ван Сяохань. Создание системы индикаторов для оценки рисков китайско-российских межгосударственных проектов на основе нечеткого аналитического иерархического процесса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 34–42. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-34-42>. EDN ABZMIU

Introduction

The risk of Sino-Russian interstate project is a complex system with risk indicators similar to hierarchical relationship. The Analytic Hierarchy Process (AHP) a commonly used evaluation method by relevant scholars. It is one of the most popular multi-criteria decision-making methods for assessing, prioritizing, ranking, and evaluating decision alternatives, originally developed by T.L. Saaty [1]. In AHP method, the factors related to decision making are categorized to form a hierarchy. The number of levels in the hierarchy indicates the complexity of the problem.

The AHP has been applied by many scholars in different types of projects. Scholars S. Panchal et al. [2] established the AHP model to analyze the risk factors of National Highway 5 in the infrastructure project. The results can guide the planning of road construction and maintenance operations. The authors, Amos Darko et al. [3] detail the use of AHP tool in the field of construction management decision making during the period 2004-2014 through a literature review methodology. The authors found that almost all applications of the AHP in the field of risk management involve combining the AHP with other techniques.

With the introduction of ordinary fuzzy sets in research by Zadeh [4], it became popular in almost all branches of science. Researchers have expanded e.g. Type-2 fuzzy sets (T2FS) [5], Intuitionistic fuzzy sets [6], Spherical fuzzy sets [7] and so on. Scholars Hing Kai C. et al [8], compared in detail the classical AHP method with the triangular fuzzy hierarchy analysis (FAHP) in practice. They infer that FAHP is not actually a superior method to classical AHP. Complex FAHP method is not necessarily better than simple one.

Therefore, in this study, the author uses the FAHP method, which is a combination of classical AHP and the theory of fuzzy mathematics, to analyze and evaluate the data.

Fuzzy Hierarchy Analysis Process and key steps

In the AHP, researcher divides the decision goal for project decision-making into the highest, middle and lowest levels according to their interrelationships, and draws a diagram of the hierarchical model. The highest level refers to the objectives of project decision-making. The middle level refers to the criteria, factors to be considered in decision-making. The lowest level refers to the alternatives in decision-making. Factors at the same level are subordinate to or have an influence on factors at the higher level. At the same time, they dominate or are influenced by the factors at the lower level. Hierarchy model as shown in the Figure 1.

The main purpose of the AHP is to break down the problem into smaller components. By diluting the problem, the decision maker can focus on a limited number of items. AHP is a computational technique used for decision making. It is designed to make decisions as a team. It involves ranking the decision elements and then comparing the clustered pairs. This provides weights for each element in the hierarchy. The AHP procedure is shown in Figure 2.

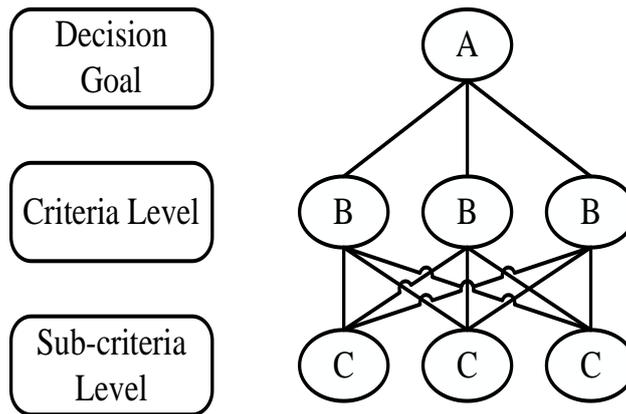

Figure 1. Hierarchy model diagram [9]

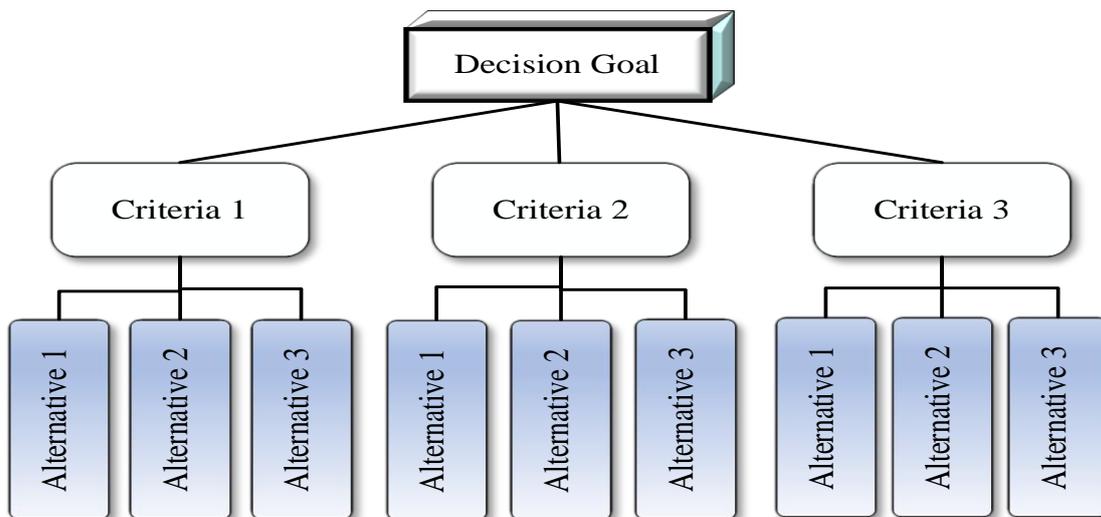

Figure 2. AHP procedure diagram [10]

The importance of each indicator in the criteria level is different from that of each indicator in the decision goal level. The importance of each indicator in the sub-criterion level is generally different from that of each indicator in the criteria level. Therefore, it is necessary to construct a judgment matrix by pairwise comparison between indicators. A pairwise comparison indicates the relative superiority measure between this level and its associated indicators with respect to the previous level. The results of the comparison of the superiority can be expressed in terms of an importance linguistic scale. This method of comparison is known as direct superiority comparison. In this study, the direct superiority comparison method was used.

The risk evaluation of the Sino-Russian interstate project involves more indicators; the hierarchical relationship is clear. However, most of the evaluation indicators are qualitative, and it is more difficult to quantify the indicators with specific numbers and formulas like economic evaluation indicators. It is necessary to establish a method to transform fuzzy information into definite information. The Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP) is an extension of the AHP to uncertainty and ambiguity problems, and is a quantitative method that can deal with uncertainty in complex problems [11]. Therefore, in this study, the author combines the theory of fuzzy mathematics with the AHP. The FAHP was used to evaluate the risk of the Sino-Russian interstate project.

The general idea is as follows: 1. The importance degree of pairwise judgment given by various experts is evaluated with fuzzy importance linguistic scale to form a fuzzy judgment matrix. 2. According to the fuzzy matrix properties and certain arithmetic methods, the weight vector of the fuzzy judgment matrix is calculated. Overall, the FAHP has the following advantages. It takes into account the relative importance of relationships between decision levels. It can handle imprecise and fuzzy language uncertainty and can effectively reflect fuzzy data [12].

The steps of Fuzzy Analytic Hierarchy Process (FAHP) are:

1. Hierarchy formation. Constructing the risk factor hierarchy model.

On the basis of project risk identification, the identified risk indicators are classified and stratified according to the rules of model construction to form a systematic organizational structure. According to the characteristics of risk indicators and the different ways of influencing projects, the following structural models can be developed.

a. Decision goal level. There is only one element that represents the project risk.

b. Criteria level. The most direct and major factors affecting project risk are generally used as a measurement criteria.

c. Sub-criteria level. Refers to the specific risks of the project. Because of the large number of risk indicators, it can be categorized into multiple levels based on affiliation.

2. Pairwise comparisons. Constructing a fuzzy complementary judgment matrix.

The domain expert is asked to complete pairwise comparison of indicators at each level of the hierarchy. Considering the decision-making objectives, the relative importance of each of the two criteria is compared at the second level of the hierarchy.

3. Ranking of indicators in order of combined importance.

Based on the above calculation steps, the relative importance of the lower level indicators relative to the higher level indicators can be obtained.

The process of modeling the structure of the risk assessment indicator system for Sino-Russian interstate project

The accuracy of the risk evaluation system is related to the effectiveness of the risk control. Therefore, it is particularly important to establish a scientific and reasonable evaluation indicator system. Based on extensive literature analysis, case analysis. Combined with the characteristics of Sino-Russian interstate projects, the author summarizes the initial list of risk identification for Sino-Russian interstate project. As shown in Table 1.

Table 1. The initial list of risk identification for Sino-Russian interstate project [13]

Risk category	Risk factor
Behavioral Risk	Owner intervention risk Subcontractor's risk Consulting supervision risk Supplier's risk Designer's risk
Management Risk	Material procurement risk Technical standards risk Managing technology risk Safe operation risk
Process Risk	Bidding decision risk Contract risk Completion test risk
External Risk	Government approval risk Political instability risk International relation risk Government intervention risk Social security risk Cultural difference Geographical condition Natural force majeure Exchange rate risk Market competition risk Inflation risk Industry access risk Interest rate risk Law and regulation risk

Problems of Management

Wang Xiaohan. Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects...

In order to ensure the scientific, reasonable, and comprehensive establishment of the evaluation indicator system. On the basis of the initial list, the author uses expert interview and brainstorming methods to summarize, optimize, and categorize the indicators. The interview panel was drawn from a variety of professional fields, with experience in construction and management of interstate projects, and was able to identify risks from a multi-objective dimension. The composition of the interview panel was in accordance with statistical principles. Through interviews, risk factors of the same type were consolidated, factors that did not need to be considered were deleted, and factors that had not been considered were added. The author has identified risk evaluation indicators and risk factor meaning for the Sino-Russian interstate project. As shown in Table 2.

Table 2. Risk evaluation indicator and the meaning of Sino-Russian interstate project¹

Risk category	Risk factor	Meaning of indicator
Behavioral Risk	Owner's risk	The owner's audit scope is too large, excessive intervention in the project.
	Subcontractor's risk	Inadequate performance of subcontractors leading to delays. Moral hazard of subcontractor.
	Consulting supervision risk	The consulting supervisor is not familiar with the Chinese technical specification.
	Supplier's risk	Inadequate supplier delivery capacity, and moral hazard of supplier.
	Designer's risk	Unfamiliarity of the designer with international standards, moral hazard on the part of the designer.
Management Risk	Design management risk	Lack of clarity in the study of the owner's requirements, leading to deviations in the project design process resulting in failure to pass approval.
	Procurement management risk	Unreasonable procurement of materials due to lack of oversight.
	Technical standard risk	Chinese technical standards are difficult to be recognized by owner.
	Human resource risk	Inadequate management capacity of project manager.
	Security risk	Lack of safety operation training and emergency plan.
	Environmental risk	Lack of basic environmental awareness and failure to take appropriate environmental protection measures.
	Collection risk	Inadequate investigation of owners' ability to pay.
	Insurance risk	Failure to settle claim in a timely manner or difficulty in settling claim due to insurance processing error.
Process Risk	Project selection risk	Wrong bidding strategy, inadequate project research.
	Contract risk	Insufficient claim awareness and contractual deficiency.
	Completion test risk	Failure to meet completion standard at the time of project handover.
External Risk	Government approval risk	Complex and inefficient government approval process.
	International relation risk	Subject to economic sanction or military intervention.
	Policy change risk	The old policies have changed, and the government has issued new policies to have a negative impact on the project.
	Government intervention risk	Government corruption, delaying or denying project access, or forcing corporate technology transfer.
	Public security risk	Cases of terrorist attack or criminal offense.
	Cultural difference risk	Large differences in ideology, corporate culture, and language habits.

¹ Developed by author.

	Natural condition risk	Complex geographical and climatic condition.
	Exchange rate risk	Exchange rate fluctuation.
	Market competition risk	Malicious competition in the marketplace.
	Inflation risk	Fluctuating price and rising cost due to inflation.
	Industry access risk	Industry access restrictions and licensing differences against the contractor.
	Interest rate risk	Fluctuations in interest rate on contractor finance loan.
	Risk of inadequate legal system	Inadequate or unreasonable law and regulation.

Due to the degree of subjectivity in the evaluation of risk indicators for interstate engineering projects, the author strictly controls the data sources when selecting indicators. The author selects engineers who have participated in interstate engineering projects of varying scales, or associate professors or professors engaged in relevant international engineering project management teaching and research fields as the group of experts to be interviewed. The author invited 20 qualified experts to judge the degree of approval of the identified risk factor indicators of the Sino-Russian interstate project. The background information of the interviewed experts is shown in Table 3.

Table 3. Background information of the interviewed expert¹

Category	Options	Percentage	Category	Options	Percentage
Gender	Male	80%	Professional field / business responsibilities	Engineering technology	73%
	Female	20%		Project management	60%
Age	21-30	7%		Design consulting	13%
	31-40	27%		Finance	7%
	41-50	33%		Contract management	20%
	>50	33%		Engineering cost	20%
Relevant years of work	1-5 years	0%		Regulation	7%
	6-10 years	33%		Market	13%
	11-20 years	33%		Other	13%
	More than 20 years	33%		Project owner	28%
Types of projects participated in	Infrastructure (transportation/energy/water affair, etc.)	42%	Interested party	Contractor	37%
	Industry (Petroleum/chemical, etc.)	32%		Subcontractor	12%
	Equipment/material manufacturing	9%		Designer	4%
	Building construction	5%		Consulting supervision	3%
	Other	12%		Supplier	6%
	/	/		Operator	0%
		Acceptance party		4%	
		Other		6%	

¹ Developed by author.

Problems of Management

Wang Xiaohan. *Establishment of indicator system for risk assessment of Sino-Russian interstate projects...*

20 questionnaires were sent out and 20 were respond, with a response rate of 100%. Twenty experts were invited to score the 29 project risk indicators shown in Table 4, and the results were normalized and ranked. The indicator which normalized value is equal to or greater than 0,40 is selected as the key measure indicator of FAHP model [14]. The results obtained are shown in Table 4.

Table 4. Ranking of risk indicator for Sino-Russian interstate project¹

Number	Risk factor	Average value	Normalization	Ranking
1	Human resource risk	4.5714	1.0000	1
2	Contract risk	4.5714	1.0000	1
3	Designer's risk	4.4286	0.9130	3
4	Security risk	4.4286	0.9130	3
5	Consulting supervision risk	4.3571	0.8696	5
6	Environmental risk	4.3571	0.8696	5
7	Collection risk	4.3571	0.8696	5
8	Insurance risk	4.3571	0.8696	5
9	Subcontractor's risk	4.2857	0.8261	9
10	Project selection risk	4.2857	0.8261	9
11	Completion test risk	4.2857	0.8261	9
12	Government approval risk	4.2857	0.8261	9
13	Government intervention risk	4.2857	0.8261	9
14	Policy change risk	4.2143	0.7826	14
15	Public security risk	4.2143	0.7826	14
16	Supplier's risk	4.0714	0.6957	16
17	International relation risk	4.0714	0.6957	16
18	Risk of inadequate legal system	4.0000	0.6522	18
19	Inflation risk	3.7857	0.5217	19
20	Technical standard risk	3.7143	0.4783	20
21	Exchange rate risk	3.7143	0.4783	20
22	Industry access risk	3.5974	0.3987	22
23	Interest rate risk	3.5974	0.3987	22
24	Procurement management risk	3.5714	0.3913	24
25	Market competition risk	3.5714	0.3913	24
26	Cultural difference risk	3.5000	0.3478	26
27	Cultural difference risk	3.4758	0.2981	27
28	Natural condition risk	3.3571	0.2609	28
29	Owner's risk	2.9286	0.0000	29

As can be seen from Table 4, 21 risk factors have a normalized value of 0.40 or more and cover all four levels of project risk. According to the results, it is possible to establish a risk breakdown structure model of the Sino-Russian interstate project, as shown in Figure 3. Further, the screened 21 risk factor indicators were used as the FAHP model establish.

¹ Developed by author based on questionnaire.

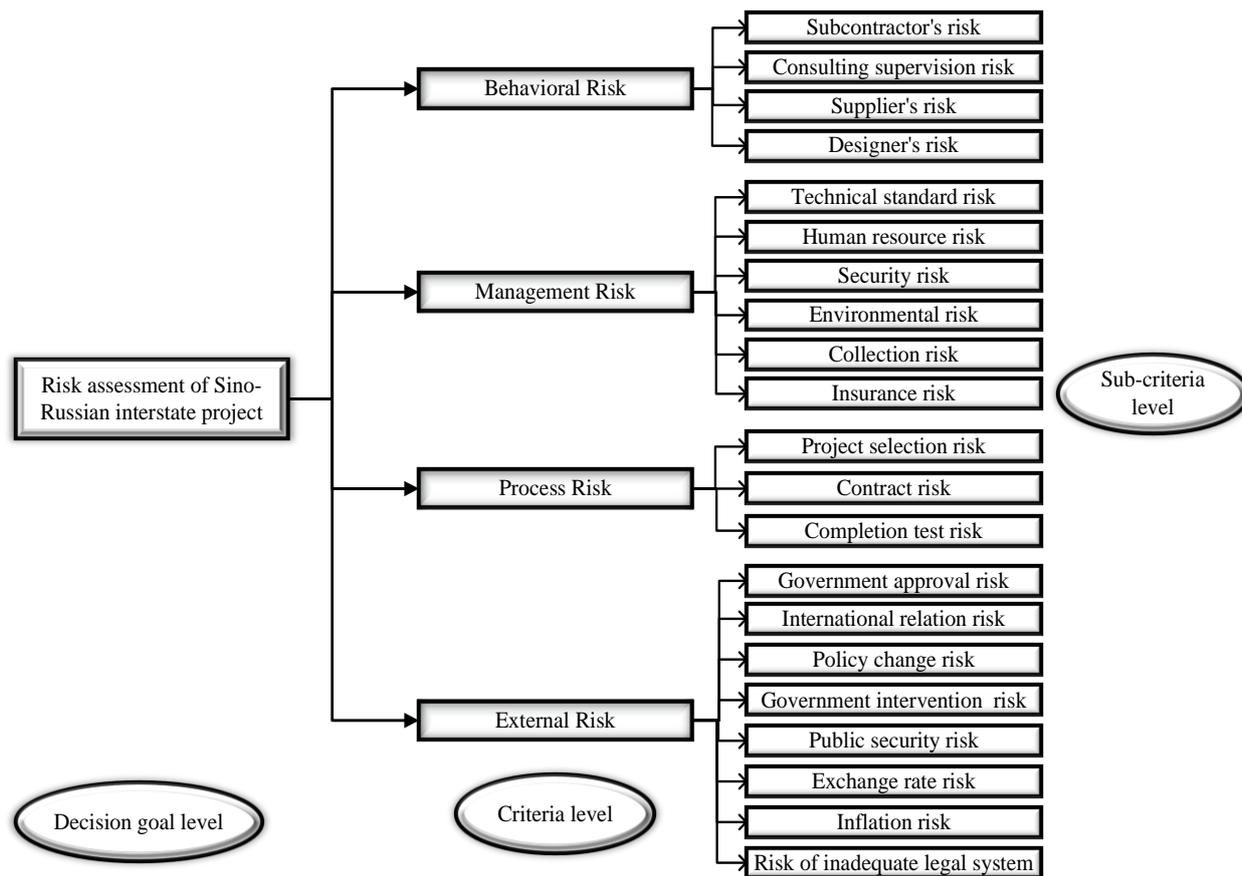

Figure 3. Risk assessment indicator system of Sino-Russian interstate project¹

Conclusion

The establishment of the model of Sino-Russian interstate project risk evaluation indicator system is the basis and the first step of the comprehensive evaluation system of Sino-Russian interstate project risk based on Fuzzy Analytic Hierarchy Process. The scientific evaluation indicator system can provide a basis for the data collection of the subsequent fuzzy judgment matrix, thus further promoting the scientific and rigorous nature of the study. Therefore, this study is of value to the research field of risk evaluation of Sino-Russian interstate project and provides a scientific increment.

Subsequently, the author will use the questionnaire method by pairwise compare the indicators at each level. Compare the relative importance of indicators at different levels on the basis of decision-making objectives. In the same level, pairwise compare the relative importance of two sub-criteria indicators. Based on the data of the comparison results, a fuzzy complementary judgment matrix of risk factors of the Sino-Russian interstate project will be established, and the judgment results will be quantified. Based on the above calculation steps, the relative importance of the lower level indicators relative to the higher level indicators can be obtained. Using the results as the basis for ranking the importance of the indicators, it is possible to determine the position of each indicator in the overall system of evaluation system. The author will complete all the steps of the entire Sino-Russian interstate project risk evaluation system in subsequent research.

Sino-Russian interstate project management is a research issue with strong practical significance. Strengthening the efficiency of project management from the perspective of risk control can provide improvement measures at all levels: scholars, enterprises, government, universities, and society.

¹ Developed by author.

Reference

1. Saaty T. L. *The analytic hierarchy process, priority setting, resource allocation*. McGraw Hill, Inc.; 1980. 345 p.
2. Panchal S. & Amit Kr. S. Landslide hazard assessment using analytic hierarchy process (AHP): A case study of National Highway 5 in India. *Ain Shams engineering journal*. 2022;(13). <https://doi.org/10.1016/j.asej.2021.10.021>.
3. Amos Darko, Albert P., Ernest E. A., Emmanuel K. O., Erika P. & David J. E. Review of application of analytic hierarchy process (AHP) in construction. *International journal of construction management*. 2019;19(5). Published online: 26 Mar 2018. <https://doi.org/10.1080/15623599.2018.1452098>.
4. Zadeh L. A. Fuzzy sets. *Inf Control*. 1965;(8):338–353.
5. Zadeh L. A. The concept of a linguistic variable and its applications to approximate reasoning. Part I. *Inf Sci*. 1975;(8):199–249.
6. Atanassov K. T. Intuitionistic fuzzy sets. *Fuzzy Sets Syst*. 1986;(1):87–96.
7. Kutlu G. F., Kahraman C. Spherical fuzzy sets and spherical fuzzy TOPSIS method. *Intell Fuzzy Syst*. 2019;36(1):337–352.
8. Hing Kai C., Xuting S. & Sai-Ho C. When should fuzzy analytic hierarchy process be used instead of analytic hierarchy process? *Decision support systems*. 2019. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2019.113114>.
9. Sharma S. K. Risk management in construction projects using combined analytic hierarchy process and risk map framework. *Journal of operations management*. 2013;12(4):23–53.
10. Gnanavelbabu A. Arunagiri P. Ranking of MUDA using AHP and Fuzzy AHP algorithm. *Materials today: proceeding*. 2018;(5):13406–13412.
11. Siyang S. Research on the evaluation of knowledge exchange effect of virtual academic community users based on Fuzzy Hierarchical Analysis Method. *Intelligence science*. 2020;38(2):22–28.
12. Wanli W. Research on credit risk rating and prevention mechanism of small and micro enterprises in banks based on fuzzy analytic Hierarchy process. *South China university of technology*. 2019.
13. Yevchenko N. N., Wang Xiaohan. Research on factor identification of Chinese interstate project risk management. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):32–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-32-40>.
14. Qinghua H., Delei Y., Lan L. & Yu G. Measurement of interface management during the implementation of complex construction projects. *Decision-making reference*. 2017;474(6):49–53.

Информация об авторе

Ван Сяохань – преподаватель Хэнаньского университета экономики и права, Хэнань (КНР).

Information about the author

Wang Xiaohan – Lecturer at Henan University of Economics and Law, Henan, China.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-43-50>

EDN BRHZOP

Российская система здравоохранения: современное состояние и возможные пути совершенствования

Ольга Юрьевна Гончарова¹, Карина Геннадьевна Чернушкова²,
Мария Алексеевна Потешкина³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ojug2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1566-9367>

²karishka_ya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8856-9559>

³poteshkina.maria14@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются современное состояние, этапы и проблемы реформирования системы российского здравоохранения. При этом проводится сравнительный анализ существовавшей в условиях плановой экономики и формируемой в современных условиях моделей российского здравоохранения, отмечены их сильные и слабые стороны. Авторы опираются также на анализ зарубежного опыта трансформации систем здравоохранения.

В работе отмечено, что в условиях экономической нестабильности (пандемия COVID-19, санкции стран Запада, обострение угроз безопасности страны) преимущества страховой модели не очевидны, проблемы в сфере здравоохранения не решаются, а зачастую обостряются. Отмечая ряд успехов в развитии российского здравоохранения, среди которых увеличение продолжительности жизни, сокращение смертности в отдельных группах населения, создание новых отечественных препаратов, развитие телемедицины и пр., ученые, политики, пациенты единодушны во мнении о необходимости кардинальных, качественных изменений всей системы здравоохранения России.

По мнению авторов статьи, принципиально обеспечить согласованность изменений системы здравоохранения с курсом экономических и социальных преобразований, улучшение финансирования отрасли и повышение оплаты труда работников сферы здравоохранения, преодолеть неравномерность обеспечения регионов учреждениями здравоохранения и квалифицированными кадрами, сократить зависимость от импортных препаратов, технологий, медицинского оборудования и т.д., реформировать систему управления здравоохранением с учетом внешних условий и необходимости обеспечения безопасности страны и ее граждан.

Ключевые слова: здоровье, здравоохранение, государственное регулирование здравоохранения, модели здравоохранения, реформирование системы здравоохранения, пандемия COVID-19, безопасность

Для цитирования: Гончарова О. Ю., Чернушкова К. Г., Потешкина М. А. Российская система здравоохранения: современное состояние и возможные пути совершенствования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 43–50. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-43-50>. EDN BRHZOP

The Russian healthcare system: current state and possible ways of improvement

Olga Y. Goncharova¹, Karina G. Chernushkova², Maria A. Poteshkina³

^{1, 2, 3}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ojug2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1566-9367>

²karishka_ya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8856-9559>

³poteshkina.maria14@gmail.com

Abstract. The article analyzes the current state, stages and problems of reforming the Russian healthcare system. At the same time, a comparative analysis of the models of Russian healthcare that existed in the conditions of a planned economy and those being formed in modern conditions is carried out, their strengths and weaknesses are noted. The authors also rely on the analysis of foreign experience in the transformation of healthcare systems.

The paper notes that in conditions of economic instability (the COVID-19 pandemic, Western sanctions, and increased threats to the country's security), the advantages of the insurance model are not obvious, problems in the health sector are not solved, and often worsen. Noting a number of successes in the development of Russian healthcare, including an increase in life expectancy, a reduction in mortality in certain population groups, the creation of new domestic drugs, the development of telemedicine, etc., scientists, politicians, patients are unanimous in their opinion about the need for fundamental, qualitative changes in the entire Russian healthcare system.

According to the authors of the article, it is essential to ensure the consistency of changes in the healthcare system with the course of economic and social transformations, improve industry financing and increase wages for healthcare workers, overcome the uneven provision of healthcare institutions and qualified personnel to the regions, reduce dependence on imported drugs, technologies, medical equipment, etc., reform the healthcare management system taking into account external conditions and the need to ensure the security of the country and its citizens.

Keywords: health, healthcare, government regulation of healthcare, healthcare models, healthcare system reform, COVID-19 pandemic, security

For citation: Goncharova O. Yu., Chernushkova K. G., Poteshkina M. A. The Russian healthcare system: current state and possible ways of improvement. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):43–50. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-43-50>. EDN BRHZOP

Введение

Здравоохранение – важнейшая отрасль социальной сферы общества, от ее состояния зависит здоровье нации как непреходящая ценность для общества и условие обеспечения безопасности страны. Расходы на здравоохранение принято сегодня рассматривать не только как затраты, но и как инвестиции в человеческий капитал, способные оказать позитивное влияние на экономическое и социальное развитие на всех уровнях: от отдельного индивида и фирмы, до мезо- и макроуровня. Здоровье также трактуется не как некий не как побочный результат развития экономики, а, наоборот, – как одно из важнейших условий поступательного экономического развития и решения социальных проблем. Например, подсчитано, что улучшение состояния здоровья населения позволило повысить долгосрочные темпы экономического роста в развитых странах более, чем на треть. Другой пример: значительный рост доходов населения в развитых странах в XX веке произошел бы на 50–70 лет позже при сохранении показателей здоровья населения на уровне конца XIX века.

Современная статистика подтверждает возрастающее влияние состояния здравоохранения на экономические показатели. Например, ежегодный экономический ущерб США из-за хронических недолеченных болезней трудоспособной части населения – более 300 млрд долл. Недавние события, связанные с пандемией COVID-19, привели, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), к сокращению средней продолжительности жизни в мире на два года, что требует принятия

безотлагательных мер. Странами G7 инвестировано государственных и частных средств на общую сумму сорок восемь млрд долл. для улучшения показателей здравоохранения¹.

Важно учитывать и то обстоятельство, что применяемые сегодня макроэкономические показатели не являются совершенными измерителями уровня социального благосостояния, поскольку они не позволяют учитывать многие показатели среди которых – продолжительность жизни, здоровье и др.

Государственное регулирование здравоохранения

Состояние здравоохранения затрагивает интересы всех без исключения граждан, влияет на общество в целом, на экономическую и национальную безопасность страны, в силу этого актуализируется проблема построения соответствующей особенностям страны и требованиям современности системы государственного регулирования этой отрасли.

Рассматривая роль и функции государства в сфере здравоохранения, экономическая наука использует, главным образом:

- теорию общественных благ (в данном случае речь идет о безопасности питьевой воды, инфекционном контроле, контроле за качеством и безопасностью лекарственных препаратов, предоставлении медицинских услуг профилактического характера и др.);
- теория мериторных товаров, т.е. товаров, спрос на которые стимулируется государством, поскольку он отстает от предложения (при условии, что выгоды от улучшения здоровья вследствие потребления данных товаров превышает потери, связанные с ограничением возможностей выбора);
- теория внешних эффектов (в данном случае, например, при профилактике инфекционных заболеваний или успешной борьбы с ними, положительный эффект получает не только пациент, но и общество в целом, т.е. речь идет о положительном внешнем эффекте).

Цель политики государства в сфере здравоохранения заключается в улучшении здоровья граждан, она должна рассматриваться как неотъемлемое звено общей стратегии социально-экономического развития страны. Необходимо формирование эффективной системы здравоохранения, которая бы позволила бы обеспечить обеспечение граждан доступными и качественными услугами, позволяющими сохранить, восстановить и преумножить здоровье.

В самом общем виде система здравоохранения включает в себя, согласно определению ВОЗ, следующие элементы:

- совокупность всех организаций и институтов;
- ресурсы (кадровые ресурсы, финансовые средства, информация, оборудование и материалы и др.);
- инфраструктура, включая транспорт, коммуникации и т.д.;
- система управления и руководства².

Состояние российского здравоохранения, динамику показателей его развития нельзя охарактеризовать однозначно. Проблемы, накопившиеся в этой отрасли за годы трансформации, вызывают серьезную обеспокоенность в обществе и понимание необходимости существенных перемен. Об этом свидетельствуют как объективные, так и субъективные показатели, характеризующие параметры системы здравоохранения России. Все это приводит к необходимости определиться, как она будет развиваться дальше. На конгрессе «Национальное здравоохранение 2023» глава Минздрава М. А. Мурашко заявил о необходимости смены всей парадигмы системы здравоохранения³.

Иными словами, исходя из смысла термина «парадигма», речь идет о необходимости существенных, принципиальных изменения существующей системы здравоохранения. Однако направления грядущих изменений пока не совсем определены (что, к сожалению, характерно для всего периода реформирования российского здравоохранения в XXI веке).

¹ Сокращение продолжительности жизни стало глобальным вызовом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2023-05-21/1_8728_healthcare.html.

² Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.who.int/features/qa/28/ru/>.

³ Итоги 2023 года для российского здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vspru.ru/association/rukovodstvo-vsp/zhulev/2024/01/itogi-2023-goda-dlia-rossiyskogo-zdravookhraneniia>.

Реформирование российского здравоохранения: достижения и проблемы

Рассмотрим кратко основные направления, цели, итоги и проблемы реформирования отечественной системы здравоохранения последних десятилетий. В начале рыночных преобразований предстояло трансформировать государственную систему здравоохранения, особенности которой состояли в бесплатном (за счет средств государственного бюджета) оказании медицинской помощи населению исключительно государственными медицинскими учреждениями. При этом медицинская помощь была доступна в равной степени всему населению. Несомненными достоинствами государственной системы являются:

- относительная дешевизна (страховая и тем более частная системы, как показывает практика, значительно «дороже»);
- унифицированность;
- доверие пациентов (по данным ЦСУ, в 1989 г. доля недовольных качеством медицины не превышала 10%);
- наличие стимулов к сокращению затрат со стороны предложения;
- облегчение доступа к получению медицинской помощи;
- обеспечение большей социальной справедливости;
- приоритетное внимание уделялось профилактической работе и др.

В 1978 г. международная конференция ВОЗ и ЮНИСЕФ в Алма-Ате отметила такое несомненное преимущество созданной в СССР модели здравоохранения, как наиболее эффективная, лучшая в мире, организация медико-санитарной помощи. Важно отметить и такие несомненные преимущества отечественной системы здравоохранения советского периода, как системная взаимосвязь здравоохранения с наукой, организацией подготовки кадров, развитием промышленности (в частности, фармацевтической отрасли и др.) [1, с. 13]. Рассматриваемая система «была наиболее эффективной с точки зрения комплексности построения ... решала труднейшие проблемы очень ограниченными средствами» [2, с. 106].

Одновременно с этим наиболее серьезными недостатками государственной системы здравоохранения являлись:

- нехватка средств на поддержание системы на уровне мировых стандартов, отставание в области инноваций;
- ограниченность выбора для пациента;
- проблемы в распределении ресурсов между территориями, различными группами пациентов и т.д.

В целом данная система позволила к концу шестидесятых годов прошлого века увеличить в два раза продолжительность жизни населения страны, а принципы системы Семашко были использованы многими странами при создании и реформировании национальных систем здравоохранения.

В процессе рыночных реформ был взят курс на коммерциализацию здравоохранения, внедрение обязательного медицинского страхования (ОМС), проведение стационарозамещающих технологий, сокращение численности врачей и др. При этом концепция реформирования отсутствовала. По словам Д. Д. Венедиктова, попытки ее создать были предприняты неоднократно ... но они не имели успеха. В результате получались не концепции, а «путаные рассуждения и маниловские пожелания» [2, с. 110].

Для сравнения: при реформировании системы здравоохранения в США изначально было уделено повышенное внимание двум обстоятельствам:

- прозрачности информации о целях реформы и ее ходе. Помимо выступлений президента, на сайте Министерства здравоохранения США публиковались официальные данные о ходе реформы, комментарии «за» и «против», материалы в помощь клиентам медицинского страхования;
- необходимости не радикальной перестройки существующей системы, а сохранения функциональности системы и исправления неэффективных структур» [3, с. 52].

Не будет преувеличением точка зрения, что многие проблемы российского здравоохранения возникли именно в результате бессистемного его реформирования.

Накануне пандемии наиболее серьезными проблемами реформируемого здравоохранения России были:

- хроническое недофинансирование отрасли (по данным ВОЗ, минимально допустимым является уровень расходов на здравоохранение в размере 6-7 % от ВВП. В России значение этого показателя было в полтора раза ниже). В этой связи нельзя не согласиться с утверждением, что проводимая реформа здравоохранения ориентирована в большей степени на экономию бюджетных расходов на здравоохранение, чем на полноценное сбережение народа [4, с. 1634];
- несовершенная система управления здравоохранением [5, с. 82];
- отсутствие одноканальной системы финансирования здравоохранения. Доля средств ОМС в общем объеме расходов на здравоохранение – менее 60 %. Остальное – средства федерального бюджета и консолидированных бюджетов регионов;
- доля лиц, неудовлетворенных услугами здравоохранения, приближалась, по данным социологических опросов, к 60% [6, с. 26];
- проблема обеспечения населения отдаленных и труднодоступных территорий доступными и качественными услугами здравоохранения;
- задача повышения экономической эффективности за годы реформирования российского здравоохранения решена не была;
- значительно увеличился объем платных медицинских услуг, которые доступны лишь части населения (почти каждый третий стоматолог и гастроэнтеролог, каждый второй мануальный терапевт, каждый пятый лор и дерматовенеролог, каждый десятый хирург и кардиолог в рассматриваемый период были заняты в негосударственных медицинских учреждениях);
- чрезмерное сокращение количества мест в стационарах. По данным Росстата, по сравнению с 1990 г. число больничных коек уменьшилось более, чем в два раза: с 2,03 млн до 1,1 млн.¹;
- значительное сокращение численности врачей, медицинских сестер и санитаров, а соответственно, увеличение нагрузки на работающих медиков. Врачей первичного звена в результате такого сокращения оказалось в полтора раза меньше, а медсестер – вдвое меньше, чем должно быть в соответствии с установленными Министерством здравоохранения нормативами;
- свыше трети граждан, по данным соцопросов, не обращались за необходимой медицинской помощью;
- рост заболеваемости и смертности и др.

В период пандемии данные проблемы привели к нехватке кадров, мест в стационарах и других ресурсов для оказания помощи не только пациентам с COVID-19, но и другим больным, которые нуждались в медицинской помощи. Именно с этим связаны высокие показатели смертности населения в рассматриваемый период, поскольку показатели смертности именно от COVID-19 в России были в целом не выше, чем в других странах. В целом, по мнению аналитиков, ситуацию с COVID-19 удалось стабилизировать в России именно благодаря²:

- применению комплекса административных методов;
- объединению ресурсов федерального центра и субъектов РФ;
- применению исторического опыта управления здравоохранением и «остатков» управленческой вертикали, сложившейся в рамках государственной модели здравоохранения времен СССР;
- героизму и самоотверженности сотен тысяч российских медиков, которые, рискуя собственной жизнью, боролись за жизнь больных COVID-19.

Мировой опыт преодоления пандемии также свидетельствует о том, что наиболее успешно прошли испытания те страны, где национальные системы здравоохранения продемонстрировали высокий мобилизационный потенциал, которые имели эффективное законодательство в сфере обеспечения биологической безопасности, а также эффективный механизм обеспечения коллективной безопасности в целом.

Что же касается эффективности рыночных и страховых моделей здравоохранения, то они проявили себя в период пандемии COVID-19 как не слишком эффективные и высокочрезвычайные.

¹ Деньги не лечат: к чему ведет реформа здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/14/843300-dengi-lechat>

² Полунин А. Кремль признал: коронавирус победил нарком Семашко, а не министр Мурашко [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/267802/>

Описанные обстоятельства, несомненно, усиливают интерес к государственной системе здравоохранения, особенно с учетом нестабильной международной обстановки, разрушения однополярного мира, сохраняющихся угроз конфликтов, «гибридных войн», применения запрещенных видов оружия и необходимости ликвидации последствий их применения. Важно и то, что в настоящее время осуществляется переход к шестому технологическому укладу, несущий как новые возможности, так и угрозы. Согласно теории длинных волн Н. Д. Кондратьева, которая получила дальнейшее развитие в теории технологических укладов С. Ю. Глазьева и Д. С. Львова, первоначальный период (повышательная волна) сопровождается крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества, созданием новых технологий, применение которых потенциально может привести как к положительным последствиям, так и к возникновению новых угроз. Совершенно очевидно, что система здравоохранения должна соответствовать возникающим вызовам и обеспечивать не только эффективность, но и безопасность страны и ее граждан [7, с. 127].

Может ли существующая система здравоохранения обеспечить решение обозначенных задач и каковы возможные направления ее трансформации?

По данным министра здравоохранения РФ М. Мурашко, к настоящему моменту в сфере здравоохранения России достигнуты серьезные успехи:

- возросла степень удовлетворенности пациентов медицинской помощью;¹
- средняя продолжительность жизни россиян возросла до 73,5 лет;
- возросли темпы цифровизации здравоохранения, развилась телемедицина;
- существенный рост высокотехнологичной помощи;
- снижение уровня младенческой смертности;
- сокращение количества смертей от сердечно-сосудистых заболеваний;
- зарегистрированы только за два последних года 26 новых отечественных препаратов;
- рост уровня и качества диагностики онкозаболеваний на ранних стадиях и др.

Наряду с перечисленными несомненными успехами, сохраняются все рассмотренные выше проблемы. Из 190 стран мира Россия находится на сотом месте по показателю общей продолжительности здоровой жизни населения и на сто двадцатом месте – по показателю продолжительности жизни мужчин. Высоки младенческая и материнская смертность. Россия существенно отстает от других стран по такому показателю, как доля расходов на здравоохранение в бюджете, и это не только страны G7, но и, например, Куба, Чили, Чехия и др. Население страны оценивает качество медицинских услуг как достаточно низкое [8, с. 191].

В 2023 г. Россия заняла 84-е место мире по качеству системы здравоохранения. При этом учитывались такие факторы, как оценка жителями страны доступности услуг здравоохранения, состояние здоровья, смертность, факторы риска и другие. Лидерами данного рейтинга стали Сингапур, Южная Корея и Япония, аутсайдерами – беднейшие африканские государства (Южный Судан, Сомали, ЦАР, Чад и Лесото)².

Продолжается отток кадров: по сравнению с 2013 г. произошло сокращение численности врачей почти на 2,5 %, среднего медперсонала – примерно на 9 %, санитаров – более чем на 60 %³. И это сокращение происходит на фоне ухудшения демографической ситуации, необходимости реабилитации каждого пятого из переболевших COVID-19, сохранения неравенства в доступе к качественной охране здоровья в разных регионах.

В настоящее время практически не вызывает сомнений необходимость трансформации системы здравоохранения в РФ, причем предлагаются различные меры, начиная от «доработки» существующей системы ОМС, существенного увеличения финансирования отрасли до создания обновленной, соответствующей современным условиям государственной модели здравоохранения [9]. При этом исследователи проблем реформирования российского здравоохранения справедливо отмечают, что страховая система здравоохранения в условиях экономической нестабильности не сможет проявить своих преимуществ, будет негибкой и стагнирующей [10, с. 47].

¹ Средняя температура по системе здравоохранения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6225777>

² Россия заняла 84-е место в рейтинге качества системы здравоохранения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2023/07/08/rossiya-zanyala-84e-mesto-v-reytinge-kachestva-sistemy-zdravookhraneniya.html>

³ Сокращение продолжительности жизни стало глобальным вызовом [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2023-05-21/1_8728_healthcare.html

Заключение

Детальный анализ возможных контуров будущей системы здравоохранения в России выходит за рамки одной статьи. Тем не менее, остановимся на некоторых принципиальных моментах:

- система здравоохранения в РФ является важнейшей частью социальной сферы, она оказывает все возрастающее влияние на экономику и безопасность страны. Поэтому любые инициативы по реформированию системы здравоохранения должны быть соотнесены с приоритетами экономической и социальной политики государства;

- изменение парадигмы здравоохранения: от лечения болезней к управлению здоровьем каждого человека, от «медицины законченного случая» к медицине «жизненного цикла»¹, о котором заявил министр здравоохранения, несомненно, повлечет за собой в будущем трансформацию системы медицинского страхования;

- в новой системе здравоохранения должна быть наконец-то решена проблема хронического недофинансирования отрасли, лишаящая возможностей полноценного развития не только собственно здравоохранение, но и экономику страны в целом;

- обновленная система здравоохранения предполагает решение проблемы импортозамещения в фармацевтике и создании медицинского оборудования, а также преодоление неравномерности в обеспечении территорий страны качественными медицинскими услугами [11, с. 40].

- в рамках формирования контуров новой системы здравоохранения в РФ важно (и это было доказано в период пандемии COVID-19) осуществить реформирование системы управления здравоохранением в целях создания высококомобильной, высокотехнологичной, достаточно компактной и эффективной системы, пригодной для решения задач современного периода нестабильного развития человечества и обеспечивать безопасность страны.

Список источников

1. Бочкарева В. К. Реформирование здравоохранения и обеспечение равной доступности к бесплатным медицинским услугам // ЭКО. 2011. № 10. С. 13–35.
2. Венедиктов Д. Д. Системный кризис здравоохранения // Экономические стратегии. 2011. № 7-8. С. 102–111.
3. Бевеликова Н. М. Правовое обеспечение реформ здравоохранения: опыт Китая, России, США // Законодательство и экономика. 2010. № 12. С. 47–55.
4. Руденко М. Н., Рожков Д. В. Актуальные проблемы государственного регулирования сферы медицинских услуг // Экономическая безопасность. 2022. Том 5. № 4. С. 1633–1648. <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.4.116149>
5. Латыпова В. Ф., Кузнецова А. Р. Анализ состояния системы здравоохранения в Республике Башкортостан // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 4-1 (37). С. 82–87.
6. Коробкова О. К. Государственное регулирование услуг здравоохранения в условиях цифровизации экономики: концептуальный подход // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 1 (99). С. 24–28.
7. Прилуков М. Д., Ляпин И. Ф. Государственное регулирование организации и деятельности системы здравоохранения в современных (ограничительных) условиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 124–129. DOI: 10.52452/19931778_2022_6_124
8. Третьяков А. А., Сертакова О. В., Дудин М. Н. Государственное регулирование здравоохранения и качества медицинских услуг как составляющая социальной функции государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. Вып. № 72. С. 188–209.
9. Мохов А. А. Принципы правового регулирования государственной модели национального здравоохранения // Актуальные проблемы российского права. 2021. Том 16. С. 85–96. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.124.3.085-096>
10. Кохановская И. И., Юрчук В. С. Конституционные основы государственного управления здравоохранением в Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 2 (20). С. 43–49.

¹ Итоги 2023 года для российского здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vspru.ru/association/rukovodstvo-vsp/zhulev/2024/01/itogi-2023-goda-dlia-rossiyskogo-zdravookhraneniia>

11. Правовое регулирование сферы здравоохранения: вопросы теории и практики. Коллективная монография / Под научн. ред. В.И. Кайнова, Е.В. Семухиной. Киров: Изд-во МЦИТО, 2020. 114 с.

References

1. Bochkareva V. K. Reforming healthcare and ensuring equal access to free medical services. *ECO*. 2011;(10):13–35. (In Russ.).
2. Venediktov D. D. Systemic crisis of healthcare. *Economic strategies*. 2011;(7-8):102–111. (In Russ.).
3. Bevelikova N. M. Legal support for healthcare reforms: the experience of China, Russia, the USA. *Legislation and economics*. 2010;(12):47–55. (In Russ.).
4. Rudenko M. N., Rozhkov D. V. Actual problems of state regulation of the sphere of medical services. *Economic security*. 2022;(5.4):1633–1648. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.4.116149>
5. Latypova V. F., Kuznetsova A. R. Analysis of the state of the healthcare system in the Republic of Bashkortostan. *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2017;4-1(37):82–87. (In Russ.).
6. Korobkova O. K. State regulation of healthcare services in the context of digitalization of the economy: a conceptual approach. *Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law*. 2019;1(99):24–28. (In Russ.).
7. Prilukov M. D., Lyapin I. F. State regulation of the organization and activity of the healthcare system in modern (restrictive) conditions. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2022;(6):124–129. (In Russ.). DOI: 10.52452/19931778_2022_6_124
8. Tretyakov A. A., Sertakova O. V., Dudin M. N. State regulation of healthcare and quality of medical services as a component of the social function of the state. *Public administration. Electronic bulletin*. 2019;(72):188-209. (In Russ.).
9. Mokhov A. A. Principles of legal regulation of the state model of national health care. *Current problems of Russian law*. 2021;(16):85–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.124.3.085-096>
10. Kokhanovskaya I. I., Yurchuk V. S. Constitutional foundations of public health management in the Russian Federation. *Journal of Legal Sciences*. 2019;2(20):43–49. (In Russ.)
11. *Legal regulation of the healthcare sector: issues of theory and practice. Collective monograph*. Edited by V.I. Kainova, E.V. Semukhina. Kirov: Publishing house of the ICITO; 2020. 114 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Ю. Гончарова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

К. Г. Чернушкова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

М. А. Потешкина – магистрант 3 курса факультета управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. Yu. Goncharova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

K. G. Chernushkova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

M. A. Poteshkina – 3rd year undergraduate student of the Faculty of Management, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 24.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 24.11.2024.

Научная статья

УДК 351.85

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-51-58>

EDN BSOWGT

Особенности управления в рамках государственной культурной политики

Ирина Николаевна Горбова¹,
Владимир Викторович Тарновский²

¹Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орёл, Россия, igorbova.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6589-0671>

²АНО ДПО «Национальный исследовательский институт культурного наследия», Москва, Россия, kafedramunh@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает современные особенности управления государственной культурной политикой. Основная роль определения вектора культурной политики в России принадлежит государству, которая вносит значительный вклад в ее регуляцию. При этом авторами обосновано, что использование потенциала культуры в общественном развитии, реализации новых инструментов и моделей современной культурной политики, актуализируют потребность в новых подходах к управлению сферой культуры, позволяющих решать проблемы не только социокультурной сферы, но и в разрезе внешней ситуации политические и экономические. В свете этого, управление государственной культурной политикой играет ключевую роль в жизни общества, что свидетельствует об актуальности темы.

Цель исследования состоит в раскрытии особенностей и специфики управления в контексте реализации государственной культурной политики страны. Осмысление этой цели ставит важнейшие задачи в области управления государственной культурной политикой. Так, предопределяются направления социально-экономического развития государства, совершенствование механизма управления в этой области, дальнейшего процесса формирования сферы культуры и ее места в обществе.

Авторами статьи сформированы проблемные аспекты, влияющие на управление в рамках государственной культурной политики. Рассмотрены современные вызовы управлению культурной политикой. Представлены новые аспекты управления в данной сфере и сформирована модель управления. Проведенное исследование показывает, что в настоящее время специфика особенностей управления значительно влияет на эффективность реализации государственной культурной политики. Сделаны обоснованные выводы по применению новых механизмов управления и предложены возможные пути решения проблемных участков в управлении культурной политикой.

Ключевые слова: государственная культурная политика, культура, управление, управленческие проблемы, государство, общество, глобализация, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Горбова И. Н., Тарновский В. В. Особенности управления в рамках государственной культурной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 51–58. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-51-58>. EDN BSOWGT

Original article

Features of management within the framework of state cultural policy

Irina N. Gorbova¹,
Vladimir V. Tarnovsky²

¹Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia, igorbova.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6589-0671>

²National Research Institute of Cultural Heritage, Moscow, Russia, kafedramunh@mail.ru

Abstract. The article examines the modern features of the management of state cultural policy. The main role of determining the vector of cultural policy in Russia belongs to the state, which makes a significant contribution to its regulation. At the same time, the authors substantiate that the use of the potential of culture in social development, the implementation of new tools and models of modern cultural policy, actualize the need for new approaches to managing the sphere of culture, allowing solving problems not only in the socio-cultural sphere, but also in the context of the external situation, political and economic. In light of this, the management of state cultural policy plays a key role in the life of society, which indicates the relevance of the topic. The purpose of the study is to reveal the features and specifics of management in the context of the implementation of the state cultural policy of the country. Understanding this goal poses the most important tasks in the field of state cultural policy management. Thus, the directions of the socio-economic development of the state, the improvement of the management mechanism in this area, the further process of forming the sphere of culture and its place in society are predetermined.

The authors of the article have formed problematic aspects affecting management within the framework of state cultural policy. The modern challenges of cultural policy management are considered. New aspects of management in this area are presented and a management model is formed.

The conducted research shows that at present the specifics of management significantly affect the effectiveness of the implementation of state cultural policy. Reasonable conclusions have been drawn on the application of new management mechanisms and possible ways to solve problem areas in the management of cultural policy have been proposed.

Keywords: state cultural policy, culture, management, management problems, state, society, globalization, socio-economic development

For citation: Gorbova I. N., Tarnovsky V. V. Features of management within the framework of state cultural policy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):51–58. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-51-58>. EDN BSOWGT

Введение

В современных условиях культура является движущей силой устойчивого развития. Интенсивный прогресс общества и современные жизненные тенденции определяют ведущую роль общественных пространств страны. Государственная культурная политика представляет инструменты для обеспечения культурного и гуманитарного развития в качестве основы экономического процветания.

В свете этого, подразумевается применение эффективного управления государственной культурной политикой с учетом внутренних и внешних воздействий. Ключевая задача которой состоит в обеспечении и создании условий в целях развития культурных процессов с учетом интересов всех национальностей и этнических групп.

Парадигма ключевых аспектов и векторы движения культурной сферы

С позиции более широкой трактовки задач государственной культурной политики целесообразно представить следующую схему (рис. 1).

<p>Сохранение культурного наследия</p>	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение сохранности исторических памятников, традиций, языка, фольклора, а также поддержка музеев, архивов, библиотек
<p>Развитие творческого потенциала</p>	<ul style="list-style-type: none"> • стимулирование художественного творчества, поддержка деятелей культуры, создание условий для развития новых культурных направлений
<p>Обеспечение доступа к культуре</p>	<ul style="list-style-type: none"> • расширение доступности культурных благ для всех слоев населения, пропаганда культурных ценностей, развитие культурного образования
<p>Интеграция культуры в общественную жизнь</p>	<ul style="list-style-type: none"> • использование культурных ресурсов для решения социальных и социально-экономических проблем, укрепления национальной идентичности, продвижения государственных интересов

Рис. 1. Задачи государственной культурной политики¹
Fig. 1. Tasks of the state cultural policy

Основы государственной культурной политики, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года, № 808, где определены ее основные направления (ред. от 25.01.2023г.) «основными целями государственной культурной политики являются формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития»².

Культурная политика во все времена играла значительную роль в государственной деятельности, способствовала нормализации отношений, оказывала воздействие на социальную политику страны, динамично развивала общественные устои, сглаживала определенного вида неравенства.

Культура всегда определяла уровень развития в обществе. Поэтому управление сферой культуры – очень важное социальное направление [1].

Правильное управление культурной политикой будет способствовать социальному и экономическому развитию, предотвращать безработицу, реанимировать историческую память, сглаживать последствия экономических кризисов, обеспечивать социальную реабилитацию разных слоев населения и сохранять традиционное наследие. Все это демонстрирует актуальность исследований в области управления государственной культурной политикой и показывает влияние ее на стимулирование экономического роста и социального развития общества.

¹ Составлено авторами

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения 28.10.2024).

Государственная культурная политика обладает большим потенциалом духовного воздействия на все стороны жизнедеятельности человека в нашей стране [2].

Соответственно, ключевым аспектом в реализации государственной культурной политики будет ее эффективное управление.

Отметим, что государственная культурная политика нацелена на формирование социальных, идеологических, экономических, юридических условий функционирования культуры и ее регулирование, в которых действуют социально-культурные институты и различные управленческие структуры [3].

Так как управление государственной культурной политикой существует в продолжении общегосударственного управления в целом, современные управленческие аспекты должны идти в параллели с государственными целями и задачами.

Управленческая деятельность в данной сфере со стороны государства, представляет модель состоящую из двух основных блоков: социально-прогрессивный, творчески-креативный блок управления и со стороны правового аспекта – исполнительно-распорядительный блок деятельности государственных органов (рис.2).

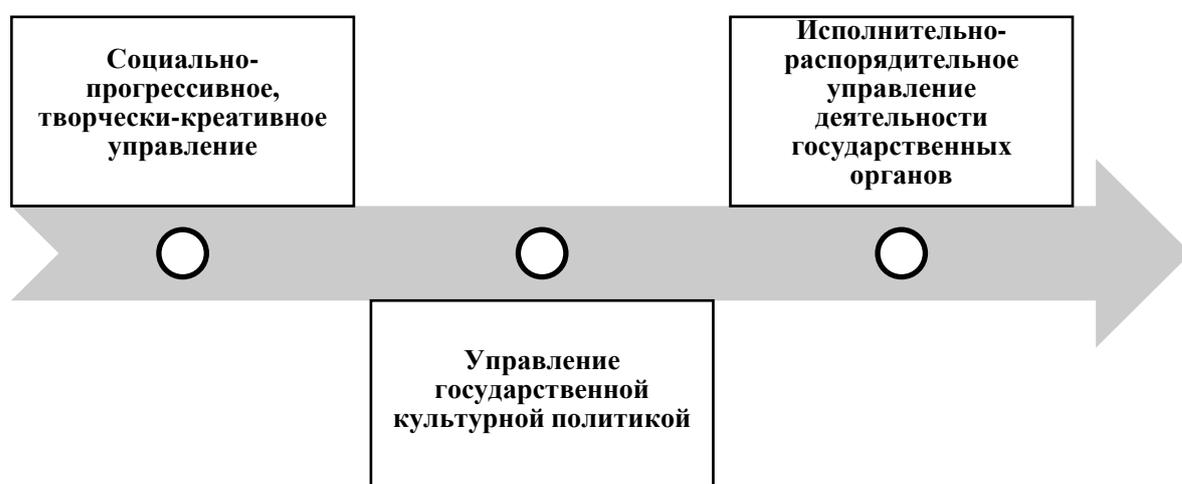

Рис. 2. Модель управления государственной культурной политикой¹

Fig. 2. Model for managing state cultural policy

Следует отметить, что ряд особенностей управления в рамках государственной культурной политики произошел за последнее десятилетие. Связано это с внедрением информационных технологий, применением цифровизации в разных сферах и новых форм управленческих аспектов. Рост числа цифровых технологий, развитие искусственного интеллекта подвергает социокультурную сферу, в том числе и в управленческие звенья новым инновационным испытаниям.

Влияние на межкультурную коммуникацию в современном обществе при управлении культурой в условиях цифровизации раскрывает Белозор А. Ф., где отмечает, что способствовать этому процессу будет цифровизация культурного наследия [4].

Цифровизация демонстрирует необходимость использования и постоянного поддержания в управлении инновационной активности, ведь методы донесения точной и актуальной информации меняются ежедневно.

Определение современных вызовов управлению культурной политикой и пути их решения

Современные вызовы управлению в рамках государственной культурной политикой представлены на рис. 3.

Государственное управление в сфере культуры имеет свои особенности, которые могут отличаться в разных странах в зависимости от их политической, экономической и культурной специфики. В России же государственное управление в сфере культуры имеет ряд особенностей. Данные особенности в том числе связаны с существующей формой административно-территориального устройства [5].

¹ Составлено авторами.

Рис. 3. Современные вызовы управлению в рамках государственной культурной политики¹

Fig. 3. Modern challenges to management within the framework of state cultural policy

Управление государственной культурной политикой как многоуровневой системы формируется и реализуется государственной властью на муниципальном, региональном и федеральном уровнях.

Управление культурной политикой носит сложный синергетический характер и представляет высшую степень сложности с ее спецификой реализации, так как идет формирование главных направлений развития в духовной, творческой и социально-экономической сферах.

На особенности управления в рамках государственной культурной политики оказывают сильное негативное влияние проблемные аспекты, которые требуют своевременного и незамедлительного их решения (рис. 4).

Управление в данной сфере сталкивается и с другими негативными моментами. Так, сегодня существуют проблемы связанные с управлением государственной культурной политикой в виде политического использования культуры одних стран по отношению к другим странам.

Фундаментальные аспекты управления государственной политикой культуры превращаются в стратегию развития различных сфер жизнедеятельности общества.

Возможные пути решения проблемных аспектов управления в рамках государственной культурной политики можно реализовать через принятие эффективных управленческих решений (рис. 5).

Решение данных проблем окажет положительное влияние на популяризацию и сохранение культурного наследия. Важно, чтобы государственная культурная политика объединяла культурные организации, деятелей искусств и граждан для решения поставленных проблем в целях позитивных изменений и культурного разнообразия.

В последние годы значительный интерес приобрело управление реализации проектов в культурной деятельности, что свидетельствует об эффективности данного метода как инструмента организационно-управленческой деятельности.

¹ Составлено авторами.

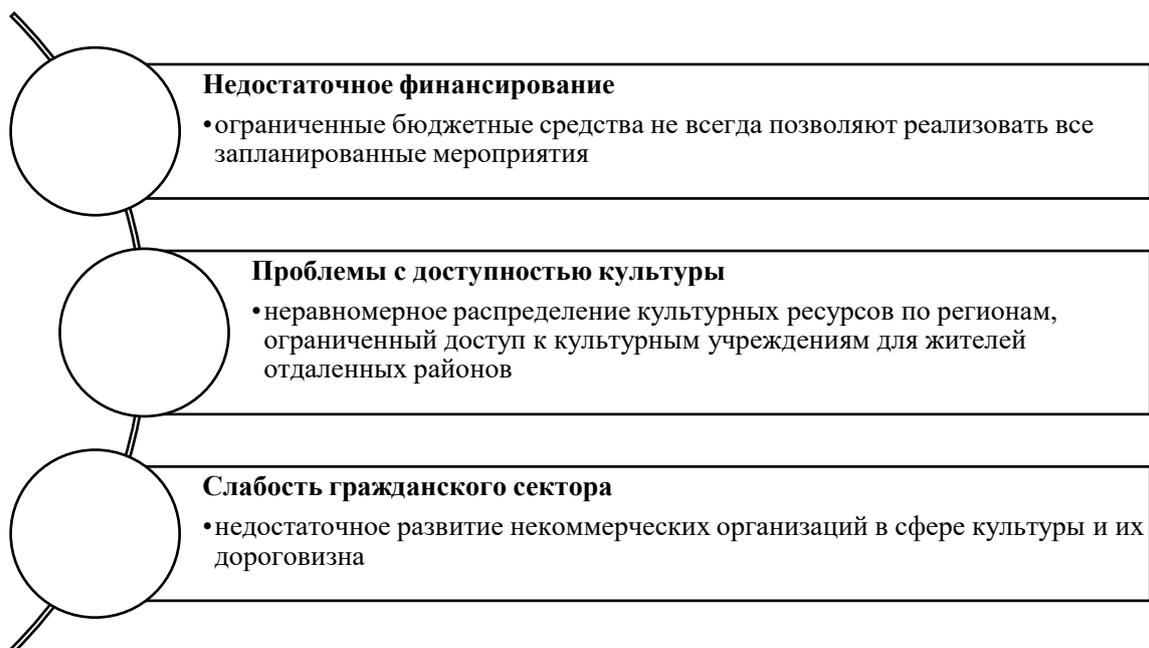

Рис. 4. Проблемные аспекты влияющие на особенности управления в рамках государственной культурной политики¹

Fig. 4. Problematic aspects affecting the peculiarities of management within the framework of state cultural policy

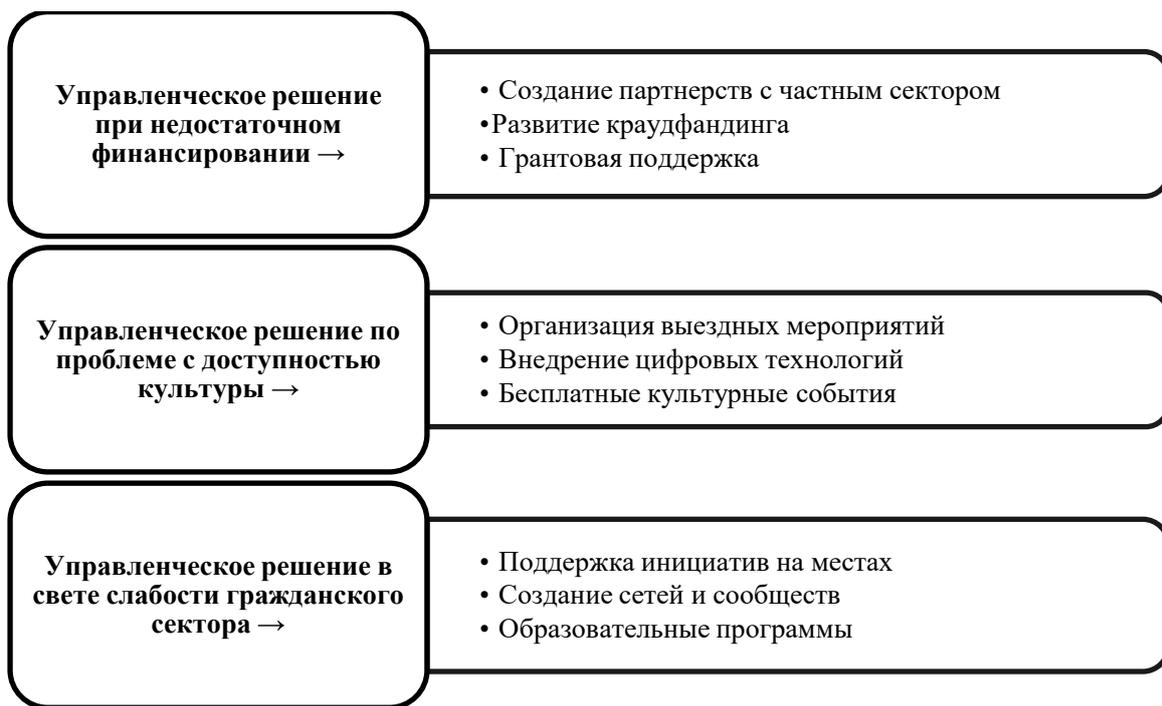

Рис. 5. Возможные пути решения проблемных аспектов управления в рамках государственной культурной политики²

Fig. 5. Possible ways to solve problematic aspects of management within the framework of state cultural policy

¹ Составлено авторами.

² Составлено авторами.

«В контексте современных социально-экономических условий, которые характеризуются определенными особенностями и вызовами, оптимизация использования проекта как механизма культурной политики приобретает особую важность для России» [6].

Киселева А.А. и Ковалев А.И. в своей работе отмечают следующее: «Выделим направления, в рамках которых видится оптимальным использование проектов в сфере управления культурной политикой» [7].

Проектное управление в современных условиях является именно тем инструментом, который дает эффективность в любой сфере деятельности, в том числе и при управлении культурной сферой. Капустина Н.В. в рамках своего исследования, так же отмечает критерии успешности при применении проектного управления [8].

В контексте современных социально-экономических условий использование данного механизма будет способствовать результативности предлагаемых направлений, а оптимизация использования проектов в культурной сфере с учетом специфики управления приобретает особую важность для страны, так как подлежит быстрой корректировке при изменении экономической, политической и социальной среды. Проектное управление в культурной сфере, сегодня является самым надежным инструментом помогающим обеспечить финансирование и развитие культурных инициатив.

Как отмечает в своей работе Колядко И. Н.: «В условиях формирования нового типа общества – информационного – характер динамики современных модернизирующихся социумов существенно меняется» [9]. Масленченко С. В. также активизирует свое внимание на актуальных трендах в цифровизации культуры [10].

Все это позволяет сделать вывод, что в современных реалиях взаимосвязь проектного управления и цифровизации дадут положительный аспект в управлении государственной культурной политикой.

Государство проводит постоянную работу в сфере регулирования деятельности культурной политики, оказывает должное внимание нормативно-правовым процедурам, предоставляет нужные инструменты в управленческом звене.

Заключение

Осмысление особенностей управления при реализации государственной политики в культурной сфере предопределяет направления дальнейшего развития культуры и ее места в обществе.

Таким образом, современные особенности управления в рамках государственной культурной политики имеют значительные преимущества. Они способствуют формированию политкультурных качеств, уважительному отношению к ценностям других культур, положительному влиянию на социально-экономическую ситуацию и являются драйвером экономического роста страны.

Список источников

1. Пискунов С. А. Реализация задач стратегии государственной культурной политики // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. Материалы Международной научно-практической конференции. Казань. 17 мая 2024. С. 55–58.
2. Единак А. Ю. Проектирование государственной культурной политики // Актуальные проблемы педагогики и психологии. Сборник статей и тезисов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 9–15.
3. Серова Н. В. Специфика управления культурой в рамках реализации государственной культурной политики // Научная палитра. 2023. № 2 (40).
4. Белозор А. Ф. Межкультурная коммуникация в современном обществе: управление культурой в условиях цифровизации // Межкультурная коммуникация в контексте цифровизации и медиатизации. Сборник научных статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола. Брянск, 2020. С. 55–62.
5. Мусина А. М., Захарова В. А. Особенности государственного управления в сфере культуры // Молодой ученый. 2024. № 11 (510). С. 114–116.
6. Хураськин А. В., Каримов Б. Г. Проектная деятельность в сфере культуры в современных условиях // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2024. С. 118–122.
7. Киселева А. А., Ковалев А. И. Управление государственной культурной политикой на региональном уровне // Фундаментальные исследования. 2023. № 1. С. 71–75. [Электронный ресурс]. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43422> (дата обращения: 29.10.2024).

8. Капустина Н. В. Анализ аспектов проектного управления в современных условиях: риски и критерии успешности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 47–52. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-47-52>. EDN EMXCNU.

9. Колядко И. Н. Цифровизация культуры: «Вызовы» и риски современной медиареальности // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 192–197.

10. Масленченко С. В. Актуальные тренды в цифровизации культуры // Культура. Наука. Творчество. XVII Международная научно-практическая конференция. Минск, 2023. С. 193–197.

References

1. Piskunov S. A. The implementation of the tasks of the strategy of state cultural policy. In: *Socio-cultural activity: vectors of research and practical perspectives*. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Kazan. May 17, 2024;55-58. (In Russ.).

2. Edinak A. Yu. Designing the state cultural policy. In: *Actual problems of pedagogy and psychology*. Collection of articles and abstracts based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Moscow. 2023;9–15. (In Russ.).

3. Serova N. V. The specifics of cultural management in the framework of the implementation of the state cultural policy. *Scientific palette*. 2023;2(40). (In Russ.).

4. Belozor A.F. Intercultural communication in modern society: cultural management in the context of digitalization. In: *Intercultural communication in the context of digitalization and mediatization*. Collection of scientific articles based on the materials of the interuniversity scientific and practical round table. Bryansk, 2020; 55–62. (In Russ.).

5. Musina A. M., Zakharova V. A. Features of public administration in the field of culture. *Young Scientist*. 2024;11(510):114–116. (In Russ.).

6. Khuraskin A. V., Karimov B. G. Project activity in the field of culture in modern conditions. In: *Modern society: current problems and prospects of development in the socio-cultural space*. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. Cheboksary, 2024;118–122. (In Russ.).

7. Kiseleva A. A., Kovalev A. I. Management of state cultural policy at the regional level. *Fundamental research*. 2023;1:71-75. [electronic resource]. Available from: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43422> [Accessed 29 October 2024]. (In Russ.).

8. Kapustina N. V. Analysis of aspects of project management in modern conditions: risks and success criteria. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(1):47-52. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-47-52>. EDN EMXCNU

9. Kolyadko I. N. Digitalization of culture: “Challenges” and risks of modern media reality. In: *Modern urbanism: social well-being and digital transformation of the city*. Collection of materials of the International scientific and practical conference. Minsk, 2024;192–197. (In Russ.).

10. Maslenchenko S. V. Current trends in the digitalization of culture. In: *Culture. Science. Creation*. XVII International Scientific and Practical Conference. Minsk; 2023:193–197. (In Russ.).

Информация об авторах

И. Н. Горбова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и управление персоналом» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

В. В. Тарновский – кандидат экономических наук, директор АНО ДПО «Национальный исследовательский институт культурного наследия».

Information about the authors

I. N. Gorbova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Management and Personnel Management of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

V. V. Tarnovsky – Cand. Sci. (Econ.), Director of the National Research Institute of Cultural Heritage.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.10.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 29.10.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья

УДК 351+354

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-59-66>

EDN CPJYFY

Тенденции формирования компетенций бережливого управления в условиях корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих

Сергей Николаевич Ильин¹,
Михаил Амиранович Овакимян²

¹АО «Производственная система «ПСР» Государственной корпорации «Росатом», Москва, Россия

¹Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Михаил Амиранович Овакимян, ovakimyan-ma@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0885-5623>

Аннотация. Формирование компетенций бережливого управления (Lean) в системе подготовки кадров государственного управления и местного самоуправления является одним из наиболее эффективных способов повышения результативности труда в государственных и муниципальных организациях. Внедрение Lean-технологий способствует более продуктивной и эффективной работе государственных и муниципальных служащих. В исследуемой системе более сложной задачей представляется – изменение традиционного мышления и подходов к организации работы служащих, что иногда является серьезным препятствием для внедрения бережливого подхода в управлении системами публично сектора. Так, автором рассмотрены мнения экспертов, имеющих широкую практику внедрения бережливых технологий в систему управления. Особое внимание уделено анализу отечественного опыта внедрения методологии «бережливого производства» и «бережливого управления». В статье обоснована значимость и особенности формирования компетенций реализации бережливого подхода в практике подготовки государственных и муниципальных служащих. Делается предположение о том, что среда и используемые современные инструменты бережливого подхода в управлении при подготовке государственных и муниципальных служащих – формируют «бережливый образ мышления» у самих служащих. На основании вышеизложенного выявлены современные тренды и предложены рекомендации по повышению эффективности используемых подходов для применения в системе корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: бережливое управление, бережливое производство, компетенции, государственные и муниципальные служащие, корпоративная подготовка

Для цитирования: Ильин С. Н., Овакимян М. А. Тенденции формирования компетенций бережливого управления в условиях корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 59–66. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-59-66>. EDN CPJYFY

Trends in the formation of lean management competencies in the context of corporate training of state and municipal employees

Sergey N. Ilyin¹, Mikhail A. Ovakimyan²

¹JSC "Rosatom Production System", Moscow, Russia

¹Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Nizhny Novgorod, Russia

²South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Mikhail A. Ovakimyan, ovakimyan-ma@ranepa.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0885-5623>

Abstract. The formation of Lean management competencies in the training system of public administration and local government is one of the most effective ways to increase labor productivity in state and municipal organizations. The introduction of Lean technologies contributes to more productive and efficient work of state and municipal employees, in the system under study, a more difficult task is to change traditional thinking and approaches to the organization of employees' work, which sometimes is a serious obstacle to the introduction of a lean approach in management. Thus, the author considers the opinions of foreign experts who have a wide practice of introducing lean technologies into the management system. Special attention is paid to the analysis of domestic experience in the implementation of the methodology of "lean manufacturing" and "lean management". The article substantiates the importance and features of the formation of competencies for the implementation of a lean approach in the practice of training state and municipal employees. The assumption is made that the environment and the modern tools of a lean approach in management used in the training of state and municipal employees form a "lean way of thinking" among employees themselves. Based on the above, modern trends have been identified and recommendations have been proposed to improve the effectiveness of the approaches used for application in the system of corporate training of state and municipal employees.

Keywords: lean management, lean production, competencies, state and municipal employees, corporate training

For citation: Ilyin S. N., Ovakimyan M. A. Trends in the formation of lean management competencies in the context of corporate training of state and municipal employees. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):59–66. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-59-66>. EDN CPJYFY

Введение

Совершенствование системы принципов, целей и инструментов государственного и муниципального управления является важной задачей современной управленческой науки. Данный процесс предполагает последовательность проведения глубинных научных («полевых» и «кабинетных») исследований системы управления (формирование более совершенной структуры) и подготовки для нее управленческих кадров.

Цель исследования – выявление актуальных тенденций и трендов в формировании компетенций бережливого управления (Lean) в системе корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих.

Данная цель предполагает решение следующих задач исследования:

- определение актуальности совершенствования системы корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих с использованием принципов и инструментов бережливого управления;

- анализ регионального опыта внедрения бережливого управления в систему государственного управления и местного самоуправления в России;

- рассмотрение методики корпоративной подготовки, применяемой Государственной корпорацией «Росатом» в формировании компетенций бережливого управления в системе корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих.

Отлаженные процессы управления повышают производительность труда государственных служащих и сотрудников государственных и муниципальных организаций. В настоящее время значительная часть работы служащих связана с выполнением поручений и такое «ручное управление» может быть эффективно на оперативном уровне, но не подходит для тактического и стратегического управления, приводя к перегрузке и эмоциональному выгоранию работников. Поэтому исследование эффективных способов повышения производительности труда государственных и муниципальных служащих представляется особенно актуальным в условиях турбулентного развития мира.

Актуальность совершенствования системы корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих

Масштабная административная реформа, проведенная в сфере государственного управления, предусматривала разработку административных регламентов и основных стандартов государственных услуг, ликвидацию избыточных функций федеральных и региональных органов исполнительной власти [1]. Административные регламенты органов государственной власти должны были включать «комплексное описание порядка выполнения отдельного делового процесса, обеспечивающего реализацию функции или нескольких функций органа исполнительной власти» [2]. Однако их разработка в большинстве случаев носила формальный характер, обеспечивала в основном регламентацию внутреннего документооборота и не решала проблемы оптимизации деловых процессов в органах власти. Но все же, комплексное внедрение процессного управления, предусматривающее повышение прозрачности, управляемости и контролируемости деятельности, распределение ответственности в процессах, снижение затрат и повышение результативности деятельности органов управления достигнуто не было. Причинами вновь возникшего интереса к регламентированию деятельности и повышению ее эффективности, стало распространение технологий «бережливого производства» («Lean-технологий»), широко и успешно применяемых в бизнесе, приводящих к его высокой результативности и эффективности.

Эксперты Центра Междисциплинарных Исследований НИУ ВШЭ. Двинских Д. Ю, Рычкова Н. А., Сластихина И. Ю. и Пономарева А. А. обратились к зарубежным экспертам, имеющим широкую практику внедрения бережливых технологий, был получен ценный опыт и предложения от специалистов различных стран. Эксперты из Великобритании, Германии, Объединенных Арабских Эмиратов, Колумбии и Алжира представили свои ответы, основываясь на своих областях деятельности, таких как государственное управление, консалтинг, образование и научная работа. В опросе приняли участие также российские эксперты. Опыт зарубежных экспертов и мнение отечественных специалистов помогли создать адекватные и эффективные стратегии внедрения бережливых технологий в отечественном государственном секторе. Проанализируем полученные авторами результаты [3].

Абсолютное большинство экспертов (92 %) поддерживает необходимость разработки концепции внедрения бережливых технологий в государственном секторе (рис. 1).

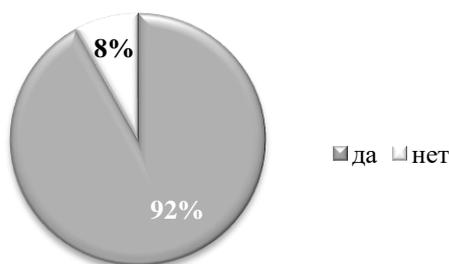

Рис. 1. Нужно ли разработать единую концепцию внедрения бережливых технологий в государственном секторе?

Fig. 1. Is it necessary to develop a unified concept for the introduction of lean technologies in the public sector?

В экспертной оценке роли различных институтов в процессе внедрения Lean-технологий практически все эксперты высказали единодушное мнение в пользу создания соответствующих институтов, которые будут предоставлять методическую и организационную поддержку, особенно для корпоративной подготовки служащих (рис. 2).

По результатам исследования, выявлено, что формирование компетенций бережливого управления может осуществляться как централизованно (55 %), так и децентрализованно.

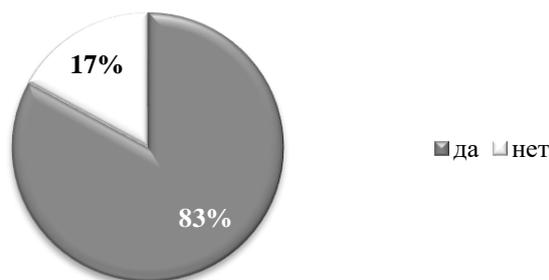

Рис. 2. Целесообразно ли создание отдельных институтов по организации внедрения бережливых технологий в госсекторе?
 Fig. 2 Is it advisable to create separate institutions to organize the introduction of lean technologies in the public sector?

Централизованный подход предполагает, что управление процессом внедрения осуществляется центральным органом или структурой, которая принимает решения и координирует всю деятельность по формированию компетенций бережливого управления. Такой подход позволяет обеспечить единообразие и согласованность в реализации Lean-подхода. Децентрализованный подход, напротив, предоставляет отдельным подразделениям возможность самостоятельно внедрять Lean. Это позволяет более гибко адаптироваться к особенностям каждого отдельного подразделения и решать проблемы на местах. Смешанный подход комбинирует и централизованный, и децентрализованный подходы. При таком подходе центральная структура занимается решением глобальных проблем и обеспечивает обмен опытом и координацию, а департаменты имеют свободу в принятии решений и внедрении Lean на своем уровне.

Основные результаты, которые может принести внедрение Lean в государственный и муниципальный секторы корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих и подтверждает актуальность данного процесса, включают следующие количественные и качественные характеристики процессов включают:

- сокращение временных затрат;
- снижение финансовых издержек;
- повышение качества предоставления услуг;
- улучшение процессов и внутриорганизационного взаимодействия;
- повышение результативности органов власти.

Анализ опыта внедрения бережливого управления в систему государственного управления и местного самоуправления в России

Для успешного формирования компетенций бережливого управления в условиях корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих, важны определенные мероприятия. Четкое понимание и поддержка идеологии на всех уровнях, а также активное участие руководства и персонала, способствующих эффективному улучшению процессов и достижению более высоких результатов. Инструменты, определяющие успешность внедрения Lean в организации, представлены на рис. 3.

Отметим, что в 2017 г. в пяти регионах Российской Федерации стартовал пилотный проект «Бережливое государство» [5].

Значительный опыт по внедрению Lean-технологий был накоплен в сфере государственного управления в Республике Татарстан, где внедрение бережливых технологий осуществляется, начиная с 2012 г. Указанная концепция впервые была внедрена в Министерстве сельского хозяйства Республики Татарстан в условиях корпоративной подготовки. Организовывалось эффективное рабочее пространство, устранялись потери излишней обработки информации, ее поиска и перемещения. Работники министерства обучались и выполняли мероприятия по сортировке, упорядочиванию и стандартизации собственных рабочих мест, для чего использовалась одна из методик бережливого управления – 5S. Это позволило значительно сократить время на поиск необходимой документации и информации. Уже на первых шагах упорядочивание и организация рабочих мест обеспечили прирост производительности и эффективности на 20–30 %. Также в министерстве

велась работа по совершенствованию и стандартизации системы 5S. Издан приказ от 22 июня 2012 г. № 406 «О совершенствовании системы 5S в Министерстве труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан». На его основании разработаны Положение о работе отделов министерства по совершенствованию системы 5S и стандарты министерства по системе 5S. В Татарстане успешно действует проект «Набережные Челны – город устойчивого развития»¹. В настоящее время в Республике Татарстан прорабатываются вопросы по формированию и внедрению отдельной образовательной программы в области внедрения системы бережливого управления в муниципальных районах и городских округах².

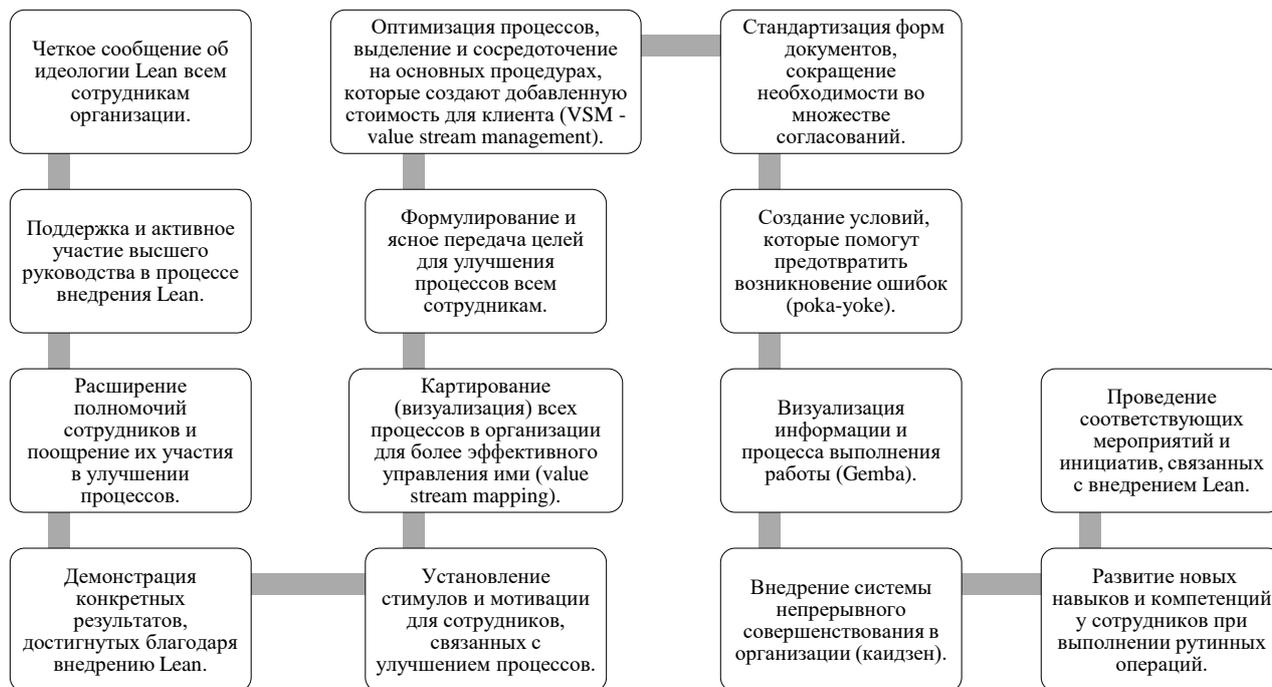

Рис. 3. Инструменты, определяющие успешность внедрения Lean [4]

Fig. 3. Tools determining the success of Lean implementation [4]

В Краснодарском крае в сентябре 2016 г. при поддержке Фонда «Вольное дело» и АНО «Японский центр Кайдзен» начал реализацию пилотный проект по применению бережливых технологий в муниципальном управлении. В Усть-Лабинском районе Краснодарского края был разработан и реализован пилотный проект «Бережливый Усть-Лабинск», основной целью которого являлось формирование культуры бережливого управления в органах местного самоуправления Усть-Лабинского района.

В результате проведенных мероприятий – встреч с главами поселений и специалистами, общения с местным населением, обучающих семинаров – были выделены и разработаны первоочередные проекты в рамках реализации общего проекта «Бережливый Усть-Лабинск» [6].

Использование технологий бережливого управления в государственных организациях является ключевой задачей и Комитета по повышению эффективности государственного управления Санкт-Петербурга. В 2020 г. Комитет стал одним из первых исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга, включившихся в реализацию программы «Эффективный регион»,

¹ Практика внедрения лин-технологий в государственном секторе: кейсы/ Кейс «Бережливый Татарстан». URL: https://studme.org/404747/menedzhment/praktika_vnedreniya_tehnologiy_gosudarstvennom_sektore_keysy.

² Попасть в топ: как в Татарстане внедряют идеологию бережливого производства. URL: <https://xn--80aarpemcchfm07a3c9ehj.xn--p1ai/news/popast-v-top-kak-v-tatarstane-vnedryayut-ideologiyu-be-rezhlivogo-proizvodstva>.

разработанной совместно с субъектами РФ и ГК «Росатом». В рамках этой программы было создано отдельное структурное подразделение – отдел реинжиниринга Управления развития инфраструктуры Комитета, которое занимается оптимизацией существующих процессов и внедрением технологий «бережливого управления» в государственном управлении и местном самоуправлении. Отдел реинжиниринга использует опыт специалистов АО «ПСР» (ГК «Росатом») при осуществлении своей деятельности. Одной из ключевых целей концепции «бережливого управления» является устранение потерь, не создающих ценность в процессе оказания услуг или производства. Сотрудниками отдела реинжиниринга проведен анализ деятельности Комитета и выделено 332 процесса, которые условно разделены на 4 группы по основным направлениям работы. Из них выделено 92 ключевых процесса, оказывающих непосредственное влияние на формирование комфортной среды [7]. Данный опыт продемонстрировал положительные результаты в повышении эффективности в корпоративной подготовке государственных и муниципальных служащих.

**Методика корпоративной подготовки,
применяемая Государственной корпорацией «Росатом»
в формировании компетенций бережливого управления
в условиях корпоративной подготовки государственных и муниципальных служащих**

Рассмотрим на примере опыта корпоративного обучения с использованием опыта применения методики, предложенной экспертами Государственной корпорации «Росатом». Методика формирования компетенций бережливого управления у государственных и муниципальных служащих через корпоративную подготовку включает:

1. Ознакомление с концепцией бережливого управления:

- проведение информационных семинаров и тренингов, на которых служащие ознакомились с основными принципами и преимуществами бережливого управления;
- изучение успешных проектов и практик, реализованных в других организациях, как внутри регионов, так и за пределами.

2. Выработку понимания применимости бережливого управления в государственных и муниципальных организациях:

- анализ и определение областей, в которых применение бережливого управления может быть наиболее эффективным и перспективным;
- выявление конкретных задач, которые можно решить с помощью применения методов бережливого управления.

3. Разработку плана внедрения:

- составление детального плана внедрения бережливого управления, который учитывает специфику каждой организации и ее особенности;
- выделение ресурсов, необходимых для реализации плана, включая финансовые, технические и кадровые ресурсы.

4. Проведение обучения и тренингов:

- организация тренингов и семинаров по бережливому управлению для служащих, чтобы они получили необходимые знания и навыки.
- обучение методам и инструментам бережливого управления, например, методике 5S (сортировка, систематизация, соблюдение порядка, стандартизация, самодисциплина).

5. Практическую реализацию:

- внедрение бережливого управления на практике, начиная с пилотного проекта в ограниченном масштабе и постепенно расширяя его;
- оценка полученных результатов и проведение регулярного мониторинга для выявления прогресса и определения областей для улучшения.

6. Обмен опытом и масштабирование:

- организация обмена опытом между различными организациями и служащими, чтобы обеспечить непрерывное развитие компетенций в области бережливого управления;
- масштабирование успешных проектов и решений для применения в других государственных и муниципальных организациях.

Таким образом, формирование компетенций бережливого управления у государственных и муниципальных служащих осуществляется через ознакомление, обучение, практическую апробацию и обмен опытом, что способствует повышению эффективности и устойчивости работы государственных и муниципальных структур.

Рассматривая основные тенденции, которые можно предпринять для обучения и развития государственных и муниципальных служащих в области бережливого управления, предложим шесть шагов, акцентируя внимание на определении видения, выражения приверженности, измерения ценности и потерь, определении этапов достижения результатов и других аспектах, которые специфичны для корпоративной подготовки (рис. 4):

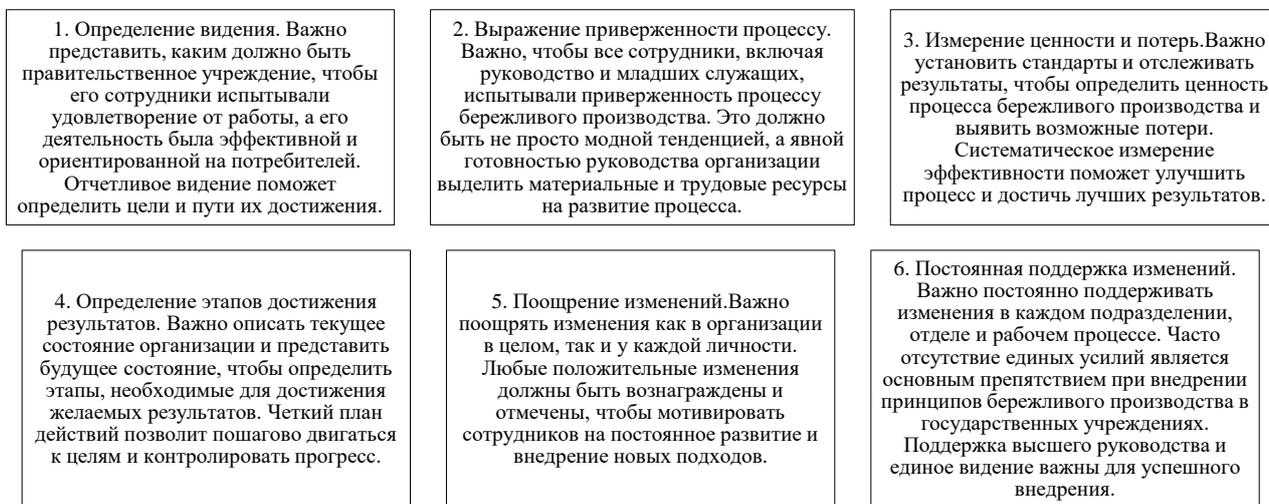

Рис. 4. Шесть шагов для эффективного формирования компетенций бережливого управления у государственных и муниципальных служащих¹

Fig. 4. Six steps for effective formation of lean management competencies among state and municipal employees

Кроме того, важно отметить, что для государственного сектора требуется доработка и адаптация инструментов, методов и терминологии бережливого управления с учетом его особенностей. Государственные и муниципальные организации имеют свои особенности и ограничения, поэтому важно адаптировать подходы бережливого управления под эти условия, чтобы добиться максимальной эффективности использования ресурсов.

Заключение

Результатами реализации проектов бережливого управления в корпоративной подготовке государственных и муниципальных служащих становится²: сокращение потерь времени и ресурсов при взаимодействии с органами власти и при получении государственных и муниципальных образовательных услуг; повышение удовлетворенности уровнем и качеством освоения компетенций и качеством взаимодействия по реализации принципов бережливого управления в государственном и муниципальном секторе; улучшение имиджа органов власти благодаря их готовности к использованию прогрессивных технологий, к диалогу и сотрудничеству в сфере внедрения бережливого управления.

Список источников

1. Клименко А. В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyatiletie-administrativnoy-reformy-rezultaty-i-novye-vyzovy> (дата обращения: 09.07.2024).
2. Матиев З. Б. Методология бережливого производства в государственном управлении // Региональная специфика и российский опыт развития бизнеса и экономики. Материалы XIII Международной научно-практической конф. Сост. Р. И. Акмаева, Э. Д. Магеррамова. Астрахань, 2022. С. 136–139.
3. Двинских Д. Ю., Рычкова, Н. А. Сластихина И. Ю., Пономарева А. А. Бережливое правительство: как и для чего внедряют lean за рубежом. <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/333138293>.

¹ Применение принципов бережливого производства в государственных учреждениях. URL: <https://ria-stk.ru/mmqa/detail.php?ID=7596>.

² Проект росатома «Эффективный регион». URL: <https://lean.cdto.ranepa.ru/9-1-celi-i-ohvat-proekta>.

4. Ожаровский А. А. Бережливое управление в госсекторе. Как наладить процессы / Под ред. А. В. Ожаровского, К. А. Ткачевой. М.: РАНХиГС, 2021. 184 с.

5. Чазова И. Ю., Соломенникова С. И. Применение методов бережливого управления в органах государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Том 31. № 5. С. 834–842. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-5-834-842>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-berezhlivogo-upravleniya-v-organah-gosudarstvennoy-vlasti> (дата обращения: 09.07.2024).

6. Сычанина С. Н., Мирончук В. А., Шолин Ю. А. Бережливое управление: методы и инструменты бережливого производства в муниципальном управлении, перспективы и практика применения // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4 (45). С. 198–203.

7. Ситов А. Н. Внедрение технологий «бережливого производства» в сферу государственного управления на примере деятельности отдела реинжиниринга // Экономические науки. 2021. № 12 (205). С. 152–157.

References

1. Klimenko A. V. Decade of administrative reform: results and new challenges. *Public Administration Issues*. 2014;(1):8–51. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyatiletie-administrativnoy-reformy-rezultaty-i-novye-vyzovy> [Accessed 9 July 2024]. (In Russ.).

2. Matiev Z. B. Methodology of lean production in public administration. In: *Regional specifics and Russian experience in business and economic development. Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference*. Comp. R. I. Akmaeva, E. D. Magerramova. Astrakhan; 2022:136–139. (In Russ.).

3. Dvinskikh D. Yu., Rychkova, N. A., Slastikhina I. Yu., Ponomareva A. A. *Lean government: how and why lean is being implemented abroad*. Available from: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/333138293>.

4. Ozharovsky A. A. Lean management in the public sector. How to set up processes. Eds. A. V. Ozharovsky, K. A. Tkacheva. Moscow: RANEPА; 2021. 184 p. (In Russ.).

5. Chazova I. Yu., Solomennikova S. I. Application of lean management methods in public authorities. *Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law"*. 2021;31(5):834–842. DOI: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-5-834-842>. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-berezhlivogo-upravleniya-v-organah-gosudarstvennoy-vlasti> [Accessed 9 July 2024]. (In Russ.).

6. Sychanina S. N., Mironchuk V. A., Sholin Yu. A. Lean management: methods and tools of lean production in municipal management, prospects and practice of application. *Business. Education. Right*. 2018;4(45):198–203. (In Russ.).

7. Sitov A. N. Introduction of "lean manufacturing" technologies in the field of public administration on the example of the activities of the reengineering department. *Economic sciences*. 2021;12(205):152–157. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Н. Ильин – директор проекта АО «Производственная система ПСР» Государственной корпорации «Росатом»; соискатель Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.

М. А. Овакимян – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. N. Ilyin – Project Director of JSC "Rosatom Production System"; the applicant of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin.

M. A. Ovakimyan – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Public and Municipal Administration of South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 27.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 27.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Научная статья

УДК 378.046.4

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-67-85>

EDN DAFETT

Мировые тренды организации и методологии профессионального развития государственных служащих

Светлана Эдуардовна Мартынова¹, Татьяна Будаевна Лаврова²,
Светлана Анатольевна Еварович³, Алексей Маркович Колесников⁴

^{1, 2, 3, 4}Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

¹martynova-se@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0076-5711>

²lavrova-tb@ranepa.ru

³evarovich-sa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3920-8960>

⁴kolesnikov-am@ranepa.ru

Аннотация. Целью статьи является выявление организационных и методологических аспектов дополнительного образования государственных служащих в зарубежных странах. Актуальность обращения к мировому опыту обусловлена необходимостью совершенствования системы профессионального развития. Методология включает анализ научных публикаций, материалов сайтов национальных академий госслужбы и государственных органов зарубежных стран; обзоров национальных и международных организаций за 2021–2024 гг. Различные источники позволили рассмотреть вопросы профессионального развития госслужащих на примере 25 стран. Выявлены направления деятельности государства по профессиональному развитию госслужащих, новые образовательные модели, направления подготовки и формируемые компетенции (клиентоцентричные, цифровые, адаптивные, транспрофессиональные, лидерские), образовательные форматы и новые цифровые инструменты для формального и неформального обучения. В современной системе профессионального развития госслужащих выделены субъект управления данным процессом, объект управления, управляющее воздействие, предпочтительное состояние. Сделан вывод о том, что система профессионального развития приобретает характер экосистемы, в которую вовлечены не только органы власти, госорганизации и образовательные учреждения, но и профессиональные сообщества; некоммерческие, консалтинговые, исследовательские организации; бизнес-структуры; граждане; международные институты.

Ключевые слова: государственная служба, профессиональное развитие, тренды, кадровый резерв, образовательные форматы

Благодарности: работы по научно-методическому обеспечению выполнены в рамках исполнения государственного задания РАНХиГС на 2024 год 12.17-2024 «Методология, технологии и организационно-правовые механизмы формирования и использования федерального кадрового резерва на государственной гражданской службе посредством ЕИСУКС».

Для цитирования: Мартынова С. Э., Лаврова Т. Б., Еварович С. А., Колесников А. М. Мировые тренды организации и методологии профессионального развития государственных служащих // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 67–85. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-67-85>. EDN DAFETT

Global trends in the organization and methodology of professional development of civil servants

Svetlana E. Martynova¹, Tatyana B. Lavrova²,
Svetlana A. Evarovich³, Aleksey M. Kolesnikov⁴

^{1, 2, 3, 4}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹martynova-se@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0076-5711>

²lavrova-tb@ranepa.ru

³evarovich-sa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3920-8960>

⁴kolesnikov-am@ranepa.ru

Abstract. The aim of the study is to identify the organizational and methodological aspects of additional education of civil servants in foreign countries. The relevance of turning to international experience is due to the need to form a professional development system. The methodology includes an analysis of scientific publications, materials from the websites of national academies of civil service and government agencies of foreign countries; reviews of national and international organizations for 2021–2024. Various sources made it possible to consider the issues of professional development of civil servants using the example of 25 countries. The areas of state activity in the professional development of civil servants, new educational models, areas of training and formed competencies (client-centric, digital, adaptive, transprofessional, leadership), educational formats and new digital tools for formal and informal learning are identified. In the modern system of professional development of civil servants, the subject of management of this process, the object of management, the managing influence, the preferred state are identified. It is concluded that the professional development system is acquiring the character of an ecosystem, which involves not only government bodies, state organizations and educational institutions, but also professional communities; non-profit, consulting, research organizations; business structures; citizens; international institutions.

Ключевые слова: civil servants, professional development, training, global trends, personnel reserve

Acknowledgments: The work on scientific and methodological support was carried out within the framework of the execution of the RANEPA state task for 2024 12.17-2024 "Methodology, technologies and organizational and legal mechanisms for the formation and use of the federal personnel reserve in the civil service through the EISUCS".

For citation: Martynova S. E., Lavrova T. B., Evarovich S. A., Kolesnikov A. M. Global trends in the organization and methodology of professional development of civil servants. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):67–85. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-67-85>. EDN DAFETT

Введение

Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2024 № 61 «О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации»¹ содержит положение об организации профессионального развития лиц, включенных в федеральный кадровый резерв (далее – ФКР). В этой связи при формировании системы профразвития ФКР может быть продуктивно обращение к мировым трендам дополнительной подготовки госслужащих, поскольку такие изменения отражают основные тенденции, которые уже проявляются и будут проявляться и в РФ. Учитывая высокий уровень резерва – для замещения должностей федеральной гражданской службы категории «руководители» высшей группы должностей государственной гражданской службы – знание ведущих тенденций может выступать необходимым условием разработки программ профессионального развития.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2024 № 61 «О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации», Положение о федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=606375908&rdk=&link_id=23&intelsearch.

Целью нашего исследования, отраженного в данной статье, выступило выявление организационных и методологических аспектов дополнительного образования госслужащих в зарубежных странах, которые можно отнести к трендам профразвития госслужащих. Конкретизация цели в задачах исследования подразумевает анализ 1) систем организации профессионального развития госслужащих, 2) формируемых компетенций / направлений обучения, 3) образовательных форматов и технологий.

Такое определение задач обусловлено как практической потребностью организации профессионального развития лиц, включенных в федеральный кадровый резерв, так и научными дефицитами разработки данной темы. В научной литературе подходы к организации профразвития госслужащих освещаются в работах по страновым исследованиям [1–6 и др.], а также в публикациях по отдельным аспектам профессионального развития госслужащих [7–15 и др.]. При этом слабо представлено широкое обобщение основных мировых тенденций, между тем как именно системное представление о различных аспектах необходимо для организации профразвития федерального кадрового резерва.

В настоящей статье в качестве мировых трендов квалифицированы:

- ключевые, повторяющиеся аспекты, которые упоминаются в научной литературе и специальных источниках;
- научные подходы и практика, свойственные развитым странам;
- инновации организационного и технологического характера в сфере дополнительного профессионального образования госслужащих.

Источниками сведений о мировых трендах выступили:

- научная литература за 2018-2023 г.г. Выбор научных публикаций осуществлен по запросу «training of civil servants», «professional development of civil servants» в Google Scholar;
- материалы сайтов национальных академий госслужбы: Колледжа лидерства при правительстве Великобритании, Национального института государственной службы Франции;
- материалы сайтов государственных органов зарубежных стран: Правительства Канады, Министра государственного управления Правительства Италии, Федерального агентства США «Центр государственной службы Стенниса»;
- обзоры национальных и международных организаций за 2021-2024 г.г., посвященные различным аспектам профессионального развития госслужащих: Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), Национальной академии публичного управления США (National Academy of Public Administration, NAPA).

Проанализированы сведения о профессиональном развитии госслужащих в США, Великобритании, Германии, Франции, Испании, Италии, Нидерландах, Хорватии, Косово, Албании, Канаде, Сингапуре, Гонконге, Новой Зеландии, Китае, Казахстане, Объединенных Арабских Эмиратах, Вьетнаме, Индонезии, Бангладеше, Нигерии. Кроме того, в обзорах ОЭСР (OECD) отражается обширная практика европейских и других стран (кроме ряда из упомянутых выше, еще Австралии, Республики Корея, Дании). Таким образом, различные источники позволили рассмотреть вопросы профразвития госслужащих на примере 25 стран.

Таким образом, квалификация тренда как тенденции, очевидной во многих государствах мира, причем государствах разной величины¹, подкреплена анализом практики как развитых, так и развивающихся стран, которые находятся на разных континентах, имеют несопоставимую площадь и численность населения.

Система организации профессионального развития госслужащих

Система профессионального развития госслужащих за рубежом формируется под влиянием нескольких факторов:

Дефицит средств. Во многих странах мира бюджет, выделяемый на повышение квалификации государственных служащих посредством обучения, минимален. Соответственно, возникают модели, которые позволяют максимизировать знания, полученные ограниченным кругом лиц [16, р. 165]. Так, правительства поощряют каждого из тех, кто прошел обучение, обмениваться

¹ Government trends 2023. A report by Deloitte Center for Government Insights. 2023 // Deloitte Development LLC. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/industry/public-sector/government-trends.html> (дата обращения: 02.04.2023).

полученной информацией с коллегами [16, р. 164]. В результате исследователи признают, что при тех же затратах на обучение, если будет увеличен обмен знаниями и качество трудовой жизни, можно повысить эффективность государственной службы [16, р. 173].

Кроме того, правительства развивают профессиональную культуру, призванную побудить государственных служащих искать передовые модели и лучшую практику и делиться этими сведениями [16, р. 164]. С такой целью повышается информирование о системах управления знаниями, внедряется существенное поощрение госслужащих к сбору, обработке и распространению полученных сведений среди других сотрудников. Кроме того, поощряется передача экспертных знаний, которыми владеет госслужащий в силу своего собственного опыта и компетенций. Во Франции и Германии при включении в программу обучения даже делается ставка на внутренне мотивированных людей, которые затем становятся драйверами позитивных изменений [17].

В Испании меры жесткой экономии обусловили решение об установлении приоритетов в обучении. Таким приоритетом стало направление «инновации в государственной службе», вероятно, в силу флагманской способности инноваций развивать и другие направления. В Канаде политика жесткой экономии обусловила повышенное внимание к электронному обучению для всех государственных служащих [28, р. 130].

Развитие информационно-коммуникационных технологий. Популярность электронного обучения обусловлена не только соображениями экономии, но и тем обстоятельством, что подавляющее большинство государственных служащих учатся и работают [18, р. 131].

Электронный формат преобразует саму модель обучения, главным принципом которой становится ориентация на обучающегося: его индивидуальные способности и потребности [18, р. 137; 19, р. 444]. В этой связи китайские исследователи используют термин «человекоориентированные ценности сетевого кадрового образования» [19, р. 446].

Ввиду различий возраста, профессии, способностей, знаний госслужащих традиционное обучение в незначительной степени удовлетворяет индивидуальные потребности. Сетевое обучение как раз имеет характеристики разнообразия, своевременности содержания, автономности и открытости. Исследователи подчеркивают, что госслужащие могут самостоятельно выбирать содержание, методы обучения, что повышает их интерес к подготовке и способствует достижению индивидуальных целей [19, р. 445]. Автономия образовательной деятельности обучаемого преодолевает диктат традиционного подхода, при котором преподаватель напрямую вмешивается в выбор.

Кроме того, электронное обучение выходит за рамки традиционного образования, ориентированного на получение объема знаний и формирование навыков [20, р. 896]. По меткому наблюдению китайских исследователей, сетевое обучение государственных служащих – это практическая деятельность. Новый формат дает возможность реализовать инновации и инициативу со стороны обучающегося. Кроме того, в противовес подходам централизованного офлайн-обучения с жесткой последовательностью госслужащие в сети могут осуществлять подготовку фрагментировано [19, р. 445].

С целью реализации индивидуального подхода, как считают исследователи, необходимо изучение потребностей обучающихся с помощью социологических опросов, планирование и своевременное обновление учебных программ в соответствии с потребностями, разработка большого количества учебных программ и ресурсов для обеспечения свободы выбора, создание высококачественной и удобной платформы онлайн-обучения, проведение научной и разумной оценки качества [19, р. 444-446], а также усиление методической, аналитической и информационной поддержки образовательных программ [21, р. 79].

Высокий уровень образования госслужащих. Как отмечают исследователи, госслужащие, как правило, имеют высшее образование, а потому более ориентированы на активную работу, чем на пассивное восприятие готовых знаний; более склонны к гибкому реагированию. Соответственно востребованы модели обучения, отличающиеся интерактивностью, позволяющие слушателям проявить самостоятельность и способность к инновациям. При этом меняется суть обучения, которое теряет свой традиционный смысл и превращается в новый вид коллективной исследовательской и проектной деятельности по преобразованию окружающей действительности.

Электронное обучение становится все более популярным также в силу этой причины – возможности обеспечить самостоятельное принятие решений. Исследователи утверждают, что в таких условиях исчезает и сопротивление обучению, которое может возникать при директивном дидактическом подходе к образованным слушателям [18, р. 137].

Делается вывод о том, что модель обучения, сфокусированная на проецировании лучших практик в решении стандартных задач, обречена на постоянное отставание. Между тем, этот подход свойственен большей части учреждений, осуществляющих подготовку госслужащих. Перспективным признается подход, который ориентирован не только на приобретение опыта эффективного государственного управления, но и на разработку новых моделей, подходящих для работы в условиях быстрого изменения социальных процессов.

Первый подход более распространен в учреждениях, которые ориентированы на формальный результат – выдачу сертификатов после окончания обучения. Второй распространен в ведущих университетах, имеющих значительный потенциал ученых, преподавателей, специализирующихся в области государственного управления. Такой потенциал позволяет превратить традиционный процесс обучения в коллективное исследование и проектную деятельность по разработке инновационных моделей [18, p. 137].

Внимание государства к профессиональному развитию госслужащих

Заинтересованная и целенаправленная политика государства и соответственно наличие профильных подразделений и организаций играют существенную роль в повышении результативности подготовки и переподготовки госслужащих. В первую очередь, отметим наличие нормативно закреплённой и реализуемой государственной программы обучения госслужащих. Вне такой политики, как утверждают исследователи, обучение будет безрезультатным. Однако и наличие такой политики, как показывает практика Вьетнама, не дает ожидаемых результатов, если планирование несвоевременно, не синхронизировано, а функции субъектов государственного управления в области подготовки и переподготовки кадров четко не определены, не базируются на едином подходе [22, p. 28].

Основополагающие принципы национальной политики обучения госслужащих могут включать оценку потребностей в обучении, процедуры отбора участников обучения, механизмы внутренней и внешней координации, а также процедуры мониторинга и оценки. При этом оценка потребностей в обучении должна быть взаимосвязана с планом развития человеческого капитала в стране [23, p. 81]. В обзоре Организации экономического сотрудничества и развития за 2024 г. «Developing Skills for Digital Government: A review of good practices across OECD governments» в схожем ключе подчеркивается, что развитие компетенций рабочей силы государственного сектора должно стать частью более широких стратегических усилий [17, p. 13].

На организационном уровне изучение потребностей должно быть сосредоточено на 1) анализе задач госорганов и результатов, которые можно достичь обучением для решения этих задач; 2) анализе индивидуальных потребностей сотрудников [24, p. 872]. Исследователи ОЭСР в плане определения индивидуальных потребностей предлагают оценивать имеющиеся навыки служащих – путем сравнения их с определенным стандартом, например, характеристикой компетенций, установленной по уровням, в модели компетенций. Такая оценка поможет определить, кто должен пройти обучение, и в результате избежать непродуктивной траты времени и ресурсов, сосредоточить внимание на конкретных пробелах в навыках разных сотрудников, а также выявить государственных служащих с продвинутыми навыками, которые могут стать драйверами инноваций и обучать других¹.

Другие исследователи обращают внимание на то, что отсутствие результативности подготовки во многих правительственных организациях связано с тем, что потребности в обучении не были критически соотнесены с возможностями применения знаний и навыков, что повлияло на мотивацию к приобретению этих знаний и навыков [24, p. 872].

Результаты обучения, в свою очередь, должны коррелировать с развитием карьеры. Исследователи приводят в этом отношении такой пример: готовность госслужащего после прохождения обучения к решению более сложных проблем может стать основанием для его продвижения по службе [23, p. 81].

В отношении оценки и мониторинга результатов обучения отмечается, что эти процедуры должны проходить непрерывно в целях получения информации для постоянного совершенствования как образовательных программ, так и управления обучением [23, p. 82]. В качестве примера можно привести Французскую Национальную школу администрации – государственное учреждение

¹ The Civil Service Innovation Program (Gov4SAA). 2021 // Официальный сайт ОЭСР. URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/gov4saa> (дата обращения: 21.06.2024).

в сфере послевузовского образования и повышения квалификации – которая с целью оценки результативности подготовки проводит ежегодные опросы. Анкеты рассылаются всем выпускникам, окончившим обучение в последние 14 месяцев и начавшим работать во французском государственном управлении. Параллельно анкета отправляется руководителям выпускников в министерствах и ведомствах, чтобы выяснить, соответствует ли содержание обучения потребностям французского правительства [18, p. 131].

По свидетельству исследователей ОЭСР, в госструктурах эффективность обучения оценивается путем сравнения результатов тестирования сотрудников, которое подразумевает выполнение заданий, до и после. Кроме того, правительства могут брать во внимание такие аспекты, как реакция участников, результаты обучения, изменения в поведении и результаты для организации в целом [17, p. 27]. Так, Австралийская комиссия по государственной службе для оценки программ обучения измеряет посещаемость, изменение знаний и применение материала в рабочем контексте [17, p. 46].

В Испании Некоммерческий фонд Innovation в сотрудничестве с Баскским институтом государственного управления и Университетом Мондрагоны разработал тесты для оценки навыков, приобретенных в ходе обучения, в реальных ситуациях на основе вопросов с несколькими вариантами ответов, интерактивного моделирования или конкретных прикладных задач. Задания адаптивны, то есть меняют уровень сложности на основе ответов пользователей. Тесты, размещенные на цифровой платформе, должны быть пройдены в течение ограниченного времени и под наблюдением в полномочном офлайн-центре для гарантии соблюдения правил [17, p. 46].

Кабинет Министров Великобритании использует результаты оценки, показывающие прогресс в обучении сотрудников, для обоснования увеличения их заработной платы. Такой подход обеспечивает также сильные стимулы для госслужащих участвовать в оценке навыков [17, p. 46].

Канадская школа государственной службы практикует и текущее оценивание: проводит анализ поведения госслужащих в процессе обучения и их удовлетворенности¹.

Учебный центр государственного управления Бангладеш оценивает результативность не только с помощью сравнения знаний до и после обучения, но и путем анализа способностей обученных расставлять приоритеты в целях устойчивого развития, которые предполагают служение общественным интересам [25, p. 332].

Исследователи также говорят о том, что целесообразна оценка влияния программ обучения на производительность труда государственных служащих [26, p. 275]. Фокус внимания при рассмотрении значения профразвития сосредоточивается и на качественной характеристике производительности: насколько обученные сотрудники вносят позитивный вклад в работу своих организаций [23, p. 77].

В свою очередь, результаты оценки должны быть использованы руководством госорганов с такой целью, чтобы поощрять инициативность и самообучение служащих, применение ими навыков на рабочем месте [27, p. 1402].

Кроме того, целенаправленная политика в области обучения подразумевает, что государственному служащему предоставляется возможность заранее планировать свою карьеру, что способствует его вниманию к саморазвитию [16, p. 165]. Эти планы должны основываться на потребностях государственных служащих и превращать обучение в непрерывное образование [28, p. 104].

Наличие централизованных координационных структур управления профразвитием позитивно влияет на реализацию государственных программ [29, p. 163]. Например, в Сингапуре как подразделение правительства существует центральное Координирующее агентство, которое организует взаимодействие между органами государственной службы и университетами или колледжами. Роль этого агентства заключается не в том, чтобы диктовать политику государства, а в том, чтобы разрабатывать образовательные программы в соответствии с государственными планами с участием заинтересованных сторон. Кроме того, агентство осуществляет мониторинг и оценку деятельности, связанной с обучением [23, p. 81].

Кроме того, система организации профразвития может включать целенаправленную финансовую поддержку государством образовательных учреждений. Исследователи отмечают, что эффективными будут вложения не просто в программы или мероприятия обучения, а в создание устойчивых учебных организаций. В частности, в Сингапуре учебные заведения соответствующего профиля

¹ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspcs-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024)

имеют достаточную финансовую поддержку со стороны правительства [23, р. 82]. Опыт Хорватии также показывает позитивное влияние централизации финансовых средств [28, р. 105].

Результативность организации профразвития зависит в серьезной степени от позиции руководства госорганов. Продуктивная позиция подразумевает поощрение госслужащих к обучению, выделение финансирования на соответствующие цели [23, р. 98], карьерное продвижение обученных. Велика роль руководителя и в формировании такой профессиональной культуры, которая ориентирована на достижения. Такая профессиональная культура в корне отличается от государственной службы, где лояльность и стаж определяют все, а принцип «жди своей очереди» подавляет инновации и готовность к обучению. Соответственно мотивирование сотрудников к профразвитию рассматривается сейчас даже как политический приоритет, поскольку в конечном итоге влияет на качество предоставления публичных услуг, национальную производительность и устойчивую конкурентоспособность [24, р. 880–881].

Еще один аспект организации системы профразвития отмечают китайские исследователи. По их мнению, необходимо создание национального резерва высококвалифицированных преподавателей и перенаправление высококачественных образовательных ресурсов на низовой уровень для решения проблемы нехватки на этом уровне таких ресурсов [30, р. 14].

Влияние организационной среды на мотивацию к обучению

Ученые Нигерии выявили и то обстоятельство, что поддержка со стороны коллег, равных по служебному положению, имеет значимость в повышении мотивации госслужащего к обучению [24, р. 869]. Этот эффект связан с существованием групповых норм, которые определяют модель поведения членов группы. Государственная служба как сплоченная группа реализует влияние коллег не только на мотивацию к обучению, но и эффективное использование полученных навыков на рабочем месте [24, р. 869].

Соответственно при формировании моделей организации профразвития необходимо предусмотреть осуществление горизонтальных коммуникаций с косвенным вовлечением в процесс подготовки не только обучаемого, но и его коллег.

Наличие исследовательских и консультационных центров в области госуправления

Организация системы профразвития на современном этапе должна подразумевать взаимодействие с исследователями и консультантами. В отношении исследователей это, в первую очередь, касается сотрудников тех университетов, которые участвуют в обучении госслужащих. Плюсы данного взаимодействия видятся в том, что такие преподаватели задействуют свой опыт и результаты исследований в процессе подготовки госслужащих и могут вовлекать слушателей в коллективные проекты.

Китайские исследователи так мотивируют сотрудничество с университетами: в настоящее время от государственных служащих требуется наличие профессиональных знаний и способностей во многих областях, а партийные школы и административные колледжи могут быть не в состоянии удовлетворить такие потребности в обучении. Китайское обучение госслужащих основывается на «триединстве» преподавания, научных исследований и опыта консалтинга [30, р. 14–15].

Наличие мотивированных и опытных консультантов, тренеров считается важным потенциалом для обеспечения качества обучения. Так, учебные заведения в Сингапуре привлекли таких квалифицированных преподавателей для проведения практического обучения. Важно заметить, что организации не только сотрудничают с тренерами в ходе реализации какой-либо образовательной программы, но также поддерживают взаимодействие в постоянном режиме, вовлекая и поощряя тренеров для участия в семинарах, предоставления консультаций и проведения исследований [23, р. 81].

Наличие внутривосточных и международных связей. Организация профразвития подразумевает установление широких связей с известными коммерческими и некоммерческими организациями для обмена опытом в области управления обучением, генерирования инноваций. Например, сингапурский отдел обучения государственных служащих связан с частными организациями, Всемирным банком, Колледжем государственной службы (Великобритания), АСЕАН, министерствами и местными органами власти [23, р. 82].

Наличие международных связей позволяет развивающимся странам также реализовать программы обучения за счет средств различных доноров. Так, Косовский институт государственного управления и Албанская школа государственного управления организовали с такой помощью тренинги для госслужащих [28, р. 102, 105].

Влияние зарубежных организаций. Страны Евросоюза руководствуются положениями Меморандума о непрерывном обучении Европейской Комиссии, которые провозглашают следующие принципы: развитие; близость образовательных услуг к месту проживания и работы человека; обязательность и преемственность, т.е. обеспечение стремления государственных служащих, глав местных государственных администраций, их заместителей, должностных лиц местного самоуправления и депутатов местных советов к непрерывному самообразованию и профессиональному развитию; целеустремленность, предсказуемость и опережающий характер; новаторство и практическая ориентация; индивидуализация и дифференциация подходов к обучению; открытость; гарантированное финансирование профессионального обучения [31, р. 43].

Ориентация на международные стандарты характерна и для Китая. В этом аспекте отмечается, что с целью соответствия стандартам государственные служащие, ученые и эксперты должны быть способны проводить исследования и дискуссии, расширять свой кругозор [30, р. 14].

Формируемые компетенции

Компетенции определяются соответственно парадигме «сервисного» / клиентоцентричного государственного управления [16, р. 163; 32]. Это безусловный тренд, характерный как для развитых, так и развивающихся стран (Вьетнам [33], Индонезия [23, р. 77], Бангладеш, Нигерия [24, р. 872] и др.). В фокусе внимания в научной литературе находятся ценностные компетенции, связанные с готовностью и «энтузиазмом» к служению обществу [29, р. 163; 34, р. 2296], альтруизмом [35, р. 345], ориентацией на ценности общества [36, р. 142].

Китайские исследователи определяют моральные компетенции также в соответствии с задачами госслужащих напрямую контактировать с людьми и служить им [30, р. 15]. Учебный центр государственного управления Бангладеш ориентирован на подготовку патриотичных и профессиональных государственных служащих, преданных общественным интересам [25, р. 332]. Исследователи Казахстана называют ориентацию на потребителя публичных услуг той компетенцией, которой должны обладать все государственные служащие, независимо от уровня должностной позиции [15, р. 195]. В мировой научной литературе ценностные установки на клиентоориентированность также отмечаются как ключевые компетенции современного госслужащего [32, р. 355].

Развитию ценностных компетенций уделяется внимание не только в процессе работы государственных служащих. В Индонезии формирование личностных компетенций: честности, патриотизма, ответственности, – практикуется уже на этапе базовой подготовки, до приема на госслужбу [34, р. 2297].

Актуальны компетенции, связанные с непосредственным оказанием публичных услуг. Исследователи отмечают, что государственные служащие сталкиваются с растущими требованиями со стороны граждан, увеличением влияния организаций гражданского общества [29, р. 164]. Поэтому результативность обучения сотрудников госорганов, в частности, Испании, связывается со способностью предоставлять высококачественные услуги [37]. Это подразумевает знание положений, процедур и практики предоставления государственных услуг, развитие отзывчивости, инициативности и инновационных способностей [25, р. 334], добросовестность [15, р. 195], умение понимать клиентов [38, р. 67].

Работа электронных правительств обуславливает внимание к таким компетенциям, которые позволяют адаптироваться к новым требованиям прозрачности административных решений, защиты данных, предоставления информации гражданам, работы «горячих линий» [18, р. 126]. По мнению исследователей ОЭСР, в рамках деятельности электронного правительства для всех госслужащих важны цифровые профессиональные, социально-эмоциональные навыки и навыки лидерства в цифровом правительстве. Конкретизация этих компетенций подразумевает признание потенциала цифровой трансформации, понимание пользователей и их потребностей, продвинутые навыки работы с цифровыми технологиями и данными, а также открытое сотрудничество. Важность социально-эмоциональных навыков повышается в силу того, что поддержка цифровыми технологиями функций правительства может привести к сокращению рутинной работы и созданию более гибких команд. Лидерские качества понимаются как способность выступать образцом для подражания и создавать среду, которая способствует и поощряет более широкое использование цифровых технологий [17, р. 13].

Канадская школа государственной службы ориентирована на формирование компетенций, позволяющих находить цифровые решения для переосмысления и перестройки своей работы

с учетом потребностей и ожиданий граждан, причем не только текущих потребностей, но и будущих. С этой целью школа сосредоточивает обучение на таких предметах, как искусственный интеллект, облачные технологии, управление продуктами, agile, разработка сервисов, новые технологии с особым акцентом на трансформацию работы правительств в эпоху цифровых технологий и в контексте государственной службы Канады¹.

В исследованиях подчеркивается, что развитие обучения цифровым навыкам подразумевает гибкий, но комплексный и индивидуально-ориентированный подход. Авторы полагают, что такой подход позволит повысить качество публичных услуг, уменьшить бюрократизм [20].

Внедрение технологических инноваций в государственное управление также мотивирует необходимость формирования новых компетенций [29, р. 164]. Так, позиция Лейденского университета (Нидерланды, 2021 г.) в плане обучения госслужащих основывается на том, что государственный сектор нуждается в профессионалах, способных максимально эффективно использовать потенциал ИКТ и технологических инноваций [18, р. 128]. Институт обучения и развития государственной службы Гонконга создал обучающий портал «Инновации. Технологии», где аккумулирована информация о трендах в области новых технологий, управления проектами внедрения информационных технологий, представлены инструменты для анализа больших баз данных [18, р. 130].

Для эффективной работы с информационными технологиями отмечают необходимые умения развивать потенциал цифровой экосистемы государственного управления, создавать механизмы результативного использования информации, модернизировать бизнес-процессы в госсекторе, моделировать стратегии на различных уровнях управления на основе информационных систем, анализировать и интерпретировать данные в цифровой форме, использовать методы инженерии знаний, виртуальной и дополненной реальности и искусственный интеллект [20, р. 897].

Исследователи Казахстана дополняют этот перечень способностью к виртуальному общению и сотрудничеству, управлению информацией и данными, критическим мышлением в цифровой среде [15, р. 195].

В качестве системного подхода к определению цифровых навыков можно привести Европейскую структуру навыков и компетенций функциональной совместимости в государственном секторе (EIFISC). Особое внимание уделяется навыкам, необходимым госслужащим для повышения эффективности цифровой трансформации за счет предоставления услуг, развития IT-системы и обеспечения совместимости данных. EIFISC включает в себя 9 установок (например, «ориентация на результат»), 4 ценности (например, «вклад в общественные ценности»), 6 областей знаний и 23 области навыков (включая «сотрудничество» или «исследовательские навыки»)².

Пример системного подхода к определению модели цифровых компетенций именно IT-специалистов в госсекторе демонстрирует Дания. Модель определяет четыре основные области цифровых компетенций служащих центрального правительства Дании: 1) стратегия и развитие бизнеса, 2) проекты и дальнейшее развитие, 3) данные и безопасность и 4) управление и сотрудничество. Наряду с такими цифровыми навыками, как, например, «использование данных» или «кибер- и информационная безопасность», модель также включает в себя социально-эмоциональные навыки, связанные с управлением и сотрудничеством [17, р. 24].

Высокий динамизм всех сфер общественной жизни обуславливает внимание к таким компетенциям, как способность к предвидению и планированию [21, р. 76], в т.ч. предвидению возможных вызовов³, стратегическое мышление, навыки управления изменениями и эффективностью [15, р. 195]. Важное внимание уделяется личным качествам, позволяющим результативно действовать в условиях неопределенности [18, р. 126], адаптироваться к ранее неизвестным и неожиданным вызовам [21, р. 79]. К таким качествам относят способность проявлять гибкость, мобильность и активность в современных меняющихся условиях [20, р. 897], способность к саморазвитию [15, р. 195],

¹ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspcs-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

² The Civil Service Innovation Program (Gov4SAA). 2021 // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/gov4saa> (дата обращения: 21.06.2024).

³ Elevating Human Capital: Reframing the U.S. Office of Personnel Management's Leadership Imperative. National Academy of Public Administration, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://s3.us-west-2.amazonaws.com/napa-2021/studies/united-states-office-of-personnel-management-independent-assessment/OPM-Final-Report-National-Academy-of-Public-Administration.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

креативность. Соответственно предлагаемые для госслужащих курсы ориентированы, в т.ч. на повышение творческих способностей [25, р. 334].

Канадская школа государственной службы предлагает темы, позволяющих предвидеть возникающие приоритеты и реагировать на них с учетом интересов всего правительства. В сотрудничестве с Управлением главного специалиста по кадрам и Комиссией по государственной службе Канады Школа планирует программу развития руководящих кадров, направленную на подготовку дальновидных руководителей¹.

В части формирования компетенций внимание уделяется транспрофессиональным / междисциплинарным [18, р. 128] знаниям, универсальным [39] компетенциям / метакомпетенциям [40, с. 11], предполагающим способность выйти за рамки своей профессии, умение принимать многокритериальные решения и осуществлять множественные коммуникации.

Исследователи отмечают, что термин «профессионализм» расширяет свое значение и подразумевает очень широкий спектр навыков, который постоянно обновляется и выходит в «неограниченное и открытое пространство» [21, р. 77]. Китайские исследователи, в частности, подчеркивают, что в настоящее время от государственных служащих требуется наличие профессиональных знаний и способностей во многих областях [30, р. 14]. В подтверждение этого тезиса можно привести и пример итальянской системы организации дополнительного обучения госслужащих, которая предусматривает формирование не только уже распространенных в моделях компетенций цифровых и управленческих навыков, но и экологических².

Профессионализм широкого спектра предполагает способность выстроить общение как с руководителями и коллегами, так и гражданами. Последнее обстоятельство связывается с информационной открытостью органов власти [21, р. 77–78].

Большая роль отводится лидерству [15, р. 195; 21, р. 77]. Обучение лидерству признается более влиятельным по сравнению с функциональным, техническим и другим обучением [16, р. 163]. Так, Канадская школа государственной службы рассматривает лидерские навыки в качестве основных для работы в правительстве, наряду с навыками разработки политики, управления проектами. Программа развития исполнительного лидерства данной школы предполагает формирование управленческих навыков, которые будут способствовать стимулированию инноваций, развитию сотрудничества и достижению результатов для жителей Канады³.

Колледж лидерства при правительстве Великобритании в качестве основных направлений подготовки называет следующие:

1. Стратегия, системы и культура: стратегическое системное лидерство, которое связывает работу лидера в госсекторе с потребностями граждан.
2. Бизнес и риски: определение приоритетов и управление операционными, финансовыми и кадровыми ресурсами, а также целями организации.
3. Принятие решений на основе технологий и данных: работа в многопрофильных командах и использование навыков в области цифровых технологий и обработки данных для внедрения инноваций и решения проблем.
4. Развитие себя и других: активное принятие ответственности за развитие себя и других, создание культуры непрерывного обучения.
5. Инновации и преобразования: стимулирование изменений, преодоление неопределенности и внедрение новых способов мышления для достижения положительных результатов для граждан.
6. Целенаправленное общение: использование соответствующих каналов, платформ и стилей для четкого и лаконичного общения с различными аудиториями.
7. Работа в команде: создание совместной, инклюзивной среды, поддерживающей новые и гибкие методы работы.

¹ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspc-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

² Parte il Piano strategico “Ri-formare la PA. Persone qualificate per qualificare il Paese”. <https://www.funzionepubblica.gov.it/articolo/ministro/10-01-2022/parte-il-piano-strategico-ri-formare-la-pa-persone-qualificate> (дата обращения: 19.06.2024).

³ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspc-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

В Программе директора от Колледжа лидерства подчеркивается значимость ценностей лидера¹.

Образовательные форматы и технологии

Основополагающим принципом выбора методов обучения выступает практическая применимость знаний [19, р. 446; 26, р. 278]. Поэтому к разработке образовательной программы привлекаются практики госуправления. Эффективными могут выступать не только инновационные, но и традиционные методы, актуальные для конкретной программы и конкретной целевой аудитории [21, р. 77].

Практико-ориентированными являются различные мероприятия по обмену опытом, стажировки [21, р. 79], мастер-классы, встречи с экспертами, дискуссионные сессии. Так, Национальный институт государственной службы Франции предлагает высшим руководителям государственных органов мастер-классы по ведению переговоров и ораторскому искусству². Канадская школа государственной службы проводит для руководителей мастер-класс по стратегическому обеспечению ресурсами³. Программы для лидеров Колледжа лидерства при Правительстве Великобритании предусматривают обучение у коллег и мировых экспертов, поддержку в развитии необходимых навыков, знаний и связей на протяжении всей карьеры⁴.

Центр государственной службы Стенниса – федеральное агентство законодательной власти, созданное Конгрессом США – реализует программу для стажеров Конгресса, включающую серии дискуссионных сессий с лидерами этого законодательного органа. Такие обсуждения дают возможность лучше понять роль, которую играет Конгресс в политической системе⁵.

Рассматривая методы развития компетенций, исследователи подчеркивают, что, в основном, развитие происходит путем внутреннего обучения [41]. Новая модель обучения предполагает смещение акцента с формальной подготовки (курсы, семинары) на неформальную (обучение на рабочем месте – «учимся друг у друга»). Обмен знаниями в формате «учимся друг у друга», как показали исследования, оказывает влияние на производительность государственных служащих [16, р. 163]. Помимо передачи знаний, полученных в ходе дополнительного обучения, приветствуется распространение информации «одним днем». Соответствующая культура обмена знаниями предусматривает поиск госслужащими лучших практик и передачу их коллегам [16, р. 164].

Согласно тенденции распространения метода «учимся друг у друга» приобретает популярность практико-ориентированное наставничество и коучинг⁶. Наставничество включается и в образовательные программы [34, р. 2296] и предполагает консультации для участников обучения. В Канадской школе государственной службы практикуется работа с наставником и коллегиальный коучинг для руководителей, в 2022 г. создана сеть 2SLGBTQIA+, направленная на содействие профессиональному росту и повышению узнаваемости руководителей посредством взаимной поддержки, наставничества и коучинга⁷.

Центр государственной службы Стенниса реализует программу наставничества «Новые руководители штата Конгресса». Программа объединяет опытных сотрудников Конгресса с более молодыми кадрами, продемонстрировавшими лидерский потенциал⁸.

¹ Leading to Deliver: A Leadership and Management Prospectus. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus> (дата обращения: 22.05.2024).

² INSP Institut national du service public: сайт. URL: <https://insp.gouv.fr> (дата обращения: 03.05.2024).

³ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspes-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

⁴ Leading to Deliver: A Leadership and Management Prospectus. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus> (дата обращения: 22.05.2024).

⁵ The Stennis Center for Public Service. URL: https://stennis.gov/?page_id=8505https://stennis.gov/?page_id=8505 (дата обращения: 19.06.2024).

⁶ The Civil Service Innovation Program (Gov4SAA). 2021 // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/gov4saa> (дата обращения: 21.06.2024).

⁷ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspes-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

⁸ The Stennis Center for Public Service. URL: https://stennis.gov/?page_id=8505https://stennis.gov/?page_id=8505 (дата обращения: 19.06.2024).

Межминистерский цифровой департамент французского национального правительства для профессионального развития в сфере цифровых технологий предлагает целевые коуч-сессии по 2,5 дня в малых группах по 6 участников [17, p. 34].

Колледж лидерства при Правительстве Великобритании центральное место отводит методу кейсов, ссылаясь на то, что этот подход используется в ведущих мировых образовательных программах для руководителей. Метод кейсов квалифицируется как технология командного обучения и развития с надежной доказательной базой. Метод предполагает использование сложных ситуаций из реальной практики. Например, анализируя в небольших группах прошлые вызовы или инциденты в области государственной политики, обучающиеся могут получить глубокое контекстуальное представление о ситуации и друг о друге. Они задают вопросы и выслушивают тех, кто непосредственно вовлечен в подобные ситуации, а затем размышляют или выступают в той или иной роли участника ситуации на сессиях Red Team challenge. Проводят обучение подготовленные для работы в рамках этого метода фасилитаторы.

В обзоре ОЭСР 2024 г. упоминается экспериментальное обучение, которое реализуется сообществом практиков (коллегиальное обучение) [17; 42]. Австралийская комиссия по государственной службе также создает сообщества практиков для неформального обучения цифровых специалистов по всему миру [17, p. 32].

В цифровой экосистеме правительства Великобритании действуют сообщества следующих профилей: дизайн услуг, исследования пользователей, контент и доступность. Каждое сообщество предоставляет такие ресурсы, как сообщения в блогах и информационные бюллетени, а также предлагает регулярные семинары, где можно обсудить тематические исследования проектов трансформации цифровых услуг. Члены сообществ могут присоединиться к межправительственному Slack-каналу для обмена мнениями с другими экспертами [17, p. 41].

Безусловным трендом выступают деятельностные методы, связанные с непосредственным решением профессиональных задач в смоделированных или реальных условиях. В этом отношении в качестве деятельностного метода можно рассматривать тренинг. Как новый формат практикуются тренинги в режиме онлайн. Так, в Китае есть примеры онлайн-тренингов для государственных служащих 53 ведомств [18, p. 132].

Национальный институт государственной службы Франции использует тренинги для развития коммуникативных навыков, инновационных способностей, навыков работы с искусственным интеллектом, управления изменениями. Тренинги включают коллективный анализ, обмен опытом, формулирование теоретических и методологических вкладов в ролевые ситуации. Канадская школа государственной службы в электронном обучении практикует тренинги по делегированию полномочий¹.

Такой метод «обучения действием», как создание проектов приобретает также максимально практико-ориентированный характер. Подразумевается, что команда госслужащих разрабатывает прототипы публичных услуг, представляет прототипы в форме стартапа, на конкурсной основе получает финансирование и внедряет свои проекты².

Австралийская комиссия по государственной службе реализует программу мобильности, которая создает возможности для цифровых специалистов работать над проектами и задачами в других отделах или организациях. Таким образом, специалисты учатся на рабочем месте, а вся команда, в которую входит специалист, получает выгоду от взаимного обучения и обмена знаниями [17, p. 32].

Цифровое правительство Германии для повышения квалификации госслужащих объединяет в команды специалистов в области цифровых технологий извне и экспертов различных федеральных министерств для работы над проектами цифровой трансформации. Такая деятельность является возможностью для неформального обучения без отрыва от работы [17, p. 39].

Деятельностные коллективные методы подразумевают и взаимодействие с гражданами. Понимание рабочего места госслужащего расширяется до социального контекста. Так, министры правительств в Великобритании, США, Австралии, Канаде и Новой Зеландии признают, что их профессиональное видение развивается в обсуждениях не на официальных встречах, а «на местах».

¹ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspcs-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

² The Civil Service Innovation Program (Gov4SAA). 2021 // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/gov4saa> (дата обращения: 21.06.2024).

Служащие госсектора для развития клиентоцентричных компетенций включаются в самые разнообразные социальные ситуации: проводят семинары в церквях, помогают соседям [43, с. 87].

Электронное обучение также приобретает деятельностный характер и осуществляется на рабочем месте. Как новые инструменты, в частности, в Германии, используются «артефакты консультативной информации», включающие интегрированную базу знаний, «возможности консультирования» – предложения пользователям следовать определенным методам или демонстрировать определенное поведение; сервис thinkLets, который предоставляет сотрудникам рекомендации по социальному поведению, информирует о передовых методах совместного решения проблем в ходе предоставления публичных услуг. Таким образом, данный сервис позволяет государственным служащим во фронт-офисе приобретать или улучшать свои коммуникативные навыки [43, с. 88].

Как методы электронного обучения практикуются также имитационные упражнения [38, р. 67], компьютерные симуляции профессионального обслуживания в контактной зоне, геймификация. К перечню деятельностных методов относят и экспертно-консультационную деятельность госслужащих [21, р. 76].

Можно привести несколько целостных примеров практико-ориентированного и деятельностного подхода в обучении из разных стран и континентов (ОАЭ, Канада, Великобритания, Косово). Примеры демонстрируют программы для госслужащих разной продолжительности (от 5 дней до 12 месяцев), сочетания различных образовательных форматов, закрытость / открытость (вовлеченность негосударственных структур) среды обучения, тренировочный характер подготовки / внедрение проектов. Такая вариативность свидетельствует об отсутствии каких-либо типовых шаблонов в проектировании образовательных программ (табл. 1).

Таблица 1 – Характеристики образовательных программ для госслужащих (ОАЭ, Канада, Великобритания, Косово)

Table 1 – Characteristics of educational programs for civil servants (UAE, Canada, UK, Kosovo)

Страна	Название программы	Продолжительность	Образовательные форматы
ОАЭ (компания GLOMACS)	Обучающий семинар «Электронное правительство, трансформация цифрового правительства Инновационная государственная политика и услуги»	5 дней	Сочетание презентаций с дискуссиями, тематическим исследованием, ролевыми играми, упражнениями, обменом практикой. Последовательность освоения курса базируется на модели «Просмотрите – Изучите – Примените» [18, р. 130].
Канада (Канадская школа госслужбы)	Программа развития исполнительного лидерства	27 дней в течение 12 месяцев. Из них 22 дня – групповое обучение	Групповое обучение, которое включает: - встречи с руководителями высшего звена и экспертами из различных секторов: федерального, муниципального, академического и частного, а также неправительственных организаций; - поездки по Канаде и Соединенным Штатам Америки; - интерактивное обучение. Участники программы получают доступ к совместной, расширенной и диверсифицированной профессиональной сети. Индивидуальная подготовка предусматривает работу с наставниками ¹ .

¹ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspcs-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

Продолжение табл. 1 / Continuation of Table 1

Страна	Название программы	Продолжительность	Образовательные форматы
Великобритания (Колледж лидерства при правительстве)	Программа директора	12 месяцев, 3 модуля	<p>Модуль 1 направлен на развитие высокоэффективных команд, созданных по принципу преодоления организационных границ.</p> <p>Модуль 2 посвящен критическому анализу, принятию решений на основе данных в политике, ориентированной на конкретные результаты, в организации услуг, управлении рисками, разработке стратегии.</p> <p>Модуль 3 охватывает работу правительства в таких аспектах: понимание национального и международного правительственного контекста, понимание региональных потребностей и рычагов воздействия.</p> <p>Индивидуальная подготовка: тренировки, поддержка в развитии опыта управления и сотрудничества с внешними организациями.</p> <p>Дополнительные возможности: практические занятия, выступления спикеров, погружение в среду, ознакомительные поездки, спринтерские/ групповые задания, виртуальные кафе, стажировки, интерактивное онлайн-обучение в рамках гибридного формата (офлайн-семинары плюс оцифрованный контент для каждого модуля)¹.</p>
Косово (правительство)	Инновационная программа государственной службы	Нет данных	<p>Программа начинается с приема заявок, открытого для более чем 20 000 государственных служащих. Участники отобранных команд-финалистов проходят следующую подготовку:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Интенсивная инкубационная программа (участие в семинарах и встречах с техническими экспертами). 2. Методическая и техническая поддержка. 3. Личностное развитие (обучение, практика и развитие мягких навыков). 4. Возможность установления контактов (доступ к экспертам). 5. PR и коммуникации (опубликование в СМИ и помощь в общении с заинтересованными сторонами). 6. Расширение рабочего пространства в вонне правительственных помещений для стимулирования стартап-мышления. 7. Финансирование идей².

¹ Leading to Deliver: A Leadership and Management Prospectus. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus> (дата обращения: 22.05.2024).

² The Civil Service Innovation Program (Gov4SAA). 2021 // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/gov4saa> (дата обращения: 21.06.2024).

Многие страны мира развивают электронные форматы обучения на специализированных ресурсах. Так, в 2015 г. Сингапур начал предлагать государственным служащим бесплатный доступ к более чем 2500 курсам, включая курсы на онлайн-платформе Udemy. Курсы ориентированы как на начинающих, которые хотели бы научиться основам новых технологий, так и на более продвинутых специалистов [18, р. 129].

Итальянские госслужащие обучаются на платформе Sillabus. Опции платформы дают возможность пройти самооценку навыков, тестирование путем выполнения определенных заданий и в результате получить предложение по учебным модулям для преодоления обнаруженных пробелов в знаниях, а также модулям, включающим предложения крупных компаний. Среда обучения проектируется как интуитивно понятная, заимствующая в этом отношении опыт популярных учебных и развлекательных ресурсов¹. Информация о результатах самооценки передается государственным ведомствам и агентствам².

Реализация европейской программы EIFISC осуществляется на платформе MOOK и включает 22 открытых онлайн-курса для самостоятельного обучения навыкам, связанным с функциональной совместимостью в европейском государственном управлении³.

Государственные служащие французского правительства обучаются на онлайн-платформе MENTOR, которая объединяет учебный контент различных тематических областей, включая цифровые технологии. Курсы доступны в различных форматах: онлайн-контент для самостоятельного обучения, тренинги под руководством инструктора, виртуальные классы [17, р. 34].

Южно-Корейская платформа Talent предлагает среду онлайн-обучения, которая поощряет неформальное обучение и обучение без отрыва от производства. Платформа объединяет возможности обучающих ресурсов государственного и частного сектора. Кроме предложения учебного контента, платформа позволяет государственным служащим делиться своим собственным опытом. Форматы участия в распространении опыта предполагают, в т.ч. видеообучение в режиме реального времени. Уникальной особенностью является то, что Talent аккумулирует данные об истории обучения и поведении людей, профилях должностей, сроках службы и т. д., чтобы затем предоставить государственным служащим индивидуальные рекомендации по обучению. Такая информация представляет интерес также для руководителей и сотрудников отдела кадров, поскольку дает представление о навыках госслужащих [17, р. 42].

Особенностью современных онлайн-курсов является режим постоянного обновления контента и визуализация информации. Так, Институт обучения и развития государственной службы Гонконга непрерывно загружает видеоклипы и использует инфографику [18, р. 130]. Кроме того, в практике образовательных курсов для госслужащих в разных странах мира наблюдается запись как очных, так и онлайн- обучающих мероприятий и размещение их в YouTube [18, р. 131].

Расширяется и спектр электронных форматов. Так, Канадская школа государственной службы использует в обучении видеоролики, подкасты, виртуальные кафе (сервисы виртуальной реальности), геймификацию, нейрообучение⁴. Цифровой контент программ Колледжа лидерства при правительстве Великобритании включает видеointервью с руководителями и/или внешними экспертами, виртуальные кафе⁵. Исследователи ОЭСР упоминают виртуальные учебные визиты госслужащих [17, р. 30].

Китайские исследователи считают необходимым использовать 3D-технологии в онлайн-обучении государственных служащих, что, по их мнению, позволяет построить подготовку, близкую к непосредственному опыту, и может эффективно стимулировать сознательность и инициативу обучающихся [19, р. 446]. Кроме того, онлайн-контент для обеспечения интерактивности должен содержать опции для своевременного выражения эмоций, обмена информацией, формулирования вопросов и ответов на них, оценки обучения [30, р. 446].

¹ Nuove competenze per le Pubbliche Amministrazioni//Syllabus. <https://www.syllabus.gov.it/portale/web/syllabus> (дата обращения: 26.06.2024).

² The Civil Service Innovation Program (Gov4SAA). 2021 // Официальный сайт ОЭСР. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/gov4saa> (дата обращения: 21.06.2024).

³ Там же.

⁴ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspcs-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024)

⁵ Leading to Deliver: A Leadership and Management Prospectus. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus/leading-to-deliver-a-leadership-and-management-prospectus> (дата обращения: 22.05.2024).

Технологическая лаборатория Канадской школы госслужбы планирует изучать передовые идеи и использовать новые технологии интерактивного обучения, задействующие виртуальные 3D-среды и увлекательные игры¹.

Инновационным примером выступает лаборатория эмпатии, созданная Цифровой службой правительства Великобритании. Первоначально такой формат предназначался для повышения квалификации госслужащих Министерства труда Великобритании. Лаборатория эмпатии заимствовала аналогичный подход в Фейсбуке и представляла собой площадку для физического тестирования ассистивных (вспомогательных аппаратных и/или программных) технологий. Для любого госслужащего был открыт офис, в котором находились разные типы компьютеров, планшеты и мобильные телефоны, а также устройства для имитации зрения или слуха. Для тестирования государственных услуг были созданы семь вымышленных пользователей – люди разного возраста, происхождения и физических особенностей².

Пример этой лаборатории был заимствован в 2022 г. для Национальной службы здравоохранения, Налоговой службы Ее Величества и Таможни. В этих госструктурах были открыты лаборатории по изучению доступности цифровых услуг и распространению полученного опыта для создания большего количества таких услуг [17, р. 40].

Электронное обучение во многих странах обеспечивается таким рабочим местом, которое практически полностью основано на использовании информационных технологий, позволяющих реализовать организационные, контрольные и оценочные задачи [18, р. 131].

Заключение

Подытожим результаты исследования в соответствии с его задачами. Так, анализ позволил обобщить данные по разным странам, выделить и систематизировать современные подходы.

1. В организации системы профессионального развития госслужащих выявлены следующие тенденции:

1.1. Освоение новых образовательных моделей:

- внедрение моделей, которые позволяют максимизировать знания, полученные (или накопленные ранее) ограниченным кругом лиц;
- развитие сетевой подготовки с преобразованием ее в модель, ориентированную на индивидуальные способности и потребности обучающегося;
- развитие модели обучения в качестве нового вида коллективной исследовательской и проектной деятельности (как в офлайн, так и в онлайн-формате).

1.2. Реализация целенаправленных усилий государства по профессиональному развитию госслужащих:

- разработка, нормативное закрепление и реализация государственных программ профразвития госслужащих, взаимосвязанных с более широкими стратегическими планами;
- формирование централизованных структур управления профразвитием;
- создание и финансирование образовательных организаций, которые занимаются обучением госслужащих;
- проявление активной позиции руководства госорганов в части мотивации госслужащих к обучению, карьерного продвижения обученных, предоставления возможностей применить полученные знания и навыки на рабочем месте;
- формирование профессиональной среды госслужбы, которая ориентирована на поддержку обучающихся коллегами;
- создание национального резерва высококвалифицированных преподавателей и перенаправление высококачественных образовательных ресурсов на низовой уровень;
- развитие взаимодействия органов власти с исследовательскими и консалтинговыми структурами в области госуправления;
- установление широких внутристрановых и международных связей для обмена опытом, генерирования инноваций, получения финансовой поддержки;

¹ Learning path for executives // Canada.ca: The official website of the Government of Canada <https://www.cspcs-efpc.gc.ca/exdev-eng.aspx> (дата обращения: 19.04.2024).

² Government Digital Service (2023), *Creating the UK government's accessibility empathy lab*, <https://gds.blog.gov.uk/2018/06/20/creating-the-uk-governments-accessibility-empathy-lab/> (accessed on 15 February 2023).

- ориентация в планировании и организации подготовки на международные стандарты.

2. Как актуальные направления подготовки и новые компетенции выявлены:

2.1. Направления подготовки – инновации в госуправлении, связанные с развитием клиентоцентричной модели, работой электронных правительств, внедрением новых информационно-коммуникационных технологий и принятием решений на их основе; управление изменениями, лидерство, функционирование многопрофильной команды, работа в международном и региональном контексте.

2.2. Новые компетенции – «сервисные» ценностные установки и навыки; установки, способности и навыки для работы в рамках цифрового правительства; навыки и личные качества для работы в условиях неопределенности; транспрофессиональные компетенции; лидерские компетенции.

3. Как продуктивные и / или новые образовательные форматы (офлайн- и онлайн) фигурируют практико-ориентированные, деятельностные с использованием широкого спектра инновационных цифровых инструментов для формального и неформального обучения.

При указанных качественных характеристиках современной системы профразвития выделим ее компоненты, которые должны присутствовать и при организации профразвития федерального кадрового резерва: субъектом управления данным процессом выступают госорганы, объектом управления – необходимые компетенции госслужащих, управляющие воздействие осуществляется с использованием современных образовательных методов и технологий, предпочтительное состояние – повышение способности госслужащих к реализации модели клиентоцентричного государства. При этом подчеркнем, что система профразвития уже не является закрытой, а приобретает характер экосистемы, в которую вовлечены не только органы власти, госорганизации и образовательные учреждения, но и профессиональные сообщества; некоммерческие, консалтинговые, исследовательские организации; бизнес-структуры; граждане; международные институты.

Список источников / References

1. Cuong T.V., Phuong N.M. *Renovating and improving the quality of training and training cadres and civil servants in Vietnam in international integration*. Hong Duc Publishing House: Hanoi, 2018.
2. Limakrisna N., Noor Z. Z., & Ali H. Employee performance model: Empirical study on civil servants in the West Java Provincial Government. *International Journal of Economic Research. (IJER)*. 2016;13(3):707-719.
3. Grygorieva S. Modern system of civil servant professional training in Ukraine. *International Journal of Legal Studies (IJOLS)*. 2018;4.2:115-127.
4. Nunaj T. The training of Albanian Public Administration: An Analysis of Training Policies and Their Impact in the Professional Development of Civil Servants. *Journal of Educational and Social Research*. 2016; 6.3:149-158.
5. Păceșilă M., Colesca S. E. Professional training of Romanian civil servants in territorial administrative units. *Administration & Public Management Review*. 33 (2019).
6. Borce D., Irena K., Ljubomir D. Current reforms in professional development through training of the public administration in the Republic of Macedonia. *Управленческое консультирование [Administrative consulting]*. 2017;8(104):71–78.
7. Carrel L.F. Training civil servants for crisis management. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2000;8(4):192-196.
8. Chechel A. Professional Development of Civil Servants: Trends and Perspectives Based on Adaptive Leadership. *International Scientific Journal of Universities and Leadership*. 2022;(14):20-29.
9. Dobos A. The role of learning environments in civil service professional development training. *Procedia-social and behavioral sciences*. 2015;(197):565-569.
10. Martynova S.E., Maslennikova O.G. The “service” model of the competences of the municipal employee as the basis of vocational training: Russian experience. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015; (174):2716-2720.
11. Vukovic G., Završnik B., Rodic B., Miglic G. The training of civil servants in the Slovene state administration: issues in introducing training evaluation. *International Review of Administrative Sciences*. 2008;74(4):656-676.
12. Podolchak N. et al. Improvement of professional competencies and personnel competences in the BANI world on the example of civil servants through the development of their emotional intelligence. *Multidisciplinary Science Journal*. 2023;(5).
13. Rahayu M., Rasid F., Tannady H. The effect of career training and development on job satisfaction and its implications for the organizational commitment of regional secretariat (SETDA) employees of Jambi provincial government. *International Review of Management and Marketing*. 2019;(9.1): 79-89.

14. Robles-Rivas J. J., Otero-Flores F. M. The Role of ICT developments by CENEVAL in support of Government policy for the professional development of public servants. In: *E-Learn: World Conference on E-Learning in Corporate, Government, Healthcare, and Higher Education*. – Association for the Advancement of Computing in Education (AACE), 2005. – P. 3116-3128.
15. Sergalieva R. T., Bugubaeva R. O., Talimova L. A. Competence-based approach in the professional development of civil servants. *Bulletin of the University Turan*. 2021;(2):191–198.
16. Hasmin Tamsah, Ansar Gunawan, Yusriadi Yusriadi and Umi Farida. Training, Knowledge Sharing, and Quality of Work-Life on Civil Servants Performance in Indonesia. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. December 2020;7(3):163-176.
17. Burtscher M., Piano S., Welby B. Developing Skills for Digital Government: A review of good practices across OECD governments. *OECD SOCIAL, EMPLOYMENT AND MIGRATION WORKING PAPERS*. No. 303, 2024. 56 URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f4dab2e9-en.pdf?expires=1718861761&id=id&acname=guest&checksum=3C3D15EAEA34B6CA552CA7C11C8768E8> (Accessed 20.06.2024).
18. Khrykov Y.M., Ptakhina O.M., Sych T.V., Dzvinchuk D.I. and Kormer M.V. Trends in the Development of e-Learning for Civil Servants. *Proceedings of the 1st Symposium on Advances in Educational Technology*. – SciTePress: AET, 2022. Vol. 2. P. 126–140.
19. Ni M. Research on the Ways to Realize the Value of Civil Servants' Network Training. *2019 5th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2019)*. Atlantis Press, 2019. P. 444-447.
20. Kohanovskaya I. I., Fatyhova A. L., Golovneva E. V., Golovneva N. A. Training of civil servants in the conditions of development of digital economy. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019.
21. Annin A. G. et al. Professional education of civil servants in terms of socio-cultural transformations. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020.
22. Nghia H. T. Management of training and retraining ethnic minority cadres, civil servants, public employees in the current period. *Journal of Ethnic Minorities Research*. 2020;9(2):23-29.
23. Murti F. P. Managing training for Civil Servants with planning roles in Indonesia: Lessons from Singapore. *Jurnal Perencanaan Pembangunan: The Indonesian Journal of Development Planning*. 2020;4(1):76–102.
24. Ogbodoakum N., Ayub A. F. M., Abiddin N. Z. The role of peer support, superior support, training self-efficacy, training needs and opportunity to use on readiness to participate in training among civil servants in Nigeria. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2020;10(12):868–887.
25. Rahman M. M., Ahmed M. M., Ali M. Y., & Adnan S. How does the Foundation Training Course Enhance the Capacity of The Young Civil Servants to Achieve Sustainable Development Goals (SDGs)? A Study on Bangladesh Public Administration Training Centre. *Knowledge Management, Governance and Sustainable Development: Lessons and Insights from Developing Countries*. India: Routledge, 2020. P. 345–362.
26. Priatna D. K. Evaluation of education and training program for civil servants: A new approach to improving employee productivity. *Sosiohumaniora*. 2020;22(3):274–280.
27. Anh K. Q. et al. Factors Affecting the Effectiveness of Training and Retraining Vietnamese CIVIL Servants. *Russian Law Journal*. 2023;11(3):1395–1403.
28. Haxhiu S., & Alidemaj A.H. Capacity Building of Civil Servants in Kosovo. *Perspectives of Law and Public Administration*. 2021;(10):98–107.
29. Hai N. C., Tuan P. V., Le V. T. P., & Tan T. H. Factors affecting the policy of training and fostering civil servants of Khmer ethnic minorities in the Mekong Delta, Vietnam. *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2023; 46(1):163-173.
30. Dai M. Research on Strengthening the Education and Training of Grassroots Civil Servants. *Journal of Theory and Practice of Contemporary Education*. 2023;3(3):13–15.
31. Goncharuk N., Orhiiets O., Prokopenko L. Formation and development of the system of professional training of public servants in Ukraine: organizational, legal, and economic aspects. *Baltic Journal of Economic Studies*. 2021;7(1):39–46.
32. Mutiarin D., Moner Yasmira P., Nurmandi A. The Adoption of Information and Communication Technologies in Human Resource Management in the era of Public Governance. *Public policy and Administration*. 2019;18(2):346–362.
33. Can N.T. *Training and retraining to improve the capacity of public servants to perform official duties*. Judicial Publishing House: Hanoi, 2020.
34. Meyke A., Hamzah B. U., Noviyanti D., Arwildayanto A.A., Abdul H.P., Arten M. The Effectiveness of the Basic Training Model of Civil Servants Candidate Category III. *Webology*, 2022;19(2). URL: <http://www.webology.org>.

35. Druskienė A., Šarkiūnaitė I. Motivational Incentives of Civil Servants in Lithuanian Municipalities. *Public policy and Administration*. 2018;17(3):344-370.
36. Vitkauskas K., Junevičius A. Viešųjų ir privačiųjų interesų derinimo valstybės tarnyboje įstatymo vykdymo priežiūra ir kontrolė: probleminiai aspektai. *Public policy and Administration*. 2018;17(1):141-155. (in Lithuanian)
37. Lalos C. Lifelong training of civil servants on information systems in the field of health : dis. – University of Alicante, 2023.
38. Eggers W., Chew B., Macmillan P., Kohli J., Malik N. *Government as a cognitive system. Using hindsight, real-time data, and foresight to drive policy and decision-making. Government Trends 2021. Global transformative trends in the public sector. A report from the Deloitte Center for Government Insights*. Deloitte Development LLC. 2021. P. 60-71.
39. Бобиенко О.М. Универсальные компетенции профессионала: новый взгляд на проблему // Вестник ТИСБИ. 2020. № 3. С. 114–123. EDN: CDFQJH. https://elibrary.ru/download/elibrary_44687894_42883126.pdf. [Bobienco O. M. Universal competencies of a professional: a new look at the problem. *TISBI University "Bulletin"*. 2020;(3):114–123. (In Russ.)].
40. Зинченко Ю. П., Дорожкин Е. М., Зеер Э. Ф. Психолого-педагогические основания прогнозирования будущего профессионального образования: векторы развития // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 3. С. 11–35. [Zinchenko Yu. P., Dorozhkin E. M., Zeer E. F. Psychological and pedagogical foundations of forecasting future professional education: vectors of development. *Education and Science*. 2020;22(3):11–35. (In Russ.)].
41. Stačinskaitė S., Petrauskienė R. Kompetencijų modelio taikymas valstybės tarnybos žmogiškųjų išteklių valdymo procese: Lietuvos institucijų patirtis. *Public policy and Administration*. 2018. Vol. 17, No 3. P. 327-343.
42. Le D. T., Trung N. S., Tuan N. T., & Ngoc H. M. The Quality of Training and Retraining Civil Servants in Vietnam. *Russian Law Journal*, 2023, Vol.11, No. (3). P. 516-525.
43. Мартынова С. Э., Еварович С. А. Коммуникативные компетенции госслужащего в сервисном государстве // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 4. С. 83–95. [Martynova S. E., Evarovich S. A. Communicative competencies of a civil servant in a service state. *Communicologiya*. 2021;9(4):83–95. (In Russ.)].

Сведения об авторах

- С. Э. Мартынова – кандидат филологических наук, доцент, эксперт Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС.
- Т. Б. Лаврова – кандидат экономических наук, директор Дирекции методологии и технологий образования Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС.
- С. А. Еварович – кандидат педагогических наук, доцент, Директор Центра «Школа андрагогики и образовательного дизайна» Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС.
- А. М. Колесников – директор Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС.

Information about the authors

- S. E. Martynova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Expert of the Institute «Graduate School of Public Management» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
- T. B. Lavrova – Cand. Sci. (Econ.), Director of the Directorate of Methodology and Technologies of Education of the Institute «Graduate School of Public Management» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
- S. A. Evarovich – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Director of the Center «School of Andragogy and Educational Design» of the Institute «Graduate School of Public Management» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
- A. M. Kolesnikov – Director of the Institute «Graduate School of Public Management» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 26.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: технологические тренды

Марина Викторовна Перова¹,
Наталья Дмитриевна Никоненко²,
Екатерина Контантиновна Головкина³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Ростов-на-Дону, Россия

¹perova_mv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6989-8160>

²nikonenko-nd@ranepa.ru

³golovkina-ek@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию технологических трендов в области цифровой трансформации государственного и муниципального управления. Рассматриваются ключевые цифровые технологии в контексте национальной программы «Цифровая экономика». Анализируются изменения в составе базовых цифровых технологий в проекте «Экономика данных и цифровая трансформация». Данные изменения исследуются в рамках трендов и направлений развития, которые объявлены Президентом Российской Федерации.

В статье анализируется обеспечение технологической независимости в данной области. В результате исследования было определено, что одними из ключевых технологий являются большие данные и технологии анализа данных. В статье указывается, что особое внимание должно уделяться качеству данных именно с точки зрения управления. Определяются ключевые характеристики качества данных для государственных служащих.

Представлены результаты опроса государственных служащих по теме «Цифровые технологии в управлении данными». Данные опроса показали сильные и слабые стороны в работе с данными у госслужащих. Были сформулированы рекомендации для усиления слабых сторон госслужащих по работе с данными, в том числе и контексте цифрового суверенитета.

Ключевые слова: цифровая трансформация государственного и муниципального управления, аналитика больших данных, машинное обучение, искусственный интеллект

Для цитирования: Перова М. В., Никоненко Н. Д., Головкина Е. К. Цифровая трансформация государственного и муниципального управления: технологические тренды // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 86–95. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-86-95>. EDN EKWEXR

State information policy and the role of PR-services

Marina V. Perova¹, Natalia D. Nikonenko², Ekaterina K. Golovkina³

^{1, 2, 3}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹perova_mv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6989-8160>

²nikonenko-nd@ranepa.ru

³golovkina-ek@ranepa.ru

Abstract. The article delves into the exploration of technological advancements in the realm of digital transformation within public and municipal administrations, with a particular focus on pivotal digital technologies as part of the national programme «Digital Economy».

The analysis conducted within the framework of the «Data Economy and Digital Transformation» project reveals changes in fundamental digital technologies that align with the trajectories and directives outlined by the Russian President. Furthermore, the article underscores the significance of fostering technological autonomy in this domain.

Through our research, we have identified big data and data analytics as one of the most critical technologies. We highlight the critical role of high-quality data, especially in the context of managerial decision-making.

The article delves into the essential attributes of high-caliber data that government officials ought to be cognizant of. We share the outcomes of a survey conducted among public servants on the subject of digital technologies in the realm of data management. The data obtained through this survey shed light on the strengths and shortcomings of these professionals when it comes to their proficiency in data management practices. Building upon these insights, we have formulated recommendations aimed at addressing areas where their skills may require enhancement, including those pertaining to digital sovereignty.

Keywords: digital transformation of public and municipal administration, big data analytics, machine learning, artificial intelligence

For citation: Perova M. V., Nikonenko N. D., Golovkina E. K. State information policy and the role of PR-services. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):86–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-86-95>. EDN EKWEXR

Введение

Цифровые технологии в современном мире имеют большое значение для оптимизации всех видов деятельности. Особое внимание уделяется использованию информационных/цифровых технологий в государстве со времен Окинавской Хартии. В Российской Федерации в контексте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – «Цифровая экономика») цифровая трансформация (подробнее [1–3]) была объявлена национальной целью. Напомним, что в 2024 году данная национальная программа завершается и ей на смену приходит национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация» (далее – «Экономика данных»). Список базовых технологий, как и национальные цели были скорректированы, при этом все цифровые решения должны быть отечественными и технологическая независимость является одной из национальных целей (подробнее о цифровом суверенитете и информационной безопасности [4–5]).

Материалы и методы: методы статистической обработки данных, метод научной абстракции. Данная работа основывается на систематизации, анализе и опирается на понятийный аппарат, таких категорий, как цифровая трансформация, государственное и муниципальное управление, цифровые технологии. В рамках исследования проведена разработка основных потребностей органов власти в области аналитики больших данных в зависимости от поставленных перед ними задач

с использованием существующих на рынке решений. Сформированы основные задачи органов власти, которые оптимально перевести в цифровую среду для более эффективного управления с учетом текущей ситуации.

Для проработки аналитических данных исследования были привлечены профильные госслужащие и представители научного сообщества. По итогам работы фокус-группы были разработаны вопросы в форме анкеты. Используя формат Яндекс.Формы анкетирование было проведено в органах власти. Вопросы были направлены преимущественно в Министерство цифрового развития, информационных технологий и связи Ростовской области.

Результаты исследования

Ежегодное исследование «Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» показало, что 84,8 % населения взаимодействовали с органами государственной власти и местного самоуправления в 2023 г. (подробнее о больших данных в статистике в [6]). Этот показатель вырос вдвое по сравнению с 2013 г., когда данное исследование проводили впервые. Как видно на графике данный показатель коррелируется с долей граждан, которые взаимодействовали с органами власти через Интернет. Это доказывает, что данный канал связи играет ключевую роль в процессе создания цифрового государства.

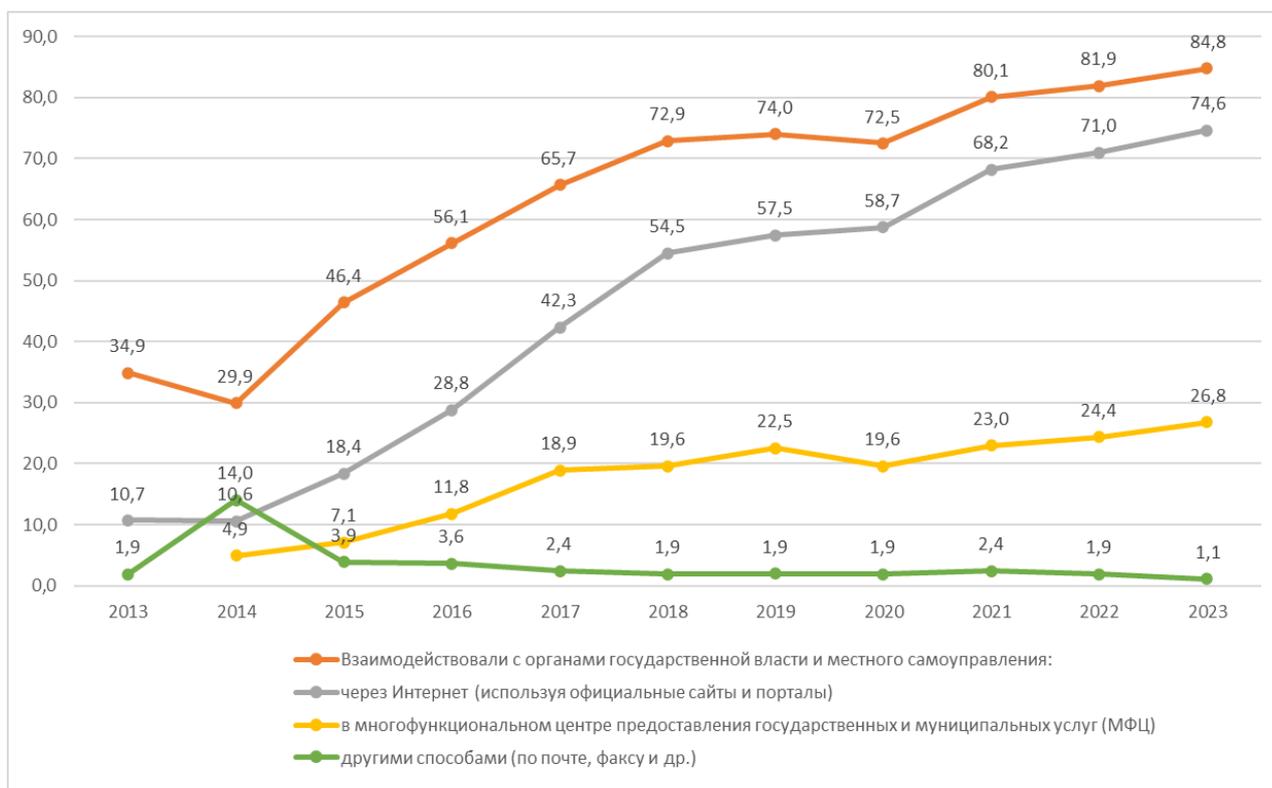

Рис. 1. Статистика использования населением ИКТ и информационно-телекоммуникационных сетей при взаимодействии с органами власти

Fig. 1. Statistics on the use of ICT and information and telecommunication networks by the population in interaction with government authorities

В результате активного взаимодействия и увеличивающегося присутствия граждан в сети актуализируется вопрос оптимального использования накопившихся данных. Заметим, что В. В. Путин неоднократно подчеркивал важность использования больших данных и цифровых платформ не только в бизнесе, но и в государственном управлении.

Рассмотрим изменения в трактовке ключевых целей. Теперь идет речь о «цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»¹. В «Цифровой экономике» не был определен план мероприятий, которые предполагали качественные изменения в работе органов местного самоуправления. Тем не менее достижение поставленных национальных целей невозможно без цифровых технологий. Основные мероприятия и базовые цифровые технологии². К ним относят: «технологии искусственного интеллекта и машинного обучения»; «сбора, хранения и обработки больших данных»; «отраслевые цифровые технологии, в том числе технологии анализа данных и беспроводной связи»³.

Аналогичный документ действовал ранее, в контексте определенных национальных целей, и тогда основными технологиями были: искусственный интеллект; большие данные; интернет вещей.

Перераспределение ключевых цифровых технологий логично, поскольку технология интернет вещей порождает большие данные, которые определяют совершенно иную скорость передачи данных.

Для принятия эффективных управленческих решений необходимо цифровые технологии анализа данных, к которым относится и бизнес-аналитика. Поскольку для достижения целей необходимы эффективные государственные информационные системы (ГИС), а сейчас уже говорим о запуске совершенно иного похода к разработке, который дает вариативность сервисов как для ФОИВ, так и для РОИВ. В данном контексте рассмотрим распределение цифровых решений по базовым технологиям в Едином реестре программного обеспечения.

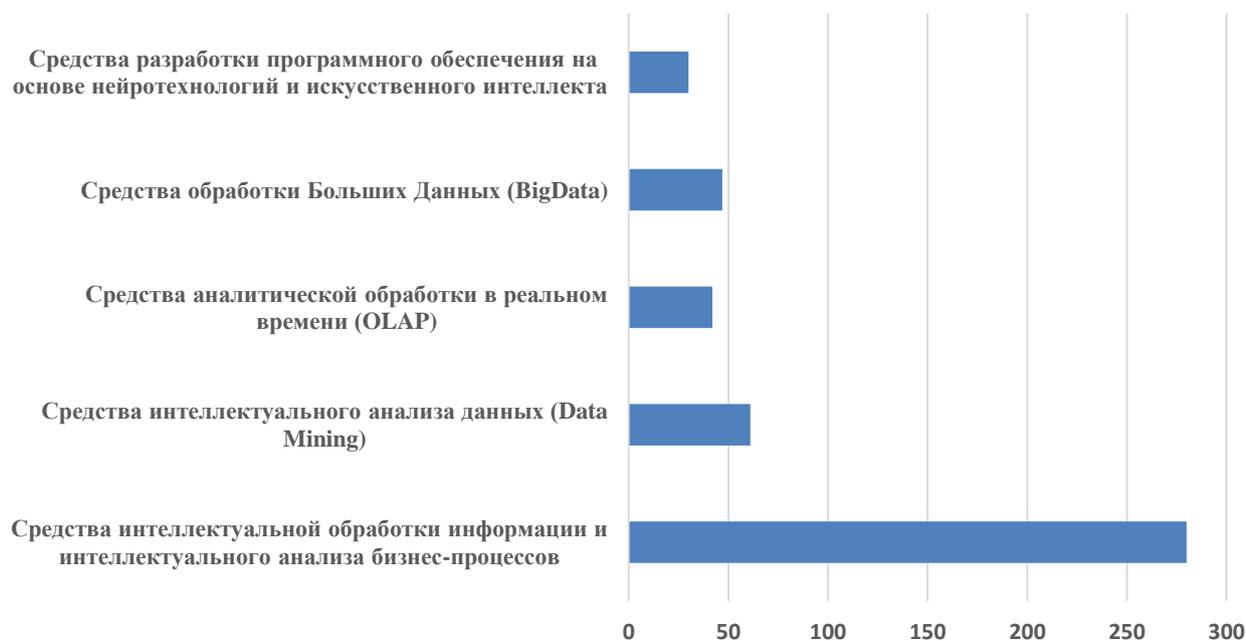

Рис. 2. Представленные цифровые решения в Едином реестре

Fig. 2. Presented digital solutions in the Unified Register

Как видно из рис. 2, больше всего решений относятся к классу «Средства интеллектуальной обработки информации и интеллектуального анализа бизнес-процессов», что позволит обеспечить вариативность. Кроме того, данное распределение указывает на значимость таких систем для государственного и муниципального управления.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. N 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // Собрание законодательства Российской Федерации, 13 мая 2024 г. № 20. Ст. 2584.

² Распоряжении Правительства РФ от 16.03.2024 N 637-р Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления.

³ Там же.

Системы сбора и обработки информации (ССОИ) внедряются в органы власти с целью выполнения различных функций государства. Они обеспечивают оперативное оповещение о возникновении нештатных ситуаций и тревог, что позволяет своевременно реагировать на инциденты. Информировать об изменениях режимов работы, например, на промышленных предприятиях для контроля производственных процессов и обеспечения бесперебойной работы.

Данные системы регистрируют данные о работе и функциональности систем, например, отвечают за мониторинг состояния пациентов в медицинских учреждениях. ССОИ могут использовать для фиксации и записи данных в электронных архивах. Их также можно внедрять для организации автоматизированного контроля работы систем ИТСО, проводят сверки данных и информируют ответственных лиц о наличии расхождений в показаниях.

Системы сбора и обработки информации играют ключевую роль в обеспечении эффективной работы различных систем и процессов. Их внедрение способствует повышению безопасности, улучшению качества управления и обеспечению надежности функционирования ИТСО. Современное информационное общество требует, чтобы государственные служащие обладали высокой степенью компетенции в работе с системами сбора и обработки данных (ССИО). Эти системы играют важную роль в обеспечении эффективного управления и принятия решений, а также в повышении качества предоставляемых государственных услуг.

Подготовка будущих кадров является одной из программ национального проекта «Экономика данных», в котором одним из направлений является подготовка кадров. В рамках подготовки планируется внедрение единой платформы по работе с большими данными и искусственным интеллектом для школьников и студентов. Отметим, что это планируется сделать совместно с крупными компаниями. Таким образом, работа с данными становится одной из ключевых компетенций, в том числе и для государственных и муниципальных служащих. При этом новая программа магистратуры «Государственное и муниципальное управление на основе экономики данных» делает упор на более общих навыках государственных служащих. Как будущие задачи выпускников перечисляют интегрирование современных инструментов в единую систему государственного управления. Напомним, что в плане инструментов экономики данных (подробнее [7]) выделяют «Цифровые платформы» и «Цифровое госуправление», а в контексте технологической независимости – «Отечественные решения». Если рассматривать направление «Цифровое госуправление», то особое внимание уделяется цифровой трансформации госуслуг. Здесь можно выделить основные направления: проактивный режим, омниканальность – гражданин выбирает удобный способ получения госуслуги (отметим, что в контексте «цифровых платформ» говорим о переводе всех госуслуг в онлайн-формат), клиентоцентричность – разработка требует сервисного подхода. Кроме того, в рамках цифровой трансформации говорим о «внутреннем» и «внешнем» клиентах. Под внешними клиентами понимаем граждан и бизнес.

Отсюда, развитие по указанным направлениям требует от государственных служащих постоянного обучения и повышения квалификации. С целью изучения востребованности новых цифровых компетенция было организовано и проведено исследование по теме «Цифровые технологии в управлении данными». По итогу анкетирования 70 государственных и муниципальных служащих были получены результаты, которые показывают достаточный уровень информированности о различных аспектах цифровизации государственного управления. Участники опроса в основном работают с данными от муниципальных образований (36 %), организаций (28 %), граждан (25 %) и предприятий (11 %). При этом большинство работают с данными на уровне пользователя (65 %) или специалиста (26 %).

В рамках исследования была проведена оценка приоритетов различных характеристик данных и элементов цифровизации. Большинство участников анкетирования выбрали такие критерии качества данных, как «достоверность данных» (24,7 %) и «своевременность получения» (21,6 %) (рис. 3). Это говорит о понимании важности получения информации от источников данных и работе с ними. Критерий безопасности данных и непротиворечивость данных также заняли лидирующие места. Только 1,5 % отметили, что такое понятие, как «качество данных», отсутствует.

BI-системы представляют собой сложные решения для анализа и визуализации данных, которые помогают чиновникам принимать обоснованные решения на основе объективной информации. Участники опроса в равной степени отметили, что в работе используют отечественные системы бизнес-аналитики (38 %) или не проводят аналитические работы (38 %), а 24 % отметили, что не работают с отечественными программами. Это показывает относительную успешность проводимой

программы по импортозамещению, но также обращает внимание на высокий процент государственных служащих, которые в своей работе не анализируют данные, с которыми работают. Большинство участников отметили повышение оперативности и эффективности принятия решений с внедрением инструмент цифровизации.

Рис. 3. Диаграмма дерево с результатами критерия «Качества данных»

Fig. 3. The tree diagram illustrating the results of the «Data Quality» criterion

При анализе аналитических систем, которые используются в работе наиболее популярными стали: ГАС «Управление», Отраслевое АИС, Электронный бюджет ГИИС, Единая государственная информационная система социального обеспечения, Visiology, Yandex DataLens и Microsoft BI (рис. 4). При этом 4 % участников опроса отметили, что не пользуются аналитическими системами в работе, однако большинство высоко оценили важность использования информационно-аналитических систем в процессе вашей работы (оценки в 3, 4 и 5 баллов суммарно получили 87 %).

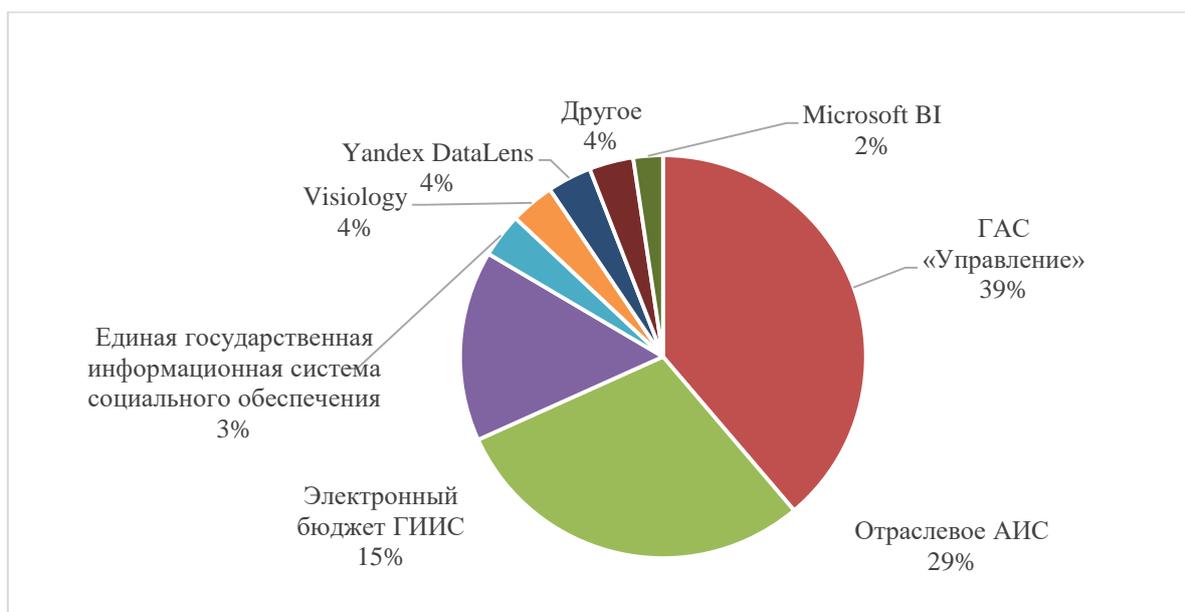

Рис. 4. Диаграмма с востребованностью различных программ на государственной службе

Fig. 4. The diagram illustrating the demand for different programs within the public sector

По данным анализа использования функционала ИКТ можно выделить две группы, которые отличаются по ответам в отношении частоты использования (рис. 5). Чаще всего используются функции «извлечение, преобразование и выгрузка данных» и «сбор и первичная обработка данных». Реже всего оформление данных для витрин и отображение на веб-портале. При этом данных для более детального изучения взаимосвязи использования функций данных недостаточно.

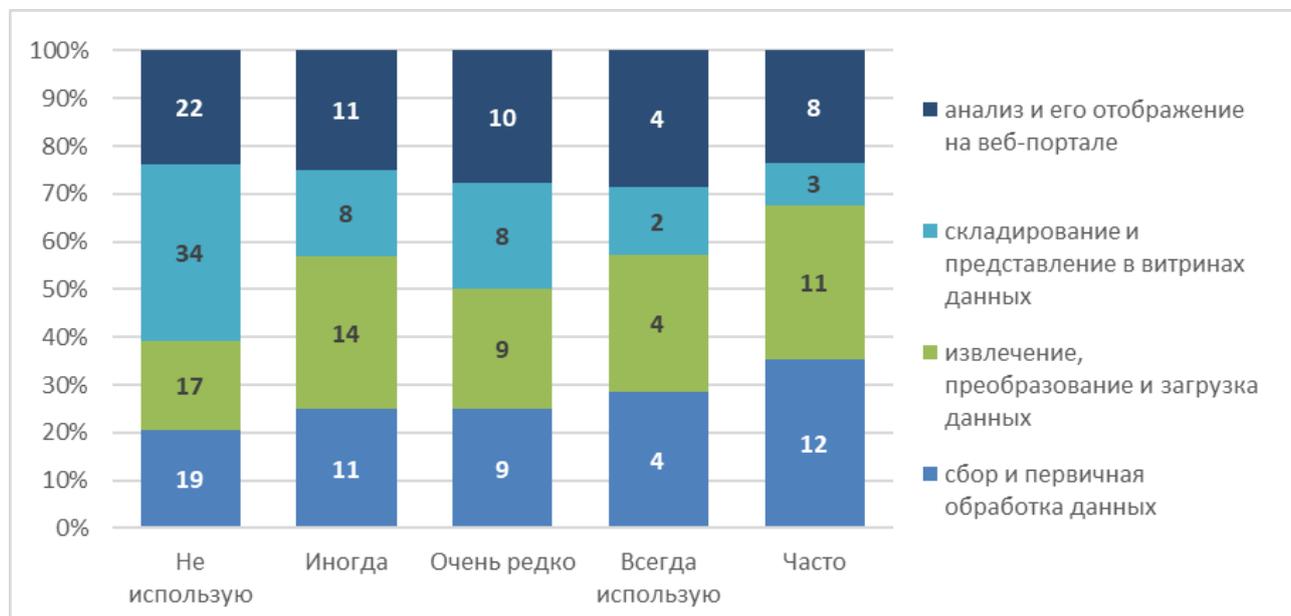

Рис. 5. Уровень использования цифровых функций

Fig. 5. The level of use of digital functions

Витрины данных – специализированные хранилища данных, которые были разработаны для конкретных целей и целей. Они позволяют быстро получить необходимую информацию и подробный анализ данных.

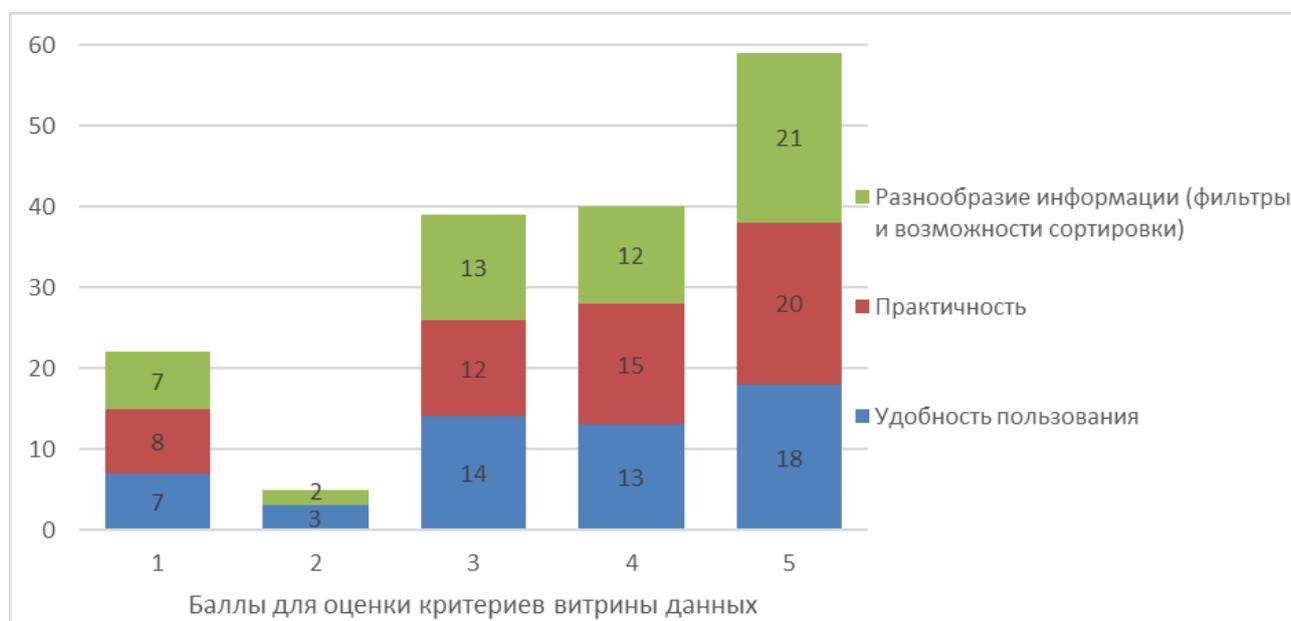

Рис. 6. Оценка интерфейса витрины данных

Fig. 6. Assessment of the data showcase interface

С развитием общественного контроля, гражданского общества и доступных цифровых технологий, таких как витрины данных важно не только уметь визуализировать данные и интерпретировать полученные результаты, но делать это доступным и понятным языком как для коллег, так

и для граждан. Функционал хранилищ позволяет создавать понятную для обычного гражданина инфографику по всем основным сферам жизни государства, что повышает его доверие к государственным институтам. Большинство участников отметили отсутствие работы с витринами данных (58 %). Несмотря на это, они высоко оценили их важность в разнообразии информации, которую предлагают витрины данных, практичности и удобства их интерфейса (рис. 6).

В отношении образования большинство участников отметили прохождение программ по повышению квалификации, переподготовке и в меньшей степени - участие в стажировках. Большинство при этом отметило недостаточность знаний о цифровых технологиях и готовности принять участие в обучении в данном направлении. Сегодня спрос на наличие цифровых компетенций остро стоит в каждом секторе экономики. Кроме того, особое внимание должно уделяться обеспечению информационной безопасности. Для решения задач в данной области могут быть использованы большие данные (подробнее [8–10]).

Выводы

В результате проведенного исследования была выявлена необходимость развития компетенций блока «Профессиональные компетенции» по использованию цифровых инструментов и цифровых технологий в целом, как их определяют <https://cdto.work/ocenka-kompetencij/>.

Во время анализа результатов исследования в формате рабочей группы стало очевидно, что недостаточный уровень информирования и большинство отрицательных или нейтральных ответов могли быть связаны с ограничениями получения новых знаний и навыков в области цифровизации. Как правило, на образовательные мероприятия по цифровизации приглашают только служащих, в обязанности которых непосредственно входит работа с данным функционалом программ. Тем самым ограничиваются области применения систем в ежедневной работе госслужащих разных должностей и направлений.

Для эффективного использования информационно-аналитических систем должностные лица должны постоянно обновлять свои знания и навыки. Обучение цифровым навыкам становится все более важным, поскольку современные технологии постоянно развиваются и требуют новых навыков.

Наиболее популярными платформами для развития цифровых навыков являются:

- Университет 2035.
- Корпоративные университеты.
- «Цифровые кафедры».

Если рассматривать развитие уже имеющих компетенций в области аналитики и работы с данными, то здесь можно отметить Университет 2035 и Корпоративные университеты. Активную работу по развитию цифровых компетенций ведет ВШГУ РАНХиГС. Для формирования необходимых цифровых компетенций на этапе обучения следует отметить университет 2035 и «Цифровые кафедры».

Предлагается дополнить существующие курсы или разработать дополнительные курсы по цифровым компетенциям. Современным государственным служащим необходимо понимать особенности актуальных информационных технологий (сбора, обработки, хранения и передачи информации), а также активно применять современные цифровые решения в профессиональной деятельности.

Дополнительно рекомендуется включить знание структуры и принципов работы современных аналитических платформ, моделей, методов и алгоритмов анализа данных, способов и методов визуализации данных на разных этапах аналитического процесса. Современному государственному служащему необходимо знать методы презентации данных коллегам и гражданам доступным и понятным языком, уметь использовать современные информационные технологии в профессиональной деятельности и при анализе полученных результатов.

Компетентность государственных служащих в области сбора и обработки данных имеет решающее значение для улучшения управления и качества предоставляемых услуг. Внедрение ИАС и витрин данных позволяет оптимизировать процессы принятия решений и улучшить взаимодействие с гражданами. Обучение навыкам использования цифровых технологий для взрослых становится неотъемлемой частью профессионального развития государственных служащих, с тем чтобы обеспечить их готовность к работе в условиях цифрового изменения. Кроме того, необходимо углубить знания об отечественных цифровых решениях, что является необходимым для дальнейшего конструирования ГИС.

Список источников

1. Цифровая трансформация государственного управления: современные реалии / Н. Д. Никоненко, А. А. Краснухина, Е. А. Егорова [и др.] // Наука, инновации, общество в современных условиях: монография. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 5-15.
2. Цифровая трансформация государственного управления в России / Б. Д. Шапошникова, Д. Б. Батырева, И. В. Авадаева [и др.] // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 2(151). – С. 653-656. –
3. Черкасова Т. П. Проблемы и возможности цифровой трансформации деятельности органов муниципальной власти в России // Стратегии развития общества и экономики в новой реальности: Сборник трудов пятой международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE» (Общественные науки), Ростов-на-Дону, 26–27 октября 2023 года. – Ростов-на-Дону: РАНХиГС, 2023. – С. 261–269.
4. Гайсинский И. Е., Никоненко Н. Д. Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного и муниципального управления в рамках цифрового суверенитета // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 2. – С. 26–29.
5. Перова М. В., Никоненко Н. Д. Технологическая независимость Российской Федерации как основа успешной цифровой трансформации // Стратегии развития общества и экономики в новой реальности: Сборник трудов пятой международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26–27 октября 2023 года. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2023.
6. Суринов А. Е. Большие данные в официальной статистике: взгляд на проблему // Вопросы статистики. – 2023. – Т. 30. № 2. – С. 5-22. – DOI 10.34023/2313-6383-2023-30-2-5-22.
7. Василевская Л. Ю. Big data в механизме формирования основных направлений национального проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 1(206). – С. 9-21. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.206.1.009-021.
8. Полтавцева М. А., Зегжда Д. П. Моделирование информационных процессов систем управления большими данными для решения задач кибербезопасности // Программные продукты и системы. – 2024. – № 1. – С. 54-61. – DOI 10.15827/0236-235X.145.054-061.
9. Никоненко Н. Д., Перова М. В., Терещенко В. В. Информационные аналитические системы в социально-экономических процессах: теория и практика применения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8(99). – С. 10–14.
10. Большие данные и бизнес-аналитика в государственном и муниципальном управлении: состояние и тенденции развития / М. В. Перова, Е. К. Головкина [и др.] // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты: монография. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 41-55.

References

1. Nikonenko N. D., Krasnukhina A. A., Egorova E. A. [et al.] *Digital transformation of public administration: modern realities Science, innovation, society in modern conditions*: monograph. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2022:5–15. (In Russ.).
2. Shaposhnikova B. D., Batyreva D. B., Avadaeva I. V. [et al.] Digital transformation of public administration in Russia. *Economics and Entrepreneurship*. 2023;2(151):653–656. (In Russ.).
3. Cherkasova T. P. Problems and opportunities of digital transformation of the activities of municipal authorities in Russia. In: *Strategies for the development of society and the economy in a new reality: Proceedings of the fifth International scientific and practical conference "SOCIAL SCIENCE" (Social Sciences)*, Rostov-on-Don, October 26-27, 2023: 261–269. (In Russ.).
4. Gaisinsky I. E., Nikonenko N. D. Development of information and communication infrastructure of state and municipal management within the framework of digital sovereignty. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2017;(2.):26–29. (In Russ.).
5. Perova M. V., Nikonenko N. D. Technological independence of the Russian Federation as the basis for successful digital transformation. In: *Strategies for the development of society and the economy in a new reality: Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference*, Rostov-on-Don, October 26-27, 2023. Rostov-on-Don: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023. (In Russ.).
6. Surinov A. E. Big data in official statistics: a look at the problem. *Questions of statistics*. 2023;30(2): 5–22. – <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-5-22>. (In Russ.).

7. Vasilevskaya L. Yu. Big data in the mechanism of formation of the main directions of the national project "Data Economy": a civilist's view of the problem. *Lex Russica (Russian Law)*. 2024;77(1(206)):9–21. – <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.009-021>. (In Russ.).

8. Poltavtseva M. A. Zegzhda D. P. Modeling of information processes of big data management systems for solving cybersecurity problems. *Software products and systems*. 2024;(1):54–61. – <https://doi.org/10.15827/0236-235X.145.054-061>. (In Russ.)

9. Nikonenko N. D. Perova M. V., Tereshchenko V. V. Information analytical systems in socio-economic processes: theory and practice of application. *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018;8(99):10–14 (In Russ.).

10. Perova M. V., Golovkina E. K. [et al.] Big data and business analytics in state and municipal management: the state and trends of development. *Science, innovation, education: topical issues and modern aspects*: monograph. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.); 2023:41–55. (In Russ.).

Информация об авторах

М. В. Перова – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой информационных технологий ЮРИУ РАНХиГС.

Н. Д. Никоненко – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий ЮРИУ РАНХиГС.

Е. К. Головкина – преподаватель кафедры информационных технологий ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

M. V. Perova – Head of the Department of Information Technology, Cand. Sci. (Pedagog.), Associate Professor, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

N. D. Nikonenko – Cand. Sci. (Phys.-Mathem.), Associate Professor of the Department of Information Technology, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E. K. Golovkina – Lecture of the Department of Information Technologies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Original article

Managing the global energy transition in a carbon neutral environment: strategies, trends and measures

Xu Lulu

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
xunuolizimo@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-4026-2026>

Abstract. Energy is an important material basis for economic development. Under the background of increasing global climate change, vigorously developing low-carbon, clean and efficient renewable energy is the main direction of global energy transition. The article analyzes the current situation of global energy transition in three aspects: the change of global energy consumption structure, the change of global power structure and the change of energy consumption structure in different countries, and concludes that there are three major challenges in the process of global energy transition: the global fossil energy consumption accounts for a relatively large proportion, the power is highly dependent on fossil energy and the global energy structure is uneven. Finally, it puts forward some measures to promote global energy transition, such as the joint efforts of the government and enterprises to optimize the energy consumption structure. Promote clean energy technology innovation and reduce the dependence of electricity on fossil energy; strengthen international cooperation to solve the imbalance of global energy structure, thereby contributing to the global energy transition.

Keywords: energy consumption management, energy transition, innovations in clean energy technologies, optimization of energy consumption structure

For citation: Xu Lulu. Managing the global energy transition in a carbon neutral environment: strategies, trends and measures. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(4):96–105.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-96-105>. EDN ESILPA

Проблемы управления

Научная статья
УДК 339+338.2
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-96-105>

EDN ESILPA

Управление глобальным энергетическим переходом в условиях углеродной нейтральности: стратегии, тенденции и меры

Сюй Лулу

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
xunuolizimo@163.com, <https://orcid.org/0009-0005-4026-2026>

Аннотация. Энергия является важной материальной основой экономического развития. В условиях усиливающегося глобального изменения климата активное развитие низкоуглеродной, чистой и эффективной возобновляемой энергетики является основным направлением глобального энергетического перехода. В статье анализируется текущая ситуация глобального энергетического перехода в трех аспектах: изменение глобальной структуры энергопотребления, изменение глобальной структуры энергетики и изменение структуры энергопотребления в разных странах, и сделан вывод о наличии трех ключевых проблем в процессе глобального энергетического перехода: глобальное потребление

ископаемых видов энергии составляет относительно большую долю, энергетика значительно зависит от ископаемых видов энергии, а глобальная энергетическая структура неравномерна. В статье предлагаются некоторые меры по содействию глобальному энергетическому переходу: совместные усилия правительства и предприятий по оптимизации структуры энергопотребления; содействие инновациям в области технологий чистой энергии и снижение зависимости электроэнергии от ископаемых видов энергии; укрепление международного сотрудничества для решения проблемы дисбаланса глобальной энергетической структуры, внося тем самым вклад в глобальный энергетический переход.

Ключевые слова: управление энергопотреблением, энергетический переход, инновации в сфере технологий чистой энергии, оптимизация структуры энергопотребления

Для цитирования: Сьюй Лулу. Управление глобальным энергетическим переходом в условиях углеродной нейтральности: стратегии, тенденции и меры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 96–105. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-96-105>. EDN ESILPA

1. Introduction

Energy is the foundation of human survival and development, and the cornerstone of the development of modern society. Economic development requires a large amount of energy support. Whether it is industrial production, transportation or agriculture, energy supply is needed. Throughout the history of economic development, the rapid development of economy is at the expense of energy consumption. In modern society, the degree of energy exploitation and utilization is getting higher and higher, but the excessive use of energy brings some problems. On the one hand, with the increasing global demand for energy, the problem of global energy shortage has become increasingly prominent.

On the other hand, the use of energy has a certain impact on the environment, including air pollution, water pollution and land destruction. In order to solve the increasingly prominent energy shortage problem and deal with the environmental problems caused by energy consumption, countries have put forward the concept of "energy transition". Especially, since 2022, affected by the conflict between Russia and Ukraine and extreme weather, the global energy prices such as oil, coal and natural gas have risen sharply, and the world has fallen into an energy crisis. This has sounded an alarm for the development of energy transition, which also reflects the urgency of energy transition.

2. Literature review

Under the background of Climate change in the world and resource shortage, energy transition has become the focus of global attention, and more and more scholars have also focused on energy transition. At present, humans have completed two energy transitions. Hou M.F., Pan S.Q. and Liu H.L. (2021) think that Global energy transformation presents four major trends: cleanness, science and technology, electrification and intelligence [1].

Energy transition is helpful to solve climate change and protect the environment. Wang J.D. (2023) used the panel data of 71 economies from 2003 to 2019 to build an econometric model of the impact of renewable energy transition on carbon emissions. The research shows that renewable energy transition significantly reduces carbon emissions [2].

Energy transition is influenced by many factors. Adekoya O.B., et al. (2023) found that from a global perspective, economic complexity hinders energy efficiency and renewable energy transition [3].

Khalid K.,Wei C.S.(2022) assessed the relationship between technological innovation and renewable energy in G10 countries. The results show that technological innovation has a significant effect on the progression of renewable energy in various countries, including Germany, the Netherlands, Sweden, the United Kingdom and the United States [4].

Afonso L.T., Marques C.A. and Fuinhas A. (2021) studied the determinants of long-term energy transition in OECD countries from 1971 to 2016. It turns out that energy efficiency and foreign trade conducive to energy transformation, while the carbon strength of energy consumption is limiting energy transformation [5].

Problems of Management

Xu Lulu. *Managing the global energy transition in a carbon neutral environment: strategies, trends ...*

Sun X.S., Xu H.W. (2018) put forward that policy, technology and investment are the key elements of energy transformation. They stressed that these three elements must be closely combined to jointly promote the energy industry to move in the direction of low-carbon, high-efficiency and sustainable development [6].

In the process of energy transition, research and application of energy technology is the core. Lv Q.G., Chai Z. (2022) made an in-depth analysis of the present situation of fossil energy use in China, and put forward some suggestions for the efficient utilization and transformation of coal, efficient utilization of oil and natural gas and treatment of “three wastes” in coal chemical industry, in order to provide scientific and technological support for building new energy systems [7].

Different countries have different energy transition paths. Based on the comparative analysis of different energy transition paths, Jin Z.J., Zhang C. (2024) pointed out the diversified characteristics of China’s carbon-neutral path, and proposed a path that comprehensively considered economic cost, environmental cost and system reliability [8].

Gao Z.N., Jiang N., Chen Q.X., et al. (2024) taking the German electricity market as a reference object, this paper compares and summarizes the process and effect of promoting the consumption of new energy, and provides a useful reference for the construction of the electricity market in Inner Mongolia [9].

Thus, the analysis of literary sources has shown that energy transition is beneficial for reducing carbon emissions and help solve climate problems. Energy transformation is influenced by many factors, among which technological innovation, energy efficiency and foreign trade promote energy transformation, while economic complexity hinders energy transformation.

3. The trends of the global energy transition in a carbon neutral environment

3.1. Differences in global energy consumption framework

Figure 1 indicates that in 2019 global energy consumption reached 587,43 EJ¹, and in 2020, affected by the COVID-19 epidemic, it decreased by about 4% to 564,01 EJ. From the perspective of energy consumption structure, from 2011 to 2021, the proportion of coal in global energy consumption showed a decreasing trend year by year: in 2011-2014 the proportion of oil in global energy consumption showed a downward trend, but after a small rebound in 2015 and 2016, it continued to decline in 2017-2021, as shown in Figure 2.

The proportion of natural gas shows an overall upward trend, but the increase rate is not large, from 22,3% in 2011 to 24,4% in 2021. The proportion of renewable energy has increased greatly, surpassing nuclear energy for the first time in 2017, rising from 2,3% in 2011 to 6,7% in 2021, and its proportion has increased by about three times.

The proportion of hydropower in energy consumption has remained relatively stable at around 7% overall.

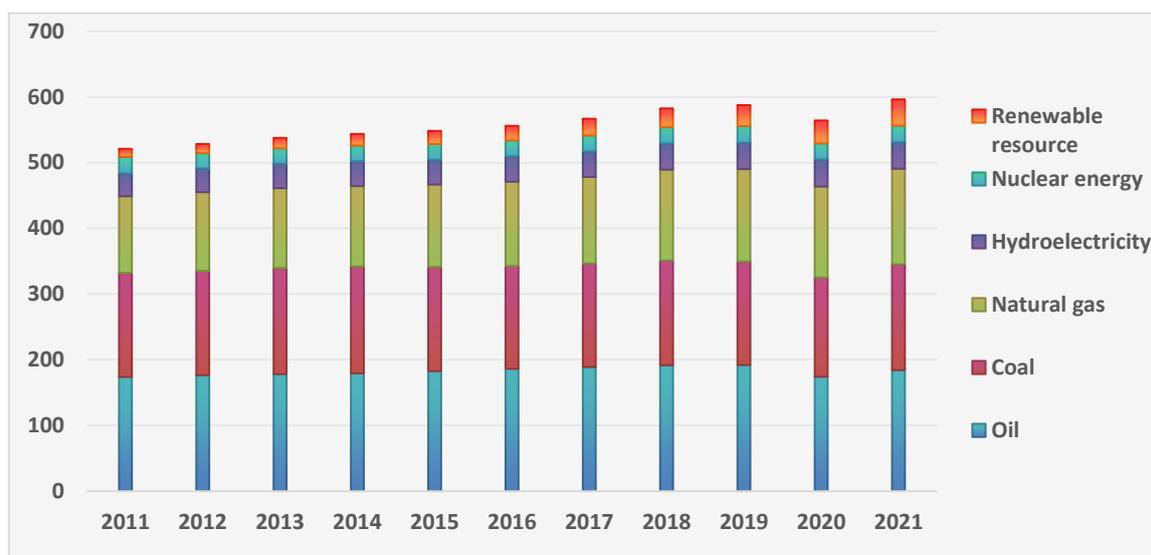

Fig. 1 Global energy consumption structure (absolute quantity), 2011-2021, EJ [10]

¹ ExaJoule (1 EJ=10¹⁸ Joules).

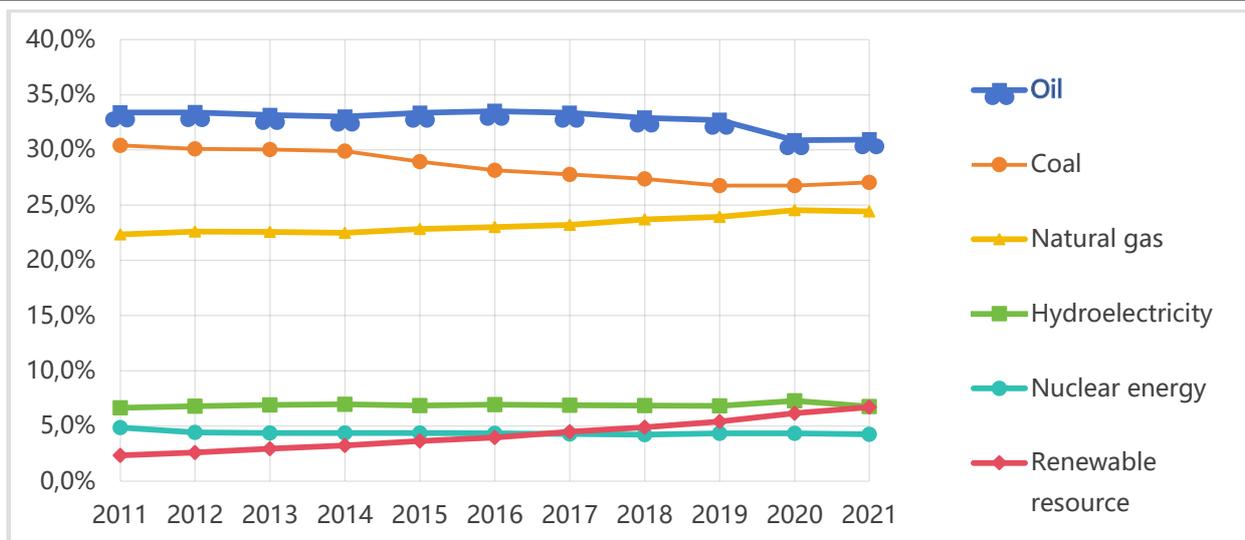

Fig. 2. Global energy consumption structure, 2011–2021, % [10]

Thus, the following phenomena are manifested in the structure of global energy consumption: the proportion of fossil energy has decreased, while the proportion of clean energy has increased year by year, which shows that the global energy consumption structure has been optimized to some extent.

3.2. Changes in global production power structure

As a clean energy, electricity is an important material basis for production and life in modern society. In 2017–2021 global electricity mainly comes from fossil fuel energy, in which coal occupies for the top ratio of the total global power production, and renewable energy power production came second, as shown in Figure 3.

Although the proportion of coal power generation decreased from 38,3% to 36,3% in 2017–2021, it decreased by 2%. However, in 2021, the proportion of coal in the total global power generation was still as high as 36,3%, because the cost of coal power generation was lower than other energy sources and the energy utilization rate was higher. Therefore, coal is still dominant in global power generation. As a clean energy source, natural gas accounts for a relatively stable proportion of 23% in the global power structure. In 2021, the proportion of renewable energy power generation was 28,1%, an increase of 3,6 percentage points over 2017.

Fig. 3 Global Electricity Production Structure, 2017–2021, % [10], [11]

Problems of Management

Xu Lulu. Managing the global energy transition in a carbon neutral environment: strategies, trends ...

3.3. Changes in energy consumption structure of major countries in the world

Due to the differences between different countries in climate, financial circumstances, energy status and energy support, their energy framework shows conspicuous different. In this article, the energy framework of the United States, German, Russia, Japanese and China is deeply analyzed, as shown in Tables 4-9.

Tables show the energy consumption structure of major countries in the world in 2016-2021, respectively. Tables indicate that in 2016-2021, the energy consumption structure of all five countries has been optimized to some extent, indicating that each country has made certain achievements in energy transition.

Table 4. Energy consumption structure of major countries in the world, 2016, % [11]

	Oil	Natural gas	Coal	Nuclear energy	Hydroelectricity	Renewable resource
USA	40.7	29.0	15.3	8.6	2.7	3.7
Germany	35.7	22.2	23.1	5.9	1.4	11.7
Russia	22.1	52.4	12.9	6.5	6.1	0.04
Japan	42.4	22.2	26.3	0.9	4.0	4.2
China	19.3	5.9	62.0	1.6	8.6	2.7

Table 5. Energy consumption structure of major countries in the world, 2017, % [11]

	Oil	Natural gas	Coal	Nuclear energy	Hydroelectricity	Renewable resource
USA	40.9	28.4	14.9	8.6	3.0	4.2
Germany	35.8	23.1	21.3	5.1	1.3	13.4
Russia	21.9	52.3	13.2	6.6	5.9	0.04
Japan	41.3	22.1	26.4	1.4	3.9	4.9
China	19.4	6.6	60.4	1.8	8.3	3.4

Table 6. Energy consumption structure of major countries in the world, 2018, % [12]

	Oil	Natural gas	Coal	Nuclear energy	Hydroelectricity	Renewable resource
USA	38.8	30.9	13.9	7.9	2.7	5.8
Germany	34.4	23.0	21.6	5.1	1.2	14.7
Russia	21.6	54.5	12.1	6.1	5.7	0.03
Japan	40.5	22.1	26.5	2.3	3.8	4.7
China	19.6	7.5	58.8	1.9	7.9	4.3

Table 7. Energy consumption structure of major countries in the world, 2019, % [12]

	Oil	Natural gas	Coal	Nuclear energy	Hydroelectricity	Renewable resource
USA	39.1	32.2	12.0	8.0	2.6	6.2
Germany	35.6	24.3	17.5	5.1	1.4	16.1
Russia	22.0	53.7	12.2	6.2	5.8	0.1
Japan	40.3	20.8	26.3	3.2	3.5	5.9
China	19.7	7.8	57.6	2.2	8.0	4.7

Table 8. Energy consumption structure of major countries in the world, 2020, % [10]

2020	Oil	Natural gas	Coal	Nuclear energy	Hydroelectricity	Renewable resource
USA	36.7	33.8	10.4	8.5	3.0	7.5
Germany	34.1	25.4	14.6	4.7	1.4	19.7
Russia	22.0	52.8	11.4	6.8	7.0	0.1
Japan	37.9	21.9	26.7	2.3	4.3	7.0
China	19.5	8.2	55.8	2.2	8.5	5.8

Table 9. Energy consumption structure of major countries in the world, 2021, % [10]

2021	Oil	Natural gas	Coal	Nuclear energy	Hydroelectricity	Renewable resource
USA	38.0	32.0	11.4	8.0	2.6	8.0
Germany	33.1	25.8	16.8	4.9	1.4	18.0
Russia	21.4	54.6	10.9	6.4	6.5	0.2
Japan	37.3	21.0	27.1	3.1	4.1	7.4
China	19.4	8.6	54.7	2.3	7.8	7.2

When analyzing the energy consumption structure of various countries around the world, it found out that there is seriously unbalanced in the development of energy structure among countries. In 2021, coal and oil still dominate the energy consumption structure of China and Japan. These two kinds of energy are non-renewable resources, resulting in resource shortage. Meanwhile, the use of coal and oil is accompanied by the emission of a large amount of harmful gases, which have a bad influence on the climate.

The main reason for China's use of coal for power generation is: firstly, China's energy structure is relatively obvious, and China's reserves and production of oil and natural gas are relatively small. However, China's coal reserves are very large, not only the reserves are in the forefront of the world, the annual mining output is on the verge of half of the world, and the mining output ranks top in the world.

Secondly, compared to other fossil fuels, the price of coal is relatively low. Once again, China's coal power generation technology is mature and relatively stable. In Russia's energy framework, although coal and oil only occupy for 32,3%, the consumption of natural gas occupy for a large scale, upping to the level 54,6%, and natural gas is non-renewable energy. The energy consumption framework of the USA and Germany is relatively balanced, but the proportion of renewable energy is not high, and the pressure of global energy transition is still relatively large.

4. Challenges for global energy transition

4.1. Fossil fuels account for a large proportion worldwide

In the evolution of global energy consumption structure, the proportion of clean energy is growing annually. This phenomenon indicates that worldwide countries have made a special effort in supporting people to save energy and decrease discharge, given vigorously assist to the exploitation and implement of clearer energy skills, and achieved certain results, thus promoting the continuous optimization of energy consumption structure. Although the share of fossil energy in the worldwide energy consumption framework has shrunk, its core position has not been shaken. According to the statistics in 2021, the ratio of fossil energy in worldwide energy consumption is yet as high as 82,4%, which reflects that the energy consumption structure still needs to be further adjusted to achieve a more reasonable state.

4.2. Electricity production is highly dependent on fossil fuels

Due to the extensive use of electrical appliances, electricity plays a very important role in modern society. However, according to the above data analysis, the global electricity mainly comes from coal, because the cost of clean energy power generation is higher than that of fossil energy, and the power generation

technology is also limited by the natural environment. For example, wind power generation technology uses wind flow to convert wind energy into electricity, which is highly dependent on the environment. Similar to wind energy, solar power generation also depends on the environment, and the climate in each country directly impacts the use efficiency of solar energy. Apart from this, although nuclear energy is not confined by the environment, nuclear power production is easy to atomic accident and has dangers. Therefore, the present ratio of clean energy production is less than that of fossil energy, which delays the progress of global energy transition.

4.3. Uneven development of global energy consumption structure

From a global perspective, different countries' geographical location, resource endowments and economic development levels determine that there are great differences in their energy consumption structures. Therefore, the uneven development of global energy consumption structure is becoming more and more obvious. For example, due to the influence of resource endowment, Russia's natural gas consumption is relatively tall, occupying 54,6% of natural gas in 2021; Germany has a relatively big scale of renewable energy, about 18%; The scale of renewable energy in China grows from 2,7% in 2016 to 7,2% in 2021. Although the evolution of renewable energy in China is extremely quick, coal is still the primary energy in China, occupy a scale of 54,7%.

Scientific and technological progress is the main force to promote energy development, but the uneven development of energy technology among countries around the world is also one of the main reasons for the uneven energy consumption structure. In response to global climate change, clean energy has gradually become the focus of global energy technology innovation. Developed countries have taken the lead in completing industrialization and gradually focused on the research and development of clean energy technologies [6]. Some countries have invested heavily in energy technology R&D and have obvious technological advantages. For example, by 2024, global energy investment is exceeded \$3 trillion for the first time, of which \$2 trillion is used for clean energy technologies and infrastructure [13].

5. Strategies for Global Energy transition

In order to achieve global energy transformation, the following three points need to be achieved: firstly, the government and enterprises work together to optimize the energy consumption structure; Secondly, promote innovation in clean energy technology and reduce the dependence of electricity on fossil fuels; Thirdly, strengthen international cooperation to address the global energy structure imbalance. The detailed measures are as follows:

5.1. Cooperation between government and enterprises to optimize energy consumption

The targets of energy services are mainly energy enterprises and the public. However, government departments, as energy managers, play a very important role in energy transition. Therefore, in order to promote the optimization of energy consumption structure and realize energy transition, the government, enterprises and the public need to play their respective roles. For example, being a government sector, the government supports energy conservation and consumption reduction projects through financial investment, closes and eliminates high energy consuming and high polluting enterprises, provides tax incentives for low-carbon technologies and clean energy industries, such as reducing corporate income tax, value-added tax, and tariffs, lowers costs for enterprises and individuals, encourages research and application of low-carbon technologies, and promotes energy structure optimization.

As a firm, government departments utilize updated skill and device to advance energy usage efficiency; expanding the usage of clearer energy and advance energy species; by combining energy consumption with the Internet, implement monitoring and regulation of energy consumption, so that energy enterprises realize intelligent energy management, improve energy use efficiency and promote energy structure optimization.

5.2. Promote clean energy technology innovation

Under the goal of coping with peak carbon dioxide emissions and achieving carbon neutrality, energy transformation mainly focuses on two key areas: first, drop carbonation of energy through the implementation of carbon dioxide capture, utilization and storage technology (CCUs), it separates CO₂ from industrial processes, energy utilization, or the atmosphere, and directly utilizes or injects it into geological formations

to achieve permanent CO₂ reduction. Carbon capture includes pre combustion capture, post combustion capture, and oxygen enriched combustion, etc.

Carbon transportation refers to the transportation of captured CO₂ to designated locations through pipelines, ships, and other means; carbon utilization refers to the process of resource utilization of captured CO₂ through engineering techniques, including mineral carbonization, physical utilization, chemical utilization, and biological utilization; carbon sequestration is the process of injecting captured CO₂ into deep geological reservoirs through certain technological means, isolating them from the atmosphere for a long time.

The main methods of sequestration include geological sequestration and oceanic sequestration; secondly, actively promote clean energy sources such as wind and solar power. However, wind and solar energy are constrained and unstable by weather factors, which requires the creation of cleaner energy technologies. For the purpose of deal with the unsteadiness of wind and solar power production, push forward the R&D and spread of accumulation energy skill, and conserve overload wind and solar power, which raises steady-going ability and compliant ability of wind and solar power production. In addition, the R&D of nuclear pollution treatment technology help to improve the safety of nuclear power. In this way, the transition of clean energy instead of fossil energy gradually is achieved and accelerate the global energy transition.

5.3. Strengthening international cooperation

Strengthening international cooperation mainly refers to exchanges and cooperation between countries with advanced energy technology and countries with backward technology. At present, coping with the climate crisis is a global activity. Facing the challenge of unbalanced development of global energy structure, international cooperation is an effective countermeasure to this problem, and then realize global energy transition. By communicating with countries with strong clean energy technologies and attracting investment from developed countries, introducing advanced energy technologies and narrow the gap of energy technologies in different countries.

In addition, international cooperation is also reflected in energy complementarity. Different countries in the world have different energy advantages and high energy complementarity. For example, Russia is rich in coal, oil and natural gas, especially natural gas resources; China is rich in coal resources, but relatively scarce in oil and natural gas resources; Japan is a country lacking in energy, but its capital and energy technology are relatively high. Therefore, the benefits of energy cooperation are greater than those of competition, and energy complementarity is conducive to global energy transition. For example, China and Russia jointly built the "West East Gas Pipeline" natural gas pipeline. The pipeline project aims to transport natural gas from Russia to China to meet China's growing demand for natural gas. This move also help Russia reduce its dependence on the European market and achieve diversified market layout.

German companies and Chinese enterprises have jointly developed wind power projects, achieving technology introduction and industrialization. The success of this cooperation case lies in the complementarity of technology and the alignment with market demand. Germany's technology and experience provide valuable reference and support for China, while China's huge market provides development space for German enterprises.

6. Conclusion

Human society has completed two important energy transitions. Currently, under the context of global endeavors to cope with climate matter, each and every nation are undergoing an energy transformation from fossil energy to renewable energy. In the process of global energy transition, there are many difficulties and challenges.

The key factor for the success of global energy transition is clean energy technology innovation. This is mainly based on the following reasons: 1) innovation in clean energy technology is conducive to reduce the production cost of clean energy. For example, breakthroughs in solar cell technology have significantly reduced the cost of solar power generation, making it an important choice for more and more countries and regions to replace traditional energy sources; 2) clean energy technology innovation has improved energy utilization efficiency. By optimizing the design and manufacturing processes of clean energy equipment, as well as developing advanced energy management systems, achieving the efficient utilization and refined management of clean energy. 3) Innovation in clean energy technologies helps address energy sustainability issues.

Through continuous innovation, the widespread application of clean energy and promote the substitution of traditional energy sources, thereby reducing dependence on fossil fuels and mitigating the risks of environmental pollution and climate change.

Strengthening exchanges and cooperation in energy technology between different countries is conducive to solve the problem of unbalanced global energy structure. This is mainly based on the following reasons: firstly, strengthening energy technology exchanges and cooperation among countries. Through technology transfer, joint research and development, and joint demonstration, countries share advanced technologies and experiences, accelerate the commercialization process of renewable energy technologies, and increase their proportion in the global energy structure. Secondly, strengthen energy technology exchanges and cooperation, promote the optimization of energy resource allocation among countries, and achieve complementary and shared energy resources.

Finally, the research and application of clean energy technology is inseparable from the financial support of the government. This is mainly due to two reasons: due to the uncertainty of technology research and development and the volatility of market demand, the research and development of clean energy technologies also face high risks. Private enterprises often find it difficult to bear such large investments and risks alone, and therefore require government funding support to share risks and encourage innovation. In addition, the research and application of clean energy technologies have the characteristics of public goods, that is, their achievements often are widely shared by society. Therefore, private enterprises lack sufficient motivation to invest research and development funds because their profits may not fully cover the investment costs. At this point, as the representative of public interest, the government needs to compensate for market failures and promote the research and application of clean energy technologies through financial support.

References

1. Hou M.F., Pan S.Q., Liu H.L. World Energy Transformation Trend and China Oil and Gas Sustainable Development Strategy [J]. *Natural Gas Industry*, 2021,41(12): 9-16. DOI: 10.3787/j.issn.1000-0976.2021.12.002.
2. Wang J.D., et al. Renewable energy transition in global carbon mitigation: Does the use of metallic minerals matter? [J]. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2023, 181. DOI: 10.1016/j.rser.2023.113320.
3. Adekoya O. B., et al. Does economic complexity drive energy efficiency and renewable energy transition? [J]. *Energy*, 2023, 278. DOI: 10.1016/j.energy.2023.127712.
4. Khalid K., Su C.W. Does technology innovation complement the renewable energy transition? [J]. *Environmental science and pollution research international*, 2022,30(11):30144-30154. DOI: 10.1007/S11356-022-24336-3.
5. Afonso L.T., Marques C.A., Fuinhas A. Does energy efficiency and trade openness matter for energy transition? Empirical evidence for countries in the Organization for Economic Co-operation and Development [J]. *Environment, Development and Sustainability*, 2021, 23(9):1-21. DOI: 10.1007/S10668-021-01228-Z.
6. Sun X.S., Xu H.W. Trends and challenges of international energy transformation [J]. *International Petroleum Economy*, 2018,26(01):7-10.
7. Lv Q.G., Chai Z. Efficient and clean utilization of fossil energy under the goal of "double carbon" [J]. *Journal of China Academy of Sciences*, 2022,37(04):541-548. DOI:10.16418/j.issn.1000-3045.20220328001
8. Jin Z.J., Zhang C. Reflections on China's Energy Transformation Path towards Carbon Neutrality [J/OL]. *Journal of Peking University (Natural Science Edition)*: 1-9 [2024-05-26] <https://doi.org/10.13209/j.0479-8023.2024.017>.
9. Gao Z.N., Jiang N, Chen Q.X., et al. Energy Transformation Construction and Inspiration of German Electricity Market [J/OL]. *China Electric Power*: 1-10 [2024-05-26] <http://kns.cnki.net/kcms/detail/11.3265.TM.20240305.1846.002.html>.

10. BP. bp Statistical Review of World Energy (2022) [Electronic resource] / Access mode: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (access date May 24, 2024).

11. BP. bp Statistical Review of World Energy (2018) [Electronic resource] / Access mode: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (access date May 23, 2024).

12. BP. bp Statistical Review of World Energy (2020) [Electronic resource] / Access mode: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (access date May 23, 2024).

13. World Energy Investment (2024) [Electronic resource] / Access mode: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/b7f43616-e90d-4314-be5e-47f66a89a4b0/WorldEnergyInvestment2024.pdf> (access date October 6, 2024).

Информация об авторе

Сюй Лулу – аспирант факультета управления ЮФУ.

Information about the author

Xu Lulu – Postgraduate Student of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 25.11.2024.

The article was submitted 20.10.2024; approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 25.11.2024.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 106–114
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(4):106–114

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-106-114>

EDN FLNKUQ

Мобилизационная экономика как ответ на современные вызовы в условиях изменяющейся военно-политической обстановки

Людмила Витальевна Зубова

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия,
zl11@yandex.ru

Аннотация. В условиях постоянных изменений на глобальной арене наличие сильной и устойчивой мобилизационной экономики станет наиважнейшей основой для обеспечения безопасности и гибкости национальной экономики России. Концентрация усилий на уровне стратегического планирования и активного управления ресурсами создаст условия для роста и процветания несмотря на существующие вызовы и наличие завистников и недоброжелателей. Работа посвящена изучению понятийно-категориальному аппарату мобилизационной экономики, ее развитию в условиях современных вызовов и изменяющейся военно-политической обстановки. Наличие глобальной нестабильности, социальных и экономических кризисов, а также угроз безопасности государства, порождает необходимость активации и адаптации экономических методов и инструментов для обеспечения устойчивости национальной экономики Российской Федерации. Необходимо детально исследовать ключевые аспекты мобилизационной экономики, включая: процессы стратегического планирования, управления ресурсами, координации действий между различными секторами и всеми задействованными участниками процессов в условиях определенности, неопределенности и смешанных условиях. Особое внимание необходимо уделять повышению значений экономических показателей, отражающих уровень устойчивости национальной экономики, а также развитию методологии оценивания эффективности принимаемых и реализуемых управленческих решений на государственном уровне. Для успешной реализации данной концепции необходимо интегрировать государственную политику и стратегии управления рисками на всех уровнях, а именно: разработать четкие и обоснованные стратегии, учитывающие как текущие, так и потенциальные угрозы; поддерживать постоянный диалог между различными секторами экономики, государственными органами и обществом; уделять внимание образованию и подготовке специалистов, способных работать в условиях неопределенности и быстро меняющейся среды.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, современные вызовы, военно-политическая обстановка, управление ресурсами, стратегическое планирование, социальная стабильность, государственная политика, экономическая устойчивость

Для цитирования: Зубова Л. В. Мобилизационная экономика как ответ на современные вызовы в условиях изменяющейся военно-политической обстановки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 106–114. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-106-114>. EDN FLNKUQ

Original article

Mobilization economy in the context of modern challenges and a changing military-political situation

Lyudmila V. Zubova

Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia,
zl11@yandex.ru

Abstract. In the context of constant changes on the global stage, the presence of a strong and resilient mobilization economy will become an important foundation for ensuring the security and flexibility of Russia's national economy. Focusing efforts on strategic planning and active resource management will create conditions for growth and prosperity, despite existing challenges and the presence of adversaries.

This paper is dedicated to the study of mobilization economy in the face of modern challenges and the changing military-political situation. In conditions of global instability, social and economic crises, as well as security threats, states face the necessity of adapting economic methods and tools to ensure their viability and resilience. The article examines key aspects of mobilization economy, including strategic planning, resource management, the necessity for coordination of actions between various sectors and agencies, and the role of state policy in transforming economic systems. Particular attention is paid to restoring and improving economic indicators, as well as social stability in the face of potential conflicts and threats.

Global instability, economic and social crises, and security threats create a critical need to adapt economic methods and tools to ensure the state's viability and resilience. To successfully implement this concept, it is necessary to integrate state policy and risk management strategies at all levels, namely: to develop clear and substantiated strategies that take into account both current and potential threats; to maintain continuous dialogue between different sectors of the economy, government agencies, and society; and to emphasize education and training for specialists capable of working in conditions of uncertainty and rapidly changing environments.

Keywords: mobilization economy, modern challenges, military-political situation, resource management, strategic planning, social stability, state policy, economic resilience

For citation: Zubova L. V. Mobilization economy in the context of modern challenges and a changing military-political situation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):106–114. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-106-114>. EDN FLNKUQ

В честь памяти первой годовщины от 18.10.2023 г. профессора кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, директора и создателя Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, вице-президента Вольного экономического общества России А. В. Бузгалина¹

«Мобилизационная экономика – это не про то, что все ходят строем и производят с утра до вечера снаряды. Мобилизационная экономика – это про большие задачи, понятные приоритеты и осознанную ответственную экономическую политику»².

Введение

С начала второй половины 2022 г. в российском экспертном и «научном сообществе активно обсуждается концепция создания «мобилизационной экономики». Организационная модель этой экономики предполагает концентрацию и локализацию ресурсов в приоритетных отраслях, играющих ключевую роль в обеспечении защиты национальных интересов и экономической безопасности страны. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день российские ученые еще не выработали четкие критерии, которые могли бы точно определить специфику и системные характеристики мобилизационной экономики, что затрудняет в определении ее отличий от существующих антикризисных мер, внедряемых правительством РФ.

Кроме того, следует отметить, что научное содержание термина «мобилизационная экономика» остается достаточно неясным» [1], так как данный термин охватывает как аспекты концентрации и локализации экономических ресурсов, так и функционирование экономики в условиях военного времени.

В свете актуальных задач, стоящих перед страной, становится крайне важным вернуться к поиску ответов на ключевые вопросы, касающиеся этой тематики: какие конкретные критерии и параметры должны быть разработаны для точного определения границ и особенностей мобилизационной экономики? Каково соотношение между мобилизационной экономикой и существующими антикризисными мерами на уровне государственного управления? Какие практические примеры и успешные кейсы можно использовать для формирования модели мобилизационной экономики в российском контексте? Каковы ключевые факторы, способствующие успешной реализации мобилизационной экономики в условиях современной глобальной неопределенности? Как обеспечить взаимодействие между различными секторами экономики для эффективного функционирования мобилизационной модели в случае возникновения кризисных ситуаций? Тщательное изучение данных вопросов может помочь в более глубоком понимании механизма функционирования мобилизационной экономики в России и выработке стратегий, соответствующих современным вызовам. Ответы на данные вопросы позволят глубоко исследовать динамику мобилизационной экономики с объединением политико-экономических аспектов, что является очень важным и актуальным в условиях современных вызовов и изменяющейся военно-политической обстановки. Данные вопросы требуют детального анализа и обсуждения с целью формирования четкого понимания мобилизационной экономики и ее роли в будущем великой России [2–18].

Материалы и методы исследования

Применен системный подход, методы качественного анализа, количественный анализ и SWOT-анализ.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=k7yZiriMF0o>

² Новичков, Н. (2022), «Правда и домыслы про мобилизационную экономику: почему она сегодня необходима», MKRU (mk.ru), доступно по адресу: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/23/pravda-idomysly-pro-mobilizacionnuyu-ekonomiku-pochemu-ona-segodnya-neobkhodima.html>.

Таблица 1 – Анализ понятийно-категориального аппарата мобилизационной экономики
 Table 1 – Analysis of the conceptual and categorical apparatus of the mobilization economy

№ п/п	Определение мобилизационной экономики	Источник	Основное содержание
1	Рассматриваются три разные модели мобилизационной экономики: с разными целями, с разными инструментами и разными вариантами её реализации.	Цветков В. А. Мобилизационная экономика: актуальные вопросы сегодняшнего дня // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 3. С. 6–15. DOI: https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15	Исследуются как положительные, так и отрицательные аспекты мобилизационной экономики. Делается вывод о том, что в современных условиях России крайне важно пересмотреть модель национальной экономики с целью внедрения дополнительных механизмов мобилизации ресурсов, что позволит создать новые стимулы для экономического роста и социального прогресса.
2	Предлагается альтернативный взгляд на экономическое развитие страны.	Калашников М. Мобилизационная экономика. Может ли Россия обойтись без Запада? – М.: Издательство XYZ, 2014. 250 с.	Подчеркивается важность независимости и самодостаточности в условиях глобальной нестабильности.
3	Мобилизационная экономика представляет собой экономическую систему, основная цель которой заключается в концентрации и рациональном использовании внутренних ресурсов для эффективного противостояния внешним вызовам и угрозам. В рамках мобилизационной экономики значительное внимание уделяется индустриальному и научно-техническому потенциалу, особенно в таких секторах, как военно-промышленный комплекс (ВПК). Это подразумевает активное перераспределение экономических ресурсов для их максимальной задействованности в критически важных отраслях.	Евплова Е. В., Якупов В. Р., Золотухин С. Н., Федосеев А. В., Мурыгина Л. С. Конкуренция в политической сфере / // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11. № 1 [38]. С. 10-14.	Акцентируется внимание на политических конфликтах, которые тормозят экономическое развитие стран, находящихся в состоянии противоречий. Безусловно, политические противостояния способствуют возникновению экономических кризисов, и поэтому крайне важно проанализировать их общее влияние на хозяйственную деятельность. Данная статья предназначена для представления концепции мобилизационной экономики, ее механизмов функционирования и направлений в современных реалиях.

Продолжение табл. 1
Continuation of Table 1

№ п/п	Определение мобилизационной экономики	Источник	Основное содержание
4	Главное внимание здесь уделяется антикризисной политике, способствующей быстрой адаптации к изменяющимся условиям, возникающим в связи с непредвиденными обстоятельствами или угрозами.	Мурыгина Л. С., Грабович У. А. Мобилизационная экономика в условиях глобальных вызовов // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2022. № 11 [Электронный ресурс]. URL: https://ekonomika.snauka.ru/2022/11/24015 [дата обращения: 31.10.2024].	Такой подход не только укрепляет обороноспособность страны, но и способствует более эффективному управлению экономикой в условиях неопределенности. Использование всех доступных ресурсов и технологий, включая инновационные методики, становится ключевым аспектом для обеспечения готовности к потенциальным кризисам и вызовам.

Разработка понятийно-категориального аппарата мобилизационной экономики

Разработка понятийно-категориального аппарата мобилизационной экономики является важной задачей в условиях современных экономических реалий. Данный процесс включает в себя комплекс мер, направленных на создание и уточнение терминов и концепций, способствующих развитию методологии управления экономическими процессами в условиях мобилизации ресурсов (рис. 1).

Проведя анализ существующих понятий, дадим авторское определение мобилизационной экономики. Мобилизационная экономика представляет собой состояние функционирующей системы, направленной на эффективное использование ресурсов и активизацию экономической деятельности с целью достижения стратегических национальных целей во времена кризисов или войн. То есть, это специализированный **тип** экономической системы, модель которого ориентирована на оперативное и эффективное реагирование на внешние и внутренние угрозы в условиях военных конфликтов или кризисов различного характера. Важной особенностью тут является акцент на центральную координацию ресурсов государства, развертывании значительных экономических и человеческих ресурсов с целью обеспечения максимально возможного уровня национальной безопасности. В таком случае зарождаются новые вопросы:

- какими документами регулируется национальная безопасность государства?
- каковы стратегии национальной безопасности государства?
- каковы концепции, определяющие ключевые аспекты, цели и задачи в области обеспечения безопасности страны?

Основными документами, которые фиксируют уровень национальной безопасности являются:

1. Доктрина национальной безопасности Российской Федерации (2015 год) – это основной документ, описывающий концептуальные подходы к обеспечению безопасности страны. Доктрина определяет:

- основные угрозы национальной безопасности;
- стратегии и механизмы противодействия этим угрозам;
- приоритетные направления государственной политики в области безопасности.

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации¹ – уточняет основные направления работы по обеспечению безопасности в условиях современных вызовов, включая экономические, террористические, социальные и экологические угрозы.

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

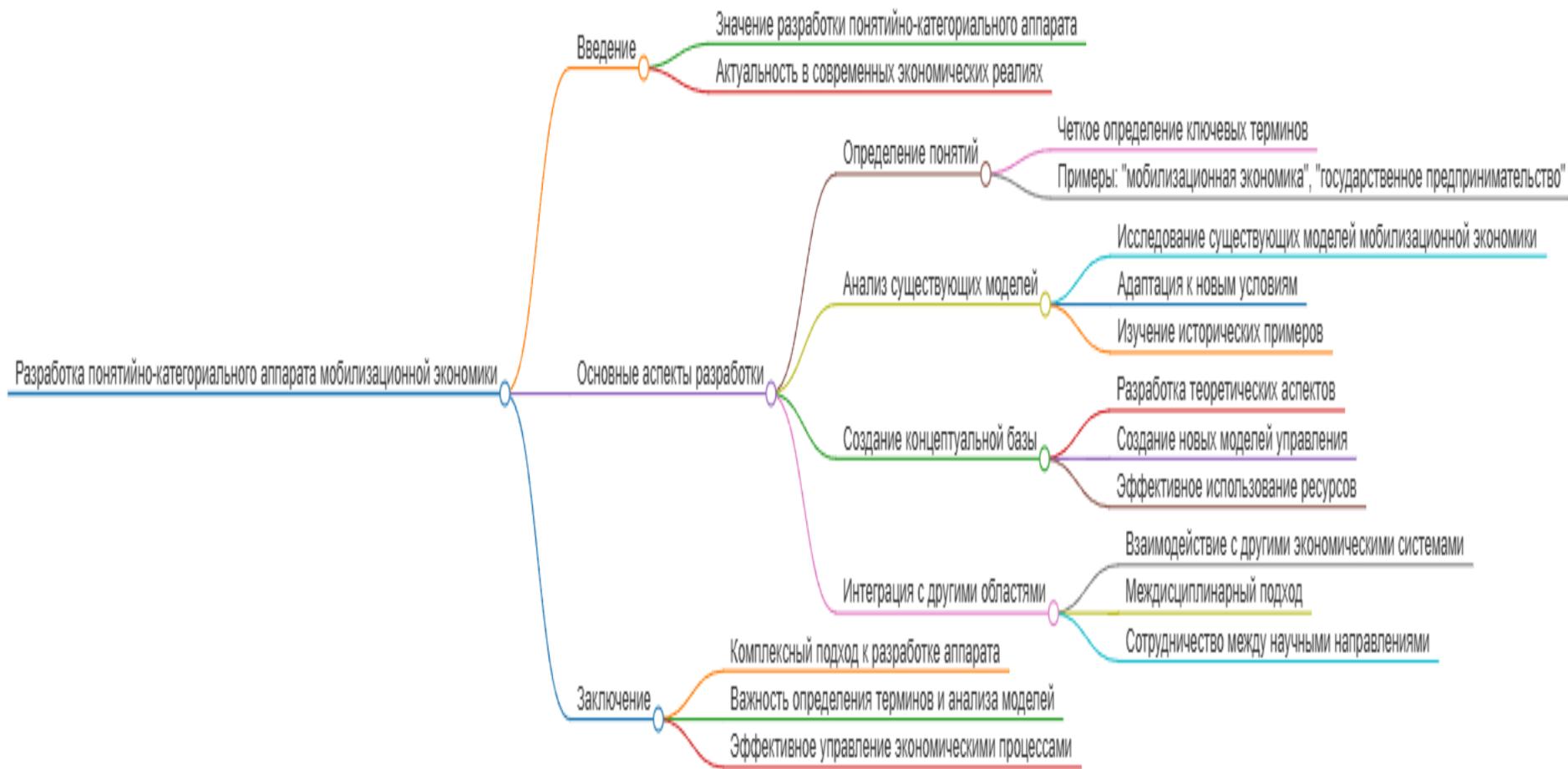

Рис. 1. Концептуальная модель разработки понятийно-категориального аппарата мобилизационной экономики
 Fig. 1. Conceptual model of the development of the conceptual and categorical apparatus of the mobilization economy

3. Президентские указы и распоряжения – периодически издаются указания, связанные с повышением уровня безопасности в различных сферах, таких как военная безопасность, информационная безопасность, продовольственная безопасность и др.;

4. Федеральные законы – ряд законов, регулирующих вопросы национальной безопасности, которые играют важную роль в определении уровня безопасности, такие как закон о государственной тайне, закон о противодействии терроризму и другие;

5. Документы и концепции в области обороны – различные концепции, отражающие военно-политическую ситуацию и задачи Вооруженных Сил, также включают аспекты национальной безопасности.

Выводы и результаты

Таким образом, национальная безопасность России как концепция и практика определена и формализована в рамках законодательных и нормативных документов. Однако, в условиях изменяющейся глобальной и региональной политической обстановки она требует постоянного мониторинга и корректировки стратегий в ответ на новые вызовы и угрозы. В этой связи, с учетом выявленной важнейшей взаимозависимости еще раз хотелось бы уделить внимание тому, что вопрос мобилизационной экономики стал особенно критичным в условиях современных вызовов, таких как:

– глобализация, которая является многоаспектным процессом, охватывающим: экономические, социальные, политические и культурные изменения, которые происходят в мире в результате увеличения международного взаимодействия и взаимозависимости между странами [19]. Многообразие форм глобализации не сводится только к экономическим процессам, а затрагивает также культурные, экологические и социальные аспекты. Необходимо рассматривать глобализацию в контексте многомерной и многогранной системы взаимодействий.

– политическая нестабильность;

– военные конфликты и киберугрозы.

Таким образом, в результате проведенного исследования выстраивается **новый уровень взаимозависимости** между мобилизационной экономикой и национальной безопасностью в условиях политической нестабильности, который необходимо учитывать при развитии методологии мобилизационной экономики, а именно с учетом не только военных конфликтов, киберугроз, а также и с учетом всевозможного многообразия рисков глобализационных процессов, образующихся при реализации совокупности подходов, принципов и инструментов, которые используются для организации и управления экономической деятельностью государства в условиях мобилизационной ситуации. В современных условиях мобилизационная экономика воспринимается как ответ на геополитические вызовы. Она предполагает не только концентрацию ресурсов, но и активизацию экономической деятельности для достижения стратегических национальных целей. Это может включать в себя переход от либеральной модели экономики к более регулируемой, где государство становится основным инвестором и организатором экономической активности.

Таким образом, мобилизационная экономика представляет собой сложную систему, направленную на эффективное использование ресурсов в условиях неопределенности последствий рисков с акцентом на государственное управление и контроль; предполагает не только концентрацию ресурсов, но и активизацию экономической деятельности для достижения стратегических национальных целей. Мобилизационная экономика представляет собой переход от либеральной модели экономики к регулируемой, где государство становится основным инвестором и организатором экономической активности.

Список источников

1. Цветков В.А. Мобилизационная экономика: актуальные вопросы сегодняшнего дня // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 3. С. 6–15. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15>.

2. Бабенков В. И. Управление экономикой в условиях мобилизации: теоретические основы и практические аспекты // Экономические исследования. 2021. № 10 (2). С. 65–82.

3. Бузгалин И. Л. Глобализация: вызовы и перспективы. М.: Наука, 2023. 300 с.

4. Викулов С. Ф., Давыдова А. А., Зубова Л. В. Методология сопровождения государственного оборонного заказа с учетом мониторинга рискоемкости процессов на основе проектного подхода. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Т. 20. № 3 (432). С. 408–420.
5. Викулов С. Ф., Зубова Л. В., Чернышев В. В. Модель рискоемкости этапов жизненного цикла ракетно-космической техники // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2024. Т. 20. № 8 (437). С. 1509–1517.
6. Воронин С. Институты и механизмы мобилизационной экономики. Екатеринбург: Издательство «Урал», 2022. 220 с.
7. Евплова Е. В., Якупов В. Р., Золотухин С. Н., Федосеев А. В., Мурыгина Л. С. Конкуренция в политической сфере // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2022. Т. 11. № 1 [38]. С. 10-14.
8. Зубова Л. В. Повышение экономической эффективности закупок на основе оценивания рискоустойчивости // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2023. № 4. С. 36–42.
9. Иванов П., Бухвальд А. Антикризисное управление в условиях мобилизационной экономики. Санкт-Петербург: Издательство Экон-Информ, 2022. 200 с.
10. Игнатова Т. В., Иванова Д. Е., Иванов В. Е., Сибилева А. А. Инновационные технологии в государственном управлении: цифровизация процессов и их эффективность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-18-24>. EDN SNFJZR
11. Калашников М. Мобилизационная экономика. Может ли Россия обойтись без Запада? М., 2014. 250 с.
12. Мурыгина Л. С., Грабович У. А. Мобилизационная экономика в условиях глобальных вызовов // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2022. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2022/11/24015> [дата обращения: 31.10.2024].
13. Мурыгина Л. С., Терехов А. О. Глобализация и ее влияние на экономику России // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIII Международной научно-практической конференции от 15.05.18г.: в 2-х ч. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение». 2018. Ч. 2. С. 42–44.
14. Никитин Ю. А., Зубов А. О. Метод принятия решений при экономическом обеспечении войны на основе рискоориентированного подхода / В сборнике: Обеспечение экономического суверенитета России в условиях становления многополярного мира. Материалы международного экономического форума. М., 2024. С. 319–328.
15. Степано А. Н. Мобилизационная экономика: роль государства в управлении ресурсами // Экономические исследования. 2022. № 14(3). С. 45–60.
16. Топоров А. В., Бабенков В. И. Системный подход к военно-экономической безопасности материально-технического обеспечения войск (сил) // Научные проблемы материально-технического обеспечения Вооружённых Сил Российской Федерации. 2019. № 4(14). С. 9–13.
17. Целыковских А. А., Никитин Ю. А., Асташенко А. Н., Зубова Л. В. Методический подход к оцениванию и мониторингу рискоустойчивости системы управления инвестиционно-строительным проектом // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2023. № 1. С. 43–54.
18. Целыковских А. А., Никитин Ю. А., Зубов А. О. Методика прогнозирования стоимости процесса разработки образца техники на основе проектного метода с учетом неопределённости стоимостных данных // Вестник Екатеринбургского института. 2022. № 3 (59). С. 59–65.
19. Бузгалин А. В. Альтерглобализм: в поисках позитивной альтернативы новой империи // Век глобализации. 2008. № 1. С. 120–127.

References

1. Tsvetkov V. A. Mobilization economy: current issues of today. *Problems of the market economy*. 2022;(3):6–15. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-3-6-15>
2. Babenkov V. I. Economic management in conditions of mobilization: theoretical foundations and practical aspects. *Economic research*. 2021;10(2):65–82. (In Russ.).
3. Buzgalin I. L. *Globalization: challenges and prospects*. Moscow: Nauka; 2023. 300 p. (In Russ.).

4. Vikulov S. F., Davydova A. A., Zubova L. V. Methodology of support for the state defense order, taking into account the monitoring of the risk intensity of processes based on the project approach. *National interests: priorities and security*. 2024;20(3(432)):408–420. (In Russ.).
5. Vikulov S. F., Zubova L. V., Chernyshev V. V. The risk intensity model of the life cycle stages of rocket and space technology. *National interests: priorities and security*. 2024;20(8 (437)):1509–1517. (In Russ.).
6. Voronin S. *Institutions and mechanisms of the mobilization economy*. Yekaterinburg: Ural Publishing House; 2022. 220 p. (In Russ.).
7. Yevplova E. V., Yakupov V. R., Zolotukhin S. N., Fedoseev A. V., Murygina L. S. Competition in the political sphere. *Azimuth of scientific research: economics and management*. 2022;11(1[38]):10–14. (In Russ.).
8. Zubova L. V. Improving the economic efficiency of procurement based on risk tolerance assessment. *Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus. Theory of economics and management of the national economy*. 2023;(4):36–42. (In Russ.).
9. Ivanov P., Buchwald A. *Anti-crisis management in a mobilization economy*. Saint Petersburg: Ekon-Inform Publishing House; 2022. 200 p. (In Russ.).
10. Ignatova T. V., Ivanova D. E., Ivanov V. E., Sibileva A. A. Innovative technologies in public administration: digitalization of processes and their effectiveness. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(3):18-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-18-24>. EDN CHFJZR
11. Kalashnikov M. *Mobilization economics. Can Russia do without the West?* Moscow: XYZ Publishing House; 2014. 250 p. (In Russ.).
12. Murygina L. S., Grabovich U. A. Mobilization economy in the context of global challenges. *Economics and management of innovative technologies*. 2022;(11). Available from: <https://ekonomika.snauka.ru/2022/11/24015> (Accessed 31 October 2024). (In Russ.).
13. Murygina L. S., Terekhov A. O. Globalization and its impact on the Russian economy. In: *Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations: collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference* dated 05/15/18: in 2 hours. Penza: ICNS "Science and Education"; 2018. Part 2. Pp. 42–44. (In Russ.).
14. Nikitin Yu. A., Zubov A. O. Decision-making method for economic support of war based on a risk-oriented approach. In: *Ensuring Russia's economic sovereignty in the context of the formation of a multipolar world. Materials of the International Economic Forum*. Moscow; 2024:319–328. (In Russ.).
15. Stepano A. N. Mobilization economy: the role of the state in resource management. *Economic research*. 2022;14(3):45–60. 220 p. (In Russ.).
16. Toporov A. V., Babenkov V. I. A systematic approach to military and economic security of material and technical support of troops (forces). *Scientific problems of material and technical support of the Armed Forces of the Russian Federation*. 2019;4(14):9–13. (In Russ.).
17. Tselykovskikh A. A., Nikitin Yu. A., Astashenko A. N., Zubova L. V. Methodological approach to assessing and monitoring the risk tolerance of the investment and construction project management system. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2023;(1):43–54. (In Russ.).
18. Tselykovskikh A. A., Nikitin Yu. A., Zubov A. O. Methodology for predicting the cost of the process of developing a sample of equipment based on the design method, taking into account the uncertainty of cost data. *Bulletin of the Catherine Institute*. 2022;3(59):59–65. (In Russ.).
19. Buzgalin A. V. Alterglobalism: in search of a positive alternative to the new empire. *The age of globalization*. 2008;(1):120–127. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Зубова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики СЗИУ РАНХиГС.

Information about the author

L. V. Zubova – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economics, Northwestern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 31.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Ecological-economic assessment of Chinese territories' environmental quality on the nature's total economic value conceptual basis

Yinan Dong¹, Elena I. Lazareva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹yinan.2.dong@uconn.edu, <https://orcid.org/0000-0001-8658-7196>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Abstract. Environmental quality (EQ), its adequate ecological-economic assessment forms the foundation for increasing the sustainability, first of all, ecological, of socio-economic development trends of modern spatial-economic systems. *The purpose* of the study is to develop a conceptual model of ecological-economic assessment of environmental quality of China's territories on the theoretical basis of the Total Economic Value of Nature (TEV) and to justify its applicability in the development of public policy measures aimed at achieving the goals of sustainable development 2030. The focus of the *research methodology* is bibliometric methods, in particular meta-analysis and bibliometric mapping, which allow a comprehensive and critical analysis of the advantages and disadvantages of current methodological tools, as well as a detailed analysis of actual problems hindering the environmentally sustainable development of China's territorial systems. The *scientific novelty* of the research results consists in revealing the limitations / one-sidedness of the methods of ecological-economic assessment of EQ used in Chinese practice, as well as in creating a conceptual model based on TEV and integrated with the concept of sustainable development, allowing for a comprehensive assessment of environmental values in various aspects. The significance of the *results* of the study lies in the development of specific methodologies for assessing the multifaceted values of EQ in the substantiation of directions for improving the methodological tools used in environmental-economic assessment. The study aims to develop a comprehensive understanding of the environmental-economic value of environmental quality, to identify tools that can effectively assess TEV, and provide theoretical support for the formation of sustainable environmental policies in China using the proposed conceptual model.

Keywords: ecological-economic assessment, environmental quality, territorial sustainable development, concept of the total economic value of nature

Acknowledgments: The research was carried out in Southern federal university within the framework of the RNF project No. 24-28-01624.

For citation: Yinan Dong, Lazareva E. I. Ecological-economic assessment of Chinese territories' environmental quality on the nature's total economic value conceptual basis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):115–123. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-115-123>. EDN FMLFKY

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338.23

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-115-123>

EDN FMLFKY

Эколого-экономическая оценка качества окружающей среды территорий Китая на концептуальной базе совокупной экономической ценности природы

Инань Дун¹, Елена Иосифовна Лазарева²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹yinan.2.dong@uconn.edu, <https://orcid.org/0000-0001-8658-7196>

²elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

Аннотация. Качество окружающей среды (далее – КОС), его адекватная эколого-экономическая оценка формируют фундамент повышения устойчивости, прежде всего, экологической, трендов социально-экономического развития современных пространственно-экономических систем.

Цель исследования – разработка концептуальной модели эколого-экономической оценки качества окружающей среды территорий Китая на теоретической базе совокупной экономической ценности природы (Total Economic Value, TEV) и обоснование ее применимости в выработке мер государственной политики, ориентированных на достижение целей устойчивого развития 2030. Фокусом методологии исследования выступают библиометрические методы, в частности мета-анализ и библиометрическое картирование, позволяющие комплексно и критически проанализировать достоинства и недостатки актуальных методологических инструментов, а также детальная аналитика текущих проблем, препятствующих экологически устойчивому развитию территориальных систем Китая.

Научная новизна результатов исследования состоит в выявлении ограниченности / односторонности применяемых в китайской практике методов эколого-экономической оценки КОС, в создании концептуальной модели, основанной на TEV и интегрированной с концепцией устойчивого развития, позволяющей проводить всестороннюю оценку экологических ценностей в различных аспектах. Значимость результатов исследования заключается в разработке конкретных методик для оценки многогранных ценностей КОС, в обосновании направлений совершенствования методологических инструментов, используемых в эколого-экономическом оценивании. Исследование направлено на разработку всестороннего понимания эколого-экономической ценности качества окружающей среды, выявление инструментов, способных эффективно оценивать его TEV, и предоставление теоретической поддержки для формирования устойчивых экологических политик в Китае с использованием предложенной концептуальной модели.

Ключевые слова: эколого-экономическая оценка, качество окружающей среды, устойчивое развитие территории, концепция совокупной экономической ценности природы

Благодарности: исследование выполнено в Южном федеральном университете в рамках проекта РФФ № 24-28-01624.

Для цитирования: Инань Дун, Лазарева Е. И. Эколого-экономическая оценка качества окружающей среды территорий Китая на концептуальной базе совокупной экономической ценности природы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 115–123. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-115-123>. EDN FMLFKY

Introduction

The environmental quality in China has become a critical concern as the country continues to experience rapid economic growth. Severe environmental challenges, including significant air and water pollution, soil degradation, and loss of biodiversity, pose substantial risks to public health and economic stability. In northern regions, air pollution is particularly severe [1, 2], while water pollution from industrial waste, agricultural runoff, and insufficient wastewater treatment threatens both drinking water safety and aquatic ecosystems [3].

To address these challenges, it is essential to adopt comprehensive assessment methods that capture the full economic value of environmental quality. The concept of Total Economic Value (TEV) provides a robust framework for this purpose. TEV encompasses all forms of economic value derived from the environment, including direct market transactions, ecosystem services that support economic activities, and non-use values that contribute to social well-being [4, 5]. By incorporating TEV into environmental-economic assessments, a more accurate understanding of the true economic value of natural resources and ecosystem services can be achieved, thereby informing more effective and sustainable environmental policies [6, 7].

In the sphere of public policy, financial frameworks and incentives, especially those directed to implementing sustainable behavior have a general coverage. In particular, financial programs assisting with the purchase of electric vehicles can influence how people behave, thus increasing the rate at which clean energy technologies are adopted and consequently reduce environmental pollution levels. Applying a conceptual framework based on TEV in environmental economic assessments can revolutionize such assessments by embedding the different values of natural resources and the services of the ecosystem. Such an integrated methodology can assist in attaining a quest for an even better approach to environmentally sound practices management and ultimately, targeted sustainable development goals.

This study proposes a new conceptual model based on TEV to improve the comprehensiveness and accuracy of China's environmental economic assessment, thereby enhancing the effectiveness and sustainability

of environmental policies. The model incorporates the core principles of sustainable development, emphasizes the necessity of balancing economic growth and environmental protection, and comprehensively evaluates all aspects of environmental value. Through conceptual analysis and bibliometric methods, this study constructs a comprehensive environmental economic assessment framework that not only deepens the understanding of environmental quality but also supports the formulation of sustainable environmental policies in China.

In addition, the model provides an improvement in assessment accuracy through a comprehensive review of existing literature and methods, and deeply explores how policy measures affect consumer behavior and environmental outcomes. Combining TEV with policy effect analysis, the model can more clearly reveal the economic value of natural resources and ecosystem services, providing support for the formulation of robust policy decisions. With this approach, this study not only promotes the coordination between environmental and economic policies, but also provides a scientific basis for achieving environmental sustainability. Ultimately, the model provides a solid theoretical and practical basis for policy formulation for China to play a leading role in the global sustainable development agenda.

Methodology of China's territories EQ ecological-economic assessment

Ecological-economic assessment methods have significant limitations and challenges in capturing the complex dynamics of environmental quality, especially in the context of diverse and rapidly changing environmental conditions in China. Traditional assessment tools often rely on a single perspective and a single assessment method, which cannot fully understand the environmental impacts and their economic implications.

Early ecological economic valuation methods focused primarily on direct use values, such as market transactions associated with natural resource extraction and production [8]. These methods, which include market pricing [9] and cost-benefit analysis [10], are well suited to quantifying tangible economic activities. However, these methods are insufficient to capture indirect use values and non-use values, which are essential for a comprehensive understanding of environmental quality. Ecosystem services such as air and water purification and biodiversity support are often underestimated or neglected in these assessments.

The concept of TEV encompasses all forms of value provided by the environment, including direct use values, indirect use values and non-use values. This framework provides a more comprehensive assessment of environmental resources by considering the full range of benefits they provide to society. Studies by Nijkamp, P., Vindigni, G., Nunes et al [11] and Plottu, E., Plottu, B. [12] laid the groundwork for the inclusion of TEV in ecological-economic valuation by emphasizing the need to consider the full range of values associated with natural resources.

The application of TEV in environmental policy has been explored in various contexts, demonstrating its potential to inform more sustainable decision-making. For instance, studies assessing the value of wetland ecosystem services [13], forests [14], and coastal areas [15] have shown that TEV can provide a solid foundation for evaluating the economic impacts of environmental conservation and degradation. These studies highlight the importance of including non-market values in policy frameworks to ensure the efficient management of environmental quality.

Although the TEV framework has significant advantages in eco-economic assessment, there are still challenges in its implementation, especially in quantifying non-use values. This often requires reliance on stated preference methods such as contingent valuation and choice experiments. This paper proposes a TEV-based conceptual model that integrates these methods and aims to provide a comprehensive environmental economic assessment perspective, fill the gaps in the literature, and provide a solid analytical framework for environmental quality assessment and policy decision-making.

Results of the research

The core result of this study is to construct a comprehensive eco-economic assessment conceptual model, which integrates use value and non-use value under the framework of TEV to achieve a comprehensive evaluation of EQ. The model covers a variety of TEV assessment methods, aiming to provide a systematic assessment of the multi-dimensional value of environmental quality.

Use values derive from the direct or indirect utilization of environmental resources and are assessed using methods such as the hedonic pricing method [16]. This approach evaluates the economic value of environmental attributes by examining how these attributes influence market prices, especially real estate prices.

For instance, the hedonic pricing method can quantify the impact of air quality on property values [17], thereby providing tangible measures of the economic benefits associated with environmental improvements.

Non-use values, including the intrinsic worth people assign to environmental resources irrespective of their actual use, are estimated using stated preference methods [18]. Such as, contingent valuation method, choice experiment. These methods involve surveying individuals to understand their willingness to pay/accept for the preservation or enhancement of environmental resources, thereby capturing values related to existence [19] and heritage [20].

The model provides a comprehensive perspective on the economic value of environmental quality by integrating use value and non-use value into the TEV framework. It not only quantifies the direct economic benefits of environmental resources, but also incorporates the value of social and ecological aspects that are often overlooked in traditional assessments. By integrating a variety of assessment methods, the model can provide a more comprehensive and accurate estimate of environmental value, thereby supporting the formulation of more informed and sustainable decisions.

To incorporate the influence of government policy, this model includes a policy impact component. For example, consumers' willingness to accept government subsidies for electric vehicles are used to assess the economic value of such policies in promoting environmental sustainability (fig. 1) [21]. Figure 1 shows that the core of the model revolves around the concept of «Environmental sustainability», which is interconnected with social and economic sustainability.

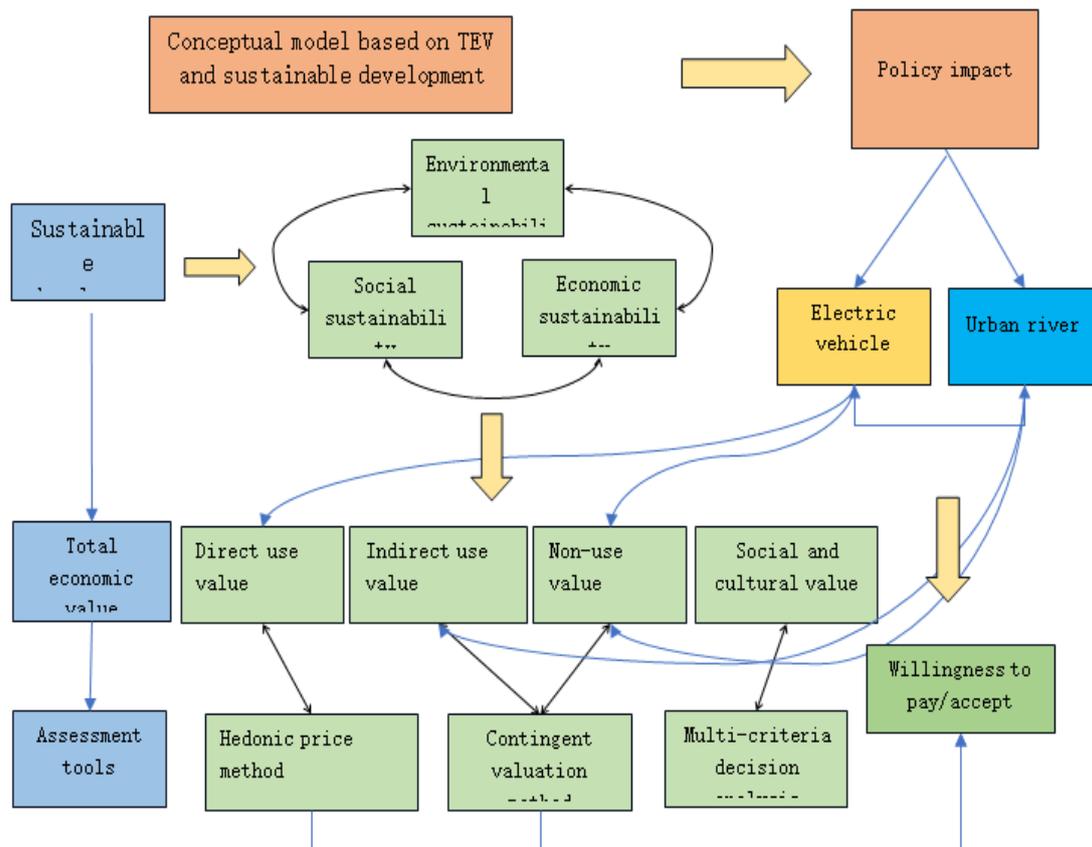

Fig. 1. Conceptual model integrating EQ TEV and policy measures to achieve the Sustainable Development Goals¹

Рис. 1. Концептуальная модель, интегрирующая КОС ТЕВ и меры политики по достижению целей устойчивого развития

¹ Составлен авторами.

Together, these three parts embody the core concept of sustainable development, which is to find a balance between protecting the environment, enhancing social well-being and promoting economic growth. The “Sustainable Development” part is used to measure the overall economic value of environmental quality, which includes direct use value, indirect use value, non-use value and social and cultural value. The “Evaluation Tools” section at the bottom of the model details how to calculate these values. The model also includes two real-world cases: “Electric Vehicles” and “Urban Rivers”, which show how to evaluate the economic effects of transportation and water management policies. Finally, the “Willingness to Pay/Accept” section emphasizes the importance of considering public opinion when choosing an evaluation method. In short, this model helps to comprehensively evaluate the economic impact of environmental policies and ensure that public opinion is taken into account during the evaluation process.

Based on the conceptual framework of TEV, a comprehensive review of environmental economic value assessment methods is conducted, which helps to understand environmental value more comprehensively. Although people are paying more and more attention to the non-use value of environmental resources, current research has not fully assessed the total value of environmental resources.

In order to improve and verify this conceptual model, a bibliometric method was used to systematically analyze the relevant literature in the Web of Science database. Through this method, problems in the assessment method can be identified and suggestions for improvement can be made. Such analysis ensures that the model can adapt to China’s changing environmental conditions and maintain its effectiveness and practicality.

Figure 2 shows the main topics studied using the hedonic price method in China. These topics are divided into four categories: niche topics, emerging or declining topics, automotive topics, and basic topics. This topic map shows the importance, maturity, and development trend of these topics in the research field. Niche topics are closely connected internally, but have fewer connections with other fields, indicating that these fields still have a lot of room for development. Emerging or declining topics are currently less studied, but may have development potential in the future. The automotive topic is a hot area in current research. Although the basic topics are important, the current research is not in-depth enough.

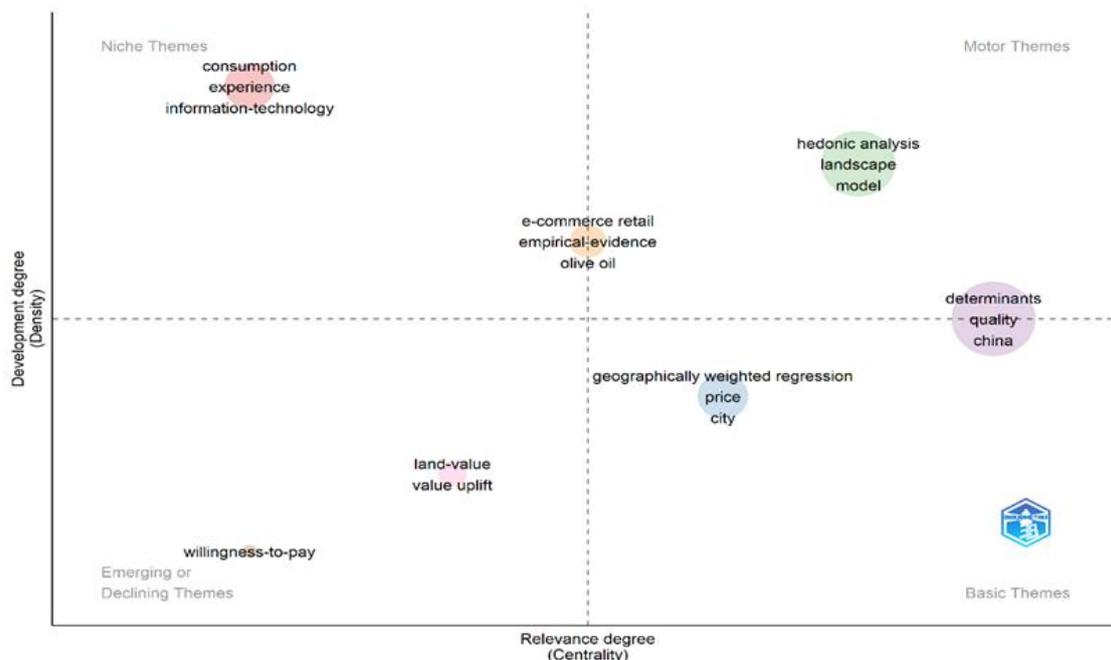

Fig. 2. Thematic map of the hedonic price method research¹

Рис. 2. Тематическая карта исследований по методике гедонистических цен

¹ Составлен авторами.

Problems of Economics

Yinan Dong, Lazareva E. I. *Ecological-economic assessment of Chinese territories' environmental quality...*

Figure 3 shows the main themes of research on China's contingent valuation methods, which are divided into four parts. Niche themes are closely related but not connected to other fields, like isolated islands. Some emerging or fading themes have not yet formed a complete research system, but they have great research potential. The motor theme is particularly important in China's contingent valuation research and is the mainstream of current research, focusing on applications such as ecological restoration. Although the basic themes are important, they are not mature enough and the research results are not complete, which means that these areas may become the focus of research in the future.

The use of the TEV framework allows us to have a more comprehensive understanding of the economic value of China's environmental quality. Unlike traditional valuation tools that only focus on direct use value, the TEV framework considers multiple aspects of environmental value, including indirect value and non-use value. This comprehensive approach highlights the huge economic benefits of TEV valuation, which are often overlooked in traditional analysis. Figures 2 and 3 show the research focus of the hedonic price method and the contingent valuation method, respectively, and reveal the current status and shortcomings of environmental economic valuation by identifying different research themes. This emphasizes the importance of adopting a more comprehensive and inclusive valuation framework proposed by the TEV conceptual model.

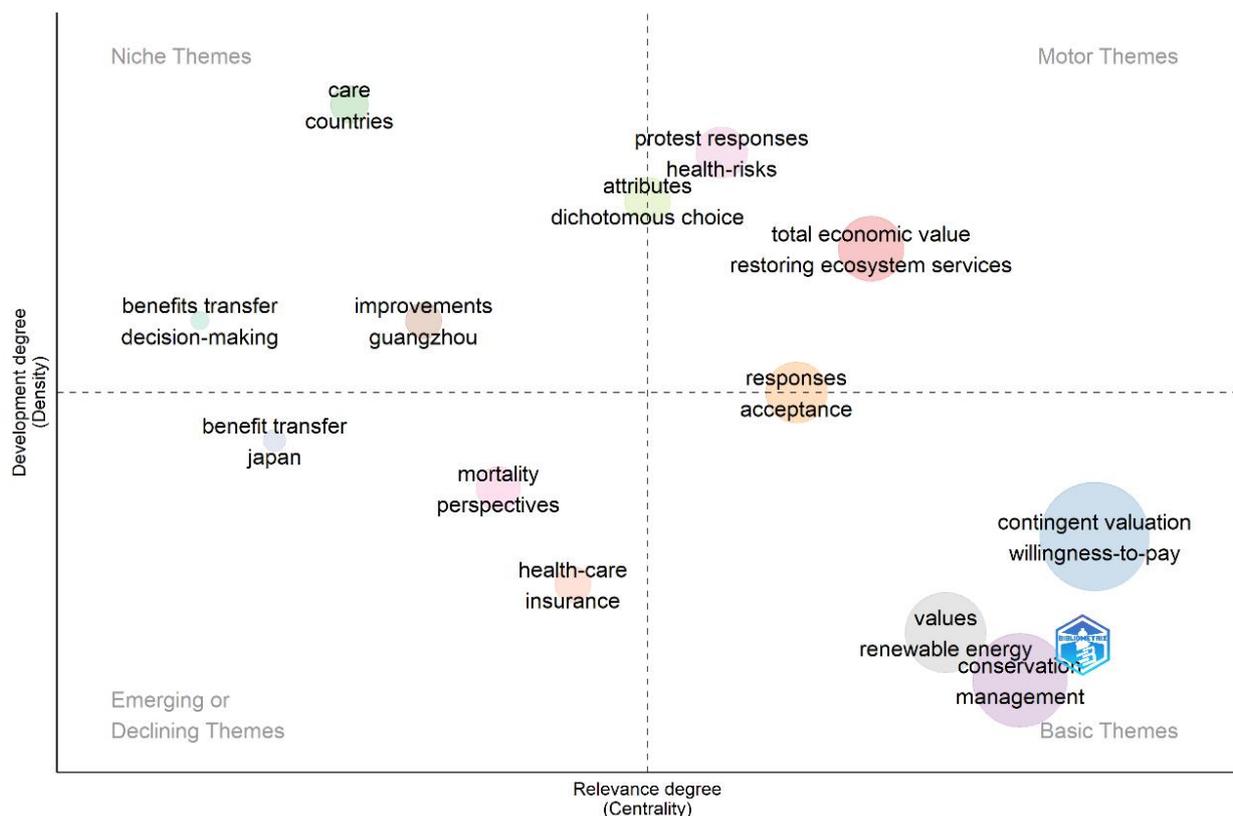

Fig. 3. Thematic Map of Research on Contingent Valuation Methods¹

Рис. 3. Тематическая карта исследований методом условной оценки

¹ Составлен авторами.

Discussion

Incorporating policy impacts into a conceptual model based on TEV helps to capture the economic value of environmental quality in China in greater depth. By analyzing how public behavior responds to government policies, the model is able to more accurately assess the economic benefits of environmental quality improvement. This holistic approach ensures that policy decisions are based on an in-depth understanding of the direct and indirect economic impacts of environmental quality.

Government subsidies and incentives are critical to promoting sustainable behavior. For example, subsidies for electric vehicles can reduce the cost of purchasing and using electric vehicles, which is a great incentive for consumers. Such policies not only reduce air pollution because there are fewer gasoline cars on the road, but also promote technological innovation in the automotive industry. The TEV framework helps us calculate the economic benefits of these subsidies, including not only the value that can be seen in the market, but also those that are not easy to see directly, such as improved public health and reduced greenhouse gas emissions. This TEV-based model also emphasizes the importance of environmental protection activities. Policies aimed at reducing pollution, improving wastewater treatment, and promoting sustainable practices can greatly improve environmental quality. By incorporating TEV into the evaluation of these activities, decision makers can more clearly see the pros and cons and interactions between economic development and environmental protection.

Raising public awareness of the economic value of natural resources and the determination to participate in natural resource management is essential for the formulation of successful environmental policies. Through ecological value education, people can recognize the comprehensive benefits of a healthy ecosystem, such as providing recreational opportunities and protecting species diversity. By making the benefits of environmental protection concrete, people's understanding and support for the environment can be enhanced.

The adoption of ecological values will not only have an integrated design in policy making, but will also increase the gross national product and quality of life. By incorporating ecological values into the national economic evaluation system, we can ensure that we know why humans should survive in the process of population growth and wealth pursuit, and we can also make humans have a better quality of life and happiness.

Future research should focus on improving TEV-based valuation methods for a wider range of environmental problems, which will include the specification of non-market valuations in standard TEV methods, improvements in the integration of spatiotemporal data, and the resolution of uncertainty in the valuation of ecosystem services. Valuable information about its practical utility and effectiveness can be obtained through a series of empirical studies applying the TEV framework. Interdisciplinary collaboration is essential to advance environmental economic valuation research. Integrated perspectives from ecology, economics, and social sciences will make valuation methods more robust and will effectively support more comprehensive and more effective approaches to environmental policy problems.

Conclusion

Air pollution, water pollution, and soil degradation within China reflect the urgency of strengthening assessment tools that can broadly capture the multidimensionality of environmental quality. This study provides a key link in the development of a flexible conceptual framework for systematic ecological and economic assessments to mitigate such challenges.

The total economic value-based approach described in this paper will provide a complete framework for conducting ecological and economic assessments, which in turn will inform sustainable development policies, aiming to improve the effectiveness of environmental policies by addressing the limitations of existing policies. It is also important to address the shortcomings of current methodological tools so that the proposed model can cover environmental quality, economic assessment of environmental resources, and sustainable development, thereby providing a clearer and more complete view of environmental quality within its territory and helping to formulate more informed and effective actions. The framework comprehensively and flexibly strengthens the capacity for sustainable development planning and policy making.

**Список источников /
References**

1. Wang, K. *The effect of environmental regulation on air quality: A study of new ambient air quality standards in China* / K. Wang, H. Yin, Y. Chen. *J. Cleaner Prod.* 2019; 215: 268-279 – DOI 10.1016/j.jclepro.2019.01.061.
2. Libin N., Lazareva E. I. The Strategy of Environmental Protection of Chinese Regions in the Context of Achieving Sustainable Development Goals. Вестник высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022; 2 (214): 112-119. [*Bulletin of higher education institutes. Northern-Caucasus region. Social sciences.* 2022; 2(214):112-119]
3. Zhou, Y. et al. Improving water quality in China: Environmental investment pays dividends. *Water Resources.* 2017;(118):152–159. DOI 10.1016/j.watres.2017.04.035
4. Loomisa J. et al. Measuring the total economic value of restoring ecosystem services in an impaired river basin: results from a contingent valuation survey. *Economics of Water Resources.* 2004. Routledge.
5. Lazareva E., Karaycheva O. Natural Capital from the «Green» Economy of Sustainable Innovation Development Perspective Managing Identification: an Instrumental View. *SGEM 2018 Conference proceedings.* 2018: 693-700. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/1.3/S04.085.
6. Лазарева Е. И., Анопченко Т. Ю. Эконометрическая оценка инвестиционной привлекательности как основа формирования кластерной инвестиционной стратегии региона. Вестник Самарского государственного экономического университета. 2016;5(139):21–26. [Lazareva E. I., Anopchenko T. Yu. Econometric assessment of investment attractiveness as the basis for the formation of a cluster investment strategy in the region. *Bulletin of the Samara State University of Economics.* 2016;5(139):21–26 (In Russ.)].
7. Lazareva E., Anopchenko T., Murzin A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services: Proceedings of the Smart and Sustainable Cities Conference 2018.* Cham, 2020: 269-277.
8. Kadekodi G.K. Valuation of natural resources: What have we learnt from Indian experience? *Indian Journal of Agricultural Economics.* 2001; 56: 285-312.
9. Haab T. C., McConnell K. E. *Valuing environmental and natural resources: the econometrics of non-market valuation.* 2002. Edward Elgar Publishing.
10. Kuosmanen T., Kortelainen M. Valuing environmental factors in cost-benefit analysis using data envelopment analysis. *Ecolog. Econ.* 2007;(62): 56-65. DOI 10.1016/j.ecolecon.2007.01.004.
11. Nijkamp P., Vindign, G., Nunes, P.A.L.D. Economic valuation of biodiversity: A comparative study. *Ecolog. Econ.* 2008;(67):217–231. DOI 10.1016/j.ecolecon.2008.03.003.
12. Plottu E., Plottu B. The concept of Total Economic Value of environment: A reconsideration within a hierarchical rationality. *Ecolog. Econ.* 2007;(61):52-61 2007. DOI 10.1016/j.ecolecon.2006.09.027.
13. Aryal K. et al. Perceived importance and economic valuation of ecosystem services in Ghodaghodi wetland of Nepal. *Land Use Policy.* 2021;(106):105450. DOI 10.1016/j.landusepol.2021.105450.
14. Taye F.A. et al. The economic values of global forest ecosystem services: A meta-analysis. *Ecolog. Econ.* 2021;(189): 107145. DOI 10.1016/j.ecolecon.2021.107145.
15. Su C.-W., Song Y., Umar M. Financial aspects of marine economic growth: From the perspective of coastal provinces and regions in China. *Ocean Coast. Manage.* 2021; 204: 105550. DOI 10.1016/j.ocecoaman.2021.105550.
16. Rosen S.: Hedonic Prices and Implicit Markets: Product Differentiation in Pure Competition. *J. Polit. Economy.* 1974;(82):34-55. DOI 10.1086/260169.
17. Dong Y. Valuing the Ecological Quality of the Urban Environment Using Hedonic Pricing Method. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. [*State and Municipal Management Scholar Notes.* 2022;(2):272–280.
18. Kroes E. P., Sheldon R. J. Stated Preference Methods: An Introduction. *Journal of Transport Economics and Policy.* 1988;(22):11-25.

19. Amirnejad H. et al. Estimating the existence value of north forests of Iran by using a contingent valuation method. *Ecol. Econ.* 2006;(58):665–675. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2005.08.015.

20. Jin M. et al. Estimating the Preservation Value of World Heritage Site Using Contingent Valuation Method: The Case of the Li River, China. *Sustainability.* 2019;(11):1100 DOI: 10.3390/su11041100.

21. Dong Y. Analysis of Consumers' Willingness to Accept of Government Subsidies for Electric Vehicles. *Transp. Res. Procedia.* 2022;(61):90–97. DOI: 10.1016/j.trpro.2022.01.016.

Информация об авторах

Инань Дун – соискатель кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Е. И. Лазарева – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

Yinan Dong – Applicant, Department “Innovative and International Management” of the Faculty of Management of Southern Federal University.

E. I. Lazareva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Department “Innovative and International Management” of the faculty of management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

Тенденции развития российской экономики в условиях фрагментации мирового хозяйства

Анна Владимировна Ипатова¹,
Елена Александровна Стрельченко²,
Марина Георгиевна Васькина³

^{1,2,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹avipatova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8071>

²estrelchenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1313-3852>

³mvaskina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3659-2285>

Аннотация. Статья актуализирует необходимость рассмотрения влияния процессов фрагментации, наблюдающихся в глобальной экономике, на формирование экономики в Российской Федерации. Целью настоящего исследования является иллюстрация экономико-теоретического содержания процессов рассматриваемой трансформации с позиций определения категориальной сущности фрагментации и деглобализации, выявление их эволюционных этапов, а также анализ сущности экономической фрагментации. Методологически анализ построен на использовании инструментов сравнительной динамики функционирования макрорезонансов в Российской Федерации, что позволяет выявлять зависимость от фрагментационных процессов на уровне регионов и формировать направленность экономической политики. Основным акцентом сделан на необходимости учета системных последствий, сопровождающих трансформацию бизнес-процессов и государственных институтов, что синергетически определяет направленность на нивелирование негативных условий глобальных изменений. Также авторами представлена эволюционно-теоретическая характеристика процессов фрагментации, которая позволила проиллюстрировать наличие как позитивных, так и негативных тенденций, способствующих направленности государственной экономической политики на использование модели «институционального проектирования». В исследовании отмечается цикличность и причинность интеграционных процессов, которые демонстрируют тенденции к необходимости автономизации национальных экономик, что способствует их прогрессивному развитию. Таким образом, исследование носит общетеоретический характер и направлено на актуализацию причинных компонент формирования национальной экономической системы в новых условиях хозяйствования, подверженных влиянию геополитического фактора, что позволяет предложить рекомендации относительно содержательного реформирования инструментов государственной экономической политики и определить базовые принципы, позволяющие минимизировать воздействие фрагментации на макропроцессы: использование экспертных мнений, разработка мультисистемы контроля за использованием ресурсов и бюджетных резервов, социализация мер господдержки.

Ключевые слова: экономическая фрагментация, интеграция, институциональное проектирование, трансформация бизнес-процессов, экономическое пространство

Для цитирования: Ипатова А. В., Стрельченко Е. А., Васькина М. Г. Тенденции развития российской экономики в условиях фрагментации мирового хозяйства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 124–133. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-124-133>. EDN DUNSIQ

Trends in the development of the Russian economy in the context of fragmentation of the global economy

Anna V. Ipatova¹, Elena A. Strelchenko², Marina G. Vaskina³

^{1,2,3}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹avipatova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8071>

²estrelchenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1313-3852>

³mvaskina@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3659-2285>

Abstract. The article actualizes the need to consider the impact of fragmentation processes observed in the global economy on the formation of the economy in the Russian Federation. The purpose of this study is to illustrate the economic-theoretical content of the processes of the considered transformation from the standpoint of defining the categorical essence of fragmentation and deglobalization, identifying their evolutionary stages, as well as analyzing the essence of economic fragmentation. Methodologically, the analysis is based on the use of tools of comparative dynamics of macro-zone functioning in the Russian Federation, which allows us to identify the dependence on fragmentation processes at the regional level and to shape the direction of economic policy. The main emphasis is placed on the need to take into account the systemic consequences accompanying the transformation of business processes and public institutions, which synergistically determines the focus on leveling the negative conditions of global changes. The authors also present an evolutionary-theoretical characterization of fragmentation processes, which allowed to illustrate the presence of both positive and negative trends that contribute to the orientation of state economic policy towards the use of the model of “institutional design”. The study points out the cyclicity and causality of integration processes, which demonstrate trends towards the need for autonomization of national economies, which contributes to their progressive development. Thus, the study is of general theoretical nature and is aimed at actualizing the causal components of the formation of the national economic system in new economic conditions, subject to the influence of the geopolitical factor, which allows us to propose recommendations regarding the substantive reform of state economic policy instruments and identify the basic principles that minimize the impact of fragmentation on macro-processes: the use of expert opinions, the development of a multisystem of control.

Keywords: economic fragmentation, integration, institutional design, transformation of business processes, economic space

For citation: Ipatova A. V., Strelchenko E. A., Vaskina M. G. Trends in the development of the Russian economy in the context of fragmentation of the global economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):124–133. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-124-133>. EDN DUNSIQ

Актуальность темы

Совокупность геополитических и экономических изменений в современной хозяйственной системе глобального уровня иллюстрируют проявление тенденций дробления, разделения составляющих мировой экономики. Это проявляется в выделении очевидных лидеров-стран, демонстрирующих высокий уровень развития, а также стран, находящихся под существенным влиянием стран-лидеров. Более того, наглядно проявляется тенденция разрушения глобального взаимодействия между странами, а сама глобализация как процесс, имевший место с начала 1990-х годов, подходит к завершению. Как считает Портанский А. П., «в первой четверти XXI в. элементы фрагментации мировой экономики и торговли в сочетании с деглобализацией, становятся более заметными и всё чаще привлекают внимание международных институтов, исследователей и политиков» [1, с. 2].

Замедление темпов развития мировой экономики и торговли существенным образом наблюдается с 2008-2009 гг. – периода, ознаменовавшего мировой финансовый кризис, что привело в итоге к некоторой автономизации экономик на национальном уровне, явившейся следствием создания условий для экономической безопасности государств. Продолжающаяся торговая война между США и Китаем, наличие санкционного пакета в отношении экономики Российской Федерации, усиливающаяся напряженность в глобальной политике и т.д. способствуют нарастанию процессов деглобализации и создают дополнительные условия для фрагментации мировой экономики. Также к базовым

причинам углубления процессов деглобализации можно отнести, с одной стороны, снижение функциональной роли ВТО в мировой торговле, с другой, структурными изменениями в мировой финансовой системе, которые стали нарастать после кризиса 2008–2009 г.г., что создало условия для активизации процессов обособления национальных экономик. В научной литературе интеграционным процессам уделяется первостепенное внимание, в отличие от процесса фрагментации (дезинтеграции), несмотря на то, что эти два процесса не существуют друг без друга в реальной экономике. Таким образом, определяя место, роль и причины интеграции и фрагментации в различные исторические периоды, подтверждается сменяемость и цикличность данных процессов, то есть «процессе формирования пространственных систем при определённых условиях может сменяться процессом их разбиения на части» [2, с. 886]. Кроме того, по мнению Минакира П. А., Демьяненко А. Р., Горюнова А. П., фрагментационный процесс несет нежелательные отрицательные эффекты для экономики [2, с. 887].

Следует отметить, что, несмотря на наличие процессов сворачивания глобальных связей в разные исторические периоды, тенденция фрагментации стала себя проявлять особенно активно именно с 2008 г., постепенно демонстрируя ускорение рассматриваемой черты, свойственной геоэкономическому развитию, что представлено в обобщенной таблице 1.

Таблица 1 – Этапы глобализации за период 1870-2023 гг. [3]

Table 1 – Stages of globalization in the period 1870–2023 [3]

Название этапа	Характеристика этапа	Исторический период
Индустриализация	Наращение открытости глобального взаимодействия	1870-1914
Межвоенный протекционизм	Разрушение сложившейся системы и выстраивание военно-экономических элементов	1914-1945
Бреттон-Вудская эра	Рост открытости	1945-1980
Либерализация	Рост открытости	1980-2008
Замедление глобализации	Разрыв сложившихся производственных цепочек, снижение роли созданных ранее союзов и соглашений, нарастание конфликтности межгосударственного взаимодействия и пр.	2008-2023 (по настоящее время)

Как видим, уже с конца 19 века начинается активное чередование периодов, как свободы протекционизма, так и жестких мер по регулированию вопросов международной торговли. Более того, еще в 14-15 вв. были предложены меры по искусственному сдерживанию импорта и поощрительная политика экспорта, что получило развитие в рамках меркантилистских концепций, имеющих целью увеличение богатства национальных государств, что активно проявлялось в этот период на экономической политике Англии и Франции.

Таким образом, имеющие в последнее время процессы явной деглобализации, последствия которых необходимо оценивать для формирования эффективного вектора национальной хозяйственной политики, определяют актуальность настоящей статьи.

Экономическая фрагментация: содержание и функциональные характеристики

Категориально термин «фрагментация» противопоставляют процессу интеграции, что рассматривается с точки зрения следующих формулировок, приведенных ниже.

Во-первых, фрагментация, объединяющая совокупность исследований, посвященных анализу пространственной фрагментации рынков: в этом варианте рассматривается процесс разрушения рынка на совокупность локальных подсистем, каждая из которых может существовать как относительно самостоятельная структура; в этом концепте был проведен, в частности, анализ финансовых рынков такими учеными, как М. де Сола Пери, Ч. ван Ньювенхауз [4]. В подобных работах степень уровня фрагментации рассматривается через количественные значения колебаний параметров соответствующих рынков, например, самым простым показателем может выступать цена.

Во-вторых, по мере нарастания актуализации глобализационных процессов в экономический анализ фрагментации была включена ее детализация с позиций рассмотрения технологических цепочек производства в рамках трансграничного взаимодействия при производстве/сборке компонентов в рамках вертикально интегрированных производственных процессов, причем каждая страна в данном процессе выступает как сегмент специализации на определенном звене производственной цепочки. Такой подход представлен в работе Према-Чандла Азукорала, Нобуаки Ямашита [5].

Третья трактовка фрагментации объединяет совокупность точек зрения, рассматривающих ее как синоним поляризации. В частности, такого подхода придерживаются в своих исследованиях Г.Ф. Иоффе, Т.Г. Нефедова, которые рассматривают данный термин как процесс, свойственный экономическому пространству – «формирование, на общем фоне демозэкономической депрессии, отдельных ареалов активной экономической жизни» [6], которые, как правило, не «взаимодействуют с депрессивными ареалами» [7].

Однако фрагментационный процесс как процесс обратный интеграции нельзя рассматривать изолировано от самого процесса интеграции. Поэтому определяя их наличие или отсутствие, предлагается использовать конкурентную или кумулятивную концепции развития экономики. В контексте первой концепции фрагментация экономики проявляется в отсутствии межрегиональных связей, с одной стороны, и в усилении конкуренции внутрирегиональных факторов производства с факторами из других регионов, с другой» [8, с. 46]. В этом случае отставание по отдельным статистическим показателям между регионами показывает наличие процессов фрагментации, т.е. процессы перераспределения ресурсов в этом случае способствуют дивергенции регионов, а также объясняют их социально-экономическую дифференциацию.

Согласно кумулятивной теории наличие процесса фрагментации подтверждается на основе «отсутствия тесных взаимодействий между регионами, близко расположенных друг к другу географически» [8, с. 47]. Поэтому, определяя присутствие процессов фрагментации в экономике России, можно ориентироваться на инструментарий конкурентной концепции и, прежде всего, на анализ динамики значений статистических показателей, сравнение их совокупности, индексные значения по регионам, что позволяет рассматривать идентичность региональных образований.

Совокупность имеющихся подходов комплексно ориентирует на необходимость исследований, посвященных как сущностному содержанию фрагментации, ее базовым причинам, так и детальную направленность на выявление совокупности последствий, к которым приводят анализируемые процессы не только в контексте общемирового, или глобального характера, но и выявлению последствий макро-, мезо- и микроуровней в экономической системе. Это позволяет детально рассматривать последующие решения, принимаемые в рамках реализации государственной экономической политики, учитывать национальные интересы трансформации хозяйственных цепочек, выявлять уровни соподчиненности интересов участников экономических процессов. Другими словами, выявление результатов фрагментации позволяет системно определять направленность «институционального проектирования»¹ в новых условиях хозяйствования.

Последствия и основные тренды фрагментации пространства

Очевидными рисками деглобализационных процессов выступают растущие издержки производства вследствие нарушения созданных ранее производственных цепочек, а также проблемы с обеспечением высокотехнологичными товарами по причине ограничений на трансфер технологий, от чего наиболее в проигрышной позиции оказываются развивающиеся страны.

О процессах дезинтеграции или фрагментации в публикациях Едовиной Т. отмечается, что «мировое разделение труда повысило его производительность, однако цепочки поставок стали более уязвимыми, добыча многих ключевых ресурсов сконцентрировалась всего в нескольких странах, а производство сместилось в Китай (на страну приходится 24% добавленной стоимости в промышленности, тогда как на США – 17%, на ЕС – 16%). Растущая доля производства промежуточных товаров в КНР также привела к сокращению торговых потоков из-за замещения части импорта. За 1990–2021 годы торговля Китая с развитыми странами выросла в 31 раз, тогда как между развитыми странами – только в четыре раза»².

¹ Едовина Т. Мировая экономика движется к фрагментации // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772969> (дата обращения 15.08.2024)

² Альварес Х., Андалусси М. Б., Стуермер М. Геэкономическая фрагментация несет угрозу продовольственной безопасности и переходу на чистые источники энергии // URL: <https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2023/10/03/geoeconomic-fragmentation-threatens-food-security-and-clean-energy-transition> (дата обращения 15.08.2024).

Фрагментация рынка

Ограничения на торговлю сырьевыми товарами резко возросли в 2022 году.

Количество торговых интервенций в разбивке по секторам (Индексы, 2016-2019 годы = 100)

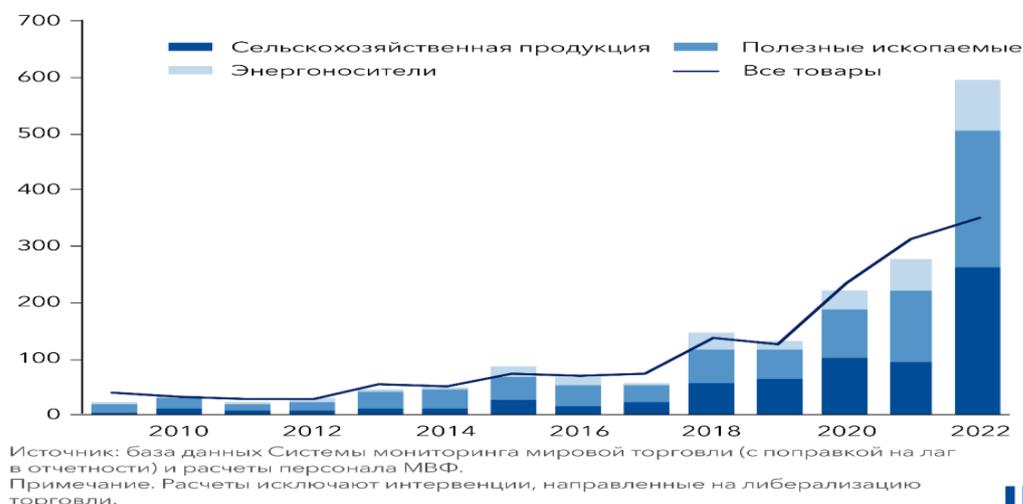

Рис. 2. Последствия фрагментации на рынках¹
Fig. 2. Effects of fragmentation in markets

Как следует из данных рис. 2, последствиями фрагментации также становится существенный рост цен на рынках сырьевых товаров, что имеет место за счет сложившейся за длительный период специализации стран. В целом, фрагментированные рынки являются наиболее уязвимыми к неблагоприятным тенденциям, а изменение геополитической принадлежности хотя бы одной страны способно спровоцировать значительный рост цен.

Исследуя и обобщая современные тенденции, связанные с фрагментацией мировой экономики в целом и российской экономики в частности, можно выделить следующие:

Во-первых, влияние внеэкономических факторов: рост политической напряженности, приводит к нарушению традиционных торговых связей и падению торгового оборота между странами, росту протекционизма, и как следствие деление мировой экономики на конкурирующие между собой макробоки, среди которых можно выделить два основных, центрами противостояния которых являются Китай и США. В результате такого противостояния происходит технологическое обособление, усиление суверенизации национальных экономик.

Во-вторых, санкционное давление на экономику России, которое отрицательно сказалось не только на российскую экономику, но и «подорвало инвестиционный климат в США и ЕС»², что подтверждается замедлением с 2022 года темпов роста ВВП. Так, прогноз Всемирного банка по мировой экономике предполагает в 2024-2025 гг. рост 3,2%, из которых 60% относится к развивающимся странам. В результате введенных санкций наблюдается рост инфляции, изменений инфраструктурных и логистических инвестиций, дефицит высококвалифицированных кадров в результате использования технологий искусственного интеллекта, что ведет к еще большему обособлению национальных экономик и усиливает региональное разделение внутри национальных экономик.

В-третьих, структурные изменения в финансовом секторе, которые связаны с потерей ведущих ролей доллара и евро, что привело к росту использования альтернативных валют, таких как юань³.

¹ Смирнов Е. Геополитические кризисы ускоряют процессы геоэкономической фрагментации // URL: https://iarex.ru/news/124743.html?utm_source=article (дата обращения 15.08.2024).

² «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации». Обзор круглого стола // Современная мировая экономика. <https://cwejournal.hse.ru/oklochko-1-2024> (дата обращения 20.08.2024).

³ Там же.

В результате многие развивающиеся страны пересмотрели свою монетарную политику в отношении резервных активов и их сохранности в долларах США, что привело к увеличению спроса на золото и на активы типа биткойна, т.к. именно они способны сохранять высокую стоимость и суверенную независимость. Кроме того, рост инфляции тоже является фактором, способствующим усилению фрагментации в экономике¹. Это проявляется в привлечении в макрзоны инвестиций под растущие проценты и в росте издержек.

При анализе индекса промышленного производства по видам экономической деятельности даже небольшого временного интервала (1 кв. 2023 – 1 кв. 2024 гг.) четко выделяется разница между регионами. По всем округам наблюдается рост, но отличия между ними весьма существенны. В Уральском (1,4%), Сибирском (2,4%) и Дальневосточном (4,8%) федеральных округах этот рост ниже среднероссийского (5,6%). Среди лидеров выделяются Северо-Кавказский (21,5%) и Центральный (11%) федеральные округа (рис. 3). Это объясняется не только спецификой географического положения, имеющейся специализацией, но и, очевидно, воздействием факторов экономической фрагментации, приведшим регионы к необходимости поиска новых точек роста.

Рис. 3. Индекс промышленного производства по федеральным округам в Российской Федерации²

Fig. 3. Industrial production index by federal districts in the Russian Federation

Процесс фрагментации в экономике России наблюдается, прежде всего, в сырьевых отраслях, машиностроении, металлургии и в финансовом секторе, что еще больше углубляет региональные различия и усиливает экономическое отставание между регионами. В данном контексте можно определить макрзоны (анклавы), в которых он усиленно проявляется. Так, для экономического развития ДВФО и СФО процессы фрагментации и дезинтеграции углубляются в результате изменения направленности экспорта энергетических ресурсов в сторону рынков Юго-Восточной Азии, что,

¹ Фрагментация и слабый рост. Глобальные экономические тренды. Июнь. 2024. – Институт изучения мировых рынков, 2024 // URL: <https://roscongress.org/materials/fragmentatsiya-i-slabyu-rost-globalnye-ekonomicheskie-trendy-2024/> (дата обращения 15.08.2024).

² Социально-экономическое положение федеральных округов. Электронные версии (I квартал 2024 года) // <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260> (дата обращения 28.08.2024).

с одной стороны, это открывает новые перспективы для роста ВРП данных регионов, но с другой стороны, усиливает экономическую изоляцию от других регионов России¹.

Промышленные и машиностроительные центры, расположенные на Северо-Западе и на Урале, пострадавшие от западных санкций, нарушения экономических связей и спада производства, вынуждены были переориентироваться² на внутренние рынки и искать новые внешние связи. Нехватка запчастей, отказ от сервисного обслуживания и проведение политики импортозамещения привело к углублению обособленности данной макрзоны от других регионов. Такая же ситуация наблюдается в финансовом секторе, который концентрируется в Москве и Московской области. Здесь усиление фрагментации связано с нарушением внешних финансовых связей и переориентацией финансовых потоков³ на внутреннее потребление и инвестирование.

Анализ последствий фрагментационных процессов в мировой экономике определяет также снижение адаптационных механизмов на уровне отдельных предприятий, что влечет за собой нарушение их финансово-хозяйственной устойчивости, изменение целеполагания функционирования, направленного на необходимость поиска новых рынков сбыта, изучение конкурентов, трансформацию логистических цепочек и пр., что на уровне макросистемы воздействует на невозможность достижения целей устойчивого развития. В частности, регрессионный анализ, проведенный Земзюлиной В.Ю., Кельчевской Н.Л. и Черненко И.М. показал, что «с одной стороны, практики бережливости и надежности положительно влияют на операционную результативность промышленных предприятий региона, что подтверждает необходимость сокращения неявных издержек при обеспечении достаточного уровня надежности, с другой - следование принципам зеленой экономики негативно отражается на операционной результативности деятельности промышленных предприятий в краткосрочной перспективе» [9].

Таким образом, влияние геополитических изменений определило тренд на усиление влияния фактора экономической фрагментации, что сформировало совокупность как негативных, так и позитивных последствий, требующих учета всех участников экономической политики, затрагивающих мегасистемные уровни национальных экономик.

Выводы и рекомендации

Оценивая тенденции экономического развития Российской Федерации в условиях фрагментации, необходимо учитывать имеющее место замедление темпов общемирового экономического развития, а также существенное снижение глобальной экономической активности (в том числе «вследствие нарушений в международной торговле и глобальных цепочках создания стоимости»⁴. Более того, имеет место волатильность многих мировых рынков, которая становится нормой их существования, при этом финансовые условия остаются довольно жесткими. В таких условиях идет трансформация инструментов экономической политики, направленных на создание механизмов национальной экономической безопасности, выстраивание новых способов взаимодействия с бизнес-партнерами, выход на траекторию поддержки отечественного товаропроизводителя.

Авторы поддерживают позицию, что современная мировая экономика объективно подвержена тенденции регионализации, которая формирует процесс разделения мировой экономики на фрагментированные зоны, и, как следствие, происходит сочетание, с одной стороны, возникновения интеграционных союзов, а, с другой стороны, наблюдается политическая конфронтация,

¹ Поиск новых путей: глобальная экономика в эпоху изменений // <https://roscongress.org/materials/fragmentatsiya-i-slabyu-rost-globalnye-ekonomicheskije-trendy-2024> (дата обращения 15.08.2024)

² Отрасли экономики России в 2024 году: анализ, прогнозы, тенденции // <https://fb.ru/article/10869/2024-2024-otrasli-ekonomiki-rossii-v-godu-analiz-prognozyi-tendentsii> (дата обращения 20.08.2024).

³ Фрагментация и слабый рост. Глобальные экономические тренды. Июнь. 2024. – Институт изучения мировых рынков, 2024 // URL <https://roscongress.org/materials/fragmentatsiya-i-slabyu-rost-globalnye-ekonomicheskije-trendy-2024/> (дата обращения 15.08.2024).

⁴ Смирнов Е. Геополитические кризисы ускоряют процессы геоэкономической фрагментации // URL: https://iarex.ru/news/124743.html?utm_source=article (дата обращения 15.08.2024).

дестабилизирующая экономическое взаимодействие. Аналогичной точки зрения придерживается Чикова А., отмечающая, что последствия фрагментации сильно зависят от условий адаптации к новым формам взаимодействия, при этом «...тенденция к геоэкономической фрагментации является серьезным вызовом» [10].

Как следует из данных рис. 4, количество ограничений, вводимых за последнее время, иллюстрирует их значительное усиление с точки зрения воздействия на макросистемы.

Рис. 4. Динамика количества торговых ограничений, 2010-2022 гг.¹

Fig. 4. Dynamics of the number of trade restrictions, 2010-2022

Стратегия сведения к минимуму последствий фрагментации для России должна исходить из нескольких принципов, к которым целесообразно отнести следующие:

- усиление надежности реализуемых инструментов макроэкономического регулирования, основанного на анализе совокупности экспертных мнений при выработке конкретных рекомендаций;
- четкий механизм контроля за ресурсными, в том числе бюджетными резервами;
- отлаженный механизм принимаемых мер социальной поддержки населения по причине влияния фрагментарного фактора, ведущего к снижению доходов, что особенно актуально для наименее защищенных слоев населения;
- выработка инструментов по бесперебойному обеспечению сырьем по причине возможных перебоев.

Реализация названных направлений позволит трансформировать инструментарий экономической политики в условиях влияния негативных тенденций фрагментации и определить вектор модернизации хозяйственной деятельности.

¹ Фрагментация и слабый рост. Глобальные экономические тренды. Июнь. 2024. – Институт изучения мировых рынков, 2024. // URL: <https://roscongress.org/materials/fragmentatsiya-i-slabyu-rost-globalnye-ekonomicheskie-trendy-2024/> (дата обращения 15.08.2024).

Список источников

1. Портанский А. П. Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-02-01
2. Минакир П.А., Демьяненко А.Р., Горюнов А.П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-integratsii-i-fragmentatsii-v-ekonomicheskom-prostranstve-rossii> (дата обращения 20.08.2024).
3. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. // AiyarShekhar, Ilyina Anna, and others. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund. Washington: DC, 2023.
4. M. De Sola Perea, Ch. Van Nieuwenhuyze Financial integration and fragmentation in the euro area // Economic Review // National Bank of Belgium. 2014. № 1, June. 99–125.
5. Prema-ChandraAthukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context // The North American Journal of Economics and Finance. 2006. Vol. 17. № 3. December. 233–256.
6. Иоффе Г. В., Нefeldова Т. Г. Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 69–92.
7. Ипатова А. В. О направлениях неоиндустриализации в условиях цифровой экономики: контекстно-содержательный аспект // Вопросы регулирования экономики. 2019. Т. 10. № 2. С. 28–40.
8. Белоусова А. В. Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве: количественные методы анализа // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4(17). С.45–49.
9. Земзюлина В. Ю., Кельчевская Н. Р., Черненко И. М. Влияние устойчивого развития и надежности на результативность работы российских предприятий в контексте фрагментированной экономики // Journal of Applied Economic Research. 2023. Т. 22. № 4. С. 1056–1086.
10. Чикова А. Глобальная регионализация как основа развития мировой экономики // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 20. № 2(71). С.91–101.

References

1. Portansky A. P. The danger of fragmentation of the global economy is growing. *Bulletin of International Organisations*. 2024;19(2). (in Russian and English). doi:10.17323/1996-7845-2024-02-01
2. Minakir P. A., Demyanenko A. R., Goryunov A. P. Methodology of the study of integration and fragmentation in the economic space of Russia. *Russia: trends and prospects of development*. 2018;№13-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-integratsii-i-fragmentatsii-v-ekonomicheskom-prostranstve-rossii> [Accessed 20 August 2024].
3. *Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism*. AiyarShekhar, Ilyina Anna, and others. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund. Washington: DC, 2023.
4. M. De Sola Perea, Ch. Van Nieuwenhuyze Financial integration and fragmentation in the euro area. *Economic Review. National Bank of Belgium*. 2014;(1), June.99–125.
5. Prema-Chandra Athukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context. *The North American Journal of Economics and Finance*. 2006;17(3), December. 233–256.
6. Ioffe G. V., Nefedova T. G. Fragmentation of rural space in Russia. *Vestnik Eurasia*. 2003;(4):69–92. (In Russ.).
7. Ipatova A. V. On the directions of neoindustrialisation in the digital economy: contextual and content aspect. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*. 2019;10(2):28–40. (In Russ.).
8. Belousova A. V. Processes of integration and fragmentation in the economic space: quantitative methods of analysis. *Karelian Scientific Journal*. 2016;5(4(17)):45–49. (In Russ.).

9. Zemzyulina V. Yu., Kelchevskaya N. R., Chernenko I. M. The impact of sustainable development and reliability on the performance of Russian enterprises in the context of a fragmented economy. *Journal of Applied Economic Research*. 2023;22(4):1056–1086. (In Russ.).

10. Chikova A. Global regionalization as the basis for the development of the world economy. *Law and management. XXI century*. 2024;20(2(71)):91–101. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Ипатова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ЮФУ.

Е. А. Стрельченко – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ЮФУ.

М. Г. Васькина – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории ЮФУ.

Information of the authors

A.V. Ipatova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Theory, Southern Federal University.

E. A. Strelchenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Theory, Southern Federal University.

A. G. Vaskina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economic Theory, Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-134-143>

EDN FSZGQB

Экономические вызовы: как рост ключевой ставки ЦБ РФ меняет правила игры для бизнеса и граждан?

**Наталья Юрьевна Лебедева¹,
Екатерина Сергеевна Лобачева²**

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹nlebedeva@sfedu.ru

²esvidchenko@sfedu.ru

Аннотация. В последние несколько лет экономика России подвержена множеству вызовов, к которым можно отнести колебания инфляции и валютного курса, а также все возможные санкции со стороны западных стран, а соответственно тщательный анализ последствий повышения ключевой ставки Центрального банка России (ЦБ РФ) является актуальным в процесс изучения влияния денежно-кредитной политики на различные отрасли экономики. Целью данного исследования является выявление ключевых факторов, способствующих повышению ключевой ставки, и направлено на оценку воздействия данного роста на бизнес-среду и качество жизни общества в целом. Для достижения данной цели необходимо рассмотреть последствия увеличения ставки для малых и средних предприятий, а также для потребительского кредитования, что касается финансового благосостояния населения. Результаты данного анализа свидетельствуют о том, что положительная динамика ключевой ставки ведет к удорожанию кредитов, а соответственно снижению доступности заемных средств и сокращению потребительского спроса. Такие последствия создают дополнительные сложности для бизнеса, ведущее к пересмотру стратегии управления финансами и инвестициями для последнего. А значит важно не только проанализировать последствия, но и предложить рекомендации по адаптации к новым условиям, а понимание данных процессов может стать основой для выработки более эффективных решений как на уровне отдельного бизнеса, так и на уровне государственной политики.

Таким образом, данное исследование направлено на актуализацию вопросов, связанных с изменением в денежно-кредитной политике, и помочь различным участникам экономики быстрее адаптироваться к новым реалиям.

Ключевые слова: ключевая ставка, бизнес, ЦБ РФ, Центральный банк России, экономика, денежно-кредитная политика, инфляция, банковская сфера

Для цитирования: Лебедева Н. Ю., Лобачева Е. С. Экономические вызовы: как рост ключевой ставки ЦБ РФ меняет правила игры для бизнеса и граждан? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 134–143. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-134-143>. EDN FSZGQB

Economic challenges: how does the increase in the key rate of the Central Bank of the Russian Federation change the rules of the game for businesses and citizens?

Natalia Yu. Lebedeva¹,
Ekaterina S. Lobacheva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹nlebedeva@sfnedu.ru

²esvidchenko@sfnedu.ru

Abstract. Over the past few years, the Russian economy has been exposed to many challenges, which include fluctuations in inflation and the exchange rate, as well as all possible sanctions from Western countries, and accordingly, a thorough analysis of the consequences of raising the key rate of the Central Bank of Russia (CBR) is relevant in the process of studying the impact of monetary policy on various sectors of the economy. The purpose of this study is to identify the key factors contributing to an increase in the key rate, and is aimed at assessing the impact of this growth on the business environment and the quality of life of society as a whole. To achieve this goal, it is necessary to consider the consequences of an increase in the rate for small and medium-sized enterprises, as well as for consumer lending, with regard to the financial well-being of the population. The results of this analysis indicate that the positive dynamics of the key rate leads to an increase in the cost of loans, and consequently a decrease in the availability of borrowed funds and a reduction in consumer demand. Such consequences create additional difficulties for the business, leading to a revision of the financial and investment management strategy for the latter. This means that it is important not only to analyze the consequences, but also to offer recommendations for adapting to new conditions, and understanding these processes can become the basis for developing more effective solutions both at the level of an individual business and at the level of public policy. Thus, this study is aimed at updating issues related to changes in monetary policy and helping various economic participants adapt more quickly to new realities.

Keywords: key rate, business, Central Bank of the Russian Federation, Central Bank of Russia, economy, monetary policy, inflation, banking sector

For citation: Lebedeva N. Yu., Lobacheva E. S. Economic challenges: how does the increase in the key rate of the Central Bank of the Russian Federation change the rules of the game for businesses and citizens? *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):134–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-134-143>. EDN FSZGQB

Введение

В условиях стремительно меняющейся экономической обстановки, где механизмы денежно-кредитной политики играют значимую роль в её формировании, изменения ключевой ставки Центрального банка являются важным индикатором не только для бизнеса, но и общества в целом. Данный инструмент имеет большое значение и используется для контроля динамики инфляции и стабилизации курса национальной валюты. Однако вызванные данными изменениями последствия, оказывают влияние на все аспекты экономической обстановки страны – от условий кредитования до инвестиционных решений и поведения потребителей.

В свете текущих экономических реалий, когда наблюдается нестабильная обстановка на мировых рынках и колебание цен на потребляемые товары, а внутренние экономические вызовы требуют от государства гибких адаптированных подходов к регулированию экономических процессов, обзор выбранной темы становится наиболее актуальным. На данный момент в условиях неопределенности и быстро растущей инфляции все субъекты экономики сталкиваются с необходимостью пересмотра своих финансовых стратегий, а соответственно понимание механизмов воздействия изменения ключевой ставки и связанных с данными процессами последствий, является крайне важным для поддержания финансовой стабильности и успешного функционирования для всех форм бизнеса.

Целью настоящего исследования является детальный анализ последствий увеличения ключевой ставки ЦБ РФ для всех субъектов экономических отношений и её влияния на уровень благосостояния граждан. К задачам для достижения данной цели следует отнести выявление причин, ведущих к изменению ключевой ставки, оценку последствий связанных с доступностью кредитов для юридических и физических лиц, а также исследование реакции общества на динамику финансовой политики. Помимо того необходимо провести анализ взаимосвязи данных аспектов с фактами удорожания кредитов, снижения потребительского спроса и замедления экономического роста, как дополнительных вызовов, ухудшающих финансовое положение граждан.

Понятие ключевой ставки и главные причины ее изменения

Ключевая ставка является процентной ставкой, по которой Центральный банк кредитует коммерческие банки и принимает от них депозиты. Она представляет основной инструмент денежно-кредитной политики, влияющий на уровень процентных ставок рынка банковских услуг в целом. Кроме того, выступает важным индикатором состояния экономической среды и сигнализирует о намерениях ЦБ в отношении корректировки динамики инфляции и экономического роста.

К ключевым функциям ключевой ставки следует отнести следующие:

1. Регулирование денежной массы в обращении. Так как повышение ставки делает кредиты более дорогими, то потребительский спрос заметно снижается, а темпы изменения инфляции замедляются, в противном случае снижение ставки ведет к стимулированию кредитования и потребления.
2. Отражение изменений в денежно-кредитной политике. Так, повышение ставки гласит о том, что Центральный банк обеспокоен ростом инфляции, тогда как снижение ставки указывает на процесс поддержания экономического роста.
3. Влияние на финансовые рынки через доходность государственных облигаций, кредитование и динамику валютных курсов, где динамика ставки ведет к изменению инвестиционных потоков и курсов валют [1–2].

Рассмотрим динамику ключевой ставки в соотношении с инфляцией за последние пять лет (рис. 1).

Рис. 1. Ключевая ставка Банка России и инфляция с 2019 по 2024¹

Fig. 1. The key rate of the Bank of Russia and inflation from 2019 to 2024

Рассмотрим основные причины изменения ключевой ставки с позиции регулятора:

1. Одной из значимых причин является необходимость контроля динамики инфляции. Так, если уровень инфляции превышает целевой показатель 4 %, ЦБ РФ увеличивает ключевую ставку с целью сокращения денежной массы в экономике, что позволяет замедлить рост цен и стабилизировать экономическую обстановку.
2. В условиях экономической нестабильности, вызванной такими внешними и внутренними факторами, как колебания цен на нефть, политические риски и экономические санкции, ЦБ вынужден повышать ставку для укрепления национальной валюты и предотвращения девальвации.

¹ Источники: Росстат, Банк России.

3. С другой стороны, если экономика страны начинает расти в ускоренных темпах, это вызывает опасения относительно её перегрева и роста инфляции, в таких случаях необходимо повысить ставку в целях замедления темпов роста и предотвращения возникновения пузырей на финансовых рынках.

4. В целях снижения рисков неплатежеспособности при чрезмерном уровне задолженности населения и бизнеса ЦБ также может повысить ставку для ограничения доступности кредитов.

5. Увеличение конкуренции между банками и иные изменения в банковской системе также могут привести к необходимости пересмотра ключевой ставки. Так, если банки предлагают более высокие проценты по депозитам ЦБ вынужден поднять свою ставку для поддержания конкурентоспособности [3].

Таким образом, ключевая ставка является значимым инструментом стабилизации экономики, с помощью которого Центробанк может минимизировать различные внутренние и внешние вызовы, обеспечивая стабильность финансовой системы.

Влияние роста ключевой ставки на различные сферы общества

Значение влияния ключевой ставки Центрального банка на доступность кредитов как для бизнеса, так и физических лиц, нельзя недооценивать. Это влияние может проявляться как напрямую, так и косвенно, рассмотрим данные аспекты в табл. 1.

Таблица 1 – Прямое и косвенное воздействие изменения ключевой ставки¹

Table 1 – Direct and indirect impact of the key rate change

Прямое воздействие	Косвенное воздействие
Процентные ставки по кредитам и депозитам: 1) Повышение процентных ставок для сохранения маржи прибыли и снижения спроса на кредиты. 2) Снижение процентных ставок для увеличения привлекательности и доступности кредитов.	Ожидания рынка и потребительское поведение: 1) Ожидания инфляции, а соответственно падение уровня заимствования в ожидании дальнейшего повышения ставок. 2) Изменение общего уровня экономической активности через снижение инвестиционной деятельности со стороны бизнеса

Исходя из данных таблицы следует проанализировать влияние изменения ключевой ставки в аспектах, затрагивающих как малые и средние предприятия, так и индивидуальных заемщиков.

Основным источником финансирования для микробизнеса и малых предприятий в основном выступают краткосрочные и долгосрочные кредиты, поэтому повышение ключевой ставки, и как следствие рост стоимости кредитов, делает их слишком дорогими для небольших компаний, что порождает новые ограничения в возможностях к расширению бизнеса или запуска новых проектов. Кроме того, увеличение процентных ставок может привести к росту расходов на обслуживание долга по уже действующим обязательствам с плавающей процентной ставкой, привязанной к ключевой, что негативно отражается на денежных потоках малых предприятий в сторону увеличения оттока денежных средств. Как итог предприниматели вынуждены сокращать расходы, в том числе на содержание сотрудников, сокращая их численность, отсрочивать важные инвестиции в оборудование и технологии, что в долгосрочной перспективе влечет замедление экономической активности, снижение финансовых показателей и как следствие конкурентоспособности на рынке [4].

Представители среднего бизнеса как правило используют более сложные финансовые инструменты и имеют доступ к различным источникам финансирования. Однако, как и для малого бизнеса последствия увеличения ключевой ставки также не утешительны и влекут к тому же увеличению стоимости текущих долговых обязательств, что негативно сказывается на рентабельности компаний, причем, в отличие от малого, средний бизнес более чувствителен к изменениям в ключевой ставке, поскольку часто зависит от внешнего финансирования своих инновационных проектов, что приводит к сокращению их масштабов [5].

¹ Составлено авторами по результатам исследования.

Касаемо влияния увеличения ключевой ставки на физических лиц стоит отметить, что, как следствие, это приводит и к увеличению ставок по потребительским, а главное – ипотечным кредитам, что в свою очередь влияет на доступность жилья для граждан. Соответственно спрос на жилье снижается темпы рынка недвижимости падают. Аналогично ставки на потребительские и автокредиты также возрастают, что делает кредиты на автомобили, обучение и прочие нужны менее доступным, что приводит к снижению потребительских расходов, что в целом негативно сказывается и на экономике. При этом стоит отметить, что повышение ключевой ставки может быть выгодно для тех, кто хранит деньги на депозитах, ввиду всеобщего повышения ставок на банковских продукты уровень сбережения среди граждан растет [6].

Таким образом, изменение ключевой ставки оказывает значительное влияние на формирование общей экономической обстановки в стране, затрагивая как бизнес сектор, так и финансовые предпочтения населения.

Разнонаправленные последствия роста ключевой ставки

Ключевая ставка ЦБ РФ является важным инструментом монетарной политики, варьируя размер которой можно стабилизировать инфляцию и экономику, однако такие меры могут иметь негативные последствия.

Во-первых, стоит обратить внимание на бизнес среду, ведь влияние на нее происходит через удорожание заимствования средств для инвестиций. Как результат компании сокращают свои инвестиционные планы, что замедляет экономический рост и инновации. В особенности данные изменения касаются малых и средних предприятий (МСП), которые зависят от кредитов и могут оказаться в сложной финансовой ситуации, при этом следует отметить, что снижение инвестиционной активности также может привести к сокращению рабочих мест, что в свою очередь скажется на уровне безработицы и доходов населения [7].

Во-вторых, вследствие увеличения ставок по кредитам граждане становятся более осторожными в своих расходах, что влияет на потребительский спрос, заставляя людей отказываться от многих покупок, а здесь уже возникает взаимосвязь с бизнесом, так снижение доходов бизнеса ведет к его убыточности, а так как в бизнес процессах задействованы обычные служащие то всё это в конечном итоге сказывается на их заработной плате, а соответственно и уровне жизни.

Наконец стоит отметить неоднозначное влияние повышения ключевой ставки на один из основных аспектов, о котором не однократно упоминалось ранее – процесс сдерживания инфляции, следует остановиться на его рассмотрении немного подробнее. Так, более высокие ставки, как правило, снижают потребительский спрос вследствие удорожания кредитов, а значит, что граждане и компании становятся менее склонны к займам и трате денег. Как результат такого поведения – общий спрос на товары и услуги падает, что в свою очередь может помочь замедлить рост цен. Однако последствия меры, направленной на борьбу с инфляцией, могут быть противоречивы – в краткосрочной перспективе повышение ставки действительно может привести к снижению инфляции за счет сокращения потребительского спроса. Но, если вследствие высоких ставок темпы экономики начнут замедляться это может вызвать рецессию, что в свою очередь приведет к дефляции и негативным последствиям для экономического роста [8].

Повышение ставки ЦБ РФ влечет не только отрицательные, но и положительные последствия для экономики, способствуя ее устойчивому развитию. К примеру, повышение банковских ставок делает вклады и депозиты более привлекательными, что приводит к увеличению накоплений как у населения, так и бизнеса, способствуя за счет дополнительных процентных доходов стабилизировать финансовое положение домохозяйств.

Также к положительным эффектам повышения ключевой ставки можно отнести укрепление национальной валюты, возможно данный эффект в условиях современности не настолько привлекателен, но все же более высокие ставки могут привлечь иностранных инвесторов, желающих получить доход от размещения средств в российских активах, что приводит к увеличению спроса на рубль и его укреплению. А укрепление национальной валюты также способствует снижению стоимости импортируемых товаров и услуг, что дополнительно положительно сказывается на борьбе с инфляцией.

Рассматривая удорожание кредитов с положительной стороны, следует заметить, что для тех организаций, которые зависят от заемных средств, деятельность будет затруднена, что в конечном счете приведет к банкротству или ликвидации компании. В рамках структурных изменений на рынке произойдет эффект санации и более слабые предприятия уйдут, что позволит другим, более успешным, но по какой-то причине менее популярным бизнесам продолжать конкурентную борьбу. Здесь же стоит отметить значение внедрения инноваций, так, для тех компаний, которые смогут повысить эффективность своей деятельности путем внедрения новейших технологий это скажется положительно, как следствие им удастся стать более конкурентоспособными и привлечь инвесторов.

Помимо того, стоит отметить, что ввиду повышения ключевой ставки возрастает и устойчивость к внешнеэкономическим шокам, как результат внутренний рынок капитала стремится к развитию, а зависимость во внешнем финансировании сокращается, а соответственно если рассматривать эти процессы на примере формирования устойчивости сбережений и инвестиций, в краткосрочном прогнозе это способствует росту экономики страны [9].

Таким образом, в ходе анализа последствий повышения ключевой ставки Центрального банка России выявлены как отрицательные, так и положительные эффекты, воздействие которых напрямую отражается на организациях и домашних хозяйствах. Поэтому грамотное использование данного инструмента в ходе регулирования глобальных экономических процессов очень значимо.

Реакция общества на изменения в финансовой политике

Исследуя проблему повышения ключевой ставки нельзя не отметить, что, в ходе обсуждения данной темы с друзьями, родными и коллегами можно услышать различные мнения, которые могут варьироваться от положительных, где собеседник согласен с проводимыми изменениями, до негативных, где ясно выражено недовольство и протест. Следует отметить, что некоторые мнения меняются со временем в ту или иную сторону, а некоторые перерастают все большую агрессию и недоверие к финансовым институтам (рис. 2).

Рис. 2. Анализ реакции общественности на проводимые изменения¹

Fig. 2. Analysis of the public reaction to the changes

Следует обратить внимание и на реакцию бизнеса на меняющиеся экономические условия (рис. 3).

¹ Составлено авторами по результатам исследования.

Рис. 3. Анализ реакции бизнеса на изменения¹

Fig. 3. Analysis of business reaction to changes

На основе проведенного анализа можно выделить несколько основных выводов. Важно подчеркнуть, что психологические и социальные факторы имеют решающее значение для формирования общественного мнения. Ожидания и опасения граждан могут проявляться как в позитивном, так и негативном ключе, что создает атмосферу неопределенности и подрывает доверие к действиям правительства. В определенных ситуациях такие изменения, особенно если они ведут к ухудшению уровня жизни или росту безработицы, могут провоцировать социальные протесты. Например, в связи с повышением ключевой ставки население становится более осторожным в финансовых решениях, отказываясь от крупных покупок (недвижимости, автомобилей), что, в свою очередь, влияет на соответствующие отрасли. Бизнес, реагируя на изменение финансовой политики, может пересматривать инвестиционные стратегии и изменять цены, что может привести к сокращению рабочих мест. Это создает дополнительное давление на потребителей и усугубляет ситуацию с потреблением [10].

Таким образом, изменения в финансовой политике существенно воздействуют на ожидания общества и бизнес-среду. Общество и бизнес должны адаптироваться к новым условиям, что создает сложную экономическую и социальную картину.

Рекомендации по адаптации к новым экономическим условиям

В условиях изменяющейся экономической обстановки, вызванной увеличением ключевой ставки Центрального банка, необходимо внедрять адаптивные меры как для физических, так и для юридических лиц, а также для банковского сектора.

В первую очередь, рассмотрим советы для физических лиц (рис. 4). Людям следует обратить внимание на высокодоходные депозитные продукты. Вкладывая деньги на выгодных условиях, можно не только защитить свои сбережения от инфляции, но и достичь высокой доходности. Также разумно диверсифицировать накопления, распределяя их между разными банками, что позволит минимизировать риски благодаря системе страхования вкладов.

Что касается долгов, то стоит избегать потребительских кредитов с высокой процентной ставкой, а в случае наличия кредита с плавающей ставкой следует рассмотреть вариант его рефинансирования под более стабильную фиксированную ставку. Инвесторам рекомендуются облигации с фиксированным доходом.

Для малых и средних предприятий важно переоценить финансовые потоки и разработать новые прогнозы с учетом роста стоимости кредитов и потенциального снижения потребительского спроса (рис. 5).

¹ Составлено авторами по результатам исследования.

Рис. 4. Рекомендации для физических лиц¹

Fig. 4. Recommendations for individuals

Рис. 5. Рекомендации для малого и среднего предпринимательства²

Fig. 5. Recommendations for small and medium-sized enterprises

Создание резервного фонда поможет смягчить влияние неожиданных расходов, а альтернативные источники финансирования, такие как продажа активов или привлечение инвесторов, снизят зависимость от кредитных ресурсов.

Банкам важно пересматривать свои кредитные портфели, учитывая риски дефолта, и принимать меры по их уменьшению (рис. 6).

Для привлечения клиентов необходимо адаптировать условия депозитов, сделав их более конкурентоспособными. Гибкость и подготовленность к вызовам экономической среды, а также акцент на клиентском сервисе и развитии онлайн-платформ повысят лояльность клиентов в условиях цифровизации.

¹ Составлено авторами по результатам исследования.

² Составлено авторами по результатам исследования.

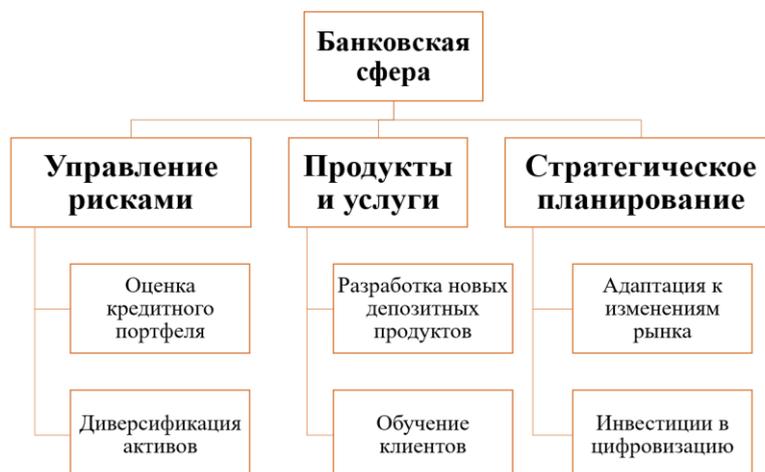
Рис. 6. Рекомендации для банковской сферы¹

Fig. 6. Recommendations for the banking sector

Заключение

Исходя из представленного материала, можно сделать несколько выводов:

1. Повышение ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации представляет собой значительный экономический вызов, который затрагивает все слои экономики, включая как бизнес, так и граждан. Это изменение, как показали исследования, приводит к удорожанию кредитов, что вынуждает компании пересматривать свои инвестиционные решения.

2. Для бизнеса новые условия требуют пересмотра финансовых стратегий и оптимизации затрат. В этой ситуации компаниям необходимо акцентировать внимание на повышении эффективности, снижении долговой нагрузки и диверсификации источников финансирования.

3. Гражданам, столкнувшимся с ростом процентных ставок, следует переосмыслить свои финансовые привычки. Это включает более осознанный подход к кредитованию, инвестициям и сбережениям. Важно также рассмотреть возможности диверсификации активов через вложения в облигации или другие финансовые инструменты, что позволит защитить накопления от инфляции и получить стабильный доход.

В заключение, можно отметить, что повышение ключевой ставки меняет правила игры для всех участников экономических отношений, это делает их более гибкими и способными адаптироваться к новым условиям.

Список источников

1. Кондакова В. В., Сперанский С. Н. Влияние ключевой ставки на инфляцию и другие экономические процессы // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник XXII Международной научно-практической конференции. Том 1. Курск, 2023. С. 322–325.

2. Михеева Е. А., Черняев В. А. Анализ динамики ключевой ставки и её взаимосвязей с макроэкономическими показателями // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 10-2 (104). С. 78–83.

3. Баштовая А. В., Иванченко Н. О., Калашникова Е. Ю. Ключевая ставка как основной индикатор денежно-кредитной политики Центрального Банка // Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Махачкала, 2020. С. 303–307.

4. Павлов П. В., Баженов Р. И. Взаимосвязь ключевой ставки с доходностью депозита и стоимостью кредита // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2023. № 4 (53). С. 135–142.

5. Шаповалова А. В. Ключевая ставка Центрального Банка и ее влияние на экономику России // X Международная научно-практическая конференция «Экономика в социокультурном пространстве современности: проблемы, решения, прогнозы». Владимир, 2023.

¹ Составлено авторами по результатам исследования

6. Абдурахманов М. Моделирование влияния прогнозов ключевой ставки Банка России на ожидания участников рынка // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 2. С. 3–20.
7. Мальцева О. А., Полякова И. В., Старцева Е. Н. Моделирование балансового канала денежно-кредитной политики: обзор эмпирических подходов // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2023. Вып. 3 (48). С. 18–48. https://doi.org/10.34130/1992-2752_2023_3_18.
8. Зойдов К. Х. и др. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики и регулирующая функция Центрального Банка как инструмент монетарной политики государства // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 3 (137). С. 145–154.
9. Демченко М.В., Тормозова В.А. Регуляторное воздействие на финансовый рынок в условиях санкций недружественных государств // Экономика. Налоги. Право. 2024;17(3):182–190. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-182-190.
10. Рогова Е. М., Новичков Д. В. Анализ реакции акций компаний различных отраслей на изменение ключевой ставки банка России // Финансы и бизнес. 2020. Т. 16. № 2. С. 65–79.

References

1. Kondakova V. V., Speransky S. N. The influence of the key rate on inflation and other economic processes. In: *Socio-economic development of Russia: problems, trends, prospects. Collection of the XXII International Scientific and Practical Conference*. Volume 1. Kursk; 2023:322–325. (In Russ.).
2. Mikheeva E. A., Chernyaev V. A. Analysis of the dynamics of the key rate and its interrelations with macro-economic indicators. *Economics and Business: theory and practice*. 2023;10-2(104):78–83. (In Russ.).
3. Bashtovaya A. V., Ivanchenko N. O., Kalashnikova E. Yu. The key rate as the main indicator of the monetary policy of the Central Bank. In: *Modern problems of civilization and sustainable development in the information society. Collection of materials of the international scientific and practical conference*. Makhachkala; 2020:303–307. (In Russ.).
4. Pavlov P. V., Bazhenov R. I. The relationship of the key rate with the yield of the deposit and the cost of the loan. *Bulletin of the Amur State University named after Sholom Aleichem*. 2023;4(53):135–142. (In Russ.).
5. Shapovalova A. V. The key rate of the Central Bank and its impact on the Russian economy. In: *The X International Scientific and Practical Conference "Economics in the socio-cultural space of modernity: problems, solutions, prognoses"*. Vladimir; 2023. (In Russ.).
6. Abdurakhmanov M. Modeling the impact of forecasts of the key rate of the Bank of Russia on the expectations of market participants. *Money and credit*. 2023;82(2):3–20. (In Russ.).
7. Maltseva O. A., Polyakova I. B., Startseva E. N. Modeling the balance channel of monetary policy: a review of empirical approaches. *Bulletin of Syktyvkar University. Series 1: Mathematics. Mechanics. Computer science*. 2023;3(48):18–48. (In Russ.). https://doi.org/10.34130/1992-2752_2023_3_18
8. Zoidov K. H. et al. The transmission mechanism of monetary policy and the regulatory function of the Central Bank as an instrument of monetary policy of the state. *Regional problems of economic transformation*. 2022;3(137):145–154. (In Russ.).
9. Demchenko M. V., Tormozova V. A. Regulatory impact on the financial market under the sanctions of unfriendly states. *Economy. Taxes. Right*. 2024;17(3):182–190. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-182-190.
10. Rogova E. M., Novikov D. V. Analysis of the reaction of shares of companies in various industries to changes in the key rate of the Bank of Russia. *Finance and Business*. 2020;16(2):65–79.

Информация об авторах

Н. Ю. Лебедева – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета ЮФУ.

Е. С. Лобачева – студент экономического факультета ЮФУ.

Information of the authors

N. Yu. Lebedeva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Faculty of Economics of the Southern Federal University.

E. S. Lobacheva – Student of the Faculty of Economics of the Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 23.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 23.11.2024.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-144-151>

EDN GAWBCC

Политика импортозамещения в Ростовской области: основные направления и инструменты

Татьяна Васильевна Мартыненко¹, Татьяна Алексеевна Черкашина²,
Валерия Дмитриевна Рыбалкина³

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹tatianamart@list.ru

³nevalera.da@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, TKCherkasina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7010-0256>

Аннотация. Данная научная статья исследует политику импортозамещения в Ростовской области, анализируя основные направления и инструменты, используемые в этом процессе. В статье обсуждаются меры поддержки, предлагаемые региональными властями для стимулирования отечественного производства и снижения зависимости от импорта. Авторы рассматривают существующие стратегии и механизмы импортозамещения, которые стимулируют данную политику в Ростовской области. Анализу подвергнуты инструменты, способствующие данной политике. Изменения геополитической ситуации в последние годы придают особую актуальность данной проблеме. С одной стороны, санкции стимулируют развитие отечественных производств и снижают зависимость от импорта. С другой стороны, импортозамещение сопряжено с рядом проблем, таких как рост цен, снижение качества продукции и технологическое отставание. Целью исследования является выявление сильных и слабых сторон в сфере импортозамещения, поиск наиболее эффективных механизмов, способствующих данному процессу на территории Ростовской области, определение приоритетных направлений. Методология исследования опирается на российскую школу экономической мысли, исходит из понимания российской цивилизации, как самостоятельной, независимой и самобытной. Инструментарно-методический аппарат проведенного исследования определялся совокупностью методов теоретического уровня научного познания, среди которых следует выделить логический и системный подходы, наблюдение, группировки данных, методы сравнительного анализа, анализ и синтез. В результате проведенного исследования авторы определили те области, в которых Ростовская область достигла наибольших успехов: станкостроение, радиоэлектроника, сельскохозяйственное машиностроение и другие. Исследованы также основные инструменты, которые способствовали широкому распространению импортозамещающих технологий: создание специализированного органа, лизинг, льготные займы и гранты.

Ключевые слова: политика импортозамещения, инструментарий, ресурсы, подходы к импортозамещению, импорт, приоритетные отрасли, лизинг, гранты, экономическая независимость, безопасность

Для цитирования: Мартыненко Т. В., Черкашина Т. А., Рыбалкина В. Д. Политика импортозамещения в Ростовской области: основные направления и инструменты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 144–151. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-144-151>. EDN GAWBCC

Import substitution policy in Rostov region: main directions and tools

Tatiana V. Martynenko¹, Tatiana A. Cherkashina², Valeria D. Rybalkina³

^{1,3}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹tatianamart@list.ru

²TKCherkashina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7010-0256>

³nevalera.da@gmail.com

Abstract. This research paper examines the import substitution policy in Rostov region, analyzing the main directions and tools used in this process. The article discusses the support measures offered by regional authorities to stimulate domestic production and reduce dependence on imports. The authors consider the existing strategies and mechanisms of import substitution, which stimulate this policy in the Rostov region. The tools that promote this policy are analyzed. Changes in the geopolitical situation in recent years make this problem particularly relevant. On the one hand, sanctions stimulate the development of domestic industries and reduce dependence on imports. On the other hand, import substitution is associated with a number of problems, such as rising prices, lower product quality and technological lag. The purpose of the study is to identify the strengths and weaknesses in the field of import substitution, to find the most effective mechanisms that contribute to this process in the Rostov region, to identify priority areas. The research methodology is based on the Russian school of economic thought, proceeding from the understanding of the Russian civilization as independent, autonomous and distinctive. The instrumental and methodological apparatus of the study was determined by a set of methods of the theoretical level of scientific knowledge, among which logical and systemic approaches, observation, data groupings, methods of comparative analysis, analysis and synthesis should be distinguished. As a result of the study, the authors identified those areas in which the Rostov region achieved the greatest success: machine tool building, radio electronics, agricultural engineering and others. The main tools that contributed to the widespread use of import-substituting technologies were also investigated: the creation of a specialized body, leasing, soft loans and grants.

Keywords: import substitution policy, tools, resources, approaches to import substitution, import, priority industries, leasing, grants, economic independence, safety

For citation: Martynenko T. V., Cherkashina T. A., Rybalkina V. D. Import substitution policy in the Rostov region: main directions and tools. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):144–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-144-151>. EDN GAWBCC

Введение

Понятие «импортозамещение» впервые появилось в 1960-х годах и было введено Организацией Объединенных Наций (ООН) для описания экономических проблем в странах с монокультурной экономикой, где практически все необходимые ресурсы приходилось импортировать. Этот термин также был применен к развивающимся странам, где правительства стремились к индустриализации через политику протекционизма, поскольку более 80% продукции было завозным [1].

Впоследствии в экономической науке выделились два основных подхода к пониманию импортозамещения:

- 1) развитие производственных мощностей государства за счет собственных ресурсов.
- 2) меры правительства, направленные на ограничение импорта [2].

Политика импортозамещения, в данном контексте, является важным элементом развития, как Российской Федерации, так и ее субъектов на длительную перспективу. Практическая ее реализация позволит России стать менее зависимой от внешнего давления, стимулировать экономическое развитие страны и регионов, обеспечит национальную безопасность и позволит в полной мере реализовать ее производственный потенциал.

При наличии значительного количества научных работ по данной тематике [3-14] остаются нерешенными вопросы критериев отбора проектов для импортозамещения, не до конца понятно, какие технологии являются критическими для региональной экономики, недостаточно изучен потенциал российских регионов в аспекте импортозамещения.

Основной целью нашего исследования является изучение современных методов поддержки импортозамещения в различных отраслях региональной экономики и распространение положительного опыта Ростовской области в данном направлении.

Теория/методология исследования

Методология нашего исследования базируется на необходимости учета цивилизационных особенностей развития России, на трудах представителей русской школы экономической мысли. Еще думный боярин А.Л. Ордын-Нащекин в XVII веке считал, что условием независимости российского государства является уменьшение зависимости от импорта, а позднее эти идеи были развиты в трудах С.Ф. Шарапова и Л.А. Тихомирова. В современных условиях развития России стало ясно, что государственное управление «должно ориентироваться на достижение не только экономической эффективности, но, прежде всего, на решение общенациональных задач, которые не всегда можно оценить в количественных показателях и формализовать» [3]. Это касается как раз и вопросов импортозамещения, так как с экономической точки зрения это не всегда выгодно, но с точки зрения экономической безопасности жизненно необходимо.

Результаты исследования и их обсуждение

Следует отметить, что политика импортозамещения стала особенно актуальной после 2014 г., когда против Российской Федерации стали вводить первые масштабные санкции.

Еще в послании Президента РФ Федеральному Собранию в 2014 г. было заявлено о снижении зависимости от импортных технологий, а российским правительством утверждены меры, которые должны содействовать импортозамещению в российской экономике. Минэкономразвития России было определено 18 приоритетных отраслей для импортозамещения. Были достигнуты определенные успехи в этом направлении, но события последних двух лет полностью поменяли подходы к импортозамещению. Уход иностранных компаний из России и введение жестких санкций практически на все значимые для нашей экономики товары ускорили данный процесс и поменяли векторы развития. Если раньше поддержку получали только те проекты, которые были рентабельными, то в последнее время упор делается на экономическую безопасность и необходимость замещать практически весь спектр товаров, запрещенных к ввозу в РФ. Хотя доля импортных товаров за последние десять лет существенно снижалась, но зависимость от импортных комплектующих остается очень высокой: в авиастроении 53%, в микроэлектронике 92%, в сельскохозяйственном машиностроении 47%, в специализированном машиностроении 67%, в медицинской промышленности 60%, в судостроении 64%, в станкостроении 95% [4]. В связи со сложившейся критической ситуацией в данных отраслях Правительство РФ предприняло ряд мер, которые должны снизить зависимость от импорта.

Уже в марте 2022 г. были подписаны два важных Указа Президента РФ (№83, №288), способствующие более быстрому развитию IT-сектора.

Эти Указы определили меры, которые приведут к постепенному импортозамещению на данном направлении. Наиболее значимыми инструментами стали поощрение промышленной ипотеки, налоговые меры, низкие проценты на кредиты, введение отсрочки от службы в армии и др.

Введение в стратегическую парадигму Российской Федерации таких рычагов стимулирования, как обширный внутренний рынок, богатый природный ресурсный потенциал и возможности содействия инвестированию в ключевые отрасли за счет экспорта сырьевых товаров, обеспечивает эффективную поддержку политики импортозамещения¹.

Ростовская область, как один из экономически активных регионов России, также нацелена на эффективное внедрение политики импортозамещения. Данная политика региона активизировалась

¹ Impact of Import Substitution Policy on Economic Growth // Authors by Askar Nailevich Mustafin, Svetlana Nikolaevna Kotenkova, Ivana Kravčáková Vozárová and Rastislav Kotulič // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2227-7099/10/12/324/reprints>

одновременно с одноименной политикой всего государства. Толчком для этого стали перестройка существующего миропорядка и напряженная санкционная война с Западными странами [15].

Так, в 2022 г. в Ростове-на-Дону был создан специализированный орган – «Региональный центр кооперации и импортозамещения». Его основная цель функционирования заключается в обеспечении механизма эффективного взаимодействия между потребителями, производителями, поставщиками и разработчиками импортозамещающей продукции. Основными субъектами центра, которые непосредственно задействованы в рабочем процессе, являются научные лаборатории, действующие на базе вузов и занимающиеся техническими разработками, отраслевые министерства и институты государственной поддержки, представители бизнес-среды¹.

Методологическая основа и инструментарий реализации политики импортозамещения для Ростовской области определены в «Региональном плане по импортозамещению в Ростовской области»². Донскими инструментами политики импортозамещения выступают:

1) льготные лизинговые программы. Они позволяют предприятиям приобретать оборудование и технологии за счет льготных условий лизинга. При этом предприятие получает необходимые ресурсы без необходимости полного выкупа оборудования, что снижает финансовую нагрузку на компанию. Льготы в рамках лизинговых программ могут включать снижение процентной ставки, отсрочку платежей, а также государственные гарантии;

2) льготные займы Регионального фонда развития промышленности. Данный инструмент предполагает предоставление финансовой поддержки предприятиям для осуществления инвестиционных проектов и модернизации производства. Займы предоставляются на выгодных условиях: сниженной процентной ставкой, длительным сроком кредитования и льготными условиями погашения;

3) поддержка центра кооперации и импортозамещения. Центр является платформой, на которой предприятия могут обмениваться опытом, информацией и ресурсами для реализации проектов импортозамещения. Поддержка центра включает в себя консультационную помощь, организацию обучающих мероприятий, а также помощь в поиске партнеров для совместной деятельности;

4) гранты Фонда содействия инновациям. Предприятиям предоставляются субсидии на разработку и внедрение новых технологий, а также на научные исследования в области производства. Это способствует стимулированию инноваций в сфере производства и укреплению конкурентоспособности отечественных товаров на рынке.

Дополнительно, список продукции, подлежащей импортозамещению, и предоставляемые на этой основе преференции производителям региона, были утверждены Губернатором Ростовской области³.

На рис. 1 показаны приоритетные направления импортозамещения Ростовской области, исходя из утвержденного плана и отраслевой специализации региона.

Оценить эффективность выполнения плана импортозамещения в соответствии с его приоритетными направлениями можно на основе анализа уже имеющихся практических результатов.

Например, на Ростовской атомной электростанции последовательно проводится программа импортозамещения, направленная на производство комплектующих деталей внутри страны⁴.

¹ На Дону создан региональный центр кооперации и импортозамещения // Опубликованная новость от 29.04.2022 на официальном портале Правительства Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/18144/>

² Региональный план по импортозамещению в Ростовской области // Утвержден распоряжением Правительства Ростовской области от 28 авг. 2019 № 539 (действующая редакция с изменениями от 28 окт. 2022) // Официальный портал Правительства Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.donland.ru/documents/10568/>

³ Утвержден региональный перечень импортозамещающей продукции // Опубликованная новость от 23.03.2023 на официальном портале Правительства Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/21885/>

⁴ На Ростовской АЭС запустят в производство более 150 видов запасных частей в рамках программы импортозамещения // Официальный портал Правительства Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/22376/>

Рис. 1. Основные направления политики импортозамещения в Ростовской области

Fig. 1. The main directions of import substitution policy in the Rostov region

Источник: составлено авторами по материалам регионального плана по импортозамещению в Ростовской области.

Source: compiled by the authors based on the materials of the regional plan for import substitution in the Rostov region.

Был обновлен цех, в котором созданы условия, чтобы производить собственные комплектующие, предназначенные для ремонтных работ на станции. Для того чтобы создавать собственные запасные части для атомной станции приходится обновлять станки, оборудование, улучшить работу конструкторских организаций.

В 2023 г. Ростовская АЭС запустила в производство более 150 комплектов запасных частей в рамках программы импортозамещения¹.

Другим примером эффективной политики импортозамещения является межрегиональный кластер радиоэлектронной промышленности «Бештау», созданный в 2023 г.². Данный кластер позволяет локализовать производство инновационной продукции и заместить компьютерную технику иностранного производства. Если говорить об инструментах поддержки, то донской производитель компьютерной техники ГК «Бештау» получил льготный заём Регионального фонда развития промышленности на приобретение оборудования для производства печатных плат под 4% годовых сроком на 5 лет. Средства будут направлены на закупку оборудования, которое тоже производится в Ростовской области.

В рамках стратегического развития межрегионального кластера радиоэлектронной промышленности «Бештау», компания ГК «Бештау» продолжает строительство завода компьютерной техники в регионе. Завершить работы и ввести в эксплуатацию пять новых комплексов планируется в 2025 г.

¹ В 2023 году Ростовская АЭС запустила в производство более 150 комплектов запасных частей в рамках программы импортозамещения // Официальный портал Правительства Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/25256/>

² В Ростовской области создали кластер радиоэлектронной промышленности // РБК – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rostov.rbc.ru/rostov/freenews/651438ad9a7947c9ed931c1a>

На основе кластера в 2024 г. осуществлен запуск технопарка «Бештау», где предприятие ГК «Бештау» анонсировало планы инвестировать сумму в 8 млрд. рублей для организации производства ноутбуков. Запланировано создание 700 рабочих мест с производственным объемом сначала 50 тысяч единиц в год, с последующим увеличением до 100 тысяч единиц. Кроме того, будет открыт комплекс по производству литий-ионных батарей для ноутбуков, что станет прецедентом на территории Российской Федерации.

Иллюстративным подтверждением успешного курса на импортозамещение в Ростовской области является анализ итогов заседания экспертного совета по импортозамещению, на котором было отмечено, что в 2023 году оборот предприятий, работающих в сфере импортозамещения, увеличился на 8,9%, достигнув отметки в 500,9 млрд. рублей¹.

Заключение

Исследование политики импортозамещения в Ростовской области демонстрирует, как региональные власти активно внедряют стратегические инициативы для укрепления экономической независимости и снижения зависимости от импортных товаров и технологий. Стимулирование развития отечественного производства через льготные лизинговые программы, займы и гранты, а также поддержка Регионального центра кооперации и импортозамещения, является ключевым фактором в реализации этой политики.

Важность реализации импортозамещающих инициатив на примере Ростовской АЭС, а также создание кластера радиоэлектронной промышленности «Бештау», подчеркивает стратегическую ориентацию региона на локализацию производственных мощностей и развитие технологической экспертизы, что способствует не только экономическому росту, но и формированию общественной и экономической стабильности в условиях глобальных вызовов.

Таким образом, политика импортозамещения в Ростовской области является многоаспектной и динамичной, что позволяет адаптироваться к изменениям в геополитической обстановке и экономическом ландшафте. Продолжение поддержки текущих и новых проектов импортозамещения будет способствовать дальнейшему развитию региона, повышению его конкурентоспособности и самодостаточности.

Стратегическое направление политики импортозамещения должно оставаться приоритетом для Ростовской области, так как это обеспечивает не только экономический рост, но и становится залогом устойчивости и безопасности на региональном и национальном уровнях.

Список источников

1. Титова О. В., Восканян Н.А. Импортозамещение: понятие, сущность, особенности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 7(57). С. 105-110. DOI 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.18.
2. Гатиятулин Ш. Н. Импортозамещение как фактор стимулирования развития отечественной экономики // Форум. 2022. № 3(26). С. 3–8.
3. Пичурин И. И., Блинов Д. В. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2014. 142 с.
4. Попова И. Н., Сергеева Т.Л. Импортозамещение в современной России: проблемы и перспективы // Beneficium. 2022. № 2(43). С. 73-84. DOI 10.34680/BENEFICIUM.2022.2(43).73-84.
5. Аналитическое исследование процессов импортозамещения в экономике России: теория и практика : Коллективная монография / В. Н. Мокин, И. В. Капустина, Т. В. Степанова [и др.]. – Санкт-Петербург : ЧОУВО «Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург», ООО «ИКЦ», 2016. 178 с.
6. Бодрунов С.Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы / монография . СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2015. 171 с.

¹ Оборот предприятий импортозамещающих отраслей в сфере промышленности и АПК Дона показал значительный рост // Официальный портал Правительства Ростовской области – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.donland.ru/news/22309>.

7. Вартанова М. Л. Реализация политики импортозамещения в рамках экономического сотрудничества со странами Евразийского экономического союза / Проблемы и основные направления повышения эффективности функционирования АПК региона в условиях глобализации и импортозамещения: монография (научное издание) / Под. общ. ред. О.А. Столяровой и Р.Р. Юняевой. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 20–45.

8. Гарнов А. П., Асяева Э. А., Турсунов Б. А. Совершенствование инструментов стимулирования импортозамещения в российской экономике // Финансовый бизнес. 2023. № 9(243). С. 35–37.

9. Калинин А. М. Импортозависимость и импортозамещение в России: оценка на основе таблиц ресурсов и использования // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2(203). С. 21–33. – DOI 10.47711/0868-6351-203-21-33.

10. Мартыненко Т. В. Русские мыслители о государстве и управлении // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. №2. С. 12–23.

11. Моисеев В. В. Импортозамещение в экономике России: монография. М.: ООО «Директмедиа Пабблишинг», 2022. 304 с.

12. Рязанов Н. А. Импортозамещение как триггер структурной трансформации системы общественного воспроизводства // Экономические науки. 2024. № 234. С. 359–364. DOI 10.14451/1.234.359.

13. Строганов А. О., Жилина Л.Н. К истории вопроса об импортозамещении в России // Фундаментальные исследования. 2015. № 12-6. С. 1278–1282.

14. Цхададзе Н. В. Выгоды и риски импортозамещения в экономике // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 262–270. DOI 10.24412/2073-0454-2024-3-262-270.

15. Зуб А. А. Политика импортозамещения: условия, инструменты и механизмы реализации // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 8-3(64). С. 110–113.

References

1. Titova O.V., Voskanyan N.A. Import substitution: concept, essence, features. *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2021; 7(57): 105-110. (In Russ.). <https://doi.org/10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.18>

2. Gatiyatulin Sh.N. Import substitution as a factor in stimulating the development of the domestic economy. *Forum*. 2022; 3(26): 3-8. (In Russ.).

3. Pichurin I.I., Blinov D.V. Ensuring import substitution after Russia's accession to the WTO. Yekaterinburg: LLC "Publishing House "UMTs UPI", 2014. 142 p. (In Russ.).

4. Popova I.N., Sergeeva T.L. Import substitution in modern Russia: problems and prospects. *Beneficium*. 2022; 2(43): 73-84. (In Russ.) [https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.2\(43\).73-84](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2022.2(43).73-84)

5. *Analytical study of import substitution processes in the Russian economy: theory and practice: Collective monograph* / V.N. Mokin, I.V. Kapustin, T.V. Stepanova [and others]. St. Petersburg: ChUVO "National Open Institute of St. Petersburg," LLC "IKTs," 2016. 178 p. (In Russ.).

6. Bodrunov S.D. *Theory and practice of import substitution: lessons and problems: scientific publication*. St. Petersburg: INIR named after S.Yu. Witte, 2015. 171 p. (In Russ.).

7. Vartanova M. L. Implementation of the import substitution policy within the framework of economic cooperation with the countries of the Eurasian Economic Union. In: *Problems and main directions for increasing the efficiency of the functioning of the agro-industrial complex of the region in the context of globalization and import substitution: monograph (scientific publication)* / Under. total ed. O.A. Stolyarova and R.R. Yunyaeva. Penza: Penza State Agrarian University, 2022: 20–45. (In Russ.).

8. Garnov A.P., Asyaeva E.A., Tursunov B.A. Improving tools for stimulating import substitution in the Russian economy. *Financial business*. 2023; 9(243): 35–37. (In Russ.).

9. Kalinin A.M. Import dependence and import substitution in Russia: assessment based on resource tables and use. *Forecasting problems*. 2024; 2(203): 21–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-21-33>.

10. Martynenko T.V. Russian thinkers about the state and governance. *Corporate governance and innovative development of the economy of the North. Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2015; (2):12–23. (In Russ.).

11. Moiseev V.V. *Import substitution in the Russian economy: scientific publication*. Moscow: Directmedia Publishing LLC, 2022. 304 p. (In Russ.).
12. Ryazanov N. A. Import substitution as a trigger for the structural transformation of the system of social reproduction. *Economic sciences*. 2024; (234): 359-364. (In Russ.) <https://doi.org/10.14451/1.234.359>.
13. Stroganov A.O., Zhilina L.N. On the history of the issue of import substitution in Russia. *Fundamental research*. 2015; 12(6):1278–1282. (In Russ.)
14. Czhadadze N.V. Benefits and risks of import substitution in the economy. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024; (3): 262–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-3-262-270>.
15. Zub A. A. Import substitution policy: conditions, tools and mechanisms for implementation. *Current scientific research in the modern world*. 2020; 8-3(64):110-113. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Мартыненко – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.
Т. А. Черкашина – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ(РИНХ).
В. Д. Рыбалкина – студент ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

T. V. Martynenko – Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
T. A. Cherkashina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of Department of Financial Monitoring and Financial Markets of Rostov State University of Economics.
V. D. Rybalkina – Student, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 23.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 23.11.2024.

Научная статья
УДК 631.14:633.1
<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-152-159>

EDN GDJXVM

Состояние и тенденции развития производственного потенциала сельскохозяйственных организаций

Людмила Ивановна Проняева¹,
Максим Андреевич Сидоренко²

^{1,2}Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Орёл, Россия

¹pli.dom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4311-2892>

²privetsidorenko@gmail.com

Аннотация. Эффективное использование производственного потенциала является стратегическим приоритетом обеспечения динамичного и устойчивого развития агропромышленного комплекса России. В этой связи есть объективная необходимость в проведении научных исследований, оценочного мониторинга, изучении направлений и факторов, обеспечивающих рациональное использование ресурсной базы и способствующих повышению рентабельности развития производственного потенциала, учитывающих, при этом, требования и принципы функционирования сельского хозяйства в современных условиях. Цель авторского исследования заключается в изучении базовых постулатов, концептуальных теоретических положений, оценке современного состояния и выявлении ключевых тенденций развития ресурсной базы и производственных возможностей сельскохозяйственных организаций. В статье приводится авторское обоснование представленных теоретических трактовок «ресурсный потенциал» и «производственный потенциал». Сформулированы аналитические выводы по развитию производственного потенциала сельскохозяйственных организаций Орловской области за 2015 – 2023 гг., в том числе в контексте мониторинга наличия и использования имеющихся ресурсов и динамики объемов производства продукции. Сделано заключение, что обозначившаяся положительная тенденция в повышении эффективности использования производственного потенциала сельскохозяйственных организаций региона связана с достижениями в развитии отдельных сфер и отраслей, в том числе растениеводства и животноводства, оптимальным использованием ресурсов и привлечением инвестиций. Теоретическая и практическая значимость полученных результатов исследования состоит в возможности их применения для проведения комплексного оценочного мониторинга развития производственного потенциала в аграрном секторе АПК регионов РФ.

Ключевые слова: производственный потенциал, ресурсы, сельскохозяйственные организации, Орловская область, растениеводство, животноводство, развитие

Для цитирования: Проняева Л. И., Сидоренко М. А. Состояние и тенденции развития производственного потенциала сельскохозяйственных организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 152–159. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-152-159>. EDN GDJXVM

State and trends in the development of the production potential of agricultural organizations

Lyudmila I. Pronyaeva¹, Maksim A. Sidorenko²

^{1,2}Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

¹pli.dom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4311-2892>

²privetsidorenko@gmail.com

Abstract. Efficient use of production potential is a strategic priority for ensuring dynamic and sustainable development of the agro-industrial complex of Russia. In this regard, there is an objective need to conduct scientific research, evaluative monitoring, study the directions and factors that ensure rational use of the resource base and contribute to increasing the profitability of developing the production potential, taking into account the requirements and principles of functioning of agriculture in modern conditions. The purpose of the author's research is to study the basic postulates, conceptual theoretical provisions, assess the current state and identify key trends in the development of the resource base and production capabilities of agricultural organizations. The article provides the author's justification for the presented theoretical interpretations of the concepts of "resource potential" and "production potential". Conclusions are presented based on the results of the analysis of the production potential of agricultural enterprises of the Oryol region for the period 2015 - 2023, which are presented in the form of monitoring the current state of available resources and the dynamics of production volumes. It is concluded that the emerging positive trend of increasing the efficiency of using the production potential of agricultural organizations in the region is associated with achievements in the development of individual areas and industries, including crop production and livestock farming, optimal use of resources and attracting investment. The theoretical and practical significance of the obtained research results lies in the possibility of using them to conduct a comprehensive assessment monitoring of the development of production potential in the agricultural sector of the agro-industrial complex of the regions of the Russian Federation.

Keywords: production potential, resources, agricultural organizations, Orel region, crop production, livestock breeding, development

For citation: Pronyaeva L. I., Sidorenko M. A. State and trends in the development of the production potential of agricultural organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):152–159. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-152-159>. EDN GDJXVM

Введение

Современные тенденции развития отечественной и мировой экономики ставят перед сельскохозяйственными организациями задачи сохранения возможности устойчивого развития в условиях постоянных изменений факторов внешней и внутренней среды, нормативно-правового регулирования и производственных отношений в бизнес-среде. Аграрные предприятия вынуждены работать в условиях ресурсных ограничений, что обуславливает необходимость более эффективного использования имеющегося капитала. Все это указывает на важность проведения научных исследований в направлении развития оценочного мониторинга наличия и использования ресурсной базы, определения возможностей рационального использования имеющихся финансов, материальных средств, земельных и трудовых ресурсов для наращивания объемов производства и повышения эффективности функционирования агробизнеса, в том числе в отдельных регионах РФ.

Теоретические аспекты производственного потенциала сельскохозяйственных организаций

Изучение тенденций развития сельскохозяйственного производства, ресурсного обеспечения, производственного потенциала требует уточнения ряда теоретических аспектов, и, в первую очередь, таких понятий, как «ресурсный потенциал» и «производственный потенциал». Несмотря на то, что эти дефиниции не являются новыми в научных исследованиях, дискуссии среди ученых по поводу уточнения этих определений ведутся и на сегодняшний день.

В экономической литературе имеется немало работ, в которых исследуется данная проблема [1–4]. Оценивая подходы различных ученых на сущность ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия следует заключить, что он представляет собой совокупность имеющихся производственных ресурсов (земельные, трудовые, материальные, финансовые и др.) независимо от уровня их технологической сбалансированности, которые непосредственно используются при создании материальных благ и обеспечивают устойчивость и эффективность деятельности предприятия.

На основе исследования взглядов ряда авторов на сущность категории «производственный потенциал», можно сделать вывод, что его следует ассоциировать с производством с учетом имеющихся ресурсов [5–7]. В сельском хозяйстве под производственным потенциалом, на наш взгляд, следует понимать возможность получения определенного объема и качества продукции, в условиях сложившихся производственных отношений и с учетом имеющихся в количественном выражении земельных, трудовых, финансовых ресурсов, основных и оборотных средств [8–9].

Мониторинг наличия и использования ресурсной базы и производственных возможностей сельскохозяйственных организаций

Основываясь на данном подходе, проведем анализ состояния и развития производственного потенциала сельскохозяйственных организаций Орловской области. В регионе ежегодно производится свыше трех-четырёх тонн зерна в расчете на душу населения. По оценкам ученых-аграрников [10–12] от динамичного развития аграрной сферы именно таких регионов зависит наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции, экспорта и обеспечение продовольственной безопасности страны в целом.

Общая земельная площадь в Орловской области в 2023 г. составила 1410,8 тыс. га, сельскохозяйственных угодий – 1393,3 тыс. га, в том числе пашни – 1221,3 тыс. га, что, соответственно, на 22,8 %, 23,7 % и 15,7 % выше в сравнении с 2015 г. (табл. 1)¹. При этом, нельзя не отметить, что площадь пастбищ и земель, занятыми многолетними насаждениями, сократилась, соответственно, на 35,7 % и 39,3 %. С 2015 г. по 2023 г. увеличилась площадь залежей (на 13,7 %).

Таблица 1 – Динамика обеспеченности земельными ресурсами сельскохозяйственных организаций Орловской области

Table 1 – Dynamics of land resources provision of agricultural organizations in the Orel region

Показатели	Годы									2023 г. в % к 2015 г.
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Земельные ресурсы – всего, тыс. га	1148,7	1222,7	1251,2	1218,6	1243,0	1277,8	1378,9	1470,4	1410,8	122,8
Сельскохозяйственные угодия, тыс. га	1126,0	1200,1	1229,9	1198,4	1223,7	1248,9	1349,3	1445,6	1393,3	123,7
в т.ч. пашня	1055,5	1119,8	1160,2	1140,3	1166,1	1194,8	1298,0	1392,6	1221,3	115,7
сенокосы	16,4	20,1	13,1	8,6	17,8	15,3	14,3	14,3	133,6	в 8,1 р
пастбища	44,0	50,4	47,9	40,2	31,8	30,2	29,3	28,7	28,3	64,3
многолетние насаждения	2,8	3,2	2,7	2,5	3,0	4,4	1,9	1,9	1,7	60,7
залежи	7,3	6,7	5,9	6,7	5,0	4,2	5,7	8,0	8,3	113,7

Оценивая наличие трудовых ресурсов в сельскохозяйственных организациях региона следует отметить, что динамика численности работников показывает их существенное снижение с 2015 по 2018 гг., по в последующем произошло восстановление численности работников к 2023 г. на уровень данного показателя 2015 г. За анализируемый период численность постоянных работников,

¹ Составлено по данным годовой бухгалтерской отчетности Департамента сельского хозяйства Орловской области.

непосредственно занятых в сельхозпроизводстве характеризуется относительной стабильностью и ее прирост составил 2,9 % (табл. 2)¹.

Таблица 2 – Динамика среднегодовой численности работников сельскохозяйственных организаций Орловской области, чел.

Table 2 – Dynamics of the average annual number of employees of agricultural organizations in the Orel Region

Виды с.-х. культур	Годы									2023 г. в % к 2015 г.
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Среднегодовая численность работников	17,4	17,4	16,9	15,9	17,1	17,2	17,0	17,3	17,4	100,0
Работники, занятые в с.-х. производстве	15,2	14,9	14,4	13,8	14,9	15,4	15,2	15,2	15,4	101,3
в т.ч. постоянные	10,5	10,3	10,0	9,6	10,3	11,1	10,8	10,6	10,8	102,9

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих эффективное функционирование агробизнеса, является оснащенность средствами производства [13]. В Орловской области сельскохозяйственные организации обеспечены техникой, оборудованием, имеется достаточно хорошая материально-техническая база (табл. 3)².

Таблица 3 – Динамика стоимости и движения основных средств в сельскохозяйственных организациях Орловской области

Table 3 – Dynamics of cost and movement of fixed assets in agricultural organizations of the Orel region

Показатели	Годы									2023 г. к 2022 г.
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Основные средства на начало года, млн руб.	39138	47344	54023	58922	68097	79388	97356	115457	129576	14119
Основные средства на конец года, млн руб.	46068	54023	60599	68097	83144	97356	113245	129576	143104	13528
Поступило за год, млн руб.	8281	7930	8148	11255	17657	18884	19084	20174	18269	-1905
Выбыло, млн руб.	1445	1292	1601	1956	2716	5175	3207	5841	4714	-1127
Коэффициент выбытия, %	3,7	2,7	3,0	3,3	4,0	6,5	3,3	5,1	3,6	-1,5
Коэффициент обновления, %	18,0	14,7	13,4	16,5	21,2	19,4	16,9	15,6	12,8	-2,8
Коэффициент роста, %	117,7	114,1	112,2	115,6	122,1	122,6	116,3	112,2	110,4	-1,8
Коэффициент износа	0,39	0,36	0,38	0,40	0,42	0,40	0,39	0,35	0,37	0,02

В 2023 г. в сравнении с 2022 г. наблюдается прирост стоимости основных средств на начало и на конец отчетного периода. Уменьшилась стоимость поступивших и выбывших основных средств, и в связи с этим в 2023 г. сократились коэффициенты выбытия, обновления. В то же время, коэффициент износа вырос на 2,0 п.п.

¹ Составлено по данным годовой бухгалтерской отчетности Департамента сельского хозяйства Орловской области.

² Составлено по данным годовой бухгалтерской отчетности Департамента сельского хозяйства Орловской области.

Объем производства сельхозпродукции в регионе за 2023 год составил 80879 млн руб. Большая его часть относится к растениеводческой продукции – 55579 млн руб. В отрасли животноводства продукции было произведено на 13615 млн руб. (рис. 1)¹.

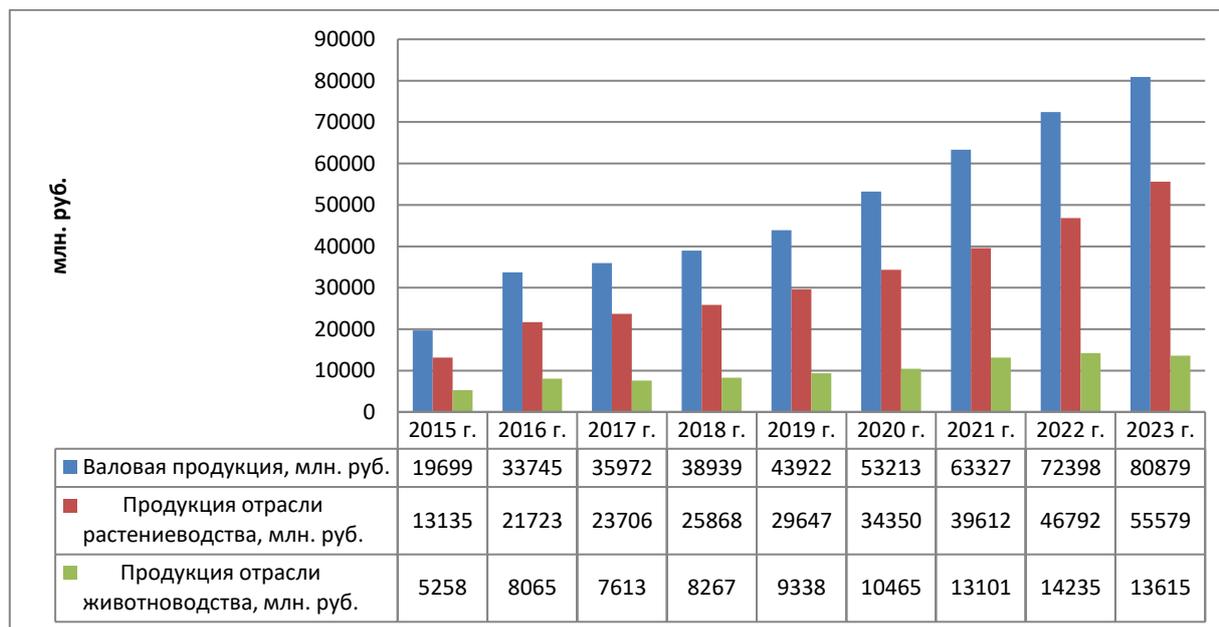

Рис. 1. Динамика объемов производства продукции в сельскохозяйственных организациях Орловской области, млн руб.

Fig. 1. Dynamics of production volumes in agricultural organizations of the Orel region, million rubles.

В динамике за 2015 – 2023 гг. наблюдается устойчивая тенденция увеличения стоимости произведенной продукции сельского хозяйства, что в большей части обусловлено увеличением стоимости произведенной продукции отрасли растениеводства. За период совокупный объем сельскохозяйственного производства вырос в 4,1 раза, в т.ч. отрасли растениеводства – в 4,2 раза, отрасли животноводства – в 2,6 раза. В краткосрочном периоде, если сравнивать отчетный год с 2022 г., стоимость валовой продукции в сельскохозяйственных организациях выросла на 11,7 %, в т.ч. растениеводства – на 18,8 %. Объем производства продукции животноводства снизился на 4,4 %.

На сегодняшний день растениеводство – динамично развивающаяся отрасль сельского хозяйства в регионе [14]. За анализируемый период времени, наряду с положительной динамикой стоимостных показателей, установлен устойчивый рост натуральных индикаторов развития растениеводческого сектора, в частности урожайности всех видов сельскохозяйственных культур. Так, урожайность зерновых культур увеличилась с 29,1 ц/га в 2015 г. до 54,5 ц/га в 2023 г. (на 87,3 %), семян масличных культур на 70,0 %, картофеля на 45,2 %, сахарной свеклы на 46,0% (табл. 4)².

В сельскохозяйственных организациях Орловской области поголовье основного стада крупного рогатого скота молочного направления продуктивности в 2023 г. в сравнении с 2015 г. снизилось на 29,3 % (с 24,2 тыс. голов в 2015 г. до 17,1 тыс. голов в 2023 г.), поголовье КРС на выращивании и откорме – на 37,5 % (с 47,7 тыс. голов в 2015 г. до 29,8 тыс. голов в 2023 г.). Сократились объемы производства молока и продукции выращивания КРС, соответственно, на 3,6 % и 12,9 %. При этом, нельзя не отметить и положительные результаты развития отрасли – повышение продуктивности. Так, надой молока в расчете на одну корову в 2023 г. в сравнении с 2015 г. возросли на 38,5 %, прирост КРС составил 40,3 %, прирост свиней в расчете на одну голову - 19,3 %. Производство яиц в области сократилось на 51,7 %.

¹ Составлено по данным годовой бухгалтерской отчетности Департамента сельского хозяйства Орловской области.

² Составлено по данным годовой бухгалтерской отчетности Департамента сельского хозяйства Орловской области.

**Таблица 4 – Динамика урожайности основных с.-х. культур
в сельскохозяйственных организациях Орловской области, ц/га**

Table 4 – Dynamics of productivity of the main agricultural crops in agricultural organizations
of the Orel region

Виды с.-х. культур	Годы									2023 г. в % к 2015 г.
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Зерновые и зерно- бобовые культуры	29,1	33,7	41,8	39,1	44,1	48,1	43,6	51,3	54,5	187,3
Семена масличных культур	14,0	17,0	16,7	18,3	21,6	23,4	22,0	20,2	23,8	170,0
Картофель	286,5	275,5	295,2	304,2	350,6	316,8	516,4	392,1	415,9	145,2
Корнеплоды сахар- ной свеклы	323,2	381,0	408,2	404,2	463,5	409,6	406,7	415,0	471,8	146,0

Заключение

Таким образом, сельское хозяйство – одна из немногих отраслей российской экономики, демонстрирующих рост и значимые результаты в импортозамещении [15]. Обозначившаяся положительная тенденция в повышении эффективности использования производственного потенциала сельскохозяйственных организаций Орловской области, в первую очередь, связана с достижениями в производственных сферах отдельных отраслей, чему, безусловно, способствует наличие высокоплодородных земель и их рациональное использование, имеющаяся материально-производственная база, технологическая модернизация и перевооружение, обеспеченность высококвалифицированными трудовыми ресурсами.

Нельзя не отметить, что одними из базовых условий, влияющих на эффективное функционирование и развитие производственного потенциала сельского хозяйства в Орловской области, являются, во-первых, удобное географическое расположение, во-вторых, наличие развитой транспортно-логистической сети, в-третьих, благоприятные природно-климатические условия. Все это способствует приросту финансового компонента в составе производственного потенциала региона, в том числе со стороны инвесторов. Кроме того, мониторинговые исследования показали, что в сельском хозяйстве Орловской области преобладает интенсивный тип развития агропроизводства, критериями характеристиками которого являются комплексная механизация и автоматизация управленческих и операционных процессов, обоснованное использование удобрений и средств защиты растений от вредителей, мелиорация, химизация и др., что позволяет с меньшими затратами увеличивать объемы производства сельскохозяйственной продукции, достигать повышение уровней производительности труда, фондоотдачи и материалоотдачи.

Список литературы

1. Алтухов А.И. Агропромышленный комплекс страны: состояние и возможности развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 1(107). С. 7–24.
2. Косолапова М.В., Свободин В.А. Аналитическое моделирование интенсификации – методологическая основа цифровизации процесса воспроизводства сельского хозяйства // АПК: экономика, управление. 2021. № 1. С. 54–61.
3. Ильина И.В., Сидоренко О.В. Влияние ресурсообеспеченности на эффективность сельскохозяйственного производства // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 1. С. 40–45.
4. Ильина И.В. Методика расчета ресурсного обеспечения сельскохозяйственного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2002. № 6. С. 21–22.
5. Механизмы оценки, развития и эффективного использования экономического потенциала сельских территорий / Р.Х. Адуков, А.Н. Адукова, А.В. Медведев [и др.]. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2019. 200 с.
6. Милосердов В.В., Семенова Е.И. Особенности цифровой трансформации аграрной экономики // Устойчивое и инновационное развитие в цифровую эпоху : Материалы II Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 ноября 2020 г. М.: Московский гуманитарный университет, 2020. С. 195–201.

7. Структурная трансформация и механизмы адаптации хозяйствующих субъектов АПК / О.А. Родионова, В.В. Милосердов, Е.И. Семенова [и др.]. М.: ООО «Сам полиграфист», 2023. 200 с.
8. Проняева Л.И. Воспроизводство основного капитала в сельхозорганизациях // АПК: экономика, управление. 2014. № 5. С. 38-46.
9. Сидоренко М.А. Развитие производственного потенциала сельского хозяйства Орловской области // Фундаментальные и прикладные исследования в области экономики и финансов: Сборник научных статей IX международной научно-практической конференции, Орёл, 07 декабря 2023 года. Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. С. 193-196.
10. Винничек Л.Б. Ресурсный потенциал сельскохозяйственных организаций и эффективность его использования / О.А. Зябликова, Г.В. Терзова, Л.Б. Винничек. Пенза : РИОПГСХА, 2015. 177 с.
11. Curtis, Tim & Szyszkowiak, Adrianna. (2023). Evaluation of social enterprises' claims. 07.09.2023 // https://www.researchgate.net/publication/373756308Evaluation_of_social_enterprises'_claims
12. Сидоренко О.В. Производительность труда в сельском хозяйстве: динамика, показатели, факторы роста // Вестник аграрной науки. 2023. № 6(105). С. 165–170.
13. Ретроспективный анализ интенсификации технологического развития предприятий АПК / А.Ф. Дорофеев, Д.И. Жиликов, О.В. Петрушина, С.О. Новосельский // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2023. № 103. С. 35–44.
14. Коробейников Д.А., Филин М.А. Методика аналитической оценки экономической динамики аграрного производства // Известия нижеволжского агроуниверситетского комплекса: наука и высшее профессиональное образование. 2011. № 2. С. 1–5.
15. Родионова О.А. Прямые и косвенные меры поддержки хозяйствующих субъектов АПК в условиях санкционного давления // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 8. С. 13–17.

References

1. Altukhov A.I. Agro-industrial complex of the country: state and development opportunities. *Economy, labor, management in agriculture*. 2024;1(107):7–24. (In Russ.).
2. Kosolapova M. V., Svobodin V. A. Analytical modeling of intensification - a methodological basis for digitalization of the agricultural reproduction process. *AIC: economics, management*. 2021;(1):54-61. (In Russ.).
3. Ilyina I. V., Sidorenko O. V. The impact of resource equipment on the efficiency of agricultural production. *Economic analysis: theory and practice*. 2008;(1):40–45. (In Russ.).
4. Ilyina I. V. Methodology for calculating resource provision of agricultural production. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2002;(6):21–22. (In Russ.).
5. *Mechanisms for assessing, developing and effectively using the economic potential of rural areas*. R.Kh. Adukov, A.N. Adukova, A.V. Medvedev [et al.]. Moscow: "NIPKTS Voskhod-A"; 2019. 200 p. (In Russ.).
6. Miloserdov V.V., Semenova E.I. Features of the digital transformation of the agricultural economy. In: *Sustainable and innovative development in the digital age: Proceedings of the II International scientific and practical conference*, Moscow, November 17-18, 2020. - Moscow: Moscow University for the Humanities, 2020. Pp. 195-201. (In Russ.).
7. *Structural transformation and adaptation mechanisms of economic entities of the agro-industrial complex* / О.А. Родионова, В.В. Милосердов, Е.И. Семенова [et al.]. Moscow: ООО "Sam Polygraphist"; 2023. 200 p. (In Russ.).
8. Pronyaeva L.I. Reproduction of fixed capital in agricultural organizations. *AIC: economics, management*. 2014;(5):38-46. (In Russ.).
9. Sidorenko O.V. Labor productivity in agriculture: dynamics, indicators, growth factors. *Bulletin of agrarian science*. 2023;6(105):165-170. (In Russ.).
10. Vinnichек L.B., Zyablikova O.A., Terzova G.V. Resource potential of agricultural organizations and the efficiency of its use. Penza: RIO PGSKhA; 2015. - 177 p. (In Russ.).
11. Curtis, Tim & Szyszkowiak, Adrianna. (2023). *Evaluation of social enterprises' claims*. 09/07/2023. Available from: https://www.researchgate.net/publication/373756308Evaluation_of_social_enterprises'_claims.

12. Sidorenko M.A. Development of the production potential of agriculture in the Orel region. In: *Fundamental and applied research in economics and finance: Collection of scientific articles of the IX international scientific and practical conference*, Orel, December 7, 2023. Orel: Central Russian Institute of Management - branch of RANEPA, 2023. P. 193–196. (In Russ.).

13. Retrospective analysis of the intensification of technological development of agricultural enterprises / A.F. Dorofeev, D.I. Zhilyakov, O.V. Petrushina, S.O. Novoselsky. *Proceedings of the Kuban State Agrarian University*. 2023;(103):35-44. (In Russ.).

14. Korobeynikov D.A., Filin M.A. Methodology of analytical assessment of economic dynamics of agricultural production. *Izvestia of the Lower Volga Agro-University Complex*. 2011;(2):1-5. (In Russ.).

15. Rodionova O.A. Direct and indirect measures to support business entities of the agro-industrial complex in the context of sanctions pressure. *Economics of Agriculture of Russia*. 2022;(8):13–17. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. И. Проняева – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

М. А. Сидоренко – аспирант кафедры «Экономика и экономическая безопасность» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС.

Information about the authors

L. I. Pronyaeva – – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economics and Economic Security at the Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

M. A. Sidorenko – Postgraduate at the Department of Economics and Economic Security of Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 23.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 23.11.2024.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-160-167>

EDN GOOUJA

Особенности влияния внутреннего аудита на качество закупок в органах государственного управления

Татьяна Борисовна Турищева^{1, 2}

¹Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия,
ttb2812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0502-5912>

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена важностью сферы государственных закупок, ростом бюджетных средств, направленных на закупки, и необходимостью совершенствования существующей организации государственных закупок.

Цель статьи – определить особенности влияния внутреннего аудита на качество государственных закупок в органах государственного управления, определяющие внедрение процедур внутреннего аудита, а также различия в реализации и использовании аудита в организациях.

В качестве материалов исследования использовались научные публикации и нормативно-правовые акты в сфере государственных закупок и внутреннего аудита, методология основана на применении общенаучных методов в рамках системного подхода: сравнительный и логический анализ теоретических концепций и практических аспектов проблематики статьи, систематизация и обобщение.

В статье представлен и обсужден внутренний аудит как инструмент улучшения управления органами государственного управления, а также представлены проблемы, связанные с осуществлением аудита и возможные преимущества от его применения в проверяемых субъектах. Уточнена роль внутреннего аудита как инструмента обеспечения качества государственных закупок, целью которого является оценка планирования и организации государственных закупок внутри органа государственного управления; рациональности и экономности использования средств, предназначенных для приобретения товаров, услуг и работ. В статье выделены основные критерии качества государственных закупок и вопросы для проверки внутреннего аудита данной деятельности. Сформулирован принцип профессионального поведения, описывающий среду внутреннего аудита государственных закупок. Полученные результаты могут использоваться органами государственного управления для получения преимуществ, которые может предоставить повышение эффективности внутреннего аудита государственных закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, внутренний аудит, внутренний контроль, государственное управление, финансовый аудит, бюджетные средства

Для цитирования: Турищева Т. Б. Особенности влияния внутреннего аудита на качество закупок в органах государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 160–167. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-160-167>. EDN GOOUJA

Features of the impact of internal audit on the quality of procurement in public administration

Tatyana B. Turishcheva^{1, 2}

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, ttb2812@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0502-5912>

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The relevance of this article is due to the importance of the public procurement sphere, the growth of budget funds allocated for procurement, and the need to improve the existing organization of public procurement. The purpose of the article is to determine the features of the influence of internal audit on the quality of public procurement in public administration bodies, determining the implementation of internal audit procedures, as well as differences in the implementation and use of audit in organizations. The research materials include scientific publications and regulatory and legislative literature in the field of public procurement and internal audit, the methodology is based on the use of general scientific methods within the framework of a systems approach: comparative and logical analysis of theoretical concepts and practical aspects of the article's problems, systematization and generalization. The article presents and discusses internal audit as a tool for improving the management of government bodies, and also presents the problems associated with the implementation of audit and the possible benefits of its application in the audited entities. The role of internal audit as a tool for ensuring the quality of public procurement is clarified, the purpose of which is to assess the planning and organization of public procurement within a government body; rationality and economy of using funds intended for the purchase of goods, services and works. The article highlights the main criteria for the quality of public procurement and issues for checking the internal audit of this activity. The principle of professional behavior is formulated, describing the environment of internal audit of public procurement. The results obtained can be used by government bodies to gain the benefits that can be provided by increasing the efficiency of internal audit of public procurement.

Keywords: public procurement, internal audit, internal control, public administration, financial audit, budgetary funds

For citation: Turishcheva T. B. Features of the influence of internal audit on the quality of public procurement in public administration bodies. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):160–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-160-167>. EDN GOOUJA

Введение

Начало аудита государственного сектора можно отнести к XIII–XIV векам, когда преобладал финансовый аудит и аудит законности, представляющие собой традиционные проверки соответствия. Такой аудит соответствия возник, когда встала необходимость применения независимых мер контроля, которые помогут сократить случаи растраты и хищения активов, принадлежащих государству, предотвратить подозрительную и возможную незаконную деятельность, а также снизить риск искажения финансовой и бухгалтерской отчетности [1].

Благодаря преимуществам проведения внутреннего аудита руководитель органа государственного управления может гарантировать его надлежащее функционирование. Однако, объем аудиторских процедур и оценка выгод, получаемых в результате их реализации, не воспринимаются всеми организациями одинаково. Внутренний аудит предполагает объективную и самостоятельную деятельность, направленную на поддержку руководителя в достижении целей и задач посредством управленческого контроля и консультирования в отношении финансового состояния организации и достоверности отчётности [2]. Поэтому применение внутреннего аудита в сфере государственных закупок представляется актуальной проблемой современного развития общества.

Цель и задачи

Целью статьи является теоретическое обоснование особенностей влияния внутреннего аудита на качество государственных закупок в органах государственного управления.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: уточнить сущность «внутреннего аудита государственных закупок»; определить роль внутреннего аудита государственных закупок; определить критерии качества закупочной деятельности в государственном секторе и вопросы, которые определяют направление внутреннего аудита государственных закупок.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования использовались научные публикации и нормативно-правовые акты в сфере государственных закупок и внутреннего аудита и контроля, методология основана на применении общенаучных методов в рамках системного подхода: сравнительный и логический анализ теоретических концепций и практических аспектов проблематики статьи, систематизация и обобщение.

В стандартах, разработанных Международным институтом внутренних аудиторов (The Institute of Internal Auditors, ИА), внутренний аудит определяется как «независимая и объективная деятельность, целью которой является повышение ценности и улучшение операционной деятельности организации»¹. Согласно статье 160.2-1. Бюджетного кодекса РФ «внутренний финансовый аудит является деятельностью по формированию и предоставлению руководителю главного администратора бюджетных средств, руководителю...» государственной организации² [4]. По мнению Р. John, конечным результатом аудиторской задачи может быть консультативная деятельность, направленная на улучшение функционирования субъекта, но рекомендации или заключения аудитора, представленные руководителю органа государственного управления в рамках консультативной деятельности, не являются обязательными [5]. Однако, как справедливо подчеркивает А. Лукашов, консультативная деятельность дает большую гарантию того, что руководитель примет правильное решение [6].

Можно согласиться с тем, что внутренний аудит в современных условиях выступает важным инструментом современного менеджмента, а область внутреннего аудита – это сфера управления [7]. Отдельные исследователи [5] используют термин «внутренний аудит» как синоним внутреннего контроля. На практике эти понятия отличаются друг от друга заявленными целями.

Внутренний аудит направлен, прежде всего, на оценку существующих систем контроля и управления рисками компании и фокусируется на операциях и событиях, препятствующих эффективному достижению компанией поставленных целей [8]. В соответствии с Информацией Минфина России внутренний контроль представляет собой процесс для получения достаточной уверенности в эффективности и результативности деятельности организации, достоверности и своевременности отчетности; соблюдении применимого законодательства³. И. В. Смирнова и О. Н. Макарова считают, что внутренний контроль – это инструмент, используемый для выявления ошибок и нарушений в конкретных ситуациях и определения ответственности [9]. Таким образом, задачей службы внутреннего контроля является построение системы внутреннего контроля компании, а задачей внутреннего аудита – проведение оценки надежности и эффективности этой системы.

Как справедливо подчеркивает Е. В. Рябова, внутренний аудит имеет более широкие функции, чем внутренний контроль, это связано с тем, что он также осуществляет надзор за его механизмами [8]. Он должен обеспечивать уверенность, что система внутреннего контроля работает должным образом и может привести к изменениям в системе контроля. Но без контроля по результатам аудита сложно обеспечить эффективное и рациональное функционирование предприятия в долгосрочной перспективе. Целью внутреннего аудита является контроль и оценка эффективности управления рисками путем регулярной проверки соблюдения принципов управления рисками, применимых в конкретной организации. При этом он должен сосредоточить свои усилия на мониторинге и оценке систем управленческого контроля, в то же время должны быть рассмотрены и оценены адекватность,

¹ Международные стандарты внутреннего аудита. Международный институт внутренних аудиторов. 2024;141. URL: <https://www.theiia.org/globalassets/site/standards/editable-versions/global-internal-audit-standards-russian.pdf>

² Бюджетный кодекс Российской Федерации" от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/6fdcf424277aebba215512c7a68a5077c68e1337/

³ Информация Минфина России N ПЗ-11/2013 "Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156407/fa9e291e8b8b1163b09696ec286da8bc59af9fe5/

эффективность и результативность системы управленческого контроля. При рассмотрении механизмов управленческого контроля должны быть сформулированы предложения по совершенствованию в этой области. Можно сделать вывод, что эффективность внутреннего аудита следует оценивать по тому, насколько он способствует демонстрации высокого уровня предоставляемых государственных услуг.

В настоящее время для оценки деятельности организаций государственного сектора используется внутренний аудит деятельности, который включает в себя не только проверку финансовой сферы организации, но и оценку деятельности в сфере государственных закупок [10]. Внутренний аудит государственных закупок является весьма важным инструментом, который помогает развивать демократические процессы в обществе и предотвращать различные нарушения, например, коррупцию государственных служащих [9]. В большинстве стран мира внутренний аудит государственных закупок используется, но, как правило, по-разному. Он представляет собой сложный процесс, поэтому были созданы международные аудиторские организации, которые несут ответственность за создание универсальных стандартов аудита с целью анализа практического опыта и создания единой методологии, методов, моделей и процедур в целом.

Практика показывает, что ошибки закупочных организаций зачастую носят повторяющийся характер. Одним из основных факторов их возникновения является неправильная практика закупок покупающей организации, наличие которой зачастую выявляется слишком поздно, когда проводятся расследования/проверки соответствующими ведомствами или службами внутреннего аудита [7]. Таких ошибок можно легко избежать, если проводить своевременные проверки на предмет соответствия процедуры закупок существующим правовым нормам и использовать существующие эффективные примеры передовой практики.

Результаты

По нашему мнению, внутренний аудит государственных закупок – это объективная и независимая деятельность, представляющая собой инструмент улучшения управления органами государственного управления и обеспечения качества государственных закупок, целью которого является оценка планирования и организации государственных закупок внутри органа государственного управления; рациональности и экономности использования средств, предназначенных для приобретения товаров, услуг и работ. Стоит подчеркнуть, что это определение меняет представление о внутреннем аудите государственных закупок со строго финансового и бухгалтерского аспекта на охват всех сфер деятельности организации, тем самым концентрируя внимание на достижении целей закупочной деятельности. Внутренний аудит также должен быть объективной деятельностью, позволяющей аудитору выполнять задачи с уверенностью в результатах своей работы, без необходимости подчинять результаты аудита мнению других людей.

Эффективная организация и управление государственными закупками помогает органам государственного управления повысить эффективность работы, поскольку цель закупок – закупить то, что необходимо покупающей организации, рационально используя выделенные на нее средства, то есть, то есть приобрести товары, услуги или работы, необходимые для намеченных и выполняемых функций, по обычной цене, которую заплатило бы любое разумное физическое или юридическое лицо. Исследования [6-9] подчеркивают важность рационального использования денежных средств, для чего правовые нормы, регулирующие государственные закупки, должны предоставлять закупочной организации возможность приобретать товары или услуги на наиболее выгодных условиях. Это означает, среди прочего, что покупающая организация должна иметь те же условия приобретения товаров или услуг на рынке, что и любой другой покупатель. Само собой разумеется, что покупающая организация должна обеспечить соблюдение принципов равенства, конкуренции, недискриминации, соразмерности и прозрачности при проведении закупочных процедур и определении победителя.

Целью внутреннего аудита является оценка планирования и организации государственных закупок внутри органа государственного управления; рациональности и экономности использования средств, предназначенных для приобретения товаров, услуг и работ. Основные критерии качества государственных закупок и вопросы для проверки внутреннего аудита данной деятельности представлены ниже:

- достаточность регламентирования процедур планирования и организация деятельности в сфере государственных закупок;

- соответствие требованиям нормативно-правовым актам установленных процедур государственных закупок, порядка и сроков их исполнения;
- соблюдение согласованных процедур государственных закупок при приобретении товаров, услуг и работ;
- уровень достижения цели государственных закупок: экономичность и рациональность использования выделенных на эту цель бюджетных средств.

Для реализации указанных критериев качества государственных закупок в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» механизм внутреннего аудита в органах государственного управления необходимо реализовать согласно пяти взаимосвязанным элементам контрольной среды, интегрированным в деятельность юридического лица, реализуемым всеми его участниками, постоянно адаптируемым к изменениям и совершенствующимся¹. Нами были выделены наиболее важные элементы внутреннего аудита государственных закупок и поставленные перед ними цели на основе всемирно признанной модели COSO, определенной в руководящих принципах INTOSAI: контрольная среда, оценка рисков, контрольная деятельность, информация и коммуникация, мониторинг. Требования к содержанию политики внутреннего аудита более подробно изложены ниже, где описаны цели, участники, элементы и принципы, описывающие их (табл. 2).

Таблица 1. Элементы и принципы системы внутреннего аудита государственных закупок органа государственного управления

Tabl. 2. Elements and principles of the internal audit system of public procurement of a government agency

Элементы и принципы	Описание
Контрольная среда	Соблюдение правил, стандартов и принципов профессионального поведения. Компетентность сотрудников. Организационная структура. Философия управления и стиль руководства. Политика и практика управления персоналом
Оценка риска	Идентификация факторов риска. Определение допустимого риска Прогнозирование возможностей реагирования на выявленные риски
Контрольные мероприятия	Выбор и разработка методов и способов контроля и реагирования. Расширенное использование цифровых технологий Применение утвержденных политик и процедур
Информация и коммуникация	Использование разносторонней информации Уровень внутренней коммуникации Уровень внешней коммуникации
Мониторинг	периодические оценки и/или постоянный мониторинг Анализ недостатков и составление отчетности

Источник (составлено автором)

Можно согласиться с тем, что для достижения эффективных результатов закупок закупающая организация должна создать эффективную процедуру внутреннего аудита государственных закупок, позволяющую обеспечить управление всем процессом закупок путем определения ответственности за этапы закупок и исполнения контрактов. В соответствии со статьей 99 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² процедура внутреннего аудита, создаваемая в закупочной организации, должна охватывать весь процесс закупок с момента формирования потребности в

¹ Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ "Об аудиторской деятельности". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83311/

² Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/e20b1ebe0f1f6c51c75653866d068ffb0da444ef/

закупках до оценки результата контракта. Этапы процесса государственных закупок, которые должны быть предметом внутреннего аудита, представлены ниже:

- Формирование спроса на товары, услуги и/или работы
- Планирование закупок
- Инициация и подготовка к закупке
- Оформление закупки
- Заключение договора купли-продажи
- Исполнение договора купли-продажи
- Оценка того, соответствует ли результат потребностям

Согласно точке зрения [8], определение и обоснование потребностей закупочных организаций, планирование и проведение государственных закупок, надзор за исполнением договоров государственной купли-продажи и контроль за государственными закупками по-прежнему остаются одними из наиболее рискованных направлений с точки зрения коррупции. Учитывая важность сферы государственных закупок (в 2023 году на закупки было использовано 32 трлн руб.¹), в целях приобретения необходимых товаров, услуг или работ с рациональным использованием бюджетных средств, обеспечения бесперебойного процесса государственных закупок и сокращения при проявлениях коррупции в этой сфере закупочные организации должны иметь комплекс мер внутреннего аудита государственных закупок, который позволяет контролировать риски, возникающие в сфере закупок.

Контрольная среда является основой всей системы внутреннего аудита и обеспечивает трудовую дисциплину, оперативную атмосферу, что влияет на качество государственных закупок органами государственного управления. Среда внутреннего аудита формирует климат организации, понимание сотрудниками контроля и реализуется через принципы и правила профессионального поведения, компетентность, философию управления и стиль руководства, организационную структуру. Для этой среды характерен принцип политики и практики управления персоналом, который включает в себя сформированную в органе государственного управления кадровую политику, которая будет стимулировать привлечение, развитие и удержание компетентных сотрудников. Принимая во внимание тот факт, что на государственном уровне не формируется общая кадровая политика для государственных закупок, важно при проведении внутреннего аудита оценивать соблюдение указанных выше принципов.

Принцип профессионального поведения, описывающий среду внутреннего аудита государственных закупок, включает в себя то, как руководитель и работники органа государственного управления соблюдают правила профессионального поведения, избегают конфликтов публичных и частных интересов, а руководитель формирует позитивное отношение сотрудников к соблюдению законодательства в данной сфере. Мы полагаем, что принципы и правила профессионального поведения в сфере государственных закупок обеспечиваются, если:

1. закупающая организация имеет меры контроля, обеспечивающие своевременное декларирование всеми лицами, участвующими в закупках или принимающими решения, связанные с закупками, своих частных интересов и выполнения обязательства о конфиденциальности и беспристрастности;
2. лица, участвующие в закупке или принимавшие решения, связанные с закупкой, обеспечивают соблюдение требований законодательных актов;
3. определены внутренние процедуры или другие документы регламентирующие;
4. назначены ответственные сотрудники, которые контролируют правильность и своевременность предоставления всех документов, связанных с предотвращением конфликта интересов, в соответствии с требованиями законодательных актов и в установленные сроки;
5. требования распространяются на лиц, участвующих в процессе закупки и которые могут повлиять на его результаты (например, согласование документов, связанных с закупкой, когда учреждения не определяют в своих внутренних процедурах, какие контрольные действия они осуществляют и какая ответственность ложится на каждого сотрудника, проверяющего документы на разных этапах закупки).

¹ Объем госзаказа в России в 2023 году составил 32 трлн рублей. URL: <https://www.interfax.ru/business/960655#>

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию можно сделать вывод о том, что внутренний аудит может быть инструментом улучшения управления органами государственного управления и обеспечения качества государственных закупок, целью которого является оценка планирования и организации государственных закупок внутри органа государственного управления; рациональности и экономности использования средств, предназначенных для приобретения товаров, услуг и работ. Предложенные в статье основные критерии качества государственных закупок и вопросы для проверки внутреннего аудита данной деятельности, принцип профессионального поведения, описывающий среду внутреннего аудита государственных закупок, могут использоваться органами государственного управления для получения преимуществ в рамках повышения эффективности внутреннего аудита государственных закупок.

Список источников

1. Лукашов А.И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023;1:20-38.
2. Юдин А.А., Тарабукина Т.В. Мониторинг, аудит и контроль в контрактной системе закупок // Московский экономический журнал. 2022;1:409-419.
3. Воронин Ю.М. Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики. М.: Финансовый контроль, 2019. – 269 с.
4. Смирнов Я.О. Разработка перспективных направлений организации контроля в сфере закупочной деятельности // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. №3-2 (117). С. 110-112.
5. John P. When Do Institutions, policy sectors, and cities matter? Comparing networks of local policy makers in Britain and France / P. John, A. Cole // Comparative political studies. 2000; 33(2):248-268. DOI: 10.1177/0010414000033002004.
6. Лукашов А.И. Совершенствование внутреннего финансового контроля и аудита как механизмов повышения эффективности использования бюджетных средств // Финансовый журнал. 2022; 14(6):59-73. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-59-73>
7. Wescott C. G. Recent innovations in public financial management and procurement in Asia Pacific / C. G. Wescott // Innovative trends in public governance in ASIA. 2011; 16: 24-47. DOI: 10.3233/978-160750-729-1-24.
8. Рябова Е. В. Публичный финансовый контроль: выявление сущности явления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019; 2: 103-123. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.103.123.
9. Смирнова И.В., Макарова О.Н. Контрольно-надзорные органы в сфере управления государственными закупками в Российской Федерации // Экономика и экологический менеджмент. 2023;3:70-78. doi: 10.17586/2310-1172-2023-16-3-70-78
10. Система государственных закупок: теоретический и практический аспекты : моногр. / под ред. Л. И. Юзвович, Н. Ю. Исаковой. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2019. 233 с.

References

1. Lukashov A.I. State financial control: modern challenges and areas of improvement. *Issues of public and municipal administration*. 2023; 1: 20-38. (In Russ.).
2. Yudin A.A., Tarabukina T.V. Monitoring, audit and control in the contract procurement system. *Moscow Economic Journal*. 2022;(1):409-419. (In Russ.).
3. Voronin Yu. M. *State financial control: issues of theory and practice*. Moscow: Financial control; 2019. 269 p. (In Russ.).
4. Smirnov Ya.O. Development of promising directions for organizing control in the field of procurement activities. *International Research Journal*. 2022;3-2 (117):110-112. (In Russ.).
5. John P. When Do Institutions, Policy Sectors, and Cities Matter? Comparing Networks of Local Policy Makers in Britain and France / P. John, A. Cole. *Comparative political studies*. 2000; 33(2):248-268. DOI: 10.1177/0010414000033002004.

6. Lukashov A.I. Improving Internal Financial Control and Audit as Mechanisms for Increasing the Efficiency of Budget Funds Use. *Financial Journal*. 2022; 14(6):59-73. URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-6-59-73>. (In Russ.).
7. Wescott C. G. Recent innovations in public financial management and procurement in Asia Pacific. *Innovative trends in public governance in ASIA*. 2011; 16: 24–47. DOI: 10.3233/978-160750-729-1-24.
8. Ryabova E. V. Public financial control: identifying the essence of the phenomenon. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019; 2: 103-123. DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.2.103.123. (In Russ.).
9. Smirnova I. V., Makarova O. N. Supervisory bodies in the field of public procurement management in the Russian Federation. *Economy and environmental management*. 2023; 3: 70-78. doi: 10.17586/2310-1172-2023-16-3-70-78. (In Russ.).
10. *Public procurement system: theoretical and practical aspects*: monograph / edited by L. I. Yuzvovich, N. Yu. Isakova. Ekaterinburg: Ural. University; 2019. 233 p.

Информация об авторе

Т. Б. Турищева – доктор экономических наук, профессор; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; профессор кафедры аудита и корпоративной отчетности, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Information about the author

T. B. Turishcheva – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Professor of the Department of Audit and Corporate Reporting, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья

УДК 338.439

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-168-175>

EDN ENBUQP

Технологический суверенитет России в сфере АПК: современные вызовы и направления их преодоления

Татьяна Павловна Черкасова¹,
Евгений Леонидович Черкасов²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹cherkasova-t@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6315-8943>

² echerkasov78@mail.ru

Аннотация. Обострение геополитических угроз обусловило необходимость переоценки сохранности технологического суверенитета России, в том числе в сфере АПК, поскольку обеспеченность основными группами продовольственных товаров является ключевой потребностью любого общества. В этой связи авторами осуществлен синтез трех теорий к анализу технологического суверенитета: неоклассического, институционально-подходов и концепции национальной безопасности. Реализованный синтез позволил дать комплексное определение технологического суверенитета, отвечающее требованиям сегодняшнего дня, и вывести из него категорию «биотехнологический суверенитет», как вид технологического. На основе анализа российской управленческой практики были представлены основные институциональные и экономические проблемы в формировании и сохранении технологического суверенитета в сфере АПК. Необходимость преодоления возникших проблем позволила авторам выделить 8 основных направлений государственной политики, которые призваны нарастить и сохранить технологический суверенитет в аграрной сфере: системный мониторинг неимпортозамещенных технологических групп товаров в АПК; внедрение инновационно-технологической концепции агропроизводства; нормативное закрепление в стратегических документах основных направлений НИОКР для сферы АПК; трансформация цепочек создания добавочной стоимости посредством разработки и внедрения платформенных решений; финансовая поддержка через льготное субсидирование сельхозпроизводителей, внедряющих биотехнологии; трансформация сложившихся бизнес-моделей в агропроизводстве; формирование банка и развитие отечественной научно-технологической базы; обеспечение партнерство вузов и предприятий сферы АПК в части целевого заказа специалистов и проведения исследований под ключ.

Ключевые слова: технологический суверенитет, биотехнологический суверенитет, продовольственная безопасность, направления государственной политики

Для цитирования: Черкасова Т. П., Черкасов Е. Л. Технологический суверенитет России в сфере АПК: современные вызовы и направления их преодоления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 168–175. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-168-175>. EDN ENBUQP

Technological sovereignty of Russia in the sphere of agriculture: modern challenges and directions for their overcoming

Tatiana P. Cherkasova¹, Evgeniy L. Cherkasov²

^{1,2}South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹cherkasova-t@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6315-8943>

²echerkasov78@mail.ru

Abstract. The aggravation of geopolitical threats has necessitated a reassessment of the safety of Russia's technological sovereignty, including in the agricultural sector, since the provision of basic groups of food products is a key need of any society. In this regard, the authors synthesized three theories for the analysis of technological sovereignty: neoclassical, institutional approaches and the concept of national security. The implemented synthesis made it possible to give a comprehensive definition of technological sovereignty that meets the requirements of today, and to derive from it the category of "biotechnological sovereignty" as a type of technological. Based on an analysis of Russian management practice, the main institutional and economic problems in the formation and preservation of technological sovereignty in the agricultural sector were presented. The need to overcome the problems that have arisen allowed the authors to identify 8 main directions of government policy, which are designed to increase and maintain technological sovereignty in the agricultural sector: system monitoring of non-import-substituted technological groups of goods in the agro-industrial complex; introduction of an innovative technological concept of agricultural production; normative consolidation in strategic documents of the main directions of R&D for the agricultural sector; transformation of value chains through the development and implementation of platform solutions; financial support through preferential subsidies for agricultural producers introducing biotechnologies; transformation of existing business models in agricultural production; formation of a bank and development of the domestic scientific and technological base; ensuring partnership between universities and enterprises in the agro-industrial complex in terms of targeted ordering of specialists and conducting turnkey research.

Keywords: technological sovereignty, biotechnological sovereignty, food security, directions of public policy

For citation: Cherkasova T. P., Cherkasov E. L. Technological sovereignty of Russia in the sphere of agriculture: modern challenges and directions for their overcoming. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):168–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-168-175>. EDN ENBUQP

Введение

Продовольственная безопасность является одной из экзистенциальных основ жизнедеятельности государства и индивида. Однако содержание и оценка продовольственной безопасности меняется в связи с характером экономического развития. Во-первых, абсолютная и относительная ограниченность ресурсов обуславливает технологизацию экономического развития, отражаясь и на сфере АПК. Во-вторых, обострение геополитических угроз и антироссийских санкций предопределяет необходимость усиления продовольственной безопасности и импортозамещения. В-третьих, переход России к концепции устойчивого развития обуславливает приоритет экологичности производств и развитие рынка органической продукции, а следовательно в контексте АПК актуализируется переход на биотехнологии и необходимость их импортозамещения.

Кроме того, следует отметить, что вопросы технологического суверенитета в конце XX – начале XIX вв. в большей степени носят политизированный характер и имеют слабую научную проработку в экономических исследованиях.

Правового закрепления термин «технологический суверенитет» в России также не получил, а стратегии и концепции государственной политики в области технологического суверенитета находятся в стадии разработки.

В России в контексте технологизации АПК и обеспечения продовольственной безопасности принята Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 04.07 2023 г. № 1788-р), которая закрепляет необходимость разработки государственных (региональных) программ для ее реализации, что также актуализирует исследование вопросов оценки биотехнологического суверенитета и разработки мер его повышения.

Методология анализа технологического суверенитета в сфере АПК

Вопросы формирования и сохранения технологического суверенитета посредством внедрения достижений НТР в хозяйственный оборот как современной составляющей национальной конкурентоспособности исследовались отечественными экономистами Л. Абалкиным, С. Глазьевым, И. Довбий, В. Курдовым, В. Кушлиным, В. Мау, Д. Митяевым, Ю. Савиной, Ю. Яковцом и др. Вместе с тем, целостная концепция сохранения технологического суверенитета страны в России до сих пор отсутствует.

Анализ основных рисков и угроз продовольственной безопасности. А также направлений их нейтрализации представлены в статьях и научных исследованиях А. Афиногеновой, Г. Бондарева, В. Гордеева, С. Киселева, В. Мальцевой, Ю. Хромова, М. Яшиной и др.

Однако фрагментарность подходов и акцент на отдельных факторах обусловил отсутствие системных исследований, ядром которых является технологический суверенитет основанный на биотехнологиях в сфере АПК, ориентированный на развитие производства органической продукции.

В этой связи проведем систематизацию основных концептуальных подходов к анализу технологического суверенитета и предпримем попытку ввести в научный оборот понятие «биотехнологического суверенитета» как вид технологического суверенитета в контексте обеспечения продовольственной безопасности и развития производства органической продукции.

Анализ категориальной сущности понятия «технологический суверенитет» следует начать с трактовки понятия «суверенитет». Прежде всего, следует отметить, что суверенитет является базовым атрибутом государства, который определяет верховенство власти в принятии решений, регламентируемый нормами публичного права [1, с. 35]. Ядром суверенитета в условиях современного развития экономики, характеризующейся процессами технологизации и цифровизации, когда основным фактором производства становится инновационная технология, является технологический суверенитет. В этой связи роль технологического суверенитета состоит в том, чтобы обеспечить условия самообеспеченности национальной экономики технологиями по всем направлениям национальной безопасности, обуславливающими ее независимость от зарубежных институтов.

Ключевым элементом понятия «технологический суверенитет» является технология, уровень и характер которой определяет технологическое развитие и господствующую технологию в хозяйствовании, а, следовательно, и в управлении соответствующей хозяйственной системой. Фактически технологический суверенитет сопряжен с понятием технологического уклада, что означает для одного технологического уклада технологический суверенитет достигнут, а для более высокого нет. Таким образом, изменение мирового технологического уклада и господствующего характера технологии предопределяет необходимость национального развития и формирования технологического суверенитета. При этом важно не только понимать и владеть господствующей технологией, но и рассматривать понятие технологии шире как систему и как институт.

Технология как система представляет собой научное знание об организации общественного производства и определяется комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: факторы производства, способы работы, режим, последовательность действий [2, с. 12].

В рамках институциональной концепции технология рассматривается как основной фактор функционирования и развития всей экономики. Институционализм трактует технологию шире, выходя за рамки производственного процесса как это традиционно рассматривалось в неоклассических концепциях.

Технология как институт характеризуется более широкой трактовкой, поскольку помимо взаимосвязанных элементов включает в себя еще и взаимоотношения между собственниками факторов производства, участвовавших в общественном производстве в силу технологической детерминированности процесса, причем эти взаимоотношения регламентированы публичным правом [3, с. 9]. Поэтому технология не только определяет эффективность самого производственного процесса, но и обуславливает альтернативы в его организации и управлении, т.е. в формировании

отношений и властных установок между собственниками факторов производства (субъектами производственного процесса).

Таким образом, технология как институт является ядром развития экономики по тренду экономического роста, детерминирует технологический уклад [4, с. 68] и определяет критерии технологического суверенитета.

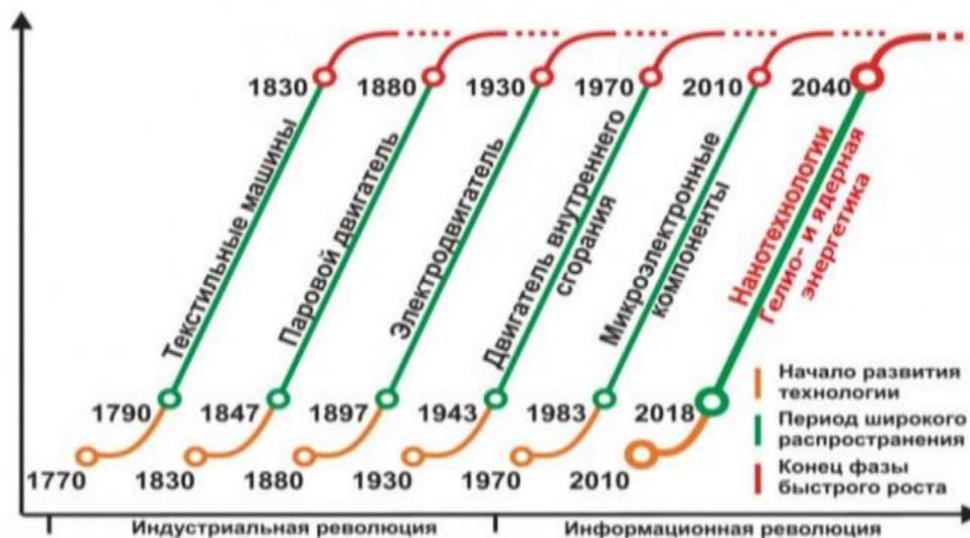

Рис. 1. Структура современного 6-го технологического уклада [5, с. 4]

Fig. 1. The structure of the modern 6th technological order

Существует множество определений технологического суверенитета, которые позволяют подчеркивать его особенности в зависимости от концептуального подхода и ракурса выделения ключевых факторов его определяющих.

На наш взгляд системно выглядит определение, к котором под технологическим суверенитетом предложено понимать обеспеченность державы критическими технологиями, способными инициализировать устойчивое развитие национальной экономики, независимо от локации разработки данных технологий, внутри страны или за рубежом [6, с. 15].

В ракурсе концепции национальной безопасности технологический суверенитет можно определить как способность страны к самообеспечению национальной экономики базовыми технологиями для реализации национальных интересов и эффективного встраивания в мировой рынок на основе международного разделения труда [7, с. 701].

Можно констатировать, что состоянием технологического суверенитета определяется безопасностью и индивида, и государства. Подобная независимость детерминируется [8, с. 1323]:

- обеспеченностью военно-технологическими резервами для национальной безопасности государства от внешних угроз;
- институционализацией ценностей и норм поведения экономических субъектов;
- сохранением экономической независимости страны и граждан;
- развитием национальной конкурентоспособности и входа в новые ниши мирового рынка;
- наличием и достаточностью инновационного потенциала для создания новых технологий и др.

Агрегируя вышеприведенные определения, будем трактовать технологический суверенитет как достаточность внутреннего инновационного потенциала макроэкономической системы для сохранения и наращивания конкурентоспособности национального хозяйства в мировом пространстве посредством инициализации и коммерциализации прорывных технологий с целью обеспечения устойчивого развития.

С точки зрения институционального подхода технологический суверенитет можно трактовать как совокупность установленных на национальном уровне формальных институтов в техносфере,

регламентирующих государственную поддержку и развитие базовых технологий, а также их коммерциализацию и рыночный оборот, что обеспечивает независимость государства в решении экономических вопросов.

Российская практика формирования и сохранения технологического суверенитета

Президент России Путин В.В., оставляя приоритет современного развития за инновационными технологиями, отметил, что технологическая независимость стран в условиях постиндустриального общества становится ключевым элементом для повышения конкурентоспособности национальной экономики сохранения своих позиций на мировом рынке¹.

В рамках обеспечения технологического суверенитета российскими органами власти были предприняты определённые шаги. Комплексно о проблеме технологического суверенитета Россия задумалась с началом введения антироссийских санкций в 2014 году, которые разорвали производственные цепочки, замыкаемые технологическими элементами широко импортируемые из западноевропейских стран и США.

Отдельные шаги по укреплению технологического суверенитета делаются, в частности приняты нормативные и программные документы, ориентированные на его поддержку и импортозамещение, в их числе:

– Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208);

– Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утвержденная Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145).

Если акцентировать внимание на технологическом суверенитете в агропромышленной сфере, то особое правовое значение для экономического развития и обеспечения продовольственной безопасности России имеют такие документы как:

– Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20);

– Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 г. (утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 4 июля 2023 г. № 1788-р).

Однако до сих пор законодательной трактовки не получил термин «технологический суверенитет», хотя данный вопрос о необходимости нормативного закрепления понятия рассматривался на заседании Совета Федерации РФ от 22 февраля 2023 г. Кроме того, институционализации в российском праве не подвергся и термин «биотехнологический суверенитет», если касаться сферы АПК и критериев безопасности, которые должны соблюдаться для его обеспечения и для сохранения продовольственной безопасности. Поскольку при сохранении безопасного уровня производства основных продуктов питания в России возникла существенная проблема с импортозамещением в сегменте средств производства, в их числе:

– недостаточность семенного материала;

– деградация сельскохозяйственных угодий;

– ограниченность племенной продукции;

– недостаток кормовых аминокислот;

– нехватка и высокая стоимость биотехнологий,

– отсутствие композиционных удобрений и интегрированной биозащиты;

– неразвитость технологических решений и соответствующих им управленческих практик, ориентированных на территориальные особенности.

Внедрение инновационно-технологических решений в агропроизводственные процессы сопряжено с рядом нерешенных проблем:

– отставание в темпах инновационно-технологического перевооружения производств агро-сферы;

– отсутствие коммерческого спроса со стороны агропроизводителей на отечественные технологические разработки;

– дисбаланс между спросом на прикладные разработки в сфере АПК и предложением фундаментальных исследований отечественными вузами и НИИ;

¹ В.В. Путин рассказал, кто будет определять дальнейшее развитие всего человечества // Электронный ресурс. <https://tass.ru/ekonomika/10649913>

- устойчивый спрос крупных агрохолдингов на импортные технологические решения;
- низкий уровень отечественных частных инвестиций в национальные разработки и исследования агропромышленного характера;
- дисбаланс по востребованности и внедрению новых технологий отечественными агропроизводителями, основной удельный вес приходится на крупные агрохолдинги, в то время как средние и малые сельхозпроизводители не склонны к модернизации (рис. 2);
- консервация технологического отставания российского АПК от стран с развитым агропромышленным сектором (рис. 3).

Технология	Личные подсобные хозяйства (натуральное хозяйство)	Крестьянско-фермерские хозяйства / индивидуальные предприниматели (полутоварное хозяйство)	Средние сельхоз-предприятия, сельскохозяйственные производственные кооперативы (товарное хозяйство)	Крупные агрохолдинги (товарное, экспортно-ориентированное хозяйство)
«Органическое» сельское хозяйство	●	●	●	●
Точное сельское хозяйство	●	●	●	●
Крупномасштабное «конвейерное» животноводство	●	●	●	●
Беспахотное земледелие	●	●	●	●
Беспривязное содержание скота	●	●	●	●
Капельное орошение	●	●	●	●
Индивидуальная подготовка тукосмесей	●	●	●	●
Интегрированный контроль за вредителями	●	●	●	●
Урбанизированное сельское хозяйство	●	●	●	●
Автоматизация и компьютеризация	●	●	●	●
Безотходное (циркулярное) сельское хозяйство	●	●	●	●
Биотопливо	●	●	●	●

Потенциал внедрения технологии:

● высокий
 ● средний
 ● низкий

Рис. 2. Степень внедрения новых технологий в сферу АПК [9, с. 47]

Рис. 3. Сравнительный анализ технологических инноваций в сфере АПК России и других стран [10, с. 143]

Выводы и результаты

Сложившаяся ситуация технологического отставания и зависимости российского АПК от развитых стран требует пересмотра реализуемой государственной политики и определения приоритетных направлений, способных дать импульс разработке национальных биотехнологий и управленческих решений, замещающих востребованные импортные аналоги.

В качестве приоритетных направлений государственной политики по стимулированию технологической модернизации в сфере АПК можно предложить следующие:

1. Системный мониторинг неимпортозамещенных технологических групп товаров для агропроизводства и формирования стратегии и алгоритмизированных решений импортозамещения.
2. Внедрение инновационно-технологической концепции агропроизводства, базирующейся на ускоренном внедрении современных цифровых технологий контроля и управления производственными процессами, биотехнологий и органических удобрений, что позволит сократить ресурсозатратность процессов и прогнозировать угрозы.
3. Нормативное закрепление в стратегических документах основных направлений НИОКР, которые позволят сохранить и нарастить биотехнологический суверенитет страны.
4. Трансформация цепочек создания добавочной стоимости посредством разработки и внедрения платформенных решений, ориентированных на создание сетей, сокращающих число посредников в цепочке «производитель-потребитель».
5. Финансовая поддержка через льготное субсидирование сельхозпроизводителей, готовых переходить с химических продуктов на биотехнологии.
6. Трансформация сложившихся бизнес-моделей путем поддержки компаний-интеграторов, разрабатывающих модельные решения на основе модернизации агропроизводств на новой технологической базе, с учетом возможности их адаптации под запросы конкурентной фирмы и процессного сопровождения.
7. Формирование банка и развитие отечественной научно-технологической базы с целью удовлетворения агропроизводственного спроса на новые биотехнологические решения.
8. Обеспечение партнерство вузов и предприятий сферы АПК в части целевого заказа специалистов и проведения исследований под ключ, в том числе с включением в их проведение молодых специалистов и ученых.

Для реализации приоритетных направлений государственной политики можно воспользоваться уже зарекомендовавшим себя в ряде отраслей инструментарием политики импортозамещения:

1. Государственные гарантии и комплексная финансовая поддержка предприятий в области агропромышленного комплекса. В этом случае выделяются государственные субсидии, и агропромышленные предприятия привлекают для участия в государственных закупках.
2. Таможенное и налоговое стимулирование. Оно предполагает использование многочисленных налоговых льгот и иных экономических инструментов. С их помощью можно стимулировать инвестиции в производственную деятельность, а также проводить многочисленные научно-технические исследования и изыскания.
3. Организационно-административное воздействие со стороны государства на бизнес, занимающийся деятельностью в сфере продовольственной отрасли. С помощью соответствующих инструментов органы государственной власти влияют на регулирование и развитие предприятий, которые работают в агропромышленном комплексе и в рыбном хозяйстве.
4. Анализ, информационно-консультационная деятельность, а также мониторинг. Анализ многочисленных источников позволил выделить ряд основополагающих инструментов, которые применяются для обеспечения технологической безопасности сферы АПК в контексте импортозамещения.

Выделенные направления и инструменты ориентированы на сохранение имеющегося технологического потенциала и формирование новых резервов с целью сокращения ресурсозатратности агропроизводств, нейтрализации природно-климатических рисков, прогнозирование возрастающих потребностей в отдельных группах продовольственных товаров для снижения вероятности резкого увеличения дефицита и как следствие спекулятивных ожиданий.

Список источников

1. Егорова А.А., Данилов И.А., Довбий И.П. Технологический суверенитет: ретроспективный анализ и перспективы в условиях повышенной волатильности экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12 (470). С. 33–44.
2. Gibert, M.G. The Meaning of Technology. Selected Readings from American Sources. – Universitat Politecnica de Catalunya. Iniciativa Digital Politecnica, 2004.
3. Радаев В.В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике. Препринт: WP1/2001/01. М.: ГУ-ВШЭ, 2001. 42 с.
4. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Сборник научных трудов. М: Экономика, 2002. 768 с.

5. Глазьев С. Ю. Великая цифровая экономика (вызовы и перспективы для XXI века) // Завтра. 2017. № 37 (1241). С. 4–5.
6. Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. № 5. Том 22. С. 12–22.
7. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы // Вопросы инновационной экономики. 2023. Том 13. № 2. С. 689–706.
8. Земсков В.В. Научно-технологический суверенитет: новые вызовы и решения // Экономическая безопасность. 2023. Том 6. № 4. С. 1321–1334.
9. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2017. 138 с.
10. Научно-информационное обеспечение инновационного развития АПК / Материалы XIV международной научно-практической интернет-конференции. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. 812 с.

References

1. Egorova A.A., Danilov I.A., Dovbii I.P. Technological sovereignty: retrospective analysis and prospects in conditions of increased economic volatility. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;12(470):33–44. (In Russ.).
2. Gibert M.G. *The Meaning of Technology. Selected Readings from American Sources*. – Universitat Politecnica de Catalunya. Iniciativa Digital Politecnica, 2004.
3. Radaev V.V. *New institutional approach and deformalization of rules in the Russian economy*. Preprint: WP1/2001/01. Moscow: State University-Higher School of Economics; 2001. 42 p.
4. Kondratyev N.D. *Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works*. Collection of scientific works. Moscow: Economics; 2002. 768 p. (In Russ.).
5. Glazyev S.Yu. Great digital economy (challenges and prospects for the 21st century). *Tomorrow*. 2017; 37(1241):4–5. (In Russ.).
6. Konstantinov I.B., Konstantinov E.P. Technological Sovereignty as a Strategy for the Future Development of the Russian Economy. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2022;22(5):12–22. (In Russ.).
7. Afanasyev A.A. Technological sovereignty: options for approaches to considering the problem. *Issues of innovative economics*. 2023;13(2):689–706. (In Russ.).
8. Zemskov V.V. Scientific and technological sovereignty: new challenges and solutions. *Economic security*. 2023;6(4):1321–1334. (In Russ.).
9. *Forecast of scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period until 2030*. Moscow; 2017. 138 p. (In Russ.).
10. *Scientific and information support for innovative development of the agro-industrial complex*. Materials of the XIV International Scientific and Practical Internet Conference. Moscow: “Rosinformagrotekh”; 2022. 812 p.

Информация об авторах

Т. П. Черкасова – доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, профессор кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС.

Е. Л. Черкасов – аспирант по научной специальности «Экономическая теория», ЮРИУ РАНХиГС.

Information about authors

T. P. Cherkasova – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Dean of the Faculty of Political Science, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E. L. Cherkasov – Postgraduate Student in the scientific specialty «Economic theory», South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 23.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 23.11.2024

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 176–182
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(4):176–182

Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-176-182>

EDN GRLDYJ

К вопросу об опасности радикальных идеологических доктрин в условиях мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией

Олег Олегович Антименко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, oo-antimenko@mail.ru

Аннотация. Последнее десятилетие XX и первые десятилетия XXI века в зарубежном, а под его влиянием во многом и в отечественном научном дискурсе прошли под знаком «конца» – истории, модерна, а также связанных с ними идеологий. Провозглашалось, что возникшие в определенную историческую эпоху глобальные идеологии право-лево-центристского толка от марксизма до либерализма утратили свое значение и свою способность к мобилизации масс. Их место в постсовременной, постидеологической реальности заняли отдельные «молекулярные» идеологии «политики идентичности» и «политики действия». Однако события последних двух десятилетий (и особенно специальная военная операция), наглядно продемонстрировали значение и значимость идеологии в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на формирование, функционирование, стабильность или дестабилизацию социальных систем. При этом современные западные общества, поставившие «движения идентичности» и «движения действия» во главу социально-политической жизни столкнулись с лавинообразным нарастанием проблем и, в первую очередь, резким увеличением количества радикальных идеологических групп и течений и связанных с ними акций насильственного характера, все более профессиональных, изолированных и жестоких. В статье предпринимается попытка обозначить возможные перспективные подходы к исследованию причин и глубинных механизмов этого явления, а также указывается на то, что отказ от государственной идеологии в качестве обязательной не обязательно означает отказ от идеологии, как от системы базирующихся на фундаментальных базовых ценностях идей, при помощи которых могут быть установлены, объяснены и обоснованы долгосрочные политические цели и средства их достижения как на внутреннем, так и на внешнем треке.

Ключевые слова: идеология, радикальные идеологии, фрустрации, аверсивные стимулы, новая идеология, российское государство-цивилизация

Для цитирования: Антименко О. О. К вопросу об опасности радикальных идеологических доктрин в условиях мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 176–182. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-176-182>. EDN GRLDYJ

On the issue of the danger of radical ideological doctrines in the conditions of ideological confrontation between the “collective West” and Russia

Oleg O. Antimenko

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, oo-antimenko@mail.ru

Abstract. The last decade of the twentieth century and the first decades of the XXI century in foreign, and under its influence in many ways in the domestic scientific discourse, were marked by the "end" of history, modernity, as well as related ideologies. It was proclaimed that the global ideologies of the right-left-centrist type that arose in a certain historical epoch, from Marxism to liberalism, had lost their significance and their ability to mobilize the masses. Their place in the postmodern, post-ideological reality has been taken by separate "molecular" ideologies of "identity politics" and "action politics". However, the events of the last two decades (and especially the special military operation) have clearly demonstrated the importance and significance of ideology as a factor that has a significant impact on the formation, functioning, stability or destabilization of social systems. At the same time, modern Western societies, which have put "identity movements" and "action movements" at the forefront of socio-political life, have faced an avalanche of problems and, first of all, a sharp increase in the number of radical ideological groups and movements and related violent actions, increasingly professional, sophisticated and cruel. The article attempts to identify possible promising approaches to the study of the causes and underlying mechanisms of this phenomenon, and also points out that the rejection of the state as a mandatory ideology does not necessarily mean the rejection of ideology as a system of ideas based on fundamental basic values, with the help of which long-term political goals can be established, explained and justified goals and means to achieve them both on the internal and external track. **Keywords:** ideology, radical ideologies, frustrations, aversive incentives, new ideology, Russian state-civilization

For citation: Antimenko O. O. On the issue of the danger of radical ideological doctrines in the conditions of ideological confrontation between the “collective West” and Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):176–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-176-182>. EDN GRLDYJ

Введение

Последнее десятилетие XX и первые десятилетия XXI века в зарубежном, а под его влиянием во многом и в отечественном научном дискурсе прошли под знаком «конца» – истории, модерна, а также связанных с ними идеологий. Провозглашалось, что возникшие в определенную историческую эпоху глобальные идеологии право-лево-центристского толка от марксизма до либерализма утратили свое значение и свою способность к мобилизации масс. Их место в постсовременной, постидеологической реальности заняли отдельные «молекулярные» идеологии «политики идентичности» и «политики действия» [1].

Однако события последних двух десятилетий (и особенно специальная военная операция (СВО)), наглядно продемонстрировали значение и значимость идеологии в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на формирование, функционирование, стабильность или дестабилизацию социальных систем, поскольку, начиная фактически с мюнхенской речи Президента России В. В. Путина, речь шла о нарастании глобального мировоззренческого противостояния между «коллективным Западом» и Россией, как самобытным государством-цивилизаций (а еще шире – между концепциями однополярного и многополярного мироустройства). Тем более, что трактовка феномена идеологии не обязательно должна сводиться к пониманию ее основоположниками марксизма как ложного сознания, утверждаемого экономически и политически господствующим классом с целью узаконить собственное главенствующее положение и укрепить социальное неравенство в обществе [2]. Или как инструмента легитимации существующего экономического и политического порядка, управления общественным сознанием [3].

Идеологию вполне обоснованно можно рассматривать и как средство социальной интеграции на базе ценностных установок, обеспечивающее устойчивое развитие общества и, кроме того, позволяющее испытывающему неуверенность в собственных силах индивиду удовлетворить стремление к упорядоченности и обрести защиту в некотором коллективном единстве [4]. И как способ систематизации получаемых в ходе интеллектуального и культурного становления в процессе социализации разрозненных идей, ценностей, убеждений, выработки теоретически обоснованных принципов общественной жизни [5]. И как мировоззренческий ориентир в борьбе за политическую и экономическую власть, дающего, особенно в условиях нестабильности, столь необходимое ощущение защищенности [6]. И как своего рода карту, благодаря которой мы можем ориентироваться в политической реальности, понимать, где мы находимся в настоящий момент и в каком направлении нам надлежит двигаться [7]. И как нематериальный фундамент, позволяющий согласовывать цели действий с вызвавшими их причинами [8].

Проблема радикализации в современной политике

Отсутствие такой карты политической реальности, основанной на базовых фундаментальных представлениях о том, чем является общество и каким ему надлежит быть, носит далекий от нейтрального характер, о чем наглядно свидетельствует положение дел и проблемы, с которыми столкнулись современные западные общества, поставившие «движения идентичности» и «движения действия» во главу социально-политической жизни. Речь идет о резком увеличении количества радикальных идеологических групп и течений и связанных с ними акций насильственного характера, все более профессиональных, изощренных и жестоких. Мы видим, как отдельные индивиды и целые сообщества, еще вчера провозглашавшие гуманизм, равенство всех и право каждого на сохранении собственной определенной идентичности, защиту достоинства и уважительное отношение к ним отношение, сегодня активно отрицают это право, ожесточенно навязывая другим собственные, чуждые им ценности и «отменяя» целые страны, народы и культуры.

Рост внутреннего варварства и «Закат Европы»?

Причины и глубинные механизмы этого явления, на наш взгляд, пока еще не нашли до конца убедительного отражения в отечественной и зарубежной научной литературе.

В определенной степени заслуживающий внимания подход С.И. Сулимов и Б.В. Васильев, взявших за основу концепции Д. Вико, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера с его знаменитым «Закатом Европы», А. Тойнби и других, рассматривавших историческое развитие через призму взаимодействия цивилизации и варварства, а также введенное в научный оборот Н.В. Мотрошиловой понятие внутреннего варварства.

В соответствии с этим подходом, мы говорим о цивилизации в тех случаях, когда социально-исторические факторы играют доминирующую роль в сравнении природно-биологическими, выражаясь, прежде всего через рационализацию труда, правосознание и стремление к комфорту. Но эти же самые факторы, приобретая со временем гипертрофированное значение, приводят к разложению социума. Рационализация жизни и стремление к комфорту порождают многочисленный слой только потребителей. Гипертрофированное правосознание парализует способность к принятию индивидами самостоятельных решений. И одновременно с упадком в качестве сопутствующего фактора происходит рост внутреннего варварства. То есть к появлению все большего количества индивидов, прекрасно знакомых с правовыми нормами и последними техническими достижениями, но утратившими духовную основу общественного единства.

Как следствие начинается и после цивилизационного надлома приобретает все более необратимый характер социальная дезинтеграция, порождающая радикальный индивидуализм, различного толка деструктивные контркультурные группы и движения, отвергающие традиционные ценности, дискредитирующие общепринятые нормы, разрушающие материальные и дискредитирующие материальные и культурные символы и превращающие общество в поле агрессивного противостояния, смывающего, в конечном итоге духовные, политические и правовые основы самой цивилизации. В качестве современного примера такого внутреннего варварства авторы приводят движение BLM («Black lives matter»).

Но каким бы интересными не были концептуальные положения данного подхода, ответ авторов на факторы и глубинные механизмы возрастающего градуса проявлений агрессии и радикализации движений, которые в ряде зарубежных работ принято относить к молекулярным идеологиям

или «идеологиям действия» представляется не до конца полным и убедительным. Фактически авторы в завуалированной форме в качестве ответа предлагают один из вариантов теории заговора, ситуативного негласного союза между афроамериканскими радикалами и либералами, осознавшими на рубеже 2000-х антиправительственный потенциал расовых реваншистских организаций. Последнее, в рамках сложившегося консенсуса, обеспечивают либералам электорат и устраивают гигантские провокации в адрес их оппонентов. Либералы финансируют реваншистов, попутно создавая им имидж борцов за свободу и новый лучший справедливый мир [9].

Фактор агрессии и его влияние на идеологические конструкции

Со своей стороны, не претендуя на исчерпывающий и бесспорный ответ, в данной статье мы предлагаем рассмотреть в качестве возможной (а также как перспективное направление дальнейших исследований) несколько иную альтернативу. И в качестве таковой мы предлагаем отвлечься от различных конкретных форм проявления девиантного поведения в тех или иных деструктивных и радикальных течениях. Тем более, что, как показывают современные события (как пример – по отторжению всего русского, включая высокую культуру и искусство, и самих русских на Западе), оно свойственно не только маргинальным группировкам, но и вполне уважаемым деятелям науки и искусства, а также еще недавно мирным и преисполненным толерантности и уважения к другим представителям творческой интеллигенции и среднего класса. Иными словами, мы предлагаем сместить фокус внимания на агрессию, как на фактор, не просто значимый, но и оказывающий значительное влияние на поведение индивидов и социальных групп вне зависимости от изначальной степени их внутреннего варварства («варваризация», как показывают история, происходит достаточно быстро и зачастую необратимо во времена любой сколько-нибудь значимой социальной, политической, экономической нестабильности, не обязательно свидетельствующих о «закате дряхлеющих и умирающих» цивилизаций).

Для целей данной работы мы не будем опираться на получившие широкое распространение, но также и подвергшиеся критике со стороны не менее авторитетных исследователей концепции З. Фрейда или К. Лоренца. В конце концов, в нашем случае не столь важно, что лежит в глубинных основаниях этого явления: инстинкт, которому отведена важная роль в Великом Парламенте инстинктов, как полагал выдающийся австрийский ученый, основатель этологии и нобелевский лауреат Лоренц [10]. Или же инстинкту жизни противостоит не менее мощная инстинктивная сила – поиск смерти, как утверждал основатель психоанализа Фрейд [11]. Достаточно того, что всеми психологами признается «неоспоримое существование агрессии как важного аспекта человеческого поведения» [12, с. 148]. И как таковая (в данном случае речь идет о рабочей гипотезе) она является не чем-то привходящим, характерным только для отдельных идеологических групп и ответвлений, а внутренним, изначально и перманентно заложенным в их идеологическую конструкцию. Это позволит при оценке или характеристике той или иной радикальной идеологической доктрины не просто анализировать ее цели, ценности и установки, но и практически прогнозировать когда, при каких условиях проявится агрессивный фактор и в каких действиях идеологически маркированных акторов он найдет свое выражение.

Существует много факторов, порождающих деструктивное поведение, все они находятся в сложной взаимосвязи и разбор каждого из них и всех их в совокупности занял бы куда больше отведенного для одной статьи места. Поэтому мы остановимся только на двух из них, наиболее наглядно, на наш взгляд, проявляющихся в «молекулярных» идеологических течениях, особенно активно заявивших о себе в последние несколько десятилетий в Европе и США.

Прежде всего речь идет о фрустрации, которая тем сильнее, чем ближе казалось достижение желаемой цели и чем сильнее было предвосхищаемое удовлетворение от ее достижения, особенно если внешние факты давали ощущение приближения к ней. В состоянии фрустрации могут одновременно находиться не только отдельный индивид, но и значительные социальные группы. Соответственно, чем более интенсивной окажется фрустрация, чем более она будет усиливаться за счет циркуляции эмоций внутри определенной общности, тем большим будет стимул к деструктивной реакции вовне, особенно если в наличии окажется реальный или назначенный таковым (групповым авторитетом или посредством политических и идеологических манипуляций), но четко определенный фрустратор, действия которого расцениваются как внутренне детерминированные, сознательные и незаслуженные по отношению к группе или индивидам ее составляющим (белый гетерогенный мужчина, производители и потребители нефти, русские, христиане, мусульмане, иммигранты и т.п.).

Не меньшую роль в современных условиях западных сообществ, когда «возделанный сад Бореля» все больше превращается в джунгли, некогда процветающие европейские столицы заполняются инокультурными анклавами, происходит резкое сокращение социальных обязательств и социальных гарантий еще недавно предоставляемых «обществом всеобщего благоденствия», рушатся традиционные социальные связи, культурные, семейные и религиозные основы (список можно продолжать до бесконечности) начинают играть аверсивные стимулы. Фактически речь идет об огромном количестве постоянно усугубляющихся негативных событий, порождающих социальный стресс, социальное беспокойство и социальное напряжение.

В этой ситуации врожденная реакция у людей (к слову, как и у большинства высших животных) на дистресс – бежать или атаковать доступную в данный момент жертву, даже если она не сделала ничего плохого, чтобы спровоцировать нападение. Собственное страдание усиливает желание причинить ущерб. И чем сильнее переживаемое неудовольствие, тем сильнее будет результирующее подстрекательство к агрессии.

В таких условиях индивиды и социальные группы, подвергшиеся аверсивной стимуляции, проявляют тенденцию направлять враждебность на случайные объекты, для обвинения которых в собственных неприятных переживаниях нет никаких оснований, но которых проще и понятнее обвинить в испытываемом дискомфорте (особенно если на них постоянно указывают с высоких трибун и через масс-медиа). В результате – те, кто получил в глазах окружающих негативное значение, могут с большей легкостью выступить в роли объекта аверсивно генерированной агрессии (в том числе и смещенной – феномен «козла отпущения», когда невиновный индивид или целая группа становятся жертвой враждебности, проистекающей из другого источника). За неимением возможности атаковать реальную причину дискомфорта происходит разрядка на ком-то другом, особенно если индивид или группа кажутся безопасными с точки зрения возможных последствий, наделены негативным значением и прочно ассоциируются с неблагоприятным положением дел. Тем более, что социальные общности в период нестабильности склонны развиваться в направлении снижения порога, за которым перестают действовать «сдержки и противовесы» – отменять наказания и вводить поощрение за нарушение норм социального поведения, когда речь идет о «чужих». А при условии предварительного расчеловечивания жертвы, делая такое отношение к отдельным «избранным» социальным группам не только социально приемлемым и одобряемым, но и ожидаемым и даже предпочтительным.

Еще одна опасность заключается в том, что враждебные установки приводят к нежеланию иметь что-то общее с тем, кто назначен виновным и невозможности получения смягчающей или благоприятной информации о нем, что не просто придает враждебным установкам дополнительную устойчивость, но и может усиливать и заострять отрицательное мнение с течением времени, сохраняя и усиливая негативное отношение.

Заключение

Несмотря на значительную консолидацию российского общества после начала СВО на основе патриотизма и единства культурных и исторических ценностей, утверждать, что опасность появления и проявления деструктивных и радикальных идеологий, особенно в молодежной среде, полностью устранена было неправильно, о чем, в том числе, свидетельствует и значительное количество публикаций в научных изданиях [13 - 19] и др.

Согласно 13 статье Конституции Российской Федерации, никакая идеология не может устанавливаться в нашей стране в качестве государственной или обязательной. Но значит ли это отказ от любой идеологии вообще (в конце концов, отсутствие идеологии – это тоже своего рода идеологический подход)? На наш взгляд, нет. Тем более, что это и невозможно. Как справедливо отмечает Б. Гудвин, мы усваиваем идеи и ценности иногда даже не осознавая, что они – часть определенной и сформулированной доктрины. И даже если мы не относим себя к приверженцам какой-то одной идеологии, наши убеждения так или иначе идеологически обусловлены [20]. Однако в условиях переживаемой сегодня крайней степени волатильности и флуктуации не только отдельных идеологических конструктов, но и всей системы мирового устройства, необходимо самое пристальное внимание обратить не только на базовые ценности, определяющие российское государство-цивилизацию и скрепляющий их культурный код, но и на такой сугубо инструментальный аспект, как идеология. Или, опираясь на определение Мартина Селиджера, на выработку системы базирующихся на фундаментальных базовых ценностях идей, при помощи которых могут быть установлены, объяснены и обоснованы долгосрочные политические цели и средства их достижения как на внутреннем, так и на внешнем треке [21]. Идеологии, направленной не на нанесение противнику прямого или косвенного

ущерба, а на достижение позитивной цели более совершенного мироустройства и социальных отношений.

Именно такие принципы четко сформулировал В.В. Путин в своем выступлении на заседании дискуссионного клуба Валдай¹:

- открытость к взаимодействию, устранение искусственных барьеров;
- единство в многообразии, не допускающее признание модели одной страны или одной незначительной части человечества за универсальный принцип и неоспоримую истину;
- максимальная представительность всех заинтересованных групп и сторон;
- безопасность для всех без исключения, невозможность построения безопасности для одних за счет других;
- дух уважения и учета интересов;
- справедливость для всех;
- суверенное равенство.

И роль России в выработке такой идеологии – гарантия сохранения многообразия, сложности и успешного развития не только нашей страны, но и всего мирового сообщества.

Список источников

1. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009. – 312 с.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология. Москва: Политиздат, 1988. – 574 с.
3. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 159–175.
4. Парето, В. Компендиум по общей социологии. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
5. Манхейм, К. Избранное. Диагноз нашего времени. Москва: Юрист, 1994. – 700 с.
6. Geertz, C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. – 479 p.
7. Scarbrough, E. Political Ideology and Voting. An Exploratory Study. Oxford: Clarendon Press, 1984. – 257 p.
8. Cohen, A. The Symbolic Construction of Community. London: Routledge. 1985. – 128 p.
9. Сулимов, С.И., Васильев, Б.В. Внутреннее варварство, как социально-философская проблема современности. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2024; 40 (1): 121 – 131
10. Лоренц, К. Так называемое «зло» // Лоренц, К., Берковиц, Л. Почему мы убиваем? Злость, ненависть, агрессия и так называемое «зло». М.: Алгоритм, 2022. – 576 с.
11. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд, З. «Я» и «Оно». Труды разных лет в 2-х кн., кн. 1. Тбилиси: «Мерани», 1991. – 397 с.
12. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
13. Маздогова, З.З., Марьина, Н.Н. Современные технологии распространения радикальных деструктивных настроений среди молодежи // *Международный научный вестник*. 2024. № 8. С. 51–53.
14. Мешев, И.Х. Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения и пути противодействия // *Международный научный вестник*. 2024. № 9. С. 15–19.
15. Кабанов Р.М. Понятие и специфика экстремизма в современной России // *Государственная служба и кадры*. 2024. № 3. С. 28–31.
16. Прама Р.В. Факторы проявления и меры упреждения экстремизма среди российской молодежи // *Власть*. 2024. № 1. С. 35–41.
17. Самойлов С.Ф. Характерные черты и основные виды экстремистской деятельности // *Общество и право*. 2024. № 1 (87). С. 71–74.
18. Чимаров С.Ю., Алексеев А.А. Онлайн-радикализация как социальное явление чрезвычайной ситуации криминального характера и некоторые пути борьбы с экстремизмом // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024. № 4. С. 78–82.
19. Шебанец Е.Ю., Паатова М.Э., Демкина Е.В. Теоретический анализ современной экстремистской преступности в подростково-молодежной среде // *Вестник АГУ, серия «Педагогика и психология»*. 2024. № 1(333). С. 27–34.
20. Goodwin, B. Using Political Ideas. Chichester; New York: Wiley, 1997. – 407 p.
21. Seliger Martin. Ideology and Politics. London: Routledge, 2019. – 354 p.

¹ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521>.

References

1. Schwartzmantel D. *Ideology and politics*. Kharkiv: Publishing house of the Humanitarian Center; 2009. 312 p. (In Russ.).
2. Marx K., Engels F. *German ideology*. Moscow: Politizdat; 1988. 574 p. (In Russ.).
3. Althusser L. Ideology and ideological apparatuses of the state (notes for research). *Inviolable reserve*. 2011;3(77):159–175. (In Russ.).
4. Pareto V. *Compendium on General Sociology*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2008. 511 p. (In Russ.).
5. Manheim K. *Favorites. The diagnosis of our time*. Moscow: Yurist; 1994. 700 p. (In Russ.).
6. Geertz C. *The Interpretation of Cultures. Selected Essays*. New York: Basic Books; 1973. 479 p.
7. Scarbrough E. *Political Ideology and Voting. An Exploratory Study*. Oxford: Clarendon Press; 1984. 257 p.
8. Cohen A. *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge; 1985. 128 p.
9. Sulimov S.I., Vasiliev B.V. Internal barbarism as a socio-philosophical problem of modernity. *Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology*. 2024;40(1):121–131. (In Russ.).
10. Lorenz K. The so-called "evil". In: Lorenz, K., Berkowitz, L. *Why do we kill? Anger, hatred, aggression and the so-called "evil"*. Moscow: Algorithm; 2022. 576 p. (In Russ.).
11. Freud Z. Beyond the pleasure principle. In: Freud Z. *"I" and "It". Works of different years in 2 books, book 1*. Tbilisi: "Merani"; 1991. 397 p. (In Russ.).
12. Berkowitz L. *Aggression: causes, consequences and control*. St. Petersburg: Prime-Euroznak; 2001. 512 p. (In Russ.).
13. Mazdogova Z.Z., Maryina N.N. Modern technologies of spreading radical destructive moods among young people. *International Scientific Bulletin*. 2024;(8):51–53. (In Russ.).
14. Meshev I.H. Extremism in the youth environment: causes and ways of countering. In: *International Scientific Bulletin*. 2024;(9):15–19. (In Russ.).
15. Kabanov R. M. The concept and specificity of extremism in modern Russia. *Public service and personnel*. 2024;(3):28–31. (In Russ.).
16. Prama R.V. Factors of manifestation and measures of prevention of extremism among Russian youth. *Vlast'*. 2024;(1):35–41. (In Russ.).
17. Samoilov S.F. Characteristic features and main types of extremist activity. *Society and law*. 2024;1(87):71–74. (In Russ.).
18. Chimarov S.Yu., Alekseev A.A. Online radicalization as a social phenomenon of a criminal emergency and some ways to combat extremism. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2024;(4):78–82. (In Russ.).
19. Shebanets E.Yu., Paatova M.E., Demkina E.V. Theoretical analysis of modern extremist crime in the adolescent and youth environment. *Bulletin of the Adyge State University, series "Pedagogy and Psychology"*. 2024;1(333):27–34. (In Russ.).
20. Goodwin B. *Using Political Ideas*. Chichester; New York: Wiley; 1997. 407 p. (In Russ.).
21. Seliger Martin. *Ideology and Politics*. London: Routledge; 2019. 354 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. О. Антименко – преподаватель кафедры философии и методология науки факультета политологии ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. O. Antimenko – Lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Political Science, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 16.11.2024.

The article was submitted 13.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 16.11.2024.

Формирование партнерской модели гражданского общества современной России через призму конституционной нормы о необходимости государственной поддержки институтов гражданского общества

Дмитрий Александрович Леньков

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, lenkov_dmitrii@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления государственной поддержки институтов гражданского общества в ходе взаимодействия государства и институтов гражданского общества современной России и формирования Р-модели гражданского общества, учитывающей российскую культурно-цивилизационную специфику и позволяющую при формировании гражданского общества учитывать культурно-цивилизационные, религиозные, ценностно-мотивационные параметры коммуникации общества и власти. Состояние современного российского государства и общества требует удовлетворения запроса граждан Российской Федерации на обеспечение социально-культурной стабильности и национальной безопасности, этнонационального и конфессионального согласия народов России на основе использования потенциала их традиционной культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей.

Президент Российской Федерации в майском Указе 2024 г. определил национальные цели развития страны, оптимальный и стратегически выверенный путь самостоятельного, суверенного культурно-ценностного развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Отсюда вытекает необходимость формирования современной модели развития государства, гражданского общества, бизнес-сообщества и регионов на основе развития партнерских отношений не только по экономической стратегии, но и по реализации государственной культурно-ценностной политики, политики формирования культуры и мировоззрения россиян на основе сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в целях упрочения основ политического и культурно-нравственного единства российского народа, формирования идейно-политического и мировоззренческого ядра граждан России, россиян всех национальностей, российской гражданской нации, культуры, духовных ориентиров русской, российской цивилизации, которые веками обеспечивали собирание и гармоничное развитие российских народов и граждан страны. С учетом этого многократно возрастает значение эффективного партнерского взаимодействия государства и институтов гражданского общества через призму конституционных положений, определяющих, что Правительство Российской Федерации осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики.

Статья посвящена основным векторам реализации указанных мер, путям повышения эффективности взаимодействия всех акторов общественно-политической жизни, а также поиску оптимальных решений стоящих перед российским обществом задач в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: государство-цивилизация, гражданское общество, политические инновации, некоммерческие организации как структура гражданского общества, ментальная безопасность, патриотизм, гражданское служение

Для цитирования: Леньков Д. А. Формирование партнерской модели гражданского общества современной России через призму конституционной нормы о необходимости государственной поддержки институтов гражданского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 183–192. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-183-192>. EDN GUCYTK

Formation of a partnership model of civil society in modern Russia through the prism of the constitutional norm on the need for state support for civil society institutions

Dmitry A. Len'kov

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lenkov_dmitrii@mail.ru

Abstract. The article examines the main areas of state support for civil society institutions in the course of interaction between the state and civil society institutions in modern Russia and the formation of the R-model of civil society, taking into account the Russian cultural and civilizational specifics and allowing for the formation of civil society to take into account the cultural, civilizational, religious, value-motivational parameters of communication between society and government. The state of the modern Russian state and society requires satisfying the request of citizens of the Russian Federation to ensure socio-cultural stability and national security, ethno-national and confessional harmony of the peoples of Russia based on the use of the potential of their traditional culture and traditional spiritual and moral values. The President of the Russian Federation in the May 2024 Decree defined the national development goals of the country, the optimal and strategically verified path of independent, sovereign cultural and value development of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036. Hence the need to form a modern model of development of the state, civil society, business community and regions based on the development of partnership relations not only in economic strategy, but also in the implementation of the state cultural and value policy, the policy of forming the culture and worldview of Russians based on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, in order to strengthen the foundations of the political and cultural-moral unity of the Russian people, the formation of the ideological, political and ideological core of citizens of Russia, Russians of all nationalities, the Russian civil nation, culture, spiritual guidelines of the Russian, Russian civilization, which for centuries ensured the gathering and harmonious development of Russian peoples and citizens of the country. Taking this into account, the importance of effective partnership interaction between the state and civil society institutions through the prism of constitutional provisions is increasing many times over, determining that the Government of the Russian Federation implements measures to support civil society institutions, including non-profit organizations, ensures their participation in the development and implementation of state policy. The article is devoted to the main vectors of implementation of the specified measures, ways to increase the efficiency of interaction of all actors of socio-political life, as well as the search for optimal solutions to the problems facing Russian society in the context of modern challenges.

Keywords: state-civilization, civil society, political innovations, non-profit organizations as a structure of civil society, mental security, patriotism, civil service

For citation: Len'kov D. A. Formation of a partnership model of civil society in modern Russia through the prism of the constitutional norm on the need for state support for civil society institutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):183–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-183-192>. EDN GUCYTK

Введение

Актуальность обсуждаемой тематики обусловлена как экономическими, так и цивилизационными вызовами. Сегодня наш мир подошел к границе определенного «водораздела». И для лучшего понимания происходящего необходимо вспомнить, что сегодня проблема инновационного развития отдельных стран и человечества в целом стоит достаточно остро. На сегодняшний день решение вопроса инновационного развития государства и общества является обязательным условием сохранения всесторонней национальной независимости, обеспечения инновационного развития государства и общества и цифровизации всех сфер жизни. Без этого обеспечить необходимый уровень конкурентоспособности и сохранение лидерских позиций в основных сферах жизнедеятельности практически не возможно. Сегодня необходимо переосмысление параметров качества жизни, понимание сути происходящих инновационных процессов, обеспечения всесторонних политических

инноваций в целях ускоренного, опережающего развития политического управления с использованием передовых технологий и подходов к решению управленческих задач.

Президент Российской Федерации в майском Указе 2024 года определил национальные цели развития страны, оптимальный и стратегически выверенный путь самостоятельного, суверенного культурно-ценностного развития Российской Федерации, по удовлетворению запроса граждан на обеспечение социально-культурной стабильности и национальной безопасности, этнонационального и конфессионального согласия народов России на основе использования потенциала их традиционной культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей. Всё это невозможно реализовать без тесного и эффективного взаимодействия трёх основных участников, а именно государства, представителей элиты и гражданского общества. Именно на этом этапе в современных условиях многократно возрастает роль некоммерческих организаций, лидеров общественного мнения. Современные реалии позволяют сделать однозначный вывод о необходимости учета современной отечественной специфики государственного устройства, существующих культурно-исторических традиций и формирования особой отечественной модели гражданского общества, учитывающей всю специфику существующих взаимосвязей и условий, партнерского взаимодействия институтов гражданского общества и органов власти всех уровней.

Предпосылки формирования современной российской модели гражданского общества

Ряд ученых выделяет в развитии концепта «гражданское общество» классическую и современную фазы [1, с. 76–80]. Классические модели гражданского общества, как показал опыт их внедрения в России, не вполне соответствуют российской культурно-цивилизационной специфике. Так, по мнению М.М. Мчедловой и Букина О.А., «...Цивилизационные параметры исследования России позволяют охватить широкое полотно фактов и объяснительных схем, способных предложить многосторонний учет всех факторов специфики российского пути развития» [2]. Формируемая модель должна учитывать духовно-нравственные, культурные, религиозные традиции и обеспечивать эффективное взаимодействие всех её участников. В качестве отображения гражданского общества в отечественных условиях может выступать последовательность «от гражданской инициативы к инициативе политической. От политической инициативы к построению демократического общества».

В современной отечественной науке большое внимание уделяется вопросам формирования партнерства гражданского общества и государства. На наш взгляд не вызывает сомнений тот факт, что в целом это совместные действия и усилия по достижению общей конституционной цели, и признании человека, его прав и свобод, высшей ценностью. В признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина состоит обязанность государства.

Вопросы взаимодействия институтов гражданского общества и органов власти рассматриваются отечественными и зарубежными учеными с различных точек зрения. Спектр вопросов достаточно широкий. Вопросы социального партнерства и форм его реализации рассмотрены в работах В.И. Башмакова, Ф.П. Витко, А.М. Куренного, И.И. Бородина, К.Г. Кязимова и ряда других ученых. Так, В.И. Башмаков считает, что «Целью социального партнерства является регулирование на основе договоренностей между социальными партнерами в рамках существующего законодательства важнейших вопросов социальной политики...» [3]. Вопросы реализации общественных инициатив рассматривали А.В. Безруков, А.В. Савоськин. Роль общественных советов в работе органов власти анализировал Е.Г. Дьяков. С.В. Патрушев в статье «Гражданская активность и институциональные проблемы политического порядка в России» оценивает роль гражданского общества в политике с точки зрения нормативно-правового оформления [4].

Рассмотрению проблематики межсекторного взаимодействия посвятили свои работы такие авторы, как Л.И. Никовская и В.Н. Якимец. «Гражданская и деловая инициатива на местном уровне демонстрируют готовность к ответственному участию в процессах управления муниципальной публичной политикой, формирования местной повестки дня, артикуляции интересов своих целевых групп» [5]. Также рассматриваются вопросы участия гражданского общества в решении вопросов формирования системы всестороннего общественного контроля, участия в формировании новых национальных элит, развития гражданского активизма и политической культуры, а также ряд других вопросов. Так, по мнению А.П. Кочеткова «Важной формой взаимодействия государства и гражданского общества является гражданский (или общественный) контроль» [6].

Роль государства в реализации всесторонних мер поддержки институтов гражданского общества

В условиях современных вызовов, с учетом важности и актуальности вопросов, решаемых с участием гражданского общества, государство заинтересовано во всестороннем развитии его институтов. Исходя из объективных реалий объединения значительных экономических, административных и финансовых ресурсов у органов власти всех уровней, неизбежно встает вопрос о необходимости участия государства в реализации всесторонних мер поддержки институтов гражданского общества. Это нашло отражение в Конституции Российской Федерации. В соответствии со статьей 114 «Правительство Российской Федерации ... осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики ... осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности»¹.

В нашей стране ведется системная работа по оказанию всесторонней поддержки НКО и волонтерским организациям, в том числе в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ. На всех уровнях власти планируются и проводятся комплексные мероприятия, направленные на расширение участия негосударственного сектора во всех сферах социально-экономической и политической жизни страны. На рис. 1 представлены меры экономической поддержки некоммерческих организаций, в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях».

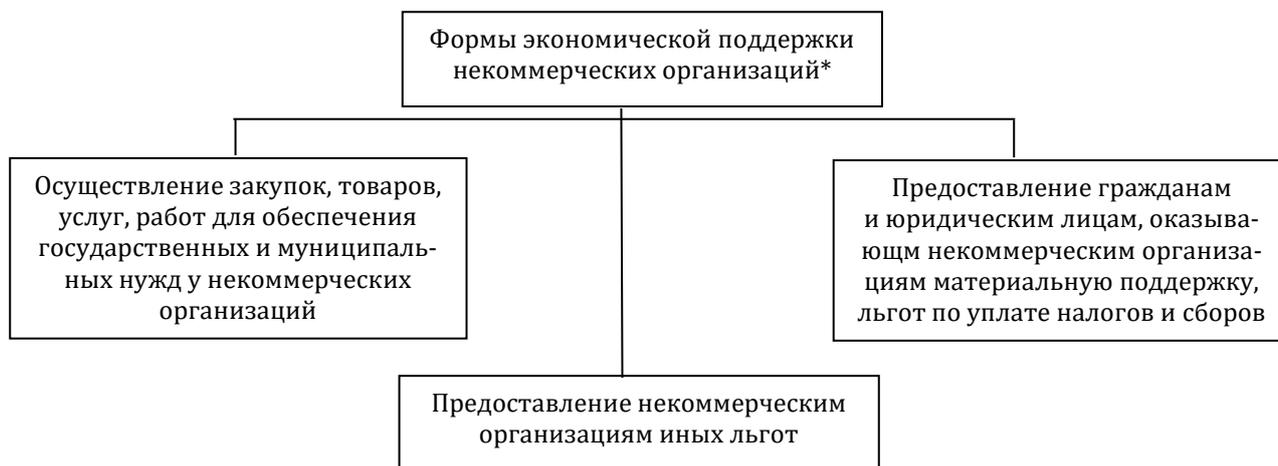

Рис. 1. Меры экономической поддержки некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления

* в соответствии с Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»

Fig. 1. Measures of economic support for non-profit organizations by public authorities and local governments

Формы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО) в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» представлены на рис. 2. Именно эти структуры и их участники могут рассматриваться опорной базой обновленного российского гражданского общества [7].

Безусловно, основной и наиболее эффективной формой поддержки является финансовая и экономическая поддержка организаций, поскольку формирование жизнеспособной финансово-экономической модели функционирования некоммерческих организаций является неотъемлемым условием их эффективной деятельности по реализации уставных целей.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993; Консультант Плюс. - 01.11.2024.

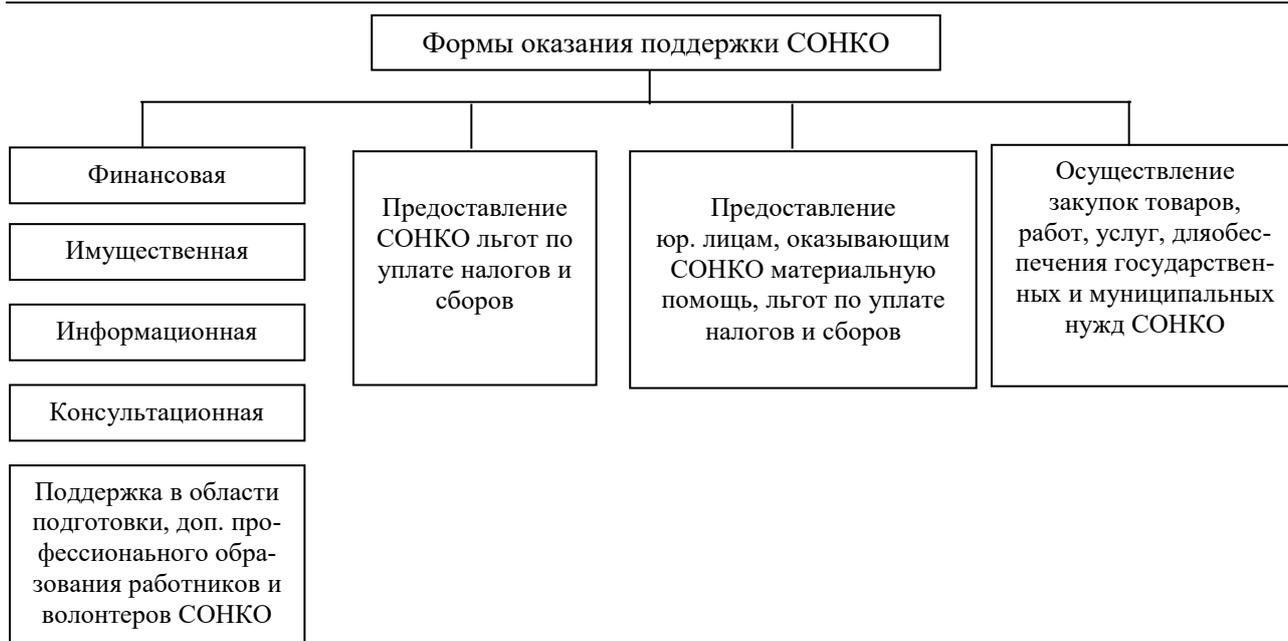

Рис. 2. Поддержка СОНКО органами государственной власти и органами местного самоуправления
 Fig. 2. Support of socially oriented non-profit organizations by public authorities and local governments

В стране проводится всесторонняя работа по формированию необходимой нормативной базы и создания благоприятных экономических условий для развития институтов гражданского общества и обеспечения конструктивного взаимодействия власти и общества. На рис. 3 представлены формы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях».

Можно выделить два основных направления финансовой поддержки. Это различные грантовые конкурсы и оказание социальных общественно-полезных услуг населению за счет бюджетных средств.

В рамках первого направления оказывается поддержка НКО, реализующим социально значимые проекты, направленные на решение наиболее острых социальных проблемных вопросов. Важно подчеркнуть, что представители СО НКО и общественные активисты глубоко «погружены» в суть проблемных вопросов и зачастую находят нетривиальные, наиболее эффективные и менее затратные пути решения проблем. Также реализуются мероприятия по повышению профессионального уровня сотрудников СО НКО и волонтеров. Этой цели служат федеральные и региональные ресурсные центры поддержки СО НКО, реализующие различные учебные и методические программы и оказывающие некоммерческим организациям реальную помощь в подготовке к различным конкурсам, формировании конкурсной документации, сопровождении реализации проекта и сдачи отчетности.

В рамках второго направления негосударственные организации всё активнее участвуют в выполнении социальных функций государства и привлекаются к оказанию общественно-полезных и социальных услуг населению за счет бюджетных средств.

За последние годы в стране сложилась достаточно обширная практика проведения конкурсов на оказание финансовой поддержки негосударственным организациям. Классификация может быть различной. Например, конкурсы могут быть организованы государственными и муниципальными органами, коммерческими организациями и некоммерческими структурами. Уровень реализации также может быть различным. Проекты могут получить поддержку в рамках федеральных, региональных и муниципальных конкурсов. Конкурсы проводятся по сферам профессиональной деятельности, исходя из возрастных категорий, решения различных социально-экономических задач. Примером узкопрофессионального конкурса могут служить конкурсы, проводимые Фондом культурных инициатив. В большинстве случаев конкурсы на предоставление грантов охватывают гораздо более широкий круг вопросов. И здесь важно отметить роль негосударственных организаций в развитии всех сфер жизни нашего общества, реализации проектов, направленных на повышения качества жизни граждан. И социально ориентированные некоммерческие организации являются одним из основных участников данной работы.

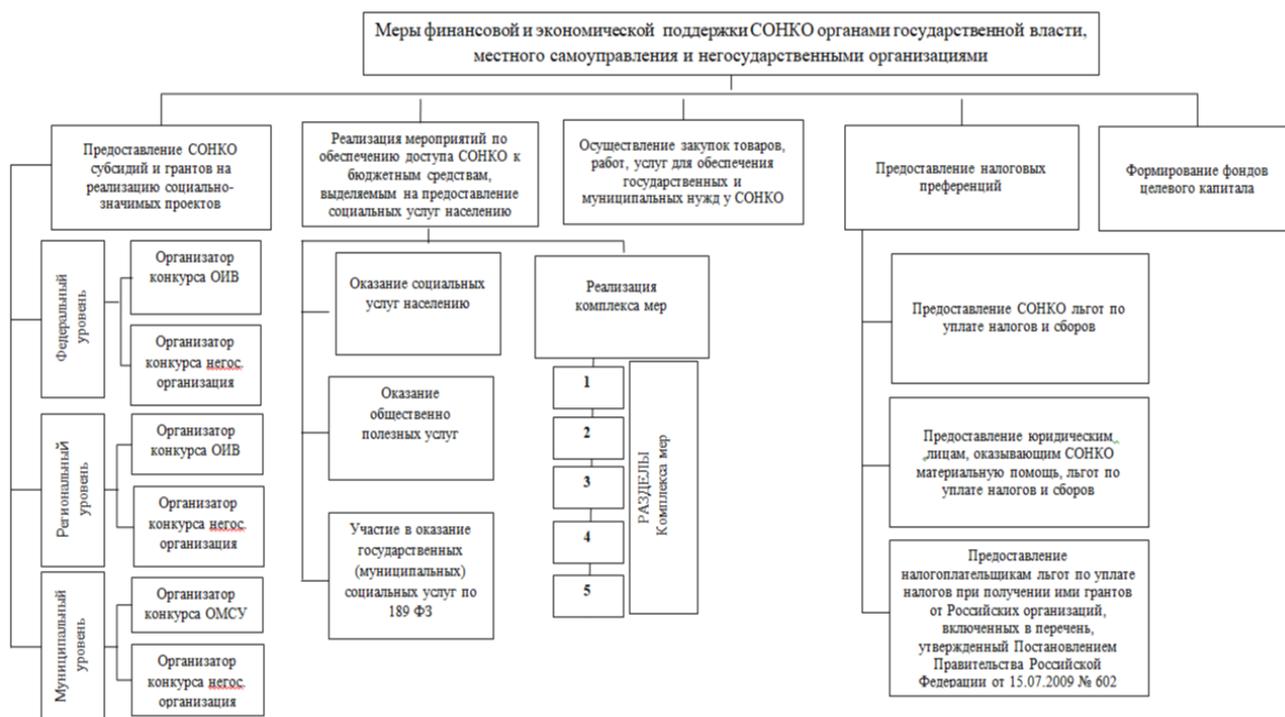

Рис. 3. Меры финансовой и экономической поддержки SONKO органами государственной власти, местного самоуправления и негосударственными организациями

Fig. 3. Measures of financial and economic support for socially oriented non-profit organizations by state authorities, local governments and non-governmental organizations

Условные обозначения:

SONKO – социально-ориентированные некоммерческие организации, ФПГ – Фонд президентских грантов, ОМСУ – органы местного самоуправления, Комплекс мер – Комплекс мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2021–2024 годы, 189-ФЗ – Федеральный закон «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) социальных услуг в социальной сфере» от 13.07.2020 г. № 189-ФЗ, 1 – Совершенствование нормативного правового регулирования и правоприменительной практики в целях обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению социальных услуг за счет бюджетных средств, 2 – Разработка мер по развитию инфраструктуры поддержки негосударственных организаций к предоставлению социальных услуг за счет бюджетных средств, 3 – Отраслевые меры, 4 – Расширение возможностей предоставления негосударственными организациями услуг в социальной сфере, в том числе анализ барьеров в части доступа негосударственных организаций к предоставлению комплексных услуг, методологическое сопровождение реализации Федерального закона от 13 июля 2020 г. ФЗ-189, анализ практики включения SONKO в реестр некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг и разработка информационных материалов, 5 – Координация деятельности органов власти по обеспечению доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере.

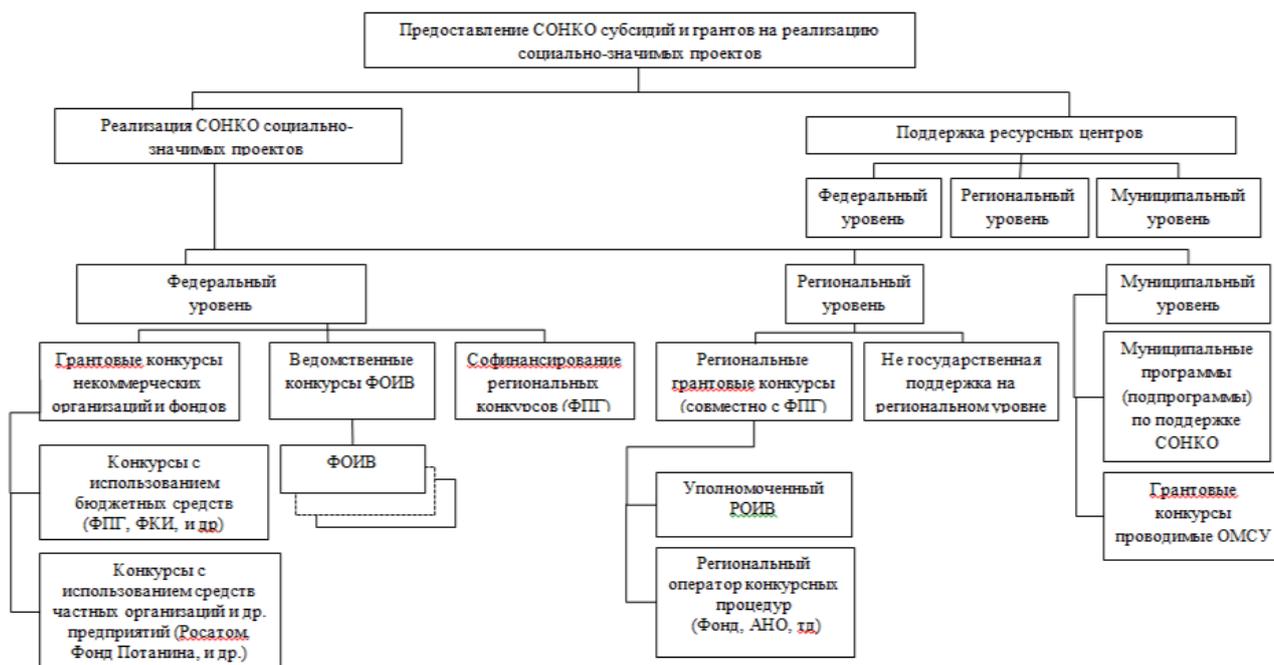

Рис. 4. Предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям (СОНКО) субсидий и грантов на реализацию социально-значимых проектов

- ФПГ – Фонд президентских грантов
- ФКИ – Фонд культурных инициатив
- ФОИВ – Федеральный орган исполнительной власти
- ОМСУ – Орган местного самоуправления

Fig. 4. Provision of subsidies and grants to socially oriented non-profit organizations for the implementation of socially significant projects

Говоря о конкурсах федерального уровня необходимо отметить, что знаковым для некоммерческого сектора стало решение Президента Российской Федерации Путина о создании в 2017 г. Фонда Президентских грантов. «Фонд на конкурсной основе выделяет гранты Президента Российской Федерации на реализацию социально значимых проектов некоммерческих неправительственных организаций»¹. Фонд выстроил хорошую, добротную систему учебно-методической подготовки, а также внедряет систему оценки социальных эффектов реализованных проектов.

Если коротко останавливаться на других федеральных конкурсах государственных органов и корпораций, коммерческих организаций и общественных структур, можно отметить конкурсы, проводимые Федеральным агентством по делам молодёжи, ведомственные конкурсы федеральных министерств и ведомств, с которыми можно ознакомиться на портале предоставления мер финансовой государственной поддержки, Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, а также ряд других конкурсов.

Большую работу по проведению грантовых конкурсов и поддержке СОНКО проводят частные фонды и крупные предприятия. К таким конкурсам можно отнести конкурсы Благотворительного фонда Владимира Потанина, Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт», Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, Благотворительного фонда «Абсолют-Помощь», Благотворительного фонда «Свет», конкурс среди некоммерческих организаций по разработке и реализации социально значимых проектов, проводимый Госкорпорацией «Росатом» по инициативе Общественного совета Госкорпорации «Росатом» и другие мероприятия.

Рассматривая региональные конкурсы необходимо отметить, что на формирование порядка их организации и проведения большое влияние оказывает предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в целях софинансирования расходов на оказание на конкурсной основе поддержки некоммерческим неправительственным организациям

¹ <https://президентскиегранты.рф/public/home/about>

в субъектах Российской Федерации. При этом Фонд президентских грантов предъявляет дополнительные условия к региональным конкурсам, обеспечивающие «открытость» и «прозрачность» конкурсных процедур. Во многих субъекта Российской Федерации были зарегистрированы некоммерческие организации, которые взяли на себя функции единого регионального оператора и ресурсного центра. По такому пути пошли в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Республике Башкортостан, других регионах. Некоторые регионы, в том числе Республика Коми (Министерство экономического развития и промышленности Республики Коми), реализуют грантовые конкурсы на площадке уполномоченных органов исполнительной власти. При этом, конкурсы реализуются в соответствии с требованиями Постановления Правительства Российской Федерации от 25.10.2023 № 1782¹.

Говоря о расширении доступа некоммерческих организаций к бюджетным средствам, выделяемым на оказание социальных услуг, необходимо отметить, что признавая значимость некоммерческих организаций как субъектов развития социальной сферы, государство поставило вопрос открытия рынка социальных услуг для некоммерческих организаций в качестве одного из приоритетов своей политики.

В 2015 г. в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Для НКО, которые зарекомендовали себя как безупречные партнеры государства, будет установлен правовой статус «некоммерческая организация – исполнитель общественно-полезных услуг, предоставлен ряд льгот и преференций. И наконец, считаю правильным поэтапно направлять некоммерческим организациям до 10 процентов средств региональных и муниципальных социальных программ, чтобы НКО могли участвовать в оказании социальных услуг, которые финансируются за счёт бюджетов»².

В 2016 и 2020 годах были разработаны Комплексы мер по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных НКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 287-ФЗ внесены изменения в федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг»³.

Реализуется федеральный закон от 13 июля 2020 года № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере»⁴.

Другим важным направлением поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и формирование финансово-экономических моделей их деятельности является обеспечение их участия в системе закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Часть 1 статьи 30 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ устанавливает льготы в том числе для СОНКО⁵.

Важно отметить, что нарушители данного требования привлекаются к административной ответственности в соответствии со статьей 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁶. При этом, принципиальным условием реализации таких мер поддержки остается гарантированное предоставление товаров и услуг соответствующего качества,

Кроме предоставления некоммерческим организациям различных гарантированных возможностей оказания социальных услуг за счет бюджетных средств, а также определенных преференций при проведении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, государством предусмотрены и налоговые преференции значительной части некоммерческих организаций.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.11.2023, «Собрание законодательства РФ», 13.11.2023, N 46, ст. 8245. Консультант Плюс. - 01.11.2024.

² «Российская газета», № 275, 04.12.2015, Консультант Плюс. - 01.11.2024.

³ «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, N 27 (Часть I), ст. 4220, Консультант Плюс. - 01.11.2024.

⁴ «Собрание законодательства РФ», 20.07.2020, N 29, ст. 4499. Консультант Плюс. - 01.11.2024.

⁵ «Собрание законодательства РФ», 08.04.2013, N 14, ст. 1652, Консультант Плюс. - 01.11.2024.

⁶ «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1. Консультант Плюс. - 01.11.2024.

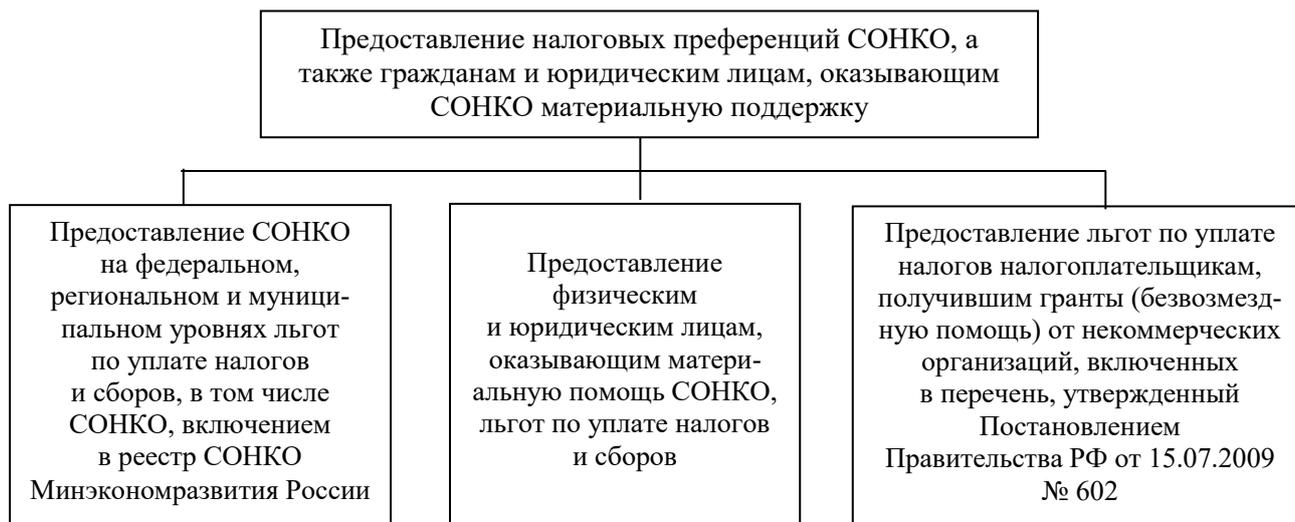

Рис. 5. Предоставление налоговых преференций СОНКО, а также гражданам и юридическим лицам, оказывающим СОНКО материальную поддержку

Fig. 5. Granting tax preferences to socially oriented non-profit organizations, as well as to citizens and legal entities providing material support to socially oriented non-profit organizations

Заключение

Подводя краткие итоги, необходимо отметить, что в условиях современных вызовов грамотно организованное взаимодействие институтов гражданского общества и органов власти всех уровней позволит наиболее оптимально выстроить работу по выполнению майского Указа Президента РФ. Формами участия институтов гражданского общества в решении поставленных задач могут стать:

- участие в реализации социально-политических мероприятий, являясь при этом одной из основных коммуникационных и экспертных площадок для органов власти всех уровней и бизнеса, реализующих мероприятия в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества, формирование эффективных механизмов «обратной связи»;
- обеспечение общественного контроля деятельности органов власти и различных внутривнутриполитических процессов, а также сопровождение реализуемых проектов;
- участие в формировании перспективных социально-значимых проектов и их инициации;
- реализация разносторонней научной и учебной деятельности, включающей в себя проведение научных, социологических исследований и работ, а также организации и проведении долгосрочных исследований по изучению влияния повышения духовно-нравственного и культурного уровня общества и граждан на качество жизни;
- конгрессно – форумная деятельность, реализации проектов общественной дипломатии и мероприятий по международному сотрудничеству;
- военно-патриотическая работа, содействие реализации проектов, направленных на военно-патриотическое воспитание, организация тесного взаимодействия при проведении мероприятий с участниками и ветеранами СВО;
- всестороннее социальное партнерство.

Обязательным условием эффективной совместной работы в указанных направлениях является гарантированно высокий уровень компетенций и квалификаций руководителей и сотрудников негосударственных организаций, высокий профессионализм представителей институтов гражданского общества, их обеспеченность различными ресурсами, информационное и методическое обеспечение.

На достижение этих целей и направлена деятельность органов власти по выполнению конституционной нормы по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, и обеспечению их участия в выработке и проведении государственной политики.

Список источников

1. Хархордин О. В. Основные понятия российской политики. М.: Изд-во НЛО, 2011. 328 с.
2. Мchedlova M. M., Bukin O. A. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>.
3. Башмаков В. И. Социальное партнерство в России: пути становления // Уровень жизни населения регионов России. 2013, октябрь. Т. 1. № 10. С. 60–70.
4. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.
5. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20. № 1. С. 4–22. <https://www.isras.ru/publ.html?id=13127&type=publ>.
6. Кочетков А. П. Гражданский контроль – важная форма взаимодействия государства и гражданского общества в России // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 107–123.
7. Лен'ков Д. А. Концепт гражданского общества и опыт его адаптации к российским условиям: традиции и инновации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 2. С. 183–188. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-183-188>.

References

1. Kharkhordin O. V. *Basic concepts of Russian politics*. Moscow: UFO Publishing House; 2011. 328 p. (In Russ.).
2. Mchedlova M. M., Bukin O. A. Russian civilization: a civilizational approach in political theory. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2023;25(2):445–454. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>.
3. Bashmakov V. I. Social partnership in Russia: ways of formation. *The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2013, October;1(10):60–70. (In Russ.).
4. Patrushev S. V. Civic engagement: an institutional approach. Prospects of research. *Polis. Political research*. 2009;(6);24–32. (In Russ.).
5. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. Municipal public policy in the context of local government reform. *Political expertise: POLITEX*. 2024;20(1):4–22. <https://www.isras.ru/publ.html?id=13127&type=publ>.
6. Kochetkov A. P. Civil control is an important form of interaction between the state and civil society in Russia. *Political Science*. 2017. Special issue. Pp. 107–123. (In Russ.).
7. Len'kov D. A. Civil society concept and experience of its adaptation to Russian conditions: traditions and innovations. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(2):183–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-183-188>.

Информация об авторе

Д. А. Лен'ков – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. A. Len'kov – Senior Lecturer at the Department of Civil and Business Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 26.11.2024.

The article was submitted 18.10.2024; approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 26.11.2024.

Политический кризис 1993 года в России: итоги и уроки для современной политики

Иван Михайлович Поняев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
iponyaev@yandex.ru

Аннотация. Статья направлена на исследование политического кризиса 1993 г. в России, который стал ключевым моментом в формировании современной политической системы. Автором раскрываются основные предпосылки, объект и предмет конфликта. Рассматриваются причины возникновения и последствия этого кризиса, включая противостояние между исполнительной и законодательной властями, трудности в экономике и социальная напряженность в стране. Автор подчеркивает важность изучения кризиса как показателя, предопределившего дальнейшее усиление государственности. Обсуждается значение политического противостояния 1993 г. для будущего развития страны. Исследование включает анализ конституционных основ, правовой культуры общества и роли правящих элит в политических изменениях. Статья также проводит параллели между событиями 1993 г. и современными политическими и экономическими вызовами в России.

В результате исследования автор приходит к выводу, что события 1993 г. оказали огромное значение на дальнейшее развитие страны. Статья представляет собой важный вклад в изучение новейшей истории России и может быть полезной для исследователей, политологов и всех, кто интересуется политическими процессами в стране.

Результатом проведенного исследования стало уточнение теории кризисов в политике на примере событий 1993 г. Целью работы является рассмотрение причин и последствий политического кризиса в России 1993 г. Чтобы достигнуть данную цель, необходимо решить следующие задачи: 1) провести анализ экономических предпосылок; 2) дать характеристику хронологии развития политического кризиса 1993 г.; 3) выявить причину кризисов в политике; 4) определить какие были предпосылки кризиса в политике 1993 году.

Ключевые слова: политический кризис, 1993 год, Россия, конституционный процесс, исполнительная власть, законодательная власть, экономические проблемы, социальные противоречия, правовая система, политическая элита, реформы

Для цитирования: Поняев И. М. Политический кризис 1993 года в России: итоги и уроки для современной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 193–198. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-193-198>. EDN GZBTIX

The 1993 political crisis in Russia: outcomes and lessons for contemporary politics

Ivan M. Ponyaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
iponyaev@yandex.ru

Abstract. The article is aimed at the study of the political crisis of 1993 in Russia, which became a key moment in the formation of the modern political system. The author reveals the main preconditions, object and subject of the conflict. The causes and consequences of the crisis, including the confrontation between the executive and legislative powers, difficulties in the economy and social tensions in the country are considered. The author emphasizes the importance of studying the crisis as an indicator that predetermined the further strengthening of statehood. The significance of the 1993 political confrontation for the future development of the country is discussed. The study includes an analysis of the constitutional framework, the legal culture of the society and the role of the ruling elites in the political changes. The article also draws parallels between the events of 1993 and contemporary political and economic challenges in Russia. As a result of the study, the author concludes that the events of 1993 had a huge impact on the further development of the country. The article is an important contribution to the study of modern Russian history and can be useful for researchers, political scientists and all those interested in political processes in the country. The result of the research is the clarification of the theory of crises in politics on the example of the events of 1993. The purpose of the work is to consider the causes and consequences of the political crisis in Russia in 1993. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks: 1) analyze the economic prerequisites; 2) Characterize the chronology of the development of the political crisis of 1993; 3) Identify the cause of crises in politics; 4) Determine what were the prerequisites of the crisis in politics in 1993.

Keywords: political crisis, 1993, Russia, constitutional process, executive power, legislative power, economic problems, social contradictions, legal system, political elite, reforms.

For citation: Ponyaev I. M. The 1993 political crisis in Russia: outcomes and lessons for contemporary politics. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):193–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-193-198>. EDN GZBTIX

Введение

Проблематика развития политических кризисов в последние годы привлекает внимание не только теоретиков политологии, но и историков. Распад СССР и окончание биполярного мира, где главными центрами силы были СССР и США, ознаменовали начало активной перестройки политической карты мира. Можно утверждать, что СССР и США выступали своего рода гарантами стабильности существовавшего мирового политического порядка, в котором политические кризисы были редкостью.

Исследователи считают, что проблема политического кризиса 1993 г. из-за недостаточных действий политических игроков. Но следует помнить, что любой кризис в политике сопровождается одной стороной, может использовать закон для оправдания или прикрытия насилия, игнорируя права и интересы другой стороны. Что позволяет властям использовать силовые методы, чтобы удержать свои позиции. Кризис 1993 г. не стал исключением.

С начала 1990-х гг. наблюдается рост числа политических кризисов в различных странах, особенно в развивающихся государствах, на Ближнем Востоке и в постсоветском пространстве. Эти кризисы часто связаны с экономическими проблемами: падение уровня жизни, дефицит, инфляция и снижение реальных доходов населения становятся факторами, способствующими развитию кризисных явлений.

Чтобы изучить актуальность политического кризиса 1993 г., нужно дополнить характеристиками современной политической и экономической системы, а это: несменяемость власти, несистемная оппозиция, ужесточение со стороны властей. Кризис с периода с 1990 г по 1993 гг. в дальнейшем определил судьбу двух государств: СССР и РФ. Начинает ухудшаться экономика в стране, растет безработица среди населения, инфляция.

Методы исследования

Для исследования были отобраны научные публикации, которые издавались на русском языке и на территории РФ. Были включены научные статьи и опубликованные статьи с конференций. Исследование включает анализ конституционного процесса, правового сознания общества и роли правящих элит в политических изменениях.

Были созданы два направления в период правления Бориса Ельцина. Одно направление поддерживало политику Ельцина и считало, что его реформы были необходимыми для развития страны. Сторонники этого направления были уверены, что Ельцин сделал многое для того, чтобы в стране была демократия и рыночная экономика.

Другие же считали, что наоборот, его реформы были ошибочными и привели к негативным последствиям для страны. Критики же Ельцина утверждают, что его реформы привели к экономическому кризису, росту бедности и распаду СССР.

Период с 1990 по 1993 гг. в истории России стал критическим моментом. Конституционно-политический кризис, который произошел в это время, стал решающим фактором в формировании современной политической системы России. При распаде СССР появились 15 бывших союзных республик. Последствия распада СССР сказались на населении, которые тяжело перенесли этот период в стране.

Возник распад устаревших и создание новых органов государственной власти. Революционный переход от плановой экономики к рыночной форме.

Начало октября, 1993 год, двадцать лет назад Москва стала свидетелем развернувшихся трагических событий, которые впоследствии завершились штурмом здания Верховного Совета Российской Федерации, что привело к развалу СССР.

В марте 1993 г. на IX Съезде народных депутатов, где было положено начало политического кризиса, где депутаты пытались отстранить президента Бориса Ельцина от власти, но их попытка отстранения провалилась, не хватило голосов. На Съезде они пытались использовать все свои полномочия, но это помогло. Они обвинили Ельцина в превышении полномочий и нарушении Конституции. Борис Ельцин сохранил свою власть и продолжил реализацию своих политических и экономических реформ. Это событие привело к дальнейшему обострению политической ситуации в стране.

1 сентября 1993 г. президент отстранил от должности вице-президента Руцкого. А затем подписал указ о конституционной реформе 21 сентября. В ответ на это Верховный Совет объявил об окончании полномочий Ельцина и передаче власти вице-президенту Руцкому 22 сентября.

Аспекты политических кризисов можно разделить на три этапа. Первым ключевым аспектом политических кризисов – это отношение правящих элит к развитию государства. Главную цель, которую они преследуют - не сохранить власть. Для них важно мнение общества и редко допускают военизированные или революционные кризисы [1, с. 40].

Второй аспект политических кризисов – это, прежде всего политические изменения, которые сопровождаются потребностями и ожиданиями населения. В основном. Что чаще мы видим, что правящая элита не учитывает интересы населения, что приводит к накоплению недовольства среди населения. В конечном итоге, население начинает протестовать [2, с. 125].

Третий аспект – это важность политических решений, где принимают участие правящая элита. Это означает, что на окончание кризиса может повлиять не только экономика и внешние факторы, но и действия, которые принимает правящая элита. Чтобы прийти к мирному согласию и перейти к новому политическому режиму, нужно найти компромисс [3, с. 136].

И последний четвертый аспект. Кризисы в политике могут продолжаться долго, и даже могут быть циклическими, и выход из них требует времени. Кризисы могут заканчиваться и снова возобновляться. Поэтому не стоит их оставлять без внимания и вовремя принимать необходимые действия [4, с. 54].

Результаты исследования

Политический кризис 1993 г. в России стал ярким примером теоретических концепций на практике, что в конечном итоге привело к развалу СССР.

В тот момент, когда была подписана Декларация о государственном суверенитете РСФСР в 1990 году, столкнулись между собой сторонники социализма и демократические силы. Так как она подрвала основы союзного государства, и ослабила позиции президента СССР М.С. Горбачева. К развалу СССР привела борьба между РСФСР и «Союзным центром».

Главными событиями в этот трудный период стали отставка правительства Гайдара, выступление Ельцина и конституционная реформа.

Политический кризис в России в 1990-х годах привел к разрушению СССР, изменению политического режима и формированию новой политической системы в России. Важными событиями этого периода стали отставка правительства Гайдара, выступление Ельцина и конституционная реформа.

Политическое противостояние разжег между сторонниками либеральных и умеренных путей к демократии, переход к рыночной экономике. Группы с разными политическими и корпоративными интересами, а также различающимися идеями о том, как должно быть устроено общество, вступили в конфликт. Разделение власти между ветвями власти только укрепило позиции разных элит. Поддержка демократических идеалов новой власти была сильной среди простых граждан. Часть российской элиты, депутаты, представители административно-отраслевого сектора и региональной элиты встали на сторону парламента, который стал центром умеренных социально-экономических преобразований. Парламент стал центром притяжения для оппозиционных сил и тех, кто не смог приспособиться к либеральным изменениям. Конфликт касался собственности и государственной власти, а также контроля над экономическими преобразованиями. Этот конфликт превратился из столкновения интересов в противостояние ценностей, отражающее приоритеты либеральной и социалистической систем.

Оба политических лагеря возникли в период перестройки, но команда Б.Н. Ельцина, используя популистские методы, начала борьбу с Верховным Советом, который предпочитал постепенные демократические изменения. В данной ситуации обе стороны стремились к доминированию в политике и праве, применяя свои ресурсы для достижения цели.

3 и 4 октября были инициированы попытки захвата здания московской мэрии и здания телецентра «Останкино» сторонниками Верховного Совета. Событие связано с переворотом в России в октябре 1993 года, когда противостояние между президентом Ельциным и Верховным Советом привело к кровопролитным столкновениям. После победы президента и дальнейших изменений в конституции, 12 декабря стал официальным Днем Конституции в России. Верховный Совет предложил установить парламентскую республику. Однако президент предпочел использовать силовые методы для воплощения либеральных идей, что вызвало протесты среди населения [5, с.314- 318].

Хотя население перестало активно участвовать в митингах, это не означало, что оно стало равнодушным к политическим событиям. Ситуация была настолько напряженной, что разрешение кризиса мирным путем казалось невозможным. В конечном итоге силовая поддержка президента стала ключевым фактором для преодоления политического противостояния.

В 1993 г. в России был предложен так называемый “нулевой вариант” разрешения политического кризиса. Это идея одновременного избрания президента РФ и нового парламента, которая поддерживалась ведущими политическими силами. Он предусматривал восстановления в полном объеме действия Конституции РФ [6, с. 87].

Старая Конституция РФ не соответствовала новым правилам страны, несмотря на внесенные поправки. В итоге, в данный период не было найдено компромисса.

Однако эта идея была не в интересах президента, который в свою очередь хотел сохранить властные полномочия в своих руках. В результате конфликт был разрешен силовым методом, что повлияло на дальнейшее развитие политического режима в России.

С 1988-1993 гг. – это период расцвета российского конституционализма. А с октября 1993 г. – это период новой конституции, которая характеризуется как монособъектность власти. Чтобы принять новую конституцию, которая обеспечила легализацию власти в руках президента, появилась, когда ослаб сильный парламент. На это повлияло и социальная напряженность со стороны населения. Кризис возник в результате воздействия противоречий между участниками политического конфликта. Не осталось доверия к власти [7, с. 53–63]. На это все повлиял: забастовки, вооруженные

столкновения, демонстрации и многое другое. Когда большая часть населения не поддержала либеральный курс президента и Е.Т. Гайдара, то конфликт вышел за рамки внутри элит. Далее, конфликт перерос в острый политический кризис.

Чтобы предотвратить распад страны, было решено подписать Федеративный договор в марте 1992 года. Благодаря этому документу удалось сохранить территорию страны. Этот договор помог разрешить сложную ситуацию в стране.

Сергей Михайлович Шахрай считал, что главная причина политического кризиса 1993 г. – несовершенство Конституции РФ. В ней не было четких правил, как решать кризисные ситуации, что заставило противоборствующие стороны прибегнуть к силовым методам [8, с. 253–258]. В начале 90-х гг. он был правой рукой президента Бориса Ельцина по всем юридическим вопросам, занимал посты советника президента и вице-премьера.

Заключение

Исходя из анализа политического конфликта, можно сделать выводы:

- в период кризиса в 1993 г. правящая политическая элита использовала «законность» насилия в одностороннем порядке и благодаря этому, были в первую очередь рассмотрены интересы развития государства. Поэтому в дальнейшем это не переросло в гражданскую войну;
- президенту Борису Ельцину пришлось привлечь силовые методы из-за длительной общественной неудовлетворенности;
- политический кризис стал становиться более острым только тогда, когда политическая элита не пошла на компромисс и стала рассматривать только собственные интересы;
- в 1993 г. в период окончания острого политического кризиса, в дальнейшем, возможно, могут проявляться его отголоски в новой истории России

Таким образом, политический кризис являлся фактором который, оказывал влияние как на конституционный процесс в целом. Важно изучать и понимать историю этих конфликтов, чтобы избежать их повторения в будущем.

Список источников

1. Новикова А. В. Политическая власть и политическое управление в современной России // *Власть*. 2014. № 3. С. 39–42.
2. Семченков А. С. Особенности управления политическими кризисами в России // *Историческое образование*. 2014. № 4 (4). С. 118–127.
3. Николаев К. В. Парламентско-правительственные кризисы и их влияние на политическую стабильность в условиях многонациональной России // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2013. № 1 (1). С. 132–138.
4. Гельман В. Я., Добронравин Н. А., Колоницкий Б. И., Травин Д. Я. Политический кризис в России: модели выхода. СПб.: М-Центр, 2012. 56 с.
5. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / 2-е изд. М.: Сашко, 2000. 528 с.
6. Кыдыралиев М. Основные причины и следствия политического кризиса 1993 г. в России // *Вестник Исык-Кульского университета*. 2005. № 13. С. 86–92.
7. Шереметьева Л. Н. 1993 год: конфликт центральных властей и его отражение в регионах России // *Конфликтология*. 2013. № 1. С. 53–63.
8. Шахрай С. М. Конституция России: от кризиса к развитию // *Логос*. 2014. № 3 (99). С. 243–264.

References

1. Novikova A. V. Political power and political management in modern Russia. *Vlast'*. 2014;(3):39–42. (In Russ.).
2. Semchenkov A. S. Features of political crisis management in Russia. *Historical education*. 2014;4(4):118–127. (In Russ.).
3. Nikolaev K. V. Parliamentary-governmental crises and their impact on political stability in a multi-national Russia. *Issues of national and federal relations*. 2013;1(1):132–138. (In Russ.).

4. Gelman V. Ya., Dobronravin N. A., Kolonitsky B. I., Travin D. Ya. *The political crisis in Russia: exit models*. St. Petersburg: M-Center; 2012. 56 p. (In Russ.).
5. Avakian S. A. *The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity*. 2nd ed. Moscow: Sashko; 2000. 528 p. (In Russ.).
6. Kydyraliev M. The main causes and consequences of the 1993 political crisis in Russia. *Bulletin of the Issyk-Kul University*. 2005;(13):86–92. (In Russ.).
7. Sheremetyeva L. N. 1993: the conflict of the central authorities and its reflection in the regions of Russia. *Conflictology*. 2013;(1):53–63. (In Russ.).
8. Shakhray S. M. The Constitution of Russia: from crisis to development. *Logos*. 2014;3(99):243–264. (In Russ.).

Информация об авторе

И. М. Поняев – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Information about the author

I. M. Ponyaev – Cand. Sci. (Polit.), Senior Lecturer at the Department of Foreign Policy of Russia and CIS countries, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 12.11.2024.

Модернизация как политический курс: анализ основных концептуальных подходов и практики реализации

Екатерина Олеговна Сони́на

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Екатеринбург, Россия,
soninaeo@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0851-1011>

Аннотация. В статье проанализирована трансформация концептуальных положений теорий модернизации в политические курсы. Автором систематизированы основные положения данных теорий, которые нашли свое отражение в программах реформ, были рекомендованы международными межправительственными организациями как подходы к реализации государственных преобразований. На основе проведенного анализа автор обращает внимание, что концепт «модернизация» получил практическое преломление преимущественно в неолиберальном политическом курсе, абсолютизирующим идеи классических теорий модернизации об экономическом росте и экономической свободе как основах прогрессивного развития. Неолиберальная трактовка модернизации стала основополагающей для политического курса, определяющего подходы к реализации «структурных реформ» в «развивающихся» странах. По мнению автора, причины такого доминирования связаны как с политическими факторами, так и историей, особенностями концептуальных положений теорий модернизации. Доминирование неолиберальной интерпретации модернизации спровоцировало целый ряд негативных тенденций: низведение ценности свободы исключительно к экономическим свободам и свободе выбора, усилению экономического неравенства, укрепление политического статуса экономических элит и т.п. Несмотря на появление в ответ на данные противоречия неклассических теорий модернизации, они не стали доминирующей концептуальной основой реформ в силу политических и дискурсивных причин. Автор приходит к выводу, что трансформация концептуальных положений классических теорий модернизации в неолиберальный политический курс, постулирование его положений на уровне мирового политического дискурса существенно ограничил потенциал применения данной теории для выработки и обоснования политического курса. Вместе с тем, многие задачи, которые стоят на современном этапе перед государством как институтом, лежат в плоскости осмысления современных, неклассических теорий модернизации.

Ключевые слова: модернизация, теории модернизации, политический курс, государственное управление, неолиберализм, неолиберальная модель государства, структурные реформы, политический дискурс, легитимация

Для цитирования: Сони́на Е. О. Модернизация как политический курс: анализ основных концептуальных подходов и практики реализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 199–207. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-199-207>. EDN HDITME

Modernization as a political course: analysis of the main conceptual approaches and implementation practices

Ekaterina O. Sonina

Ural Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia,
soninaeo@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0851-1011>

Abstract. The article analyzes the transformation of the conceptual provisions of modernization theories into political courses. The author systematized the main provisions of these theories, which were reflected in the reform programs, and were recommended by international intergovernmental organizations as approaches to the implementation of state transformations. Based on the analysis, the author draws attention to the fact that the concept of «modernization» has received a practical refraction mainly in the neoliberal political course, which absolutizes the ideas of classical modernization theories about economic growth and economic freedom as the foundations of progressive development. The neoliberal interpretation of modernization has become fundamental to the political course that defines approaches to the implementation of «structural reforms» in «developing» countries. According to the author, the reasons for such dominance are related to both political factors, history, and the peculiarities of the conceptual provisions of modernization theories. The dominance of the neoliberal interpretation of modernization has provoked a number of negative trends: reducing the value of freedom exclusively to economic freedoms and freedom of choice, increasing economic inequality, strengthening the political status of economic elites, etc. Despite the emergence of non-classical modernization theories in response to these contradictions, they did not become the dominant conceptual basis for reforms due to political and discursive reasons. The author comes to the conclusion that the transformation of the conceptual provisions of classical modernization theories into a neoliberal political course, postulating its provisions at the level of world political discourse significantly limited the potential of applying this theory to develop and substantiate a political course. At the same time, many of the tasks facing the state as an institution at the present stage lie in the plane of understanding modern, non-classical theories of modernization.

Keywords: modernization, modernization theories, political course, public administration, neoliberalism, neoliberal model of the state, structural reforms, political discourse, legitimization

For citation: Sonina E. O. Modernization as a political course: analysis of the main conceptual approaches and implementation practices. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):199–207 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-199-207>. EDN HDITME

Введение

Концепт «модернизации» – один из наиболее дискуссионных в социально-политических науках. Как доминирующий в 1950-х и 1960-х годах подход к проблемам глобального развития теория модернизации достаточно долго характеризовалась рассмотрением его закономерностей в ключе дихотомии «развитых» и «развивающихся» стран, акцентированием политических и экономических причин как ключевых в определении траекторий развития стран, с позиционированием необходимости преодоления статуса «развивающейся» страны как ключевой задачи государственного развития. В преломлении к политическим курсам это привело к глобализации нелиберального (неоконсервативного) политического курса, усилившего экономическую и технологическую зависимость «развитых» стран от «развивающихся», отождествлением модернизации (повышения уровня развития) с вестернизацией (повторения пути эволюции стран Запада). Несмотря на то, что влияние социокультурных факторов уже в 1950–1960-е годы оказывалось в фокусе внимания теории модернизации, а в начале 2000-х годов укрепились в научном дискурсе концепции «множественности модернити», в силу политических причин они сохранили в большей степени статус теоретических описательных моделей.

Материалы и методы

При сравнении классических и неклассических теорий модернизации, предлагаемого в них видения содержания реформ, роли в этих реформах разных групп интересов автор опирается на методы компаративного анализа. Для исследования смыслового преломления задач и сути модернизации в рамках политических курсов применены методы дискурсивного анализа. Анализ факторов, препятствующих закреплению неклассических теорий модернизации в качестве идейной основы политического курсов, проведен с использованием методов когнитивного анализа.

Результаты

Концепт «модернизация» является одним из наиболее часто аккумулируемых как в рамках научного, так и политического дискурсов, что определяется целым рядом факторов. Во-первых, достаточно широким смысловым спектром употребления, который позволяет во взаимосвязи анализировать и объяснять многие процессы в экономической, политической и социальной жизни. Во-вторых, концепт «модернизация» всегда ассоциировался с развитием, качественными изменениями, прогрессом, предполагающими улучшение разных сторон жизни общества. В-третьих, в рамках политического дискурса «модернизация» обладает достаточно серьезным легитимирующим потенциалом для обоснования выбора приоритетов государственного развития.

Дискурсивная многофункциональность концепта «модернизация» во многом связана с политическими условиями его возникновения. Определяющая смысловое наполнение данного концепта теория модернизации как научное направление оформилось в середине прошлого века, главной ее задачей было объяснить и систематизировать закономерности политических процессов, происходящих в странах, переживших опыт деколонизации [1, с. 199]. Завершение процессов деколонизации совпало с утверждением на фоне «холодной войны» биполярного мирового порядка. В практическом отношении теория модернизации была призвана стать идейной моделью альтернативной марксизму и коммунизму и направленной на предупреждение укрепления их влияния в общественном сознании населения стран, утративших свой колониальный статус, которые в этом контексте стали именоваться странами «третьего мира». Поэтому в проработке содержания теории модернизации помимо представителей социогуманитарных наук активное участие принимали высокопоставленные советники американского правительства (У. Ростоу, С. Хантингтон), совмещавшие свою деятельность в нем с научно-исследовательской работой.

Теория модернизации никогда не была единой научной концепцией. Она скорее обобщала различные научные подходы относительно видения закономерностей в развитии стран, относящихся к разным политическим культурам, политическим режимам и политическим системам, но переживающим аналогичный период в своем развитии. Концепт «модернизация» изначально был полисемантическим, что в рамках политического дискурса позволяла его максимально широко использовать как установку на будущее, наполняя разными смысловыми акцентами идентификацию общества как современного. Возникая как идейный ответ на конкретные политические условия, теория модернизации всегда была максимально политически имплицитна, обладая существенным потенциалом для обоснования политического курса развития стран, переживающих период трансформации.

Содержательное наполнение концепта «модернизация» в так называемый классический (начальный) период (1950-60 годы прошлого века, У. Ростоу, С. Хантингтон, Г. Алмонд, Дж. Б. Пауэлл, Б. Рассет, К.В. Дойч, Ш. Эйзенштадт и др.) предполагал отождествление модернизационных процессов с вестернизацией, определение западных стран в качестве примера практического воплощения признаков «современности». Признаками «современности» с позиции классических подходов теории модернизации являются научно-технический прогресс, секуляризация общественного сознания, демократизация политической системы и рыночный тип экономики [2]. Классические теории модернизации определяют традиции как фактор, «блокирующий» прогрессивное развитие общества, которое, в свою очередь, трактуется как безусловное благо. Сторонниками данного подхода обосновывается линейная траектория развития обществ, которая предполагает их переход от «традиционного» к «индустриальному» типу, от «развивающихся» к «развитым», ассоциируя с последними западные страны.

Классические концепции модернизации предлагали программу государственных преобразований, следуя которым можно достигнуть статуса «развитого» общества. Данная программа означала доминирование политических и экономических реформ над социальными и культурными, понимание экономического роста как одного из ключевых факторов повышения качества жизни

населения, неизбежный отказ от традиционных (архаичных) походов к политическому управлению [3–4; 5, с. 9]. Классические концепции модернизации настаивали, что ради экономического прогресса развивающиеся страны могут пожертвовать своими традиционными укладами и обычаями.

Абсолютизация идеи экономического прогресса произошла в неолиберальном политическом курсе. Как идейное направление неолиберализм возник раньше теории модернизации, в межвоенные годы, из дискуссий в либеральной среде об усилении профсоюзного движения, всеобщего избирательного права и методов управления экономикой в военное время [6, с. 47–54]. Политическое «возрождение» неолиберализма произошло в 1950 – 80-е гг., приведя в 1980 – 90-е гг. к глобализации политики так называемых «структурных реформ», основанных на неолиберальных принципах.

Как политический курс неолиберализм оказался очень восприимчив к гипотезе классической теории модернизации о взаимосвязи экономических свобод и демократизации политической системы, предав им свою интерпретацию. Сторонники неолиберального подхода критиковали патерналистскую модель государства, которая, по их мнению, существенно блокировала возможности развития экономики и общества, препятствовала наращиванию человеческого капитала. Идея прогрессивного развития общества в неолиберализме связывалась с идеей свободы, которая, в свою очередь, отождествлялась с идеей свободного рынка; демократизация политической системы в духе неолиберализма означала, прежде всего, минимизацию государственного регулирования экономических процессов; личная самореализация – достижение такого уровня личного материального благополучия, который позволит максимально развивать человеческий капитал. Принципы неолиберального политического курса были сконцентрированы в 1989 г. Дж. Уильямсоном в Вашингтонском консенсусе, восприняты экономистами и руководством Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации, Евросоюза и вошли в состав Североамериканского соглашения о свободе торговли. В 1980-1990-е гг. данные принципы стали основополагающими для «структурных реформ», которые активно продвигались перечисленными международными межправительственными организациями как программа реформ преимущественно в отношении «развивающихся» стран. Неолиберальная политика приобрела трансатлантический характер, политический курс на «структурные реформы» стал основополагающим для стран, переживающих период трансформации. Неолиберальный концепт «минимального государства» оказался легитимирующим для глобализации. Общее экономическое пространство, связывающее страны общей инфраструктурой, потоками товаров, услуг, капитала, знаний и людей должно было стать основой либерального мирового порядка [7].

Тому, что именно неолиберальная трактовка модернизации стала основополагающей для политического курса, определяющего подходы к реализации реформ в «развивающихся» странах, есть несколько причин. Во-первых, предложенная неолиберализмом модель государства (neoliberal state) оказалась, фактически, первой, которая ответила на задачи придания государству как институту «гибкости» на фоне усиления конкуренции стран, принадлежащих к разным полюсам биполярного мира, усложнения социальной структуры общества, необходимости стимулирования научно-технического прогресса и экономического роста. «Гибкость» становится своеобразным лозунгом неолиберального государства, наличие конкуренции между разными акторами (включая государственные институты) – постулируется как безусловное благо для модернизации общества, его прогрессивного развития [8, с. 90–91].

Во-вторых, неолиберальная интерпретация модернизации совпала с тенденциями индивидуализации общества и общественного сознания, характеризующими становление и развитие постиндустриального общества. Неолиберальный концепт «свободы выбора» является очень важным в конструировании общественной установки о возможности индивидуальной жизненной стратегии в соответствии со своими личными потребностями, видением будущего и позиционировании данной стратегии как заслуживающей общественного признания. При решении внутренних вопросов, реализации внутренней политики неолиберальное государство ведет себя достаточно враждебно по отношению ко всем формам социальной солидарности (профсоюзам, социальным движениям и т.п.) [9, с. 263], которые в соответствии с неолиберальной логикой могут ограничивать свободу выбора, конкуренции, препятствуют накоплению личного капитала и, как следствие, ограничивают возможность для личной самореализации.

Наконец, неолиберализм изначально возникал не только как политический курс, программа реформ, но и как дискурсивная модель, направленная на обеспечение легитимации видения реформ и государственных преобразований, предлагаемых конкретными элитарными группами [10].

Один из ключевых идеологов неолиберализма Ф. Хайек еще в 1949 г. в своей статье «Интеллектуалы и социализм» обращал внимание, что в рамках рыночной системы индивидуальную свободу можно защитить только с помощью стратегии формирования общественного мнения, которую продвигает и направляет элита [6, с. 22]. В продвижении неолиберального политического курса значительную роль играли трансатлантическая сеть финансовых спонсоров и аналитических центров (британский Институт экономических дел, Американский институт предпринимательства и т.п.), популяризация основных неолиберальных идей через средства массовой информации и политиков, обеспечивая все большую электоральную популярность данному курсу. Благодаря перечисленным мерам сформировалось общественное мнение о том, что неолиберальные реформы, утверждение неолиберальной модели государства являются важной гарантией свободы в обществе, обеспечения его благополучия и, как следствие, основанного на этом благополучии социального порядка.

Применение дискурсивной модели неолиберализма позволяло решить сразу несколько задач. Во-первых, на фоне конкурентного противостояния двух «сверхдержав» предложить альтернативную марксизму и коммунизму идейную модель, которая обосновывает значение личной (в первую очередь, экономической) свободы для прогресса общества и государства, тем самым делегитимирует идею коллективизма, характеризующую советскую модель государства. Во-вторых, обосновать сокращение расходных обязательств государства (в том числе, в части социальной поддержки), которое на фоне череды непростых для экономики событий 1970-х гг. (Вьетнамская война, крах в 1971 г. Бреттон-Вудской международной денежной системы, первый нефтяной кризис в 1973 г.) искало новые ресурсы для обеспечения своей устойчивости как института. В-третьих, легитимизировала активное участие экономических элит в определении политической повестки и приоритетах государственного развития. Абсолютизация ценностей экономической свободы и экономического прогресса приводила к тому, что экономические элиты совершенно «естественно» укрепляли свой политический статус, а потому становились основными спонсорами популяризации неолиберального понимания модернизационных процессов через трансатлантическую сеть исследований и аналитических центров. В-четвертых, сторонники неолиберализма апеллировали к опыту англосаксонских стран как демонстрирующему на практике эффективность и перспективность данного политического курса. Фактически, неолиберальный политический дискурс оставался в логике предложенной классической теорией модернизацией дихотомии «развитых» и «развивающихся» стран, обосновывая необходимость проведения реформ в последних по примеру тех, кто уже достиг «современности» и относится к «развитым». То есть неолиберальный политический курс поддерживал идею зависимости «успеха» модернизации от внешних факторов и легитимизировал возможность внешнего влияния, стимулирования реформ в духе неолиберализма.

Доминирование концептов классической теории модернизации в качестве идейной основы политического курса для обществ, переживающих период трансформации, укрепление неолиберальной трактовки модернизации в программах преобразований, направленных на обеспечение экономического роста, спровоцировали целый ряд противоречивых тенденций.

Прежде всего, низведение ценности свободы исключительно к свободе выбора и экономическим свободам выхолостило ее моральное и этическое наполнение, предполагающее готовность нести ответственность за данный выбор, необходимость соотнесения своей свободы со свободами и правами других. Смысловое наполнение ценности свободы под влиянием неолиберального политического дискурса стало сводиться исключительно к свободе потребительского выбора и свободе в выборе средств самовыражения, приводя к укоренению в общественном сознании потребительских установок в восприятии не только институтов рыночной экономики, но и государственных и общественных институтов. П. Кругман, нобелевский лауреат по экономике, ретроспективно анализируя реализацию неолиберальных принципов, отмечал, что абсолютизация неолиберальной модели государства «сформировала такой интеллектуальный климат, при котором вера в рынки и пренебрежительное отношение к государству часто попирают фактическую очевидность» [11, с. 22].

Во-вторых, предложенное в классических концепциях понимание модернизации, воспринятое неолиберальным политическим курсом, допускало наличие экономического неравенства. В частности, У. Ростоу, отстаивая приоритетность экономических факторов в создании условий для модернизации, указывал, что процессы экономического роста и массового потребления могут быть не синхронизированы: капитал сначала должен быть накоплен, а уже потом вложен в создание инфраструктуры массового потребления, которая обеспечит доступ к богатству разных групп населения. На практике это обернулось усилением социального неравенства, формированием узкой прослойки

сверхбогатой экономической элиты, слиянием политической и экономической элиты, ограничением доступа многих социальных групп к материальным ресурсам, позволяющим наращивать личный капитал (как достаток, так и приобретение новых навыков).

В-третьих, аккумуляция установок на приоритетность экономических и политических государственных преобразований без учета социокультурных факторов, особенностей истории, традиций и социальных укладов обществ обернулось тем, что попытки реализации модернизации в «развивающихся странах» по лекалам неолиберализма привели к прямо противоположным результатам. Целый ряд государств, которые реализовывали реформы в духе неолиберального политического курса и соответствующим ему рекомендациям Международного валютного фонда пережили глубокие экономические кризисы: Мексика (1994), Восточная Азия (1997), Бразилия (1998), Россия (1998), Турция (2000) и Аргентина (2002)¹. Итогом «структурных реформ» во многих странах оказался не экономический рост и повышение уровня благосостояния населения, улучшение качества его жизни, а, наоборот, стагнация экономики, маргинализация много социальных групп, углубление социального неравенства, рост социального напряжения. Глобализация неолиберального политического уровня и предложенного в рамках него видения модернизации привели к тому, что неравенство усилилось не только внутри стран, но и между ними, создавая все большую зависимость «развивающихся» от «развитых».

Категоричность и политическая ангажированность подходов классической теории модернизации стали поводом для ее критики еще в середине 60-х годов. Сторонники классической теории модернизации также признавали не бесспорность ее концептов, позднее пришли к необходимости коррекции отдельных своих позиций. С. Хантингтон обращал внимание, что ни «экономическое, ни социальное развитие» не может продолжаться без политического порядка [12], Ш. Эйзенштадт принимал участие в разработке концепта «множественности модернити», отмечая возможность вариативности процесса модернизации и что действительная модернизация должна сопровождаться «оживлением духовного наследия» [13].

С 1970-х годов начинают появляться альтернативные классической теории модернизации. Они тоже не представляют собой единой концепции, часто условно делятся на либеральные (отстаивают необходимость демократизации политической системы и развития институтов рынка для реализации модернизации) и классические (предлагают использовать потенциал действующих в обществе традиций и ценностей для реализации модернизации) [1, с. 206-207; 2], по-разному определяют приоритетность факторов, влияющих на процессы трансформации стран, но имеют целый ряд общих черт. Во-первых, акцент на необходимости учета социокультурных условий модернизации, обязательности их анализа перед проведением масштабных реформ. Во-вторых, более критичное отношение к внешним (экзогенным) факторам как ключевым в процессе модернизации, допущение сочетания внутренних (эндогенных) и экзогенных факторов при реализации модернизации. Наконец, неклассические концепции модернизации не настаивали на радикальных политических переменах как неизбежном пути к достижению обществом «современного» состояния. Даже, наоборот, рассматривали стабильность политической системы как одно из ключевых условий модернизации [14], допуская, в том числе, значительную роль государства и его институтов в обеспечении завершенности процессов модернизации. Опыт китайской модернизации и модернизации в странах Юго-Восточной Азии подтверждал возможность использования потенциала традиций общества для обеспечения экономического и технологического развития, важность поддержания политической стабильности для создания институциональных условий модернизации, обеспечения последовательности политического курса на модернизацию и его завершенности.

Несмотря на противоречивые итоги реализации реформ в духе неолиберальной интерпретации модернизации, успешный опыт модернизации в странах с сильным влиянием традиций в соответствии с подходами неклассических концепций, последние не были масштабированы как идейная основа реформ в странах, переживающих период трансформации, и тем более, не получили такой поддержки как неолиберальный политический курс на уровне межправительственных организаций. Причины этому лежат, в большей степени, в политической плоскости.

¹ Economic growth in the 1990s: learning from a decade of reform (English). Washington, D.C.: World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/664481468315296721/Economic-growth-in-the-1990s-learning-from-a-decade-of-reform> (дата обращения: 27.07.2024).

Во-первых, неклассические концепции теории модернизации, отстаивая высокую роль социокультурных факторов, допуская многовариантность модернизаций в зависимости от социокультурной среды поддерживали значимость локальных культур, традиций, основанных на них социального и политического порядка, шли в разрез с сложившейся и ставшей уже доминирующей в мировом политическом дискурсе повесткой глобализации.

Во-вторых, неклассические концепции модернизации меняли фокус в понимании роли человеческого потенциала в модернизации. В логике данных концепций предполагала не только (и даже не столько) свободу экономического выбора и наращивание своего человеческого капитала с целью обеспечения своей конкурентоспособным на рынке труда. В неклассических концепциях модернизации (особенно в социокультурной) человеческий потенциал обретал ценностное измерение, понимание данного потенциала не как объекта и ресурса конкурентной борьбы между экономическими акторами, а как важное условие модернизационного развития государства и общества. Подобное понимание не встраивалось в логику общества потребления, которое стало доминирующим типом социального устройства в большинстве стран, относящих себя к развитым, и отвечающим интересам экономических элит.

Наконец, обосновывая приоритетность политического порядка перед политическими радикальными изменениями для обеспечения экономического роста, достижения реального благополучия населения и обеспечения технологического развития неклассические теории модернизации обладали достаточно большим легитимирующим потенциалом устойчивого политического статуса местных элит и действующих государственных институтов. Что, в свою очередь, формировало вызов укрепившимся на фоне глобализации межправительственным союзам и организациям, стоявшим за ними группам интересам.

Осмысливая неудачи нелиберальных реформ, сторонники политики Вашингтонского консенсуса стали обозначать идею, что «структурные реформы», проводимые по единому стандарту, не дали ожидаемого эффекта из-за плохих базовых институциональных условий [15]. Это означало необходимость учета социокультурных факторов, но не с точки зрения применения их потенциала для модернизации, а необходимости более «глубинных» реформ «второго поколения». В Барселонском консенсусе 2004 г. теме институтов посвящен первый раздел документа, а качество институтов стоит на первом месте среди факторов успешности стратегий. Но это не означало собственно отказа от глобализации нелиберального политического курса. Нелиберальное понимание модернизации сохраняло свое доминирующее положение в мировом политическом дискурсе вплоть до кризиса 2008 г. [16]. Такое доминирование концептов классических теорий модернизации и нелиберальной трактовки модернизации ограничило потенциал самой теории модернизации как идейной основы формирования иных, отличных от нелиберального, политических курсов.

Заключение и выводы

Потенциал концепта «модернизации» как легитимирующей идейной основы политического курса определяется целой совокупностью факторов: его дискурсивной многофункциональностью, позволяющей объяснять во взаимосвязи процессы, происходящие в разных сферах жизни общества; политической имплицитностью, обусловленной, в первую очередь, историей возникновения данного концепта; полисемантической, которая позволяет апеллируя к данному концепту предлагать разные варианты идентификации общества с «современным».

В мировом политическом дискурсе в качестве концептуальной основы реформ достаточно долго доминировала нелиберальная интерпретация модернизации в силу целого ряда причин: нелиберальная модель государства, фактически, первой ответила на задачи придания ему гибкости и вписывалась в усиливающиеся тенденции индивидуализации общества; потенциала нелиберальной дискурсивной модели для делегитимации идей коллективизма, обоснования сокращения расходных обязательств государства; легитимизации усиления политического статуса экономических элит и внешнего влияния в реализации реформ в «развивающихся» странах.

Укрепление нелиберальной трактовки модернизации в программах государственных преобразований спровоцировали целый ряд негативных тенденций, приведших к осознанию противоречивости классических концепций модернизации даже ее сторонниками, появлению неклассических (альтернативных) концепций. Но это не стало поводом для отказа от нелиберального курса как основополагающего для реформ в «развивающихся» странах в силу поддержания данного курса международными межправительственными организациями и того, что он согласовывался с тенденциями

глобализации, связанными с ними интересами отдельных экономических и политических элит. Такое доминирование ограничило потенциал самой теории модернизации как идейной основы формирования иных, отличных от неолиберального, политических курсов, делегитимизировало саму идею «модернизации», вызывая, в большей степени, ассоциации с кризисами и социальными потрясениями, сопровождавшими неолиберальный политический курс.

Список источников

1. Поцелуев С. П. Теория политической модернизации // Политическая концептология. 2022. № 3. С. 198–215.
2. Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. 2001. № 4. С. 217–246.
3. Ростон У. У. Стадии экономического роста Нью-Йорк: Прегер, 1961. 236 с.
4. Welch C.E. *Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change*. Belmont: Wadsworth Publishing Company, 1967. 383 p.
5. Гордон А. В. Сэмюэл Хантингтон и его концепция политической модернизации // Политический порядок в меняющихся обществах. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. С. 3–16.
6. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмана до Рейгана и Тэтчер. М.; Челябинск: Социум; Мысль, 2019. 522 с.
7. Стиглиц Д. Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2016. 512 с.
8. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Поколение, 2007. 288 с.
9. Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Антиномии. 2012. №12. С. 259–271.
10. Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2001. № 1(80). С. 103–117.
11. Krugman Paul. Who Was Milton Friedman? // The New York Review of Books. 2007. February. 2007. 15. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nybooks.com/articles/2007/02/15/who-was-milton-friedman/> (дата обращения 06.08.2024).
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
13. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities // *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL, 2002. P. 27–41.
14. Экономические модели модернизации. Москва: ИФ РАН, 2002. 151 с.
15. Rodrik D. Good Bye Washington Consensus, Hello Washington Confusion? [Электронный ресурс] URL: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/goodbye-washington.pdf> (дата обращения 09.08.2024).
16. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело, 2012. 272 с.

References

1. Potseluev S. P. Theory of Political Modernization. *Political Conceptology*. 2022;(3):198–215. (In Russ.).
2. Berezhnikov I. V. Theory of Modernization: The Main Stages of Evolution. *Problems of Russian History*. 2001;(4):217–246. (In Russ.).
3. Rostow W. W. *Stages of Economic Growth*. New York: Praeger; 1961. 236 p. (In Russ.).
4. Welch C. E. *Political Modernization: A Reader in Comparative Political Change*. Belmont, Wadsworth Publishing Company; 1967. 383 p.
5. Gordon A.V. Samuel Huntington and His Concept of Political Modernization. In: *Political Order in Changing Societies*. Moscow: Progress-Tradition; 2004:3–16. (In Russ.).
6. Steadman-Jones D. *The Birth of Neoliberal Politics: From Hayek and Friedman to Reagan and Thatcher*. Moscow; Chelyabinsk: Socium, Mysl; 2019, 522 p. (In Russ.).
7. Stiglitz J. E. *The Price of Inequality: How the Stratification of Society Threatens Our Future*. Moscow: Eksmo; 2016. 512 p. (In Russ.).
8. Harvey D. A *Brief History of Neoliberalism, Actual Reading*. Moscow: Generation; 2007. 288 p. (In Russ.).

9. Rusakova O. F., Khmelinin A. A. Neoliberal Discourse: Strategies and Technologies for Constructing a New Subjectivity. *Antinomies*. 2012;(12):259–271. (In Russ.).
10. Dardo P., Laval K. Neoliberalism and capitalist subjectivation. *Logos*. 2001;1(80):103–117. (In Russ.).
11. Krugman Paul. Who Was Milton Friedman? *The New York Review of Books*, February. 2007. 15. Available from: <https://www.nybooks.com/articles/2007/02/15/who-was-milton-friedman/> [Accessed 06 August 2024].
12. Huntington S. *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition; 2004. 480 p. (In Russ.).
13. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities. In: *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL; 2002: 27–41.
14. *State's models of modernization*. Moscow: IF RAS; 2002. 151 p. (In Russ.)
15. Rodrik D. *Good Bye Washington Consensus, Hello Washington Confusion?* Available from: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/goodbye-washington.pdf> [Accessed 09 August 2024].
16. Crouch K. *The strange non-death of neoliberalism*. Moscow: Delo; 2012. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. О. Сонина – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления РАНХиГС, доцент.

Information about author

E. O. Sonina – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of Department of Public administration and political technologies, Ural Institute of Management – branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.08.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 12.10.2024.

The article was submitted 16.08.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 12.10.2024.

Ценностная трансформация российского общества в современных условиях: динамика, вызовы, перспективы развития

Владимир Вадимович Стеценко

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия, vstetsenkov1992@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования автор связывает с необходимостью выработки Российским государством и обществом новых защитных механизмов в виде системы ценностных ориентиров, отвечающих вызовам времени в реалиях геополитического противостояния. В рамках статьи автор задаётся следующей целью: актуализировать превалирующие ценностные начала современного российского общества. Данная цель определила поставленные задачи: проанализировать исследовательские подходы к понятию «ценности» и предложить авторскую трактовку; проследить динамику развития системы ценностей российского общества на основе данных различных социологических исследований; определить роль и значение российского образования и воспитания в рамках ценностной политики; выявить тенденции и перспективы феномена конкуренции ценностей на международном уровне.

Методологической основой исследования послужил обзор научных публикаций по рассматриваемой теме, а также нормативно-правовой базы. В статье также используются научные методы анализа и синтеза для изучения различных аспектов проблематики ценностей. Наряду с этим автором применяется ценностный подход к осмыслению происходящих геополитических изменений.

В качестве объекта исследования обозначена система ценностей российского общества. Предметом выступает динамика трансформации ценностей в российском социуме.

В статье выдвигается тезис о фундаментальной значимости традиционных ценностей для российской государственности и социума, обусловленной устоявшимися традициями, а также сложившимся культурно-историческим опытом. Вместе с этим традиционный ценностный базис, представленный такими качествами, как патриотизм, гуманизм, гражданственность, противопоставляется неолиберальному псевдо-ценностному комплексу, в рамках которого навязывается социальная атомизация, индивидуализм, культ потребления.

Исследование затрагивает тревожные тенденции, представляющие угрозу для устойчивости системы ценностей российского общества: аксиологический инфантилизм молодёжи, социальная аномия, а также распространение искаженных ценностных установок.

В заключении статьи автором делается ряд выводов, общий смысл которых состоит в утверждении о том, что система традиционных ценностей обладает значительным потенциалом развития, который необходимо реализовывать с помощью институтов образования и воспитания, что позволит обеспечить внутреннюю стабильность российского социума, а также упрочит статус России на международной арене.

Ключевые слова: социокультурная сфера, трансформация, молодежная политика, аксиологическая модель, ценностное ядро, система традиционных российских ценностей, ценностный подход, конкуренция ценностей, ценностно-идеологическое противостояние, институты воспитания и образования

Для цитирования: Стеценко В. В. Ценностная трансформация российского общества в современных условиях: динамика, вызовы, перспективы развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 208–214. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-208-214>. EDN IJOMPR

Value transformation of Russian society in modern conditions: dynamics, challenges, development prospects

Vladimir V. Stetsenko

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) Rostov State University of Economics, Taganrog, Russia, vstetsenkov1992@gmail.com

Abstract. The author associates the relevance of the study with the need for the Russian state and society to develop new protective mechanisms in the form of a system of value guidelines that meet the challenges of the time in the realities of geopolitical confrontation.

Within the framework of the article, the author sets the following goal: to update the prevailing value principles of modern Russian society. This goal determined the tasks: to analyze research approaches to the concept of "values" and offer the author's interpretation; to trace the dynamics of the development of the value system of Russian society based on data from various sociological studies; to determine the role and importance of Russian education and upbringing within the framework of value policy; to identify trends and prospects for the phenomenon of competition of values at the international level. The methodological basis of the study was a review of scientific publications on the topic under consideration, as well as the regulatory framework. The article also uses scientific methods of analysis and synthesis to study various aspects of the problem of values. Along with this, the author applies a value approach to understanding the ongoing geopolitical changes.

The value system of Russian society can be designated as an object of research. The subject is the dynamics of the transformation of values in Russian society.

The article puts forward a thesis about the fundamental importance of traditional values for Russian statehood and society, conditioned by established traditions, as well as the established cultural and historical experience. At the same time, the traditional value basis, represented by such qualities as patriotism, humanism, civic consciousness, is contrasted with the neoliberal pseudo-value complex, within the framework of which social atomization, individualism, and the cult of consumption are imposed.

The study touches upon alarming trends that pose a threat to the stability of the value system of Russian society. Among such phenomena, the axiological infantilism of youth, social anomie, and the spread of distorted value attitudes stand out.

In conclusion, the author makes a number of conclusions, the general meaning of which is the assertion that the system of traditional values has significant development potential, which must be realized with the help of educational and upbringing institutions, which will ensure the internal stability of Russian society, and also strengthen the status of Russia in the international arena.

Keywords: socio-cultural sphere, transformation, youth policy, axiological model, value core, system of traditional Russian values, value approach, competition of values, value-ideological confrontation, institutions of upbringing and education

For citation: Stetsenko V. V. Value transformation of Russian society in modern conditions: dynamics, challenges, development prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):208–214 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-208-214>. EDN IJOMPR

Введение

На протяжении последних нескольких лет глобальная политика переживает процесс трансформации. В этих условиях Российское государство и общество постепенно приспосабливаются к реалиям геополитического противостояния с коллективным Западом. Вырабатываются новые защитные механизмы, задача которых – обеспечить целостность социальных структур во враждебной обстановке. Один из важнейших среди них – система ценностных установок и ориентиров. Становится очевидным, что комплекс либеральных ценностей, транслировавшихся в последние десятилетия, является устаревшим и не соответствует современным реалиям. В этой связи, перед Российским государством и обществом возникает необходимость разработки и закрепления системы ценностных ориентиров, отвечающих вызовам времени.

Обзор различных трактовок категории «ценности»

Рассмотрим, как понимается категория «ценности» в трудах ведущих российских и зарубежных исследователей.

Д. А. Леонтьев определяет данный феномен как обобщенный жизненный опыт конкретного социального образования [1].

Н. И. Лапин отводит ценностям роль обобщенных целей и средств их реализации, которые выполняют фундаментальную функцию интеграции социума, формируя социально одобряемую модель поведения в обществе [2].

Н. Смелзер и А. Гидденс предлагают трактовку ценностей, согласно которой они представляют собой идеальные цели и принципы, способы их достижения или реализации, а также общепринятые убеждения относительно целей, детерминированные культурой и выступающие её компонентами [3; 4].

Согласно И. А. Халий, ценности выступают интериоризированными принципами или целями, воспринимаемыми индивидуально каждым отдельным лицом или сообществом. Процесс интериоризации ценностей должен сопровождаться пониманием, аргументацией, эмоциональным участием [5].

Осуществив анализ авторских трактовок понятия «ценности», мы предлагаем использовать подход к определению данного феномена как к концентрированному духовному выражению мотиваций, интересов и потребностей, определяющих поведение представителей социума.

Отметим, что особую значимость для российской государственности в силу обстоятельств исторического и политического развития всегда представляли традиционные ценности, среди которых высшими являются человек, его достоинство и духовная сущность. Уникальность и неповторимость традиционных ценностей обусловлена традициями конкретного общества, его культурно-историческим опытом. В отличие от неолиберального и псевдолиберального ценностного комплекса, традиционные ценности не могут быть навязаны, они основываются на уважении, бережном сохранении векового выбора каждого народа. К традиционному ценностному базису обращается в своих выступлениях Президент Российской Федерации В.В. Путин¹.

Вместе с этим, следует согласиться с точкой зрения А.А. Раренко, который отмечает, что на приоритетные ценности российского общества оказывают определённое влияние экономические, геополитические, социально-культурные тенденции [6].

Анализ динамики ценностной трансформации российского социума (по материалам социологических исследований)

Далее обратимся к исследованиям, отражающим динамику трансформации ценностной системы российского общества.

Всемирный обзор ценностей (2023) определил, что для российского общества являются равнозначными традиционные, религиозные ценности, а также рациональные ценности культуры. Вместе с этим, российский социум характеризуется стремлением к стабильности, сохранению и объединению как стратегии выживания².

Согласно исследованию ВЦИОМ (2023), традиционные и религиозные ценности, а также морально-нравственные ориентиры представляют определяющую значимость для большинства российских граждан (81%). Наряду с этим в числе главных жизненных целей респондентами обозначено сохранение здоровья (58%) и создание крепкой семьи (56%). Эксперты интерпретируют ценностные предпочтения россиян следующим образом: традиционные ценности формируют нравственные принципы и этические нормы, что позволяет сохранить идентичность представителей общества, объединить их общими идеалами, сохранить стабильность. Вместе с тем семейные ценности обеспечивают преемственность поколений, способствуют передаче накопленного опыта³.

В 2024 г. ВЦИОМ был проведён опрос, который показал высокую значимость патриотизма среди политических ценностей россиян. В частности, 94% опрошенных заявили, что считают себя

¹ Глава государства принял участие в итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (дата обращения 11.08.2024).

² WVS Cultural Map: 2023 Version Released [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow.jsp?ID=467> (дата обращения 11.08.2024).

³ Традиционные ценности, современные цели [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения 11.08.2024).

патриотами. При этом патриотизм россияне связывают с такими качествами как любовь к семье, гордость за страну и гражданская ответственность. Организаторы мониторинга объясняют рост уровня патриотизма проведением специальной военной операции¹.

Ещё один представляющий интерес исследовательский проект был организован в рамках подготовки монографии «Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи». Как подчеркнул редактор данного научного труда – профессор МГУ Сергей Перевезенцев: существуют базисные ценностные ориентиры, традиционные для российского общества, которые позволяют исследовать политическое сознание современной молодежи. В ходе опроса, проведённого в 2022 г., эксперты пришли к выводу о том, что российская молодёжь наибольшую значимость отводит таким ценностям как мир (70,7%) и справедливость (69,8%). При этом большинство молодых россиян считают себя патриотами – 79,6%, а многие предпочитают жить в сильном государстве (31,3%)².

Ценностные доминанты российского общества

Основываясь на данных вышеобозначенных исследований, считаем важным определить элементы, фундаментальные для российской системы ценностей. Среди них выделяются такие качества, как патриотизм, гражданственность, гуманизм, великодушие, терпимость, открытость. Для российского общества всегда были характерны коллективизм и соборность, а также ориентированность на семью, крепкие родственные связи и преемственность, в противовес социальной атомизации и индивидуализму. Эти и другие характеристики российского ценностного ядра обладают значительным конструктивным потенциалом в контексте обеспечения единства и целостности российского народа, государства и общества. Подобные черты резко контрастируют с западной аксиологической моделью, которой присуще неприятие ценностных различий и противоборство по отношению к носителям иных ценностей. В социокультурной сфере западная ценностная парадигма выразилась в явлении «культуры отмены», наблюдаемом на уровне групп и социума, а также в легитимации принципов коллективной ответственности, которые распространяются на целые общества и народы.

Проблемные тенденции в рамках российской системы ценностей

Вместе с этим наряду, с заметной положительной динамикой в ценностной сфере российского общества, исследователи обращают внимание на те обстоятельства, что представители молодежи обладают достаточно размытым и фрагментарным представлением о России, у них отсутствует общее понимание о стране и государстве. Искажённые представления о российском государстве и обществе, распространение индивидуалистических установок, а также ориентация на внутренний комфорт сигнализируют о тревожных изменениях в системе ценностей молодёжи России, что может являться вызовом для государственной политики. Преодолеть подобные тенденции эксперты предлагают, воздействуя на молодёжь с помощью институтов образования, гражданского просвещения, а также включая её представителей в совместные социально-значимые виды деятельности³.

При рассмотрении процессов ценностной трансформации в российском обществе следует, по нашему мнению, учитывать последствия социальной аномии, что нашло отражение в рассогласовании между институциональными социокультурными ценностями, смыслами, целями, нормами; в нарушениях социальной адаптации, деформации системы общественных отношений, отсутствии доверия к актуальным моральным ценностям и нравственным нормам, социальным институтам. Как считает К.О. Малинина, «для преодоления этих тенденций, обеспечения оптимального и безопасного развития общества требуется изменение управления процессами возникновения аномии и социальной напряженности» [7].

¹ В России значительно вырос уровень патриотизма. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/29/22661959.shtml> (дата обращения 11.08.2024).

² Молодые люди в России считают основными ценностями мир и справедливость [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/04/26/1034268-molodie-lyudi-v-rossii-schitayut-osnovnimi-tsennostyami-mir-i-spravedlivost> (дата обращения 11.08.2024).

³ Там же.

Институты образования и воспитания в контексте ценностной политики государства

Таким образом, основополагающая роль в закреплении и развитии положительных ценностных установок в обществе отводится институтам образования и воспитания. Законодательство об образовании закрепляет положение тех этических ценностей, которые представляют значимость для государства и общества.

В этой связи, инициатива российских правотворцев по изъятию из закона «Об образовании в РФ» термина «образовательные услуги» являлась достаточно своевременной мерой, отвечающей общественному запросу¹. По мнению председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию Сергея Кабышева, таким образом мы преодолеваем чуждый, неолиберальный подход к образованию и возрождаем классическую триаду российского образования (дисциплина, воспитание, обучение). Также, отметим, что в законе были уточнены принципы гуманистического характера образования с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности².

Отметим, что в основополагающем акте в сфере ценностной политики, а именно в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», говорится о том, что методы воспитания и образования детей по сохранению и укреплению традиционных ценностей рассматриваются в качестве необходимого условия национальной идентичности³.

Полагаем, что глубокое осмысление направлений развития образования с духовно-нравственных позиций наряду с усилением ценностного потенциала системы российского образования также способствует укреплению ценностно-мировоззренческого базиса российской государственности.

Взаимодействие различных систем ценностей на геополитическом уровне: противоборство и сотрудничество

Отметим, что категория «ценности» находит своё отражение не только внутри общественных процессов, но и во внешнеполитическом пространстве. При этом ценности различных сообществ могут коррелировать и вступать во взаимодействие или же противостоять друг другу в случае несоответствия. Таким образом, можно говорить о том, что ценности представляют собой ключевые аспекты различий между культурами и цивилизациями. Подобная точка зрения высказывается А.Е. Шишкиным, который отмечает, что именно ценности и смыслы лежат в основе национальных и цивилизационных разломов [8].

В настоящий момент мы наблюдаем, что одной из граней глобального конфликта России и Запада становится война ценностей. Этот процесс проявляется в агрессивном навязывании вестернизованных норм и правил жизнедеятельности в странах, обладающих традиционным ценностным фундаментом, который подвергается деформации в ходе подобной экспансии. Результатом насильственной вестернизации также становится разрушение устойчивых социокультурных оснований жизнедеятельности социума, базирующихся на нормах морали и нравственности. В качестве важного аспекта конкуренции/противоборства ценностей выступают войны памяти / битва за историю.

К проблематике конкуренции ценностей обращаются О.А. Дмитриев, Д.Г. Евстафьев, которые относят данный феномен прежде всего к социокультурной сфере. В центре ценностно-идеологического противостояния, по мнению учёных, находятся технологии информационных манипуляций, такие как «постправда» и «постреальность», которые активно применяются западными странами против России, в целях формирования негативного образа Российского государства и общества, а также в рамках попыток отмены достижений российской культуры, искусства и спорта [9].

¹ Понятие «образовательная услуга» исключено из российского законодательства [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/5483/ponyatie-obrazovatel'naya-usluga-isklyucheno-iz-rossiyskogo-zakonodatelstva/> (дата обращения 11.08.2024).

² Дума приняла закон, закрепляющий традиционные ценности в системе образования [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19515553> (дата обращения 11.08.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 11.08.2024).

Феномен «постправды» понимается О.А. Дмитриевым, Д.Г. Евстафьевым как важный элемент стратегической пропаганды, обладающий значительным манипулятивным потенциалом в контексте социокультурного воздействия. Постправда апеллирует к аргументам, основанным на убеждениях и эмоциях, а не на фактах. В свою очередь, постреальность представляет собой более объемный феномен, направленный на управление геополитическими трансформациями с помощью культивации искаженной картины мира, транслируемой государственными образованиями и международными организациями [9].

Вместе с тем, О.А. Дмитриев, Д.Г. Евстафьев считают, что элементы системы ценностей закладывают фундамент образа будущего, а также обеспечивают сближение на межгосударственном уровне стран, имеющих схожие аксиологические ориентиры, что, в свою очередь, создаёт иную конструкцию миропорядка. В этой связи, можно выдвинуть тезис о формировании в современном мире двух конкурирующих глобальных систем ценностей – с одной стороны – США и их союзники, навязывающие всему миру либеральные ценностные установки, с другой – Россия и страны БРИКС, отстаивающие традиционные ценности и стремление к суверенитету, право самим определять своё будущее [9].

Авторы отмечают, что в условиях ценностного противоборства, Российскому государству необходимы защитные барьеры, способные оградить социокультурные и информационные системы общества от враждебных внешних воздействий. Полагаем, что необходимым защитным потенциалом в данной сфере обладает именно национальная система ценностей. Это обусловлено способностью ценностей обеспечивать формирование нравственных начал общественного устройства. Схожей точки зрения придерживается В.М. Рыбаков, который говорит о важности этических оснований в жизни общества, призванных иметь коллективный характер, а также пониматься и приниматься большинством членов социума [10].

Выводы

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы:

- Российское государство находится в обстановке, в которой многое зависит от того, какая система ценностей будет доминировать в обществе.
- Существуют положительные тенденции к усилению преобладания в российском социуме традиционных ценностных доминант, выражающихся в особом отношении к семье, Родине, труду, долгу, справедливости.
- Российскому государству и социуму следует закрепить позитивные ценностные трансформации с помощью системы образования и воспитания.
- В условиях геополитического противостояния ощущается столкновение систем ценностей, представляющих собой конкурирующие образы будущего.
- На международной арене происходит укрепление статуса России как лидера среди государств, разделяющих традиционные духовно-нравственные ценности.

Список источников

1. Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. №1. С. 13–25.
2. Лапин Н. И. Общая социология: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2009. 452 с.
3. Смелзер Н. Социология. Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
4. Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
5. Актуализированные ценности современного российского общества. Отв. ред. И.А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.
6. Раренко А. А. Ценностные ориентиры россиян в условиях общественных трансформаций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12. № 4. С. 221–236.
7. Малинина К. О. Социальная аноμία в современном российском обществе: причины, проявления, показатели. Автореф. ... дис. ... канд. социол. наук. М., 2015. 26 с.
8. Шишкин А. Е. Трансформация ценностей в контексте национальных и цивилизационных разломов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21. № 2. С. 130–140.
9. Дмитриев О. А., Евстафьев Д. Г. От постправды к постреальности // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 110–121.
10. Рыбаков В. М. Культурная традиция и психология политики // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 4. С. 138–156.

References

1. Leontiev D. A. Value representations in individual and group consciousness: types, determinants and changes over time. *Psychological review*. 1998; (1):13–25. (In Russ.).
2. Lapin N. I. *General sociology: a textbook for universities*. Moscow: Higher school. 2009; 452 p. (In Russ.).
3. Smelser N. *Sociology*. Moscow: Phoenix. 1994; 688 p. (In Russ.).
4. Giddens E. *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. 2005; 632 p. (In Russ.).
5. *Actualized values of modern Russian society*. I.A. Khaliy (ed.). Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. 2015; 273 p. (In Russ.).
6. Rarenko A. A. Value orientations of Russians in the context of social transformations. *Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2022; 12 (4): 221-236. (In Russ.).
7. Malinina K. O. *Social anomie in modern Russian society: causes, manifestations, indicators*. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Moscow. 2015; 26 p. (In Russ.).
8. Shishkin A. E. Transformation of Values in the Context of National and Civilizational Faults. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2021; 21(2): 130–140. (In Russ.).
9. Dmitriev O. A., Evstafiev D. G. From post-truth to post-reality. *Russia in global politics*. 2024; 22(4): 110–121. (In Russ.).
10. Rybakov V. M. Cultural tradition and psychology of politics. *Russia in global politics*. 2024; 22(4): 138–156. (In Russ.).

Информация об авторе

В. В. Стеценко – старший преподаватель кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Information about the author

V. V. Stetsenko – Senior Lecturer, Department of Industry Legal Disciplines, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 27.10.2024; accepted for publication 29.10.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-215-222>

EDN JICUX

Проблемы регулирования информационно-коммуникативных технологий в условиях кризиса мирового порядка

Екатерина Ильинична Хубулури

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
ehubuluri@yandex.ru

Аннотация. В условиях кризисного характера формирования мирового порядка актуализируется проблематика глобального регулирования. Развитие информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), будучи одним из мегатрендов мирового развития, не является исключением. В настоящее время регулирование глобального информационно-коммуникационного пространства затруднено ввиду ряда различных причин, таких как его секьюритизация государствами, отсутствие аккомодации между великими державами и гомогенности в определении угроз, существенных терминов, идей и подходов. В статье рассматривается роль ИКТ как ресурса атрибутивной и релятивной силы, подходы России, США и КНР к глобальному регулированию развития ИКТ и информационно-коммуникационного пространства, а также основные проблемы на этом пути.

На современном этапе технологического развития важнейшее значение приобретает суверенитет в области цифровых технологий. Внимание к цифровому суверенитету обусловлено радикальной трансформацией экономического и технологического укладов, общественных отношений и политической жизни, вызванной глобальной цифровой трансформацией. Эти изменения проявились и в сфере международных отношений – цифровое пространство стало полем геополитических противоречий, а уровень цифровизации становится важным фактором, определяющим положение страны на международной арене и спектр доступных ей внешнеполитических возможностей.

Исследования в области цифрового суверенитета тесно связаны с анализом технологического суверенитета, под которым понимается обеспечение независимости в научных разработках, определении стандартов, безопасности физической инфраструктуры связи.

Также рассматривается взаимосвязь с исследованиями в области технологических укладов, которые проводятся в сфере экономических наук и подчеркивают экономический потенциал цифровых технологий в рамках перехода к Четвертой промышленной революции.

В заключение делается вывод о необходимых шагах в этом направлении, которые следует предпринять России для достижения лидерства в этом функциональном «досье».

Ключевые слова: кибербезопасность, глобальное управление, сдерживание, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), великие державы, мегатренды, нормативный активизм, суверенитет

Для цитирования: Хубулури Е. И. Проблемы регулирования информационно-коммуникативных технологий в условиях кризиса мирового порядка // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 215–222. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-215-222>. EDN JICUX

Problems of regulation of information and communication technologies in the context of the crisis of the world order

Ekaterina I. Hubuluri

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, ehuluri@yandex.ru

Abstract. In the context of the crisis nature of the formation of the world order, the problems of global regulation are being actualized. The development of information and communication technologies (ICT), being one of the megatrends of global development, is no exception. Currently, the regulation of the global information and communication space is difficult due to a number of different reasons, such as its securitization by States, lack of accommodation between great powers and homogeneity in defining threats, essential terms, ideas and approaches. The article examines the role of ICT as a resource of attributive and relational power, the approaches of Russia, the United States and China to global regulation of the development of ICT and information and communication space, as well as the main problems along this path. At the present stage of technological development, sovereignty in the field of digital technologies is of crucial importance. Attention to digital sovereignty is conditioned by the radical transformation of economic and technological structures, public relations and political life caused by the global digital transformation. These changes have also manifested themselves in the sphere of international relations – the digital space has become a field of geopolitical contradictions, and the level of digitalization is becoming an important factor determining the country's position in the international arena and the range of foreign policy opportunities available to it.

Research in the field of digital sovereignty is closely related to the analysis of technological sovereignty, which means ensuring independence in scientific research, defining standards, and the security of physical communications infrastructure. It also examines the relationship with research in the field of technological structures, which are conducted in the field of economic sciences and emphasize the economic potential of digital technologies as part of the transition to the Fourth Industrial Revolution. In conclusion, the conclusion is made about the necessary steps in this direction that Russia should take to achieve leadership in this functional "dossier".

Keywords: information and communication technologies, cybersecurity, global governance, constraint, great powers, megatrends, normative activism, sovereignty

For citation: Hubuluri E. I. Problems of regulation of information and communication technologies in the context of the crisis of the world order. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):215–222 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-215-222>. EDN JIICUX

Введение

В настоящее время происходит формирование современного мирового порядка [1, с.7]. На фоне этого актуализируются нормативный и коммуникационный аспекты взаимодействия между субъектами, а также вопрос о механизмах принятия решений на глобальном уровне [2, с. 25]. Несмотря на то, что черты нового мирового порядка до конца еще не оформились, вполне можно констатировать недостаточную степень аккомодации в отношениях между великими державами, размывание международных режимов и несоблюдение норм, а также кризис институтов глобального регулирования. Сегодня мир можно описать либо как «осыпавшийся»¹, либо как «опять разделенный», в котором выделяются три центра силы, отождествленные тремя великими державами - Россией, США и КНР [3, с.10].

¹ Мир осыпался: что дальше? Четвёртый день ежегодного заседания клуба «Валдай». - Международный дискуссионный клуб «Валдай». 28.10.2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/mir-osypalsya-clito-dalshe/>.

ИКТ: от инструмента «коммуникации во благо» до ресурса «войн будущего»

С развитием информационно-коммуникационных и цифровых технологий (ИКТ) изменилось само пространство международных отношений: из трехмерного (суша, вода и воздух) оно трансформировалось в четырехмерное (киберпространство/информационная сфера¹). И если в начале его активного освоения (1990-е гг.) оно рассматривалось как неподконтрольное государствам, то уже в нулевых годах постепенно стало приходить понимание, что оно имеет свои политические границы, отражающие существующую карту мира [4, с. 112]. Глобальное регулирование этого пространства становится прерогативой национальных государств, поскольку информационные технологии рассматриваются как проблема обеспечения их национальной безопасности.

Если на заре развития ИКТ и становления понимания информационного пространства как «коммуникационного» виделась возможность междержавной кооперации в информационной среде для достижения общего блага, то в дальнейшем данная среда стала рассматриваться как потенциально конфликтная, включенная в пространство войны [5, с. 105; 6, с. 186], в которой возникают и развиваются различные типы кибер-/ кибернетических/кибернетизированных (cybered) конфликтов как внутри национальных государств (в т.ч. в результате вмешательства извне), так и между ними. Складывается дихотомия, в рамках которой ИКТ рассматриваются как обоюдоострый меч: усиливая то или иное государство и позволяя ему стать лидером, они одновременно становятся орудием для нанесения ему вреда со стороны тех, кто стремится его разрушить. Эти технологии также рассматриваются с точки зрения их возможного двойного и военного назначения, в т.ч. как инструмент ведения гибридных войн [7, с. 57], и одной из особенностей природы и методов ведения «войн будущего» [8, с. 12]. Более того, угрозы и вызовы в информационном и киберпространстве стали восприниматься через призму обеспечения безопасности ядерного комплекса государств [9, с. 148]. Закономерным итогом стала милитаризация глобального информационного пространства [10, с. 55], а информационно-коммуникационные и цифровые технологии стали ресурсом как атрибутивной, так и релятивной силы.

Причины кризиса глобального регулирования информационно-коммуникационного пространства

В настоящее время эффективное глобальное регулирование информационно-коммуникационного пространства отсутствует по нескольким причинам.

Во-первых, как уже упоминалось выше, в настоящее время наблюдается недостаточная степень аккомодации между тремя ключевыми великими державами. Во-вторых, каждая из великих держав стремится предложить свое видение будущего мирового устройства и глобального регулирования. Такие попытки нередко направлены на обретение статуса лидера/гегемона, сдерживание других держав, программирование системы международных отношений на междержавную конкуренцию. Особенно это характерно для внешнеполитической деятельности США [11, с. 13]. В-третьих, по-прежнему сохраняется дискурс относительно того, стоит ли передавать больше полномочий на уровень глобальных институтов или идти по пути укрепления роли национальных государств в различных сферах [12, с. 15]. Для современного состояния системы международных отношений характерны опасения государств относительно углубления взаимозависимости, которая воспринимается как средство вмешательства во внутренние дела, а также «суверенизация повесток», являющаяся как инструментом обретения собственных выгод, так и средством конкуренции с другими игроками, в результате чего подрывается доверие между ними, и достижение баланса сил и гомогенизация идей становятся невозможными [13, с. 66–67].

Видение глобального регулирования информационно-коммуникационного пространства отличается у трех держав. ИКТ обретают еще одну грань – они становятся ресурсом нормативной силы государств.

¹ National Security Strategy. - Historical Office. Office of the Secretary of Defense. May 2010. P. 24. URL: <https://historydefense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2010.pdf?ver=Zt7IeSPX2uNQ0t07wq6Hg%3D%3D>.

Подходы великих держав

Россия подразумевает под таким пространством «информационную среду/ пространство» (отсюда термин «информационная безопасность»)¹, а США – «киберпространство» («кибербезопасность»)². Понимание пространства Китая можно описать как «сетевое пространство» [14, с. 384] («сетевая безопасность»)³. В то же время достаточно распространенным термином в китайских документах остается «информационная среда» [15, с. 175] и «информационная безопасность»⁴. Также встречаются термины «цифровая сфера» и «кибербезопасность». Отличаются и подходы государств к глобальному регулированию информационного пространства.

Россия выступает с позиции необходимости институционализации информационной сферы, признания всеми игроками существования национальных сегментов информационного пространства и принципа суверенитета национальных государств над своей частью пространства, означающего невмешательство при помощи ИКТ во внутренние дела суверенных государств. Более того, российский подход не только затрагивает проблематику безопасности компьютерных систем и иных средств связи, но также рассматривает политико-идеологические аспекты безопасности и направлен на обеспечение безопасности социально-гуманитарного развития общества. По мнению России, интернационализированное глобальное регулирование информационного пространства – ключ к кооперационной модели существования государств. Россия в 2004 г. выступила инициатором создания Группы правительственных экспертов ООН (ГПЭ), на базе которой в 2018 г. вновь по предложению России была создана Рабочая группа открытого состава (РГОС). Создание РГОС было обусловлено возникновением во второй половине 2010-х гг. серьезных противоречий между членами ГПЭ [16] по вопросу применения международного права относительно действий держав в информационном/киберпространстве. Но несмотря на принятие в 2021 г. доклада РГОС, ставшего символом «триумфального успеха российской дипломатии»⁵, и упразднение параллельно возрожденного США формата ГПЭ, по-прежнему затруднено внедрение принятых предложений и норм в реальную практику. На это есть как минимум две принципиальные причины. Во-первых, между странами по-прежнему отсутствует единая позиция относительно механизмов применения международного права в информационном/киберпространстве. Во-вторых, ООН не является инструментом глобального регулирования (необходимыми атрибутами обладает лишь Совет Безопасности) [17, с. 62, 63].

Китай выступает с позиции многосторонней централизованной модели [18, с. 21], суть которой заключается в распространении суверенитета⁶ государства в вопросах, относящихся к глобальному регулированию информационного/интернет-пространства [19, с. 55] (роль негосударственных акторов сводится лишь к консультативной функции). Китай в своей внешнеполитической стратегии рассматривает «традиционные международные институты», например, систему ООН, как структуру, в которой он не может достичь лидирующей роли и конструктивного сотрудничества с другими державами, считая, что его интересы не будут удовлетворены в результате ограничительных действий других влиятельных игроков. Это объясняется тем, что они создавались в то время, когда Китай еще не был одним из системообразующих акторов. Следовательно, в них он видит свою роль в качестве «участника», действия которого лишь направлены на поддержку этих институтов. Это, впрочем, вовсе не означает, что его роль в них в качестве «участника» выработки глобальных норм и создания

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Доступ: <http://krenilm.ra/acts/barLk/41460>.

² National Cybersecurity Strategy. - The White House. March 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf>.

³ China's Positions on Global Digital Governance (Contribution for the Global Digital Compact). - Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 25.05.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjw663304/zjzg663340/jks665232/kjlc665236/qtwt_665250/202305/t20230525_11083607.html // Text China%20supports%20thc%20lcading%L0zzjg_663340/jks_665232/kjlc_665236/qtwt665250/201703Д20170301_599869.html.

⁴The Internet in China. - Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 08.06.2010. URL: http://iq.china-embassy.gov.cn/ara/zt/zgzfbps/201206/t20120621_2518854.htm.

⁵ В РФ заявили, что рабочая группа ООН по информационной проблематике начнет работу в июне. - ТАСС. 13.03.2021. Доступ: <https://tass.ru/politika/10895625>.

⁶ Global Initiative on Data Security. - Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 08.09.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/nTfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/202009/t20200908_679637.html.

международных режимов не будет активной. Напротив, в «модифицированных», или «улучшенных», а тем более в «инновационных» международных институтах (ШОС+, БРИКС+), созданных, когда Пекин уже стал одной из ключевых глобальных держав, влияющей на систему международных отношений, он видит свою роль в качестве «созидателя», «лидера» и «направляющего» [20, с. 17, 18]. Поэтому предполагается, что именно эти институты Китай будет рассматривать как перспективные для своей нормативной деятельности и активизации сотрудничества в области глобального регулирования развития ИКТ и информационно-коммуникационного пространства.

США рассматривают глобальное регулирование киберпространства как децентрализованную модель [18, с. 21], основную роль в которой играют частные структуры (на которые, впрочем, могут оказывать влияние американские власти, т.е. речь идет о государственно-частном режиме управления, или принципе мультистейкхолдерности). Что касается категории суверенитета, то она по-прежнему не употребляется в американских документах, предназначенных для глобального уровня. Это может интерпретироваться как «желание распространить нормы и практики внутренней политики США на своих союзников» [21, с. 47]. Это вовсе, однако, не означает, что США не секьюритизируют эту проблематику (например, они вводят рестриктивные меры в отношении иностранных цифровых платформ). США заинтересованы в экстратерриториальном глобальном регулировании, т.е. расширении собственной юрисдикции «на международный уровень системы Интернета в целом», что позволит им ограничить суверенитет других держав и укрепить свой статус гегемона-лидера [22, с. 14]. Таким образом, для них неприемлем российский и китайский подходы, поскольку они видят в них укрепление примата государственного контроля над киберсредой. В области обеспечения кибербезопасности Вашингтон институционализирует сотрудничество со странами НАТО. США продвигают Группу независимых экспертов под эгидой НАТО, ключевым проектом которой является Таллинское руководство, целью которого стало регулирование киберпространства с точки зрения международного гуманитарного права. На сегодняшний день Руководство уже охватывает два принципиальных вопроса, давая понять, что США рассматривают киберпространство как настоящий театр военных действий. Более того, США в своих стратегических документах отмечают, что на кибератаки они будут «реагировать всеми соответствующими инструментами национальной мощи». В целом, стратегия США в киберсреде направлена на сдерживание России и Китая [23], что не только мешает конструктивному диалогу между великими державами, но и «обостряет дилемму безопасности» [22, с. 59].

В рамках глобального регулирования в области информационно-коммуникационных и цифровых технологий заметны те же тенденции, которые характерны для многих других сфер: постепенное смещение акцента на «два конкурирующих мирорегулирующих блока («глобальное НАТО» и «ШОС+»)» [17, с. 63], а также повышение статуса БРИКС+. В настоящее время отсутствие международного режима со своими работающими институтами во многом является следствием нежелания США лишать себя особого положения в этом функциональном «досье». Все это не ведет к снижению конфликтности между игроками на международной арене и элиминации глобальных угроз в информационной и цифровой среде.

Заключение

На этом фоне возможным положительным сценарием для России может стать углубление взаимодействия в рамках данной проблематики с Китаем, а также с Индией, Бразилией и другими заинтересованными державами в рамках ООН, ШОС+, БРИКС+, ОДКБ и других глобальных и региональных форматов, альтернативных западным институтам. Иными словами, России крайне важно сохранить гибкость, рационализм и инклюзивность своего подхода по формированию всеобъемлющего и универсального международно-правового режима регулирования информационно-коммуникационного пространства. Для этого России необходимо продолжать активно выступать на международной арене в качестве нормативного актора, манифестируя свои намерения в рамках глобального публичного пространства.

Помимо дискурсивных практик, не менее важным для России является онтологическое наполнение ее цифрового суверенитета. В существующих реалиях экономического давления западных стран и их попыток сдержать ее технологическое развитие добиться этого становится весьма нетривиальной задачей. Однако достижение ощутимых результатов в рамках этой деятельности, на наш взгляд, будет являться стратегической целью для России, поскольку от этого будет зависеть ее развитие и ее мощь.

Цифровой и технологический суверенитет России позволит ей помешать складыванию американо-китайской дуополии в информационном/сетевом/ киберпространстве. Заключение двусторонних и многосторонних договоров в области обеспечения региональной и глобальной информационной безопасности позволит ей не допустить своей изоляции и сдерживания со стороны какой-либо державы.

Активная и самостоятельная политика России на этом направлении будет встречать критику и, возможно, даже неприятие со стороны стран Запада. В то же время именно независимость внешней политики России и стремление развивать глобальное регулирование в области информационно-коммуникационных и цифровых технологий в логике кооперации с другими государствами с целью построения инклюзивного (справедливого) и равноправного для национальных государств и суверенного для каждого из них коммуникационного пространства будет укреплять роль Москвы как ответственной великой державы, позволяя ей продвигаться на пути лидерства как минимум в этом функциональном «досье» глобального регулирования, оказывающего влияние на формирование нового мирового порядка.

Список источников

1. Шаклеина Т.А. Переломный момент в мировом развитии. Сохранит ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // Международные процессы. Т. 20. 2022. № 4(71). С. 6-22. DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.2. EDN: IGCAUV.
2. Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24-35. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03. EDN: DNORYR.
3. Богатуров А.Д. Введение. Попытка построения «однополярной безопасности» и современная трехполюсная система / Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980-2018: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2020. С. 10-17. EDN: WFDKWR.
4. Зиновьева Е.С. Глобальное управление Интернетом: российский подход и международная практика // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 4(43). С. 111-118. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-111-118. EDN: UDUNML.
5. Истомин И.А. Войны будущего в свете опыта прошлого // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 101-114. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-101-114. EDN: IRAVWZ.
6. Коньшев В.Н. Изучая природу войны: взгляд из России и Европы // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 182-188. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.13. EDN: MIYBGV.
7. Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. 2019. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 12. С. 56-66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66. EDN: NQTLHW.
8. Сучков М.А., Тэк С. Будущее войны: доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». - МДК«Валдай». 2019. 24 с. EDN: JZOFUG.
9. Футтер Э. Ядерное оружие в век информационных технологий // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 6. С. 146-159. EDN: XAELEN.
10. Зиновьева Е.С. Киберсдерживание и цифровая дилемма безопасности в американском экспертном дискурсе // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3(58). С. 51-65. DOI: 10.17994/IT.2019.17.3.58.4. EDN: LVKPIA.
11. Шаклеина Т.А. Политика США в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 10-26. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4- 10-26. EDN: FOEVRX.
12. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14-25. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03. EDN: JVPZJB.
13. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57-76. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05. EDN: XOYUIZ.

14. Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю. Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 382-394. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394. EDN: UANODL.
15. Creemers R. The Chinese Conception of Cybersecurity: A Conceptual, Institutional, and Regulatory Genealogy. - Journal of Contemporary China. 2024. Vol. 33. Is. 146. P. 173-188. DOI: 10.1080/10670564.2023.2196508.
16. Шакиров О.И. Широкий киберконсенсус. - Российский совет по международным делам. 23.03.2021. Доступ: https://russiancouncil.ru/analyt-ics-and-comments/analytics/shirokiy-kiberkonsensus/?sphrase_id=13172130
17. Худайкулова А.В. К вопросу о глобальном управлении в XXI в.: подходы РФ, КНР и США. - Социальные и гуманитарные знания. Т. 8. 2022. № 1(29). С. 56-69. DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-56-69. EDN: CYFJSX.
18. Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А. Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом обществе» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 16. 2021. № 3. С. 7-33. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01. EDN: RHBSFR.
19. Ребро О.И., Гладышева А., Сучков М.А., Сушенцов А.А. Категория «Цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России // Международные процессы. Т. 19. 2021. № 4(67). С. 47-67. DOI: 10.17994/1X2021.19.4.67.6. EDN: QRXXVU.
20. Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Т. 17. 2022. № 1. С. 7-24. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-01. EDN: ZDZJNP.
21. Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38-51. EDN: HBTQYT.
22. Зиновьева Е.С. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии // Полис. Политические исследования. 2022. №2. С. 8-21. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.02. EDN: AJDIQL.
23. Себекин С.А. Система международной информационной безопасности в условиях политической турбулентности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. Т. 16. 2023. № 2. С. 170-190. DOI: 10.21638/spbu06.2023.205. EDN: JQHKPU.

References

1. Shakleina T.A. A turning point in world development. Will the West retain its predominant influence on shaping the world order of the 21st century? *International processes*. Vol. 20. 2022;4(71):6-22. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2022.20.4.71.2. EDN: IGCAUV.
2. Lebedeva M.M. The New World Order: parameters and possible contours. *The policy. Political research*. 2020;(4):24-35. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03. EDN: DNORYR.
3. Bogaturov A.D. *Introduction. An attempt to build a "unipolar security" and a modern three-pole system. - A systematic history of international relations. A divided world again. 1980-2018: textbook for universities*. 3rd ed., reprint. and additional. (In Russ.). Moscow: Yurait; 2020:10-17. EDN: WFDKWR.
4. Zinovieva E.S. Global Internet governance: the Russian approach and international practice. *Bulletin of MGIMO University*. 2015;4(43):111-118. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-111-118. EDN: UDUNML.
5. Istomin I.A. Wars of the future in the light of the experience of the past. *World economy and international relations*. 2022;66(11):101-114. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-101-114. EDN: IRAVWZ.
6. Konyshv V.N. Studying the nature of war: a view from Russia and Europe. *The policy. Political research*. 2022;(6):182-188. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.06.13. EDN: MIYBGV.
7. Konyshv V.N., Parfenov R.V. Hybrid Wars: Between myth and reality. *World Economy and International Relations*. 2019;63(12):56-66. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66. EDN: NQTLHW.
8. Suchkov M.A., Tek S. *The future of war: report of the Valdai International Discussion Club*. - MDK "Valdai". 2019. 24 p. (In Russ.). EDN: JZOFUG.

9. Futter E. Nuclear weapons in the age of information technology. *Russia in global politics*. (In Russ.). 2016;14(6);146–159. EDN: XAELEH.
10. Zinovieva E.S. Cyber support and the digital security dilemma in American expert discourse. *International processes*. 2019;(17(3(58))):51-65. (In Russ.). DOI 10.17994/IT.2019.17.3.58.4. EDN: LVKPIA.
11. Shakleina T.A. U.S. policy towards Russia: competition, deterrence and governance. *Bulletin of the Russian State University. Ser. Political science. History. International relations*. 2020;(4):10-26. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4- 10-26. EDN: FOEVRX.
12. Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. Modern world order: adaptation of actors to structural realities. *The policy. Political research*. 2021;(4):14-25. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03. EDN: JVPZJB.
13. Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. Modern world order: structural realities and rivalry of great powers. *The policy. Political research*. 2021;(3):57-76. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05. EDN: XOYUIZ.
14. Ponka T.I., Ramich M.S., U. Yu. Information policy and Information Security of the People's Republic of China: development, approaches and implementation. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. International Relations*. 2020; 20(2):382–394. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-382-394. EDN: UANODL.
15. Creemers R. The Chinese Conception of Cybersecurity: A Conceptual, Institutional, and Regulatory Genealogy. *Journal of Contemporary China*. 2024;33(146):173-188. DOI: 10.1080/10670564.2023.2196508.
16. Shakirov O.I. Broad cyberconsensus. *The Russian Council for International Affairs*. 23.03.2021. (In Russ.). Access: https://russiancouncil.ru/analyt-ics-and-comments/analytics/shirokiy-kiberkonsensus/?sphrase_id=13172130.
17. Khudaikulova A.V. On the issue of global governance in the XXI century: approaches of the Russian Federation, China and the USA. *Social and humanitarian knowledge*. 2022;8(1(29)):56-69. (In Russ.). DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-56-69. EDN: CYFJSX.
18. Degterev D.A., Ramich M.S., Piskunov D.A. Approaches of the USA and China to global cyberspace management: “new bipolarity” in the “network society”. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2021;16(3):7–33. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-01. EDN: RHBSFR.
19. Rebro O.I., Gladysheva A., Suchkov M.A., Sushentsov A.A. The category of “Digital sovereignty” in modern world politics: challenges and opportunities for Russia. *International processes*. 2021;19(4(67));47–67. (In Russ.). DOI: 10.17994/1X2021.19.4.67.6. EDN: QPXXVU.
20. Grachikov E.N., Xu H. China and the international system: the formation of its own model of the world order. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*. 2022;17(1);7–24. (In Russ.). DOI: 10.17323/1996- 7845-2022-01-01. EDN: ZDZJNP.
21. Zinovieva E.S., Shitkov S.V. Digital sovereignty in the practice of international relations. *International life*. 2023;(3);38–51. (In Russ.). EDN: HBTQYT.
22. Zinovieva E.S. The formation of digital borders and information globalization: an analysis from the standpoint of critical geography. *The policy. Political research*. 2022;(2):8-21. (In Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2022.02.02. EDN: AJDIQL.
23. Sobekin S.A. The system of international information security in conditions of political turbulence. *Bulletin of St. Petersburg University. International Relations*. 2023;16(2):170-190. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu06.2023.205. EDN: JQHKPU.

Информация об авторе

Е. И. Хубулури – доцент, доктор политических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» гуманитарного факультета Ростовского государственного университета путей сообщения.

Information about the author

E. I. Khubuluri – Associate Professor, Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of State and Municipal Administration, Faculty of Humanities, Rostov State University of Railway Engineering.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 29.11.2024.

The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 29.11.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-223-229>

EDN JLDBJE

Гендерная политика Кыргызстана в контексте постсоветской трансформации: традиции, модернизация и вызовы

Шаньчуань Чжицзы

Институт региональных исследований Пекинского университета, Пекин, Китай,
shanchuanzhizi@outlook.com

Резюме. Актуальность исследования заключается в том, что в современном мире равноправное участие и полноценное вовлечение женщин в процессы принятия политических и социально-экономических решений являются не только необходимым условием экономического прогресса, но и ключевым индикатором демократичности, открытости и безопасности государственной власти и общества в целом. Более того, такое равноправие играет фундаментальную роль в обеспечении стабильности и укреплении мира. Соответственно, изучение данной проблемы на примере одного из государств постсоветского пространства выступает важной исследовательской задачей. Целью статьи является выявление традиций, процессов модернизации и вызовов по осуществлению гендерной политики Кыргызстана в контексте его постсоветской трансформации. Материалы и методы исследования предполагали использование в основе исследования неореалистского подхода, сочетание которого с институциональными и бихевиористскими принципами позволили всесторонне изучить рассматриваемую проблему.

Результатом работы стало понимание того, что гендерная политика Кыргызстана сложилась под влиянием трех ключевых факторов: советского прошлого, процессов неотрадиционализма и включения страны в мировое сообщество. На сегодняшний день на него влияют экономические, политические, культурные и социальные аспекты развития этого государства. Выводы статьи определяют, что политикам и обществу необходимо применять гибкие и разнообразные стратегии для содействия эффективной реализации гендерной политики и постоянно исследовать и корректировать её в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями. Только благодаря совместным усилиям и взаимодействию между государством, обществом и международным сообществом Кыргызстан сможет достичь подлинного гендерного равенства и способствовать гармоничному развитию общества.

Ключевые слова: Кыргызстан, гендер, гендерная политика, права женщин, феминизм, постсоветское пространство, социальные трансформации, традиция, модернизация, вызов

Для цитирования: Шаньчуань Чжицзы. Гендерная политика Кыргызстана в контексте постсоветской трансформации: традиции, модернизация и вызовы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 223–229. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-223-229>. EDN JLDBJE

Politology and Ethnopolitics

Original article

Gender policy in Kyrgyzstan in the context of post-soviet transformation: traditions, modernization and challenges

Shanchuan Zhizi

Institute of Area Studies, Peking University, Beijing, China

Abstract. The relevance of the study lies in the fact that in the modern world, equal participation and full involvement of women in the processes of making political and socio-economic decisions are not only a necessary condition for economic progress, but also a key indicator of democracy, openness and security of state power and society as a whole. Moreover, such equality plays a fundamental role

in ensuring stability and strengthening peace. Accordingly, the study of this problem on the example of one of the post-Soviet states is an important research task. The purpose of the article is to identify the traditions, modernization processes and challenges in the implementation of gender policy in Kyrgyzstan in the context of its post-Soviet transformation. The materials and methods of the research involved the use of a neorealist approach in the study, the combination of which with institutional and behavioral principles made it possible to comprehensively study the problem under consideration. The result of the work was the understanding that the gender policy of Kyrgyzstan was formed under the influence of three key factors: the Soviet past, the processes of neotraditionalism and the country's inclusion in the world community. Today, it is influenced by economic, political, cultural and social aspects of the development of this state. The conclusions of the article determine that politicians and society need to apply flexible and diverse strategies to promote effective implementation of gender policy and constantly study and adjust it in accordance with changing socio-economic conditions. Only through joint efforts and interaction between the state, society and the international community will Kyrgyzstan be able to achieve true gender equality and promote harmonious development of society.

Keywords: Kyrgyzstan, gender, gender policy, women's rights, feminism, post-Soviet space, social transformations, tradition, modernization, challenge

For citation: Shanchuan Zhizi. Gender policy in Kyrgyzstan in the context of post-soviet transformation: traditions, modernization and challenges. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):223–229 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-223-229>. EDN JLDDBJE

Введение

В контексте современного общества гармоничное и всестороннее развитие личности приобретает важное значение. Равноправное участие и полноценное вовлечение женщин в процессы принятия политических и социально-экономических решений являются не только необходимым условием экономического прогресса, но и ключевым индикатором демократичности, открытости и безопасности государственной власти и общества в целом. Более того, такое равноправие играет фундаментальную роль в обеспечении стабильности и укреплении мира. Социально-политическое развитие современного Кыргызстана во многом определяется тремя основными тенденциями. Данные тенденции характеризуются взаимопересечением и, в некоторых случаях, порождают комплекс противоречий, оказывающих существенное влияние на формирование государственной гендерной политики и восприятие гендерных вопросов в общественном сознании.

Цель и задачи

Целью статьи является выявление традиций, процессов модернизации и вызовов по осуществлению гендерной политики Кыргызстана в контексте его постсоветской трансформации.

Задачи, необходимые для ее исполнения:

1. выявить тенденции, влияющие на гендерную политику Кыргызстана;
2. рассмотреть примеры имплементации гендерной политики Кыргызстана: ее институциональные механизмы и социальные практики.

Материалы и методы

Материалы и методы статьи предполагали использование в основе исследования неореалистского подхода, сочетание которого с институциональными и бихевиористскими принципами позволили всесторонне изучить рассматриваемую проблему. Соответствующими ими методы исследования стали такие общенаучные принципы как анализ, синтез, сравнение, а также прикладные методы политических исследований: структурно-диахронный, анализ документов и статистики.

Результаты

Тенденции, влияющие на гендерную политику Кыргызстана

Первая тенденция представляет собой сохранение наследия советской гендерной политики, которая служит фундаментальным фоном общественного сознания населения Кыргызстана. В досоветский период положение женщин определялось более жесткими поведенческими стереотипами, ограничивающими их участие в социальных и политических взаимодействиях. С установлением советской власти произошла кардинальная трансформация гендерной политики. Ключевым аспектом политики СССР стало формирование концепций «новой женщины» и «нового мужчины», что повлекло за собой реструктуризацию гендерных отношений. Это выразилось в активном вовлечении

женщин в политическую сферу и общественное производство, усилении государственного контроля над институтом семьи, а также в переосмыслении традиционных понятий женственности и мужественности.

В результате этих преобразований произошло существенное расширение профессиональной сферы деятельности женщин. Они начали осваивать профессии, ранее считавшиеся исключительно мужскими, такие как столярное дело, управление сельскохозяйственной техникой, авиация, вождение общественного транспорта и строительство. Образовательная и трудовая политика СССР активно поддерживала участие женщин в высшем образовании и профессиональном развитии, что позволило женщинам достичь значительных успехов в науке, инженерии и медицине [1]. Благодаря экономической активности женщин, распространению высшего образования и установлению системы квот, женщины стали занимать руководящие должности и играть значительную роль в общественной жизни. Хотя эта важная тенденция сохраняется в Кыргызстане после обретения независимости и по сей день, роль женщин в общественной жизни Кыргызстана изменилась.

Вторая тенденция характеризуется развитием на постсоветском пространстве многообразных форм неотрадиционализма. В период СССР традиционные формы гендерных отношений в значительной степени были нивелированы. Однако в постсоветской реальности наблюдается процесс реконструкции и ревитализации консервативно-традиционалистских гендерно-семейных моделей. Эти модели активно поддерживаются рядом влиятельных институций, существовавших до установления советской власти, среди которых особую роль играют религиозные организации. Данный феномен способствует формированию на ментальном уровне традиционного понимания ролей и позиций мужчин и женщин в контексте развития семьи и общества в целом [2].

Процесс возрождения традиционных ценностей и норм в сфере гендерных отношений представляет собой сложное социокультурное явление, отражающее стремление общества к поиску идентичности в постсоветский период и адаптации к новым социально-экономическим условиям [3]. Криминализация социально-экономической сферы в постсоветский период способствовала распространению и укреплению культа брутальной, архаической мужественности, параллельно с этим наблюдалась тенденция к инфантилизации женских образов в общественном сознании. Одновременно с этим процессом, консервативно-националистически ориентированные интеллектуалы приобрели значительное влияние в постсоветском обществе. Используя разнообразные медиа-платформы, они активно пропагандируют традиционные семейные ценности и выступают с критикой западных феминистских идей. Эта деятельность интеллектуальных элит оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения и способствует укреплению традиционалистских взглядов на гендерные роли и семейные отношения. Данный феномен можно рассматривать как своеобразную реакцию на глобализационные процессы и попытку сохранения национальной идентичности через обращение к традиционным ценностям [4, с. 26].

В этой ситуации в социуме широкое распространение получило представление о мужчине как о «добытчике» и «главе семьи» и о женщине как о «хранительнице домашнего очага». В итоге для женщин вновь стали актуальными проблемы с домашним насилием и с трудоустройством. Согласно статистике, количество случаев агрессии против женщин растет, а положение женщин на рынке труда остается нестабильным: многие женщины вынуждены работать на низкооплачиваемых и неформальных работах.

Третья тенденция связана с вхождением Кыргызстана в мировое общество и единое коммуникативно-информационное пространство, что дало жителям Кыргызстана возможность путешествовать по миру, с доступом к зарубежным источникам информации и с появлением и развитием Интернета [5]. По приказу первого президента Кыргызстана Акаева в 1995 г. впервые делегация женщин суверенной Кыргызской Республики участвовала в работе IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине. Это участие стало новой эрой женского движения в республике – эры переосмысления женских и гендерных вопросов. Кыргызская Республика является одной из первых среди десяти стран, которые успешно выполняют свои обязательства по Пекинской Декларации и платформе действий, которая представляет собой один из самых важных международных документов по дальнейшему развитию гендерного равенства. В 1996 г. Жогорку Кенешом Кыргызской Республики были ратифицированы пять Конвенций по правам женщин, 1996 год был объявлен Годом женщин, в том же году была создана Государственная комиссия по делам семьи, женщин и молодежи. На период 1996–2000 годы была разработана Национальная Программа «Аялзат» для улучшения положения женщин Кыргызской Республики. Эту тенденцию можно охарактеризовать

как встраивание части населения Кыргызстана в динамику развития гендерной проблематики, характерную для западного мира. В той или иной степени подтверждаются такие тенденции как снижение рождаемости, более позднее вступление в брак, удлинение времени между вступлением в брак и рождением первого ребенка, рост количества людей, осознанно не желающих иметь детей и т.д. Средний возраст вступления в первый брак для кыргызских женщин увеличивается год от года, с 22,4 лет в 2000 году до 24,0 лет в 2022 году, и средний возраст вступления в первый брак для мужчин также увеличился с 25,6 в 2000 году до 27,9 лет. В развитых районах на севере, таких как город Бишкек и Иссык-Кульская область, средний возраст вступления в первый брак для женщин составляет более 26 лет, а для мужчин – более 30 лет¹.

Особого внимания заслуживает восприятие феминистского движения в сознании «постсоветского человека». Это восприятие характеризуется двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, феминизм на постсоветском пространстве нередко воспринимается как элемент «деградирующей» западной культуры, своего рода идеологическое оружие Запада, направленное на подрыв традиционных ценностей. С другой стороны, часть населения рассматривает феминизм как продолжение «радикального большевистского эксперимента». Широко распространено мнение о том, что советские женщины достигли равноправия раньше, чем женщины в других странах мира. Такая позиция способствует восприятию современного западного феминизма как явления неуместного, избыточного или устаревшего в контексте постсоветских реалий. Учитывая, что в обозримом будущем в обществе будет доминировать новое поколение, не имеющее опыта жизни в Советском Союзе и подверженное более сильному влиянию западных или традиционных религиозных ценностей, можно прогнозировать, что гендерный порядок в Кыргызстане может стать более динамичным и противоречивым. Это обусловлено столкновением различных идеологических и культурных парадигм, формирующих новое понимание гендерных ролей и отношений в обществе.

Что касается нынешней власти Кыргызстана, то она в большей степени склонна поддерживать консервативно-традиционалистскую гендерную тенденцию, хотя можно говорить, что идеология нынешней власти в отношении гендерной проблематики демонстрирует пересечение и конфликт множества тенденций. Наследие советского гендерного равенства, возрождение неотрадиционализма и влияние глобализации совместно формируют современную гендерную политику страны.

Имплементация гендерной политики:

институциональные механизмы и социальные практики

Для примера можно взять закон о похищении невест, который был принят в 2013 г. Бывший президент Кыргызстана Алмазбек Атамбаев подписал законопроект об увеличении максимального срока тюремного заключения за похищение невест. Пресс-служба президента сообщила журналистам в понедельник, что наказание за похищение женщин для вступления в брак увеличено с трех до семи лет. Если похищенная невеста моложе 17 лет, что является минимальным законным возрастом для вступления в брак, наказание может составлять до 10 лет тюремного заключения. Этот закон усилил наказание за похищение невест и стал важным шагом в борьбе с гендерным насилием в Кыргызстане. Особенности гендерной политики в современном Кыргызстане можно проиллюстрировать на примере принятия закона о похищении невест, который отражает три основные тенденции: наследие советской гендерной политики, влияние западных идей и традиционализм.

В советское время женщины активно вовлекались в общественную и политическую жизнь, что способствовало развитию гендерного равенства. Хотя после распада СССР участие женщин в политике снизилось, советское наследие продолжает оказывать влияние на современную гендерную политику Кыргызстана. Многие женщины, которые сейчас занимают руководящие должности в правительстве и неправительственных организациях, получили свое образование и профессиональный опыт еще в советское время. Эти женщины активно участвуют в разработке и продвижении законодательных инициатив, направленных на защиту прав женщин и борьбу с гендерным насилием. Несмотря на влияние советского наследия и западных идей, в кыргызском обществе сохраняются сильные традиционные взгляды на роль женщин. Похищение невест, хотя и незаконное, долгое время считалось традиционным обычаем. Принятие закона о похищении невест стало возможным благодаря компромиссу между традиционными ценностями и современными требованиями к защите прав женщин.

¹ Средний возраст вступления в первый брак по полу и территории. URL: <https://www.stat.kg/media/files/34338e21-da91-44c3-8298-5d4f051add5f.xls>.

Глобализация и интеграция Кыргызстана в международное сообщество привели к заимствованию западных идей о гендерном равенстве. Кыргызстан подписал и ратифицировал множество международных конвенций, направленных на защиту прав женщин. Успешное принятие этих законов возможно благодаря тому, когда НПО и критически настроенные депутаты парламента работают вместе для достижения общих целей [6]. Благодаря их усилиям, закон о похищении невест был принят, несмотря на сильное сопротивление со стороны традиционалистских сил.

Однако реальная ситуация с внедрением этих политик оставляет желать лучшего: многие меры не находят эффективного применения на уровне местных сообществ. Например, несмотря на принятие в Кыргызстане ряда законов и постановлений, направленных против явления похищения невест, такие случаи по-прежнему продолжают. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, среднее количество похищений женщин для вступления в брак в стране с 2010 по 2015 гг. составляло около 500, а в период с 2015 по 2020 год произошло всего 900 похищений и браков [7]. И 36% женщин и 58% мужчин Иссык-Кульской области твердо убеждены, что «похищение невест» является традиционным способом заключения брака [8, с. 123–124].

Основные причины включают следующие аспекты: во-первых, глубокое влияние культурных традиций, из-за которых похищение невест в некоторых регионах рассматривается как обычай, и многим людям трудно изменить эти укоренившиеся взгляды; во-вторых, недостаточная сила закона: хотя законы четко запрещают похищение невест, на практике их исполнение часто оказывается недостаточным, и многие случаи не получают должного внимания и рассмотрения; в-третьих, в бедных районах семьи могут поддерживать или даже поощрять похищение невест, чтобы сократить расходы на свадьбу, что делает это явление трудноискоренимым; наконец, слабая осведомленность женщин о своих правах: многие женщины, сталкиваясь с похищением, не имеют достаточного уровня самозащиты и средств, а также испытывают трудности в поиске помощи под давлением общества.

Другим примером является то, что хотя еще в 2007 г. избирательный закон Кыргызской Республики предписывал реализовать 30 % квоту для женщин на выборах в Жогорку Кенеш, доля женщин-депутатов никогда не достигала 30 %. Причина заключается в том, что установленная законом 30% квота должна была применяться только к партийным спискам, зарегистрированным в Центральной избирательной комиссии, а женщины-кандидаты часто занимали низкие позиции в этих списках, что снижало их шансы на прохождение в парламент. Более того, женщины часто добровольно или под давлением выходили из избирательного процесса. Чтобы решить эту проблему, в 2019 г. Жогорку Кенеш принял поправку к избирательному закону, согласно которой при выходе кандидата или депутата его место должно было занять лицо того же пола. Таким образом, женщины должны были составить 30% парламента по итогам выборов 2021 г., но результаты выборов показали снижение доли женщин-депутатов до 19%. Это связано с тем, что в 2021 г. в Кыргызской Республике была принята новая конституция, установившая президентскую форму правления. Полномочия парламента были значительно сокращены, а избирательная система изменилась с пропорциональной системы на смешанную, включающую 54 места, распределяемые по партийным спискам, и 36 мест, распределяемых по одномандатным округам. На выборах в ноябре 2021 г. в 36 одномандатных округах было избрано только одна женщина-кандидат (Сурабалдиева Эльвира Жыргалбековна). В результате, 30% квоты для женщин были реализованы только в 54 местах, распределяемых по партийным спискам. Таким образом, стоит сделать, что после обретения независимости и до установления гендерных квот число женщин-парламентариев в Кыргызстане сокращалось год за годом. В парламентах, избранных в 1990 и 1995 гг., женщины составляли 7% и 5%. В третьем парламенте, избранном в 2005 г., не было ни одной женщины-члена парламента. В 2022 г. Народный курултай стал важным институтом в политической жизни страны, для которого гендерные квоты не используются. Парламентские выборы были заменены с системы партийных списков на смешанную систему, и можно предвидеть, что доля женщин в политической жизни страны будет еще больше сокращаться. Это связано с тем, что несмотря на законодательные усилия по увеличению представительства женщин, фактическое исполнение этих законов сталкивается с серьезными препятствиями, что требует дальнейших реформ и усиления контроля за соблюдением гендерных квот [9, с. 115].

В Кыргызстане разработка и реализация гендерной политики представляет собой сложный и деликатный вопрос, который не только стимулируется общественными преобразованиями, но и зависит от достаточного государственного финансирования и эффективного контроля. Однако, ввиду множества политических и экономических факторов, гендерная политика в стране не стала

приоритетной темой, а ограниченное государственное финансирование затрудняет её глубокую реализацию. В этом контексте, реализация гендерной политики может столкнуться с рядом вызовов: с одной стороны, недостаточная сила исполнения политики может привести к неудовлетворительным результатам; с другой стороны, государству, возможно, придется полагаться на международную помощь и ресурсы неправительственных организаций для восполнения недостатков в контроле и исполнении. В то же время, глубокие традиционные культурные устои могут препятствовать продвижению политики гендерного равенства, а правительство, сталкиваясь с насущными проблемами экономического развития и социальной стабильности, может ставить гендерное равенство на второстепенное место. Тем не менее, через образование и пропаганду, гендерная политика может достичь частичных успехов в определенных областях или регионах, постепенно изменяя устоявшиеся общественные представления о гендерных ролях.

Результаты

Результатом работы стало понимание того, что гендерная политика Кыргызстана сложилась под влиянием трех ключевых факторов: советского прошлого, процессов неотрадиционализма и включения страны в мировое сообщество. На сегодняшний день на него влияют экономические, политические, культурные и социальные аспекты развития этого государства. Все это определяет развитие гендерной политики в этом государстве как предполагающее применение комплексного подхода к ее осуществлению. Основными сферами, в которых должны происходить трансформации, обуславливающие развитие гендерной политики, выступают такие, как воспитание и образование. Именно с основ мышления населения Кыргызстана (мужчин и женщин) должна начинаться эффективная трансформация социально-политических основ общества этой страны.

Только объединение государственных ресурсов и социальных усилий сможет стать базой для фундаментальных преобразований в государстве, как в сфере гендерных отношений, так и многих других.

Выводы

Подводя итог этому исследованию, стоит еще раз подчеркнуть, что гендерная политика в Кыргызстане представляет собой комплексный феномен социально-политической жизни его граждан, который обуславливают государственные и человеческие ресурсы, культурные традиции и стереотипы, политическая среда и отношения в социуме.

На сегодняшний день она определяется такими процессами как сохранение наследия гендерной политики СССР, ставшей основой для формирования общественного сознания современных граждан Кыргызстана. Также среди ее предпосылок стоит выделить развитие в постсоветских государствах различных форм неотрадиционализма, которые в советский период были сведены к минимуму. В текущих трансформаций они претерпели процесс реконструкции, в результате чего произошло возрождение консервативно-традиционалистских гендерно-семейных моделей. Кроме того, за прошедший 30-тилетний период Кыргызстан был включен в мировое общество и его единое коммуникативно-информационное пространство. Его жители получили доступ к зарубежным источникам информации и смогли путешествовать по миру. Все это привело к формированию в гендерной политике страны противоречивых и сложных тенденций. Их наиболее яркими примерами могут выступать проблемы с исполнением на практике закона, запрещающего похищение невест, остающегося одной традиционных и легитимных форм вступления в брак среди многих женщин Кыргызстана. Второй пример касается представительства женщин в парламенте страны и их политической деятельности, которая с годами не усиливается и остается весьма ограниченной.

Все это свидетельствует о том, что политикам и обществу необходимо применять гибкие и разнообразные стратегии для содействия эффективной реализации гендерной политики и постоянно исследовать и корректировать её в соответствии с изменяющимися социально-экономическими условиями. Только благодаря совместным усилиям и взаимодействию между государством, обществом и международным сообществом Кыргызстан сможет достичь подлинного гендерного равенства и способствовать гармоничному развитию общества.

Список источников

1. Kamp M. The Soviet Legacy and Women's Rights in Central Asia // Current History. 2016. Vol. 115. № 783. P. 270–276.
2. Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Гендерная составляющая демографической безопасности стран ЕАЭС // Женщина в российском обществе. 2022. Специальный выпуск. С. 4–18.

3. Cleuziou J., Drenberger L. Gender and nation in post-Soviet Central Asia: From national narratives to women's practices. // *Nationalities Papers*. 2016. №44(2). P. 195-206.
4. Преступность и правопорядок в Кыргызской Республике. Бишкек, 2015. 94 с.
5. Притчин С.А. В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. Т. 13. № 4. С. 7-42. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42.
6. Commercio M.E. Women in Kyrgyzstan - Electorally Marginalized but Legislatively Influential, A Theory of Transactional Activism // *Politics & Gender*. 2021. P. 1-35.
7. Ismailbekova A. Women's Islamic Activism Rises in Kyrgyzstan // *Current history*. 2023. № 122 (846). P. 268-272.
8. Гендер в восприятии общества (результаты национального обследования). Бишкек, 2016. 238 с.
9. Абдулахамидова Б.Н. Роль женщин в развитии Кыргызстана // *Science and innovation*. 2024. № 2. С. 113-116.

References

1. Kamp M. The Soviet Legacy and Women's Rights in Central Asia. *Current History*. 2016; (783) : 270-76.
2. Dobrokhleb V.G., Kondakova N.A. Gender Component of the Demographic Security of the EAEU Countries. *Woman in Russian Society*. 2022; *Special Issue*: 4-18 (In Russ.).
3. Cleuziou J., Drenberger L. Gender and Nation in Post-Soviet Central Asia: From National Narratives to Women's Practices. *Nationalities Papers*. 2016; (44(2)): 195-206.
4. Crime and Law and Order in the Kyrgyz Republic. Bishkek; 2015: 94. (In Russ.).
5. Pritchich S.A. In the Mirror of Transitology: Features of the Processes of Power Change in the Countries of Central Asia and the South Caucasus. *Bulletin of Moscow University: International Relations and World Politics*. 2021; (4):7-42. (In Russ.). DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42.
6. Commercio M.E. Women in Kyrgyzstan - Electorally Marginalized but Legislatively Influential, A Theory of Transactional Activism *Politics & Gender*. 2021: 1-35.
7. Ismailbekova A. Women's Islamic Activism Rises in Kyrgyzstan. *Current history*. 2023; (122 (846)): 268-272.
8. *Gender in the Perception of Society (Results of a National Survey)*. Bishkek; 2016: 238. (In Russ.).
9. Abdulakhamidova B.N. The role of women in the development of Kyrgyzstan. *Science and innovation*. 2024; (2): 113-116 (In Russ.).

Информация об авторе

Шаньчуань Чжицзы – аспирант Института региональных исследований Пекинского университета.

Information about the author

Shanchuan Zhizi – Ph.D. student, Institute of Area Studies, Beijing University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 13.11.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 13.11.2024; accepted for publication 14.11.2024.

Научная статья

УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-230-236>

EDN KIIAXS

Векторы государственной политики в области национальной культуры в свете парадигмальных трансформаций

Елена Леонидовна Шилкина

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия,
Elena.Bona-mente@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6367-8957>

Аннотация. В статье на основе анализа соответствующих нормативных правовых и программно-проектных документов рассмотрены тенденции развития государственной политики Российской Федерации в области национальной культуры. Для раскрытия понятия «национальная культура» был проведен анализ дефиниций терминов «культура» и «нация». Интерпретация термина «нация» представлена в рамках двух основных теорий: в основе немецкой теории заложен примордиальный подход, а в основе французской социально-политический. Было также проведено размежевание понятий «этническая культура», базирующейся на общем происхождении, традициях, народном творчестве и «национальная культура», в основе которой лежит, прежде всего, национальное самосознание. В свете положений теории социокультурной динамики П. А. Сорокина проведен анализ государственной политики в области национальной культуры Российской Федерации. Динамика государственной культурной политики рассмотрена в целевом и в тактическом аспектах.

Анализ содержания указов Президента РФ, а также программно-проектного обеспечения данного направления выявил, что в первые два десятилетия текущего века существенное внимание уделялось развитию инфраструктуры культурной сферы. В данный период весьма значительная часть содержания национальной культуры отводилась историческим памятникам, народным промыслам, фольклору, т. е. элементам этнической культуры. Ценностной составляющей культуры не отводилось приоритетной роли. С 2021 г. формируется интерпретация ценностей в качестве базиса национального суверенитета и потенциала мирового лидерства России. Перечень базовых традиционных российских духовно-нравственных ценностей зафиксирован специальным указом Президента РФ. Делается вывод, что основными векторами трансформации государственной политики являются: в сфере стратегических ориентиров – перенос центра внимания при интерпретации понятия «национальная культура» с этнического аспекта на гражданско-политический аспект, а в прикладной сфере – с инфраструктурной составляющей на ценностную составляющую культуры.

Ключевые слова: государственная политика, национальная культура, нация, этнос, культура, ценности, государство, общество

Для цитирования: Шилкина Е. Л. Векторы государственной политики в области национальной культуры в свете парадигмальных трансформаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 230–236. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-230-236>. EDN KIIAXS

Public policy vectors in the field of national culture in light of paradigm transformations

Elena L. Shilkina

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia,
Elena.Bona-mente@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6367-8957>

Abstract. In the article, based on the analysis of the relevant regulatory legal and program-project documents, the trends in the development of state policy of the Russian Federation in the field of national culture are considered. To reveal the concept of “national culture,” an analysis of the definitions of the terms “culture” and “nation” was carried out. The interpretation of the term “nation” is presented within the framework of two main theories: the German theory is based on a primordial approach, and the French socio-political one. There was also a demarcation of the concepts of “ethnic culture,” based on common origin, traditions, folk art and “national culture,” which is based primarily on national identity. In the light of the provisions of the theory of sociocultural dynamics P.A. Sorokin analyzed state policy in the field of national culture of the Russian Federation. The dynamics of state cultural policy is considered in the target and tactical aspects. An analysis of the content of decrees of the President of the Russian Federation, as well as software and project support for this area, revealed that in the first two decades of the current century, significant attention was paid to the development of cultural infrastructure. During this period, a very significant part of the content of national culture was assigned to historical monuments, folk crafts, folklore, that is, elements of ethnic culture. The value component of culture was not given a priority role. From 2021, an interpretation of values is being formed as the basis of national sovereignty and the potential of Russia’s world leadership. The list of basic traditional Russian spiritual and moral values is fixed by a special decree of the President of the Russian Federation. It is concluded that the main vectors of the transformation of state policy are: in the field of strategic guidelines – the transfer of the center of attention in the interpretation of the concept of “national culture” from the ethnic aspect to the civil-political aspect, and in the applied sphere – from the infrastructure component to the value component of culture.

Keywords: public policy, national culture, nation, ethnos, culture, values, state, society

For citation: Shilkina E. L. Public policy vectors in the field of national culture in light of paradigm transformations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):230–236 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-230-236>. EDN KIIAXS

Введение

Культура, являясь одним из важнейших факторов, детерминирующих состояние общества и, в конечном итоге, степень национальной безопасности, формируется посредством государственной политики. Разработка и реализация эффективной государственной политики в области национальной культуры требует систематического анализа процессов в данной сфере, особенно в транзитивные периоды, что определяет актуальность данной темы

Цель исследования – на основе анализа соответствующих нормативных правовых и программно-проектных документов выявить тенденции развития государственной политики Российской Федерации в области национальной культуры.

Методологическую базу исследования составили принципы системного, институционального, ценностно-нормативного подходов, применяемые в рамках макросоциологической парадигмы, а также эмпирический метод анализа нормативных правовых и программно-проектных документов.

Нам представляется целесообразным рассмотреть государственную политику в области национальной культуры как процесс в свете теории социальной и культурной динамики П. А. Сорокина. По мнению ученого, любой процесс включает в себя: логическое подлежащее, время, пространство и направление» [1]:

– логическое подлежащее, т. е. единица, находящаяся в процессе трансформации. В этом качестве выступает неразрывная триада П. А. Сорокина: личность-общество-культура;

– протяженность времени; при рассмотрении социальных и культурных процессов ученые предлагают использовать понятие «социальное время», которое связывают не с астрономическим временем, а с социальными действиями или достижениями [2];

– пространственные отношения – социокультурное пространство;

– направление – изменение предполагает переход из одного состояния в другое, что и является направлением процесса.

В концепции П. Сорокина структура феномена культуры предстает как система трех базовых элементов: люди как действующие субъекты, идеи и ценности, инфраструктура, соединяющая первые два элемента, которую ученый называл термином «проводники» [3].

Понятие «национальная культура» в дискурсе науки и государственного управления

Следует указать, что по вопросам понимания и развития природы такого феномена как национальная культура продолжают научные дискуссии. Нынешнее разнообразие мнений в отношении сущности и предназначения национальной культуры свидетельствует об уникальности этого явления и о различиях в подходах к его изучению.

Сложность и неоднозначность научной категории «национальная культура» можно объяснить тем, что оно содержит два неоднозначных понятия – «нация» и «культура». Поэтому для раскрытия понятия «национальная культура» предварительно необходимо интерпретировать термины «нация» и «культура».

Понятие «культура» является одной из наиболее неоднозначно толкуемых категорией общественных наук. Еще в 70-е годы прошлого века вокруг данного понятия развернулись масштабные дискуссии в научной среде, которые наглядно показали разнообразие интерпретаций данного термина. Представители американской школы культурной антропологии А.Л. Кребер и К.К. Клакхон провели исследование с целью систематизации научных подходов к определению понятия «культура». В результате они насчитали около ста шестидесяти определений данного термина, которые были разделены на шесть групп в соответствии с общим подходом к определению феномена [4].

В Указе Президента РФ дается определение культуры как комплекса социальных институтов, явлений и факторов, которые производят, сохраняют, передают и распространяют духовные ценности¹. Обобщая, можно сказать, что культура – это деятельность социальных институтов по созданию материальных и духовных ценностей, в ходе которой реализуется духовный потенциал социальных субъектов.

Интерпретация термина «нация» также характеризуется неоднозначностью, которую можно сгруппировать в рамках двух основных теорий – немецкой и французской. Немецкая теория базируется на положениях примордиального подхода, в свете которого нация предстает в качестве общности, члены которой спаяны прежде всего кровным родством, а также общей культурой и традициями. Французская теория нации интерпретирует нацию в качестве результата политического самоопределения народа, не связанного ни с кровным родством, ни с этносом, ни с расой. Таким образом, нация в свете примордиального подхода – это социальная общность, обусловленная естественным единством – происхождения, языка, культуры, традиций, истории и т. п. В свете же французского подхода нация – это социальная общность, выстроенная на единстве «гражданственности» и государственного суверенитета.

В культурологической интерпретации категория «национальная культура» предстает в качестве синтеза повседневного и специализированного уровней культуры всех социальных групп, составляющих нацию [5].

В трактовке этнопсихологии, национальная культура включает в себя национальные ценности как материального, так и духовного характера, а также способы взаимодействия с природой и социумом через призму данных ценностей [6].

По мнению А.Р. Даутовой, в современном научно-политическом дискурсе преобладает интерпретация понятия «национальная культура», ставящая знак равенства с понятием «национальное бытие», воспринимающееся в качестве естественной принадлежности индивида к особому культурному миру [7].

¹ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (ред. 25.01.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7753.

М.Х. Герандоков и В.З. Герандокова определяют национальную культуру как духовное измерение, квинтэссенцию творческого потенциала как нации в целом, так и отдельного ее представителя, а также как его материализацию в конкретных результатах человеческой деятельности [8].

В научных публикациях отражены взгляды по вопросу размежевания понятий «этническая культура» и «национальная культура». Мы солидарны с мнением В.М. Межуева, полагающего, что дифференция понятий идет по следующим направлениям:

- этническая культура – сакральность, гомогенный состав, коллективность творчества;
- национальная культура светскость, гетерогенный состав, индивидуальность творчества [9].

Раскроем данную точку зрения несколько подробнее. Этническая культура – это культура людей, которых объединяют, прежде всего, родственные связи либо общее происхождение. Для этнических культур характерны: локализация в географическом и социокультурном пространстве, общие история, культура и традиции, зачастую совместная хозяйственная деятельность. В наши дни этническая культура находит проявление в основном в бытовой (повседневной) культуре, обычаях отмечания праздников, этническом фольклоре, народных промыслах, и т. п.

Этническая культура, как правило, выступает в роли фундамента национальной культуры, для которой характерна более дифференцированная структура. Национальная культура складывается в процессе длительного совместного существования этнических общностей, в ходе которого возникает единство территории, хозяйствования, языка, традиций и обычаев, а, главное, – вырабатывается национальное самосознание.

Поскольку нации – это гетерогенные социальные общности, включающие в себя различные социально-демографические группы и этнические компоненты, то национальные культуры нередко представляют собой систему субкультур различных социальных групп, в том числе и этнических. Однако при этом фундаментом национальной культуры является, несомненно, культура этническая. Появление национальной культуры является либо результатом спонтанного исторического процесса развития, либо результатом целенаправленной разработки, требующей разработки определенных институциональных правил.

Динамика государственной политики в области национальной культуры Российской Федерации

Конституция РФ фиксирует статус культуры как уникального наследия многонационального народа и определяет государство в качестве важнейшего субъекта в процессе формирования и реализации единой социально ориентированной государственной политики в сфере культуры¹.

Особым и одновременно главным субъектом культурной политики является Правительство РФ. Это связано с тем, что государство обладает наибольшим объемом различных ресурсов, включая организационные и финансовые.

Целевой аспект государственной культурной политики РФ определяется базовым нормативным документом, принятым в 2014 году – «Основы государственной культурной политики». В данном документе обозначены в качестве приоритетов такие цели, как упрочение гражданской идентичности, сохранение культурного наследия, обеспечение доступа к ценностям культуры, формирование гармонично развитой личности и др.²

Тактический аспект государственной культурной политики представлен национальным проектом «Культура», в рамках которого разработано программно-проектное обеспечение данного направления. Основное внимание уделяется развитию инфраструктуры культурной сферы, таких ее форм как сетевой комплекс виртуальных концертных залов, клубные объединения, передвижные автоклубы, театры малых городов и др.³

В утвержденном в 2017 году Минтрудом России справочнике по квалификационным требованиям для замещения должностей госслужащих в сфере культуры в качестве значимых профессиональных выделены знания, касающиеся, главным образом, аспектов развития инфраструктуры:

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

² Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (ред. 25.01.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52 (ч. 1). – Ст. 7753;

³ Национальный проект «Культура» // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. – <https://culture.gov.ru/about/national-project/>

вопросы оборота культурных ценностей, охраны объектов культурного наследия, развития творческих индустрий и т. д.¹

В указанных выше документах ценностной составляющей не отводилось приоритетной роли. Каждое общество имеет определенные приоритетные ценности, выполняющие интегративную функцию. Ценности выступают мотивом социального поведения индивида. Развитие общества коррелирует с процессом выработки ценностей, а нравственные цели и содержание отношений людей в обеспечении этого процесса зависят от благополучия самого общества. Это демонстрирует корреляция изменения системы базовых ценностей общества и системы ценностей отдельного индивида.

С начала двадцатых годов XXI века наметился новый вектор государственной политики в области национальной культуры, который характеризуется ростом внимания к ее ценностной компоненте.

Стратегия национальной безопасности РФ интерпретирует духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, как общественный базис национального суверенитета².

Указом Президента РФ, принятом в январе 2023 года, было дополнено, что потенциал мирового лидерства России кроется в «привлекательности отечественной системы ценностей»³. Также была подчеркнута детерминированность как национальной культуры, так и национальной системы ценностей особенностями развития страны в историческом аспекте. А в качестве неотъемлемого условия прогрессивного развития указано воспитание такой личности, ценностное ядро которой составляют ценности, соответствующие традициям, а также духовным и нравственным основам российского общества. Среди внесенных изменений замена формулировки «ядро национальной самобытности» на «ядро российской самобытности», что, на наш взгляд свидетельствует о переносе центра внимания сфере культурной политики с аспекта этнического на гражданско-политический аспект.

Показательно, что еще ранее, в ноябре 2022 года, Указом Президента РФ был зафиксирован перечень базовых традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴.

При рассмотрении содержания данного указа воспользуемся типологией ценностей Н. И. Лапина [10]. В этом свете можно выделить ценности терминального характера, такие как гуманизм, справедливость высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным и др., а также инструментальные ценности-средства – созидательный труд, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение и др.

Следует отметить, что предыдущий перечень подобного рода был прописан в документе, принятом в 1961 году XXII съездом КПСС, который получил название «Моральный кодекс строителя коммунизма». Указанные в данном документе ценности выполняли роль нравственных ориентиров вплоть до распада СССР, а их отмена способствовала развитию аномических процессов девяностых годов прошлого века.

С начала двухтысячных годов трансформация культурной сферы проходит по либеральному вектору. Приверженность ценностям индивидуализма, либеральных свобод и толерантности достигла своего пика на рубеже тысячелетий. В настоящее время стало видно, что либеральная модель далека от идеала.

Для населения России исторически характерна патерналистская культура. Тем не менее в настоящее время в ценностных установках нашего народа наряду с такими традиционными ценностями как коллективизм, патриотизм, справедливость, сформировались ценности индивидуализма,

¹ Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Официальный портал. – https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/20/43/Перечень_областей_и_видов_профессиональной_служебной_деятельности.xlsx

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 06. – Ст. 777.

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

плюрализма и свободы выбора, характерные для либеральной культуры. Следовательно, возникает сложная задача конвергенции лучших апробированных практик как традиционной, так и мировой культуры.

Заключение

Проведенный анализ нормативных правовых и программно-проектных документов позволил выявить тенденции развития государственной политики Российской Федерации в области национальной культуры.

Основными векторами трансформации государственной политики в последние годы являются:

- в сфере стратегических ориентиров наблюдаются трансформации, носящие парадигмальный характер, а именно, перенос центра внимания при интерпретации понятия «национальная культура» с этнического аспекта на гражданско-политический аспект;
- в прикладной сфере можно заметить перенос внимания с инфраструктурной составляющей на ценностную составляющую культуры.

В настоящий сложный для России период жесткой геополитической конкуренции в приоритете должны быть идеи национальной безопасности, необходимым условием которой является интеграция как политических элит, так и всего российского населения на таком социокультурном фундаменте как ценности. Важнейшими факторами национальной безопасности являются ценностные ориентации, направленные на формирование культурной и гражданской идентичности. В данной связи, для сохранения и развития национального самосознания необходима поддержка отечественной культуры, включая язык, традиции, народные промыслы, народное творчество, обычаи и обряды, которые должны быть интегрированы в духовные ценности.

Список источников

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
2. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / Пер.: Н. В. Романовский. Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 112-119.
3. Сорокин П. А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии; сост., коммент. и науч. ред. В. В. Сапова ; пер. и вступ. ст. Н. Ф. Зюзева ; Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. Сыктывкар : Анбур, 2022. 1046 с.
4. Кребер Альфред Луис. Избранное: Природа культуры; [Пер. с англ. Г. В. Вдовина]. М.: РОССПЭН, 2004. 1006 с. ISBN 5-8243-0475-0.
5. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003. 509 с.
6. Этнопсихологический словарь / Акад. пед. и социал. наук, Моск. психол.-социал. ин-т; [Волков Г. Н. и др.]. Под ред. д.психол.н., проф. В. Г. Крысько. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 1999. 342 с.
7. Даутова А. Р. Российская национальная культура: концептуальные основы изучения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3. С. 252-260.
8. Герандоков М. Х., Герандокова В. З. Понятие национальной культуры // Известия КБГАУ. 2017. № 1 (15). С. 150-156.
9. Межуев В. М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени // Культура: теории и проблемы. М., 1995. С. 28-56.
10. Лапин Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3-19.

References

1. Sorokin P. A. *Social and cultural dynamics*; transl. From English, ex. article and comments by V. V. Sapov. Moscow: Astrel; 2006. 1176 pp. (In Russ.).
2. Sorokin P. A., Merton R. K. *Social time: experience in methodological and functional analysis*. Transl. by N. V. Romanovsky. Sociological research. 2004;6 (242):112-119. (In Russ.).

3. Sorokin P. A. *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. System of General Sociology*. Translation and Entry. Art. N. F. Zyuzeva, comp., Comment and scientific ed. V. V. Sapova. Syktyvkar: Anbur LLC; 2022. 1046 p. (In Russ.).
4. Kreber Alfred Louis. *Favorites: Nature of Culture*. Transl. from English by G. V. Vdovin. Moscow: ROSSPEN; 2004. 1006 p. (In Russ.).
5. Kononenko B. I. *Large explanatory dictionary on cultural studies*. Moscow; 2003. 509 p. (In Russ.).
6. *Ethnopsychological Dictionary*. Acad. ped. and social. Sciences, Mosk. psychol.-social. in-t; [Volkov G.N. et al.], Ed. Doctor of Psychology, prof. V. G. Krysko. Moscow: Mosk. psychol.-social. Institute, 1999. 342 p. (In Russ.).
7. Dautova A. R. Russian national culture: conceptual foundations of study. In: *Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev*. 2012; 3: 252–260. (In Russ.)
8. Gerandokov M. Kh., Gerandokova V. Z. The concept of national culture. In: *Izvestia KBGAU*. 2017; 1(15): 150–156. (In Russ.)
9. Mezhuev V. M. Classical model of culture: the problem of culture in the philosophy of the New Age. In: *Culture: theories and problems*. Moscow; 1995: 28–56. (In Russ.)
10. Lapin N. I. Modernization of the basic values of Russians. *Sociological research*. 1996; 5: 3–19. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Л. Шилкина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС.

Information about the author

E. L. Shilkina – Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Public and Municipal Administration, Rostov State Transport University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.

Сущность социологического подхода к изучению и пониманию права: социологические методы

Ольга Юрьевна Ангел

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия,
Kornienko00@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3457-5729>

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу социологического подхода к пониманию и изучению права путём подробного рассмотрения права через систему методов социологического исследования. Автором была проанализирована концепция социологического подхода к пониманию права через её особенности, теории правопонимания. Цель статьи – рассмотрение сущности и содержания социологического подхода к изучению и пониманию права как одного из фундаментальных подходов. Автор подчеркивает, что социологический подход к пониманию права дает возможность применить достижения социологии к праву в целом и правовым явлениям в частности, что ведёт к междисциплинарному обмену между науками и расширению возможностей в сфере познания права. Именно выявления реального действия права в обществе, повышение эффективности правового регулирования, формирование условий действия права является приоритетной задачей для современной юридической науки. Эти аспекты наиболее полно раскрываются в социологическом подходе к пониманию права. Осознание права через социологию направлено на установление реальных механизмов действия права в обществе, его практическую реализацию. Основная задача автора сформулировать тезисы исследования так, чтоб выделить общую позицию и авторское виденье на предмет исследования и представить цельное представление об социологическом подходе к изучению и пониманию права.

Ключевые слова: социология права, правовая диалектика, право, норма права, юриспруденция, правопонимание, социальные процессы, общественные отношения, социологические методы, правовые феномены, правовое регулирование

Для цитирования: Ангел О. Ю. Сущность социологического подхода к изучению и пониманию права: социологические методы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 237–244. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-237-244>. EDN KQEKXA

Sociology Problems

Original article

The essence of the sociological approach to the study and understanding of law: sociological methods

Olga Yu. Angel

Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia, Kornienko00@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3457-5729>

Abstract. This study is devoted to the analysis of sociological approach to the understanding and study of law, through a detailed consideration of law through the system of methods of sociological research. The author analyzed the concept of sociological approach to understanding of law through its features, theories of legal understanding. The purpose of this scientific article is to consider the essence

and content of the sociological approach to the study and understanding of law as one of the fundamental approaches. The author emphasizes that the sociological approach to the understanding of law makes it possible to apply the achievements of sociology to law in general and legal phenomena in particular, which leads to interdisciplinary exchange between sciences and expanding opportunities in the field of cognition of law. Exactly revealing the real action of law in society, increasing the effectiveness of legal regulation, formation of conditions for the action of law is a priority task for modern legal science. These aspects are most fully disclosed in the sociological approach to the understanding of law. Understanding of law through sociology is aimed at establishing the real mechanisms of law action in society, its practical realization. The main task of the author is to formulate the theses of the study so as to highlight the general position and the author's vision of the subject of the study and to present a coherent idea of the sociological approach to the study and understanding of law.

Keywords: sociology of law, legal dialectics, law, rule of law, jurisprudence, legal understanding, social processes, public relations, sociological methods, legal phenomena, legal regulation

For citation: Angel O. Yu. The essence of the sociological approach to the study and understanding of law: sociological methods. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):237–244 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-237-244>. EDN KQEKXA

Введение

Право – это значимый политический, экономический, юридический и социальный институт. Наряду с другими социальными нормами именно право выполняет роль социального контролера в обществе. В связи с этим право не может исследовано вне связи с обществом как социальной системой, вне существующих в обществе социальных связей.

Среди разнообразных концепций понимания права наибольшее значение в вопросе выявления связи права с общественными отношениями имеет социологическая концепция права. Социологическая концепция изучает право, как результат воздействия социальных факторов на систему норм права и обратное воздействие этой системы на удовлетворение социальных потребностей людей. Социальная природа права, его воздействие на общественный порядок лежит в основе понимания права социологической концепции.

Сущность социологического подхода состоит в том, что применить достижения социологии к праву ведет к междисциплинарному обмену между науками и расширению возможностей в сфере познания права.

Цель исследования – рассмотрение сущности и содержания социологического подхода к изучению и пониманию права как одного из фундаментальных подходов в современной юриспруденции и формирование на основе исследования заключения.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что данный подход ещё до конца не проработан и не изучен детально, несмотря на большое количество научных публикаций по данной тематике, также данный подход следовало интерпретировать для дальнейшего использования научно-исследовательской деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что у начинающего специалиста в области права должно сформироваться профессиональное мышление, которое формируется в том числе при получении базиса относительно правопонимания, так данное исследование направлено на формирование целостной картины восприятия относительно социологического подхода к изучению и пониманию права.

Актуальность исследования обусловлена тем, что социологический подход разными правовыми школами и отдельными правоведами понимается по-разному, наша же задача сформулировать тезисы исследования так, чтоб выделить общую позицию и авторское виденье на предмет нашего исследования и представить цельное представление об социологическом подходе к изучению и пониманию права.

Научная проработанность темы подтверждается многообразными исследованиями. Социологическая концепция права развивалась многими российскими учеными. Так, например, для Д. А. Керимова право, «это не только юридический, но и социальный феномен. Оно определяется, в конечном

счете, экономическими отношениями, испытывает на себе прямое воздействие политики, морали, культуры, – одним словом, всей духовной жизни общества» [1]. Ю. И. Гревцов [2] в своем понимании права предлагает объединить субъективное и объективное право, а также включить в его понимание юридический персонал и юридические учреждения как новые элементы. Р. А. Ромашов [3] предлагает рассматривать право в качестве регулятивно-охранительной системы, складывающейся из общезначимых норм (правил), принимаемых в целях обеспечения социальной стабильности, безопасности и развития и оказывающих результативное воздействие на общественные отношения. Данные ученые являются основоположниками собственного понимания права в рамках социологической концепции. Также необходимо упомянуть таких выдающихся исследователей, как А. Д. Градовский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, А.Н. Филиппов, В.Н. Латкин и др.

Социологический подход к изучению права и его правовых феноменов

Социологический подход к изучению права и его правовых феноменов формируется из области социологии права, которая изучает право через призму социальных процессов и явлений, которые способствуют формированию системы общественных отношений, целью которой является регулирование и регламентация общественной жизни. Социологический подход в первую очередь базируется на применении методов социологического исследования как на наиболее эффективных при исследовании права и общества, так давайте рассмотрим каждый метод отдельно.

С помощью наблюдения правоведа и социологи могут определять эффективность воздействия правовых норм на функционирование общества в целом, и социальных отношений в частности, то есть апробировать прямое действие норм права в рамках социальной действительности формируя при этом новые рекомендации, которые направлены на совершенствование права и его системы.

Как пример реализации данного метода следует выделить режим пилотных испытаний, который вводится для того чтобы проверить как будет действовать норма права при воздействии на конкретные общественные отношения.

Эксперимент как один из методов является концептуальным продолжением апробации наблюдения за сферой правового регулирования, куда были введены новые нормы права, так эксперимент может вводиться точно, то есть его действие будет распространяться не на сферы правового регулирования, а лишь на их отдельные институты, однако суть в конечном итоге сводится к получению результатов, которые ведут к совершенствованию механизма правового и государственного регулирования определенной сферы общественной жизни. Как пример следует привести механизм внедрения и апробации платформы «Цифрового рубля» и реализованный сервис «Госуслуг», который в значительной степени цифровизировал и адаптировал граждан и аппарат государства к новой цифровой эпохе.

Моделирование же как отдельный метод реализовывается через программные акты и дорожные карты органов РФ, так как предполагает в себе стратегию всестороннего государственно-правового развития и совершенствования, но при этом строятся правовые модели, которые уже в свою очередь имели научный концепт и принятый план.

Через анкетирование и интервью правоведа и социологи, а также органы публичной власти могут узнать об актуальных проблемах какой-либо правовой сферы либо выявить аспекты, которые необходимо развить в государстве, также данные методы используются для сбора статистических данных для формирования наиболее полной картины реализованного или реализуемого властями явления (процесса), что в свою очередь имеет положительное воздействие на решение стоящих актуальных задач РФ.

Последним методом социологического исследования, который используется правоведами и социологами является метод контент анализа, который представляет из себя анализ нормативно-правовых актов, нормативных и локальных актов, программных актов и конституционного законодательства, данный метод выполняет функции герменевтики (толкования права), совершенствования и применения юридической техники законодательной работы, и реализации механизма применения права так как для социологического подхода крайне важен именно аспект прямого и реального действия права в регулировании государства и гражданского общества, что достигается через толкование для применения и понимания норм права.

Приведённые трактовки и примеры лишь отражают одну из деталей процесса социологического изучения права для применения его в практической области, при обучении будущих специалистов и в законодательной работе, при научной проработке моделей развития правовой системы и системы права, так как рассмотрение отдельно каждого метода – это материал для отдельных исследований, однако нам было важно показать теоретическую и практическую значимость методов социологических исследований на примерах, чтоб понимать сущность и содержание социологического подхода к изучению и реализации права в нашем государстве.

Из этого следует, что социологические исследования играют важнейшую роль в механизме проведения объективного контроля и формирования оценки эффективности права – как социального регулятора.

Рассмотрев социологический подход к изучению и реализации права, стоит также в рамках нашего исследования затронуть аспект социологического подхода к пониманию права, так как данный подход является ключом к применению методов социологического исследования в правовой парадигме, именно поэтому следует рассмотреть сущность и содержание данных положений.

Социологический подход к пониманию права представляется одним из фундаментальных подходов, который даёт понимание процессов происхождения, развития, функционирования и предназначения права через призму социальных процессов.

Исходя из этого подхода, право – есть закономерный процесс и социально обусловленный феномен, который появился в результате эволюции общества в целом и социальных институтов в частности при возникновении необходимости регулирования общественных отношений и нормативного закрепления наиболее важных из них.

В соответствии с социологической концепцией правопонимания, право есть не только нормативно установленное государством система правовых норм, а как раз-таки система общественных отношений, которым государство предоставляет защиту, признание и гарантии их исполнения в установленной ролевой модели общественной жизни.

По данной концепции система общественных отношений и характер реально действующего права является первичным, а уже сама система норм права и источников права вторичной, так как считается, что она производна от социальных норм (норм-обычаев и норм-традиций), которые в свою очередь производны от самих отношений.

Суть в том, что право приобретает свою юридическую значимость только в том случае, если оно реализуется, то есть имеет прямое действие, равноправное воздействие и реальный характер, то есть является действующим.

С позиций социологического подхода право возникает в самом обществе и его институтах, через отдельные правовые отношения постепенно складываясь в нормы-обычаи и нормы-традиции, которые в свою очередь формируют систему источников (форм) права, которые в дальнейшем получают значение официальных источников права.

Социологический подход [4] к пониманию права базируется на трёх основных концепциях правопонимания [5]:

1. Социологическая теория правопонимания – это концепция, которая была сформулирована Иерингом и Л. Дюги, Е. Эрлихом, Р. Паундом; так данная теория исходит из того, что предписания закона становятся живыми, реально действующим правом, когда они фактически применяются на практике, то есть имеют не только нормативное закрепление со стороны органов публичной власти (государства), но и активно действуют в государстве и обществе, то есть имеют реальное прямое воздействие, основным положением является то, что право – это в первую очередь система общественных отношений, которые защищаются и гарантируются государством, а сами нормы права являются вторичными по отношению к самим общественным отношениям, нормы права производны от юридического быта (норм-обычаев и норм-традиций), то есть от социальных норм, высшей формой социальной нормы как раз-таки стала общепринятая общеобязательная модель ролевого поведения в социуме, что и породило норму права в современном представлении правоведов. В рамках данной теории идёт в дальнейшем разделение между правом и законом, так право – это как было уже ранее отмечено сам процесс протекания общественных отношений, а «закон» – это нормативное закрепление оно.

2. Психологическая теория правопонимания – это концепция, которая была сформулирована Л. Петражицким, Г. Тардом, Г.Ф. Кнаак; так сама суть заключается в том, что право является результатом высших психических функций отдельного человека, социальной группы и общества, то есть право основано на интеллектуально-волевом характере человека, который сформулировал интуитивное право, которое потом переродилось в социальные нормы, которые в дальнейшем стали толчком к формированию норм права и правовой системы в целом.

3. Теория естественного права – это концепция, которая была сформулирована Т. Гоббсом, Дж. Локком, А.Н. Радищевым, Аристотелем, Цицероном, Платоном, Ж.Ж. Руссо, Шарль-Луи де Монтескье; Вольтером и Спинозой; так, по данной теории, человек от рождения обладает естественными правами и общество является носителем суверенитета публичной власти над собой же, то есть народ; позитивное же право проистекает из того, что народ делегирует государству право управлять собой в обмен на установление режимов законности и правопорядка в купе с обеспечением всеобщей справедливости и безопасности, право в данном случае есть система правовых норм, которые регулируют общественные отношения на основании социального договора, который порождает государство с принципом верховенства закона и права, а также разделением публичной власти на три ветви для недопущения узурпации власти над обществом и достижения действий, направленных на реализацию общесоциального блага и установление социального порядка в обществе.

Таким образом, социологический подход к пониманию права декларирует нам то, что право исходит от общества и имеет социально-ориентированный характер, что предопределяет его становление, развитие и предназначение и специфику возникновения как особого социального феномена.

В диссертационном исследовании А. В. Петуховой [6] отмечается, что право в рамках социологического подхода формируется в поведение социума, то есть это те предписания, которые получили воплощение в реальной общественной жизни, соответственно право в таком понимании содержит оценку качества и действительности закона (в данном случае под законом понимается в целом вся система законодательства, в частности сам закон), чем качественнее закон, тем более полно и эффективно оно трансформируется в право, так в применении положений социологии права, в признании деятельного начала в праве как раз так и заключается смысл социологической концепции права на современном этапе.

С утверждениями тезиса диссертационного исследования трудно не согласиться, так как в рамках нашего исследования не раз отмечалась специфика рассмотрения права с точки зрения социологической парадигмы. Так социологический подход как к пониманию права, так и к изучению его является на сегодняшний день одним из фундаментальных подходов наравне с интегративным подходом, общей теорией права и нормативистско-позитивистского подхода, так современные демократические правовые государства до сих пор пользуются наследием, которое нам дало именно социологическое восприятие права.

Идеи социологического подхода нашли своё отражение и в отечественной юридической науке, так данные воззрения были отражены в научных трудах П.И. Новгородцева, С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, М.М. Ковалевского и иных авторов, что повлияло на современное представление о праве с точки зрения социологии права, что подтверждает также значимость рассматриваемой тематики исследования.

При анализе диссертационного исследования В.С. Горбань [7] нами были выделены следующие воззрения относительно сущности и содержания права как категории:

1. С.А. Муромцев под правом понимал организованную защиту прав и законных интересов, что связывал с теорией Р. Иеринга «о борьбе за право» из чего проистекает положение об субъективном защищённом праве, так данную дефиницию дополнил Н.М. Коркунов, который считал, что право необходимо для разграничения интересов лиц в обществе и государстве, что является одним из важнейших пределов в праве, который отграничивает субъективные права одного лица от прав иного лица на данный момент;

2. Б.А. Кистяковский, М.А. Рейснера и Ю.С. Гамбарова полагали, что право – есть компромисс между интересами разнообразных социальных групп в обществе, то есть право, имеется в виду позитивное право устанавливает порядок и законность в социуме.

Отдельно в диссертации отмечалась роль механизма государственного принуждения, который позволяет претворять право в жизнь путём исполнения предписаний, которые исходят от органов публичной власти в гражданском обществе.

Тезисы, выделенные нами из диссертационного исследования в своей сущности, являются аксиомами правовой действительности, так как одно из предназначений права – построение равноправного общества с гарантиями защиты правового статуса личности, где установлены детальные пределы субъективных прав и законных интересов личности.

В диссертационном исследовании В.В. Лапаева [8] идёт разделение теорий правопонимания на блоки, так общесоциальный подход делится следующим образом: социологический и психологический типы правопонимания относят к позитивистскому направлению, а естественно-правовой тип правопонимания относят к метафизическому направлению, в основе разделения стоит идея о практическом воплощении концепции правопонимания, однако с данным разделением стоит не согласиться, так как для нас ближе понимание, когда данные теории рассматриваются с точки зрения общего социологического подхода к пониманию и изучению права, так как под своей основой имеют схожий признак возникновения права, то есть то от кого оно исходит и вопрос предназначения права – это для чего оно и чьим интересам служит регулятор социума.

Однако следует согласиться с характеристикой социологической теории правопонимания, так как в данной характеристике отмечаются воззрения, которые выше нами рассматривались в рамках данного исследования, что ещё раз подтверждает тезисы нашего исследования и его степень научно-исследовательской проработанности.

Далее нам необходимо выделить достоинство и недостаток социологического подхода к пониманию и изучению права – как социального регулятора и особого феномена.

Достоинство социологического подхода состоит в том, что данный подход уделяет особое внимание реальному применению права, а не его формальному закреплению, при этом считает, что право было санкционировано изначально именно обществом.

Недостаток социологического подхода состоит в том, что если рассматривать положения данного подхода, то можно сделать вывод о том, что идеальной системой построения национальной правовой системы считается прецедентная система, однако существует проблематика, которая, во-первых, размывает предмет юриспруденции (то есть юрист мыслит абстрактными категориями и юридическими фактами, а не нормами), во-вторых делает право независимым от законодательства и может допускать произвол судей.

Однако следует заметить, что не исключается построение романно-германской правовой модели, где законодательство является устойчивым, а центральное место занимает – нормативно-правовой акт как источник (форма) права, также в наше время существуют вполне успешные примеры прецедентной системы, например, в Британии.

Основной проблематикой является то, что как на уровне теорий правопонимания, так и на уровне классификаций данных теорий и общих подходов к рассмотрению права на данный момент не выработано единой комплексной теории социологического подхода, что оставляет возможность манёвра в научно-исследовательской правовой деятельности.

Заключение

В заключение следует сделать вывод, о том, что социологический подход к пониманию и изучению права является комплексным многогранным подходом, который анализирует социальные, психологические и теоретико-юридические факторы, так среди правоведов и социологов в области права не существует единого понимания относительно сущности права в социологическом измерении, однако несмотря на это существует ряд общих позиций, которые едины в рамках данного подхода, так перечислим отличительные черты рассматриваемого нами подхода к пониманию и изучению права:

1. Право исходит от общества, и должно отвечать интересам общества, иначе это не право, а лишь система законодательства, так как основной характеристикой права признается его реально действующий характер, так называемое «живое право».

2. Право – есть особый социальный феномен, где общественные отношения первичны, нормы права вторичны, а механизм правового регулирования третичный.

3. Разделение сути законов на «правовой закон» и «неправовой закон», где основным критерием дифференциации является социальная ориентированность права, его справедливость для всех слоёв общества и приоритет прецедентного решения споров.

4. Право подчинено законам развития общества, а именно трём законам диалектики (закону перехода количественных изменений в качественные изменения, закону единства и борьбы противоположностей, закону двойного отрицания), так как сущность права – есть система реально действующих норм права, подчинённых правовой диалектики, так как право функционирует по естественным законам развития общества и природы).

5. Право приобретает свою юридическую значимость через фактическую значимость только в том случае, если оно реализуется, то есть значение имеет сам процесс, а признак нормативного закрепления признаётся производным от «социального заказа».

6. Основной признак права, характеризующий его содержание – интеллектуально-волевой характер, который заменяет признак «государственно-волевой характер», что обусловлено спецификой происхождения, функционирования, предназначения и развития права в качестве социального регулятора и особого социального феномена.

7. Качественное измерение эффективности права достигается путём использования методов социологического исследования, которые позволяют комплексно исследовать право, как действующую реальную систему регулирования социальных отношений.

Итак, благодаря социологическому подходу, право предстает как совокупность правил поведения, которые возникают и приобретают общезначимый характер не по воле государства, а в силу объективных закономерностей общественного развития. Государство, заботясь о сохранении и динамическом развитии общества, наделяет юридической силой уже сложившиеся в обществе правила, которые в силу своей социальной полезности признаются полезными и для государства. Другими словами, государство-законодатель не создает, а лишь «открывает» право, сложившееся и развивающееся в недрах общества.

Кроме того, социологический подход к правопониманию предполагает, что право приобретает свою фактическую значимость только в том случае, если оно реализуется, а раз так, то право – это не только совокупность документов, содержащих правовые предписания, но и сами отношения, этими предписаниями регламентированные. Иными словами, в рамках социологического подхода право – это неразрывная совокупность правовых норм и правоотношений, этими нормами регламентированных.

Список источников

1. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. М., 2003.
2. Гревцов Ю. И. Социология права: курс лекций. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 321 с.
3. Ромашов Р. А., Ветюнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. СПб.: Алетейя, 2015. 448с.
4. Богданов Н. Е. Историко-правовой аспект социологического типа правопонимания // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 46–52.
5. Апольский Е. А. Правопонимание и сущность права как предмет диссертационной разработки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 1 (24). С. 66–77.
6. Петухова А. В. Социологическая концепция права в России: историко-теоретический подход: дисс... канд. юридич. наук. Нижний Новгород, 2012. 211 с.
7. Горбань В. С. Правовое учение Иеринга и его интерпретация: дисс... канд. юрид. наук. М., 2019. 578 с.
8. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: Монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 578 с.
9. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией страны. Ярославль, 1919. 236 с.
10. Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 298 с.

References

1. Kerimov D. A. *Problems of the general theory of law and the state*. Moscow; 2003. (In Russ.).
2. Grevtsov Yu. I. *Sociology of law: course of lectures*. St. Petersburg: Law Center Press; 2001. 321 c. (In Russ.).
3. Romashov R. A., Vetyunev Yu. Yu., Tonkov E. N. *Law – language and scale of freedom: Monograph*. St. Petersburg: Aleteya; 2015. 448 p. (In Russ.).
4. Bogdanov N. E. Historical and legal aspect of the sociological type of legal understanding. *Issues of Russian justice*. 2021;(11):46–52. (In Russ.).
5. Apolsky E. A. Legal understanding and the essence of law as a subject of dissertation development. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2016;1(24):66–77. (In Russ.).
6. Petukhova A. V. *The sociological concept of law in Russia: a historical and theoretical approach: dissertation...* Cand. Legal Sciences. Nizhny Novgorod; 2012. 211 p. (In Russ.).
7. Gorban V. S. *Iering's legal doctrine and its interpretation: dissertation...* Cand. Jurid. Sciences. Moscow; 2019. 578 p. (In Russ.).
8. Lapaeva V. V. *Types of legal understanding: legal theory and practice: Monograph*. Moscow: Russian Academy of Justice; 2012. 578 p. (In Russ.).
9. Sorokin P. A. *Elementary textbook of the general theory of law in connection with the theory of the country*. Yaroslavl; 1919. 236 p. (In Russ.).
10. Yavich L. S. *General theory of law*. Leningrad: Publishing House of LSU; 1976. 298 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. Ю. Ангел – кандидат социологических наук, доцент, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author

O. Yu. Angel – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.

Формирование коммуникативных навыков студенческой молодежи в цифровом пространстве

Анна Александровна Бурашникова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, burashnikova-aa@ranepa.ru

Аннотация. Цифровое пространство представляет собой активно развивающуюся область социальной реальности, влияние которой на современного человека настолько широко и разнообразно, что с трудом поддается не только прогнозированию, но и описанию. Особый интерес представляет эффект влияния цифрового пространства на молодежь, в частности, на молодежь студенческую как социальную группу, одновременно находящуюся под влиянием одного из наиболее инерционных социальных институтов – института образования и интегрированную в цифровое пространство практически с момента рождения. Глубина этой интеграции позволяет говорить о формировании зависимости студенческой молодежи от цифрового пространства. В работе представлены результаты нескольких исследований (online-опросы), проведенных в 2022 г. и направленных на определение степени зависимости молодежи от цифрового пространства и, в частности, от цифровой коммуникации. Респондентами выступили студенты гуманитарных специальностей очной формы обучения. Также в работе описаны основные признаки цифровой зависимости и степень их проявленности у студентов. К числу основных признаков зависимости от цифрового пространства отнесены: частота обращения к цифровому пространству, продолжительность взаимодействия с цифровым пространством, глубина эмоциональных связей. В качестве дополнительного признака была рассмотрена деградация коммуникативной личности субъекта. Исходя из представленных данных, автор делает вывод о том, что природа цифровой зависимости студенческой молодежи носит скорее декларативный характер, в силу нерелективного согласия студентов с приписываемыми им признаками цифровой зависимости, в то время как зависимостью, более старшее поколение, склонно называть сильную степень включенности молодежи в цифровые коммуникативные процессы. На основании представленных данных дана характеристика коммуникативной модели современно студента, даны рекомендации по выстраиванию образовательного процесса, направленные на развитие комплексной коммуникативно-цифровой компетентности будущего специалиста.

Ключевые слова: цифровое пространство, студенческая молодежь, цифровая зависимость, цифровая компетентность, коммуникативные процессы, образовательный процесс

Для цитирования: Бурашникова А. А. Формирование коммуникативных навыков студенческой молодежи в цифровом пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 245–260. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-245-260>. EDN LPQGAJ

Formation of communication skills of students in the digital space

Anna A. Burashnikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
burashnikova-aa@ranepa.ru

Abstract. The digital space is an actively developing area of social reality, the impact of which on modern man is so wide and diverse that it is difficult not only to predict, but also to describe. Of particular interest is the degree of influence of the digital space on young people, in particular on student youth, as a social group that is simultaneously influenced by one of the most inertial social institutions – the Institute of Education and integrated into the digital space almost from the moment of birth. The depth of this integration allows us to talk about the formation of the dependence of student youth on the digital space. The paper presents the results of several studies (online surveys) conducted in 2022 and aimed at identifying the degree of dependence of young people on the digital space and, in particular, on digital communication. The respondents were full-time students of humanities. The paper also describes the main markers of digital addiction and the degree of their manifestation in students. The main markers of dependence on digital space include: the frequency of access to digital space, the duration of interaction with digital space, and the depth of emotional connections. Degradation of the subject's communicative personality was considered as an additional marker. Based on the presented data, the author concludes that the nature of the digital dependence of student youth is rather declarative, due to the non-reflexive agreement of students with the signs of digital dependence attributed to them, while the older generation tends to call addiction a strong degree of youth involvement in digital communication processes. Based on the presented data, the characteristic of the modern student's communicative model is given, recommendations are given on building the educational process aimed at developing the complex communicative and digital competence of the future specialist.

Keywords: digital space, student youth, digital addiction, digital competence, communication processes, educational process

For citation: Burashnikova A. A. Formation of communication skills of students in the digital space. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):245–260 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-245-260>. EDN LPQGAJ

Введение

Цифровое пространство (киберпространство) представляет собой активно развивающуюся область социальной реальности, влияние которой на общее жизненное пространство современного человека столь велико, что не может сравниться с результатами более ранних технологических прорывов и революций. Именно этим объясняется высокий интерес специалистов из различных областей знания (социология, философия, психология, юриспруденция и проч.) к феномену цифровизации. Особое внимание при этом необходимо уделить и тому факту, что все эти «глобальные изменения» стали возможны и произошли в период времени, равный смене всего двух поколений [1]. Если в середине 80-х годов XX века на страницах научно-фантастических книг только появились фантастические рассуждения о некоей технологически опосредованной среде «чувственных галлюцинаций, испытываемых ежедневно миллиардами операторов всех наций, в том числе и детей, изучающих математические науки... Немыслимая сложность. ...скопления и созвездия информации» [2, с. 27], то в начале 20-х годов XXI века человечество в полной мере испытало на себе последствия интеграции цифровых технологий в свое жизненное пространство.

Активное развитие цифрового пространства, сначала как теоретического допущения, а затем и как объективной реальности протекает одновременно с широким распространением сетевых цифровых технологий. Сетевое по своей логике развития общество порождает новые пространственные процессы и формы. Цифровое пространство становится глобальной игровой комнатой, в которой возможна реализация бесконечного количества экспериментов с социальными и коммуникативными форматами взаимодействия людей и технологий.

Коммуникация в цифровом пространстве

Коммуникация в цифровом пространстве является объектом пристального внимания представителей различных наук и научных течений [3,4], от социологии и психологии, до языкознания и семиотики культуры. Само возникновение цифровых технологий, которое привело к созданию и развитию глобальных инфо-коммуникативных сетей, является одним из наиболее значимых результатов социального прогресса. Особо необходимо оговорить, что сведение коммуникации в киберпространстве сугубо к технологическим формам [5,6] было бы упрощением именно потому, что в основе цифровых технологий лежат социальные предпосылки. Однако нельзя также игнорировать комплексные изменения социальных практик, происходящие опережающими темпами под влиянием технологических решений. Цифровая коммуникация не только изменяет информационное пространство, развитие телекоммуникационных технологий привело к возникновению новой компьютерно-опосредованной формы коммуникации, кардинально изменившей характер глобальных информационных потоков. Из феномена сугубо гуманитарного знания коммуникация становится явлением социально-технологическим, что ставит исследовательский вопрос о степени влияния и предсказуемости последствий этого влияния традиционные практики взаимодействия между людьми [7, с. 6]. Система цифровых коммуникаций способствует формированию новой среды обитания человека – пограничной зоны, в которой осуществляется мягкий переход пользователей из объективной реальности в реальность виртуальную и обратно. В контексте цифровых коммуникаций по-новому интерпретируются коммуникативные нормы и ритуалы, формируются новые культурные и языковые артефакты, принадлежащие одновременно двум реальностям: физической и цифровой. И в этой связи остро встает вопрос обретения личностью коммуникативной компетентности в условиях глобальной цифровизации как приоритетного и жизненно важного свойства.

Коммуникативные особенности современной студенческой молодежи

В условиях глобального распространения цифровых технологий западные социологи предлагают по-новому взглянуть на теорию поколений [8]. Так одним из новых критериев дифференциации поколений предлагают рассмотреть современность личности по отношению к цифровым технологиям. На основании этого критерия обращает на себя внимание разрыв между поколениями «цифровых аборигенов» (тех, кто родился в эпоху массового распространения цифровых технологий) и «цифровых иммигрантов» (тех, кто родился до ее начала). С течением времени границы между этими поколениями размываются благодаря всё большему приобщению обоих поколений к практикам цифровой коммуникации, расширяются возможности для взаимодействия между ними. Культурологи отмечают, что происходит формирование нового феномена – «цифровая мудрость» [9] (как современный аналог «житейской мудрости»), формируемая не в процессе социального и биологического взросления личности, а в процессе освоения бытовых цифровых технологий. «Цифровая мудрость» начинает трактоваться как набор знаний, умений и навыков, которые позволяют личности эффективно и относительно безопасно существовать в цифровом пространстве. При этом такого рода мудрость в равной степени может быть характеристикой представителя любого поколения, вне зависимости от его возраста и собственно социального опыта. Таким образом, объектом теории поколений становится «цифровой человек» как основная единица социальной структуры.

В контексте данной работы для нас наибольший интерес представляет современная студенческая молодежь, как типичный представитель поколения «цифровых аборигенов», обладающая рядом принципиальных особенностей, к числу которых мы относим следующие:

- студенческая молодежь представляет собой первое собственно цифровое поколение – поколение, рожденное в эпоху массовой цифровой коммуникации и воспитанное поколением «цифровых иммигрантов», обладающих разнообразными знаниями и обширным опытом взаимодействия с цифровой средой. В развитии современных студентов отсутствуют «аналоговые» этапы, что позволяет говорить о них как о поколении, в полной мере интегрированном в глобальную цифровую повестку;
- студенческая молодежь обладает обширным опытом использования различных цифровых инструментов и собственной системой интеллектуально-этических критериев, позволяющих им формулировать относительно самостоятельное суждение о важности, этичности, полезности новых цифровых решений;
- студенческая молодежь транслирует более широкий тематический и функциональный запрос к цифровому пространству, чем представители более поздних поколений, в т.ч. запрос на получение релевантных профессиональных знаний и навыков, запрос на построение карьеры;

- студенческая молодежь обладает обширным опытом коммуникативно-цифровой деятельности посредством использования различных цифровых решений (мессенджеры, эл.почта, соц.сети и проч.).

Помимо перечисленных особенностей современная студенческая молодежь демонстрирует проактивную коммуникативную позицию и персональную заинтересованность в обретении желаемого социального и профессионального статуса, что позволяет сделать вывод о том, что цифровое пространство воспринимается не столько как «игровая комната», сколько как пространство неограниченных возможностей для опережающего взросления. В этой связи важным является рассмотрение высшей школы как основного актора формирования у студентов личностно-профессиональных компетенций, обеспечивающих оптимальный уровень соответствия выпускников требованиям рынка труда, среди которых одну из приоритетных позиций занимает коммуникативная компетентность [10].

Под коммуникативной компетентностью мы, вслед за Л. В. Антроповой, будем понимать «сложное социально-психологическое образование, выражающееся в способности человека адекватно оценивать себя, правильно определять ... особенности и эмоциональные состояния партнеров по общению, прогнозировать межличностные события, выбирать и осуществлять адекватные способы общения с окружающими» [11]. Будущий специалист должен обладать не только азами построения общей коммуникации, но и владеть «языком специальности», «языком образования» и, опционально, «языком науки». Только в этом случае результат образования может считаться достигнутым. Способность выпускника состояться на уровне, соответствующем его планам: добиться карьерного роста, занять достойное положение в обществе, реализоваться как личности, - во многом зависит от уровня сформированности коммуникативной компетентности. При этом ряд исследователей отмечает, что уровень владения студентами компетенциями коммуникативной группы недостаточно высок [12–15] и не соответствует требованиям, установленным федеральными образовательными стандартами. К числу основных проблем принято относить «скудость языка», «утрату социальных навыков взаимодействия», «снижение интереса к контексту протекания коммуникации», «отсутствие эмпатии и чувства психологической дистанции», «отсутствие или низкий уровень развития критического и логического мышления». Одним из ключевых факторов утраты навыков коммуникации принято называть цифровую зависимость. Попробуем разобраться в понятии «цифровая зависимость».

Цифровая зависимость как характерная черта современного студента

Термин «цифровая зависимость» вошел в научный дискурс в 2013г.¹, однако однозначное трактование данного понятия отсутствует и в настоящее время: «цифровая зависимость является повсеместным и широко распространенным типом зависимости, вызванным чрезмерным использованием цифровых технологий»², «это навязчивое стремление использовать Интернет, компьютерные игры, смартфон, проведение большого количества времени в Сети, с цифровым устройством»³. При этом, в большинстве источников, цифровая зависимость отождествляется с интернет-зависимостью. Однако при общей схожести, эти понятия не идентичны. Общим для обоих явлений является описание их сути через выработку устойчивой привычки человека (пользователя) в любой жизненной ситуации обращаться к цифровому устройству или разрешать затруднение путем использования цифровых технологий. Цифровая разновидность зависимости, как и любое зависимое состояние, порицается обществом: носитель признаков зависимости маркируется и привлекает к себе повышенное общественное внимание.

В качестве эмпирического обоснования, подтверждающего степень интеграции студенчества в цифровое пространство, будем использовать результаты социологических исследований. первое исследование «Влияние цифровых технологий на студенческую молодежь», проведено автором данной статьи в мае 2022г. (N=1800). Второе исследование «Надпрофессиональные компетенции: запрос студенческой молодежи» проведено при участии автора в рамках реализации комплекса мероприятий Программы «Приоритет 2030» (N=7800) [16].

¹ URL:<http://nypost.com/2016/08/27/its-digital-heroin-how-screens-turn-kids-into-psychotic-junkies/>

² <http://www.youthombudsman.ru/help/6>

³ <http://xn--jlaejf.xn--plai/czifrovaya-zavisimost-i-eyo-priznaki/>

Исследования были проведены в формате online-опросов студенческой аудитории, посредством размещения анкет в личных кабинетах обучающихся. Каждое исследование проходило в период, продолжительность которого не превышала 10 календарных дней, в не каникулярное и не сессионное время. В выборку вошли студенты очной формы обучения в возрасте от 17 до 25 лет, по уровню образования: бакалавры, специалисты и магистры.

Структура выборки коррелирует с данными Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по распределению студентов очной формы обучения по регионам и федеральным округам¹, актуальным на октябрь 2021г.

Обратимся к результатам наших исследований. При ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя зависимым от цифрового пространства?» ответы респондентов разделились, однако большинство опрошенных (70%) отмечают у себя признаки зависимости, при этом 41% признают себя «полностью зависимыми», и только 2% – «не зависят от цифровых технологий». Такое распределение ответов позволяет сформулировать две противоречащие друг другу гипотезы: 1. студенческая аудитория настолько глубоко интегрирована в цифровое пространство, что степень влияния этого пространства позволяет говорить о формирующихся признаках объективной зависимости; 2. студенческая аудитория настолько глубоко интегрирована в цифровое пространство, что представители ближайшего окружения приписывают ей признаки зависимости. Ни одна из этих гипотез не может считаться доказанной или полностью опровергнутой, исходя из результатов ответа на первый вопрос, однако в качестве подкрепления второй гипотезы можно использовать ответы на открытый вопрос: «Поясните ответ на предыдущий вопрос?». Обосновывая оценку собственной «зависимости» от цифрового пространства, студенты чаще всего используют следующие аргументы: «автоматически беру телефон, когда он под рукой», «в свободное время часто лажу по соц.сетям», «от интернета зависит моя работа», «боюсь пропустить важные для меня новости», «все сферы жизни сейчас там»². Представленные ответы позволяют говорить скорее о функциональной природе цифрового пространства, которая создает дополнительные возможности для молодежи, чем о патологической зависимости от него.

Наиболее часто для обозначения признаков цифровой зависимости используют следующие признаки:

1. Частота взаимодействия пользователя с цифровыми технологиями

Норма, определяющая оптимальную частоту выхода в цифровое коммуникативное пространство, в научной литературе отсутствует, поэтому мы предложили респондентам шкалу: более 10 раз в день – очень часто – 1 раз в месяц – очень редко. Исходя из такой системы оценок, студенты действительно часто используют возможности цифровой коммуникации – более половины – 65,3% (см. табл. 1) указали, что очень часто «выходят интернет» вне использования программ-мессенджеров, т.е. не с целью непосредственного общения.

Таблица 1 - Распределение респондентов по частоте выхода в интернет (не считая использования мессенджеров), в %

Table 1 – Distribution of respondents by Internet access frequency (not counting the use of messengers), in %

Варианты ответов	кол-во, %
Очень часто (чаще 10 раз в день)	65,3
Часто (от 1 до 10 раз в день)	22,0
Регулярно (несколько раз в неделю)	9,1
Редко (1 раз в неделю)	0,7
Очень редко (1 раз в месяц)	0,4
Использую только мессенджеры	1,7
Иное	0,2
Затрудняюсь ответить	0,5
Не использую интернет	0,2
ИТОГО	100

¹ <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnykh>

² Здесь и далее приведены ответы респондентов на открытые вопросы анкеты.

Однако тематическая структура таких «выходов» (см. табл.2) позволяет говорить о том, что студенты используют цифровое пространство весьма разнообразно и рационально, сообразно в том числе задачам, которые перед ними ставит система образования. В пятерку наиболее частых целей обращения в цифровое пространство, помимо общения, вошли запросы, связанные с достижением образовательных результатов: «поиск материалов для подготовки научных работ» (68,6%) и «поиск образовательного и просветительского контента» (54,1%). При этом необходимо отметить, что в задачи исследования не входило определение степени интеграции студентов в научное академическое сообщество, поэтому в категорию «научных работ» респондентами могли быть отнесены как научные формы деятельности (подготовка выступлений на конференциях, написание статей), так и условно научные – подготовка докладов и рефератов, написание выпускных квалификационных работ и проч.

Таблица 2 – Распределение респондентов в зависимости от приоритетной цели выхода в интернет (укажите до 3-х вариантов ответа), в %

Table 2 – Distribution of respondents depending on the priority goal of accessing the Internet (specify up to 3 answer options), in %

Варианты ответов	кол-во, %
Общение	91,4
Поиск и просмотр развлекательного контента	76,7
Поиск материалов для подготовки научных работ	68,6
Поиск образовательного и просветительского контента	54,1
Поиск актуальных новостей по интересным темам	49,0
Серфинг по социальным сетям	44,8
Проверка недостоверной информации	34,8
Работа	25,8
Поиск мероприятий для проведения досуга	24,9
Творческая самореализация	15,6
Поиск источников дохода	12,8
Иное	6,0
Не использую интернет	0,3
ИТОГО	100

Из представленных результатов можно сделать вывод о том, что молодежная студенческая аудитория в качестве приоритетной цели «выхода в интернет» указывает «общение» (91,4%). При этом в категорию общение могут быть отнесены как традиционные форматы (звонки, переписка), так и гибридные (обмен текстовыми и голосовыми сообщениями), и сугубо цифровые (выставление лайков и реакций, пересылка мемов и изображений, содержащих, помимо визуальной, текстовую информацию (т.н. демотиваторы), распространение ссылок и иных видов цифровой информации). Поскольку вопрос затрагивал «частоты выхода в сеть», то высокий процент респондентов, указавших категорию «общение» может быть объяснен тем, что в цифровом пространстве общение, равно как и любой другой процесс, может переходить от активной в фоновую фазу и обратно, одинаково комфортно для всех участников взаимодействия.

Необходимо отметить, что общение, в данном случае, молодежью интерпретируется как взаимный обмен сообщениями, диалогичный формат. При этом форматы взаимодействия с цифровой средой, которые можно условно отнести к «монологичным» поисковым или тем, в рамках которых адресатом обращения выступает цифровое пространство – не менее востребованы, но количество таких запросов существенно меньше. Так, ищут развлекательный контент – 76,7% опрошенных, материалы для решения учебных задач – 68,6% и 54,1% (в соответствии с приоритизацией обращения), актуальная новостная повестка интересует лишь 49% опрошенных студентов. Такое соотношение ответов может быть объяснено тем, что цели подобных запросов достигаются, большинством опрошенных, в процессе общения с разнообразными собеседниками, и только в случае неполноты или несоответствия получаемой в диалоге информации, респонденты обращаются к профильным ресурсам. Необходимо отметить, что приведенные данные позволяют также говорить о том, что студенты ориентированы на расширение социального и образовательного кругозора и в большинстве случаев

не ограничиваются легко получаемой информацией. Однако нельзя игнорировать тот факт, что социальный цифровой круг общения студента может им самим восприниматься как несоответствующий его личным целям.

Резюмируя представленные ответы, мы можем сделать вывод о том, что такой признак проявления зависимости как «частота обращений в интернет» может быть применен для диагностики студенческой аудитории лишь отчасти: они (студенты) действительно «постоянно» находятся в сети, но при этом решают достаточно широкий спектр бытовых, образовательных и профессиональных задач. При этом такой характер обращений характеризуется скорее функциональным использованием цифровых технологий, чем состоянием зависимости. Студенческая аудитория не воспринимает цифровое пространство как особое, отдельное пространство – для нее это два проявления одного жизненного пространства: «в интернете вся жизнь: от учебы и работы до досуговых мероприятий, так что я отношусь к этому уже как объективной реальности». Не менее важным является также и то, что молодежь не противопоставляет «цифру» и «аналоговые форматы»: «в 22 году интернет это, что-то обыденное», «Интернет прочно "засел" в жизни практически любого человека». Технология представляет собой объективный и на современном этапе развития общества жизненно необходимый результат развития цивилизации, оспаривание этого факта вызывает у молодежной аудитории ожидаемое непонимание: «сейчас век мировых технологий и коммуникаций. Игнорирование такого способа получения информации, я считаю, глупостью. Но было бы интересно посмотреть, как люди отреагируют на отключение интернета, так как многие ещё помнят времена, когда это было в порядке вещей, когда телефон не был необходимым атрибутом существования». Отказ от технологии фатален, равнозначен деградации: «нельзя откатываться в Средневековье и лишать людей мировой сети для связи», «мы просто откатимся в прошлый век. Кто бы что не говорил какое прекрасное было образование в СССР и без интернета! Ну и что? А что делать тем, кто уже получил образование? А как раньше люди жили без горячей воды в доме, а раньше без машин жили, и без собственных прав в крепостное время и ничего, жили ведь. Это будет просто ужасно – если Россию отключат от Интернета». При этом последствия носят односторонний характер: «если отключат Россию от интернета, это будет забавно, мы вернемся к телефонным коммуникациям ... Либо сразу к почтовым голубям», «мы вернемся в каменный век. Где будем ограничены от всего мира». Молодежь, рассматривающая мировое сообщество как глобальную общность, объединенную едиными интересами, целями и ценностями, в случае введения ограничений на использование цифровых технологий в нашей стране склонна прогнозировать негативные последствия для себя и своего окружения: «ни о каком развитии страны и личности говорить не приходится», «мы теряем возможность получать информацию от мира, отстанем от них [других стран] на десятилетия», «жить будем как в 70-х годах XX века – еще телефонами внутренними пользоваться начнем», однако не допускает мысли о том, что мировое сообщество тоже пострадает в информационном и технологическом плане.

Такие суждения респондентов позволяют сделать вывод о том, что студенческая молодежь интуитивно сформулировала принцип функционирования глобального информационного сообщества: в случае возникновения информационной лакуны в результате отключения или ограничения доступа к телекоммуникационным технологиям, образовавшаяся пустота будет заполнена иными информационными поводами. Глобальное сообщество компенсирует разрыв информационных связей образованием сети новых, в то время как «отверженное» сообщество будет испытывать информационный голод и стремиться компенсировать его путем разработки новых технологических решений.

2. Продолжительность взаимодействия пользователя с цифровыми технологиями

Норма продолжительности взаимодействия пользователя с цифровым пространством является объектом внимания преимущественно психологов и нейрофизиологов, которые рассматривают это взаимодействие как фактор влияния на глубинные изменения мозга современного человека. При этом единого мнения о базовой величине такой нормы в настоящее время нет. В ответах респондентов на вопрос о проявлениях цифровой зависимости наиболее часто встречаются суждения такого характера: «я очень много сижу в интернете, больше, чем нормально», «больше нормы...но там моя жизнь, я иначе не могу», «сложно сказать сколько, но много. Больше часа в день это точно» и прочие. Такие ответы давали как студенты, указавшие, что являются зависимыми от цифрового пространства, так и те, кто зависимым себя не считает. Мы предложили респондентам посчитать, какое количество времени они тратят на удовлетворение различных тематических запросов и получили следующие результаты (см. рис. 1).

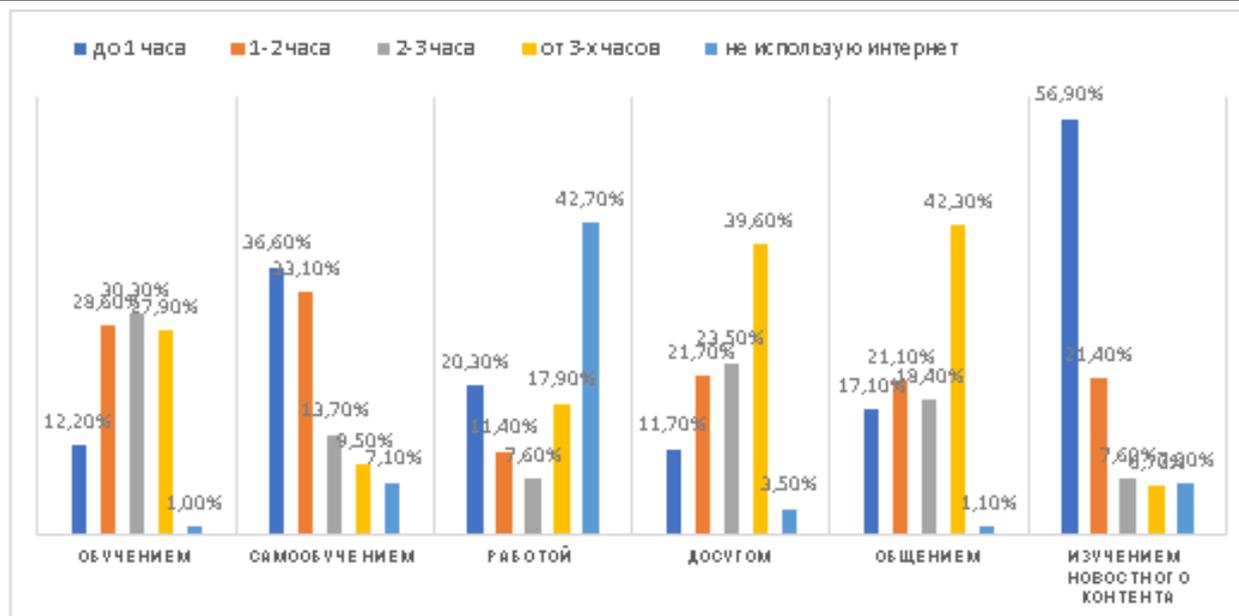

Рис. 1 – Распределение респондентов по времени нахождения в цифровом пространстве в зависимости от цели обращения, в %

Fig. 1 – Distribution of respondents by time spent in the digital space, depending on the purpose of the appeal, in %

При изучении новостного контента и погружения в общеполитический контекст для студентов характерны поверхностное ознакомление с материалом без изучения дополнительных источников (около половины респондентов (56,9%) уделяют этой коммуникативной задаче суммарно менее 1 часа в день). Более половины респондентов постоянно работают или имеют временную подработку в сети (57,3%), среднее время, затрачиваемое на выполнение рабочих задач, составляет чуть менее 2-х часов ежедневно. С целью расширения образовательного кругозора и восполнения лакун, связанных с получением образования, характерно равномерное распределение респондентов по шкале от «1-2» до «более 3-х» часов, при этом интенсивность работы с цифровыми ресурсами значительно возрастает в сессионный период и период подготовки выпускных квалификационных работ. В сегменте запросов на самообучение респонденты продемонстрировали склонность к быстрому потреблению контента – более половины опрошенных уделяют самообразованию не более 2-х часов в день (69,7%).

Наибольшее количество времени (более 3-х часов) студенты тратят на общение (42,3%) и цифровой досуг (39,6%), объясняя это тем, что «я же не в кино сижу, пока идет фильм, я ем, мою посуду, подкасты слушаю, когда с собакой гуляю», «я же не прям три часа сижу: напишут – прочитано, отвечу, не напишут – ну и ладно», «вообще не вижу разницы: я могу и в игрушку играть, и в чате отвечать. И получается, сколько отдыхаю, столько и общаюсь». И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о протекании цифровых коммуникативных процессов в фоновом режиме, когда пользователь как бы «переключается» между разными собеседниками и источниками информации, не останавливая ни один из процессов, но и не приоритезируя их; переключение происходит посредством считывания «ключевых символов»: слов, звуков, контекстов и настраивается пользователем индивидуально.

Дополнительно респондентам был задан вопрос «Сколько времени в сети Вы проводите ежедневно для удовлетворения своих личных интересов (чтение книг, просмотр фильмов, прослушивание музыки, личное творчество и проч.)?». Ответы на этот вопрос показали, что только половина респондентов использует цифровые технологии для своих личных целей более 2-х часов в день (см. рис. 2). При этом, если обратиться к ответам на предыдущий вопрос, и в качестве личных целей рассматривать «общение» и «досуг», то такой ответ должны были дать более 60% опрошенных. Отсюда мы делаем вывод о том, что личные интересы студентов, удовлетворяемые посредством использования цифровых технологий, значительно шире.

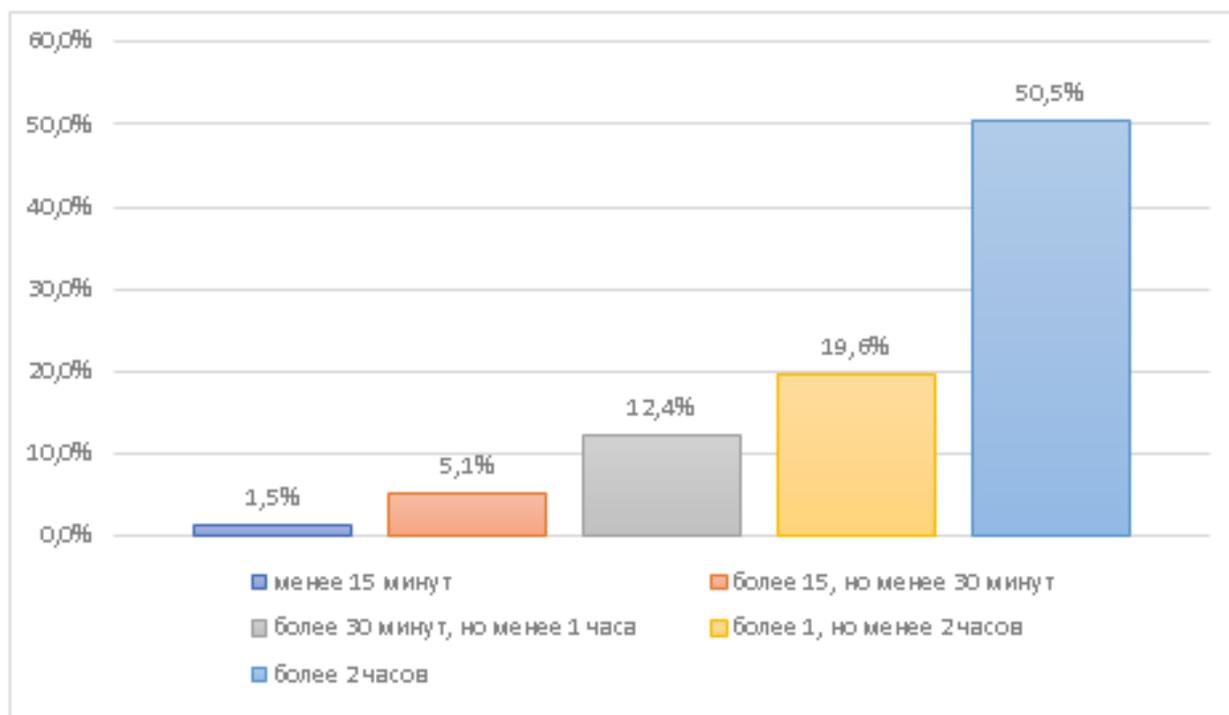

Рис. 2. Распределение респондентов по времени, затрачиваемому ежедневно на удовлетворение «личных интересов» (чтение книг, просмотр фильмов, прослушивание музыки, личное творчество и проч.), в %

Fig. 2. Distribution of respondents by time spent daily on satisfying "personal interests" (reading books, watching movies, listening to music, personal creativity, etc.), in %

Продолжительность нахождения в сети напрямую коррелирует с количеством ресурсов, к которым обращается пользователь. Поскольку основной целью нашего исследования являлось определение коммуникативных особенностей современных студентов, мы задали респондентам серию вопросов об использовании ими программ-мессенджеров, как наиболее актуальной коммуникативной технологии.

Так, на вопрос о количестве личных и групповых чатов, которые пользователь-студент поддерживает постоянно, мы получили ответ, что у абсолютного большинства респондентов (71,1% в случае определения оптимального числа личных чатов и 56,5% – для групповых чатов) число таких каналов не превышает десяти. Каждый пятый пользователь имеет до 20-ти групповых чатов (каналов).

На продолжительность взаимодействия с цифровой средой оказывает влияние и привычная для пользователя частота обновления новостной ленты (см. рис. 3).

Из представленной диаграммы видно, что наиболее часто встречаемыми практиками является «реагирование на каждое уведомление» (35,7%) и «проверка пару раз в день» (22,9%). Студенты в целом демонстрируют потребность поддержания достаточно высокого уровня осведомленности о происходящем в информационном пространстве, в тех тематических сегментах, которые представляют для них интерес, однако при наличии иного объекта ... готовы значительно снизить степень оперативности ознакомления с актуальными изменениями: «вообще я часто в интернете сижу, но, когда я с друзьями или отдыхаю, там, с семьей, могу несколько дней не читать новости – и нормально, вообще не страдаю», «провести день без интернета вообще не проблема, потом прочитаю», «без связи плохо, хочется сразу посмотреть, что там без меня происходит. Но недавно несколько дней без телефона пробыл – даже руки не тянулись, нормально отдохнул».

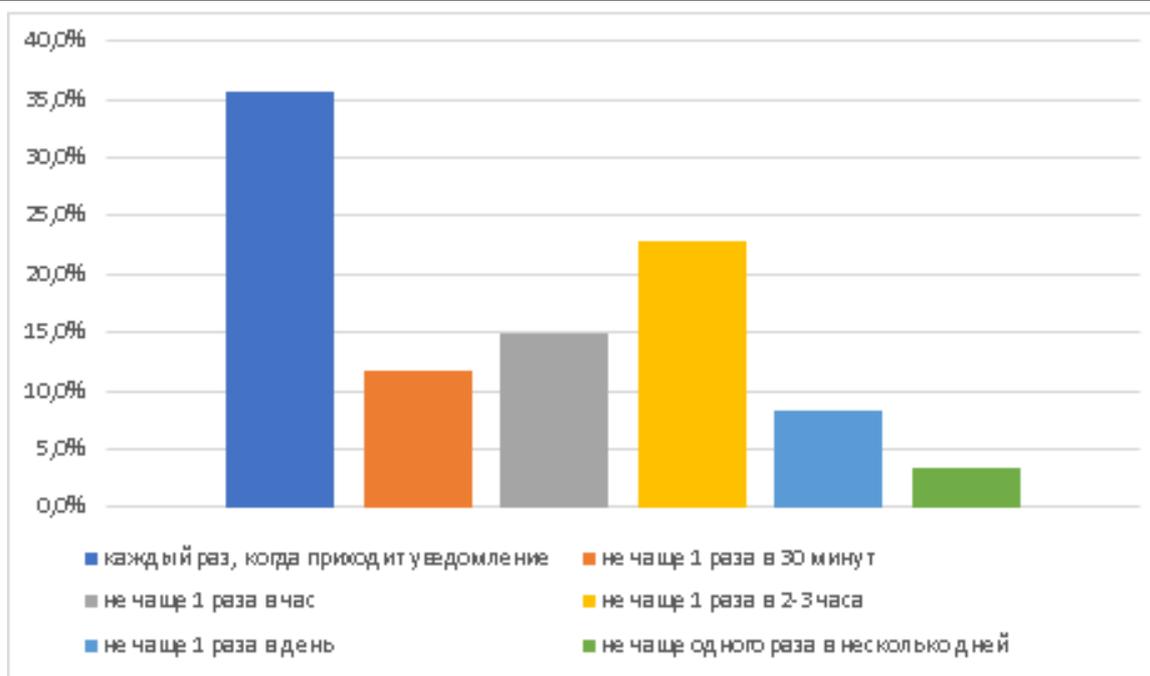

Рис. 3. Распределение респондентов по частоте проверки обновлений в групповых чатах/каналах, в %

Fig. 3. Distribution of respondents by frequency of checking for updates in group chats/channels, in %

Подводя итог по данному признаку выявления цифровой зависимости, можно сделать вывод о том, что для студенческой молодежи действительно характерно продолжительное (от 3-х часов в день суммарно) нахождение в цифровом информационном пространстве.

Студенческая аудитория дифференцированно подходит к использованию различных коммуникативных каналов при установлении продолжительных связей с различными группами окружения (см. рис.4), что приводит к профилизации коммуникативных каналов. Так, для общения с членами семьи (55,7%) и преподавателями (52,5%) более половины студентов предпочитают личное взаимодействие, без использования «цифровых посредников». При этом необходимо оговорить, что среди опрошенных более трети (43,1%) обучаются не на территории постоянного проживания, т.е. непосредственное частое очное взаимодействие с семьей для них затруднительно. Однако этот факт не приводит к замещению приоритетного способа взаимодействия, это позволяет, в свою очередь, говорить о том, что ценность непосредственного внутрисемейного общения с представителями разных поколений является для студентов значимой социальной ценностью. Такой формат коммуникации лишен повышенных скоростей распространения информации, эмоционально окрашен, протекает преимущественно в привычной с детства среде, что позволяет избежать контекстуальных и дискурсивных разрывов при передаче значимой информации.

Каналом взаимодействия с друзьями (40,7%) и одноклассниками (36,4%) – представителями того же поколения, что и респонденты¹ выступают мессенджеры – как комбинированное цифровое решение, объединяющее свойства телефона, телеграфа и программных решений для обмена фото и видео-файлами. Для данного канала характерны высокая скорость обмена сообщениями, их краткость, преимущественная обильность использования (интеграция на всех мобильных устройствах), легкость смены формата сообщения (текст, фото, видео, аудио), простота использования для коммуникантов, обладающих базовыми цифровыми навыками, возможность создания как личных, так и групповых чатов. Такой канал полностью соответствует базовому запросу молодежи на мобильность, оперативность, комбинаторность коммуникативного решения.

¹ Здесь мы рассматриваем молодежь в возрасте 17-25 лет в гендерной совокупности, не выделяя среди нее студентов и молодежь, не получающую высшее образование, но непосредственно взаимодействующую с нашими респондентами.

Из общей коммуникативной модели студента как субъекта ориентированного на бесконечное расширение коммуникативного сегмента личного социального пространства существенно выбивается формат и глубина взаимодействия с такой социальной группой как «соседи»¹.

Для студентов в равной степени характерны как стратегия избегания какого-либо контакта с соседями (39,1%), так и непосредственного очного взаимодействия (38,6%), что позволяет сделать вывод о том, что для студентов вопросы организации общего жизненного пространства с людьми, не входящими в их близкий круг, представляются не значимыми в общем наборе решаемых вопросов. Для студентов характерна незначительная степень интеграции с данную сферу.

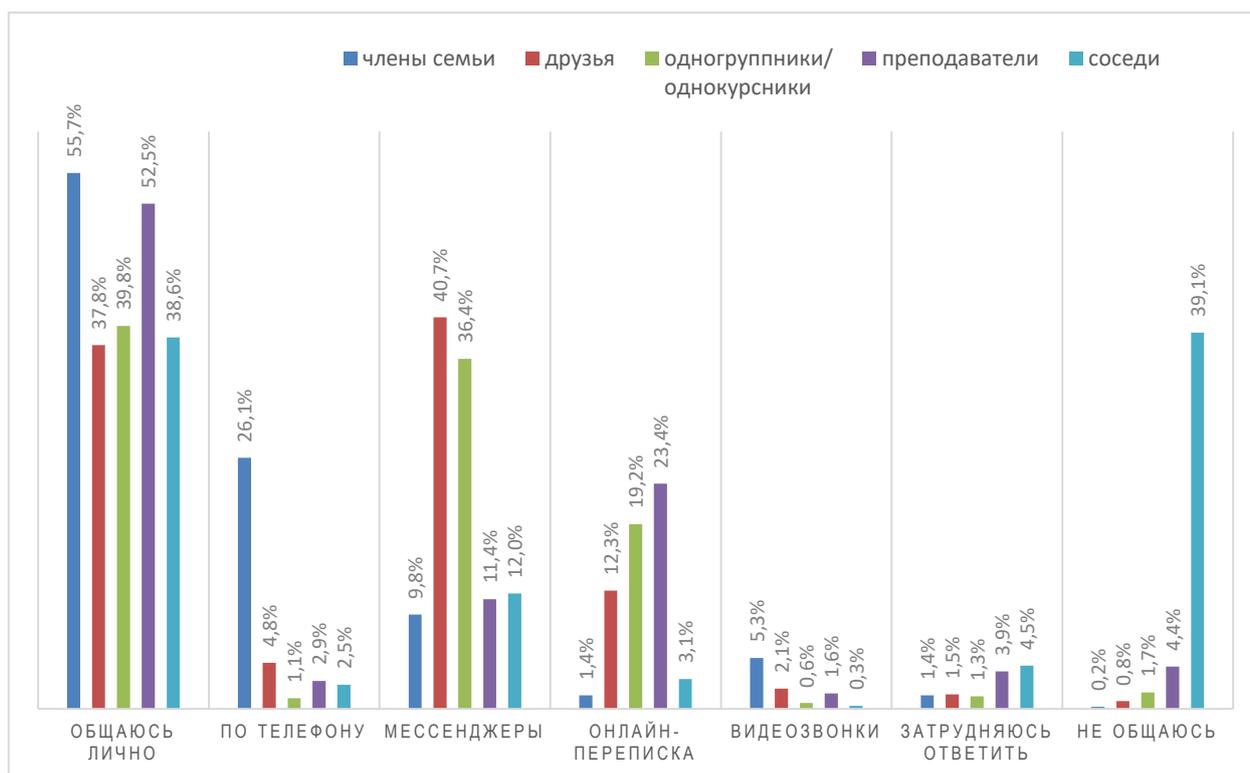

Рис. 4. Распределение респондентов в соответствии с предпочтительным каналом коммуникации с различными группами коммуникаторов, в %
 Fig. 4. Distribution of respondents according to the preferred channel of communication with different groups of communicators, in %

Представленные результаты позволяют говорить о том, что студенты придерживаются разнообразия в вопросах выбора коммуникативных каналов и моделей взаимодействия с различными социальными группами. При этом личное общение остается для них наиболее предпочтительным форматом, а выбор цифровых каналов определяется, в не меньшей степени, чем личным удобством, комфортностью использования выбранного канала для непосредственного адресата. Студенты демонстрируют пластичность и готовность учитывать особенности адресата. Использование разнообразных каналов, на наш взгляд, не является признаком зависимости уже только потому, что расширение линейки форматов и каналов не приводит к доминированию сугубо цифровой коммуникации над «аналоговой».

¹ В категорию «соседи» были отнесены как разновозрастные личности, проживающие с респондентами в месте их постоянного проживания, так и соседи-ровесники, проживающие с ними временно на период обучения (общежитие, съемная квартира и проч.), и объединенные с ними общими проблемами бытового характера.

3. Эмоциональная зависимость от цифровой коммуникации

Одним из ключевых психологических признаков любого рода зависимости является установление сильных эмоциональных связей между субъектом зависимости и ее объектом. В рамках проведенных исследований респондентам был задан вопрос, направленный на выявление степени и характера установившихся эмоциональных связей с цифровыми адресатами (см. рис. 5). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что признак эмоциональной зависимости является наиболее ярко выраженным из всех, описанных в данной статье. При ответе на вопрос «Какие эмоции Вы испытываете при мысли, что Россию отключат от сети интернет?» респонденты продемонстрировали высокую степень беспокойства (48,4%) – «и что я делать-то буду, это меня волнует и вообще всех должно волновать», раздражение (32,7%) – «почему я должен страдать? Как же бесит! И где все эти умники, которые должны обеспечить нас независимыми ресурсами?» и злости (30,2%) – «я злюсь! У меня в сети половина жизни завязана, а мне что потом делать – кто-то поможет?!» и совершенно не склонны испытывать позитивных эмоций, или хотя бы демонстрировать взвешенные реакции.

Ответы на открытый поясняющий вопрос, приведенные выше, демонстрируют глубокую связь с информационно-коммуникативным наполнением личного цифрового пространства каждого респондента, выстроенной на беспрепятственном, быстром и практически неограниченном доступе к цифровым коммуникативным технологиям – отказ от цифровых технологий вызывает недоумение и злость уже потому, что в этом случае будут прерваны привычные самостоятельно налаженные коммуникативные связи. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что для студенческой аудитории доступ к цифровым технологиям был обеспечен с раннего возраста и стал для нее идентичен базовым жизнеподдерживающим ресурсам. Сформированное личное цифровое пространство студент склонен воспринимать и оценивать как результат собственной социальной деятельности посредством использования доступных и гарантированных ресурсов и возможностей, обеспеченных ему уровнем развития общества и технологий. И в силу глубины интеграции и разнообразия используемых каналов цифровой коммуникации и получаемой по этим каналам информации, этот результат им [студентом] оценивается как более значимый, чем результат, достигнутый в традиционном социальном пространстве. В этом случае мы можем говорить не о зависимости от цифрового пространства или цифровых технологий, а о зависимости от накопленного личного цифрового контента, который студенты склонны одинаково использовать как в цифровом пространстве, так и в «аналоговом».

Цифровое пространство, интерпретируемое студентами преимущественно как коммуникативно-информационное, представляет собой основу для обретения ими релевантного социального опыта, как общесоциального, так и профессионального.

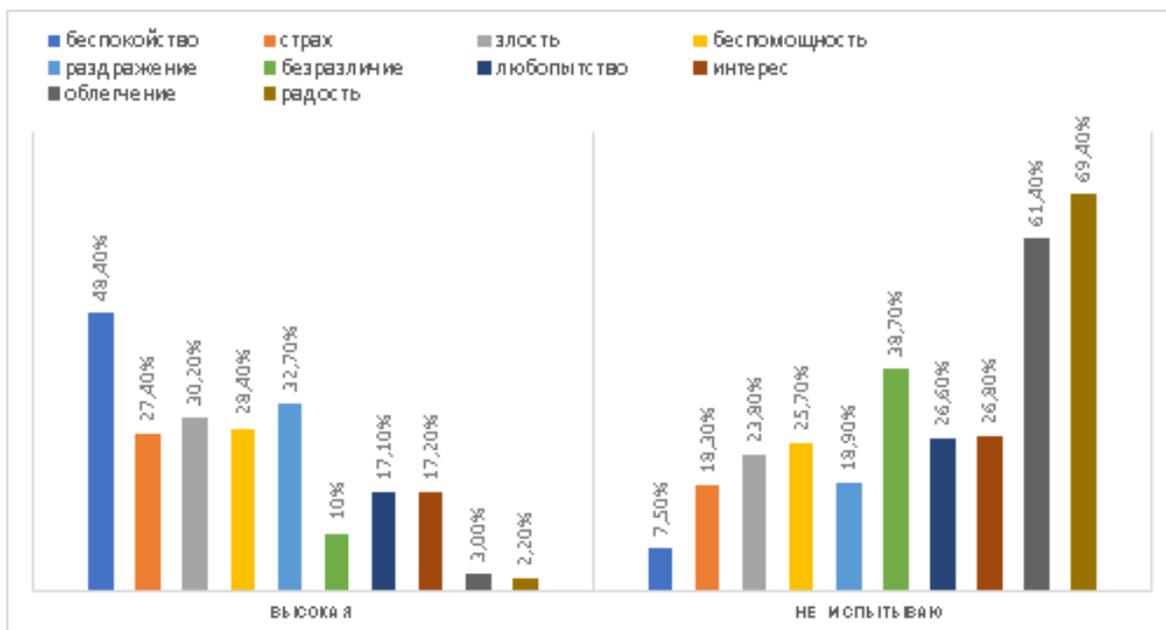

Рис. 5. Распределение респондентов в соответствии со степенью проявленности эмоций при оценке вероятности «отключения» России от сети интернет, в %

Fig. 5. Distribution of respondents according to the degree of manifestation of emotions when assessing the probability of "disconnecting" Russia from the Internet, in %

Еще одним, в контексте данной работы, скорее косвенным признаком цифровой зависимости, о котором необходимо упомянуть, является **неизбежная деградация коммуникативной модели личности**, выражающаяся преимущественно в отказе от применения в цифровом пространстве норм и правил построения грамматически, стилистически и содержательно правильного текста, что преимущественно выражается в упрощении языковых структур, упрощении и сокращении активного лексического запаса, снижении барьеров установления коммуникации, неизбирательности в вопросах выбора адресата, необоснованного использования обценной лексики и проч. Данный признак лежит преимущественно в области научного интереса филологов. Однако изменения такого рода способны существенно повлиять на различные аспекты социальных взаимодействий членов общества и спровоцировать возникновение социально-коммуникативных конфликтов. В контексте изучения процесса обретения коммуникативной компетентности студентами в цифровом пространстве, мы хотели бы рассмотреть данный признак для определения уровня потенциальной конфликтности таких изменений в коммуникативной модели студента.

Рассмотрим категорию «аграмматичность языка». Представленные ниже результаты позволяют говорить о том, что для студентов не характерно демонстративное нарушение правил, норм и требований русского языка как языка основной коммуникации (см. рис. 6). Так, только 1 из 10 опрошенных студентов не следит за своей речью и позволяет себе необоснованное использование нецензурной лексики в цифровой коммуникации.

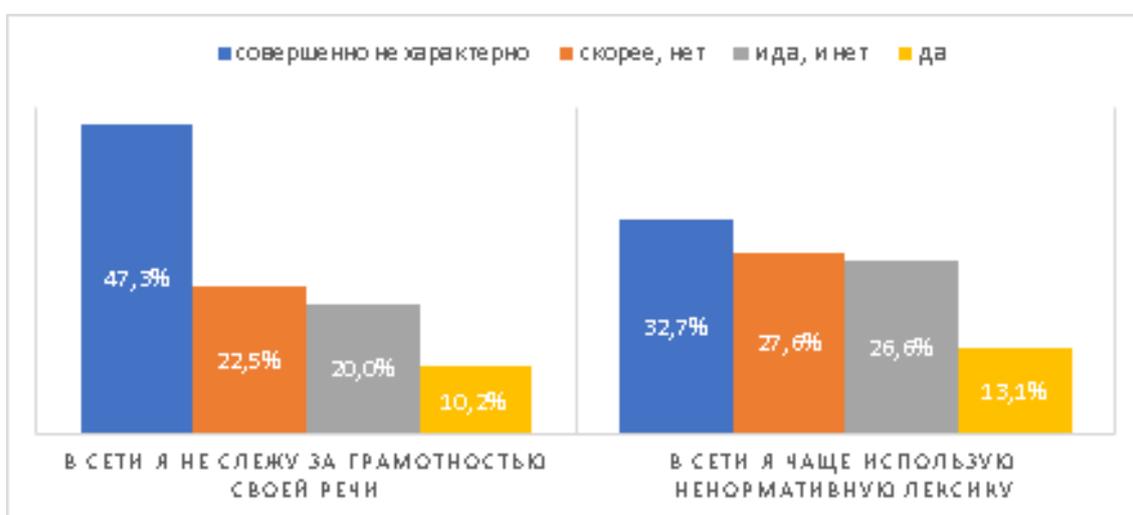

Рис. 6. Распределение респондентов в соответствии с согласием с приведенными суждениями, в %

Fig. 6. Distribution of respondents in accordance with the agreement with the above judgments, in %

Можно допустить, что студенты склонны оценивать себя и свои усилия по выстраиванию репутационной коммуникации существенно выше, чем это есть в действительности. Однако, аграмматичность предполагает не только нарушение норм грамматики самим субъектом, но и снижение требований к языку его респондентов (см. табл. 3). Половина опрошенных (52,8%) указала «грамматную письменную речь» как преимущество коммуниканта при вступлении с ним в первичный акт цифровой коммуникации, что является более значимым основанием, чем такой социально-значимый признак как «наличие общих знакомых» (47,9%).

Таблица 3 – Распределение респондентов в соответствии с приоритетными условиями для начала общения в сети с незнакомым человеком, в %

Table 3 – Distribution of respondents according to the priority conditions for starting online communication with a stranger, in %

Варианты ответов	кол-во, %
Грамматная письменная речь	52,8
Наличие общих знакомых (в реальном мире)	47,9
Ненавязчивость	41,5
Заполненность аккаунта в социальных сетях	33,0

Продолжение табл. 3
Continuation of table 3

Внешняя привлекательность (аватар, фото на странице и проч.)	32,1
Отзывы общих знакомых (если они есть)	25,1
Наличие общих знакомых (в сети интернет)	23,0
Оригинальность сообщений	22,6
Содержание записей пользователя, размещенных в социальных сетях (включая комментарии и репосты)	21,4
Никогда не общаюсь в сети с незнакомыми людьми	15,7
Это рабочий контакт	13,6
Простота поиска информации о пользователе в открытых источниках	11,8
Наличие общих подписок	9,5
Членство в одних сообществах	7,6
Иное	5,1
Затрудняюсь ответить	7,5

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать ряд выводов, позволяющих скорректировать модель формирования у студентов коммуникативных навыков в результате использования цифровых технологий.

1. Для студентов нет различий между цифровым и традиционным коммуникативными пространствами, им одинаково комфортно выстраивать как цифровую, так традиционную коммуникацию. Однако массив цифровых связей, образующих индивидуальное коммуникативное пространство студента, количественно больше и обладает для студента существенно более высоким значением, чем традиционные коммуникативные связи. Такое распределение приоритетов позволяет говорить о том, что развитие коммуникативных компетенций должно протекать одновременно с развитием цифровым, где цифровые рассматриваются как обеспечивающие по отношению к коммуникативным. В этом случае правильнее будет говорить не о коммуникативных, а о коммуникативно-цифровых компетенциях, а равно о коммуникативно-цифровой компетентности студента как о желаемом результате образовательного процесса.

2. Студентам свойственно приписывать себе признаки цифровой зависимости под влиянием мнения представителей иных поколений, входящих в близкое и профессиональное окружение. Студенты глубоко интегрированы в цифровое пространство и обладают способностью пластично комбинировать различные цифровые и традиционные форматы и каналы для ускорения процесса накопления цифрового коммуникативного опыта. Однако разнообразие применяемых ими методов и технологий, равно как и разнообразие тематических и целевых обращений в цифровое пространство не позволяют сделать однозначные выводы о зависимости как о характеристике, маркирующей деградацию социальной личности. Студенты органично переносят часть рутинных бытовых и образовательных задач в цифровое пространство с целью повышения интенсификации и оптимизации коммуникативных потоков, что позволяет говорить скорее о функциональном отношении к цифровому пространству, чем о патологической зависимости.

3. Студенты испытывают сильную эмоциональную связь с отдельными категориями цифрового пространства. Использование цифровых технологий является для студенческой аудитории утилитарной бытовой практикой, лишенной ритуализированности, в отличие от представителей более старших поколений. Обращение к «сети» происходит опционально и направлено на сиюминутное удовлетворение возникшей потребности. Вероятность оказаться изолированным от технологий рассматривается студентами как недопустимое ограничение, вмешательство в их жизнь, которое приведет к существенному ухудшению их социального, а равно – коммуникативного статуса. Не имея, в большинстве случаев, достаточного количества объективных материальных результатов собственной деятельности (деньги, дорогостоящие покупки, произведенные товары и проч.), студентам свойственно замещать эти объекты достигнутыми коммуникативно-цифровыми результатами. Таким образом, студентами демонстрируется скорее зависимость от контента, получаемого и накапливаемого посредством использования технологий, чем от технологий непосредственно.

4. Студенты высоко оценивают образовательный потенциал цифровых ресурсов и склонны использовать их не только для достижения формальных образовательных результатов, но и для самообучения. Что позволяет говорить о высоком потенциале использования цифровых продуктов, ресурсов и платформ при организации учебного процесса в вузе.

Список источников

1. Теория поколений в российском менеджменте. Лучшие практики управления разновозрастными командами: подбор, обучение, мотивация: монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 186 с.
2. Гибсон У. Нейромант (трилогия «Киберпространство»). М.: Азбука-Аттикус, 2015. 540 с.
3. Белинская Е., Жичкина А. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 165 с.
4. Бондаренко С. Ф. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д., 2004. 171 с.
5. Соколов А. В. Общая теория коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова, 2002. 460 с.
6. Блюменау Д. И. Информация и информационный сервис. М.: Наука, 1989. 188 с.
7. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 6–9.
8. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг. 2019. № 1 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-kommunikatsiy-na-formirovanie-professionalnoy-kultury-rossiyskoj-molodezhi-rezultaty-kompleksnogo-prikladnogo> (дата обращения: 15.08.2024).
9. Пошехонова В. А. Образовательная гуманитарная технология цифрового поколения // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaia-gumanitarnaya-tehnologiya-tsifrovogo-pokoleniya> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Киреева О. Ф., Шарков Ф. И. Новые цифровые технологии в профессиональной коммуникации // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tsifrovyie-tehnologii-v-professionalnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 18.08.2024).
11. Антропова Л. В. Коммуникативная компетентность студента как объект формирования в процессе профессиональной подготовки в вузе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-studenta-kak-obekt-formirovaniya-v-protseste-professionalnoy-podgotovki-v-vuze> (дата обращения: 18.08.2024).
12. Толстикова И. И., Игнатъева О. А., Кондратенка К. С., Плетнев А. В. Коммуникативные компетенции поколения z и выбор формата обучения в контексте цифровизации // International Journal of Open Information Technologies. 2022. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyie-kompetentsii-pokoleniya-z-i-vybor-formata-obucheniya-v-kontekste-tsifrovizatsii> (дата обращения: 18.08.2024).
13. Стурикова М. В. Коммуникативная компетенция и ее развитие у студентов вуза в условиях преемственности образования: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. 164 с.
14. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsennostey-obshcheniya-v-kommunikativnom-prostranstve-molodezhi> (дата обращения: 18.08.2024).
15. Петрова С. И., Борисова У. С. Анализ коммуникативной компетентности современных студентов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikativnoy-kompetentnosti-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 18.08.2024).
16. Газиева И. А., Бурашникова А. А. «Надпрофессиональные компетенции: запрос студенческой молодежи» (тип – база данных). Номер свидетельства: RU 2023621052. Патентное ведомство: Россия. Год публикации: 2023. Номер заявки: 2023620650. Дата регистрации: 15.03.2023. Дата публикации: 30.03.2023. Объем: 9,91 МБ.

References

1. *The theory of generations in Russian management. The best practices of managing teams of different ages: recruitment, training, motivation*: monograph. Moscow: RUSAINS; 2018. 186 p. (In Russ.).
2. Gibson W. *Neuromancer (trilogy "Cyberspace")*. Moscow: ABC-Atticus; 2015. 540 p. (In Russ.).
3. Belinskaya E., Zhichkina A. *Modern studies of virtual communication: problems, hypotheses, results*. Moscow: UNITA-DANA; 2004. 165 p. (In Russ.).

4. Bondarenko S. F. *The social structure of virtual network communities*. Rostov-on-Don; 2004. 171 p. (In Russ.).
5. Sokolov A. V. *General theory of communication*. St. Petersburg: Mikhailov Publishing House; 2002. 460 p. (In Russ.).
6. Blumenau D. I. *Information and information service*. Moscow: Nauka; 1989. 188 p. (In Russ.).
7. Sokolova N. L. Digital culture or culture in the digital age. *International Journal of Cultural Studies*. 2012;(3):6–9. (In Russ.).
8. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. The influence of digital communications on the formation of professional culture of Russian youth: the results of a comprehensive applied research. *Monitoring*. 2019;1(149). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-kommunikatsiy-na-formirovanie-professionalnoy-kultury-rossiyskoy-molodezhi-rezultaty-kompleksnogo-prikladnogo> [Accessed 15 August 2024]. (In Russ.).
9. Poshekhonova V. A. Educational humanitarian technology of the digital generation. *Pedagogical education in Russia*. 2018;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-gumanitarnaya-tehnologiya-tsifrovogo-pokoleniya> [Accessed 19 August 2024]. (In Russ.).
10. Kireeva O. F., Sharkov F. I. New digital technologies in professional communication. *Communicologia: electronic scientific journal*. 2021;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tsifrovyie-tehnologii-v-professionalnoy-kommunikatsii> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
11. Antropova L. V. Communicative competence of a student as an object of formation in the process of professional training at a university. *Bulletin of Cherepovets State University*. 2010;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-studenta-kak-obekt-formirovaniya-v-protssesse-professionalnoy-podgotovki-v-vuze> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
12. Tolstikova I. I., Ignatieva O. A., Kondratenka K. S., Pletnev A. V. Communicative competencies of generation z and the choice of a learning format in the context of digitalization. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022;(11). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-kompetentsii-pokoleniya-z-i-vybor-formata-obucheniya-v-kontekste-tsifrovizatsii> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
13. Sturikova M. V. *Communicative competence and its development among university students in the context of continuity of education*: monograph. Yekaterinburg; 2020. 164 p. (In Russ.).
14. Zubok Yu. A., Chankova E. V. Dynamics of communication values in the communicative space of youth. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;1(61). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsennostey-obscheniya-v-kommunikativnom-prostranstve-molodezhi> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
15. Petrova S. I., Borisova U. S. Analysis of the communicative competence of modern students. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022;(12). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikativnoy-kompetentnosti-sovremennyh-studentov> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
16. Gazieva I. A., Burashnikova A. A. "Supra-professional competencies: student youth request" (type – database) Certificate number: RU 2023621052. Patent Office: Russia. Year of publication:2023. Application number: 2023620650. Registration date: 03/15/2023. Date of publication: 30.03.2023. Volume: 9.91 MB. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Бурашникова – директор программ Центра «Школа андрагогики и образовательного дизайна» Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Burashnikova – Director of Programm of the Center «School of Andragogy and Educational Design» of the Institute «Graduate School of Public Management» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.

Трансформация HR-сферы в условиях дефицита кадров

Елена Петровна Костенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ekostenko@sfedu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению радикальных изменений в ключевых функциональных характеристиках рынка труда, их причин и возможных направлений изменений в HR-сфере, направленных на преодоление/минимизацию негативного влияния дефицита кадров на функционирование организации. В первой части статьи на основе анализа данных государственной статистики, аналитики, представленной крупнейшими агрегаторами по поиску работы, рекрутинговыми компаниями и экспертами представлена характеристика текущего состояния российского рынка труда.

Во второй части статьи рассматриваются основные причины и триггеры возникшего на рынке труда дефицита кадров как со стороны спроса, так и со стороны предложения труда. Среди ключевых причин дефицита кадров, имеющих кумулятивный эффект на рынок труда, выделяются: естественная убыль населения и последствия «демографической ямы»; результаты структурной перестройки экономики; сокращение гражданской рабочей силы на фоне мобилизации, «релокации» и оттока населения из страны; сокращение потока трудовых мигрантов; дисбаланс в сфере образования – несоответствие получаемого образования запросам рынка труда и изменение трудовых установок людей и модели их поведения на рынке труда. Основными причинами изменений в модели трудового поведения людей автор считает последствия «пандемийного эффекта» на рынок труда, связанного с добровольным отказом части работников от занятости в период карантинных ограничений; присутствие на рынке труда значительной доли НЕЕТ-молодежи, а также появление новых требований к работодателю у соискателей и работников.

В заключительной части статьи показано, что в настоящий момент ответом на вызовы рынка труда должна стать подлинная «идейная революция» в сознании HR-специалистов. Концептуальной основой нового подхода к управлению работниками является человекоцентричный подход и бережное отношение к персоналу. Автор рассматриваются устаревшие и актуальные установки в HR-сфере, а также изменения в ключевых функциональных блоках системы управления персоналом и инструментах привлечения и удержания персонала.

Ключевые слова: дефицит кадров, HR-сфера, рынок труда, управление персоналом, НЕЕТ-молодежь

Для цитирования: Костенко Е. П. Трансформация HR-сферы в условиях дефицита кадров // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 261–277. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-261-277>. EDN MMEPRF

Transformation of the HR sphere in the context of workforce shortages

Elena P. Kostenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ekostenko@sfedu.ru

Abstract. This article is dedicated to examining the radical changes in the key functional characteristics of the labor market, identifying their causes, and exploring possible directions for change in the HR sphere aimed at overcoming or minimizing the negative impact of workforce shortages on organizational performance. In the first part of the article, based on the analysis of state statistical data, analytics provided by major job search aggregators, recruiting companies, and experts, the current state of the Russian labor market is described.

In the second part of the article, the main causes and triggers of the workforce shortage in the labor market are considered from both the demand and supply sides. Among the key causes of the labor shortage, which have a cumulative effect on the labor market, are: the natural decline in population and the consequences of the “demographic hole”; the results of the structural transformation of the economy; a reduction in the civilian workforce due to mobilization, “relocation”, and emigration; a decrease in the flow of labor migrants; imbalances in the education system, such as the mismatch between the education people receive and the demands of the labor market, as well as changes in people’s labor attitudes and behavior on the job market. The author identifies the main causes of changes in people’s labor behavior as the effects of the “pandemic effect” on the labor market, which led to some workers voluntarily exiting the workforce during quarantine restrictions; the presence of a significant share of NEETs (Not in Education, Employment, or Training) in the labor market; the emergence of new demands from job seekers and employees towards employers.

In the concluding part of the article, it is shown that the response to labor market challenges should be a true “Ideological revolution” in the mindset of HR professionals. The conceptual foundation of a new approach to managing employees is a human-centered approach and a careful attitude towards staff. The author discusses outdated and current HR practices, as well as changes in key functional blocks of personnel management systems and tools for attracting and retaining employees.

Keywords: workforce shortage, HR-sphere, labor market, staff management, NEETs

For citation: Kostenko E. P. Transformation of the HR sphere in the context of workforce shortages. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):261–277 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-261-277>. EDN MMEPRF

Введение

Одной из ключевых проблем российской экономики становится дефицит кадров. В настоящий момент происходят радикальные изменения в ключевых функциональных характеристиках рынка труда. В России сложилась уникальная ситуация – до исторического минимума снизился уровень безработицы – 2,4%¹ (по данным Росстата, в сентябре 2024 г.), при этом возник «навес незанятых рабочих мест, а на одного безработного приходится более пяти вакансий» [1, с. 4].

На рис. 1, составленном сервисом HeadHunter, показана динамика соотношения спроса и предложения на российском рынке труда. На основании рисунка 1, можно говорить о том, что после каждого экономического, социального кризиса или любой другой пиковой/шоковой для экономики ситуации (за последнее десятилетие для России это были первый санкционный кризис 2014–2015 гг., коронакризис 2020–2021 гг. и второй санкционный кризис, начавшийся в 2022 г.), спрос на людей восстанавливается достаточно быстро, а активность соискателей – отстает.

Одним из релевантных показателей, характеризующих уровень конкуренции на рынке труда может быть т.н. hh.индекс, разработанный сервисом HeadHunter. Этот индекс показывает отношение среднего числа активных резюме к среднему числу активных вакансий (рис. 2).

¹ Барометр экономического поведения домохозяйств в России / Под ред. О. В. Синявской. – М.: НИУВШЭ. – 2024. – № 3. – URL: <https://isp.hse.ru/mirror/pubs/share/981555148.pdf> (дата обращения: 01.11.2024); В России оказалась самая низкая безработица среди стран «Большой двадцатки». – URL: <https://ria.ru/20241105/bezrobotitsa-1981861706.html> (дата обращения: 01.11.2024).

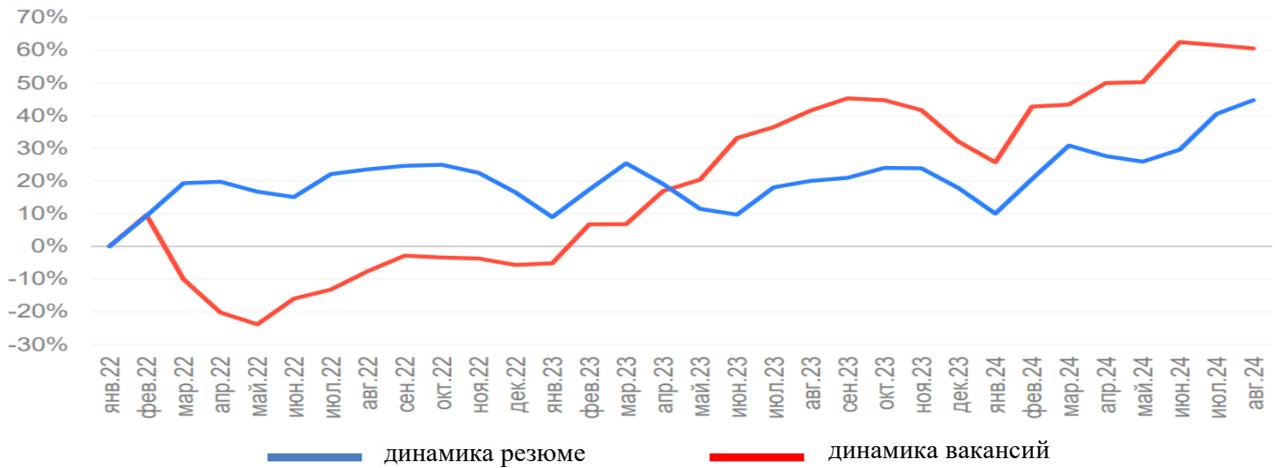
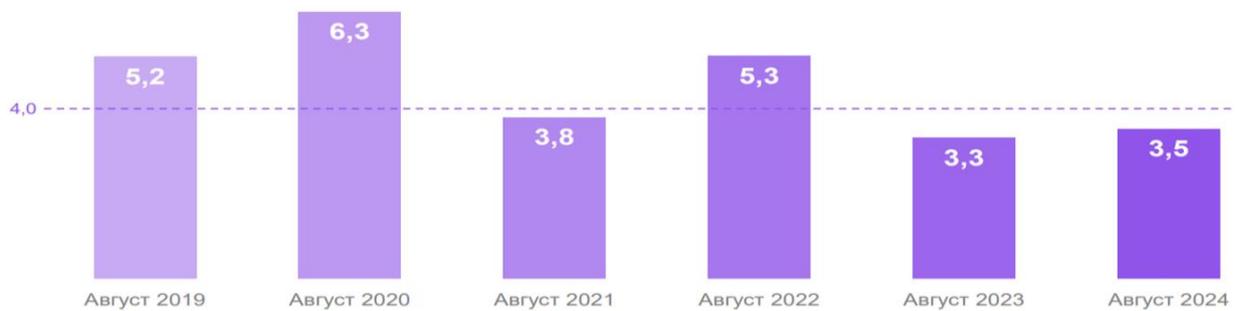

Рис. 1. Динамика активных вакансий и резюме

Fig. 1. The dynamics of active vacancies and CV

[Статистика рынка труда. – 2024. – URL: <https://stats.hh.ru/>]

≤ 1,9	острый дефицит соискателей
2,0–3,9	дефицит соискателей присутствует, рынок соискателя
4,0–7,9	умеренный уровень конкуренции за рабочие места, здоровое соотношение между работодателями и соискателями
8,0–11,9	высокий уровень конкуренции соискателей за рабочие места, рынок работодателя
≥ 12	крайне высокий уровень конкуренции соискателей за рабочие места, рынок работодателя

Рис. 2. Динамика hh.индекса (все профессиональные области)

Fig. 2. The dynamics of hh.index (all of the occupational field)

[Статистика рынка труда. – 2024. – URL: <https://stats.hh.ru/>]

На основании рис. 2 также можно говорить об обострении конкуренции на рынке труда в целом по всем профессиональным областям. Если рассматривать динамику hh.индекса в профессиональных областях, то в сентябре 2024 г. наиболее остро дефицит соискателей ощущается в розничной торговле (1,2), среди рабочего персонала (2,3), в сфере автомобильного бизнеса (2,4), медицине, фармацевтике (2,7), производстве и сервисном обслуживании (2,9,), транспорте, логистике и перевозках (3,0)¹. Т. е. можно говорить о сохранении дефицита кадров в самых массовых сегментах рынка труда. Рассматривая динамику этого индекса в региональном разрезе, можно констатировать, что дефицит рабочей силы актуален для всех регионов России, причем самый низкий показатель hh.индекса зафиксирован в Чукотском автономном округе (1,5).

¹ Статистика hh.ru. – 2024. – URL: <https://stats.hh.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).

Согласно данным опросов работодателей, проведенным в 2024 г., дефицит кадров испытывают 86% компаний, причем эта проблема более выражена у представителей крупного бизнеса (89%), чем у небольших компаний (85%)¹.

Показателем, позволяющим оценить выраженность дефицита кадров в той или иной отрасли, является индекс кадровой уязвимости (ИКУ)², рассчитываемый аналитиками Центра конъюнктурных исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Динамика индекса по укрупненным блокам отраслей представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика индекса кадровой уязвимости (ИКУ), отклонение³

Table 1 – The dynamics of personnel vulnerability index (PVI), deviation

Отрасль экономики	2021				2022				2023				2024	
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2
Обрабатывающие производства (всего)	1,3	1,3	1,0	2,1	3,8	1,1	1,3	2,6	3,7	4,6	5,0	7,5	7,0	8,0
Электроэнергетика, газ, пар, кондиционирование воздуха	-0,6	1,1	1,4	1,4	1,4	2,9	2,0	2,9	1,0	3,8	1,4	4,0	7,4	6,6
Строительство	1,0	4,8	3,6	5,5	2,9	5,0	3,3	6,4	5,0	5,9	5,9	7,4	11,5	12,3
Добыча полезных ископаемых	-3,9	-	-	-	3,1	2,8	3,1	4,1	-	0,9	1,1	5,1	2,1	3,1
Торговля (оптовая и розничная) (всего)	2,6	3,6	2,2	4,1	2,6	0,1	0,1	-	-	0,4	1,6	1,8	3,6	4,1
Услуги (всего)	1,0	2,6	2,2	3,9	-	0,5	3,6	4,1	5,2	5,3	7,0	7,4	8,9	9,6
Меньше -7	Крайне низкая уязвимость				0 : 3				Умеренно-высокая уязвимость					
-7 : - 3	Низкая уязвимость				3 : 7				Высокая уязвимость					
- 3 : 0	Нейтральная уязвимость				Больше 7				Критическая уязвимость					

Как показано в табл. 1, начиная с 2022 г., во всех рассматриваемых отраслях увеличивается показатель кадровой уязвимости, свидетельствующий о недостаточной обеспеченности кадрами предприятий и организаций, как реального сектора экономики, так и сферы услуг. Если рассматривать динамику этого показателя по отдельным сферам деятельности, то наиболее остро проблема «кадрового голода» ощущается в таких отраслях, как: производство пищевых продуктов, производство бумаги и бумажных изделий, химическое производство, металлургическое производство, производство электрического оборудования, транспортных средств и оборудования, автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов. Наиболее критических значений этот показатель достиг в строительстве и сфере услуг⁴.

¹ Буйлова Д. Компании ведут борьбу за каждого специалиста. – 2024. – URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/6663123> (дата обращения: 27.10.2024).

² ИКУ – индикатор, оценивающий масштабы и направленность реагирования отраслей на комплекс кадровых проблем, прежде всего на недостаток квалифицированных кадров. ИКУ рассчитывается как средневзвешенное значение отклонений первичных индикаторов ежемесячных обследований деловой активности от их долгосрочных средних уровней за период 2017-2024 гг. по каждому виду экономической деятельности промышленности.

³ Актуальные тенденции на рынке труда в отраслях промышленности: – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – URL:

https://www.hse.ru/data/2024/10/17/1941590395/Composite_indice_3Q_2024.pdf (дата обращения:

01.11.2024); Композитные индикаторы деловой активности: текущие и прогнозные траектории: – М.: НИУ

ВШЭ, 2024. – URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/17/1895301892/Early_composite_indice_3Q2024.pdf.

(дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Композитные индикаторы деловой активности: текущие и прогнозные траектории: – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – URL: https://www.hse.ru/data/2024/09/17/1895301892/Early_composite_indice_3Q2024.pdf. (дата обращения: 01.11.2024)

В целом, согласно результатам исследований РАН, в 2024 г. российский рынок труда испытывает потребность почти в 5 млн специалистов, что составляет почти 7% существующих в стране рабочих мест¹. Причем по всему спектру отраслей и профессий, к сожалению, не наблюдается серьезных резервов для значительного увеличения предложения труда.

Таким образом на российском рынке труда в настоящее время наблюдаются разнонаправленные тенденции, усиливающие проблему дефицита кадров. С одной стороны, наблюдается увеличение спроса на труд, а с другой, происходит сжатие предложения труда, вызванного как абсолютным сокращением численности рабочей силы, так и сокращением продолжительности рабочего времени.

Причины и триггеры дефицита кадров на российском рынке труда

Проблема дефицита кадров возникла «не вдруг» и «не сейчас», а развивалась на протяжении нескольких лет. Однако именно в последние 3-4 года в результате кумулятивного сочетания сразу нескольких факторов эта проблема приобрела дополнительный размах. Рассмотрим основные причины, обусловившие обострение проблемы «кадрового голода» в экономике России.

Естественная убыль населения и последствия «демографической ямы». Большинство экспертов, занимающихся изучением проблемы дефицита кадров, одной из ключевых причин резкого сокращения предложения труда называют естественную убыль населения (рис. 3).

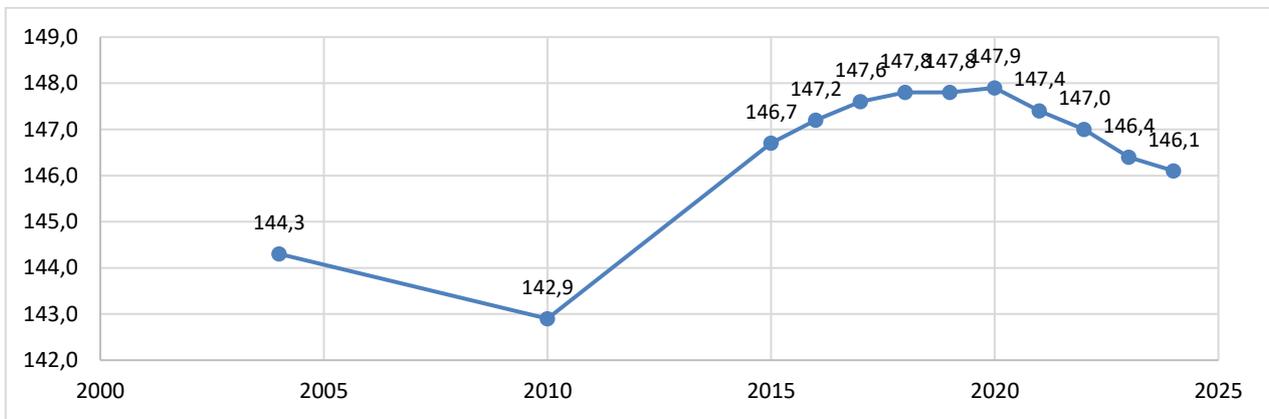

Рис. 3. Динамика численности населения России, млн чел.

Fig. 3. Population dynamics of Russia, (million of people).

[составлено автором на основе данных Росстат. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>]

В первые годы XXI в. российский рынок труда развивался еще в условиях т.н. демографической ренты – на рынок труда активно выходили дети поколения бэби-бумеров. Поэтому проблема дефицита кадров еще не была настолько актуальна. Однако в настоящий момент российский рынок труда испытывает серьезное негативное влияние демографических процессов, которые связываются с последствиями «демографической ямы» (рис. 4).

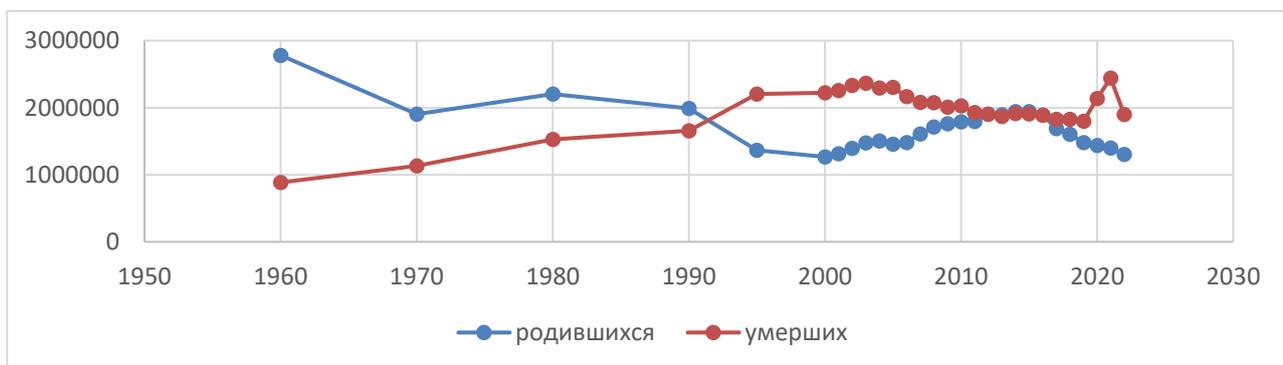

Рис. 4. Динамика численности родившихся и умерших в России, чел.

Fig. 4. Dynamics of the number of births and deaths in Russia, (people)

[составлено автором на основе данных Росстат. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>]

¹ Экономика труда в эпоху дефицита кадров. – 2024. – URL: <https://habr.com/ru/articles/816573/> (дата обращения: 01.11.2024).

Несмотря на то, что продолжительность жизни в России растет уже несколько лет, количество умирающих превышает количество рождающихся. Одной из причин возникновения «демографической ямы» как раз и является снижение рождаемости. Для обеспечения простого воспроизводства населения коэффициент суммарной рождаемости должен составлять 2,1. Однако уже с 1980-х гг. в РФ таких значений нет. Более того, в 2023 г. в России зафиксирован наименьший показатель рождаемости с 1999 г. – родилось 1,264 млн детей¹. Последствия снижения рождаемости в конце XX века оказывают сильное влияние на рынок труда в 2020-х гг. В трудоспособный возраст вступает малочисленное поколение 1990-х и начала 2000-х гг. В настоящий момент людей возраста 20–24 года почти в 2 раза меньше, чем было 10 лет назад.

Параллельно со снижением численности населения происходит снижение и предложения труда. Начиная с 2010 г. наблюдается снижение численности населения в трудоспособном возрасте (с 88,9 млн чел. в 2009–2010 гг., до 82,9 млн чел. в 2022 г.). Динамика численности экономически активного населения или рабочей силы (в возрасте 15–72 года) также имеет понижательный тренд – суммарные потери за последнее десятилетие составили 2,2 млн человек (пиковые значения численности рабочей силы были достигнуты в 2011 г. – 75,8 млн чел., а в 2022 г. этот показатель составлял уже 73,6 млн чел.) [2, с. 8–9].

Трудоспособное население в России стареет и сокращается. Пандемия коронавируса 2020–2021 гг. привела к увеличению смертности, в том числе среди трудоспособного населения. По разным оценкам, в результате пандемии COVID-19 рынок труда лишился около полумиллиона человек. Убыль трудоспособного населения продолжает подпитывать дефицит на рынке труда. По прогнозам, к 2030 г. на рынок труда выйдут дети поколения «миллениалов» (+2,6 млн. человек 15-29 лет по сравнению с 2024 г.). Наряду с этим, по данным Росстата, численность самой востребованной и активной на рынке труда возрастной группы граждан 30-39 лет через 6 лет сократится на 6,3 млн.² В целом, по прогнозам, «в ближайшее десятилетие потери в занятости могут составить 3-5 млн. человек [2, с. 8-9].

Влияние демографических процессов на рынке труда отражается на процессах рекрутмента персонала. Во-первых, данные различных сервисов по поиску работы, в целом, отмечают снижение среднего числа запросов на поиск работы – например, в июне 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. спад составил около 19%. Во-вторых, произошли изменения и в структуре базы резюме. За 5 лет доля соискателей 40-59 лет выросла на 10%, а доля молодежи до 29 лет и соискателей 30-39 лет, наоборот, снизилась на 7% и 4% соответственно (рис. 5).

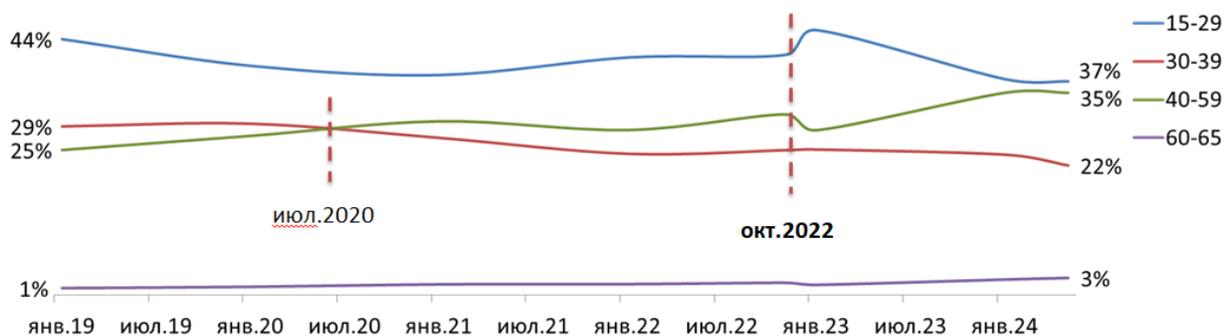

Рис. 5. Изменения в структуре базы резюме соискателей

Pic.5. Structural changes in the database of applicants' resume

[Рынок труда 2024. Почему не хватает людей. – 2024. – URL:

<https://www.superjob.ru/research/articles/114770/rynok-truda-2024/>

В настоящий момент можно констатировать отсутствие замещения поколений работников (особенно характерно для лиц рабочих профессий). При этом необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев «молодые» и «пожилые» работники не являются субститутами с точки зрения их востребованности у работодателей.

¹ Росстат зафиксировал в 2023 году антирекорд по числу родившихся в РФ с 1999 года. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6523337> (дата обращения: 27.10.2024).

² Рынок труда 2024. Почему не хватает людей. – 2024. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114770/rynok-truda-2024/> (дата обращения: 22.10.2024).

Структурная перестройка экономики. По оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, в настоящий момент в России наблюдается «форсированный структурный сдвиг, усиливший проблему дефицита как высококвалифицированных кадров, например, инженеров, так и квалифицированных рабочих»¹. Этот сдвиг объясняется прежде всего быстрым наращиванием производственных мощностей и ростом объемов выпуска в обрабатывающих производствах. Среди основных причин такой ситуации можно выделить, во-первых, появление и быстрое развитие импортозамещающих производств на фоне ухода части иностранных компаний из страны и усиления санкционного давления на Россию; во-вторых, увеличение госзаказа в ряде отраслей промышленности (например, металлургия, машиностроение, строительство, химическая промышленность и др.). Наблюдаемое на протяжении нескольких лет усиление ВПК и рост объемов производства военной продукции, не только привело к созданию новых рабочих мест (около 500 000 только в оборонной промышленности)², но и значительно увеличило количество решаемых задач. У части предприятий это потребовало перехода на двух-трех и даже четырех-сменный режим работы, что еще больше усилило проблему нехватки кадров. Проблема дефицита кадров также обостряется вследствие усилившегося межфирменного, межотраслевого и межпрофессионального перераспределения рабочей силы.

Цифровизация и быстрое увеличение масштабов гиг-экономики стали еще одной причиной дефицита кадров в реальном секторе экономики. Маркетплейсы и сервисы доставки «перетянули» работников из других сфер экономики. Триггером перехода части работников в сферу услуг, прежде всего сферу различных сервисов доставки, стала пандемия. Проблема дефицита кадров распространяется и на IT-сферу. По данным сервиса HeadHunter, на фоне активного развития IT-сферы и технологий искусственного интеллекта, 61% компаний в России испытывают трудности с поиском кандидатов с навыками в сфере IT³. Среди причин такой ситуации чаще всего называется «неповоротливость, негибкость и низкая отзывчивость системы образования к нуждам цифровизации [3; 4, с. 173]. Во многих сферах деятельности проблему дефицита кадров усиливает наличие «квалификационной ямы» – разрыва между имеющимися навыками и требуемыми рабочими навыками.

Сокращение гражданской рабочей силы на фоне мобилизации, «релокации» и оттока населения из страны. Одним из крупнейших работодателей в России являются организации, осуществляющие полномочия работодателя от имени Министерства обороны РФ (рис. 6).

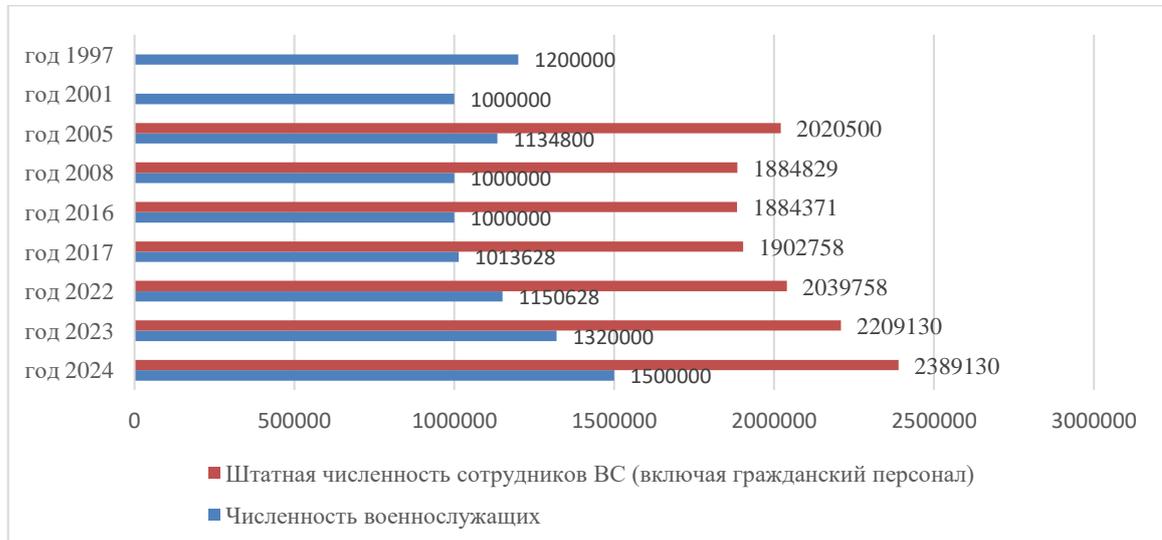

Рис. 6. Изменение численности вооруженных сил РФ (чел.)

Fig. 6. Changes in the number of armed forces of the Russian Federation (people).

[составлено автором на основе: Численность вооружённых сил России. – 2024. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Численность_вооружённых_сил_России]

¹ Буйлова Д. Компании ведут борьбу за каждого специалиста. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663123> (дата обращения: 27.10.2024).

² Зарплаты растут, людей нет. Как и почему Россия оказалась в ловушке кадрового голода. И что будет дальше. – 2024. – URL: <https://secretmag.ru/survival/rossiya-okazalas-v-lovushke-kadrovogo-goloda.htm>

³ Экономика труда в эпоху дефицита кадров. – 2024. – URL: <https://habr.com/ru/articles/816573/> (дата обращения: 01.11.2024).

В соответствии с Указом Президента РФ в сентябре 2022 г. была объявлена частичная мобилизация, ставшая триггером трансформации российского рынка труда и усиления проблемы дефицита кадров. Осенью 2022 г. в рамках частичной мобилизации были призваны 302 503 человека¹. В зоне специальной операции по состоянию на июнь 2024 г. находятся уже около 700 тысяч военнослужащих РФ².

Согласно отчету Минобороны «Армия в цифрах – 2023», участник СВО – это, как правило, 35-летний работающий мужчина со средним и средним специальным образованием, имеющий опыт службы в армии (96,4%) (рис. 7).

Участие в занятости	Образование	Семейное положение
<ul style="list-style-type: none"> • 89% имели работу на момент начала мобилизации; • 40% работавших имели стаж работы более десяти лет 	<ul style="list-style-type: none"> • 7% - высшее образование; • 30% - среднее профессиональное; • 63% - среднее образование 	<ul style="list-style-type: none"> • 57% женаты • 56,3% имеют детей (один ребенок - 31%; двое детей - 25%; трое детей - 0,3%)

Рис. 7. Социальный портрет российского мобилизованного

Fig. 7. Social portrait of a Russian mobilised

[составлено автором на основе: Минобороны представило социальный портрет мобилизованного. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/12/2023/658afe579a794715da1b612c>]

Как показано на рис. 7, значительная часть мобилизованных, это представители высокопродуктивных и работоспособных возрастных категорий работников, поэтому быстро найти эффективную замену такому сотруднику, особенно узкому специалисту, достаточно сложно. Несмотря на введение системы бронирования для работников ряда системообразующих отраслей и сотрудников, выполняющих критически важные для организации функции (указано 195 специальностей, например, специалисты сферы IT-технологий, физики, архитекторы, химики, юристы, экономисты и др.), частичная мобилизация и рост численности военных, записавшихся на контрактную службу, привели к сокращению гражданской рабочей силы.

По данным Росстата, в масштабах национального рынка труда (в 2022 г. занятые мужчины – 38,7 млн чел., из них работающих – 36,8 млн.) доля мобилизованных не велика, соответственно потери рынка труда составили до 0,7% работников-мужчин³. Вместе с тем, для отдельных отраслей можно выявить некоторую корреляцию между структурой мобилизованных и их гражданскими специальностями, например, в отраслях обрабатывающей промышленности, в строительстве, IT-сфере и др. дефицит кадров стал более выраженным. По мнению ряда работодателей, доля призванных на военную службу работников составляет не более 10%, что, в целом, соответствует потерям, вызванным текучестью персонала⁴. Однако, последующая за мобилизацией релокация части компаний и самостоятельный выезд молодых мужчин призывного возраста (часто вместе с семьями) из России стали дополнительным вызовом для рынка труда. Миграционный отток из страны превысил несколько сотен тысяч человек. В 2022 г. Россию покинуло около 500 тыс. человек (преимущественно, молодые люди до 40 лет). В первые недели после объявления мобилизации, из России выехало более 200 тыс. человек (преимущественно в Казахстан, Грузию, Сербию, Армению, Турцию, Узбекистан, Кыргызстан, Монголию, Азербайджан и Таджикистан⁵. Однако необходимо подчеркнуть, что представленные данные о миграционном оттоке могут не учитывать несколько аспектов. Во-первых, перечень стран не является исчерпывающим, поскольку указанные страны могут быть транзитными для уехавших россиян. Во-вторых, часть из них (по некоторым оценкам до 50%)

¹ Минобороны представило социальный портрет мобилизованного. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/12/2023/658afe579a794715da1b612c> (дата обращения: 25.10.2024).

² Численность вооружённых сил России. – 2024. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Численность_вооружённых_сил_России (дата обращения: 25.10.2024).

³ Сколько рабочих призвали. – 2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5654331> (дата обращения: 25.10.2024).

⁴ Итоги мобилизации: кадровые вызовы. 2023. URL: <https://uprav.ru/blog/itogi-mobilizatsii-i-kadrovye-vyzovy/>

⁵ Forbes: после объявления мобилизации Россию покинули примерно 700 тыс. человек. – 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5594533?ysclid=m38z5ho8y1976737964>. (дата обращения: 01.11.2024).

уже вернулась обратно. Тем не менее, среди тенденций, актуализировавшихся на рынке труда в 2022-2023 гг. в результате начала СВО и частичной мобилизации, и сохраняющихся в 2024 г., можно выделить следующие.

Во-первых, пересмотр возрастных границ соискателей. С осени 2022 г. работодатели стали активнее приглашать на собеседование 14-18-летних кандидатов (по данным портала hh.ru, рост составил 26%, а общий прирост вакансий, доступных с 14 лет, за 2 года составил 277%¹). В ряде сфер профессиональной деятельности (например, автобизнес, административный персонал, безопасность, финансы и бухгалтерия и др.) фокус, наоборот, сместился на сотрудников более старшего возраста (50+ лет). В условиях дефицита специалистов одним из инструментов решения проблемы стала ориентация работодателей на т.н. стратегический потенциал кандидатов/работников и «выращивание» кадров. Следствием этого стало увеличение числа вакансий для студентов и акцент на привлечение молодых специалистов.

Во-вторых, работодатели начинают рассматривать женщин на позиции, которые ранее были «мужскими». По данным hh.ru, в 2021-2024 гг. на такие вакансии женщин стали приглашать вдвое чаще (если в первой половине 2021 г. организации отправили женщинам 26 млн. приглашений на вакансии, то за аналогичный период 2024 г. – уже почти 54 млн)². На топ-позиции стали рассматривать женщин на 11% чаще. В свою очередь, по результатам опроса, проведенного сервисом «Зарплата.ру», 51% женщин в России готовы осваивать профессии, традиционно считавшиеся мужскими (респондентки готовы заменить мужчин по таким специальностям, как: водитель грузовых машин (27%), разнорабочий (20%), сторож (19%), слесарь и сантехник (7%), машинист и автомеханик (5%)³.

В-третьих, увеличение запроса на дистанционный формат работы со стороны работодателей, соискателей и сотрудников, вследствие оттока части из них за рубеж.

В-четвертых, повышение значимости HR-специалистов (разработка стратегий привлечения и удержания персонала, формирование позитивной рабочей среды, психологическая поддержка персонала и др.) и специалистов по ведению кадрового учета (например, по ведению воинского учета).

Сокращение потока трудовых мигрантов. На протяжении ряда лет в России наблюдается высокий спрос на труд мигрантов, преимущественно выполняющих низкооплачиваемую, низкоквалифицированную или не требующую специальной подготовки работу. Однако уже в течение 10 лет наблюдается отрицательная динамика потока трудовых мигрантов. Если в 2012-2014 гг. численность трудовых мигрантов составляла около 6-7 млн чел., в 2019 г. – 4,4-5 млн чел., то в 2022-2023 гг. уже не превышала 3-3,5 млн человек [4, с. 53-73; 5, с. 223, 226]. Традиционно среди основных причин сокращения потока трудовых мигрантов выделяются: изменение/ужесточение миграционного законодательства; ухудшение макроэкономической ситуации после экономического кризиса 2014-2015 гг.; ослабление курса рубля, сделавшее работу в России менее выгодной; сложности с выводом заработанных денег из России; начало специальной военной операции и последующее за ним резкое увеличение санкций [5, с. 223-228; 6, с. 186-193; 7, с. 27, 34].

В 2020-2021 гг. основная причина резкого сокращения потока иностранных граждан, указывающих «работа» целью своего приезда в Россию, была связана с пандемией COVID-19. После ее окончания, несмотря на «снятие ограничений на въезд в РФ, среднегодовая численность находящихся в России трудовых мигрантов так и не вернулась к допандемийным значениям» [5, с. 223].

Дисбаланс в сфере образования – несоответствие получаемого образования запросам рынка труда. Серьезной причиной существующего сейчас дисбаланса в сфере образования (как с точки зрения уровней образования, так и в профессиональном разрезе) стала во многом ложная трактовка сигналов рынка труда и образовательных услуг, истоки которой следует искать в конце XX в. Во-первых, наблюдаемая с середины 1990-х гг. экспансия высшего образования и резкое увеличение спроса на специалистов с высшим образованием, по сравнению с работниками, имеющими среднее специальное профессиональное образование, стали ответом на запрос рынка труда на фоне рыночной трансформации экономики России, появления новых компетенций работников в новых

¹ Статистика hh.ru. – 2024. – URL: <https://stats.hh.ru/> (дата обращения: 01.11.2024).

² Не мужское это дело: женщин стали вдвое чаще приглашать на работу. Почему, несмотря на это, гендерный разрыв в зарплатах сохраняется. – 2024. – URL: <https://iz.ru/1740443/mariia-stroiteleva/ne-muzhskoe-eto-delo-zhenshchin-stali-vidvoe-chashche-priglasht-na-rabotu> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Рынок труда после мобилизации и оттока специалистов за рубеж. – 2022. – URL: <https://ccgb.ru/articles/gynok-truda-posle-mobilizatsii-i-ottoka-spetsialistov> (дата обращения: 01.11.2024).

сферах деятельности и роста их востребованности на рынке труда. В настоящий момент следствием этой ситуации стало усиление конкуренции работодателей за привлечение квалифицированных рабочих. По оценкам экспертов, это «одна из наиболее болезненных проблем, стоящих сегодня перед российскими предприятиями»¹. Во всех подгруппах квалифицированных рабочих наблюдается превышение спроса над предложением труда. По данным, hh.ru, на рынке труда наиболее востребован массовый персонал и «синие воротнички» (38% – линейный, массовый персонал; 37% – «синие воротнички»; 16% – «белые воротнички» и 9% – ИТ). Кроме того, еще одним аспектом проблемы нехватки рабочих кадров является нежелание молодых людей устраиваться на «простые» специальности и получать соответствующее образование. Для решения этой проблемы в 2022 г. был запущен специальный федеральный проект «Профессионалитет». По данным ежегодного статистического сборника «Образование в цифрах: 2024», на начало 2023/24 учебного года по программам СПО обучались 3,1 млн чел., а за три года прирост этого показателя составил 14%². Однако о реальном влиянии проекта «Профессионалитет» на ситуацию на рынке труда можно будет судить только через несколько лет. В настоящий момент «около 50% школьников решают продолжить обучение в 10 классе, зато 70% из них сразу после окончания 11 класса оказываются в университетах» [8, с. 16].

Во-вторых, причиной «массовизации высшего образования» в конце XX – начале XXI вв. стало возникновение системы коммерческого образования и рост его доступности; появление частных вузов и расширение филиальной сети существующих высших учебных заведений; увеличение доли заочных и очно-заочных образовательных программ, быстро привели к двукратному увеличению доли населения с вузовским дипломом (с 15-16% до 32-35%) [9, с. 6–8]. Необходимо подчеркнуть, что при этом произошло формирование, с одной стороны, сферы профессионального «перепроизводства», прежде всего, представленного экономистами и юристами, а с другой – возникло «недопроизводство» инженерно-технических кадров [10, с. 184–185].

Высшее образование всегда рассматривается в качестве социального лифта, способствующего росту социального и профессионального статусов, предоставляющего дополнительные преимущества на рынке труда, а также оно обладает заметной финансовой отдачей и экономической привлекательностью, выражающейся в более высоком среднем уровне оплаты труда. Причем, более высокие уровни образования дают большую отдачу на рынке труда. По оценкам исследователей ВШЭ, «каждая следующая ступень высшего образования дает прибавку к зарплате в 20%»³. Вследствие этих факторов высшее образование считают привлекательным для своих детей почти 80% родителей [9, с. 9].

В современных условиях наблюдается как небольшое снижение охвата населения программами базовых уровней высшего образования (бакалавриат и специалитет) с 35% в 2010 г. до 28% в 2022 г., так и изменение приоритетности направлений подготовки. По данным статистического сборника «Образование в цифрах: 2024» за период 2020–2023 гг. суммарно по всем типам программ (бакалавриат, специалитет, магистратура) произошло [11, с. 68–73]:

- сокращение численности обучающихся юридических и экономических направлений подготовки (на 15%, на фоне снижения общего выпуска на 5%);
- незначительное увеличение численности студентов инженерно-технических направлений подготовки – около 1% (в 2023 г. – 29 % в общей численности обучающихся);
- увеличение численности выпускников педагогических направлений подготовки (почти на 5%).

Однако в целом, в настоящий момент, в сфере образования все еще сохраняется проблема недостаточного внимания абитуриентов к тем направлениям подготовки, по которым есть спрос у работодателей, и, наоборот, люди часто выбирают те специальности, спрос на которые у работодателей имеет отрицательную динамику.

С целью устранения дисбаланса системы образования и потребностей российского рынка труда с 1 января 2025 г. запланирована реализация нового национального проекта «Кадры». Его целью является перестройка системы среднего специального и высшего образования под реальные кадровые потребности рынка труда.

¹ Именно сфера услуг оказывается той точкой, где проблема нехватки рабочей силы ощущается наиболее остро. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663118> (дата обращения: 27.10.2024).

² [9, с. 5-8]; «Образование в цифрах: 2024» (новый статсборник ИСИЭЗ НИУ ВШЭ). – 2024. – URL: <https://obrazovanie.press/news/tpost/y7n2jkap31-obrazovanie-v-tsifrah-2024-novii-statsbo> (дата обращения: 22.10.2024).

³ Век живи – век учись: каждая ступень высшего образования дает прибавку к зарплате в 20%. – 2024. – URL: <https://www.hse.ru/rims/news/941020217.html> (дата обращения: 22.10.2024).

Еще одним аспектом проблемы дисбаланса в системе подготовки востребованных специалистов является усиление внимания работодателей к гибким навыкам, развитию универсальных компетенций, которым пока еще уделяется недостаточно внимания со стороны сферы образования. По мнению работодателей, отсутствие необходимого набора soft skills делает невозможным решение сложных профессиональных задач.

Как подчеркивает Р. Капелюшников, в условиях, «когда подготовка ведется не по тем специальностям и без учета тех компетенций, которые востребованы рынком труда, «поиск работников нужного профиля превращается для предприятий в серьезную проблему, а множество вакансий остаются незаполненными длительное время» [1, с. 40-44].

Изменение трудовых установок людей и модели их поведения на рынке труда. В настоящий момент участники рынка труда столкнулись с новыми технологическими, экономическими, демографическими и социальными вызовами. С учетом текущей и прогнозируемой ситуации на российском рынке труда можно говорить о том, что сегодняшний, завтрашний и послезавтрашний рынок – это рынок кандидата и работника. Соответственно работодателям необходимо принять этот факт и научиться работать в новых условиях. В период локдауна и постпандемийный период наблюдаются достаточно радикальные изменения в предпочтениях работников, связанные как с пересмотром желаемого соотношения между работой и досугом [1, с. 3-4], так и изменением требований к работодателю. На рис. 8 представлена характеристика направлений изменений в трудовых установках работников, ставших причиной изменения их поведения на рынке труда и дополнительным фактором усиления дефицита кадров. Пандемия стала триггером добровольного отказа части работников от занятости.

В большинстве случаев причины «экономической неактивности», особенно среди работников старших возрастных категорий и женщин, напрямую связаны с пандемией, – «страх перед опасностью инфицирования в случае социальных контактов по месту работы и ухудшение состояния здоровья у значительной части тех, кто переболел коронавирусом» [1, с. 6] Кроме того, «пандемийный эффект» проявился и в виде сокращения продолжительности рабочего времени и выбора в пользу досуга.

Важной частью рынка труда является молодежь. Невовлеченность молодежи в трудовую деятельность оборачивается большими издержками для государственного бюджета и всей экономики. В последние годы появилась целая когорта так называемых «НЕТов» – людей, не получающих образование, не желающих работать и не стремящихся трудоустроиться. В 2023 г., по данным Международной организации труда, во всем мире «более пятой части (21,7%) людей в возрасте от 15 до 24 лет считались представителями категории NEET»¹. NEETы могут столкнуться с повышенным риском бедности, социальной изоляцией, проблемами на рынке труда и неблагоприятными последствиями для здоровья. Поэтому сокращение числа NEET является одним из основных приоритетов политики государства. Например, целью Европейского плана действий в области социальных прав является сокращение к 2030 г. числа NEET до 9% [12, с. 285]. По сравнению с зарубежными странами, в России складывается более благоприятная ситуация с данной категорией молодежи (рис. 9). Согласно результатам исследований, среди важных причин попадания молодежи в категорию NEET в России – недостаточное образование и отсутствие опыта работы².

Демографические изменения в целом приводят к изменению представлений работников о развитии своей профессиональной траектории. Традиционные представления о профессиональном развитии работника, в соответствии с которыми: обучение заканчивается в 20 лет, прогресс карьеры завершается в 40 лет, а работа прекращается в 60 лет, уже не соответствуют действительности. Даже после 45+ лет человек способен кардинально изменить сферу деятельности. Стирание границ между периодами: «подготовка – работа – пенсия» приводит к актуализации концепции «обучение на протяжении всей жизни» (life-long learning) и требует от работодателей более пристального внимания к вопросам обучения. В этой связи трендом в обучении у работодателей (в т.ч. и для решения проблемы «квалификационной ямы») становятся программы рескиллинга, направленные на обновление текущего набора устаревших навыков вследствие автоматизации, изменений на рынке труда или стагнации профессионального роста.

¹ Generation NEET – Поколение «НЕТ». – 2024. – URL: <https://news.tsu.ru/projects/employment/generation-neet-pokolenie-net/> (дата обращения: 01.11.2024).

² Кто такая NEET-молодежь и как не остаться без работы. – 2024. – URL: <https://www.hse.ru/rlms/news/912683136.html> (дата обращения: 01.11.2024).

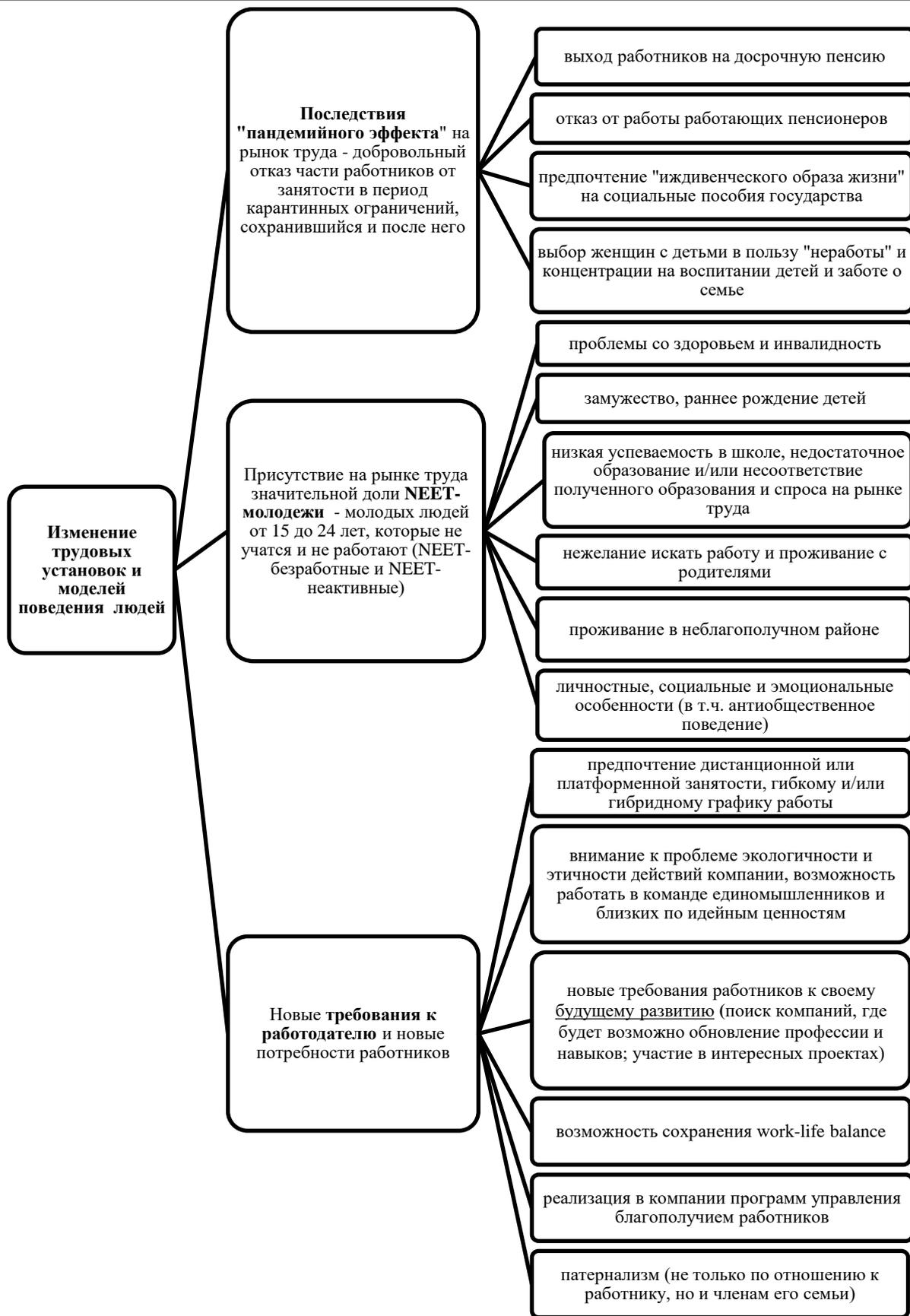

Рис. 8. Причины изменения трудовых установок и модели поведения людей
 Fig. 8. Reasons for changing labour attitudes and people's behaviour patterns
 [составлено автором по материалам исследования]

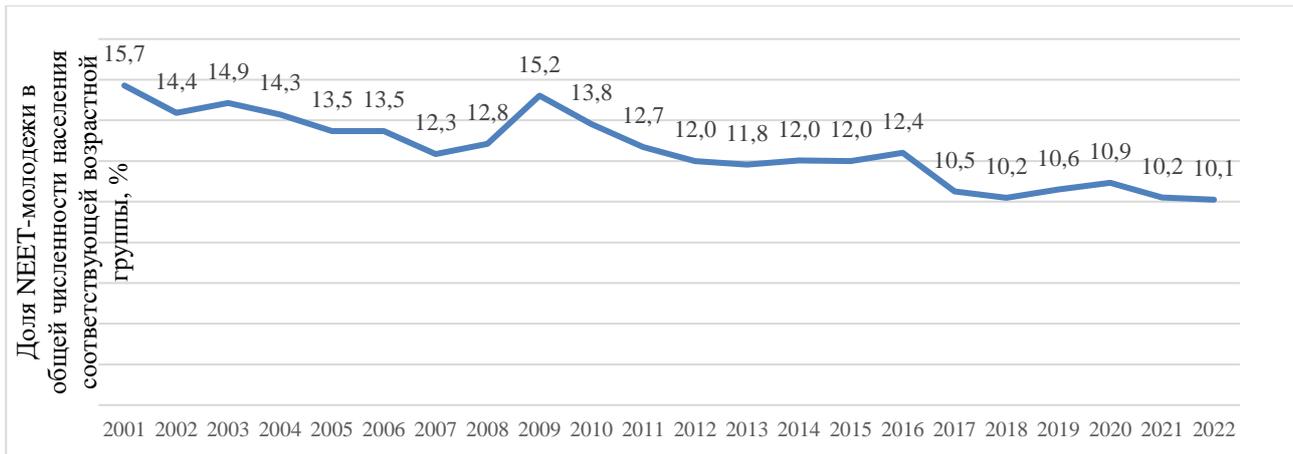

Рис. 9. Динамика доли NEET-молодежи в России

Fig. 9. Dynamics of the share of NEET-youth in Russia

[составлено автором на основе данных Росстат. Индикаторы достойного труда. – 2024. – URL: <https://rosstat.gov.ru/search?q=индикаторы+достойного+труда>]

По отношению к своему работодателю (будущему и текущему) люди в целом становятся более избирательными: тщательно изучают потенциальных работодателей и точно откликаются на вакансии, чаще обращают внимание на HR-бренд работодателя, повышают зарплатные ожидания и ожидания в отношении условий труда. Следствием этого является увеличение «подвижности персонала» и снижение их закрепляемости на рабочих местах [13, с. 320–322].

Таким образом, среди причин дефицита кадров на российском рынке труда можно выделить как объективные, связанные с изменением пропорций спроса и предложения (увеличение спроса в традиционных и новейших отраслях и сокращение числа ищущих работу людей [10], так и субъективные причины – изменение трудовых установок и моделей трудового поведения людей (формируются под влиянием изменения мотивационных, поведенческих, ценностных факторов поведения людей).

Тенденции и направления изменений в HR-сфере

В настоящий момент ответом на вызовы рынка труда должна стать подлинная «идейная революция» в сознании HR-специалистов. Концептуальной основой нового подхода к управлению работниками является человекоцентричный подход. Человекоцентричность – это «свойство компаний и организаций, при которой их деятельность ориентирована на соблюдение интересов человека – как личности, как части рабочей команды и как члена общества»¹. Это система рабочих взаимоотношений, в которой интерес к мнению и потребностям конкретного сотрудника становится инструментом для достижения бизнес-целей компании. В условиях дефицита людей важно бережное отношение к людям (табл. 2).

Ответом на изменение запросов работников стал активно развивающийся тренд на управление благополучием. Реализация этого подхода требует от работодателей внимания не только к качеству трудовой жизни работника, но и заботу о тех сферах жизни сотрудников, которые не связаны непосредственно с выполнением работы: забота о здоровье работника и его семьи, забота о развитии сотрудника, забота о жилье, о среде обитания и др. (т. е. забота о работнике за пределами компании). На дефицит кадров рынок труда реагирует адаптацией режима работы (в т.ч. и через неформальные договоренности работников с работодателями), изменением акцентов и инструментов во всех функциональных блоках работы с персоналом (табл. 3).

¹ Индекс человекоцентричности компаний. Аналитический отчет 2023. – 2023. – URL: <https://rosatom-academy.ru/upload/medialibrary/99c/vgiawi9z1cwujmmak0n8xrtvdi8uv2k4/Индекс%20человекоцентричности.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

Таблица 2 – Трансформация установок HR-менеджмента¹
Table 2 – Transformation of HR-management installations

Устаревшие установки в HR-сфере	Актуальные установки в HR-сфере
Экономия на людях, привлечении и HR-задачах вообще	Внимание к бренду работодателя
Непонимание ценности текущих сотрудников («никого не держим, найдем новых»)	Фокус на удержание работников (на этапе подбора, в процессе работы)
Недооценка маркетинговых инструментов работы с соискателями/работниками.	Реализация установки «работник – внутренний клиент» во всех аспектах работы с персоналом
Завышенные требования к соискателям. Представление о том, что выбирает только работодатель	Наём без предубеждений – отказ от любых стереотипов в отношении соискателей/работников (отказ от возрастных, гендерных и других ограничений): - усиление лояльности работодателей к привлечению лиц старших возрастов; - увеличение масштабов работы с самозанятыми; - внедрение гибридных форматов работы и гибких форм занятости
Сохранение представлений и невысокой мобильности работников	Учет возросшего уровня мобильности работников и внутренней миграции (в т.ч. усиление внимания к специалистам из новых регионов)
Ориентация преимущественно на жесткие рыночные рычаги управления. Недооценка правильности постановки работнику задач и важности обратной связи	Забота о благополучии сотрудников (рыночный уровень заработной платы, адекватные условия труда, патернализм, соблюдение баланса между работой и частной жизнью/отдыхом и качественная коммуникация)

Таблица 3 - Изменения в ключевых функциях управления персоналом²
Table 3 - Changes in key personnel management functions

Направления работы с персоналом	Особенности работы с персоналом
Фокус в работе HR-специалиста	<ul style="list-style-type: none"> - обеспечение инклюзивности (по полу, возрасту, национальности и пр.); - ориентация на долгосрочные отношения с работниками; - патернализм; - смещение фокуса с подбора на удержание персонала; - формирование у работников ощущения их значимости на рабочем месте; - учет «жизненных пиков» работников; - постоянный мониторинг вовлеченности персонала, внимание к показателю лояльности eNPS; - социальная ответственность перед сотрудниками и территориями присутствия активов компании.
Привлечение персонала	<ul style="list-style-type: none"> - работа по улучшению узнаваемости и привлекательности компании на рынке труда; - разработка эффективного внутреннего и внешнего HR-бренда и интересного ценностного предложения; - ориентация на работу с кандидатами на более ранних этапах подготовки, поиск и обучение перспективных, талантливых профессионалов, пока те еще учатся в школе; - упрощение входа в компанию (особенно для линейного персонала) и унификация необходимых знаний и навыков; - расширение программ реферального (рекомендательного рекрутинга); - расширение использования искусственного интеллекта и автоматизация в процессе рекрутинга.

¹ Составлено автором по материалам исследований.

² Составлено автором по материалам исследований.

Направления работы с персоналом	Особенности работы с персоналом
Адаптация персонала	<ul style="list-style-type: none"> - усиление внимания к пребодингу персонала; - постоянная поддержка связи с кандидатом (принцип keep in touch); - разработка программ, направленных на предотвращение гостинга; - офбординг персонала.
Вознаграждение персонала	<ul style="list-style-type: none"> - управление суммарным вознаграждением персонала; - внедрение разнообразных программ благополучия сотрудников; - развитие вовлеченности сотрудников, рост качества их трудовой жизни; - внедрение «кафетерия льгот» для работников; - разработка внутренних программ лояльности; - внимание к физическому, ментальному и эмоциональному здоровью работников, более активное внедрение программ ДМС; - своевременное предоставление контрофера сотруднику (например, при выявлении желания уволиться).
Обучение и развитие персонала	<ul style="list-style-type: none"> - внедрение системы непрерывного обучения персонала; - формирование системы карьерных треков для типовых должностей; - формирование целостной экосистемы обучения персонала: с использованием разнообразных микро, макро обучающих курсов, инструментов геймификация, VR, AR и др.); - акцент на преодоление «квалификационной ямы», рескиллинг; - внедрение инструментов обратного (реверсивного) наставничества; - формирование у работника видения будущего развития в компании и в профессии, - гибкое управление карьерой сотрудников; - развитие команд (не людей): управленческих, функциональных, проектных; - активное формирование и обучение кадрового резерва; - внедрение в процесс обучения программ по финансовой грамотности.
Организация и условия труда	<ul style="list-style-type: none"> - гарантия безопасности сотрудников; - формирование корпоративной культуры - «компания семья»; - формирование позитивной атмосферы в компании; - предоставление возможности гибкой организации рабочего времени с учетом личных и семейных обстоятельств, в т. ч. связанных с визитами к врачам или необходимостью подстраиваться под график детей; - постоянное улучшение качества внутренних коммуникаций, поддержка неформального общения внутри коллектива; - формирование атмосферы доверия к работнику, отсутствие тотального контроля со стороны руководителя; - организационный дизайн, быстрое переформатирование рабочего пространства и всех организационных процессов.

Заключение

Итак, на чем нужно сосредоточиться HR-специалистам в условиях дефицита кадров? Трансформация практики HR-менеджмента предполагает: «идейную революцию» HR: внедрение гибкого мышления и технологий бережливого управления персоналом; формирование адаптивной HR-структуры компании; заботу о сотрудниках, проявление эмпатии; увеличение скорости фидбека; автоматизацию рутинных HR-процессов, направление сил на важные для компании задачи; внедрение технологий искусственного интеллекта для управления талантами и поиска новых специалистов.

В целом, основным трендом в развитии HR-сферы в XXI в. является дальнейшее расширение зоны внимания специалистов по управлению персоналом и, соответственно, сферы их влияния на бизнес-показатели организации. В условиях «войны за таланты» именно система управления персоналом, действующая в организации, становится ее главным конкурентным преимуществом на рынке труда.

Список источников

1. Капелюшников, Р. И. Эскалация вакансий на российском рынке труда (динамика, структура, триггеры) [Текст]: препринт WP3/2024/02 / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024.
2. Капелюшников, Р. И. Редактор серии WP3 «Проблемы рынка труда». В.Е. Гимпельсон. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов [Текст]: препринт WP3/2023/02 / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 78 с.
3. Szalavetz A. Industry 4.0 in «factory economies». – Brussels: ETUI, 2017. – P. 133–152. – URL: https://www.etui.org/sites/default/files/Chapter%205_6.pdf
4. Варавва М. Ю. Кадровый разрыв: масштабы и факторы дефицита ИТ-кадров в России // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2023. Т. 20. № 4.
5. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2 (63).
6. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37).
7. Мукомель В. И., Денисенко М. Б. (2023). Иностранцы в России: мнения работодателей // Социологические исследования. № 1. С. 26–37.
8. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство // Современная аналитика образования. 2022. № 7 (67).
9. Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий: информационный бюллетень / С. С. Малиновский, Е. Ю. Шибанова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2023. 38 с.
10. Колесникова О.А., Маслова Е.В., Околелых И.В. Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления // Социально-трудовые исследования. 2023. № 53(4).
11. Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 132 с. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/969714030.pdf>
12. Redmond P., McFadden C. Young people not in employment, education or training (NEET): Concepts, consequences and policy approaches // Economic and Social Review. Vol. 54. No. 4. Winter 2023 pp. 285–327. – URL: <https://www.esri.ie/publications/young-people-not-in-employment-education-or-training-neet-concepts-consequences-and>
13. Борисова А.А., Кузьмин А.Н., Тютрюмова Е.Г. Текучесть персонала в условиях трудодефицитной конъюнктуры рынка труда: как определяются целевые значения показателя? // Экономика труда. 2024. Том 11. № 3.

References

1. Kapelyushnikov R. I. *Escalation of vacancies in the Russian labor market (dynamics, structure, triggers)* [Text]: WP3 preprint/2024/02 / R. I. Kapelyushnikov; National research. Higher School of Economics Univ.– Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. (In Russ.).
2. Kapelyushnikov R. I. *Editor of the WP3 series "Problems of the Labor Market". V.E. Gimpelson. The Russian labor market: a statistical portrait against the background of crises* [Text]: WP3 preprint/2023/02 /R. I. Kapelyushnikov; National research. Higher School of Economics Univ., Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 78 p. (In Russ.).
3. Szalavetz A. *Industry 4.0 in «factory economies»*. – Brussels: ETUI, 2017. – pp. 133-152. – URL: https://www.etui.org/sites/default/files/Chapter%205_6.pdf
4. Varavva M. Y. Personnel gap: the scale and factors of IT personnel shortage in Russia. *Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics*. 2023;20(4). (In Russ.).
5. Florinskaya Yu. F. Labor migration to Russia: reduction of flows against the background of a little-changing geography. *Journal of the New Economic Association*. 2024;2(63). (In Russ.).
6. Mkrтчyan N. V., Florinskaya Yu. F. Labor migration in Russia: international and domestic aspects. *Journal of the New Economic Association*. 2018;1(37). (In Russ.).

7. Mukomel V. I., Denisenko M. B. Foreign workers in Russia: opinions of workers. *Sociological research*. 2023;(1):26–37. (In Russ.).
8. Malinovsky S. S., Shibanova E. Yu. Accessibility of higher education in Russia: how to turn expansion into equality. *Modern education analytics*. 2022;7(67). (In Russ.).
9. *Barriers to accessibility of higher education and social factors of differentiation of educational trajectories: newsletter* / S. S. Malinovsky, E. Y. Shibanova; National is a trace. Higher School of Economics, Moscow, Higher School of Economics; 2023. 38 p. (In Russ.).
10. Kolesnikova O. A., Maslova E. V., Okolelykh I. V. Personnel shortage in the modern Russian labor market: manifestations, causes, trends, coping measures. *Social and labor research*. 2023;53(4). (In Russ.).
11. *Education in numbers: 2024: a short statistical collection* / T. A. Varlamova, L. M. Gokhberg, O. A. Zorina, etc.; National research. Higher School of Economics Univ., Moscow: ISIEZ HSE, 2024. 132 p. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/969714030.pdf>. (In Russ.).
12. Redmond P., McFadden C. Young people not in employment, education or training (NEET): Concepts, consequences and policy approaches. *Economic and Social Review*. Vol. 54. No. 4. Winter 2023, pp. 285–327. – URL: <https://www.esri.ie/publications/young-people-not-in-employment-education-or-training-neet-concepts-consequences-and>. (In Russ.).
13. Borisova A. A., Kuzmin A. N., Tyutryumova E. G. Staff turnover in a labor-deficit labor market environment: how are the target values of the indicator determined? *Labor economics*. 2024;11(3). (In Russ.).

Информация об авторе

Е. П. Костенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Южного федерального университета.

Information about the authors

E. P. Kostenko – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Human Resource Management Department of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 01.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 01.12.2024..

Значение русского самосознания в развитии России

Лю Цунин

Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, liunina2003@mail.ru

Аннотация. В статье подчеркнута актуальность проблемы, обострившейся в связи с глобальными вызовами современности и связанной со становлением и эволюционизированием понятия «русское самосознание». Целью работы стало формирование значимости этого понятия как основополагающего для истории русской нации.

На основе комплексного подхода и применения научных методов исследования рассмотрены предпосылки формирования этого понятия в контексте исторического развития русского народа и его миропонимания и определены основные подходы (объективный и конструктивный) к вопросам его изучения. Рассмотрены взгляды русских дореволюционных мыслителей и современных исследователей, нашедшие свое выражение в их ключевых позициях и различных подходах. В результате выявлено, что самосознание базируется на характерных чертах русского народа (доброта, смиренность, религиозность, соборность, смирение, терпимость, душевность) определяющих особенности мировосприятия. Проведено разграничение понятий «народ» и «нация». В статье определены семь этапов становления русской нации, подчеркнута многослойность русского самосознания, названы отдельные его символы и определены три уровня его роли в жизни общества: общенациональный, межнациональный и индивидуальный. Показано, что русское самосознание эволюционировало от патриархальности через патернализм к либерализму, от советской идеологии к пониманию российской идентичности.

Итогом работы стало определение факторов, влияющих на процессы консолидации российского общества. К ним относятся культурные ценности, межнациональное взаимодействие и осознание каждым гражданином страны частью единого народа.

Ключевые слова: национальное самосознание, русские, идентичность, характер, мировосприятие, цивилизация, идеология, ценности, духовность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Академии общественных наук КНР «Исследование русского национального самосознания» (19BGJ060).

Для цитирования: Лю Цунин. Значение русского самосознания в развитии России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 278–284. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-278-284>. EDN MVFWLA

Sociology Problems

Original article

The importance of Russian identity in the development of Russia

Liu Congying

Heilongjiang University, Harbin, China, liunina2003@mail.ru

Abstract. The article highlights the urgency of the problem, which has become aggravated in connection with the global challenges of our time and is associated with the formation and evolution of the concept of “Russian identity”. The aim of the work was to form the significance of this concept as fundamental to the history of the Russian nation.

Based on an integrated approach and the application of scientific research methods, the prerequisites for the formation of this concept in the context of the historical development of the Russian people and their worldview are considered and the main approaches (objective and constructive) to the issues of its study are determined. The views of Russian pre-revolutionary thinkers and modern researchers,

expressed in their key positions and various approaches, are considered. As a result, it was revealed that self-awareness is based on the characteristic features of the Russian people (kindness, humility, religiosity, conciliarity, humility, tolerance, sincerity) that determine the peculiarities of world perception. The concepts of "people" and "nation" are distinguished.

Keywords: national identity, Russians, identity, character, worldview, civilization, ideology, values, spirituality

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Academy of Social Sciences of the People's Republic of China "Research of Russian National identity" (19BGJ060).

For citation: Liu Congying. The importance of Russian identity in the development of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):278-284. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-278-284>. EDN MVFWLA

Актуальность

Проблема национального самосознания чрезвычайно актуальна и значима в последнее время и диктует необходимость сплочения россиян перед глобальными вызовами, идущими со стороны Западной Европы и США. Россия раздражает эти государства своей огромной территорией и неисчерпаемыми природными ресурсами, собственным мировоззрением, основанным на почитании традиций и православной вере. Самосознание крупнейших мировых держав в условиях глобальной конкуренции проходит тест на прочность.

Национальное самосознание многими учеными рассматривается как часть духовной жизни общества, а другими – в качестве способа существования или признака национальной идентичности.

Цель данной работы состоит в определении роли и значения русского самосознания в историческом контексте развития страны. Для этого предлагается рассмотреть различные подходы к определению национального самосознания, определить его основные постулаты и осуществить анализ представлений о понятии русскости и особенностях самосознания российского народа, базирующихся на его основных качествах и отражающихся в его мировосприятии.

Материалы и методы

В настоящее время существуют два подхода к вопросам изучения национального самосознания:

- 1) объективный, рассматривающий нацию на «основе общности экономической жизни, языка, культуры и психологии» [1, с. 8];
- 2) конструктивный – в качестве сообщества граждан.

Следует согласиться с А.Ф. Пестцовым о необходимости рассмотрения национального самосознания с «позиций регулятивности, познавательности и эмоционально-ценностных ориентиров» [1, с. 7].

В основе нашего исследования положено сочетание логического, диалектического и сравнительно-исторического метода, индукции и дедукции.

Обсуждение

До 90-х годов XX века проблема, связанная с вопросами понятия русского национального самосознания, его появления и развития, практически не поднималась ни в научной, ни в общественно-политической литературе и только после слома советской системы философы, политологи, социологи и психологи обратили внимание на это словосочетание.

В нем встречаются два элемента: национальное – от слова «нация», но в составе самой нации есть разные общности, обладающие «различными позициями в национальном вопросе: гуманисты, националисты, шовинисты» [2, с. 11].

Самосознание – это осознание себя как личности, насколько индивид воспринимает себя в качестве части нации и будет зависеть его национальное самосознание, которое базируется на ценностях и культуре.

По мнению З. В. Сикевич, российское самосознание включает в себя европейские и азиатские черты, это связано с местоположением России между Европой и Азией. Для русских характерно такое азиатское качество, как «патернализм – восприятие государства и его главы как «отца народа» [3, с. 68], восприятие своей страны как великой державы, исходя из ее огромной территории.

Понятие «Мы – русские» означает объединение общей идеей, общими ценностями, мы обладаем чувством сплоченности перед лицом врага. Общие ценности русский человек воспринимает через призму своего собственного «я», он видит эти черты у своих соотечественников.

Национальное самосознание состоит из пяти понятий:

- нация;
- этнос;
- народ;
- самосознание;
- национальное чувство.

Русское (российское) национальное самосознание базируется на следующих качествах русского народа, влияющих на его миропонимание (табл. 1).

Таблица 1 – Соотношение основных качеств русского народа с особенностями мировосприятия

Table 1 – The ratio of the main qualities of the Russian people with the peculiarities of worldview

Черты характера, присущие русским	Особенности мировосприятия
Доброта	Постоянный поиск добра и справедливости
Религиозность	Восприятие веры выше разума; поиск царства Божьего
Идеализация окружающего мира	Стремление его изменить в соответствии со своими идеалами
Смирение	Готовность стойко принимать удары судьбы ради своих жизненных ценностей и приоритетов
Душевная простота	Доверие к окружающему миру и людям его населяющим
Соборность	Соединение в одном человеке индивидуального и социального
Жертвенность	Готовность пожертвовать собой ради своих близких и своей Родины

Феномен самосознания одна из тем, которая волновала философов со времен античности, начиная с Аристотеля и Платона. Внесли свой вклад в его понимание и изучение Гегель и Ницше.

Осознание национальных особенностей российской цивилизации можно найти в работах Н.Я. Данилевского об особом славянском типе, в работах В.С. Соловьева, где противопоставлялась русская духовность европейской меркантильности, а историю Российской империи невозможно, по его мнению, рассматривать без православия как духовной опоры всякого русского человека.

Русская идея философа Н.Бердяева заключалась в противоречивости русской души, за которую борется Запад и Восток, чтоб выстоять, такой душе нужна прочная опора в виде соборности, «стержнем которой была именно духовность»[4, с. 250]. Н.А. Бердяев отмечал, что на формирование этой души оказали влияние географические факторы: размер территории и ее нахождение, а поэтому существует «соответствие между необъятностью, бесконечностью русской земли и русской души» [5, с. 44].

И.А. Ильин, которого часто цитирует в своих выступлениях наш Президент, считал, что духовная основа национального самосознания кроется в христианской нравственности. Нация по его пониманию «возникает в процессе единения людей у которых общий духовный уклад»[6, с. 326].

Именно русские философы установили взаимосвязь «личности и культуры, самоидентификацию человека через приобщение к ценностям национальной культуры»[7, с. 146].

То, что русская цивилизация противостоит европейской и является ее полной противоположностью, отмечали многие мыслители. У нее свой особый путь развития, как писал поэт Ф.И. Тютчев «особенная статья». Славянофилы, в отличие от западников защищали славянскую уникальность и особый путь исторического развития страны. Они ввели понятие соборности и единства.

Главное отличие российского самосознания от европейского заключается в понимании своего существования в единой цепочке взаимосвязи поколений ради могущества и процветания своей страны (в основе – идея соборности), на Западе – рациональное обоснование государственности (в основе – договор между обществом и государством).

Русская цивилизация – это особая духовная общность, которая базируется на исторической памяти передаваемой поколениями. По мнению Тищенко Н. В., она «впитывала в себя все лучшее, что было создано в остальном мире, перерабатывала и переоформляла по-своему» [8, с. 69].

Любая цивилизация тесно связана с формированием национального самосознания. Если под сознанием нации мы подразумеваем определенную совокупность взглядов, идей и представлений, то под национальным самосознанием – осознание каждым ее представителем интересов ей присущих, своего положения в мире. Таким образом, под этим термином согласно позиции ученых понимается «совокупность взглядов и оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представлений членов национально-этнической общности о своей истории, современном состоянии и будущих перспективах своего развития» [9, с. 43–44].

В теории становления русской нации следует выделить следующие этапы:

- 1) начальный период самосознания, который основан на кровном родстве (7-8 вв.);
- 2) переходный - от удельного самосознания, связанного с отдельными княжествами, объединением через Крещение Руси, сплочением перед лицом монголо-татарской опасности и формированием самосознания русского народа на поле Куликовом (9-14 вв.);
- 3) образование централизованного государства как процесса влияющего на общее самосознание (15-17 вв.);
- 4) превращение царства в империю, когда произошел раскол российского общества при Петре I (17-18 вв.), проявилось открытое противоборство старого и нового уклада общественной жизни, а принципы коллективности, справедливости и общности вступили в противоречие с индивидуализмом и рационализмом.
- 5) имперский этап (19 в – н. 20 в), в основе которого триединство в виде державности, самодержавия и народности, рост национального самосознания в войне с Наполеоном, разделение общественной мысли на «славянофилов» и «западников»;
- 6) советский этап (1917 – 1991) – крушение прежних идеалов, становление новой идеологии, появление общности людей, объединенных понятием «советский народ».
- 7) постсоветский этап (1991- н/в) – постепенное формирование нового уровня самосознания, возрождение понятия «мы – русские», мы – народ, который силен своими корнями и традициями, с осознанием процесса преемственности их передачи как генетического кода нации.

Многие философы выделяли в качестве культурных констант русского самосознания: «религиозность, соборность, государственность» [1, с. 7].

Русское самосознание многослойно, оно эволюционировало от патриархальности через патернализм к либерализму, от советской идеологии к пониманию российской идентичности.

Составляющие его компонентами (слоями) стали:

- совокупность взглядов, оценок, мнений и отношений,
- наши представлений о своей истории, о путях ее развития,
- понимание места русской нации среди других,
- определение характера взаимоотношений с различными народностями и нациями;
- осознание принадлежности к русской нации;
- чувство единения с другими его представителями [10, с. 94].

Самосознание основано на общности языка, территории проживания и религиозной веры. Упадок самосознания грозит всей нашей стране нравственной и идеологической катастрофой. В последнее время зримо заметен рост самосознания русской нации. В основе такого подъема – традиционные семейные ценности и православная духовность.

Понимание сущности нашей цивилизации складывается из «совокупности духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание» [11, с. 155]. Для русских людей характерно чувство патриотизма, и хотя Россия многонациональная страна нет понятия патриотизм отдельного этноса или национальности, есть общее понятие.

Особенно чувство любви к своей Родине и готовности встать на ее защиту проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда сражались плечом к плечу представители различных этносов: армянин и белорус, азербайджанец и украинец, грузин и литовец, русский и узбек, латыш и таджик. Это позволило сформировать такое понятие как единство национального духа, который не дрогнул перед лицом врага, а стал только сильнее. Не случайно о русских людях говорят «сильные духом» и примеров этому в истории предостаточно.

Национальное самосознание базируется на конкретной национальной идее. А. И. Солженицын в качестве такого постулата выдвигал «сбережение народа». Неоднократно мысль о русском народе как основе единения народов озвучивалась Президентом РФ В. В. Путиным на фундаменте таких ценностей, как:

- служение своему Отечеству;
- патриотизм;
- любовь к своей малой и большой Родине;
- забота о своей семье;
- созидательная деятельность на благо России;
- гуманное отношение к людям;
- чувство коллективизма и взаимопомощи;
- социальная справедливость.

Одним из символов русского самосознания называют «святую Русь», этот символ олицетворяет собой особый подвижнический созидательный путь всего русского народа. Начало осознания себя единым русским народом и рождением этого имени непосредственно связано с «соборным духовным опытом народа» [12, с. 401].

Моментом осознания, как считают историки, стала Куликовская битва. Объединение народа особенно проявлялось в годы суровых испытаний, какими для Руси стали нашествия и войны. Русские люди почувствовали свое единение, когда возглавляемые Мининым и Пожарским шли освобождать Москву от поляков, когда сражались с войском Наполеона и отстаивали землю русскую в период попытки ее закабаления Гитлером.

Еще одно объединяющее понятие Ф. В. Разумовский видит в «русской земле», отмечая, что именно оно «позволило объединить жителей разных городов и представителей разных этносов» [13, с. 119]. Слово «русские» – это прилагательное, в отличие от того, что есть существительные: англичанин, испанец, то есть это свидетельствует о принадлежности к чему то общему, объединяющему чем и стала русская земля.

В. А. Шишкин в историческом развитии российского государства отмечает определенные «колебания вектора направленности национального самосознания» [14, с. 102], который сменяет годы подъема, связанные с победами в великих битвах и сражениях, годами спокойствия, когда события, связанные с триумфом русского народа на поле брани, находят отражение в исторических эпосах, литературных и живописных произведениях.

Многие россияне считают, что одним из основных символов величия страны стала «победа советского народа в войне и в периоде послевоенного восстановления страны» [15].

Основная роль национального самосознания заключается в сплочении нации, а для этого общество должно выработать и сформировать определенные ценности и идеалы, определить принципы их трансляции в передаче последующим поколениям и выступить в качестве основного регулятора межнационального взаимодействия.

Таким образом, в вертикальном разрезе можно определить три уровня роли национального самосознания:

- общенациональный (объединение граждан для поступательного экономического и социального развития страны и сохранения культурного суверенитета);
- межнациональный (передача традиций и опыта проживания в едином государстве с сохранением этнических традиций);
- индивидуальный (приобщение каждого жителя к странам к ценностям национальной культуры на основе опыта межкультурного взаимодействия).

Согласимся с мнением А.Ф. Пестецова, что «национальное самосознание – осознание своего единства и места среди других общностей» [1, с. 15].

В настоящее время одним из поводов для национальной гордости стало «воссоединение Крыма с Россией, вернувшее забытое ощущение национального единства» [16, с. 172] в связи с возвращением исконно русских земель. Это, по мнению ряда исследователей, стало началом консолидации российского общества. Эта идея общности объединившись с идеей единства с внешним миром несла в себе мотив сплоченности.

Результаты и выводы

В результате исследования мы пришли к необходимости поддержать мнение К. В. Бариновой о понимании русского самосознания как «сущностной системной характеристики русской нации, определяющей ее целостность как субъекта историко-цивилизационного процесса» [17, с. 59].

Автор считает необходимым провести разделение понятий народное и национальное самосознание. Задача правителя страны объединить эти два понятия в одно. С этой задачей прекрасно справляется глава Российского государства В.В. Путин. Благодаря его целенаправленной и последовательной

деятельности в этом направлении жители страны стали осознавать себя не только единым народом, но и одной нацией, преемниками великой российской истории и ее продолжателями.

Проведя данное исследование, следует выделить факторы, влияющие на развитие самосознания:

- 1) культура, передающаяся через ценности и традиции;
- 2) отражение в рамках одной нации уровня межнационального взаимодействия, построенного на принципах толерантности;
- 3) уровень осознания единства народов, проживающих на одной территории в составе одного государственного образования.

В настоящее время на наших глазах осуществляется процесс консолидации российского общества на основе любви к России и возрождение чувства гордости за ее историю, приоритетности духовности как одной из важнейших ценностей. Целостность национального самосознания определяет безопасное развитие страны.

Список источников

1. Пестецов А.Ф. Генезис русского национального самосознания в духовной культуре России. Автореферат дис... к.ф.н. Нижний Новгород, 2009. 26 с.
2. Воробохов А.В. Особенности и принципы русского национального самосознания // *Дамаскин* 2020. № 2 (52). С. 10-15.
3. Сикевич З.В. Образы русского самосознания: история и культура // *Россия: общество, политика, история*. 2023. № 3 (8). С. 45-71. doi.org/10.56654/ROPI-2023-3(8)-45-73
4. Шунина К.С. Русская идея как отражение русского национального самосознания. Сборник Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер – 2022». М., 2022. С. 248-251.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. 528 с.
6. Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России. Собр. соч. в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. 493 с.
7. Гроздева Е.Н., Логинова Е.Г. Национальное самосознание и язык в работах русских мыслителей: социально-философский анализ // *Наукосфера*. 2021. № 3 (1). С. 144-147. DOI: 10.5281/zenodo.4613148
8. Тищенко Н.В., Семенова Т.В., Зражевская Е.О. «Русская цивилизация» и «национальное самосознание»: критический анализ концептов // *Миссия Конфессий*. 2024. Т. 13. Ч. 2. № 75. С. 66-72.
9. Александров Д.С. Теоретико-методологические подходы исследования национального самосознания // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 10. С. 42-45.
10. Сизов С.Г. Сохранение русского национального самосознания как условие сбережения народа / Сборник. Человек и общество в нестабильном мире. Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2021. С. 91-97.
11. Петрова Г.Д., Иванов В.Н. Социально-философский анализ национального самосознания // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2013. № 4 (80). Ч. 3. С. 153-156.
12. Даренский В.Ю. Святая Русь как сакральный символ русского национального самосознания. Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания и пути их решения. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 400-402.
13. Разумовский Ф.В. Русская земля объединила всех. Русские беседы. В поисках национального самосознания. М., 2023 С. 116-123.
14. Шишкин В.А. Этапы развития национального самосознания в России // *Омский научный вестник*. 2009. № 5 (81). С. 102-105.
15. Бараш Р.Э. Национальное самосознание россиян после 2014 г. [Электронный ресурс]. Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – №4 (24). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-samosoznanie-rossiyan-posle-2014-g> (дата обращения: 25.10.2024).
16. Гремякина Д.А. Русское национальное самосознание. *Master's Journal*. 2020. № 2. С. 169-175.
17. Барина К.В. Русское национальное самосознание: истоки и развитие в историческом контексте. Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Доклады Пятой Всероссийской конференции: Екатеринбург, 14–15 октября 2003 г. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 58-68.

References

1. Pestetsov A.F. *The genesis of Russian national identity in the spiritual culture of Russia*. Abstract of the dissertation... Ph.D. Nizhny Novgorod, 2009. 26 p. (In Russ.).
2. Vorobokhov A.V. Features and principles of Russian national identity. *Damaskin*. 2020;2(52):10-15. (In Russ.).
3. Sikevich Z.V. Images of Russian identity: history and culture. *Russia: society, politics, history*. 2023; 3 (8):45-71. (In Russ.). DOI: 10.56654/ROPI-2023-3 (8)-45-73
4. Shunina K.S. *The Russian idea as a reflection of the Russian national identity*. Collection of the All-Russian scientific conference of young researchers with international participation "Social and humanitarian problems of education and professional self-realization "Social engineer - 2022". Moscow; 2022:248–251. (In Russ.).
5. Berdyaev N.A. Russian idea. *The main problems of Russian thought of the XIX century and the beginning of the XX century. About Russia and Russian philosophical culture: philosophers of the Russian post-October abroad*. Moscow; 1990. 528 p. (In Russ.).
6. Ilyin I.A. *What promises the dismemberment of Russia to the world*. Collected works in 10 volumes, 1993. Vol. 2. Book 1. 493 p. (In Russ.).
7. Grozdeva E.N., Loginova E.G. National identity and language in the works of Russian thinkers: a socio-philosophical analysis. *Naukosphere*. 2021;3 (1):144-147. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.4613148
8. Tishchenko N.V., Semenova T.V., Zrazhevskaya E.O. "Russian civilization" and "national self-consciousness": a critical analysis of concepts. *Mission of Confessions*. 2024;13(2)75:66–72. (In Russ.).
9. Alexandrov D.S. Theoretical and methodological approaches to the study of national self-consciousness. *Theory and practice of social development*. 2013;(10):42–45. (In Russ.).
10. Sizov S.G. Preservation of Russian national identity as a condition for saving the people. In: *Man and society in an unstable world. Materials of the international scientific and practical conference*. Omsk; 2021. Pp. 91-97. (In Russ.).
11. Petrova G.D., Ivanov V.N. Socio-philosophical analysis of national identity. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2013;4(80). Part 3. Pp. 153-156. (In Russ.).
12. Darensky V.Yu. Holy Russia as a sacred symbol of Russian national self-knowledge. In: *The Russian world: problems of spiritual and moral, civic and patriotic education and ways to solve them*. Materials of the international scientific and practical conference. 2018. Pp. 400-402. (In Russ.).
13. Razumovsky F.V. The Russian land united everyone. *Russian conversations. In search of national identity*. Moscow; 2023. Pp. 116-123. (In Russ.).
14. Shishkin V.A. Stages of development of national identity in Russia. *Omsk Scientific Bulletin*. 2009; 5(81):102-105. (In Russ.).
15. Barash R.E. The national identity of Russians after 2014 [Electronic resource]. *Sociological science and social practice*. 2018. №4 (24). (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-samo-soznanie-rossiyan-posle-2014-g> [Accessed 25 October 2024].
16. Gremyakina D.A. Russian national identity. *Master's Journal*. 2020;(2):169-175. (In Russ.).
17. Barinova K.V. Russian national identity: origins and development in a historical context. In: *The Fate of Russia: the national idea and its historical modifications. Reports of the Fifth All-Russian Conference*: Yekaterinburg, October 14-15, 2003. Yekaterinburg: USU, 2003. Pp. 58-68. (In Russ.).

Информация об авторе

Лю Цунин – доктор психологических наук, профессор, кафедра практики русского языка, Хэйлунцзянский университет.

Information about the authors

Liu Congying – Dr. Sci. (Psycholog.), Professor, Department of Practice of the Russian Language, Heilongjiang University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.10.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 25.10.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 30.12.2024.

Наука и ценности ученого в контексте развития человеческого общества

Елена Алексеевна Склярова^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Sklyarova2007@yandex.ru

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов относительно понимания и интерпретации науки, научного знания, выделяются и анализируются две позиции – сциентизм и антисциентизм: сциентизм, провозглашающий идею разума как ключевого инструмента познания, вершиной развития которого становится наука в потенциальной безграничности своих возможностей, и антисциентизм, характеризующий науку в контексте равнозначных мировоззренческих систем как метод постижения относительных истин. Целью данной статьи является рассмотрение проблемы соотношения науки и этики в историческом контексте; задачами: обозначение ключевых позиций по вопросу «ценностной нейтральности» ученого, выработанных на определенных этапах развития человеческого общества. Подчеркивается, что вопрос о том, может ли ученый быть ценностно-нейтральным, особенно в социально-гуманитарном знании, – на сегодняшний день становится чрезвычайно актуальным. Отмечается, что этика ученого становится ключевым разделом научной этики. Автор резюмирует, что в условиях нарастающих угроз и цивилизационных вызовов современности сложность взаимоотношений науки и этики актуализирует моральный кодекс ученого, что подтверждается положениями стратегического курса Российской Федерации на сохранение национальной безопасности.

Ключевые слова: наука, этика, ценности, ценности ученого, общество, сциентизм, антисциентизм, позитивизм

Для цитирования: Склярова Е. А. Наука и ценности ученого в контексте развития человеческого общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 285–290. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-285-290>. EDN NTKCXM

Sociology Problems

Original article

Science and values of a scientist in the context of human society development

Elena A. Sklyarova

¹South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Sklyarova2007@yandex.ru

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. In the article the solution of the evolution of views quite clearly understands and essential knowledge, scientific knowledge, two positions are identified and analyzed - scientism and anti-scientism: scientism, proclaiming the idea of reason as a key tool of cognition, the pinnacle of development, which becomes science in the guaranteed infinity of its capabilities, and anti-scientism, characterizing science in twenty equivalent worldview systems as a method of comprehending relative truths. The purpose of this article is to preserve the problems of the relationship between science and ethics in the historical past; tasks: the key provisions on the issue of “value neutrality” of scientific, developed on the basis of the principles of development of human society are designated. It is emphasized that

the question of whether a scientist can be value-neutral, especially in social and humanitarian knowledge, is becoming extremely relevant today. It is noted that the ethics of a scientist is becoming a key section of scientific ethics. The author summarizes that in the context of growing threats and civilizational challenges, the modernity of modernity determines the principle of science and ethics, actualizes the moral code of the scientist, which is approved by the provisions of the course of the Russian Federation on maintaining national security.

Keywords: worldview, myth, image, mythological image, political mythological image, freedom, democracy, globalization

For citation: Sklyarova E. A. Science and values of a scientist in the context of human society development. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):285-290. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-285-290>. EDN NTKCXM

Введение

В XXI веке наука как феномен духовной сферы жизнедеятельности общества нуждается в пристальном внимании и осмыслении, так как становится мощным инструментом преобразования среды обитания человека. Наука как синтез теоретического и практического знания стремится к постижению мира явлений. Помогает в этом техника как умение и мастерство, а также как машины, механизмы, инструменты и системы. Наука исследует мир объектов, а техника служит его преобразованию. Результаты научно-технического прогресса пронизывают многие сферы социального бытия: производство материальных благ, отношения и связи между людьми и группами, политическое управление, искусство.

Являясь детьми культуры (мира, созданного человеческим обществом и вписанного в мир природы) – наука и техника на сегодняшний день значительно «подросли»: настолько, что современный человек сталкивается с проблемой контроля результатов своих творений. Однако достигли ли «подросшие» своего совершеннолетия? Пользуясь терминологией И. Канта, совершеннолетие тесным образом связано с возможностью брать на себя ответственность и осознавать последствия выбора и поступка. Темпы роста научно-технического прогресса, достигнув точки бифуркации (а за её пределами прогноз тенденций развития общества приобретет неопределенный характер), побуждают актуализировать проблемы этики науки.

Методы

В данном исследовании мы опираемся на содержательно-исторический и сравнительно-исторический методы, сутью которых является понимание специфики социальных феноменов в контексте логики развития основных этапов истории человеческого общества.

Основная часть исследования

Древнегреческая цивилизация, открыв рационалистический метод познания в качестве основного, заложила фундамент науки, в которой теория оказалась определяющей стратегической линией ее развития. Формируется позиция, согласно которой ценность истины для ученого должна быть определяющей. Уже в античности обособляются платоновская и аристотелевская точки зрения по вопросу соотношения мудрости и добродетели. В «Речи Сократа» устами премудрой Диотимы Платон [1] провозглашает возможности человеческой души быть «беременной» духовно. Эта способность души – выносить и родить такие добродетели как благоразумие, справедливость, чувство прекрасного, истинное совершенство – развивается благодаря любви (стремлению к вечному овладению благом). Мудрец в античном обществе – это человек, который не только умеет пользоваться разумной частью своей души, но и культивирует в себе единство знания и любви, любви к мудрости. Отсюда понимание справедливости у Платона как установления в самом себе естественного соподчинения вожделеющего, яростного, разумного начал, иерархия которых способствует добродетели (здоровью, красоте, благородству), а нарушение естественного порядка ведет к пороку (болезни, безобразию и слабости).

Из аристотелевского понимания и определения науки можно заключить, что она не тождественна человеческой добродетели, т.к. предметом науки (теоретической) является существующее с необходимостью, вечное и неизменное, а все человеческое непостоянно. В связи с этим, целью практической науки, к которой Аристотель причисляет этику и политику, является постижение движения к идеалу: нравственному или политическому. Наука и этика не противопоставляются, а соотносятся, характеризуются как различные виды знания. Этические знания не ведут в качестве необходимости

к нравственному поступку, но он становится возможным в силу контроля низких проявлений души и сознательного выбора в пользу меры. Поэтому Аристотель [2] трактует значимые для античного общества этические ценности следующим образом: мужество как меру страха и безрассудной самоуверенности, благоразумие – среднее между распущенностью и бесчувственностью к удовольствиям, уравновешенность – баланс гнева и безгневия, щедрость – середину между расточительностью и скупостью, благородство – тщеславием и униженностью, широту – мотовством и мелочностью, негодование – завистью и злорадством, достоинство – своенравием и подхалимством, скромность – бесстыдством и стеснительностью, чувство юмора – шутовством и дикарством, дружелюбие – лестью и враждой, правдивость – притворством и хвастовством, справедливое как законное и пропорционально равное.

В средневековом обществе любое знание с необходимостью облекалось в религиозные одежды. Определяющая роль Бога в природе, обществе, жизни человека не подвергалась сомнениям. В теоцентрическом мировоззрении ориентация человека на спасение души приводит к решению вопроса о соотношении веры и разума в пользу веры как самого надежного инструмента познания Бога и мира, где мистический опыт и нравственное чувство первичны по отношению к разуму – помощнику веры.

Данная установка кардинально меняется в эпоху Нового времени. Общественное развитие Нового времени способствует размежеванию знания и веры, а также религии, философии и науки. Значимой становится фигура ученого, который превращается в полноправный субъект – активное творческое начало, познающее объект. Ученый рассматривается как человек, которому необходимо справиться с собственными «призраками» [3] – устойчивыми формами заблуждений: родовой природной ограниченностью познавательных возможностей, «пещерной» индивидуальной ограниченностью, искажениями, порождаемыми в ходе общения между людьми посредством языка, а также искусственными мирами, созданными авторитетами и догмой. Чтобы избавиться от призраков, ученый должен опираться, прежде всего, на «правильный» метод познания: «метод пчелы» – эмпириков, сочетая «метод муравья», простого и кропотливого собирания фактов (чувственный опыт) и «метод паука», применяемого рационалистами. В отличие от рационалистов и их дедуктивного метода, оптимальным признается индукция как логический метод познания. Мировоззрение ученого, по Ф. Бэкону, должно освободиться от крайних форм сенсуализма (абсолютизации роли ощущений в познании мира и природы) и рационализма (отрывом логических форм мышления от чувственного опыта). Этот процесс освобождения и признается самой главной ценностью ученого.

Процесс абсолютизации научного знания в полной мере отражается в учении О. Конта, основоположника позитивизма и социологии как единственной науки об обществе, «общественной физики». XIX в. – начало поиска конкретных и абстрактных законов общественного развития, век развития наук и утверждения позитивного (эмпирического, научного) сознания. Позитивизм отражал реалии развития общества, где шла индустриальная трансформация. Применение научных открытий преобразовало мир производства и потребления: процессы урбанизации, рост транспортных сетей, капиталов, изменение образа жизни, – все это укрепляло веру в науку и человеческую рациональность.

Интеллект, по Конту, является наивысшей способностью человека, способствующей самосовершенствованию, без разума этические и эстетические ценности не имеют никакой ценности. Ученый в этой парадигме – жрец, благодаря распространению идей которого возможно достичь социального согласия, создать новый тип социализма, «где сплоченность общества достигалась на всеобщем стремлении всех людей к идеалам науки, на превращении научного знания в новую разновидность религии» [4].

Миссия ученого значима, именно он объясняет, воспитывает, просвещает, но не оценивает, соблюдает нейтралитет. Эта позиция представлена Максом Вебером [5] в его моральном кодексе ученого. Наука есть призвание и профессия, в которой профессор должен ориентироваться на следующие ценности: порядочность, разграничение науки и политики, преподавание истины, а не демонстрация субъективного мнения, отказ от оценочных суждений. Эта установка первых позитивистов приобретает своеобразные очертания в эмпириокритицизме.

Дискуссия о соотношении науки и мировоззренческих ценностей ученого принимает наиболее острый характер в начале XX века. По мнению Э. Маха, наука должна сводиться к «экономному мышлению», а «экономное мышление» должно ориентироваться на знание, основанное на опыте, который, в свою очередь базируется на чувственном восприятии, ощущениях. Приоритетной задачей

ученого становится освобождение опыта от идеологических предпочтений, мировоззренческих, ценностных оснований, критика такого рода опыта.

С резкой критикой данной позиции выступает В.И. Ленин, который в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» [6], обвиняет махистов в идеализме, а в работе «О значении воинствующего материализма» [7] показывает, что представители «официальной науки» должны быть исключительно воинствующими материалистами и воинствующими атеистами.

Человеческое общество в первой половине XX века практически на всех континентах столкнулось с трагедиями, среди которых – мировой экономический кризис конца двадцатых, мировые войны, революции в России, имевшие и мировое значение. В этот период господства иррационального всплеска, в Австрии формируется «Венский кружок», который, по словам Карла Зигмунда [8], отправляется в крестовый поход за основаниями науки, стремясь спрятаться за «точное мышление» в весьма «безумные» времена. Основоположники кружка М. Шлик, Г. Ган и О. Нейрат исследовали научное миропонимание и интерпретировали данный феномен как процесс преобразования традиционных философских проблем в проблемы эмпирические, переходящие в поле опытной науки. Шлик М. полагал, что суждения о добродетели возникают на основании бессознательного усвоения морали как составной части общественного инстинкта и их невозможно подтвердить эмпирически. Наука в этом ключе была призвана верифицировать истину, а философия – объяснить. Однако накануне Второй мировой войны в условиях нарастающих общественных конфликтов (внутригосударственных и межгосударственных) изолироваться от обсуждения этических проблем становилось невозможным. Вопрос: «Каким образом говорить о ценностях научным образом?» был ключевым в повестке на заседаниях кружка в 30-е годы. Варианты ответа предлагались Л. Витгенштейном, Р. Карнапом и К. Менгером. Вариант первый (Л. Витгенштейн): о ценностях совсем не следует говорить, т.к. в мире нет никаких ценностей. Вариант второй (Р. Карнап): ценности не имеют когнитивного смысла, т.к. не проходят порог эмпирической значимости. Вариант третий: (К. Менгер): этические проблемы нужно решать с позиции социальной логики, создать этику без ценностей – формальную этику, где выявлялись бы связи между нравственным мышлением и математическим. Наука способна изучать формальную совместимость законности и норм морали, в то время как нравственные ценности наполняются смыслами самими социальными группами, а это уже поле философии.

В «безумные» времена позитивистские методологи науки стремились обрести мировоззренческие основания, однако идеологический плюрализм времени не позволял ученым надолго сохранять «ценностный нейтралитет», одним из примеров тому трансформация взглядов П. Фейерабенда (от поддержки – к осуждению идей нацизма) и его концепция методологического плюрализма.

Вторая половина XX века – эпоха, в которой, по словам А. А. Гусейнова, «возвышенному представлению о науке как призвании пришел конец» [9]. Нормы науки, выстроенные вокруг ключевых ценностей, – таких как универсализм, общность, бескорыстность, скептицизм (принципы Р. Мертона), способствующие организации научного поиска, подверглись уточнению и корректировке. Достижения научно-технического прогресса, как позитивные, так и несущие в себе потенциальную угрозу существованию человечества, требуют особой оценки роли ученого, его самосознания, ответственности личного индивидуального выбора, понимания последствий. В условиях, породивших такие негативные феномены псевдонаучной деятельности как сознательная фальсификация и фабрикование данных, плагиат становится наименьшим из зол на поле научных изысканий.

Вопрос о том, может ли ученый быть ценностно-нейтральным, особенно в социально-гуманитарном знании, – для нас сегодня становится чрезвычайно актуальным. Новое звучание приобретают слова советского и российского ученого Юрия Андреевича Жданова: «Наука и нравственность разъединены, разобщены лишь в мире, построенном на расколах, разрывах, противопоставлении друг другу различных форм единой человеческой деятельности, в мире антагонизмов, свойственных классовому буржуазному обществу» [10, с. 144].

Выводы

По отношению к науке существует явно выраженные две позиции – сциентизм и антисциентизм. Сциентизм переживает период своего расцвета в эпоху Нового времени и провозглашает следующие идеи: разум – самый главный инструмент познания; наука – вершина развития человеческого разума; наука (с течением времени) в состоянии постигнуть абсолютную истину, складывая, как пазлы, истины относительные; наука и этика – различные сферы бытия, которые могут не пересекаться, так как наука познает объективное, а мораль вне субъекта немыслима. Однако среди

сциентистов есть и сторонники позиции, согласно которой ученый должен придерживаться морального кодекса, принципа «не навреди». В самом широком виде сциентизм характеризуется безграничной верой в позитивность научно-технического прогресса.

Антисциентизм является противоположным направлением, в котором наука рассматривается всего лишь как одна, равнозначная другим, существующим мировоззренческим формам: религии, философии, искусству и др.; считается, что наука имеет границы своего познания, она ориентирована на постижение истин относительных; критерии научного знания не следует распространять на другие виды знания; ученый должен нести моральную ответственность за открытия, которые совершает.

В XX–XXI вв. этика ученого становится ключевым разделом научной этики. На наш взгляд, в условиях нарастающих угроз и цивилизационных вызовов необходимо учитывать всю сложность взаимоотношений науки и этики, актуализировать моральный кодекс ученого, включающий систему ценностей, убеждений, установок, ориентированных на честность, объективность, всеобщность, универсализм (независимую оценку научной истины от социального, расового, полового происхождения ученого), бескорыстность, ответственность.

Для российского общества сегодня приоритетными являются положения, закрепленные Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. В данном документе отмечается, что традиционные ценности являются основой российского общества. В связи с этим, следует отметить, что стратегический курс на сохранение национальной безопасности Российской Федерации требует от российских ученых (особо в сфере социально-гуманитарного образования) ответственности за нравственные ориентиры граждан на пути сохранения и укрепления общероссийской идентичности.

Список источников

1. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1971. 607 с.
2. Аристотель. Этика. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 492 с.
3. Бэкон Ф. Новый Органон. М.: Рипол-Классик, 2021. 364 с.
4. Кравченко А. И. Парадокс начала: Огюст Конт как метафизик и революционер // Социология. 2019. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoks-nachalagyust-kont-kak-metafizik-i-revoljutsioner/viewer> (дата обращения: 20.03.2024).
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
6. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kprf-sverdlovsk.ru/books/V_I_Lenin_Materializm_i_empiriokrititsizm.pdf (дата обращения: 25.05.2024).
7. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма. Избранные произведения в четырех томах. Т.4. М.: Политиздат, 1986. 585 с.
8. Зигмунд К. Точное мышление в безумные времена. М.: АСТ: CORPUS, 2021. 528 с.
9. Гусейнов А. А. Этика науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-nauki/viewer> (дата обращения: 28.08.2024).
10. Жданов Ю. А. Избранное. В 3 т. Т. 2. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 368 с.

References

1. Plato. *Dialogues*. Moscow: Mysl, 1971. 607 p. (In Russ.).
2. Aristotle. *Ethics*. Moscow: AST: AST MOSCOW, 2010. 492 p. (In Russ.).
3. Bacon F. *New Organon*. Moscow: Ripol-Classik, 2021. 364 p. (In Russ.).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.05.2024).

4. Kravchenko A.I. The paradox of the beginning: Auguste Comte as a metaphysician and revolutionary. *Sociology*. 2019. No. 1 [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoks-nachala-ogyust-kont-kak-metafizik-i-revoljutsioner/viewer> (access date: 03/20/2024). (In Russ.).
5. Weber M. Science as a calling and profession. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990:707-735. (In Russ.).
6. Lenin V.I. *Materialism and empirio-criticism* [Electronic resource]. Access mode: http://kprf-sverdlovsk.ru/books/V_I_Lenin_Materializm_i_empiriokrititsizm.pdf (date of access: 05/25/2024). (In Russ.).
7. Lenin V.I. On the significance of militant materialism. *Selected works in four volumes*. T.4. Moscow: Politizdat, 1986. 585 p. (In Russ.).
8. Zigmund K. *Precise thinking in crazy times*. Moscow: AST: CORPUS, 2021. 528 p. (In Russ.).
9. Guseinov A. A. *Ethics of Science* [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-nauki/viewer> (date of access: 08/28/2024). (In Russ.).
10. Zhdanov Yu. A. *Favorites*. In 3 volumes. T. 2. Rostov n/d: SKNTs Higher School of Southern Federal University, 2009. 368 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Склярова – докт. филос. наук, проф. кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС; проф. кафедры «Философия и мировые религии» ДГТУ.

Information about the author

E. A. Sklyarova – Dr. Sci. (Philos.), Professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science of the South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor of Department “Philosophy and World Religions”, Don State Technical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 29.10.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 27.10.2024; accepted for publication 29.10.2024.

Разработка единого информационного портала «Наукограды РФ» для оперативной коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти

**Анна Павловна Жукова¹, Анна Сергеевна Семёнова²,
Лина Александровна Сазонова³**

^{1, 2, 3}Обнинский институт атомной энергетики – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Обнинск, Россия

¹karamysheva.anuta@yandex.ru

²anna310303@mail.ru

³lina.sazonova@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена необходимости применения современных цифровых технологий в работе муниципальных и государственных служащих. В статье авторы акцентируют внимание на том, что современная инновационная структура наукоградов Российской Федерации направлена на создание уникальной научно-технической продукции, поэтому для укрепления позиций России на мировой арене важно развивать данные муниципалитеты и внедрять в них новые прорывные информационные технологии.

В работе на примере первого наукограда РФ г. Обнинска проанализирован процесс взаимодействия друг с другом министерств, Администрации города и предприятий научно-производственного комплекса при подготовке и сдаче ежегодных отчетов для подтверждения статуса. Авторы отмечают, что на сегодняшний день процесс сбора данных в муниципалитетах несовершенный и требует внесения изменений.

Авторы статьи предлагают разработать и внедрить новый информационный портала «Наукограды РФ» для оперативной коммуникации федеральных, региональных, местных органов власти и предприятий НПК. Данная система будет максимально безопасной, удобной в использовании, все данные в ней будут защищены специальным ключом электронной подписи.

В заключение авторы отмечают, что внедрение портала «Наукограды РФ» позволит сократить нагрузку сотрудников администрации наукоградов. Благодаря portalу появится возможность согласовывать документы и принимать решения в кратчайшие сроки, повысится качество оказываемых услуг, результативность, эффективность, а также он позволит обеспечить прозрачность работы сотрудников на всех уровнях власти. Данная система поможет привлечь новых налогоплательщиков в наукограды РФ и обеспечить привлечение частных инвестиций, которые будут направлены на создание и модернизацию существующей научно-производственной, социальной и жилой инфраструктуры в муниципальных образованиях.

Ключевые слова: наукоград Российской Федерации, информационный портал «Наукограды РФ», научно-производственный комплекс, обеспечение информационной безопасности, процесс коммуникации, цифровая экономика, инновации, инвестиции, механизмы финансирования, документооборот

Для цитирования: Жукова А. П., Семенова А. С., Сазонова Л. А. Разработка единого информационного портала «Наукограды РФ» для оперативной коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 291–299. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-291-299>. EDN NUQDJB

Development of the unified information portal «Science Cities of the Russian Federation» for operational communication of federal, regional and local authorities

Anna P. Zhukova¹, Anna S. Semenova², Lina A. Sazonova³

^{1,2,3}Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering – branch of the National Research Nuclear University MEPhI, Obninsk, Russia

¹karamysheva.anuta@yandex.ru

²anna310303@mail.ru

³lina.sazonova@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the need to use modern digital technologies in the work of municipal and government employees. In the article, the authors emphasize that the modern innovative structure of the science cities of the Russian Federation is aimed at creating unique scientific and technical products, therefore, in order to strengthen Russia's position on the world stage, it is important to develop these municipalities and introduce new breakthrough information technologies into them. Using the example of the first science city of the Russian Federation, Obninsk, the paper analyzes the process of interaction between ministries, the city Administration and enterprises of the scientific and industrial complex during the preparation and submission of annual reports to confirm the status. The authors note that today the data collection process in municipalities is imperfect and requires changes. The authors of the article propose to develop and implement a new information portal «Science Cities of the Russian Federation» for operational communication of federal, regional, local authorities and NPC enterprises. This system will be as secure and user-friendly as possible, all data in it will be protected by a special electronic signature key.

In conclusion, the authors note that the introduction of the portal «Science Cities of the Russian Federation» will reduce the workload of employees of the administration of science cities. Thanks to the portal, it will be possible to coordinate documents and make decisions as soon as possible, improve the quality of services provided, efficiency, efficiency, and it will also ensure transparency of the work of employees at all levels of government. This system will help attract new taxpayers to the science cities of the Russian Federation and ensure the attraction of private investment, which will be aimed at creating and modernizing the existing scientific, industrial, social and residential infrastructure in municipalities.

Keywords: science City of the Russian Federation, information portal «Science Cities of the Russian Federation», scientific and industrial complex, information security, communication process, digital economy, innovations, investments, financing mechanisms, document management

For citation: Zhukova A. P., Semenova A. S., Sazonova L. A. Development of the unified information portal «Science Cities of the Russian Federation» for operational communication of federal, regional and local authorities. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):291-299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-291-299>. EDN NUQDJB

Введение

Цифровизация является неотъемлемой частью цифровой экономики. Она направлена на улучшение эффективности, прозрачности экономических операций, повышения качества жизни людей, роста производительности труда.

Сегодня перед Правительством Российской Федерации стоит важная задача – обеспечение темпов экономического роста, которые невозможно реализовать без внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Согласно Индексу сетевой готовности (NRI), являющегося комплексным показателем развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в 2023 г. Россия заняла 38-е место по готовности к цифровой экономике, тем самым значительно уступая лидирующим странам как США, Сингапур, Финляндия, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Республика Корея, Дания, Германия и Великобритания¹.

¹ Portulans Institute [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://networkreadinessindex.org/country/russian-federation/>

Разработанный Организацией Объединённых Наций Индекс развития электронного правительства по странам оценивает готовность и возможности различных стран в использовании ИКТ для предоставления государственных услуг гражданам. В 2022 г. в данном рейтинге Российская Федерация заняла 42 место, существенно уступив наиболее конкурентоспособным экономикам мира, таким как Дания, Финляндия, Республика Корея, Новая Зеландия, Исландия, Швеция [1].

Отставание Российской Федерации от мировых лидеров в развитии цифровой экономики во многом связано с тем, что на сегодняшний день цифровые технологии в бизнесе и государственном и муниципальном управлении используются неактивно, нормативно-правовые акты и условия для ведения бизнеса и инноваций по развитию цифровой экономики сохраняются несовершенными. В настоящее время только 10% муниципалитетов соответствуют современным требованиям по уровню цифровизации, установленным законодательством РФ [2].

Сегодня органы государственной власти, чтобы соответствовать мировым лидерам, вынуждены создавать новые и совершенствовать действующие нормативно-правовые акты, внедрять новые цифровые платформы, которые способствуют развитию новых сегментов экономической деятельности и упрощают взаимодействие структурных подразделений органов власти между собой, а также с организациями, предприятиями и гражданами Российской Федерации.

Согласно программе «Цифровая экономика РФ» в нашей стране необходимо создавать высокотехнологичные предприятия, деятельность которых будет направлена на развитие «сквозных» технологий и управление цифровыми платформами. Без них невозможно будет на глобальном рынке внедрить эффективную систему «стартапов», сформировать исследовательские коллективы и отраслевые предприятия, создающих определенные условия для развития цифровой экономики. Осуществить представленные выше мероприятия возможно только благодаря органам государственной власти, представителям из сферы бизнеса и науки¹.

Результаты исследований

Наука является важным ресурсом развития образования, экономики, медицины, социальной сферы. Достижения ученых позволяют повышать не только качество жизни людей, но также оказывают влияние на экономические процессы в стране [3]. Наукограды Российской Федерации должны быть базисом для развития науки и техники в стране.

Наукоград Российской Федерации – муниципальное образование, имеющий статус городского округа, с высоким научным и инновационным потенциалом, являющимся центром развития приоритетных направлений науки, техники и технологий, деятельность которого направлена на решение стратегически важных государственных целей и задач в области обеспечения обороноспособности и научно-технологического развития страны, с градообразующим научно-производственным комплексом [4]. Город Обнинск Калужской области был первым городом, которому присвоили статус наукограда РФ (Указ Президента РФ № 821 от 06.05.2000 г.). Статус наукограда РФ дает возможность муниципальным образованиям получать дополнительную поддержку и субсидии со стороны государственных органов власти.

Современная инновационная структура наукограда РФ направлена на создание уникальной научно-технической продукции, которая включает в себя все этапы создания – от задумки до изготовления. В наукоградах именно государственные научные центры Российской Федерации (ГНЦ РФ), научно-исследовательские институты (НИИ), научно-производственные компании (НПК), образовательные учреждения, технопарки, бизнес-инкубаторы вовлечены в реализацию представленных выше этапов [5].

В наукоградах работают одни из самых лучших в России ученых и исследователей. Статус наукограда РФ сегодня имеют 12 муниципалитетов, и только 4 из них (Бийск, Кольцово, Мичуринск и Обнинск) не располагаются в г. Москве и Московской области.

Развитие цифровизации и применение на практике прорывных информационных технологий в наукоградах РФ должно стать одной из первостепенных задач для правительства нашей страны. Применение новых информационных технологий в муниципалитетах повысит качество оказываемых услуг, результативность, эффективность и прозрачность работы сотрудников как на местном уровне, так и на уровне государства в целом [6].

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. №1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/>

Ежегодно каждый наукоград Российской Федерации предоставляют в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки РФ) отчеты о соответствии научно-производственных комплексов требованиям, предусмотренных пунктом 8 статьи 2.1 Федерального закона №70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» (I_1 – среднесписочная численности работников НПК (более 20%); I_2 – численность научных сотрудников НПК (более 20%); I_3 – доля наукоемкой продукции (более 50%)), и отчеты о достижении значений результатов, предусмотренных планами мероприятий по реализации стратегий социально-экономического развития.

На рис. 1 представлен процесс взаимодействия министерств, Администрации города Обнинска и предприятий НПК для подготовки ежегодных отчетов о соответствии города Обнинска статусу наукограда РФ.

Рис. 1. Процесс взаимодействия министерств, Администрации города Обнинска и предприятий НПК г. Обнинска¹

Fig. 1. The process of interaction between the ministries, the Administration of the city of Obninsk and the enterprises of the NPK of Obninsk

Ежегодно Минобрнауки РФ направляет в Министерство образования и науки Калужской области 2 письма-запроса о соответствии города Обнинска статусу наукограда РФ. Данный запрос Министерство образования и науки Калужской области направляет в Администрацию города Обнинска. Для формирования данных отчетов сотрудники Управления экономики и инновационного развития Администрации города подготавливают и направляют письма по электронной почте с запросом необходимых показателей и информации у предприятий НПК и организаций г. Обнинска.

Процесс подготовки отчетов отнимает большое количество времени у сотрудников Администрации города (рис. 2).

Из рис. 2 видно, что каждый этап работы, направленный на подготовку отчетов о соответствии города Обнинска статусу наукограда РФ, требует значительных временных затрат. В связи с этим считаем, что целесообразно оптимизировать процесс коммуникации Администрации города Обнинска как внутри муниципалитета, так и с организациями НПК.

Согласно Федеральному закону от 07.04.1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» из федерального бюджета в местный бюджет наукограда РФ предоставляются межбюджетные трансферты для реализации муниципалитетом определенных пунктов плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития города (далее – план мероприятий).

¹ Составлено авторами.

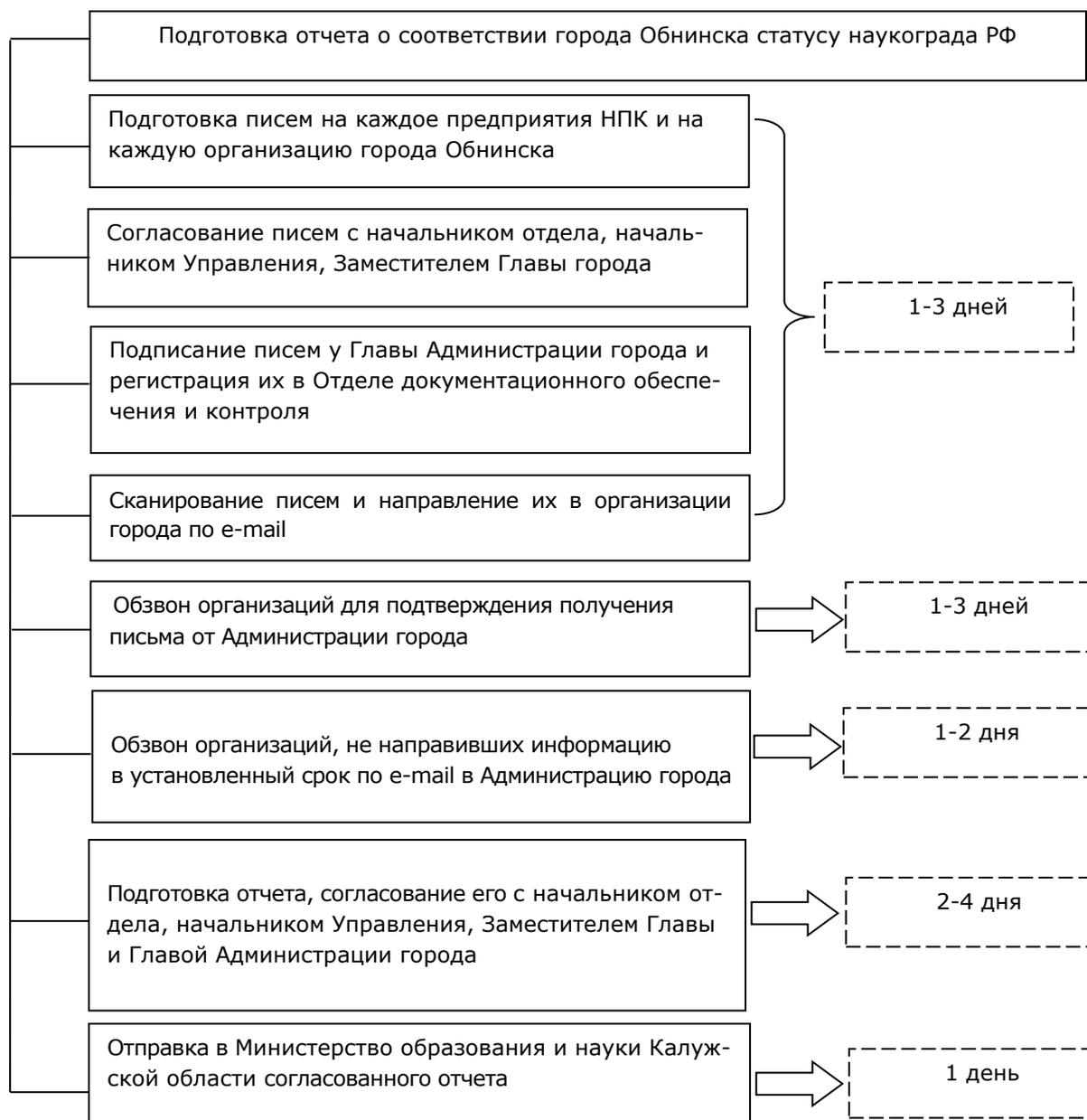

Рис. 2. Процесс подготовки отчетов о соответствии города Обнинска статусу наукограда РФ¹
 Fig. 2. The process of preparing reports on the compliance of the city of Obninsk with the status of a science city of the Russian Federation

Финансирование наукоградов Российской Федерации осуществляется в рамках реализации федерального проекта «Поддержка наукоградов» – структурного элемента государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» [7]. Оно во многом зависит от численности проживающих там людей. Численность населения и объем финансирования в наукоградах РФ на 01.01.2023 г. (табл. 1).

Субсидирование обязывает каждый наукоград Российской Федерации в течение всего года поддерживать взаимодействие с Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Министерством образования и науки региона, а также подрядчиками, которые непосредственно реализуют мероприятия, включенные в план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования.

¹ Составлено авторами.

Таблица 1 – Численность населения и объем финансирования в наукоградах РФ на 01.01.2023 г.¹

Table 1 – The population and the amount of funding in science cities of the Russian Federation as of 01.01.2023

Наукоград РФ	Численность населения, чел.	Доля, %	Сумма финансирования, тыс. руб.
Бийск	181 678	16,80	75 265,6
Дубна	74 193	6,86	47 473,5
Жуковский	110 507	10,22	17 606,1
Кольцово	20 873	1,93	4 030,1
Королёв	226 936	20,99	37 045,7
Мичуринск	89 262	8,26	23 708,5
Обнинск	129 584	11,99	24 263,9
Реутов	113 140	10,46	56 913,0
Фрязино	59 606	5,51	9 626,8
Черноголовка	19 027	1,76	3 660,3
Протвино	36 985	3,42	5 649,2
Пущино	19 392	1,79	3 358,4
Итого:	1 081 183	100,00	308 601,1

Таким образом, для ускоренной коммуникации муниципальных образований, имеющих статус наукограда РФ, необходимо разработать электронный портал «Наукограды РФ». Информационный портал «Наукограды РФ» станет единой информационной системой для управления наукогородами Российской Федерации. Он обеспечит прозрачность и открытость данных о деятельности муниципалитетов, а также оперативность взаимодействия между Минобрнауки РФ, Министерствами образования и науки региона, предприятиями НПК и прочими организациями наукоградов.

Что даст внедрение системы «Наукограды РФ»:

- 1) информационную мобильность;
- 2) возможность удаленного взаимодействия;
- 3) полноту и открытость данных для заинтересованных пользователей;
- 4) возможность вести электронный документооборот на единой площадке [8].

На новой платформе должна быть предусмотрена возможность по созданию условий для информационной безопасности. Необходимо, чтобы они действовали на каждом этапе обработки информации. Поэтому при разработке портала «Наукограды РФ» необходимо учесть положительный опыт работы системы ГИИС «Электронный бюджет».

В системе безопасности «Наукограды РФ» нужно учесть следующие важные элементы:

1. Средства защиты от вредоносного кода.
2. Средства межсетевого экранирования.
3. Средства обнаружения вторжений.²

Для обеспечения безопасности в новой системе важно предусмотреть обязательное проведение организационно-технических и административных мероприятий, направленных на проверку функционирования технических средств обработки и передачи информации, а также установить правила для сотрудников, имеющих ограниченный доступ к некоторым документам [8].

В связи с тем, что данные некоторых предприятий НПК имеют секретный характер, доступ к отчетам в данной системе будут иметь только определенные сотрудники администраций муниципальных образований наукоградов РФ и соответствующих министерств региона и Российской Федерации.

¹ Сайт Федеральной службы государственной статистики / Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс] // режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science/>

²Требования по обеспечению информационной безопасности автоматизированного рабочего места пользователя [Электронный ресурс] // режим доступа: <http://www.roskazna.ru/podklyuchenie-k-sisteme/doc/Требования%20по%20обеспечению%20ИБ%20АРМ%20пользователя.pdf>

На портале «Наукограды РФ» при формировании и обмене документами будет в обязательном порядке использоваться усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП), которая будет создаваться и выдаваться специальными центрами, имеющие аккредитацию на соответствие требованиям предусмотренными законодательством РФ¹.

Регистрировать участников на данной платформе будут специальные операторы системы «Наукограды РФ», в соответствии с правилами, которые установит Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Идентификация, аутентификация и авторизация операторов и субъектов системы «Наукограды РФ» будет возможна за счет применения федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации» (ЕСИА), а также сертификата ключа проверки УКЭП или иного сертификата ключа проверки электронной подписи².

Следовательно, чтобы сотрудник администрации города, региона или министерства начал работу в системе «Наукограды РФ» необходимо:

1. Наличие сертификата электронной подписи.
2. Наличие средств криптографической защиты информации.
3. Настройка рабочего места.
4. Комплект документов на подключение к платформе «Наукограды РФ».

Авторизация на портале «Наукограды РФ» будет возможна двумя способами: на самом портале и при переходе со страницы «Госуслуги». В обоих случаях для авторизации на портале необходимо иметь подтвержденную учетную запись на портале Госуслуг.

На платформе «Наукограды РФ» будет обязательно размещена справочная информация о всех муниципальных образованиях, имеющих статус наукограда РФ, в том числе о деятельности и достижениях входящих в них предприятий НПК. Данная информация поможет привлечь новых инвесторов в муниципалитеты.

Важно, чтобы информация на платформе была всегда актуальной, структурированной, оформленной в современном и интересном формате. Курирующим органом, ответственным за размещение информации на платформе, необходимо назначить Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Сотрудники муниципальных образований, имеющие доступ к сайту «Наукограды РФ», смогут в системе сделать запрос на обновление информации о наукограде РФ. Для этого им необходимо будет на сайте выбирать нужный наукоград РФ, например «наукоград Обнинск», следующим действием нажать на кнопку «обновить информацию о наукограде РФ», затем выбирать, в каком разделе необходимо исправить или дополнить информацию «о наукограде» или «НПК», приложить текст и/или картинки и нажать на кнопку «отправить». В течение нескольких дней информация будет рассмотрена министерством, при необходимости скорректирована по содержанию и размещена на платформе «Наукограды РФ».

На сегодняшний день данные о деятельности предприятий НПК наукоградов РФ собираются вручную, с помощью отправки сотрудниками муниципальных образований писем-запросов в каждую организацию. В связи с этим, на наш взгляд, будет целесообразно организовывать сбор всех необходимых данных через платформу «Наукограды РФ». Доступ для работы с данными будут иметь только определенные сотрудники министерств РФ и регионов, администраций наукоградов РФ, а также руководители или уполномоченные сотрудники предприятий НПК.

Сообщения о запросах или ответах на них будут отображаться в личном кабинете «Наукограды РФ» во вкладке «сообщения». Также будет предусмотрена обязательная функция отправки уведомлений на электронную почту и/или СМС на телефон, чтобы муниципальные органы власти и предприятия НПК вовремя узнавали обо всех запросах, дедайнах и полученных ответах на данные запросы.

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об электронной подписи» // режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/?ysclid=m2boqylgbu168787393

² Постановление Правительства РФ от 30 июня 2015 г. № 658 «О государственной интегрированной информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» // режим доступа: <https://base.garant.ru/71123400/>

Система сбора данных и подготовки отчетов для Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по всем организациям НПК наукоградов РФ будет проходить следующим образом.

Запрос от Минобрнауки РФ будет поступать в Министерство образования и науки региона, а затем перенаправляться в администрацию муниципального образования наукограда РФ. На основании запроса администрация муниципалитета будет делать автоматическую рассылку по всем организациям НПК горда для сбора необходимых данных. Все ответы, полученные от предприятий, должны обязательно размещаться в системе «Наукограды РФ». Сотрудники, ответственные за подготовку отчетов, обрабатывают полученные ответы от организаций, подготавливают и размещают сводные отчеты на портале, которые Глава администрации муниципального образования подписывает электронной цифровой подписью (ЭЦП).

Сегодня наукограды РФ получают финансирование по двум направлениям:

1) Развитие НПК и инфраструктуры города. Размер субсидии определяется пропорционально численности населения, постоянно проживающего в наукограде, с учётом уровня расчётной бюджетной обеспеченности субъекта Российской Федерации.

2) Реализация инновационных проектов. Размер субсидии на реализацию инновационных проектов определяется на конкурсной основе [9].

Нужно отметить, что вся документация на предоставление субсидий наукоградам РФ и проведение отборов должна быть также размещена на платформе «Наукограды РФ». Администрация каждого муниципалитета будет в обязательном порядке прикреплять в системе сканы всех документов, подтверждающих затраты по исполнению муниципальных контрактов: договора с подрядчиками, счета, товарные накладные, акты сдачи-приемки товаров и пр. Доступ к данной информации будет только у соответствующих сотрудников министерств РФ и региона, администраций наукоградов РФ.

Заключение

Таким образом, внедрение нового информационного портала «Наукограды РФ» позволит повысить качество оказываемых услуг, результативность, эффективность и обеспечит прозрачность работы сотрудников как на местном уровне, так и на уровне государства в целом.

Интерфейс портала «Наукограды РФ» будет удобным и лаконичным, а также не перегружен огромным количеством вкладок с информацией. Любой пользователь с базовыми знаниями персонального компьютера, сможет легко разобраться, где находится та или иная информация. Следует также заметить, что портал будет максимально безопасным, все данные будут защищены специальным ключом электронной подписи.

Размещенная справочная информация о муниципальных образованиях, имеющий статус наукограда РФ, в том числе о деятельности и достижениях входящих в них предприятиях НПК позволит не только привлечь новых налогоплательщиков в наукограды РФ, но и обеспечит привлечение частных инвестиций для создания и модернизации существующей научно-производственной, социальной и жилой инфраструктуры в муниципалитетах.

Список источников

1. Цифровая экономика: 2023: Краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 120 с.
2. Вайсман Е. Д., Подшивалова М. В. Цифровизация vs занятость: опыт банковского сектора // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. № 4. С. 26–34.
3. Горбунова О. Н. Место образования в обществе, экономика которого основана на знаниях // Социально-экономические явления и процессы. 2008. № 2. С. 15–23.
4. Глазунова И.В., Кожевников О.А. Наукоград как муниципальное образование: проблемы правового регулирования // Правоприменение. 2022. № 4. С. 179–196.
5. Монахов И. А. Научно-производственный комплекс наукограда: понятие и роль в инновационном процессе / И.А. Монахов, Н.Е. Барсукова // ИнноЦентр. 2015. № 1(6). С. 54–62.
6. Веселовский М.Я., Сидоров М.А. Цифровизация местного самоуправления и оценка эффективности внедрения информационных технологий в деятельность муниципальных организаций // Вестник НГИЭИ. 2020. №12 (115). С. 109–117.
7. Березин Ю.В. Особенности организации местного самоуправления в наукоградах // Инновационная наука. 2019. № 10. С. 72–76.

8. Григорьева И.В. Система «Электронный бюджет» и бюджетная безопасность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. №2 (48). С. 32–36.
9. Бабина К.И., Староверова Д.Д., Тарбаева А.В. О финансово-правовом статусе наукоградов и особенностях его реализации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12-1. С. 54–56.

References

1. *Digital economy: 2023: A short statistical collection* / G.I. Abdrakhmanova, S.A. Vasilkovsky, K.O. Vishnevsky, et al. Moscow: HSE; 2023. 120 p. (In Russ.).
2. Vaisman E.D., Podshivalova M.V. Digitalization vs employment: experience of the banking sector. *Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management*. 2018;(4):26–34. (In Russ.).
3. Gorbunova O.N. The place of education in a society whose economy is based on knowledge. *Socio-economic phenomena and processes*. 2008;(2):15–23. (In Russ.).
4. Glazunova I.V., Kozhevnikov O.A. Science city as a municipal education: problems of legal regulation. *Law enforcement*. 2022;(4):179–196. (In Russ.).
5. Monakhov I. A., Barsukova N.E. Scientific and production complex of the science city: the concept and role in the innovation process. *Innocenter*. 2015;1(6):54–62. (In Russ.).
6. Veselovsky M.Ya., Sidorov M.A. Digitalization of local self-government and evaluation of the effectiveness of the introduction of information technologies into the activities of municipal organizations. *Bulletin of the NGIEI*. 2020;12(115):109–117. (In Russ.).
7. Berezin Yu.V. Features of the organization of local self-government in science towns. *Innovative science*. 2019;(10):72–76. (In Russ.).
8. Grigorieva I.V. The «Electronic budget» system and budget security. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;2(48):32–36. (In Russ.).
9. Babina K.I., Staroverova D.D., Tarbayeva A.V. On the financial and legal status of science cities and the specifics of its implementation. *Economics and Business: theory and practice*. 2021;12-1:54–56. (In Russ.).

Информация об авторах

А. П. Жукова – аспирант отделения социально-экономических наук ИАТЭ НИЯУ МИФИ.
 А. С. Семёнова – студент отделения социально-экономических наук ИАТЭ НИЯУ МИФИ.
 Л. А. Сазонова – студент отделения социально-экономических наук ИАТЭ НИЯУ МИФИ.

Information about the authors

A. P. Zhukova – Post-graduate student of the Department of Socio-Economic Sciences of Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering.
 A. S. Semenova – Student of the Department of Socio-Economic Sciences of the IATE of Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering.
 L. A. Sazonova – Student of the Department of Socio-Economic Sciences of Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Научная статья

УДК 353.2

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-300-308>

EDN OEXRXO

Основы административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго

Матюрин Лойк Морган Итуа

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
loickmorgan99@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6268-5971>

Аннотация. Статья посвящена анализу основ административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго. Ключевым элементом исследования является рассмотрение административных единиц, включающих департаменты и коммуны. Анализ показал, что действующая структура управления, несмотря на наличие децентрализованных элементов, сталкивается с рядом проблем. В результате, качество предоставляемых услуг и доступ к ним варьируются в зависимости от региона, что подчеркивает существующую социальную неравномерность. Кроме того, в статье рассматриваются полномочия и ответственность должностных лиц на местах, их роль в обеспечении устойчивого управления и взаимодействии с населением. Хорошо функционирующие органы власти способны улучшать качество управления и повышать уровень участия граждан в процессах принятия решений. Исследование также акцентирует внимание на процессах децентрализации, что является значительным трендом в административном управлении страны в последние годы. Однако неустойчивое финансирование, недостаток кадров и противоречия между центральными и местными интересами ставят под угрозу успешную реализацию данных процессов. В заключение статья предлагает рекомендации по улучшению административно-территориального устройства, включая расширение полномочий местных органов власти, улучшение координации и поддержку актов децентрализации. Эти меры могут способствовать повышению эффективности государственного управления и улучшению условий жизни населения в Республике Конго.

Ключевые слова: административно-территориальная единица, полномочие, закон, администрация, государство, управление, руководство

Для цитирования: Итуа М. Л. М. Основы административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 300–308. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-300-308>. EDN OEXRXO

Young scientists

Original article

Foundations of the administrative and territorial structure of public administration in the Republic of the Congo

Mathurin Loic Morgan Itoua

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
loickmorgan99@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6268-5971>

Abstract. The article is devoted to analyzing the basis of the administrative-territorial structure of public administration in the Republic of Congo, examining its structure, functions, and governance. A key element of the study is the examination of the administrative units, which include departments and communes. The analysis showed that the current governance structure, despite the presence of decentralized elements, faces several challenges. As a result, the quality of and access to services varies from

region to region, emphasizing the existing social unevenness. In addition, the article examines the powers and responsibilities of local officials, their role in ensuring sustainable governance and interaction with the population. Well-functioning authorities can improve the quality of governance and increase the level of citizen participation in decision-making processes. The study also focuses on decentralization processes, which is a significant trend in the country's administration in recent years. However, unsustainable funding, staff shortages and contradictions between central and local interests jeopardize the successful implementation of these processes. The article concludes with recommendations for improving the administrative-territorial structure, including empowering local governments, improving coordination, and supporting acts of decentralization. These measures can contribute to improving the efficiency of public administration and the living conditions of the population in the Republic of Congo.

Keywords: administrative-territorial unit, authority, law, administration, state, management, leadership

For citation: Itoua M. L. M. Foundations of the administrative and territorial structure of public administration in the Republic of the Congo. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):300-308. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-300-308>. EDN OEXRXO

Введение

Административно-территориальное устройство играет ключевую роль в функционировании государственного управления, обеспечивая эффективное распределение ресурсов и услуг на местах. Республика Конго, обладая особенностями социальной, экономической и политической структуры, представляет интерес для изучения механизмов административного управления. С момента обретения независимости в 1960 году страна столкнулась с многочисленными вызовами, касающимися территориального деления и организации местной власти.

Необходимость анализа основ административно-территориального устройства Республики Конго проявляется в контексте её многообразной этнической и культурной среды, а также в свете текущих процессов децентрализации, которые стремятся повысить уровень участия населения в управлении. Изучение административно-территориального устройства страны поможет выявить проблемы и недостатки существующей системы, а также предложить пути к её совершенствованию. В данной статье будут рассмотрены основные аспекты административно-территориального устройства Республики Конго, а также должностные лица административно-территориальных единиц и их функции.

Методы

Для изучения основ административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго использовались следующие методы:

Анализ документов: Исследование нормативных актов, законов, указов и других официальных документов, регламентирующих административно-территориальное устройство и местное самоуправление в Республике Конго. Этот метод позволяет глубже понять существующую правовую базу и выявить ее недостатки.

Качественные интервью: Проведение полуструктурированных интервью с экспертами в области государственного управления, представителями местных властей и представителями гражданского общества. Это помогает получить представление об особенностях применения законодательства на практике и выявить проблемы, с которыми сталкиваются местные органы власти.

Сравнительный анализ: Сравнение административно-территориального устройства Республики Конго с аналогичными системами других стран, как в регионе Центральной Африки, так и в других частях мира. Этот метод позволяет выделить уникальные черты и общие тенденции, а также лучше понять контекст и возможные пути реформ.

Картографический анализ: Использование географических информационных систем (ГИС) для визуализации административного деления и анализа пространственного распределения ресурсов, населения и услуг. Это позволяет оценить доступность и качество предоставляемых услуг на различных территориях.

Статистический анализ: Анализ количественных данных, таких как статистика по демографическим показателям, социально-экономическим условиям и уровню развития различных регионов. Этот метод позволяет выявить закономерности и тенденции, влияющие на административное устройство.

Кейс-стадии: Изучение конкретных примеров успешной практики или проблем в рамках административно-территориального устройства, что поможет выявить лучшие практики и направления для возможных реформ.

Эти методы исследования в комплексе обеспечивают всесторонний анализ административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго, что позволяет более точно оценить его эффективность и выявить возможности для улучшения системы управления.

Административно-территориальные единицы

В Республике Конго установлено 8 типов административно-территориальных единиц: департамент, коммуна, внутригородской район, дистрикт, поселок городского типа, сельское поселение, микрорайон и деревня [1]. Можно отметить, что это разные по значению единицы территориального устройства, одни функционируют в рамках других, или объединяют другие. До настоящего времени сельские поселения так и не были созданы, несмотря на существование деревни [10].

Вопросы устройства административно-территориальных единиц в Конго были определены в Законе №3-2003 от 17 Января 2003 «Об административном территориальном строе» [1], который утверждает основы административно-территориального строя, в Законе от 06.02.2003 г. №11-2003 «Об особом статусе городов Браззавиль и Пуэнт-Нуар» [2], в Законе от 16.03.2017 г. №13-2017 «О преобразовании поселков городского типа в коммуны» [3], в Законе от 16 марта 2017 г. №14-2017 «О преобразовании поселка городского типа Кинтеле коммуны» [4], в Законе №25-2024 от 08.10.2024 «Об образовании департамента Джуэ-Лэфини» [5], в Законе №26-2024 от 08.10.2024 «Об образовании департамента Нкэни-Алима» [6], и в Законе №25-2024 от 08.10.2024 «Об образовании департамента Конго-Убанги» [7].

Вопрос об основных функциях руководителей и взаимодействия между ними зафиксирован в Указе Президента Республики Конго от 06.02.2003 г. №20-2003 «О деятельности административно-территориальных единиц» [8] и Распоряжении Министерства Внутренних Дел, Децентрализации и Местного Развития от 15.10.2018 г. №9565 «О полномочиях и организации генеральных секретариатов департаментов и округов» [9].

Полномочия назначений на должности

В Республике Конго полномочия назначения должностных лиц административно-территориальных единиц определяются законодательством и внутренними регламентами [1; 2; 5]:

- Назначение префекта и генерального секретаря департамента, супрефекта дистрикта, администратора-мэра внутригородского района и поселка городского типа осуществляется путем указа президента;

- Администратор-уполномоченный сельского поселения, генеральный секретарь района, поселка городского типа и внутригородского района назначают путем указа министра Внутренних Дел, Децентрализации и Местного Развития;

- Префект назначает Административного секретаря сельского поселения и старосту микрорайона и деревни;

- Мэр избирается местным советом на условиях, установленных законом, и назначает генерального секретаря коммуны.

Все эти должностные лица являются государственными служащими, обязаны отчитываться о своей деятельности перед вышестоящими органами и представлять отчеты о выполнении своих функций, что обеспечивает уровень контроля со стороны государства. Их назначают на неопределенный срок. При этом система управления и руководства является комплексной (рис. 4).

Рис. 1. Карта¹ департаментов Республики Конго (до конца 3 триместра 2024)

Рис. 2. Карта² департаментов Республики Конго (после 3 триместра 2024)

¹Составлен автором.

²Неофициальная карта: она была нарисована неизвестным в социальных сетях на базе официальной карты департамента и полученной информации от образований новых департаментов.

Таблица 1 – Сравнительная таблица административно-территориальных единиц¹

Table 1 – Comparative table of administrative-territorial units

	Департамент (<i>Département</i>)	Коммуна (<i>Commune</i>)	Дистрикт (<i>Disctric</i>)	Внутригород- ской район (<i>Arrondissement</i>) (Рис.3)	Поселок городского типа (<i>Communauté urbaine</i>)	Микрорайон (<i>Quartier</i>)	Деревня (<i>Village</i>)
Определение	Административная единица, обеспечивающая эстафету действий правительства на части территории страны [1].	Городская агломерация жителей, образующая единое административно-географическое образование с минимальным уровнем экономического, социального и культурного развития [1][8].	Административно-территориальная единица, которая выполняет роль промежуточного звена в деятельности правительства департамента [1].	Административно-территориальная единица, часть коммуны, которая выполняет роль промежуточного звена в деятельности правительства в коммуне [1].	административно-территориальная единица дистрикта, формируемая агломерацией жителей, состоящая из ряда соседних микрорайонов, принадлежащих к одному административному и географическому образованию, с минимальным уровнем экономического, социального и культурного развития [1].	базовая административно-территориальная единица внутригородского района коммуны, поселка городского типа и сельского поселения [1].	
Административный центр	Коммуна	-	коммуна или поселок городского типа	-			
Что входит в его состав?	Дистрикты (мин. 4), Поселок городского типа, микрорайон, сельское поселение, деревня Коммуна, внутригородской район, микрорайон	внутригородской район, микрорайон	Поселок городского типа, микрорайон сельское поселение, деревня	Микрорайон	Микрорайон	-	
Администрация	префектура (<i>Préfecture</i>)	Мэрия (<i>Mairie</i>)	супрефектура (<i>Sous-préfecture</i>)	Мэрия		-	

¹Сельские поселения не входят в состав таблицы, так как они не образованы.

Кто руководит?	Префект (Préfet) – представитель государства в департаменте и работает под руководством Министерства Внутренних Дел, Децентрализации и Местного Развития. Имеет полномочия для решения административных проблем и подписания нормативных актов, связанных со сферой работы министров на уровне департамента [1][8].	Мэр (<i>Maire</i>) – представитель государства в муниципалитете под непосредственным руководством префекта; обеспечивает соблюдение законов и нормативных актов, отвечает за реализацию политики и решений правительства в коммуне; отвечает за реализацию общих мер безопасности и обладает общими полицейскими полномочиями; и т.д. [1][8]	Супрефект (Sous-préfet) – представитель государства в дистрикт под непосредственным руководством префекта; обеспечивает соблюдение законов и нормативных актов, отвечает за реализацию политики и решений правительства в дистрикте; отвечает за реализацию общих мер безопасности и обладает общими полицейскими полномочиями; и т.д. [1][8]	Администратор-мэр (Administrateur-maire) – представитель государства; обеспечивает соблюдение законов и нормативных актов, отвечает за реализацию политики и решений правительства в коммуне; отвечает за реализацию общих мер безопасности и обладает общими полицейскими полномочиями; и т.д. [1][8] Генеральный секретарь подчиняет администратора-мэра, координирует и обеспечивает работу местных служб; выступает в качестве административного и юридического советника администратора-мэра. [1][8]		Староста (<i>Chef de quartier/village</i>) имеет основные задачи распространение и применение актов и распоряжений вышестоящих лиц, проведение переписи населения; обеспечение порядка, мира и здоровья населения; содействие работе по содержанию дорог и урегулирование мелких споров во внесудебном порядке. Эта должность не является бюджетной [1][8].	
	Генеральный секретарь (Secrétaire général) подчиняет его вышестоящего лица, выступает в качестве административного и юридического советника, заменяет его в случае отсутствия или невозможности выполнения обязанностей. Он обладает иерархической властью над главами местных ведомств и служб, а также над государственными и местными служащими [1][8][9].						
Сколько ?	15 департаментов: Куилу, Ньяри, Буэнза, Лэкуму, Пул, Плато, Кювет, Западный Кювет, Санга, Ликуала, Джуэ-Лэфини, Нкэни-Алима и Конго-Убанги, города с особым статусом Браззавиль и Пуэнт-Нуар [2][5][6][7]	16 коммун: Уэссо, Долиси, Нкайи, Моссенджо, Имфондо, Покола, Ево, Овандо, Ойо, Джамбала, Кинтеле, Кинкала, Мадингу, Сибити, Браззавиль и Пуэнт-Нуар [2][3][4]	Более 90: Абала, Олломбо, Ойо, Кинкала, Лоанго, Лиранга...	Более 30: Пото-Пото, Мвумву, Баконго, Талангай, Джири, Мунгали, Уэнзе...	Более 60: Абала, Лоанго, Лиранга, Олломбо...	Более 200	Более 250

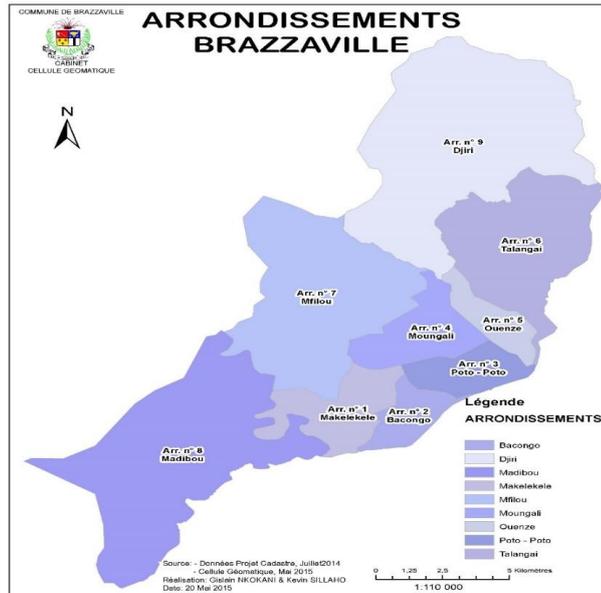

Рис. 3. Карта внутригородского района г. Браззавиль¹

Fig. 3. Map of the inner-city district of Brazzaville

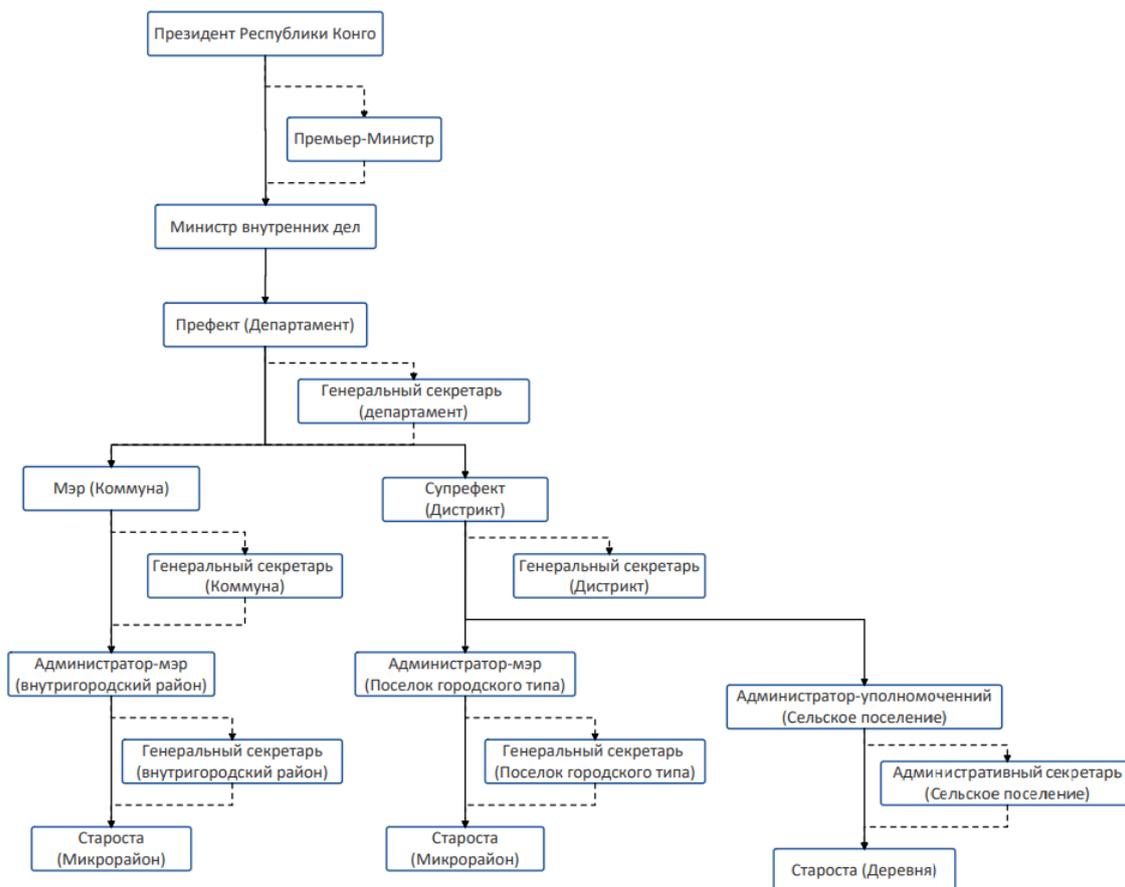

Рис. 4. Схема руководства административно-территориальных единиц²

Fig. 4. The scheme of management of administrative-territorial units

¹ <https://brazzaville.cg/fr/les-arrondissements>

² Составлен автором.

Проблемы и недостатки территориально-административного устройства

Осуществление децентрализации и местного развития сталкивается с трудностями нескольких видов, а именно: отсутствие руководящих органов по децентрализации и местному развитию; незавершенность законодательной базы по децентрализации и местному развитию; отсутствие понимания принципов децентрализации всеми государственными и негосударственными субъектами; трудности с передачей ресурсов; и отсутствие компетентных кадров для реализации государственной политики в департаментах, а также для поддержки местных властей в реализации политики децентрализации и местного развития.

Система гражданского состояния Конго, которая регулируется законом № 073/84 от 17 октября 1984 года «О семейном кодексе» и основывается на законе № 3–2003 от 17 января 2003 года [1] «О Об административном территориальном строе», показала свою ограниченность. Хотя пересмотр законодательной базы был запланирован, он еще не завершен. Кроме того, рекомендованная цифровизация актов гражданского состояния была осуществлена только в двух крупных городах (Браззавиль и Пуэнт-Нуар).

С точки зрения органического потенциала выделяется слабость судебной карты, которая не соответствует административно-территориальному устройству Конго. Так, в судебной карте всего 5 апелляционных судов (Браззавиль, Пуэнт-Нуар, Долиси, Овандо и Уэссо), а не 15, чтобы охватить все департаменты, как того требует закон. Аналогичным образом, существует только 23 мирового суда (вместо 90, чтобы охватить все дистрикты страны).

Заключение

В заключение исследования основ административно-территориального устройства государственного управления в Республике Конго можно выделить несколько ключевых выводов. Анализ структуры административного деления выявил тенденции, указывающие на необходимость реформирования системы управления для повышения её эффективности и устойчивости.

Несмотря на существующие элементы децентрализации, местные органы власти продолжают сталкиваться с ограничениями в своих полномочиях и ресурсах. Это приводит к неравномерному доступу населения к основным услугам и создает преграды для участия граждан в процессах местного управления. Отсутствие достаточной координации между центральными и местными властями также затрудняет адресное решение социальных и экономических проблем.

Важно отметить, что успешное административное управление требует не только структурных реформ, но и значительных усилий по укреплению взаимодействия между государственными органами и гражданами. Участие населения в принятии решений и возможность для локальных сообществ выражать свои интересы играют ключевую роль в повышении качества управления.

Рекомендуется принять меры по расширению полномочий местных органов власти, обеспечению их финансовой независимости и кадровой подготовки. Также необходимо активизировать процессы децентрализации, гарантируя, что они будут основаны на принципах прозрачности и подотчетности.

Таким образом, трансформация административно-территориального устройства в Республике Конго представляет собой важный шаг к более эффективному и справедливому управлению. Реализация предложенных рекомендаций может значительно улучшить состояние управления на местах и способствовать социальному и экономическому развитию страны, повышая качество жизни её населения.

Список источников / References

1. Loi n°3-2003 du 17 janvier 2003 fixant l'organisation administrative territoriale [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ekolo242.cg/politique/lois-et-codes/la-loi-n-3-2003-du-17-janvier-2003-fixant-lorganisation-administrative-territoriale-de-la-republique-du-congo/> (дата обращения: 02.11.2024)
2. Loi n°11-2003 du 6 février 2003 portant statut particulier de la ville de Brazzaville et de la ville de Pointe-Noire [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://economie.gouv.cg/fr/content/loi-n-11-2003-du-6-fevrier-2003-portant-statut-particulier-de-la-ville-de-brazzaville-et-de> (дата обращения: 02.11.2024)

3. Loi n°13-2017 du 16 mars 2017 portant érection de certaines communautés urbaines en communes. Journal Officiel de la République du Congo, n°2017-12, 23 mars 2017, p. 332 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgg.cg/JO/2017/congo-jo-2017-12.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

4. Loi n°14-2017 du 16 mars 2017 portant érection de la localité de Kintélé en commune. Journal Officiel de la République du Congo, n°2017-12, 23 mars 2017, p. 334 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgg.cg/JO/2017/congo-jo-2017-12.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

5. Loi n° 25-2024 du 8 octobre 2024 portant création du département du Djoué-Léfini. Journal Officiel de la République du Congo, n°2024-42, 17 octobre 2024, p. 1304 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgg.cg/JO/2024/congo-jo-2024-42.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

6. Loi n° 26-2024 du 8 octobre 2024 portant création du département de la Nkéni-Alima. Journal Officiel de la République du Congo, n°2024-42, 17 octobre 2024, p. 1305 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgg.cg/JO/2024/congo-jo-2024-42.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

7. Loi n° 27-2024 du 8 octobre 2024 portant création du département du Congo-Oubangui. Journal Officiel de la République du Congo, n°2024-42, 17 octobre 2024, p. 1305 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgg.cg/JO/2024/congo-jo-2024-42.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

8. Décret présidentielle n° 20-2003 du 6 février 2003 portant fonctionnement des circonscriptions administratives territoriales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finances.gouv.cg/fr/décret-n°2003-20-du-6-février-2003-portant-fonctionnement-des-circonscriptions-administratives> (дата обращения : 02.11.2024)

9. Arrêté ministérielle n°9565 du 15 octobre 2018 portant attributions et organisation des secrétariats généraux des départements et des districts. Journal Officiel de la République du Congo, n°2018-44, 01 novembre 2018, p. 1349 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgg.cg/JO/2018/congo-jo-2018-44.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

10. Plan National de développement 2018-2022 : cadre stratégique de développement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economie.gouv.cg/sites/default/files/PND%202018-2022%20-%20Cadre%20stratégique%20de%20développement.pdf> (дата обращения : 02.11.2024)

Информация об авторе

Матюрин Лойк Морган Итуа – магистрант кафедры государственного и муниципального управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

Mathurin Loic Morgan Itoua – master's student in the Department of State and Municipal Management in the Faculty of Humanities and Social Sciences at Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

Научная статья

УДК 338

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-309-316>

EDN QKPUFV

Факторы устойчивого развития зернового рынка РФ и оценка их влияния на конкурентоспособность отечественных зернопроизводителей

Валерия Дмитриевна Черникова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
chernikova_vd@mail.ru

Аннотация. В представленной статье автор обосновывает необходимость учета всего многообразия внешних и внутренних факторов устойчивого развития зернового рынка как важного условия соответствия стандартам высококонкурентного глобального рынка зерна. Целью проведенного исследования стала систематизация и стратификация ESG-факторов в зависимости от конкретных эколого-экономических, социальных и инфраструктурных результатов, получаемых отраслью, а также их соотнесения с теми адаптационными и оптимизационными инструментами, которые способны обеспечить отечественным зернопроизводителям долгосрочную стратегическую конкурентоспособность на мировых рынках, а также повысить финансово-экономические результаты отрасли даже в условиях высокой волатильности спроса и предложения.

Результатом проведенного исследования и определенным приращением теоретико-методологического знания по данной тематике стала модель устойчивого развития зернового рынка РФ, отражающая взаимосвязь факторов влияния на отрасль и адаптационных отраслевых инструментов, применение которых базируется на тех финансовых возможностях зернопроизводителей, которые были определены в статье в рамках описания новой трансформированной экономической модели зернового рынка. Автор обосновывает высокую эффективность и перспективность интеграции в зерновую отрасль как ESG-принципов, так и кластеризации, указывая на то, что кластерный путь развития облегчает процедуры финансирования устойчивых сельскохозяйственных практик и упрощает процессы ведения научных исследований и внедрения наилучших доступных технологий. В то же время со стороны государства необходима реализация определенных протекционистских мер в отношении зерновой отрасли, которые должны поддержать ее развитие в период серьезных геополитических сдвигов и конъюнктурных колебаний финансовых и товарных рынков.

Ключевые слова: зерновая отрасль, факторы конкурентоспособности российского зерна, устойчивое отраслевое развитие, финансовые рынки, экономическая модель

Для цитирования: Черникова В. Д. Факторы устойчивого развития зернового рынка РФ и оценка их влияния на конкурентоспособность отечественных зернопроизводителей // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 309–316. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-309-316>. EDN QKPUFV

Factors of sustainable development of the grain market of the Russian Federation and assessment of their impact on the competitiveness of domestic grain producers

Valeria D. Chernikova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, chernikova_vd@mail.ru

Abstract. In the presented article, the author substantiates the need to take into account the full variety of external and internal factors of sustainable development of the grain market as an important condition for compliance with the standards of a highly competitive global grain market. The purpose of the study was to systematize and stratify ESG factors depending on the specific ecological, economic, social and infrastructural results obtained by the industry, as well as their correlation with those adaptation and optimization tools that can provide domestic grain producers with long-term strategic competitiveness in world markets, as well as increase the financial and economic results of the industry even in conditions of high volatility of supply and demand. The result of the conducted research and a certain increment of theoretical and methodological knowledge on this topic was a model of sustainable development of the grain market of the Russian Federation, reflecting the relationship of factors influencing the industry and adaptation industry tools, the use of which is based on those financial capabilities of grain producers, which were identified in the article as part of the description of the new transformed economic model of the grain market. The author substantiates the high efficiency and prospects of integration into the grain industry of both ESG principles and clustering, pointing out that the cluster development path facilitates the procedures for financing sustainable agricultural practices and simplifies the processes of conducting scientific research and implementing the best available technologies. At the same time, the state needs to implement certain protectionist measures against the grain industry, which should support its development during a period of serious geopolitical shifts and conjunctural fluctuations in financial and commodity markets.

Keywords: grain industry, factors of competitiveness of Russian grain, sustainable industry development, financial markets, economic model

For citation: Chernikova V. D. Factors of sustainable development of the grain market of the Russian Federation and assessment of their impact on the competitiveness of domestic grain producers. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(4):309–316. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-309-316>. EDN QKPUFV

Введение

Для обеспечения устойчивого развития зернового рынка РФ необходим комплексный подход, учитывающий влияние на отрасль как большого спектра социально-экономических и экологических, так и геополитических факторов, обуславливающих целесообразность разработки долгосрочной стратегии устойчивого развития [1, с. 167]. Ряд российских зерновых компаний уже внедрил успешные ESG-инициативы, например, активно использует методы устойчивого земледелия совместно с цифровыми решениями, в рамках которых применение специального режима севооборотов, органических удобрений, технологий минимальной обработки почвы и системы цифровых датчиков обеспечивает повышение плодородности и снижение воздействия на окружающую среду [2, с. 301].

На сегодняшний день устойчивое развитие зерновой отрасли через реализацию ESG-стратегий становится не просто необходимостью, а важным условием для выживания в условиях современного высоковолатильного рынка, подверженного одновременному влиянию как объективных факторов, так и субъективных кратковременных изменений [3, с. 115]. Интеграция экологических, социальных и управленческих аспектов в традиционную бизнес-модель и привычный финансовый механизм функционирования отрасли позволит не только повысить конкурентоспособность, но и внести вклад в решение общенациональных и глобальных проблем.

Материалы и методы

В существующих реалиях ESG-стратегии зернопроизводителей должны включать в себя экономическую модель, описывающую механизмы обеспечения стабильного роста производства и доходов представителей отрасли в условиях высокой волатильности внешнеэкономического пространства.

Среди важнейших компонентов данной модели необходимо отметить:

– алгоритм привлечения долгосрочных инвестиций и механизмы государственной поддержки, облегчающие предприятиям – зернопроизводителям доступ к «длинным» деньгам, и в целом повышение доступности кредитных источников для финансового обеспечения инвестиционной деятельности;

– механизмы ценообразования, в том числе с участием государственного регулирования, позволяющие выстраивать оптимальные ценовые стратегии, учитывающие колебания спроса и предложения на мировых рынках [4, с. 116];

– инструментарий проведения государственных интервенций в отношении закупок зерна, в том случае, когда необходимо сократить переходящие остатки на складах на начало года, а также оказать финансовую помощь зернопроизводителям при падении спроса на зерно или превышении предложения над спросом;

– диверсификацию рынков сбыта и поиск новых направлений экспорта, что становится особо актуальным в условиях санкций [5, с. 25];

– разработку инвестиционной программы преимущественного финансирования НИОКР, направленных на импортозамещение -увеличение производства отечественных семян, развитие селекции, создание новых сортов культур и внедрение наилучших доступных технологий. Этот компонент экономической модели зернового рынка должен иметь преимущественное финансирование из бюджета и опираться на широкую систему налоговых льгот для производителей, активно инвестирующих в научные разработки;

– внедрение финансового механизма, обеспечивающего устойчивое управление производственными ресурсами и использование лучших экологических практик, подразумевающих внедрение экологически эффективных технологий обработки почвы и выращивания зерна;

– интеграцию цифровых технологий в управленческие и производственные процессы зерновой отрасли, способствующие их оптимизации, а также упрощение доступа к рынкам и повышение их прозрачности за счет использования возможности цифровых агроплатформ;

– внедрение специальных стандартов контроля качества зерновой продукции, позволяющих обеспечивать соответствие самым высоким фитосанитарным требованиям разных стран и достигать за счет этого роста экспортных возможностей и повышения конкурентоспособности отечественного зерна на международных рынках.

Таким образом, в существующих условиях привычная экономическая модель зернового рынка будет подвержена трансформации в связи с необходимостью обеспечения её гибкости и адаптивности, расширения элементов отраслевой диверсификации и импортозамещения, а также внедрения новых элементов устойчивого управления ресурсами.

Результаты

На основе адаптированного варианта экономической модели в дальнейшем возможно создание нового драйвера экономического роста отрасли и обеспечения её долгосрочной устойчивости. Кроме того, такая экономическая модель сама по себе выступает необходимым условием эффективного внедрения оптимизационных инструментов в рамках реализации стратегии устойчивого развития российского зернового рынка. На рис. 1 представлена взаимосвязь факторов устойчивого развития зерновой отрасли и адаптационных инструментов, способствующих реализации в зерновой отрасли стратегии устойчивого роста.

Создание экономической модели, обеспечивающей устойчивость зернопроизводителей, во многом базируется на факторах экономической подсистемы, представленных в левой части рисунка, однако поскольку урожайность и качество зерна зависят также и от природных ресурсов (наличия достаточных площадей пахотных земель, доступности пресной воды), их качества (плодородности почв) и экологической ситуации в регионе выращивания (безопасная окружающая среда, способствующая производству экологически чистых продуктов), экологическая компонента применительно к нашему объекту исследования является не менее важной.

Рис. 1. Модель устойчивого развития зернового рынка РФ: факторы влияния и адаптационные отраслевые инструменты
[составлено автором по результатам исследования]

Fig. 1. The model of sustainable development of the grain market of the Russian Federation: factors of influence and adaptation industry tools
[compiled by the author based on the results of the study]

В связи с этим агроэкологи обращают внимание на важность обеспечения экологической устойчивости в зернопроизводстве, которая будет способствовать сохранению, а иногда и приращению аграрных ресурсов, улучшению состояния почвы и воды, а также обеспечит устойчивость методов ведения сельского хозяйства к климатическим изменениям. В свою очередь агротехнологи указывают на необходимость применения передовых технологий, например, точного земледелия, позволяющего не только оптимизировать использование ресурсов и снизить величину производственных затрат, но и увеличивать эффективность всех производственных процессов [6, с. 406].

При этом, рассматривая факторы обеспечения устойчивости зерновой отрасли РФ, нужно принимать во внимание и динамику спроса, формирующегося на внешних рынках и учитывать экспортную составляющую. Для успешной конкуренции с другими странами-экспортерами зерна необходимо применять гибкие стратегии продвижения продукции и позиционирования национального зернового бренда.

Важно отметить и точку зрения специалистов-социологов к исследованию данной проблемы, в рамках которой достижение устойчивости в зерновом секторе во многом базируется на социальных аспектах – улучшении жизни сельского населения и активного вовлечения местных сообществ в процессы принятия решений в отрасли и использования природных ресурсов региона.

Анализ поставок российского зерна основным странам-покупателям (Турции, Египту, Индии, африканским государствам), показывает, что конкурентоспособность на внешних рынках формируется благодаря привлекательным ценам на российское зерно, его достаточно высокому качеству, стабильности поставок и географической близости экспортеров, что снижает для них логистические издержки и время транспортировки [7, с. 73]. Таким образом, с нашей точки зрения, первостепенное значение для усиления конкурентных позиций российского зерна на международных рынках будут иметь отлаженные логистические цепочки, позволяющие хранить и осуществлять перевалку больших объемов зерна, которое может быть реализовано по конкурентоспособным ценам.

Ценовой фактор является вторым по приоритетности, и так как цену на продукцию формирует не только себестоимость, но и транспортные издержки, в этом направлении также необходимо осуществлять работу над их минимизацией. Также установлению привлекательных для потребителей цен на зерно при повышении рентабельности основной деятельности будет способствовать применение функционально-стоимостного анализа, который позволит представить весь производственный процесс в виде цепочки этапов, создающих ценность продукта, формирующих его стоимость и сопровождающихся определенным уровнем затрат, и проанализировать возможность сокращения затрат на каждом этапе. Как показывает изучение практики работы отечественных зерновых компаний, наибольший вес в структуре себестоимости зерна занимают ГСМ, приобретение семенного материала и ремонт основных фондов, поэтому это те направления затрат, по которым должна осуществляться наиболее тщательная работа по их оптимизации [8, с. 177].

Обсуждение

В последние годы наблюдается существенный рост интереса к кластеризации как способу повышения конкурентоспособности, и зерновая отрасль не является исключением, так как за счет кластеризации компании отрасли могут объединяться в рамках создания единых цепочек создания стоимости – от производителей зерна до его переработчиков и зернотрейдеров, что способствует улучшению координации, повышению деловой активности и инновационности всех участников кластера. Кластеризация позволяет участникам зернового рынка объединять усилия и для привлечения частных инвестиций, и для получения бюджетных субсидий.

Кроме того, кластеризация способствует более эффективному использованию ресурсов: объединение производителей позволяет сократить затраты на логистику и повысить доступ к современным технологиям. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2020 г. средняя урожайность зерновых в России составила 27,1 центнера с гектара, а к 2023 г. этот показатель возрос до 32,5 центнера, что многие эксперты связывают с влиянием двух факторов – внедрением новых технологий и реализацией совместных инвестиционных проектов в рамках зерновых кластеров.

Особо следует отметить и то, что кластеры создают благоприятные условия для внедрения инновационных технологий и обмена знаниями между участниками. В 2022 г. в рамках нескольких зерновых кластеров было реализовано более 50 проектов по модернизации оборудования и внедрению цифровых решений, что позволило увеличить производительность каждого из участников на 15-20%. Так, в ГК «Русагро» оценивают эффект от внедрения системы выбора культуры и времени

для посева в росте урожайности полей до 20%. Благодаря запуску системы прогноза внесения удобрений расходы на них снизились на 15%, а рост удельной урожайности на 1 га поля составил до 10%. За счет внедрения системы прогноза болезней растений удалось снизить потери урожая в три раза¹.

Кластеры обеспечивают большую устойчивость к внешним экономическим шокам. Например, в условиях пандемии COVID-19 и санкционного давления в 2020–2021 гг., участники кластеров смогли быстрее адаптироваться к изменяющимся условиям рынка. Поэтому и в текущих условиях кластеризация зерновой отрасли в России представляет собой высокорезультативный инструмент для повышения конкурентоспособности. Учитывая положительные эффекты кластеризации зернового рынка, можно утверждать, что дальнейшее развитие кластеров будет играть ключевую роль в будущем аграрного сектора страны [9, с. 81].

Для успешного развития российской зерновой отрасли и повышения её конкурентоспособности на мировых рынках государству необходимо предпринять ряд действий в различных направлениях:

- активизировать инвестиционный процесс в инфраструктурные мощности: провести модернизацию транспортной инфраструктуры для улучшения логистики и транспортных путей для быстрого и эффективного вывоза зерна на внутренние и внешние рынки, а также развивать складские мощности посредством строительства современных хранилищ для предотвращения потерь и улучшения хранения продукции;

- увеличить объемы поддержки научных исследований и инноваций путем финансирования научных исследований и разработок в области сельского хозяйства, включая селекцию, агрономию и технологии переработки;

- мотивировать участников зерновой отрасли на активное внедрение цифровых технологий и оказывать поддержку проектов по цифровизации аграрного сектора, включая использование больших данных, IoT и автоматизацию процессов;

- актуализировать программы профессионального обучения и повышения квалификации для работников аграрного сектора и разработать программу по привлечению молодежи в сельское хозяйство через гранты, стипендии и программы стажировок;

- расширить перечень программ субсидирования для фермеров и агрокомпаний, особенно для малых и средних предприятий и создавать инвестиционные фонды для поддержки стартапов в зерновом подкомплексе;

- разработать концепцию поддержки объединений фермеров для совместного использования ресурсов, закупок, сбыта и обмена технологиями, выявлять потенциал формирования в регионах зерновых кластеров;

- содействовать внедрению устойчивых методов ведения сельского хозяйства, таких, например, как органическое земледелие, а также поощрять производителей зерна, которые внедряют технологии, способствующие эффективному использованию водных ресурсов и охране почв для обеспечения их долгосрочной продуктивности;

- разработать долгосрочные программы по продвижению российских зерновых на международных рынках, и привести отечественные стандарты производства зерна к международным требованиям для увеличения экспортных сделок и выхода на новые рынки сбыта;

- подготовить программы поддержки экспортеров зерна, включая налоговые льготы и субсидии на транспортировку.

Эти меры будут способствовать укреплению позиций российской зерновой отрасли на мировом рынке, увеличению её конкурентоспособности и обеспечению продовольственной безопасности страны. Также крайне важно отметить, что существенные на сегодняшний день проблемы истощения природных ресурсов, в том числе деградации почв, и увеличивающихся для многих стран рисков снижения продовольственной безопасности, можно решить только с помощью внедрения в отрасль стратегий устойчивого развития, включающих не только эколого-экономическую, но и инфраструктурную и социальную составляющие. Целесообразной представляется реализация ESG-стратегий не только на уровне отдельных зерновых компаний или кластеров, но и в целом для всего зернового

¹ Попова М. Агротехнологии в России: что стимулирует цифровизацию сельского хозяйства//РБК Отрасли. 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/industries/news/65a66ff09a79478212b6b443>. Дата обращения: 09.11.2024

полкомплекса, причем каждый элемент, мероприятие или проект внутри такой стратегии должны быть органично вписаны в долгосрочную стратегию развития зерновой отрасли РФ.

Реализация принципов экономической устойчивости подразумевает стабилизацию финансово-экономического положения компаний отрасли на уровне нормативных значений важнейших финансовых показателей, а также рост доходов фермеров и всех занятых в данной отрасли. Обеспечение принципов экономической устойчивости фактически будет означать и рост экологической устойчивости, так как увеличение объемов прибыли обеспечит возможность приоритетного финансирования инвестиционных проектов, направленных на внедрение НДТ, научные разработки и т.д. Здесь необходимо также обозначить и сугубо экологический эффект, заключающийся в снижении воздействия АПК на окружающую среду за счет внедрения инструментов бережливого производства и сокращения выбросов парниковых газов.

В связи с этим к безусловным факторам устойчивого развития отечественного зернового рынка, которые уже в ближайшей перспективе будут определять конкурентоспособность российских производителей зерна, относится формирование в отрасли технологических и организационно-экономических процессов замкнутого цикла, перерастающих в итоге в полноценную модель замкнутого цикла производства, обеспечивающую оптимизацию затрат и переход отрасли на новый технологический уровень, связанный с реализацией концепции безотходного производства и формированием устойчивых цепочек поставок через обеспечение инфраструктурной устойчивости. Экономическая модель также будет трансформироваться с учетом возможности привлечения новых источников финансирования (краудинвестинг, торговля квотами на выброс CO₂) и внедрением принципов ответственного инвестирования.

Ответственное инвестирование также подразумевает и акцент на обеспечении социальной устойчивости, предполагающей обеспечение для работников отрасли справедливых и достойных условий труда и реализации крупными агропромышленными холдингами программ социальной поддержки и развития регионов присутствия.

Выводы

Мультипликативный эффект, возникающий на стыке вышеуказанных трех типов устойчивости позволит обеспечить конкурентоспособность российских зернопроизводителей в долгосрочной перспективе за счет снижения ими издержек (а значит возможности установления более низких привлекательных цен на ценовом рынке), повышения деловой репутации и приобретения имиджа социально- и экологически ответственных компаний, роста лояльности к национальному зерновому бренду. Кроме этого нужно отметить, что кроме традиционных показателей NPV, IRR, DPP инвесторы все чаще обращают внимание на место компании в ESG-рейтингах и анализируют реальную приверженность компании стандартам устойчивого развития, что даже обусловило возникновение такого явления как гринвошинг. Сокращение экологического следа уже сейчас стало для многих аграрных рынков безусловным трендом, и если компания будет придерживаться практик устойчивого ведения сельского хозяйства, у нее появится возможность не только привлекать более широкий круг инвесторов, но и пользоваться более широким спектром государственных программ поддержки, что обеспечит снижение стоимости привлечения капитала и позволит диверсифицировать источники инвестиционного финансирования.

Список источников

1. Чаткина Е., Казакова Н. А. Анализ риск-факторов и оценка устойчивости развития АПК в условиях санкций // Финансы: теория и практика. 2024. № 28(2). С. 166-177. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-166-177
2. Башкин В.Н. Индустрия 4.0 как стратегия для увеличения эффективности сельского хозяйства // Жизнь Земли. 2024. Т. 46. № 3. С. 298-310. DOI: 10.29003/m4185.0514-7468.2023_46_3/298-310.
3. Шевердин А. В., Фомин О. С. Факторы конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий // Вестник ОрелГАУ. 2024. №3 (108). С. 113-118.
4. Литвиненко Т. В. Выявление факторов, влияющих на конъюнктуру российского рынка зерна // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. № 59(2). 112-129. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-6>.
5. Гришкова А. А. Россия как экспортер зерна в новых условиях: возможности и риски // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 2. С. 21-35.

6. Щербакова А. С. Развитие циркулярной экономики в сельском хозяйстве // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2021. Т. 1. Вып. 4. С. 405—413. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-405.

7. Кундиус В.А., Ковалева И.В., Стрельцова Т. В. Оценка конъюнктуры зернового рынка и перспективы его развития в условиях реализации экспортной политики // Экономика Профессия Бизнес. 2020. № 2. С. 71–76

8. Усенко Л. Н., Черникова В. Д. Анализ влияния зерновой сделки на конкурентоспособность отечественной зерновой продукции // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023. № 12. (Экономика отраслей АПК). С. 174–181. DOI: 10.33938/2312-174

9. Сучкова Н. Р. Кластерный подход к развитию механизма экспорта продукции сельскохозяйственного предприятия // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 79–89. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89

References

1. Chatkina E., Kazakova N. A. Analysis of risk factors and assessment of the sustainability of the development of the agro-industrial complex under sanctions. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28 (2):166–177. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-166-177

2. Bashkin V. N. Industry 4.0 as a strategy for increasing the efficiency of agriculture. *Life of the Earth*. 2024;46(3):298–310. (In Russ.). DOI: 10.29003/m4185.0514-7468.2023_46_3/298-310.

3. Sheverdin A. V., Fomin O. S. Factors of competitiveness of agricultural enterprises. *Bulletin of OrelSAU*. 2024;3(108):113–118. (In Russ.).

4. Litvinenko T. V. Identification of factors influencing the situation on the Russian grain market. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics*. 2024;59(2):112–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-2-6>.

5. Grishkova A. A. Russia as a grain exporter in the new conditions: opportunities and risks. *Russian Foreign Economic Bulletin*. 2024;(2):21–35. (In Russ.).

6. Shcherbakova A. S. Development of a circular economy in agriculture. *Corporate governance and innovative development of the Northern economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktывkar State University*. 2021;1(4):405–413. (In Russ.). DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-405.

7. Kundius V. A., Kovaleva I. V., Streltsova T. V. Assessment of the grain market situation and its development prospects in the context of export policy implementation. *Economy Profession Business*. 2020;(2):71–76. (In Russ.).

8. Usenko L. N., Chernikova V. D. Analysis of the impact of a grain transaction on the competitiveness of domestic grain products. *Economy, labor, management in agriculture*. 2023;(12). (Economics of the agro-industrial complex industries). P. 174–181. (In Russ.). DOI: 10.33938/2312-174.

9. Suchkova N. R. Cluster approach to the development of the mechanism for exporting agricultural products. *Management*. 2023;11(4):79–89. (In Russ.). DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-79-89

Информация об авторе

В. Д. Черникова – аспирант РГЭУ (РИНХ).

Information about the author

V. D. Chernikova – Postgraduate Student, Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024; принята к публикации 30.11.2024.

The article was submitted 10.11.2024; approved after reviewing 29.11.2024; accepted for publication 30.11.2024.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»).

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15). Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Набор статей в текущий номер прекращается 20 числа первого месяца текущего квартала:

№ 1 – прием статей до 20 января;

№ 2 – прием статей до 20 апреля;

№ 3 – прием статей до 20 июля;

№ 4 – прием статей до 20 октября.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 279-41-62; e-mail: pustovalova-nn@ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

* * *

Научные статьи давно уже пишутся с соблюдением многочисленных, довольно сложных и строго определенных требований.

Научный журнал «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» стремится соблюдать нормы и правила публикационной этики, тем самым повышать «видимость» научных статей научному сообществу, в том числе и международному.

Видимость научной статьи в международных наукометрических базах может обеспечить правильно оформленная статья, а именно правильно структурированная статья.

В этом поможет Структура IMRAD – это международный стандарт изложения результатов авторского исследования в научной статье. Как расшифровывается аббревиатура IMRAD? Очень просто: она образована от английских слов «introduction, materials and methods, results and discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение».

Структура IMRAD не исчерпывается только введением, материалами и методами исследования, основными результатами и их обсуждением. Как минимум в начале статьи еще должны быть аннотация и ключевые слова, а в конце – заключение или выводы (как правило, это одно и то же, хотя иногда научные журналы требуют включать оба этих раздела), а также список использованных источников и литературы.

Требования к отдельным элементам структуры статьи IMRAD

Title (Название статьи). Обычно располагается по центру, набирается большими буквами и переводится на английский.

Authors (Авторы). В русскоязычном варианте указываются имя, фамилия и отчество каждого автора (а при транслитерации отчество не указывается), их регалии (ученая степень, ученое звание), страна, город, место работы и должность, e-mail.

Keywords (Ключевые слова). 6 -10 ключевых слов или словосочетаний, переводятся на английский.

Abstract (Аннотация). 100-200 слов, переводится на английский, если публикация на русском языке.

Introduction (Введение). Здесь приводится описание актуальности заявленной темы статьи указывается цель исследования, раскрываются специальные термины и сокращения, которые будут использоваться в дальнейшем, можно здесь привести и какие-то иные вводные данные.

Materials and Methods (Материалы и методы). Материалы и методы исследования должны строго соответствовать тем, которые общепризнаны для данной отрасли науки или конкретно по вашей тематике. Также методики получения научной информации выбираются

в соответствии с теоретическими концепциями, в рамках которых проводил свое исследование автор статьи. В противном случае рецензенты почти наверняка укажут, что методология не соблюдена, а это значит, что воспроизводимость полученных данных и, соответственно, достоверность результатов может быть поставлена под сомнение.

Results (Результаты). Это самый большой по объему раздел и однозначно самый важный, поскольку именно для получения каких-то результатов собственно и проводятся научные исследования, а также пишутся статьи. На этот же пункт обращают и самое пристальное внимание все, кто их читает.

Discussion (Обсуждение). В нем автор интерпретирует полученные им результаты, сравнивает с данными аналогичных исследований по сходной тематике, анализирует возможность их использования в науке, технике или хозяйственной практике. Рецензенты и просто читатели изучают данный пункт обычно тоже весьма внимательно.

Conclusions (Заключение/Выводы). Здесь подводится краткий итог исследованию и/или публикации, всего на один или несколько абзацев.

Acknowledgements (Благодарности). Этот пункт может быть важен для отчета автора своей статьей, скажем, в организацию, которая выделила денежные средства на проведение исследования.

References (Список литературы). Здесь указываются все источники информации, которые использовались автором: научные монографии, статьи, кандидатские или докторские диссертации, отчеты об исследованиях, патенты на изобретения, статистические справочники и сборники, законы или иные нормативно-правовые акты и т.д. Не следует включать в список источников учебники, учебные или учебно-методические пособия, художественную и иную ненаучную литературу, за исключением случаев, когда она сама выступает предметом исследования. В русскоязычных статьях литература нередко переводится на английский либо транслитерируется (а иногда даже и то, и другое одновременно).

Appendices (Приложения). Этот пункт не обязательный. Но если у вас есть какие-то таблицы, графики, иллюстрации, чертежи, схемы, рисунки и т.п., которые не уместились в основной текст (в разделах материалы и методы, результаты или обсуждение), то их можно поместить в приложения.

Supplementary Information (Дополнительная информация). В качестве таковой могут указываться, например: цифровые идентификаторы каждого автора (SPIN-код, ORCID и т.п.); разнообразные идентификаторы самой статьи (УДК, ББК, JEL-коды и т.п.); шифр и наименование научной специальности ВАК; сведения о конфликте интересов, соблюдении этических стандартов и др.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4. 2024

SSOAR

Social Science Open Access Repository

 Dimensions

EBSCO
INFORMATION SERVICES

east view
information services

 Crossref

RePEc

 OCLC
WorldCat®

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

 РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

 IPR BOOKS

 СYBERLENINKA

 ЛАНЬ

Google
Академия

СОЦИОНЕТ

Выход в свет 23.12.2024. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 6662-24

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru